
АКАДЕМИЯ НАУК
СССР
АКАДЕМИК
Е.В. ТАРЛЕ
СОЧИНЕНИЯ
III

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ
В
ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

АКАДЕМИК
Евгений Викторович ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
III

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Е. В. ТАРЛЕ

ОТ РЕДАКТОРА

настоящем томе печатается одна работа Евгения Викторовича Тарле, точнее говоря, бо́льшая часть ее: первый том его обширного исследования — «Континентальная блокада»,— опубликованный впервые в 1913 г. Второй том «Континентальной блокады», имеющий, впрочем, вполне самостоятельное значение, будет помещен в следующем, четвертом, томе настоящего издания.

«Континентальная блокада», как указывал сам автор в предисловии к своему труду, «возникла в прямой связи с разработкой тех вопросов», которым было посвящено его первое капитальное исследование по экономической истории Франции конца XVIII в.— его докторская диссертация «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» [1]. В ближайшие же годы после опубликования первой части этой монографии — в 1910—1912 гг.— Е. В. Тарле вел большую работу по изысканию и изучению архивных и иных документальных материалов, относящихся к экономической истории периода Империи. Из ссылок на источники в комментариях читатель сможет увидеть, какой огромный, до него никем не изученный архивный материал поднял Е. В. Тарле в архивохранилищах Парижа, департаментов Устьев Роны, Нижней Сены, Роны, торговой палаты Лиона, Гамбурга, Гааги, Лондона и других городов.

Первый том «Континентальной блокады» имеет подзаголовок — «Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I». Названный труд действительно был первым глубоким научным исследованием этих

[1] См. т. II наст. издания.

вопросов. Но легко убедиться из текста, что содержание его значительно шире и названия, и подзаголовка книги. Это — оригинальное исследование и экономической истории Франции первого десятилетия XIX в., и в значительной мере также экономической истории Европы того же времени [2].

Некоторые выводы своего исследования Е. В. Тарле сообщил Международному конгрессу историков в Лондоне в 1913 г. в докладе «Экономические последствия континентальной блокады».

Понятно,— и читателю, знакомому с научной биографией Е. В. Тарле, нет надобности разъяснять,— что методология этой работы носит на себе отпечаток идейных позиций автора той поры. За 40 с лишним лет, прошедших со времени опубликования этого труда, развитие исторической науки и в частности изучение промышленного переворота во Франции внесло отдельные поправки и в некоторые фактические данные, приводимые в книге.

Однако при всем этом капитальный труд Е. В. Тарле остается до сих пор крупнейшим исследованием этой сложной, комплексной темы, сохраняющим большую научную ценность.

В настоящем издании «Континентальная блокада» Е. В. Тарле публикуется по тексту прижизненного издания 1913 г. [3].

А. З. Манфред

---

[2] В период работы над указанной книгой Е. В. Тарле опубликовал в повременной печати этюды по истории франко-русских и франко-немецких экономических связей, представлявшие варианты соответствующих глав книги. См. «Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I».— «Журн. мин. нар. просв.», нов. сер., 1912, ч. 42, № 11, стр. 54—93; «Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit».— «Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkwirtschaft im Deutschen Reiche». München — Leipzig, 1914, Jg. 38, H. 2, S. 143—202.

[3] Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. М., 1913. VIII, 740 стр.

Континентальная блокада

I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга возникла в прямой связи с разработкой тех вопросов, которым посвящена была моя докторская диссертация («Рабочий класс во Франции в эпоху революции», 2 тома. СПб., 1909 и 1911 гг.) *. Документы, которые я находил во время работы над диссертацией и которые относились не к революционной, а к наполеоновской эпохе, были значительно пополнены специально предпринятыми мной поисками в 1910, 1911, 1912 гг., когда я занят был уже специально Империей, и подверглись в эти годы с моей стороны посильной разработке. О постановке темы я говорю во введении; здесь укажу только, что предлагаемая работа, посвященная прежде всего положению французской промышленности при Наполеоне в связи с континентальной блокадой, должна, по моим планам, послужить исходным пунктом для новых специальных работ: 1) по истории рабочего класса во Франции в эпоху Консульства и Империи и 2) по истории влияния континентальной блокады на другие страны Европы, которые здесь пока затронуты главным образом лишь постольку, поскольку существовали экономические отношения между ними и наполеоновской Францией. Я не знаю, удастся ли мне осуществить впоследствии все эти намерения или хоть малую часть их,— надеюсь только, что во всяком случае исследователи этих намечаемых мной дальнейших тем не сочтут предлагаемую работу излишней и что она, может быть, облегчит им их труд.

Мне пришлось работать в Национальном архиве, в архивах департаментов Устьев Роны, Нижней Сены, Роны, в архиве Лионской торговой палаты, в лондонском Record Office'е, гаагском

* См. т. II наст. изд.— *Ред.*

Государственном архиве, в Staatsarchiv'е Гамбурга, в рукописном отделе гаагской Королевской библиотеки, в гамбургской Kommerzbibliothek, в Национальной библиотеке в Париже, Британском музее и берлинской Королевской библиотеке. Властям и служащим всех этих учреждений я приношу свою искреннюю благодарность за любезное отношение к моим запросам; в особенности же многим я обязан г. Busquet, архивариусу департамента Устьев Роны, г. Charles Schmidt'у, архивариусу Национального архива, г. Fruin'у, архивариусу голландского Государственного архива в Гааге, Dr. Hagedorn'у, начальнику гамбургского Staatsarchiv'а, Zahn'у, архивариусу того же архива, и г. Wiyk'у, заведующему рукописным отделом гаагской Королевской библиотеки.

Я предпослал своей работе обзор книг и статей, которые имеют (или, чаще, *должны бы* иметь) хоть какое-либо отношение к истории блокады вообще и влияния ее во Франции в частности; я старался сделать этот обзор возможно более полным (хотя и не претендую на исчерпывающую полноту) [1]: мне хотелось на примере этой темы, темы колоссальной исторической важности, ясно показать, как, в сущности, мало пока сделано в экономической историографии Европы вообще, какие насущные вопросы ждут еще новых и новых исследований. А если читатель со мной согласится, то признáет, что в этой области всякое исследование, старающееся по мере сил привлечь новые материалы, вникнуть в несправедливо забытые рукописи, может принести свою долю пользы.

Декабрь, 1912 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Состояние разработки вопроса в исторической литературе. 2. Источники: А. Рукописные. Б. Печатные

1

Несмотря на огромное историческое значение континентальной блокады, общая разработка этого вопроса в высшей степени скудна. И еще более скудна литература по истории французской промышленности при Наполеоне. Чрезвычайно мало дает также для уяснения этих вопросов — о блокаде вообще и о влиянии блокады на французскую промышленность в частности — литература по истории тех стран, которые наиболее тесно были связаны с наполеоновской Францией.

Рассмотрим сначала: 1) как обстоит дело с разработкой общей истории континентальной блокады, затем, 2) что дает историография французской промышленности, наконец, 3) что можно почерпнуть для понимания положения французской промышленности в эпоху блокады из историографии других европейских стран.

И нужно тут же сказать, что изучение этой историографии всецело подтвердило мнение, высказанное Н. И. Кареевым в IV томе его «Истории Западной Европы в новое время», о том, что «внутренняя история Западной Европы, в эту (наполеоновскую) эпоху вообще и в частности история перемен, совершавшихся в отдельных странах под влиянием французской гегемонии, разработаны очень мало». История же экономических отношений разработана еще меньше, чем история других сторон внутренней жизни.

1. Хронологически первой попыткой «истории» континентальной блокады нужно признать небольшую книжечку Lüders'a «Das Continental-System» (Leipzig, 1 Junius 1812. Mit Königl. Sächs. politischer Censur). Книжечка заключает в себе перечень (и частичный перевод) распоряжений как Наполеона,

так и английского кабинета, касающихся блокады. От себя автор прибавляет лишь несколько рассуждений общего характера о морском праве, о том, покрывает ли нейтральный флаг груз, и т. п. Как и подобает произведению, появившемуся в свет с разрешения саксонской цензуры в момент кульминации могущества Наполеона (1 июня 1812 г.), книжка Людерса высказывается в том смысле, что Англия ведет себя своекорыстно в данном вопросе, а Наполеон отстаивает независимость и безопасность нейтральных «флагов», а потому стремления Наполеона совпадают «с либеральными принципами общего интереса всех народов» («die Forderungen der ersten Stimmen mit liberalen Grundsätzen eines gemeinsamen Interesses aller Völker überein»). Эта книжечка, собственно, представляет собой, как поясняет автор, статью, написанную для энциклопедического словаря. Теперь она — очень большая редкость. Ее нет в парижской Национальной библиотеке (я пользовался экземпляром Британского музея: № 6825, a, 4).

В 1850 г. вышла другая история блокады — небольшая книжка W. Kisselbach'a «Die Kontinentalsperre in ihrer ökonomisch-politischen Bedeutung» (Stuttgart und Tübingen). Она состоит из шести глав; в первой речь идет о франко-английских отношениях в XVIII в., при революции, вплоть до Амьенского мира, во второй — об Амьенском мире, в третьей — об английском государственном долге, в четвертой — о континентальной блокаде до Трианонского тарифа, в пятой — о Трианонском тарифе и в шестой — о падении континентальной блокады. Эта книжка основана на том, что касается французской промышленности и торговли, главным образом на Шаптале,— вообще же привлечены некоторые современные блокаде печатные мемуары и статьи. Последние 56 страниц этой книги (стр. 102—158), охватывающие четвертую, пятую и шестую главы и непосредственно относящиеся к истории континентальной блокады, следует признать сжатым, но добросовестным и толковым очерком *внешней* истории блокады, поскольку тогда, в 1850 г., можно было ее написать; конечно, теперь, когда обнародована корреспонденция Наполеона, очерк Киссельбаха даже в качестве чисто внешней истории блокады устарел, и пользоваться им нельзя.

В 1863 г. в Амстердаме вышла книга голландского историка Sautyn Kluit «Geschiedenis en invloed van het Continentaalstelsel op den staatkundigen en maatschappelijken toestand van Europa». Автор дает общий исторический очерк блокады, причем влиянию блокады на Францию отведено 20 страниц (стр. 194—215). Глава эта написана на основании современных блокаде голландских газет, как, впрочем, и почти вся книга. Автор знает, что, по распространенному мнению, газеты, а

особенно тогдашние, задавленные цензурой, как исторический источник имеют весьма спорную ценность (ср. предисловие: Maar hol, hoorick van sommige zijden mij toevoegen,— de dagbladeneene bron van historie, de nieuwspapieren eene bron van zekerheid?). Но тем не менее он почти только газетами (голландскими) и еще некоторыми мемуарами и пользуется. Конечно, особенно жаль, что даже и при анализе вопроса о влиянии блокады на Голландию он пользуется теми же материалами и не привлекает имеющихся в Гаагском архиве, которые, в самом деле, могли бы быть ценными.

Брошюра Rocke «Die Kontinentalsperre und ihre Einwirkungen auf die französische Industrie» (Naumburg, 1894) представляет собой 42 страницы небольшого формата и разгонистого шрифта, очень бегло и конспективно компилирующие кое-какие общие работы по истории торговли, истории протекционизма (Chevalier, M. de Jonnès), по политической истории Франции (Тьер, Buchez et Roux), некоторые статьи из экономических словарей и т. п. Автор, впрочем, и не скрывает этого: он добросовестно перечисляет книги, по которым составлял свою брошюру, и кое-где (изредка) делает на них подстрочные ссылки. Никакого самостоятельного значения эта работа не имеет, две в высшей степени неопределенные ссылки на «Archives nationales» (стр. 11 и 12) ничуть не придают ей научного значения (на стр. 30 он делает совсем непонятную ссылку: A. J. IV; такой серии вовсе не существует, не говоря уже о том, что ссылаться на серию, не указывая картона и не называя документа, не имеет никакого смысла, ибо в серии бывает по нескольку сот картонов, а в картоне — по много десятков, а иногда и по сотне, документов. Впрочем, на упомянутой уже стр. 12 он просто пишет: «archives nationales» и ставит точку, не прибавляя никаких дальнейших указаний).

В 1897 г. вышла книга Alberto Lumbroso «Napoleone I e l'Inghilterra. Saggio sulle origini del blocco continentale» (Roma, 1897). Эта книга написана с большим знанием библиографии, относящейся к английской и французской истории начала XIX столетия, и печатного материала, вышедшего в этот период и отчасти могущего быть использованным для цели, поставленной автором (библиография приложена к книге). Но так как весь этот материал и литература дают очень немного, то и книга Lumbroso оставляет, в сущности, неосвещенными самые важные и неизвестные стороны вопроса. Документами Национального архива автор *не* пользовался вовсе, хотя и напечатал на стр. 464 письмо, полученное им от директора Национального архива Гюстава Сервуа, в котором тот прямо ему указывает на восемь документов из картона AF. IV. 1060 и два документа картона AF. IV. 1061, относящиеся к блокаде. Я дол-

жен признаться, что это письмо повергло меня в удивление. Во-первых, как читатель дальше увидит из предлагаемой его вниманию книги, документы, прямо относящиеся к этому предмету, находятся отнюдь не только в этих двух картонах, а в целой массе других; во-вторых, и в этих двух картонах находятся не восемь и не два, а целые десятки важных бумаг и указаний; в-третьих, во всяком случае, почему Lumbroso *не* ознакомился даже с немногими указанными ему документами, которые, очевидно, a priori считает важными, если печатает полученное им письмо от Сервуа, где эти документы отмечены?

Это — о материалах Lumbroso. Что же касается постановки темы и построения книги, то нельзя не отметить, что говорить о причинах и последствиях континентальной блокады не только для Франции и Англии (как выходило бы, судя по заглавию), но и для скандинавских стран, и для России, и для Бельгии, и для Германии, и для Австрии, и для Испании и Италии, и для Америки — и все это на 361 странице [2]— весьма затруднительно. Получились беглость и схематичность и отчасти повторение давно знакомых вещей. Кроме того, самый план не выдержан. Например, из 17 глав, составляющих книгу, одна глава целиком посвящена взглядам Фихте, другая — тоже *целиком* — разбору статьи Rose, появившейся в журнале «English historical Review» за 1893 г. (и так и называется: «Giudizi di J. H. Rose intorno agli effetti del blocco»); третья глава — и тоже вся от начала до конца — посвящена изложению книжки Rocke; особая большая глава (стр. 321—361) посвящена суждениям некоторых историков и экономистов о блокаде. Не мудрено, что не осталось вовсе места для самостоятельного этюда о французской промышленности при блокаде; кроме указанной главы, излагающей Rocke, *ничего* об этом предмете нет. Есть еще одна глава о французских финансах (стр. 196—227) и о контрабанде и таможнях (стр. 235—255), но эти главы изложены так бегло и коротко, что не дают даже сколько-нибудь полной сводки того, что читатель уже до книги Lumbroso мог знать по отчасти цитируемым, отчасти не цитируемым этим автором книгам.

«Библиография» («Bibliografia del blocco continentale»), составленная Lumbroso, по-видимому, должна касаться блокады и ее последствий во всех странах Европы в связи вообще с историей этих стран (далеко не только экономической и не только политической). Очень много там совершенно не относится к делу; даже так, что 0,99 всей «библиографии» может быть выброшено оттуда, и не только может, но и должно, ибо не имеет к блокаде отношения [3]. Даже часто нельзя понять, чем руководствовался автор, так составляя свою «библиографию» и наполняя ее названиями книг, либо вовсе не относящих-

ся к эпохе Наполеона, либо имеющих к ней отношение, но трактующих о военных событиях, о характере и биографии действующих лиц, о религиозных вопросах, о поэзии и т. д. и т. д. Совершенно незачем было, конечно, приводить (вполне бессистемно и случайно) и литературу по финансам, по экономической истории тех или иных стран Европы, учебники и исследования по истории торговли и пр., т. е. книги, в которых, конечно, упоминается о блокаде, но которые нисколько не задаются целью исследовать эту тему. Очень много приведено также общих политических историй Наполеона, даже историй французской революции. Словом, 3—4 названия книг, действительно относящихся в точном смысле слова к блокаде, тонут в массе не относящихся к вопросу библиографических указаний.

К слову скажу, что этим грешит и другая новейшая библиография эпохи, приложенная к IX тому («Napoleon»), известной коллекции «The Cambridge modern history» (Cambridge, 1906). Например, там мы находим указание на книгу Zimmern'а «The Hansa Towns», которая о наполеоновском периоде говорит буквально в нескольких строках (стр. 371), и таких случаев читатель IX тома кембриджской коллекции может найти немало.

Нужно заметить, что в новейшей (и наилучшей) библиографии наполеоновского времени, составленной Kircheisen'ом, среди 3912 номеров, перечисленных в первом томе «Bibliographie des Napoleonischen Zeitalters» (Berlin, 1908. 412 страниц), всего *четыре* книги показаны под рубрикой «Kontinentalsperre» (на стр. 313): это книги Людерса, Киссельбаха, Rocke и Лумброзо. Читатель моей работы увидит, что можно было бы, кроме этих книг, назвать кое-какие другие, но все-таки Кирхейзен был недалек от истины, если иметь в виду в точном смысле слова работы, посвященные континентальной блокаде [4].

Книга Fernand Bertin'а «Le blocus continental. Ses origines. Ses effets. Etude de droit international» (Paris, 1901) представляет собой попытку довольно беглого рассмотрения континентальной блокады с точки зрения принципов международного права. Вопросу о влиянии блокады на Францию посвящено 16 страниц (стр. 128—144), составленных по «Dictionnaire de la politique», по сочинениям Poinsard'а, Millenet и не имеющих никакого самостоятельного значения.

Брошюра Gerhard Drottboom'а «Wirtschafts-geographische Betrachtungen über die Wirkungen der Napoleonischen Kontinentalsperre auf Industrie und Handel» (Bonn, 1906) не дает (да и не может дать на 92 разгонистых страничках текста) то, что обещает ее заглавие, т. е., если ждать, что «Betrachtungen» должны основываться на сколько-нибудь самостоятельно проработанном материале. Автор (если не считать одной ссылки на Буррьенна, одной на Тьера, одной на Киссельбаха, на Rocke

и еще нескольких) не считает даже нужным указывать, откуда он черпает приводимые факты, и вся его брошюра есть беглый общий взгляд на блокаду и ее последствия. Читатель не узнает из брошюры ничего такого, чего бы он не знал уже из общей литературы о Наполеоне или из книги Бейна (о саксонской промышленности) и т. п. Эта кандидатская («докторская») Inaugural-Dissertation ни в каком случае не может претендовать даже на самое скромное самостоятельное значение.

Статья R. Hoeniger'а «Die Kontinentalsperre in ihrer geschichtlichen Bedeutung» (в журнале «Meereskunde,— Sammlung volkstümlicher Vorträge», 1907, Heft 5, стр. 1—48) является популяризацией; и я упоминаю о ней только потому, что она носит особый характер, имеет привкус, который, к слову будь сказано, наблюдается не раз и не два в современной немецкой прессе, там, где речь заходит об англо-французских отношениях при Наполеоне: автор, проникнутый глубоким нерасположением к Англии, признает в беспощадной борьбе Наполеона против Англии отчасти борьбу за общие интересы континента (и в этом отношении сближается с воззрением Людерса, хотя и оговаривается, что лично Наполеон думал прежде всего об интересах своего могущества). Главным образом статья Hoeniger'а занята характеристикой влияния блокады на Германию (в первоначальном виде — более сокращенном — статья и называлась так: «Die Kontinentalsperre und ihre Einwirkungen auf Deutschland») [5].

Наконец весной 1912 г. вышла еще книга «Englands Vorherrschaft. Aus der Zeit der Kontinentalsperre», von Alexander von Peez und Paul Dehn (Leipzig). Эта книга — популярный рассказ о войнах революции и Империи с Англией в связи с историей континентальной системы и с историей Европы при Наполеоне вообще. Авторы не указывают нигде своих источников и не называют в тексте литературы, которой пользовались (если не считать очень редких ссылок на книгу Rose «Napoleonic studies» и некоторые другие). В конце приложен небольшой указатель литературы по истории эпохи, по биографии Наполеона и т. п. Изложение вследствие громадной массы затронутых тем оказалось в высшей степени разбросанным; мы тут находим (на протяжении всего 350 страниц довольно крупного шрифта, из которых состоит вся книга) такие, например, главы: «Французские обстоятельства до 1793 г.», «О старой Германской империи», «О вооруженном нейтралитете 1780 г.», «Первая коалиция 1797 г.», «Убиение Павла», «Войско Наполеона», «Обновление Пруссии» и т. д. и т. д. Простой пересказ всех известных фактов военно-исторической и дипломатической истории Наполеона тоже отнял чрезвычайно много места. Немудрено, что, строго говоря, на историю блокады как во

Франции, так и в остальной Европе (с Англией) оказалось возможным отвести лишь 80 страниц с небольшим (стр. 226—303 и стр. 321—326). В частности, на Францию в эпоху блокады уделено из этих 80 страниц около 30 страниц (стр. 265—289 и дальше passim).

2. Переходим к литературе, относящейся к французской промышленности в эпоху блокады. Хронологически следует начать с книг Шапталя, бывшего министром внутренних дел в эпоху Консульства, и Коста́, заведовавшего при Наполеоне промышленным отделом и статистическим бюро в министерстве внутренних дел. Но работы обоих авторов скорее могут быть отнесены к числу печатных источников, нежели к категории исторических работ.

Как уже было мной отмечено во введении ко II тому «Рабочего класса во Франции в эпоху революции», книга Шапталя (Chaptal. De l'industrie française. Paris, 1819, в двух томах) почти ничего не дает для эпохи революции и Империи; I том посвящен состоянию Франции до революции, а II — времени, когда вышло сочинение, т. е. первым годам Реставрации. Целью автора, как он и говорит, было сравнение того, что было при старом режиме, с тем, что оказалось после Империи [6]. Впрочем, во II томе он приводит кое-какие данные (очень немногие), относящиеся к эпохе Наполеона, и в дальнейшем изложении я еще упомяну об этих данных. К сожалению, он (единственный из министров внутренних дел той эпохи) очень доверчиво относится к той «статистике», которую ему доставляли его префекты (и которую они доставляли также его преемникам). Он без малейшей критики приводит все эти сомнительнейшие цифровые показания.

В книжке Anthelme Costaz «Mémoire sur les moyens qui ont amené le grand développement que l'industrie française a pris depuis vingt ans» (Paris, 1816) мы находим очень беглый (на 60 страницах небольшого формата) очерк, имеющий целью показать, как развивалась в техническом отношении индустрия от последних лет старого режима. К сожалению, очерк составлен в самых общих выражениях, и в частности для эпохи Консульства и Империи я не нашел там решительно ничего такого, о чем гораздо конкретнее и обстоятельнее мне не рассказали [бы] документы. Бо́льшая часть книги Коста́ занята, впрочем, просто перепечаткой некоторых законоположений, касающихся промышленности и рабочих.

Другая его работа — «Essai sur l'administration de l'agriculture, du commerce, des manufactures et des subsistances» — написана весьма абстрактно, в духе самых общих размышлений о том, как именно всякое правительство должно поощрять производительные силы страны и т. д. Те статистические таблицы,

которые в этой книге имеются, перепечатаны были в третьем его сочинении, которое вообще представляет наибольший интерес из всего им написанного.

Третье сочинение Costaz — «Histoire de l'administration en France, de l'agriculture, des arts utiles, du commerce» и т. д., в трех томах; третье издание — самое полное (Paris, 1843). Эта работа (собственно II и III тома) интересна потому, что Costaz, бывший при Империи в центре канцелярской работы, касавшейся обрабатывающей промышленности, мог видеть некоторые документы, которые теперь не всегда найдешь в архивных картонах, делал кое-какие сводки, которые и напечатал (в III томе). Правда, он, к сожалению, в высшей степени скупо воспользовался этой драгоценной возможностью — дать то, что мог бы дать благодаря своему исключительному положению; и тут тоже больше общих рассуждений и чисто технических замечаний, чем фактических данных. Во всяком случае Коста́ восполняет кое-что в скудных и разбросанных данных, касающихся положения промышленности в 1800 г., и без этой его книги (хотя бы для очень немногих, но неизбежных ссылок) не может обойтись ни один исследователь истории французской промышленности.

В заметках Dollfus'a о хлопчатобумажной промышленности в восточных департаментах находим таблицу цен на хлопок и пряжу, начинающуюся с 1811 г. Автор, наследник одной из старинных мюльгаузенских фирм, мог воспользоваться интересными материалами. К сожалению, кроме этой таблицы (на которую я в своем месте ссылаюсь), читатель не найдет в этих заметках почти ни слова об эпохе Наполеона (Extrait des bulletins de la Société industrielle de Mulhouse. «Notes pour servir à l'histoire de l'industrie cotonnière dans les départements de l'est», par M. E. Dollfus, lues dans les séances des 26 novembre et 31 décembre 1856).

Историей промышленности в этот период занялся Левассер, дополнивший и эту главу в позднейшем (втором) издании своей книги.

В I томе труда Levasseur'a «Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870» одна глава (стр. 463—494) носит название «Le commerce et le blocus continental». К сожалению, она очень бегло и несистематично изложена, и эти 30 страниц дают в общем чрезвычайно мало для понимания описываемого явления. О промышленности же вообще — в эпоху Консульства и Империи — говорит предыдущая глава (называющаяся так: «La science et l'art dans l'industrie»). Она тоже очень бегло и неясно изложена. Хотя автор ссылается на некоторые картоны Национального архива, но делает это весьма скупо, умалчивая о десятках других, гораздо более сущест-

венных по своему содержанию. Кроме того, он любит ссылаться на некоторые статистические публикации, касающиеся отдельных департаментов и появившиеся при Империи. Их значение (самостоятельное) часто равно нулю, так как эти официальные издания *в лучшем случае* давали те же цифры, какие их авторы и редакторы (префекты) посылали в министерство, которое потом все эти рапорты и передало в Национальный архив; так что исследователь всегда лучше сделает, если обратится к рукописным элементам, на основании которых создавались все эти «Mémoires statistiques», «Annuaires» и т. п. А кроме того, в этих изданиях нет той откровенности, которая была в подлинной официальной секретной переписке, ибо публике преподносились приукрашенные сведения, имевшие целью представить действительность в возможно розовом свете. Замечу еще, что Левассер, приводя (случайные и беглые) статистические показания, принимает их на веру всецело, нигде и не думая предостеречь читателя касательно степени их точности. В другой работе, где речь будет идти специально о рабочем классе при Консульстве и Империи, я надеюсь коснуться и тех страниц Левассера, которые он посвящает этому вопросу. А пока, говоря лишь о том, что он написал по поводу промышленности и торговли при блокаде, нужно признать, что эти части его труда далеко не относятся к наиболее основательным и удавшимся. Решительно ничего сколько-нибудь нового и существенного не дают и немногие страницы, которые читатель находит в последнем труде Левассера «Histoire du commerce de la France», вышедшем в свет уже после кончины автора (t. II. Paris, 1912).

В «Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte» за 1904 и 1905 гг. была помещена обширная статья Paul Darmstäter'a (1904 г., стр. 559—615, и 1905 г., стр. 112—141) под заглавием «Studien zur napoleonischen Wirtschaftspolitik». Автор в своей статье цитирует, между прочим, документы некоторых картонов Национального архива, и так как автор, по собственным словам, интересовался больше влиянием наполеоновской торговой политики на Италию, поэтому есть ссылки на документы Миланского государственного архива. (Об этих документах я надеюсь говорить в другом месте, в работе, где речь будет идти *вообще* о состоянии Италии в эпоху континентальной блокады, а не только об экономических отношениях между Италией и Империей.) Автор говорит, что он, если не считать Италию, ограничивается задачей лишь выяснить *тенденцию* наполеоновской политики («es kann deshalb bei der Weitläufigkeit des Stoffes nicht befremden, wenn ich nur die Handelspolitik gegenüber dem Königreich Italien ausfürhlich behandle, mich im übrigen aber darauf beschränke, die Tendenz der napoleo-

nischen Politik herauszuarbeiten»). И, действительно, из 85 страниц, которые заключает в себе статья, лишь около половины (стр. 40—45) посвящены очерку состояния французской промышленности при Наполеоне. Мне казалось, что необходимо обратить гораздо больше внимания именно на эту сторону дела и привлечь больше касающихся именно этого вопроса материалов.

Настоящая работа была уже почти закончена, когда (в июльском номере журнала «Revue des Etudes napoléoniennes» за 1912 г.) появилась статья Charles Ballot «Les prêts aux manufactures sous le premier Empire». Автор делает очерк мер денежного вспомоществования некоторым нуждающимся мануфактурам со стороны императорского правительства. В этой статье подробнее и полнее разработан вопрос, заинтересовавший P. Darmstädter'а.

Так обстоит дело со специальной литературой по истории французской промышленности в эпоху блокады. Еще меньше дают сочинения общего характера по истории эпохи [7].

Еще недавно в общих обзорах быта эпохи Наполеона не находилось ни единой страницы, где бы речь шла о положении торговли и промышленности, об экономическом состоянии страны вообще [8].

Эпоха Консульства и Империи в последние годы была предметом двух многотомных общих обзоров. С 1903 г. до настоящего времени вышло несколько томов сочинения Gilbert Stenger'a «La société française pendant le Consulat». Но в этих томах (которым автор почему-то дал название *серий*) не нашлось места для хотя бы простого этюда о торговле, промышленности и вообще экономическом положении страны при Консульстве. Это легкие и занимательные очерки нравов консульского двора, высшего и отчасти среднего общества, подробные характеристики приближенных Бонапарта, живой, хотя и суммарный, рассказ о политических событиях,— и только.

Другой труд, Lanzac de Laborie «Paris sous Napoléon», более в этом отношении содержателен. Шестой том этого труда («Paris sous Napoléon», t. VI. Le monde des affaires et du travail. Paris, 1910. 354 стр.) посвящен очерку торговли, биржи, промышленности, истории рабочего класса и т. д. при Наполеоне. В частности, особая глава относится к промышленности (стр. 285—316) и рабочим (стр. 317—352). У этого автора есть ссылки на некоторые архивные документы, изданные Оларом и кое-какие неизданные. Но и те и другие являются прежде всего полицейскими донесениями, использовать которые историк может и обязан, когда он говорит, например, о настроении рабочих, но которые почти ничего не дают для понимания положения промышленности. И эти 7—8 ссылок на неизданные документы (в главе о рабочих) сделаны слишком бегло и ску-

но. Но, бесспорно, эти главы Lanzac'а — лучшее из всего, что вообще мы находим касательно промышленности и рабочих в общих трудах, посвященных Консульству и Империи. Можно только пожалеть, что Lanzac из 30 с небольшим страниц, посвященных промышленности, отвел целых пять совершенно ничтожному событию, никакой роли не игравшему в судьбах французской индустрии: выставке 1806 г. Во всех сколько-нибудь подробных историях Империи, начиная с Тьера, мы находим страницы, относящиеся к блокаде, и иногда беглое замечание о том или ином влиянии блокады на Францию, но блокада здесь интересует авторов прежде всего как факт военно-дипломатической истории Наполеона, как шахматный ход французского императора в борьбе против смертельного врага. Это же нужно сказать и о новейшей литературе, посвященной внешней политике Консульства и Первой империи.

Сравнительно больше места уделено континентальной системе в IX томе превосходного компендиума новой истории, задуманного лордом Актоном («The Cambridge modern history», vol. IX. Napoleon. Cambridge, 1906). Здесь особая глава (XIII, стр. 361—389) называется «The continental system», хотя не все 28 страниц заняты этим предметом; автор в конце (стр. 380—389) излагает политическую историю Неаполя и историю русско-турецкой войны. Написана эта глава Rose'ом, о более обширной статье которого речь будет дальше. Совершенно правильно, между прочим, замечает Rose в этой статье (стр. 376), что «внутреннюю экономию французской империи» в эпоху блокады «еще труднее уяснить», чем положение Англии. Автор и отказывается это сделать; труд, в котором он участвовал, должен был подвести итоги тому, что уже сделано в науке, а именно по «внутренней экономии французской империи» и в частности по истории обрабатывающей промышленности почти ничего и не сделано. Что касается внешней истории блокады, то она изложена Rose'ом сжато, ясно и точно.

В своем известном исследовании «Napoléon et Alexandre I» (Paris, 1891—1896) Альбер Вандаль говорит о континентальной блокаде (т. II, стр. 485—508, passim; 529—533; т. III, стр. 58—62 и др.), но, конечно, исключительно о дипломатических обстоятельствах и актах, которые с ней связаны, т. е. не с блокадой вообще, а с ее последствиями для франко-русских отношений. В VII томе знаменитой работы Сореля «L'Europe et la Révolution française» (Paris, 1904) о континентальной блокаде говорится на стр. 114—116, 161—163, 187—188, 193, 233—236, 284—285, 397—400, 500—505, 515—524 в общей связи с дипломатической историей Первой империи. В новейшем исследовании Driault «Napoléon et l'Europe. La politique du premier consul» (Paris, 1910) находим (на стр. 338—347)

сжатое рассмотрение вопроса о противоположности английских и французских торговых интересов в эпоху расторжения Амьенского мира.

Не могут удовлетворить нашему любопытству и более специальные книги, интересующиеся именно англо-французскими отношениями, и даже они дают меньше, чем Вандаль или Сорель, для внешней истории блокады.

К числу книг, посвященных *исключительно* дипломатической истории англо-французских отношений, принадлежит книга P. Coquelle'я «Napoléon et l'Angleterre. 1803—1813» (Paris, 1904). Она написана с целью опровергнуть мнение Сореля, что не от Наполеона, а от Англии исходило упорное сопротивление заключению мира. Экономической стороны автор совершенно не касается, да и о внешней истории блокады говорит очень мало.

В новейшей книге Roger Boutet de Monvel «Les Anglais à Paris. 1800—1850» (Paris, 1911) мы находим главу (I), посвященную наполеоновской эпохе. Но это лишь более или менее занимательный очерк житья-бытья англичан, попавших во французский плен (глава так и называется «Les prisonniers de Napoléon»). Ничего интересного или хоть отдаленно касающегося вопроса о блокаде, ее экономических предпосылках и последствиях мы тут не находим.

Если теперь от общеполитической и дипломатической истории Франции в эту эпоху обратимся к истории таких сторон государственной жизни, которые, казалось бы, тесно связаны с историей промышленности, то и здесь найдем очень мало.

О *полнейшем* пренебрежении к вопросу о промышленности при Наполеоне I вообще и о влиянии на нее континентальной блокады в частности свидетельствует тот, например, факт, что в *специальной* книге, посвященной истории французского протекционизма, автор ее, Clément, отвел наполеоновской эпохе 9 страниц («Histoire du système protecteur en France depuis le ministère de Colbert jusqu'à la révolution de 1848». Paris, 1854, стр. 103—112).

Очень содержательная книга известного экономиста Лексиса «Die französischen Ausfuhrprämien im Zusammenhange mit der Tarifgeschichte und Handelsentwicklung Frankreichs seit der Restauration» (Bonn, 1870), к сожалению, по самой теме своей трактует очень сжато обо всем, что предшествует Реставрации; наполеоновской эпохе здесь посвящено всего 4 страницы (стр. 53—56).

В книге Amé «Etude sur les tarifs de douanes et sur les traités de commerce» (Paris, 1876) стр. 35—63 (I тома) отведены революционной эпохе и времени Наполеона, точнее, Консульству и Империи посвящены стр. 56—63. Конечно, на этих 7 стра-

ницах мы не находим ничего, кроме беглых упоминаний и скороспелых обобщений.

Ничего решительно для истории промышленности при Наполеоне не дает и книга René Stourm'а «Les finances du consulat» (Paris, 1902).

В 1899 г. вышла (в коллекции «Historische Bibliotek») книжка Gustav Roloff'а «Die Kolonialpolitik Napoleons I», обратившая на себя внимание французской критики (ср., например, статью Henri Froidevaux в апрельской книжке 1900 г. «Revue des questions historiques»). Книжка Roloff'а, не относящаяся, собственно, к интересующей нас тут теме, не может быть все же обойдена молчанием не только потому, что она при небольших размерах своих является самостоятельным исследованием, но и потому, что Roloff, вопреки довольно установившемуся взгляду, доказал, что Наполеон вплоть до войны 1812 г. не переставал живо интересоваться колониями, вопросом об их возвращении под власть Франции; этот основной вывод Roloff'а вполне гармонирует с тем, что могут рассказать документы об экономической политике Наполеона в эпоху континентальной блокады.

В книге Brandt'а «Beiträge zur Geschichte der französischen Handelspolitik von Colbert bis zur Gegenwart» (Leipzig, 1896) эпохе от Конвента до Реставрации посвящено 12 страниц (стр. 58—70). Конечно, автор касается вопросов, интересующих нас тут, в самых общих чертах.

Одиннадцать страниц (стр. 52—63), посвященные во втором томе книги Henri Cons'а «Précis d'histoire du commerce» (Paris, 1896) эпохе Консульства и Империи, конечно, дают лишь самый беглый очерк торговли и промышленности в эту эпоху, и только поразительной бедностью литературы предмета можно объяснить, что книга Cons'а фигурирует в списке сочинений, которыми пользовался Bertin для своей вышеотмеченной *докторской диссертации*, посвященной континентальной блокаде. Нужно, к слову, заметить, что, подобно всем учебникам и общим книгам по истории торговли, работа Cons'а без оговорок принимает все цифры так называемых торговых балансов и крепко им верит.

Местная историография, дающая иногда так много для понимания административного уклада, отчасти политических настроений и т. п., почти ничего не дает для истории экономической, и притом для Консульства и Империи еще меньше, чем для революции.

Даже почтенные и обстоятельные труды по местной истории, основанные на местных же архивных документах, ничего решительно или почти ничего не говорят о состоянии торговли и промышленности [9].

Трехтомная старая книга Julliany «Essai sur le commerce de Marseille» (Paris, 1842) не дает для интересующей нас эпохи почти ровно ничего. Впрочем, излишне тут пересчитывать литературу (весьма, кстати сказать, скудную) по местной истории в эпоху Консульства и Империи. Достаточно сказать, что она ни малейшей помощи мне не оказала в моей попытке разобраться в экономических последствиях блокады для тех или иных местностей. История *местной промышленности* была бы, конечно, полезнее, если бы она была сколько-нибудь полно представлена. Но тут повезло только Сент-Этьенну и Лиону,— по крайней мере настолько, что стоит упомянуть об относящихся к ним монографиям.

Перу секретаря Сент-Этьенской торговой палаты Gras принадлежат четыре работы: 1) «Le conseil de commerce de Saint-Etienne et les industries locales au commencement du XIX siècle». Saint-Etienne, 1899; 2) «Histoire de la Chambre consultative des arts et manufactures de Saint-Etienne». Saint-Etienne, 1900; 3) «Les industries stéphanoises aux expositions». Saint-Etienne, 1904; 4) «Essai sur l'histoire de la quincaillerie... à Saint-Etienne». Saint-Etienne, 1904.

Собственно, в третьей работе есть лишь 4 страницы об участии Сент-Этьенна на «выставках» 1802 и 1806 гг., и, как все, что касается этих «выставок», для истории промышленности они дают чрезвычайно мало (стр. 9—13). Из остальных трех работ интереснее всего вторая, где находим кое-какие данные, касающиеся эпохи Консульства и Империи (автор пользовался лишь местными документами). Меньше дает первая работа, и еще меньше — четвертая, где собственно интересующей нас эпохе посвящено несколько беглых замечаний (вторую работу Gras'а в своем месте я цитирую).

Кроме беглого наброска ничего не дает для эпохи Империи и книга E. Pariset «Histoire de la fabrique Lyonnaise» (Lyon, 1901), где периоду от 1800 г. до июльской революции 1830 г. посвящено всего 20 страниц (стр. 259—279). Несколько больше дает другой его труд — «La chambre de commerce de Lyon au dix-neuvième siècle» (в «Mémoires de l'Académie de Lyon» за 1890—1891 гг.). Здесь мы находим перепечатку одного документа палаты (петиция от 11 декабря 1806 г.) и цитаты из некоторых других. (Именно беглость и отрывочность страниц, посвященных эпохе Империи, и заставили меня предпринять специальные поиски в архиве Лионской торговой палаты). Кроме того, занимаясь в данном случае историей не шелковой промышленности, а лишь торговой палаты г. Лиона, Паризе пользовался исключительно лионскими документами, а без Национального архива нельзя писать даже историю лионской шелковой индустрии.

Казалось бы, можно было рассчитывать найти что-нибудь относящееся к моей теме в специальных трудах по истории той или иной фабрикации, но и тут оказалась полная скудость.

Henri Bouchot, например, написал специальную книгу «Le luxe français. L'Empire» в 214 страниц, in 4°, посвященную *роскоши* при Империи, и не единой строки не отвел вопросу о выделке предметов роскоши и о том, что связано было с судьбами этой отрасли промышленности в наполеоновские времена.

Существует специальная книга о поставщиках Наполеона (Maze-Sencier. Les fournisseurs de Napoléon I. Paris, 1893), и я был уверен, что найду там хоть что-нибудь об отношении Наполеона к лионскому шелковому производству, о заказах, которые он делал в Лионе, с целью отчасти ослабить тяжелые последствия кризисов, и т. п. Ничего об этом книга не говорит.

Замечаниями самого общего характера, и притом очень беглыми, ограничиваются и труды, в той или иной мере затрагивающие историю бумагопрядильного, шерстяного и полотняного производств. Для них эпоха Консульства и Империи (как и эпоха революции) — лишь введение к современности или, в лучшем случае, к периоду 1850—1860 гг. О самостоятельном научном значении этих «вводных» страниц, а иногда и строчек, здесь не стоит распространяться.

3. История остального континента и Англии меня *здесь* интересует, конечно, исключительно с той точки зрения, что она может дать для понимания положения французской промышленности и влияния на нее континентальной блокады. Разумеется, прежде всего в данном случае интересны: Бельгия, Женева (департамент Лемана), левый берег Рейна, ганзейские города, Голландия, Пьемонт, непосредственно слившиеся с Империей; затем: остальная Швейцария, королевство Италии, Неаполитанское королевство, великое герцогство Берг, Испания, территории которых находились вполне или отчасти в прямой зависимости от воли французского императора; наконец, германские государства — как Рейнского союза, так и Саксония, имевшая прямые торговые сношения с Империей. Затем можно было рассчитывать найти что-либо относящееся к французской промышленности в английской историографии. Что касается Пруссии, Австрии, стран Леванта, то здесь и *a priori*, и фактически та экономическая историография, которая вообще существует, не могла дать (и не дала) ничего, что могло бы помочь выяснению истории французской промышленности. Мало того, даже для пополнения сведений по внешней истории блокады историография этих стран ничего не дала. С Францией экономические сношения этих стран обыкновенно не были непосредственными, блокада (*даже* в Пруссии)

фактически очень сильно нарушалась, хотя нарушения эти не принимали характера принципиального протеста, открытой борьбы. В книгах, трактующих об этих странах в эпоху Наполеона, если, в виде счастливого исключения, и возможно констатировать, что экономическая история не обойдена молчанием вполне, то все-таки и о блокаде и о сношениях с Францией говорится мало и бегло, если вообще что-нибудь говорится. Чаще же всего дело ограничивается рассказом о знаменитых декретах — берлинском, миланском и трианонском, да о том, какие законоположения были изданы местными правительствами во исполнение этих наполеоновских приказов. Не дала ничего для истории французской внешней торговли и русская историография, если не считать цитируемого в своем месте превосходного издания вел. кн. Николая Михайловича (донесения Коленкура и др.). (Впрочем, об историографии Пруссии, Австрии, России еще будет речь впереди.)

Итак, извлечь что-нибудь пригодное для моей темы я мог надеяться лишь при рассмотрении специальной историографии стран, наиболее тесно связанных с наполеоновской Францией, но и тут результаты оказались чрезвычайно скромными.

Истории Бельгии при Наполеоне Sylvain Balau посвятил *два* тома («La Belgique sous l'Empire». Paris, 1894), а о континентальной блокаде говорит на одной странице (т. I, стр. 55) и, конечно, в самых общих фразах.

В двухтомном исследовании Lanzac de Laborie «La domination française en Belgique» (Paris, 1895) 9 страниц посвящены интересующим нас тут вопросам (т. II, стр. 41—50: «La situation économique: progrès de la contrebande»). Автор излагает доклад члена Государственного совета Miot, посланного в 1805 г. с целью расследовать вечно раздражавший Наполеона вопрос о контрабанде; это изложение занимает семь страниц из девяти, которые вообще посвящены экономическому состоянию Бельгии в эпоху Империи (самый доклад Miot — одно из бесчисленных, очень однообразных показаний о распространенности английской контрабанды в пограничных местностях Империи).

Недавно (лишь в 1912 г.) законченная шеститомная работа Jules Delhaize «La domination française en Belgique à la fin du XVIII et au commencement du XIX siècle» отодвинула на задний план все предшествующие монографии о Бельгии в эпоху французского завоевания, революции и Империи. Но для *экономической* истории Бельгии в эту эпоху работа Delhaize не дала ничего. Три последних тома ее посвящены времени Наполеона (t. IV. «Le Consulat». Bruxelles, 1910; t. V. «L'Empire. Première partie». Bruxelles, 1911; t. VI. «L'Empire. Deuxième partie». Bruxelles, 1912), но, кроме военной и политико-

административной стороны, мы тут ничего не находим (если не считать беглых, общих слов, например, т. V, стр. 311, 314, 315 и т. п.). К слову замечу, что и характеристики настроения бельгийского общества и народа при Наполеоне мало удаются автору: он все видит в розовом свете и склонен приписывать всему бельгийскому народу, пережившему наполеоновское владычество, собственное свое преклонение перед французским императором.

Так обстоит дело со специальной литературой по истории Бельгии в этот период. Есть и история бельгийской промышленности, затрагивающая данную эпоху. В книге Briavoinne «De l'industrie en Belgique» (Bruxelles, 1839) одна глава посвящена эпохе французского владычества в Бельгии, с 1795 до 1814 гг. (стр. 107—142). Автор пользовался для этого очерка главным образом официальными сведениями, которые публиковало время от времени императорское правительство.

Не лучше обстоит дело и с Апеннинским полуостровом. Старой историографии королевства Италии, Неаполя (вроде книги Coletta), Рима я даже почти и не коснусь; кроме фактов военно-дипломатического и в лучшем случае административного характера, там совсем ничего не находим. Но и новейшая литература мало помогает нам, хотя, конечно, нынешние монографии бесконечно выше стоят по общей своей ценности; все же вопросы политические, административные первенствуют над вопросами финансово-экономического характера.

Первая по времени большая история Италии в наполеоновскую эпоху была написана Carlo Botta — в VII, VIII, IX и X томах его «Storia d'Italia dal 1789 al 1814» (1825). Она оставила совершенно вне рассмотрения всю экономическую сторону жизни итальянских государств, подпавших под власть Наполеона, и так как Botta несколько десятилетий считался лучшим авторитетом в историографии предмета, то, конечно, его многочисленные компиляторы и последователи не сочли нужным даже пытаться восполнить этот пробел. Почти одновременно с книгой Botta вышла и книга Federico Coraccini «Storia dell'amministrazione del regno d'Italia durante il dominio francese» (под псевдонимом Coraccini скрывался Carlo La Folie). Даже и в этой книге, специально посвященной внутренней истории Италии, о континентальной блокаде лишь упоминается бегло (стр. 178), а о промышленности говорится несколько незначащих слов (стр. 184). Конечно, при таких воззрениях на дело трудно и ожидать найти что-либо у Ботты и его преемников, писавших *«общую»* историю. Так было и в историографии середины века, когда объединение Италии оживило интерес к ее истории вообще, а к истории наполеоновской эпохи в частности, так было большей частью и до самого по-

следнего времени. Такова работа Sclopis'a «La domination française en Italie» (в «Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques» за 1861 г.), самая солидная и самостоятельная из работ по этому предмету, написанных в середине XIX в.; таковы и другие (уж литературы общей по истории Италии в новое время и т. п. я и не касаюсь).

И книга Ruth'a «Geschichte des Italienischen Volks unter der Napoleonischen Herrschaft» (Leipzig, 1859), и давно написанная, но недавно изданная книга Francesco Carrano «L'Italia dal 1789 al 1870» (Napoli, 1910), и работа Lemmi, «Le origini del risorgimento Italiano 1789—1815», вышедшая в 1906 г., в прекрасной «Collezione Storica», издающейся под редакцией Виллари,— все эти сочинения, посвященные наполеоновской эпохе в Италии, и старые и новые, либо ни одного слова не говорят об экономических последствиях завоевания, либо говорят несколько общих фраз.

В этом отношении даже нужно отметить, как исключение, книгу Johnston'a, посвятившего в своей книге «The Napoleonic Empire in southern Italy» (London, 1904) 5 страниц (т. I, стр. 215—220) континентальной блокаде в Неаполе.

Что касается превосходного исследования Driault «Napoléon en Italie» (Paris, 1906. 687 стр.), то задачей автора было произвести анализ *политической мысли* Наполеона относительно Апеннинского полуострова, анализ тех политических построек, которые возводил Наполеон в Италии, и эту задачу автор исполнил с большим успехом, привлекши массу нового материала. Внутренняя история полуострова не могла войти (и не вошла) в рамки его исследования.

О Тоскане при Наполеоне есть книга Marmottan'a «Le Royaume d'Etrurie» (Paris, 1896), говорящая о торговле страны на стр. 229—231; ему же принадлежит и другая книга — «Bonaparte et la république de Lucques» (Paris, 1896) и небольшое издание «Documents sur le royaume d'Etrurie» (Paris, 1900).

Отдельно должно отметить труды Jacques Rambaud и Madelin'a.

В очень интересной и обстоятельной докторской диссертации Jacques Rambaud «Naples sous Joseph Bonaparte» (Paris, 1911) особая глава (стр. 416—448) посвящена экономическому состоянию королевства Неаполитанского в царствование Иосифа. Автор (на стр. 416) упоминает о блокаде как об одном из зол французского владычества, говорит (на стр. 427), что блокада понизила цены на земледельческие продукты, но как раз на стр. 428, 429 и 430, где речь идет об обрабатывающей промышленности, мы совсем не находим даже упоминания о блокаде; на страницах, говорящих о торговле (стр. 435—444), о блокаде опять упоминается; говорится также,— к сожалению, в не-

скольких строках (стр. 437),— что Наполеон желал получать из Неаполя хлопок, и (тоже в нескольких строках, стр. 440) о французском сбыте в Неаполитанском королевстве. В дальнейшем изложении нам придется процитировать из книги Rambaud то место, где говорится о контрабанде (стр. 441).

Работа Madelin'a «La Rome de Napoléon» (Paris, 1906) есть монография того же типа, что и труд Жака Рамбо о Неаполе. Привлечены первоисточники (в том числе неизданные документы), подвергнуты критике, взят приличествующий предмету обширный масштаб. Но кто интересуется экономической историей вообще (я уж не говорю в частности — вопросом о последствиях блокады или о торговых сношениях Рима с Францией и т. п.), *ничего* в этой книге не найдет, кроме общих рассуждений о торговле, земледелии, природе, местности и т. п. (стр. 27—44) и нескольких слов о нужде народа (стр. 390), нескольких страниц о государственном долге, продаже церковных имуществ и т. п. (стр. 485—499) да четырех страниц (стр. 501—504) о попытках ввести культуру хлопка в Риме и римской области. На этих четырех страницах он говорит об эпизоде с эльзасцем Бухером, который завел было (скоро погибшую) прядильную мануфактуру в Риме, говорит в нескольких словах о культуре хлопка в 1811—1812 гг. и обходит молчанием, например, интересный вопрос об отношении французского промышленного мира и наполеоновского правительства к обрабатывающей и добывающей индустрии апеннинских стран или хотя бы Рима. Книга Madelin'a таким образом нисколько не облегчила мне работу над моей темой даже в тех скромнейших рамках, в каких могла бы это сделать. К слову замечу, что Madelin совсем не пользовался картоном F^{12} 1612, хотя там он нашел бы десятки весьма интересных документов, прямо относящихся к его теме — состоянию Рима под французским владычеством (в предлагаемой работе я пользовался кое-какими документами этого картона, но, разумеется, исключительно с точки зрения основной темы, занимающей меня). Конечно, писать экономическую историю Рима при Наполеоне без этого картона нечего и думать; всякий исследователь, который когда-либо займется этим предметом, должен будет именно с F^{12} 1612 и начать.

Чрезвычайно бедна и старая и новая литература об Испании при Наполеоне с интересующей нас точки зрения.

Конечно, напрасно мы стали бы искать хоть отдаленный намек на существо экономических отношений между Испанией и Англией в претенциозной книге Гентца, вышедшей в свет в начале 1806 г. [10], и в тому подобной публицистике. Ни малейшего внимания экономической стороне жизни и в частности торговым сношениям Испании с Францией не уделяет ни один

известный мне испанский историк из всех, писавших о событиях 1808—1814 гг.

Старая историография Пиренейского полуострова столь же бесполезна для уразумения торгово-промышленных обстоятельств времен блокады и в частности сношений с Францией, как и старая историография полуострова Апеннинского. Что касается более новой, то нужно отметить, что она при общей большей серьезности все же оставила вне рассмотрения интересующие нас тут вопросы.

Hermann Baumgarten посвятил весь первый том своего обширного труда «Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französichen Revolution, erster Teil» (Leipzig, 1865) истории Испании от 1789 до 1813 гг., причем на интересующую нас наполеоновскую эпоху пришлось около 500 страниц. Эта книга, еще и теперь не устаревшая, однако тоже (хотя не в такой мере, как испанские работы об этой же эпохе) значительнейшее место отводит дипломатии и военным операциям; автор ничего не говорит об экономических отношениях между Испанией и Англией, Испанией и Францией и вообще затрагивает вопрос о внутреннем состоянии страны до и во время нашествия Наполеона лишь в очень немногих словах.

В очень значительной (по количеству книг и брошюр) коммеморативной литературе, появившейся в Испании в последние годы (с 1908 г.) по поводу столетнего юбилея войн с Наполеоном, я не нашел и тени интереса к экономическим отношениям между Испанией и Францией. Мало того, вообще об экономическом состоянии Испании в этой литературе почти ничего не говорится (если не считать все одних и тех же пересказов, одних и тех же актов кортесов, касающихся земельных повинностей и церковной собственности). Нет ничего, что даже хоть *косвенно* могло бы коснуться интересующей тут нас темы, например нет ничего о сбыте испанской шерсти в Англию; W. R. de Villa Urutia пишет очень солидный труд,— специальный по истории отношения между Англией и Испанией в наполеоновскую эпоху,— и *ни слова* не говорит об этом громадной важности предмете (W. R. de Villa Urutia. Relaciones entre España e Inglaterra durante la guerra de la independencia. Madrid, 1911). Чего же требовать от других трудов, менее специальных по теме, менее обширных (Villa Urutia посвящает истории только двух лет (1808—1809) около 500 страниц)?

В октябре 1908 г. даже собрался исторический конгресс в ознаменование столетнего юбилея войны против Наполеона и издал несколько томов трудов, относящихся к этой эпохе: «Publicaciones del congreso histórico Internacional de la guerra de la independencia y su época (1807—1815). Celebrado en Zaragoza durante los días 14 à 20 de Octubro de 1908» (Zaragoza, 1909—

1910). И из всех статей и исследований, наполняющих эти Publicaciones, только работа Gaffarel'я в IV томе (стр. 125—177) затрагивает до известной степени внутреннее состояние страны; остальное посвящено дипломатии, войне, эпизодам восстания и репрессий, биографиям и т. п. (Другая статья, которая по теме своей способна больше всего заинтересовать читателя, ибо трактует о «существенных причинах» движения, поражает поверхностью, голословностью и опять-таки полнейшим неведением фактов, без которых нельзя разбирать историю этих событий. Я говорю о статье португальца Abel Botelho, в III томе, стр. 363—392: «A península ibérica contra Napoleono. Causas esenciaes schema general d'esse movimento». Достаточно прочесть эту *единственную* обобщающего характера статью в трудах этого *специального* конгресса по истории эпохи, чтобы удостовериться в убогом состоянии разработки экономической истории Испании и Португалии в эту эпоху: руководящая, обобщающая работа даже и не заговаривает об этой стороне дела.)

Новейшее почтенное исследование Grandmaison'a (G e o f f r o y d e G r a n d m a i s o n. L'Espagne et Napoléon. 1804—1809. Paris, 1908) — работа такого же типа, как труд Driault об Италии; это новый обстоятельнейший критический пересмотр данных о дипломатических и политических усилиях Наполеона, направленных к завоеванию Пиренейского полуострова. Другими целями автор не задавался, а поставленную себе задачу разрешил очень хорошо. Нечего и говорить, что об этой эпохе молчат, или почти молчат, и более специальные (по теме) работы. Даже такая работа по истории Испании, где, казалось бы, хотя какое-нибудь место должно было быть отведено фактам экономического порядка, как Marliani. «Histoire politique de l'Espagne moderne suivie d'un aperçu sur les finances» (два тома, Paris, 1840), довольствуется шаблоннейшим пересказом всем известных политических и дипломатических актов и ничего более для всей эпохи Наполеона не дает.

Из *местных* историй эпохи наполеоновского завоевания Испании можно отметить в сущности лишь один труд, написанный французом на основании также и французских источников, где можно было бы рассчитывать найти кое-что, хотя бы о торговле шерстью, хотя бы о положении Барселоны при блокаде, но и тут эти надежды оказываются тщетными.

В своей добросовестной и основанной на архивных документах монографии «Napoléon et la Catalogne» (Paris, 1910) автор, Pierre Conard, останавливается на истории завоевания, анализирует историю французского управления страной, но ничего не говорит об экономических последствиях завоевания как для Франции, так и для Каталонии. Вообще это — исследование ис-

тории *завоевателей в завоеванной стране*, а не самой завоеванной страны и не страны, откуда пришли завоеватели. Даже в главе, близко подходящей к интересующей нас теме («Les finances du gouvernement improvisé»), не находим ничего, относящегося к торгово-промышленной истории эпохи (если не считать беглого упоминания на стр. 258 о вывозной пошлине и тому подобных случайных замечаний).

Переходим к германским государствам и Австрии.

Старая специальная литература о Пруссии и Австрии в эпоху Наполеона дала, как я уже сказал выше, очень мало даже с точки зрения исследования и чисто политической истории этой эпохи, не говоря уже об истории экономической; самое обстоятельное исследование (из произведений этой литературы) принадлежит Пертесу (Cl. Th. Perthes. Politische Zustände... in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft, в трех томах. Gotha, 1862—1869). Но и Пертес совсем не останавливается на экономических отношениях между германскими странами и Францией и вообще на экономическом положении Германии.

Истории Австрии при Наполеоне посвящены (из более новых работ) две монографии: 1) Adolf Beer. Zehn Jahre österreichischer Politik. 1801—1810. Leipzig, 1877 и 2) Ed. Wertheimer. Geschichte Österreichs und Ungarns im ersten Jahrzehnt des 19. Jahrhunderts, nach ungedruckten Quellen. Bd. I, Leipzig, 1884; Bd. II, Leipzig, 1890. Только вторая из этих книг занимается (хотя немного) внутренней историей габсбургской монархии, но все-таки не дает никакого представления об экономическом ее состоянии и о торговле в частности с Францией.

Тот же Beer, который написал «Zehn Jahre» etc., издал и другой обширный труд: «Die Österreichische Handelspolitik im neuzehnten Jahrhundert» (Wien, 1891); к сожалению, интересующую нас эпоху он обходит молчанием, если не считать нескольких фраз на стр. 5—6. А между тем, это самая обширная из всех монографий по данному вопросу (618 страниц). Для тех, кто будет заниматься исследованием роста австрийской промышленности, представят несомненно интерес три больших тома Keess'а «Beschreibung der Fabrikate, welche in den Fabriken, Manufakturen und Gewerben des österr. Kaiserstaates erzeugt werden» (Bd. I. Wien, 1819; Bd. II, 1820; Bd. III, 1823). Но для нашей темы эта книга знатока экономических отношений Австрии и современника интересующей нас эпохи не дает ничего, кроме констатирования роста промышленности в Австрии с начала второго десятилетия XIX в. Австрия была все время наглухо замкнута от вторжения всякой иностранной, в том числе и французской, промышленности.

Е. В. Тарле.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА.

I. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона.

Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ.

МОСКВА.
1913.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
КНИГИ «КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА»

Несколько беглых замечаний об интересующей нас эпохе мы находим в книге Meynert'a «Kaiser Franz I» (Wien, 1872), в главе «Handelspolitik», на стр. 267—272.

Общие обзоры истории Пруссии в эту эпоху сплошь и рядом вообще не касаются вовсе экономической истории или говорят (бегло) о крестьянской реформе, о цехах — и только (ср., например, довольно большой (585 страниц) обзор, написанный Neubauer'ом, «Preussen's Fall und Erhebung 1806—1815». Berlin, 1908). Это тем более бросается в глаза, что, вообще говоря, другие стороны внутренней жизни Пруссии в эту эпоху разработаны лучше, чем это сделано относительно *Franzosenzeit* в других странах, и есть монографическая литература по реформам Штейна и Гарденберга и т. п. (Из вопросов экономической истории больше повезло вопросу о цехах и законодательству, касающемуся их; между прочим, этой теме посвящено было и исследование безвременно скончавшегося Н. В. Молчановского). Из монографий, которые освещают отчасти экономическую историю Пруссии в эту эпоху, нужно, конечно, на первое место поставить книгу Mamroth'a.

Капитальное исследование Mamroth'a «Geschichte der preussischen Staats-Besteuerung. 1806—1816» (Leipzig, 1890) посвящает континентальной системе в ее последствиях для фиска несколько страниц (стр. 728—737). Но книга его вообще чрезвычайно полезна для ознакомления с положением Пруссии в эти годы.

В значительной мере на книге Mamroth'a основаны относящиеся к эпохе блокады страницы (стр. 28—40) в книжке Freymarck'a «Die Reform der preussischen Handels- und Zollpolitik von 1800—1821» (Jena, 1897), появившейся в издании семинария Конрада в Галле («Sammlung nationalökonomischer und statistischer Abhandlungen», Bd. XVII).

Но Австрия и Пруссия не были так тесно связаны с Империей Наполеона, как другие германские государства: 1) в Австрии *все время* действовал запретительный тариф относительно ввоза иностранных, в том числе и французских, фабрикатов; 2) континентальная блокада географически мало касалась Австрии, отрезанной от моря с 1809 г., но получавшей все колониальные продукты, какие ей были нужны, из окружавших ее стран; 3) Пруссия хотя и должна была широко раскрыть свои границы для французских товаров, но находилась в крайней степени общеэкономического истощения и не могла играть роли как рынок сбыта; 4) и Австрия и Пруссия получали то немногое, что вообще до них доходило из Франции, почти исключительно через посредство Франкфурта и Лейпцига, так что о непосредственной торговле этих стран с Францией не говорят ни документы архивов, ни брошюры и статьи современников. Вот

почему нельзя удивляться скудости (или, вернее, полному отсутствию) данных об этом предмете в литературе.

Перейдем теперь к германским странам, более близко связанным с наполеоновской Францией: к Бергу, Нижнему Рейну, Франкфурту, Саксонии, Ганноверу, Вестфалии, ганзейским городам.

Маленький очерк был посвящен Redlich'ом промышленности Берга при Наполеоне (Otto Redlich. Napoleon I und die Industrie des Grossherzogstums Berg, в «Beiträge zur Geschichte des Niederrheins», Bd. XVII, Düsseldorf, 1902, стр. 188—216).

Но, конечно, эта работа отодвинута на второй план исследованием Шарля Шмидта.

В превосходной монографии Шарля Шмидта, «Le Grand Duché de Berg» (Paris, 1905) стр. 323—421 посвящены вопросу о влиянии французской таможенной политики на Берг, начиная с 1791 г. и кончая 1813 г., и можно сказать, что если бы история всех подвластных Наполеону чужих земель была так написана, как написана Шмидтом история Берга, то задача исследователя истории французской промышленности при блокаде сильно облегчилась бы. Но, конечно, эта книга не могла избавить меня от необходимости обратиться ко всем документам о Берге, какие только я мог найти в Национальном архиве, так как задачи у Шмидта и у меня были разные: его интересовал Берг как особое целое, а меня интересовало то, что можно было извлечь из истории Берга для понимания положения французской промышленности при блокаде. Его, например, по свойству и постановке темы могло и не заинтересовать то обстоятельство, что в 1804, 1805, 1806 и 1807 гг. из Берга на левый берег Рейна, принадлежавший Франции, выселялись капиталисты, заводившие здесь бумагопрядильни и могущественно способствовавшие процветанию здесь (вплоть до 1808 г.) хлопчатобумажной промышленности,— и он, действительно, обошел молчанием документ, об этом сообщающий, а для той задачи, которую я себе ставлю в предлагаемой работе, подобные известия имеют свое значение, и таких случаев можно отметить несколько. Но тем не менее нужно сказать, что если бы о всех странах, подпавших под власть Наполеона, были налицо такие работы, как работа Шмидта о Берге, то всякий исследователь экономической жизни этого периода мог бы только порадоваться.

Некоторые данные о промышленности на Нижнем Рейне встречаем в труде Рихарда Цейсса о возникновении в этих местах торговых палат (Dr. R. Zeyss. Die Entstehung der Handelskammern und die Industrie am Niederrhein während der französischen Herrschaft (Leipzig 1907). Собственно промышленности касаются две главы — 4-я и 5-я; автор в этих главах широко пользовался, между прочим, указанной монографией

Шарля Шмидта, но работал и над источниками, причем напечатал некоторые любопытные документы Дюссельдорфского архива (на один из них я ссылаюсь в дальнейшем изложении).

Перу Paul Darmstädter'a, о котором речь была выше, принадлежит и интересное исследование по истории Франкфурта («Das Grossherzogtum Frankfurt. Ein Kulturbild aus der Rheinbundszeit». Frankfurt am Main, 1901), где находим очерк промышленности и торговли во Франкфурте (стр. 281—325). В частности, автор коснулся и влияния блокады на франкфуртскую торговлю (стр. 306—325, точнее, 310—325, так как сначала идет общий очерк блокады).

В книге Heinrich Herkner'a «Die Oberelsässische Baumwollindustrie» (Strassburg, 1887) главе «Napoleon und die Kontinentalsperre» отведено 5 страниц (стр. 88—93), причем больше всего говорится об общих мероприятиях Наполеона и крайне мало приведено фактов, касающихся, в тесном смысле, истории местной промышленности.

Albin Koenig поместил в «Leipziger Studien aus dem Gebiete der Geschichte» за 1899 г. интересную работу о развитии саксонской хлопчатобумажной промышленности в конце XVIII в. и в эпоху континентальной блокады («Die Sächsische Baumwollenindustrie am Ende des vorigen Jahrhunderts und während der Kontinentalsperre»).

Эта работа, основанная в значительной мере на материалах дрезденского архива, читается с большим интересом всяким, кто вообще занимается экономической историей Европы начала XIX столетия. Но именно для темы, которую я разрабатываю в этой книге, работа Кёнига дает не много. В частности, документы, прямо касающиеся лейпцигских ярмарок (и использованные мной в дальнейшем изложении), остались автору неизвестными, хотя он там и для своей задачи мог бы почерпнуть немало. Вообще именно, в том, что касается блокады, он ссылается главным образом на Киссельбаха и на книжку Reyer'a (1811 г.), о которой речь у меня идет дальше, при характеристике различных писаний, современных блокаде. Кроме того, незнакомство с французскими материалами лишило его также сведений об оживленных торговых сношениях между Лионом и Лейпцигом, Женевой и Лейпцигом и т. д.

В труде Hasse «Geschichte der Leipziger Messen» (Leipzig, 1885) лейпцигским ярмаркам в наполеоновские времена посвящены стр. 390—427, а собственно ярмаркам эпохи континентальной блокады — стр. 409—423. Сверх того, «внешней истории лейпцигских ярмарок» в эту эпоху в той же книге посвящены стр. 157—163. Автор, директор статистического бюро г. Лейпцига, использовал для своего труда данные саксонских

архивов. Вследствие обширности хронологических рамок (XIV—XIX столетия) он не мог посвятить интересующей нас эпохе больше места, чем посвятил. Документов французского происхождения, относящихся к лейпцигским ярмаркам и использованных мной в предлагаемой работе, он не знает. Он печатает выдержки из некоторых лейпцигских документов, на которые в своем месте я дважды ссылаюсь.

Любопытно, что француз Arqué пишет исторический очерк лейпцигской ярмарки «La foire de Leipzig dans les temps passès (в «La Science Sociale», mai. 1910, стр. 17—88) и *ни единой* строки не посвящает истории этой ярмарки при Наполеоне, т. е. одному из любопытнейших моментов, какие только эта ярмарка когда-либо переживала.

Во второй части интереснейшего исследования Bein'a «Die Industrie des sächsischen Voigtlandes, zweiter Theil. Die Textilindustrie» (Leipzig, 1884) влиянию континентальной блокады на промышленность Voigtland'a в Саксонии посвящены стр. 148—166.

В небольшой работе P. Rühlmann'a «Die öffentliche Meinung in Sachsen während der Jahre 1806 bis 1812» (Gotha, 1902) находим, к сожалению, всего 6 страниц (стр. 108—113) об отношении саксонского населения к континентальной блокаде. (Он констатирует, между прочим, факт благоприятного отношения части населения к блокаде, удаляющей конкуренцию английской промышленности).

В большом труде Фридриха Тимме о Ганновере (F. Thimme. Die inneren Zustände des Kurfürstenthums Hannover unter der französisch-westfalischen Herrschaft. Bd. I. Hannover und Leipzig, 1893; Bd. II, 1895) мы находим обстоятельную разработку политической и административной истории Ганновера в наполеоновские времена, но почти ничего, относящегося к экономической истории вообще и к истории блокады, торговли, промышленности в частности. Только на страницах, посвященных финансам Ганновера, можно случайно встретить упоминание о фактах экономического характера (например, т. II, стр. 461 и сл.).

Точно так же хорошая политико-административная история Вестфальского королевства при Жероме Бонапарте, написанная Goecke, упоминает о континентальной блокаде на *одной* странице и ничего не говорит об ее последствиях для торговли и промышленности Вестфалии («Das Königreiche Westphalen, von Dr. Rudolf Goecke, vollendet und herausgegeben von Th. Ilgen. Düsseldorf, 1888).

В последнем труде по истории Вестфальского королевства 1807—1813 гг. A. Kleinschmidt'a «Geschichte des Königreichs Westfalen» (Gotha, 1893), несмотря на обширные его размеры

(678 страниц), находим о континентальной блокаде всего одну страницу (стр. 390), а о торговле вообще и о торговле с Францией в частности — ни одного слова.

Из общих историй Гамбурга нужно отметить прекрасную книгу Adolf Wohlwill'я «Aus drei Jahrhunderten der hamburgischen Geschichte 1648—1888» (Hamburg, 1897), где наполеоновскому периоду отведено 37 страниц (стр. 108—145).

Общая история Гамбурга, написанная пастором Mönkenberg'ом, «Geschichte der freien und Hansastadt Hamburg» (Hamburg, 1885), занята больше всего духовной жизнью города. Наполеоновская эпоха описана на стр. 393—444 этой книги.

В истории гамбургского бюргерства, написанной Зеелигом, французский период обойден молчанием, если не считать нескольких незначащих строк [11].

В 1900 г. в приложении к отчету о состоянии реальной гимназии Johanneum (в Гамбурге) появилась статья Hitzigrath'a «Hamburg und die Kontinentalsperre» («Realgymnasium des Johanneums zu Hamburg, Bericht über das 66. Schuljahr». Hamburg. 1900). Эта содержательная, хотя и небольшая (30 страниц), статья трактует вообще о Гамбурге до блокады и в первый год блокады; дальнейшая история Гамбурга осталась вне рассмотрения. Автор пользовался документами Гамбургского архива, но его не интересовали в частности коммерческие отношения между Францией и Гамбургом (почему он и не цитирует некоторых документов Гамбургского архива, о которых идет у меня речь). Вообще он занимается больше историей блокады Эльбы англичанами (стр. 4—22), чем континентальной блокадой (стр. 22—30).

В интересной книге Servières «L'Allemagne française sous Napoléon I» (Paris, 1904), относящейся собственно не ко всей Германии, а только к ганзейским городам, находим (на стр. 110—141 и стр. 264—292) кое-что, относящееся к практике континентальной блокады в ганзеатических городах (вперемежку с другими сюжетами, например, с анализом чисто военных условий ганзеатических городов и т. п.). Эта тема занимала автора не в связи с последствиями континентальной блокады во Франции, но в связи с другими фактами из истории ганзеатических городов при Наполеоне; кроме того, Servières не использовал (именно для этих страниц) того, что мог бы найти в Национальном архиве (где он работал). В дальнейшем изложении мне придется цитировать ряд документов, прямо относящихся к ганзеатическим городам и не упомянутых Сервьером.

В большом юбилейном издании, вышедшем в Гамбурге в 1892 г. по поводу четырехсотлетия открытия Америки («Hamburgische Festschrift zur Erinnerung an die Entdeckung Amerikas»), Ernest Baasch поместил обширную статью под названи-

ем «Beiträge zur Geschichte der Handelsbeziehungen zwischen Hamburg und Amerika». Наполеоновской эпохе тут посвящено 16 страниц. (стр. 79—95),— в соответствующем месте (где речь будет идти о торговле между Францией и Америкой) читатель встретит ссылку на *один* факт, установленный Baasch'ем.

Книги по истории Баварии (H o f f m a n n. Ökonomische Geschichte Bayerns unter Monteglas; E c k a r t. Bayern unter dem Ministerium Monteglas (s. d.); E i n h o r n. Wirtschaftliche Reformliteratur in Bayern vor Monteglas) не дают ни для XVIII в., ни для времени Наполеона представления о торговле страны с Францией. Впрочем, Бавария со стороны австрийской, независимой, или, точнее, укрытой от Наполеона, границы могла меньше ощущать влияние блокады, чем другие государства.

Нужно, наконец, упомянуть о двух общих обзорах истории Германии при Наполеоне: старом — Альфреда Рамбо и новом — Фишера.

В двух частях своей книги «La domination française en Allemagne» (t. I. Les Français sur le Rhin. Paris, 1873; t. II. Allemagne sous Napoléon I. Paris, 1874) покойный Alfred Rambaud дал изложение истории французских завоеваний в Германии при революции и Наполеоне. Несколько страниц (стр. 426—439, точнее 426—435 второго тома) он посвятил континентальной блокаде.

Этот очерк трактует о блокаде вообще и лишь очень немного и общо касается блокады в Германии. В частности, мы в этом очерке не встречаем ничего, касающегося торговых связей между Францией и Германией в наполеоновскую эпоху. (Отмечу, что Rambaud неправильно толкует трианонский тариф: выходит, будто Наполеон этим тарифом *разрешил* при уплате повышенной пошлины ввоз английских товаров; автор даже говорит (стр. 430): «...il résolut donc de transformer la prohibition des denrées coloniales en un tarif douanier de 50%. Bien entendu, le tarif ne s'appliquait qu'aux denrées coloniales, pour les produits manufacturiers de l'Angleterre, la prohibition subsistait dans toute sa rigueur». Тут все неверно: 1) колониальные товары (неанглийские) вовсе не были воспрещены до трианонского тарифа 5 августа 1810 г., а только обложены менее высокими пошлинами, нежели те, что установил этот тариф; 2) этот тариф именно и был введен, чтобы изгнать вовсе из Европы колониальные, привозимые по морю товары, чтобы лишить англичан возможности провозить свои товары под видом американских: 3) *английские* колониальные товары и после трианонского тарифа, разумеется, подлежали *немедленной и безусловной* конфискации).

Книга Herbert Fisher'a «Studies in Napoleonic statesmanship. Germany» (Oxford, 1903) имеет характер общего обзора

деятельности императорского правительства в Германии как там, где эта власть была непосредственной или почти непосредственной, так и там, где она действовала через посредство местного формально независимого правительства. Fisher рассматривает историю Ганновера, Рейнского союза, «падения Пруссии», историю Северной Германии после Тильзита, историю Берга, Вестфалии, Франкфурта, ганзейских городов и рейнских департаментов Империи; он при этом рассматривает главным образом политические условия жизни этих стран в описываемую эпоху. Некоторые главы основаны на ранее вышедших монографиях (как и заявляет автор в предисловии); но он работал и самостоятельно. Огромность темы при сравнительно небольших размерах (384 страницы) вынуждает автора часто к большой сжатости,— однако нужно не только назвать эту работу умелой и интересной сводкой монографической литературы, удачно дополненной ценными архивными ссылками, но и признать за ней самостоятельное значение.

В литературе, посвященной *освобождению* Германии от наполеоновского владычества, континентальной блокаде посвящается обыкновенно несколько беглых строк или даже слов, и притом даже такими авторами, которые хорошо понимают ее общее значение [12].

Масса книг, статей, брошюр под такими названиями, например, как небольшая книжка Havemann'а «Das Kurfürstenthum Hannover unter zehnjähriger Fremdherrschaft» (Jena, 1867), существует о германских государствах времен Наполеона,— и много я потерял времени на то, чтобы найти в этой литературе хоть самые беглые указания: 1) о влиянии на эти государства континентальной блокады, 2) о торговых сношениях между этими государствами и Францией. Эта сторона дела оказывалась либо вовсе обойденной молчанием, либо автор отделывался общими словами о блокаде, ничего не говорящим пересказом берлинского декрета и т. п.

Из немецкой историографии, посвященной истории отдельных «новых индустрий», я ничего не почерпнул для интересовавшей меня эпохи.

В книжке Scheibler'а, где можно было бы ожидать найти какие-либо указания о влиянии блокады на развитие свеклосахарной промышленности, мы не видим и признака понимания связи между этими явлениями. Автор ограничивается лишь беглым упреком Наполеону, что тот поощрял опыты с свеклосахарным производством во имя «вражды к соседнему английскому народу», тогда как аналогичные «высочайшие мероприятия» короля прусского Фридриха-Вильгельма III имели в виду «лишь одну цель»— государственную пользу (Actenstücke zur Geschichte der Rübenzuckerfabrikation in Deutschland etc., von

Dr. C. Scheibler. Berlin, 1875). О других книгах по истории свекло-сахарной промышленности и говорить нечего.

Экономическая история герцогства Варшавского также пока не написана. О старой литературе нечего и говорить. Отдельно нужно упомянуть, конечно, о двухтомной книге гр. Скарбека («Dzieje Xicstwa Warszawskiego», pr. Fryd. Hr. Skarbka. Poznań, 1860); но даже эта книга,— самая полная специальная история герцогства Варшавского, посвящающая две большие главы внутреннему состоянию края (т. I, стр. 151—234; т. II, стр. 67—111),— почти не говорит о торговле герцогства, а останавливается на конституционно-административных и отчасти финансовых вопросах (исключением являются стр. 182—184 первого тома, где речь идет о печальных последствиях континентальной блокады для польского сбыта, шедшего обыкновенно через Данциг).

В своем интересном новейшем исследовании «Napoléon et la Pologne» (Paris, 1909) автор, M. Handelsmann, на основании архивного материала воссоздает историю Польши при Наполеоне и польской политики Наполеона. Дипломатическая, политическая, административная история — таково содержание этого труда. Экономическая сторона осталась пока неразработанной; говорю «пока», так как этот том охватывает лишь 1806—1807 гг., и, вероятно, за ним последуют дальнейшие.

По истории торговли герцогства Варшавского, где можно было бы почерпнуть указания об экономическом значении герцогства для Франции, не существует такого обстоятельного и добросовестного труда, какого уже дождалась история финансов этого государства в виде книги Жолтовского (Stanislaus von Żoltowski. Die Finanzen des Herzogthums Warschau. Posen, 1890—1892). Нужно заметить, что Жолтовский в приложениях к своей книге напечатал торговый баланс великого герцогства; в дальнейшем изложении читатель найдет у меня ссылку на этот документ.

В книге К. Г. Воблаго («Очерки по истории польской фабричной промышленности», т. I. Киев, 1909) влиянию континентальной блокады и французского владычества на Варшавское герцогство посвящены стр. 176—182, а положению промышленности в эту эпоху — стр. 183—187. Эти страницы, сжато, но содержательно характеризующие положение дел в герцогстве, нужно отметить, особенно ввиду поразительной скудности литературы предмета вообще.

(Что касается историографии России в эпоху блокады, то именно в последнее время этот вопрос, отчасти под влиянием юбилея войны 1812 г., привлек к себе внимание. Появился ряд статей, этюдов, высказывающих порой весьма интересные соображения, выдвигающие новые точки зрения. Назову хотя бы

работы Военского, Пичеты, Рожкова, Покровского, Туган-Барановского, Кулишера, напечатанные отдельными книжками или помещенные в журналах и юбилейных изданиях. Тут неуместно было бы подвергать их критическому разбору, так как в соответствующей главе моего исследования я пишу не о континентальной системе в России, а об экономических отношениях Франции и России в эпоху континентальной системы, и указанная русская литература, дающая общий и сжатый обзор состояния России при континентальной системе, не затрагивала, как уже сказано выше, почти вовсе моей специальной темы.)

Переходим к Швейцарии.

В старой специальной литературе о Швейцарии в наполеоновскую эпоху почетное место (если даже не самое почетное) занимает двухтомная книга Антона Тиллье (A. von Tillier. Geschichte der Eidgenossenschaft während der Herrschaft der Vermittlungsakte. Bd. I—II. Zürich, 1846). Хотя очерку экономического состояния страны в эту эпоху Тиллье также удосужился отвести всего 24 страницы из 978, которые занимает его исследование, но все же это больше, чем сколько отводится данному предмету в других работах (специально о торговле и промышленности речь идет на стр. 279—291). Нечего, впрочем, прибавлять, что ни один документ из тех, которые могут дать ясное представление о торговых отношениях между Францией и Швейцарией, не использован, и Tillier представления не имеет о той роли деятельных конкурентов французской промышленности, какую играли швейцарские фабриканты.

Огромная (781 страница) новейшая работа о наполеоновском периоде в Швейцарии, написанная Öchsli («Geschichte der Schweiz im neunzehnten Jahrhundert. Bd. I. Die Schweiz unter französischen Protektorat. 1798—1813». Leipzig, 1903), отодвигает на задний план все предшествующие труды по истории Швейцарии в эту эпоху; фактам экономического характера и она не уделяет места (попадающиеся изредка, разбросанные там и сям замечания о конфискации колониальных товаров, о таможнях и крайне беглы, и очень редки; ср. стр. 544—550).

Две новейшие специальные книги по истории Швейцарии при Наполеоне посвящены почти исключительно дипломатическим вопросам. Исследование Gustav'a Steiner'a занято специально выяснением роли французского посла в Швейцарии, Огюста Талейрана («Napoleons I Politik und Diplomatie in der Schweiz während Gesandtschaftszeit des Grafen Auguste de Talleyrand». Zürich, 1907) и анализом политических тенденций самого Наполеона относительно Швейцарии. Последняя книга

по истории Швейцарии при Наполеоне написана Edouard'ом Guillon'ом («Napoléon et la Suisse». Paris, 1910) на основании документов французского архива иностранных дел, и экономическая сторона обойдена полным молчанием, а между тем, если бы автор знал хотя бы только те документы, которые относятся к промышленной конкуренции Швейцарии с Францией и которые использованы мной в дальнейшем изложении, то он, быть может, и не смотрел бы столь восторженно на благодеяния, полученные Швейцарией от Наполеона, и не говорил бы мимоходом о *malaise passager du blocus* («Oublions donc la suppression de quelques journaux et le malaise passager du blocus», стр. 359). С другой стороны, те же документы дали бы ему для уяснения истинного положения страны такие драгоценные, при всей своей скупости, указания, каких он не мог найти (и не нашел) во всех дипломатических бумагах, которыми пользовался.

Лучше обстоит дело специально с Женевой.

В 1908 г. вышла интересная книга Edouard'a Chapuisat «Le commerce et l'industrie à Genève pendant la domination française» (Genève et Paris, 1908. 237 стр. + приложения) [13], основанная на документах Женевского архива и отчасти, хотя и очень немного, парижского Национального архива. В Национальном архиве он мог бы найти несравненно больше, если бы обратился к другим картонам, заключающим в себе исключительно документы о промышленности и торговле. Но данные, которые он извлек из Женевского архива, любопытны и сами по себе; можно пожалеть лишь о полном отсутствии систематического плана, что очень затрудняет пользование его книгой, а также о слишком общем и неопределенном заключении, которое настолько мало зависит от содержания книги, что могло бы быть написано и без нее. А между тем, именно вследствие разбросанности и несистематичности материала обстоятельная сводка заключений была бы тут особенно необходима.

Еще беднее с интересующей нас точки зрения история Голландии. Все книги, посвященные наполеоновской эпохе в Голландии, отводят вопросу о блокаде ничтожное место и ограничиваются общими выражениями. Отмечу кстати, что две французские книги, указываемые кое-где как исследования по истории Голландии, являются лишь изданиями документов.

Книга André Dubosc'a «Louis Bonaparte en Hollande d'après ses lettres» (Paris, 1911) является изданием некоторых, далеко не всех, конечно,— писем голландского короля к разным лицам. Цель издателя, как он сам заявляет, заключалась в том, чтобы способствовать характеристике личности Людовика (dégager la physionomie morale de Louis Bonaparte), и для нашей темы этот материал не дал ровно ничего. Более старое издание пе-

реписки между Наполеоном и Людовиком, дополняющей наполеоновскую «Correspondance», сделано Рокеном в 1875 г. («Napoléon et le roi Louis d'après les documents conservés aux archives nationales», par Felix Rocquain. Paris, 1875).

(О книге Kluit'a я говорю выше,— там, где речь идет об общей историографии блокады; эта книга, хотя и написанная голландским ученым и почти исключительно на основании голландских материалов — печатных, не останавливается специально на вопросе о положении Голландии при блокаде.)

На новейшей литературе тут останавливаться незачем: никакой помощи при исследовании интересующего нас тут вопроса они не дают, и документов, на основании которых в соответствующем месте моей книги дана характеристика экономического состояния Голландии, они не знают. Я бы даже сказал, что не так удивительно, что они не знают рукописей, как то, что так неполно пользуются печатными источниками, вроде корреспонденции Наполеона.

Соединенные Штаты были очень болезненно затронуты англо-французской борьбой. Но с интересующей меня точки зрения и американская историография дала не много. В труде Adams'a «History of the United States» отводится четыре тома 1801—1809 годам, но мы тут находим лишь дипломатическую и политическую историю Штатов; книги по истории внешней торговли Северной Америки либо ничего не говорят об интересующем нас вопросе, либо говорят очень мало и бегло; иногда именно этот период пропускают (например, ср. книгу Evans'a «An historical and statistical account ef the foreign commerce of the United States», где есть таблицы *до* 1776 г. и *от* 1821 г.). Кое-что дает Taussig («The tariff history of the United States». New-York, 1888). Огромная памфлетная литература, как современная событию, так и позднейшая, вызванная войной Штатов с Англией в 1812 г., на редкость мало дает по интересующему нас вопросу: все это бесчисленные пересказы официальных документов, английских и американских, официальная и официозная полемика между двумя правительствами по вопросу о нейтральных судах и т. д. и т. д. Некоторые цифры,— цифры, правда, очень неполные,— дает вышедшая в 1816 г. книжка Timothy Pithin'a «A statistical view of the commerce of the United States of America» (Hartford, 1816), на которую я в своем месте ссылаюсь. Нечего и прибавлять, что нигде я не встретил даже намека на те обстоятельства, о которых говорят использованные мной здесь документы, касающиеся торговли Франции с Америкой.

До какой степени легкомысленны и поверхностны бывают суждения, высказываемые иной раз о континентальной блокаде и ее истории, явствует, например, из книжки Эндрьюса

(Edward Andrews. Napoleon and America. New-York, 1909), где автор на 10 страницах, которые он удосужился отвести торговым сношениям между Америкой и Европой при Наполеоне, силится доказать, что именно действия американского торгового флота, нарушавшие блокаду, были причиной... войны Наполеона с Александром I в 1812 г. Конечно, кроме голословных фраз мы тут ничего не находим. Это было бы еще с полбеды, если бы американская историография могла похвалиться хоть единой сколько-нибудь серьезной работой о таком важном предмете, как влияние континентальной блокады на Северо-Американские Соединенные Штаты, если бы кому-нибудь из американских историков вздумалось поинтересоваться американскими архивными документами, сюда относящимися (которые, несомненно, нашлись бы в большом количестве). Тогда и книжки, подобные брошюре Andrews'а (89 страниц небольшого формата и разгонистого шрифта) не заслуживали бы даже упоминания. Эндрьюсом не использованы даже те немногие данные о торговле Штатов с Францией при Наполеоне, которые даются официальными изданиями североамериканского правительства.

Наконец, кто интересуется вопросом о путях левантийского хлопка в эпоху Наполеона, тот должен не оставить без внимания и Иллирию.

Лучшая специальная монография по истории так называемых «Иллирийских провинций» при Наполеоне написана не далматинцем и вышла не в Австрии, а в Париже; прибавлю, что только в Париже она и могла быть написана столь обстоятельно, потому что в Париже хранятся не все, но очень многие документы, относящиеся к Иллирии в эту эпоху. Принадлежит этот труд аббату Пизани (Paul Pisani. La Dalmatie de 1797 à 1815. Paris, 1893). Правда, кроме парижских архивов, Пизани очень много пользовался и архивом Зары; но без архива французского военного министерства и министерства иностранных дел, а также Национального архива, конечно, такую подробную историю — военную, дипломатическую и политическую — этой страны в наполеоновскую эпоху написать было бы невозможно. И эта монография, лучшая из всех существующих, *ничего* для интересующей нас темы не дала. Автор не видел в Национальном архиве ни картона AF. IV. 1061, ни AF. IV. 1062, ни F^{12} 507, ни регистра F^{12*} 192, ни F^{12} 534, ни AF.IV.1293, ни F^{12} 549—553,— словом, ни одного из тех картонов, где находятся кое-какие использованные мной сведения о той роли, которую играли или должны были играть в экономической жизни наполеоновской Империи Иллирийские провинции. А в этой монографии 490 страниц размера gr. 8° убористого шрифта, и это единственная книга в литературе по истории Илли-

рийских провинций, для составления которой было привлечено так много архивных материалов, единственная, принимающая во внимание и документы французского происхождения (к слову отмечу, что не известна ему и интересная книга Rödlich'a, служившего в Далмации в 1803—1804 гг.: «Skizzen des physisch-moralischen Zustandes Dalmatiens und der Buchten von Cattaro». Berlin, 1911). Читатель найдет дальше у меня ссылку на эту книгу).

Ионические острова в период французского владычества интересовали меня главным образом как место, куда доставлялась часть английского контрабандного импорта, предназначенного, с одной стороны, для Иллирии, с другой,— для Италии. Но в очень скудной литературе, специально посвященной истории Ионических островов в эту эпоху (и даже в самой лучшей и полной монографии, написанной Rodocanachi,— «Bonaparte et les îles Ioniennes». Paris, 1899), я не нашел нужных мне сведений.

Переходя к историографии Англии, заметим, что *здесь* она нас, конечно, интересует *исключительно* постольку, поскольку может способствовать уяснению судеб французской промышленности в эпоху блокады. И рассматриваемая под этим углом зрения английская историография, посвященная наполеоновским временам, дает в высшей степени мало (добавлю, к слову, что и для экономической истории самой Англии при блокаде эта историография дает немногим больше).

Я уже не говорю об общих обзорах, вроде Alison'a или Martineau, где экономическая история обходится молчанием, а блокада поминается в самых общих чертах; не говорю и о шаткости популярных представлений о блокаде.

В большом вводном обзоре событий 1800—1815 гг. («Introduction to the history of the peace». London, 1851) Harriet Martineau говорит (стр. 102) в нескольких строках о «знаменитом берлинском декрете» и этим ограничивается.

Любопытно для характеристики неясности ходячих представлений о континентальной блокаде то совершенно неосновательное и прямо противоречащее истине утверждение, которое мы находим, *например, в последнем (одиннадцатом)* издании «Encyclopaedia Britannica» (см. т. IV, стр. 72, слово *blockade*). Вот что читаем тут: «The climax was reached in the Continental Blockade decreed by Napoleon in 1806, which continued till it was abolished by international agreement in 1812». Никакого международного соглашения об отмене блокады в 1812 г. не было и быть не могло, если вспомнить политические условия момента. Блокада фактически переставала существовать в Европе в 1813 г., по мере успехов коалиции, и прекратилась формально и окончательно во Франции лишь с падением

Империи. Не говорю уже о том, что и вообще о континентальной блокаде мы находим в «Британской энциклопедии» всего несколько строк (вкрапленных в общую статью о блокаде как явлении международно-правовом). В статье же, посвященной истории Англии (т. IX, стр. 554), о континентальной блокаде находим тоже несколько незначащих строк. Я нарочно взял самый лучший и полный английский энциклопедический словарь.

(Но, замечу кстати, все же в «Encyclopaedia Britannica» нет хоть той жестокой хронологической путаницы, как в очень поверхностной и небрежной статье «Blocus Continental» в словаре L. Say и Chailley «Nouveau dictionnaire d'économie politique». Paris, 1891, t. I, стр. 198—202; тут берлинский декрет отнесен к 1807 г., английские orders in Council к 1806; ни с того, ни с сего в коротенькой статейке, где нет самого главного, существенного, приводится с длинными выдержками ни к чему не нужный дипломатический документ, один из тысячи дипломатических протестов против блокады, и т. п.).

Говоря о ничтожной разработке истории блокады, нельзя не отметить, что, например, определенный вопрос — план Наполеона напасть на Англию — уже дождался большой специальной работы (Wheeler and Broadley. Napoleon and the invasion of England. The story of the great terror. London, 1907, в двух томах, с многочисленными иллюстрациями начала XIX столетия). Авторы, согласно своей теме, кончают изложение 1805 г. Нечего и говорить, что вопрос о блокаде подавно и еще в большей мере заслуживал бы со стороны англичан монографического исследования, даже хотя бы с чисто внешней стороны этой темы.

Очерк внешней истории блокады дан в известном труде Mahan'a «Influence of sea-power upon the french revolution and empire» (London, 1892), в главе XVIII: The warfare against commerce (т. II, стр. 272—357).

В октябрьской книге за 1893 г. журнала «English historical Review» находим небольшую статью (стр. 704—725) I. H. Rose под названием «Napoleon and english commerce». Целью автора, как он говорит в первых строках своей статьи, было показать, что Наполеон продолжал в своей политике дело, начатое революционными правительствами (автор выражается так: «commenced by the french revolutionists»), а затем рассказать о влиянии принятых им мер на *английскую* промышленность. Уже эта постановка задачи устраняла французские экономические отношения (и вообще континент) из кругозора автора. Что касается в частности мысли о преемственности политики Наполеона от революционных времен, то после Сореля и его школы это воззрение вообще очень прочно вошло в научную

литературу; но в 1893 г., когда написана статья Rose налицо были только первые тома Сореля, говорящие лишь о первых годах революции (упомянутая статья Rose перепечатана им в его книге «Napoleonic studies»).

Самая полная и обстоятельная из всех английских работ, говорящих об *экономической истории* интересующей нас эпохи,— бесспорно, книга профессора политической экономии в Глазго W. Smart'a «Economic Annals of the nineteenth century» (London, 1910). Правда, тема его — *исключительно* Англия, и о том, какие материалы положены им в основу своего труда, я буду говорить подробно в другом месте, в той работе, которую надеюсь в будущем посвятить специально последствиям блокады для Англии. В этой моей книге, которая относится исключительно к Франции, подобный разбор был бы неуместен: ограничусь лишь замечанием, что Smart не дает никаких указаний относительно хотя бы того, в какие континентальные страны и какие именно английские товары шли больше всего в эпоху блокады, как смотрели в Англии на французскую торговлю и промышленность и т. д.

О небольшой книжке Кеннингема «British credit in the last napoleonic war» (Cambridge, 1910) я надеюсь говорить тоже в специальной работе о последствиях блокады для Англии. Из 83 страниц текста 27 (стр. 56—83) заняты специально континентальной блокадой, но не Францией, а Англией в эпоху блокады. Точно так же он интересуется и в остальных главах своей книжки французскими взглядами на Англию и ее кредит (и даже перепечатывает в приложении относящуюся сюда французскую брошюру). Французские брошюры об Англии в эту эпоху являлись внушенной ими (иногда) самостоятельной популяризацией правительственных взглядов; там, где они (слегка) касаются Франции, они проникнуты неизменным оптимизмом, выражающимся в общих фразах. Английские взгляды на французскую промышленность были бы для нас более интересны, но их-то автор и оставил вне своего кругозора.

2

При подобном состоянии разработки вопроса о континентальной блокаде вообще мне было немыслимо строго держаться в первоначально намеченных рамках исследования вопроса о влиянии блокады на *французскую* промышленность, на промышленность так называемых (при Наполеоне) «старых департаментов», *anciens départements,* которые, как увидим, очень и очень *отличались и Наполеоном, и императорским* правительством, и органами торгово-промышленного мира от Пьемонта, Бельгии, департамента Лемана, левобережных прирейнских департаментов, не говоря уже о позднейших приоб-

ретениях, вроде Голландии, ганзейских городов, Рима. Не только для полноты картины, но и для лучшего понимания экономической жизни «старых департаментов» пришлось не исключать из своего кругозора и этих революционных и наполеоновских завоеваний. Конечно, в центре внимания стояли «старые департаменты», ядро Империи, Франция границ до 1792 г., но, поскольку это требовалось для полноты и отчетливости общей картины, я старался дать отчет и о Пьемонте, и о Бельгии, и о департаменте Лемана, и о Швейцарии, и о левом береге Рейна, и о Голландии, и о ганзейских городах, и о Риме, и о Берге, и даже об Испании и Португалии, и об Итальянском королевстве Наполеона, и о Неаполе, и о Средней и Восточной Европе,— но все эти страны интересовали меня пока *исключительно* постольку, поскольку их история позволяла разобраться в природе экономических отношений между ними и старой Францией. Конечно, это в высшей степени осложняло исследование, так как при скудости научной литературы об этих странах приходилось и их экономическое положение, и их торговые сношения с Францией воссоздавать по документам, в значительной степени по разнообразным и разбросанным рукописям Национального архива, среди сокровищ которого есть масса материала, относящегося именно к управлению покоренными Наполеоном странами (*этот* период в жизни таких стран нужно изучать именно в Париже — и больше всего в Париже).* Нужно было выбирать из этого материала лишь то, что относится к экономической истории и в частности к сношениям этих стран с Францией. Необходимым оказалось рассмотреть и влияние *блокады* не только на старую Францию, но отчасти и на окружавшие ее земли, присоединенные Наполеоном или прямо от него зависевшие.

Таким образом, географические рамки исследования поневоле оказались шире, чем я хотел их установить; но я повторяю, все материалы, которые я привлек к исследованию, имели главной, основной целью осветить экономические условия именно *старой* Франции, «старых департаментов», той страны, той территории, которая до 1792 г. и после 1814 г. называлась «французским королевством» и понималась под «Францией». Как уже было сказано, и Наполеон, и его министры, и французское общество тоже вполне отчетливо различали эту старую Францию, эти старые 83 департамента, среди Империи, раскинувшиеся от Гамбурга до Турции, от Ламанша до Рима. *Все* остальное имеет в *этой* работе лишь побочную роль и должно служить всестороннему выяснению главной проблемы. Льщу себя, впрочем, надеждой, что те факты, которые я привожу относительно экономической истории этих связанных с наполеоновской Францией стран, уже потому, что большинство

приводимых сведений являются впервые, могут в свое время пригодиться и историкам, которые специально займутся экономическим состоянием указанных стран в эпоху Наполеона. Тяжелый труд, потребовавшийся при поисках и классификации всех этих разбросанных (часто в полном беспорядке) материалов, нисколько не облегчался слишком общими указаниями архивных каталогов. При обработке же этих материалов я стремился выяснить: 1) руководящие принципы экономической политики наполеоновского правительства; 2) состояние французской промышленности до континентальной блокады; 3) состояние французской промышленности в эпоху блокады; 4) размеры французской внешней торговли в эпоху Наполеона и общий характер экономических отношений между Францией и Европой в наполеоновский период.

Выше (в предисловии) я уже сказал, что исследование истории рабочего класса во Франции в эпоху Консульства и Империи составит тему особой работы. Точно так же, снова повторяю, дело будущего — специальные работы по экономической истории Англии, Италии, Испании и т. п. в период континентальной системы.

Что касается источников, то содержание этой работы в значительнейшей мере основано на неизданных документах, хранящихся как в парижском Национальном архиве, так и в некоторых провинциальных, а также (в гораздо меньшей мере, конечно) в голландском Государственном архиве в Гааге, в Record Office в Лондоне, в гамбургском Государственном архиве. Нужную же мне памфлетную и вообще брошюрную литературу я нашел в Национальной библиотеке в Париже, в Британском музее, в гаагской Королевской библиотеке, в старой гамбургской «Kommerz-Bibliothek», в берлинской Королевской библиотеке.

Характеристикой материалов, как рукописных, так и печатных, я и закончу этот вводный очерк.

А. Рукописные материалы

Конечно, я нашел главную массу материалов в Национальном архиве, больше всего в сериях AF.IV и F^{12}. Я работал и в Марселе, и в Лионской торговой палате, и в Амьене, но все, что я нашел вне Национального архива, было незначительно в сравнении с документами государственного хранилища. Наполеоновская централизация привела к тому, что вообще исследователи местной истории *должны* работать не меньше, а обыкновенно *больше* в Национальном архиве, чем на местах. Это — факт, не подлежащий сомнению.

Единственным исключением является история земледелия и земледельческих отношений, где местные архивы выступают на первый план; и то относительно эпохи Империи Национальный архив и в этой области нужнее, чем, например, относительно эпохи революции, когда исследователь аграрной истории может без него обойтись. Но относительно истории промышленности первенствующее значение Национального архива не подлежит никакому сомнению: мы там находим: a) донесения префектов, мэров, торговых и совещательных палат; b) ответы местных властей на все запросы и анкетные бланки центрального правительства; c) *переписку* общеделовую и секретную между центральной властью и местной; d) прошения, жалобы и т. д. отдельных промышленников и отдельных групп торгово-промышленного мира; e) докладные записки и справки, составлявшиеся *на местах* частными лицами для местных властей и местными властями для центрального правительства; f) общие сводки присылаемых с мест сведений, составлявшиеся по департаментам в центральном ведомстве. И в *лучшем* случае в местных архивах есть некоторые *немногие* копии этих местных бумаг. Я в этом удостоверился и на основании личных поисков, и на основании ответов чинов архивной администрации, к которым обращался. Правда, в большинстве местных архивов еще не начали и разбираться в материалах, касающихся Империи, а потому не допускают к этим материалам и исследователей; но, например, в Амьене и Руане, двух промышленных центрах, в Марселе и Бордо, двух торговых центрах, мне еще в 1910 г. пришлось лично удостовериться, что там нет и части того, что есть об *этих* же городах в Национальном архиве (и именно *местных* сведений и показаний). Особенно характерной оказалась пустота архива в Лионе, в промышленном центре, относительно которого, как читатель увидит, я нашел немало существенно важных, драгоценных показаний в Национальном архиве.

В архиве департамента Роны (в Лионе), несмотря на все поиски, в которых мне помогал с обычной своей любезностью архивариус г. Гиг, не удалось найти ровно ничего, относящегося к занимающей меня эпохе, кроме четырех связок, которые также оказались обманчивыми по внешнему виду. Три из них: M.1, M.15 и M.14 были озаглавлены так: a) Ateliers incommodes. Produits chimiques liquides, 1813—1847; b) Ateliers incommodes. Produits chimiques non liquides, 1811—1850; c) Ateliers incommodes. Fours à chaux, an 7—1822, а четвертая: d) Exposition des produits de l'industrie française à Paris, 1806. Во-первых, в связках a, b и c, за вычетом 3—4 документов, не оказалось *ничего*, что относилось бы к эпохе ранее Реставрации; во-вторых, все эти документы относились к действиям

властей, протоколам, осмотрам, разрешениям, запрещениям и т. д, касающимся устройства таких фабрик и мастерских, которые считаются не вполне безопасными в пожарном отношении, способными заразить воздух вредными испарениями, заразить воду, неудобными для соседей и т. д., и т. д. Конечно, абсолютно ничего интересного для себя я тут не нашел. Что касается четвертой связки, то она относилась к административной переписке, касавшейся участия Лиона в парижской выставке 1806 г., но и эта связка ничего не дала, что могло бы дать представление о состоянии лионской промышленности хотя бы в чисто техническом отношении. Г-н Гиг удостоверил меня, что, в частности, ничего даже отдаленно относящегося, например, к континентальной блокаде, к ее последствиям для Лиона в архиве департамента Роны нет и следа.

Таким образом, если я что и вывез из Лиона, то не из департаментского архива, а из Лионской торговой палаты (но и документы Лионской торговой палаты оказались частью — в копиях — в Национальном архиве: только в лионской палате они все находились переплетенными в одном реестре, а в Национальном архиве — разбросанными по разным картонам).

Что касается Национального архива, то здесь две указанные серии оказались наиболее интересными. Серия AF.IV заключает в себе картоны императорского секретариата; здесь я нашел массу материалов по истории блокады вообще и по истории французской промышленности в частности; обширные и интереснейшие доклады министров Наполеону, его резолюции, справки (notices), специально для императора наводившиеся, дипломатическую и междуведомственную переписку о блокаде и т. п. В серии F^{12} (в изучении которой мне помог Шарль Шмидт, архивариус Национального архива, указавший мне несколько десятков картонов, никак не обозначенных в «Etat sommaire») нашлось очень много документов, характеризующих состояние отдельных отраслей промышленности, общее положение внешней торговли и т. д. Кроме картонов этих двух основных серий, я пользовался и реестрами протоколов «Главного торгового совета», «Главного совета мануфактур», давших тоже немало любопытных сведений.

Все эти документы дали мне очень много. Они выяснили: 1) отношение Наполеона к блокаде и к французской промышленности; 2) влияние блокады на экономическую жизнь Франции, прежде всего на состояние промышленности и торговли; 3) основные черты промышленной организации Франции в эпоху Империи; 4) природу экономических отношений между «старыми департаментами», с одной стороны, и иными подвластными Наполеону землями, с другой стороны; 5) наконец, попутно они дали немало существенно важного и совершенно

нового материала для суждения о том, как отразилась континентальная блокада на сопредельных с Францией странах.

Но я считаю нужным настойчиво предостеречь читателя от излишней веры в точность тех статистических данных, которыми любила манипулировать наполеоновская администрация. Сделать это тем более необходимо, что *никто* из историков, касавшихся этой статистики, не счел нужным углубиться в вопрос об ее достоверности. Правда, и касались ее очень мало, бегло и случайно. Но именно потому, что я привожу здесь и в тексте, и в приложениях очень много статистических показаний, впервые появляющихся на свет из архива, на мне лежит долг указать на то, что *эти* свидетельства не имеют права претендовать на абсолютное доверие. Наполеоновское правительство, как сейчас увидим, само очень хорошо это понимало, но, конечно, это составляло одну из «канцелярских тайн». Эти цифры имеют значение *приблизительных* подсчетов, а иногда и этого значения не имеют; во всяком случае пренебречь ими вовсе тоже историк не имеет права. Эта статистика являлась наибольшей и наиболее точной суммой познаний об Империи, какой только мог владеть в те времена всемогущий повелитель этой Империи. Что эта сумма познаний все-таки была и неполной и неточной, этого не нужно забывать, разумеется, но в данном случае выбирать не из чего: нужно знакомиться с цифровыми показаниями, памятуя, что других, более достоверных, ни тогда не было, ни позже (относящихся к этой эпохе) не появлялось, но отнюдь не нужно относиться к приводимым цифрам как к абсолютной истине. К счастью, у нас и помимо этих статистических свидетельств есть много документов, непререкаемо устанавливающих основные факты истории промышленности и торговли при Наполеоне. Статистика часто иллюстрирует эти факты, характеризует представление современников об этих фактах, иногда дополняет эти факты (ибо есть и кое-какие статистические показания, имеющие все признаки полноты и достоверности) и, главное, по существу своему *никогда* не противоречит этим фактам, установленным без ее помощи.

О законности скептицизма относительно статистики революционной эпохи я говорил во второй части своей книги «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Но, во-первых, можно было бы услышать отзыв, что наполеоновская администрация действовала много исправнее, а потому и к результатам ее усилий надлежит относиться с бóльшим доверием; во-вторых, повторяю, некоторые из тех немногих вышеназванных историков, которые вообще (очень бегло и скудно) приводили относящиеся к Империи статистические показания, отнеслись к ним, по-видимому, с полным доверием; в-третьих, наконец, факты, кото-

рые я приведу сейчас, может быть, способны будут дать некоторые методологические предостережения исследователям экономической жизни и других стран Европы в XVIII и начале XIX вв.: скептицизм, законный относительно статистических работ самой *совершенной* из тогдашних бюрократических машин, может показаться подавно уместным относительно работы других, менее сложных, стройных, не так исправно действующих административных аппаратов.

Вот почему я предлагаю читателю выслушать здесь наиболее непререкаемые свидетельства о степени точности наполеоновской статистики: свидетельства, которые я нашел в самих документах, в административной переписке, не предназначавшейся для нескромного глаза, и поэтому довольно откровенной.

Механика собирания статистических сведений была такова. Министр внутренних дел, а с 1812 г. министр мануфактур и торговли, рассылал префектам опросный лист или просто циркуляр с приказом собрать такие-то сведения, или (в 1811 г., 1812—1813 гг.) целые пачки опросных бланков для предполагаемой анкеты. Префект обращался с соответствующими приказами к супрефектам, те — к мэрам, а мэры, во-первых,— либо к торговым, или «совещательным» (промышленным) палатам, где таковые были, либо, во-вторых, непосредственно к промышленникам данного округа. Торговые палаты тоже обращались к промышленникам. Итак, в последней инстанции от хозяина предприятия исходили показания об его капиталах, о сумме, на какую он вырабатывает товара, о числе рабочих и т. д., и т. д. Все эти показания через те же стадии доставлялись префекту, а от префекта шли в министерство, составлявшее сводки, таблицы, общие доклады и представлявшее все это императору. Наполеон постоянно требовал точных цифровых показаний, и администрация знала, что лучше наскоро что-нибудь ему представить, чем ничего не представить.

Министр префектам, а префекты подчиненным властям не перестают внушать, что его величество придает величайшую важность точности статистических данных [14].

30 января 1806 г. министр внутренних дел Шампаньи разослал префектам циркуляр, в котором требовал сведений о хлопчатобумажных и вязальных мануфактурах, находящихся во Франции, *об их прошлом и настоящем, о количестве выделываемого* товара и т. д. Сведения должны были быть доставлены в 15 дней, ибо император желает немедленно получить доклад; если будут промедления, министр это припишет нерадивости префектов [15]. А что можно было собрать в 15 дней при тогдашних средствах сообщения, при отсутствии не то что подготовленного персонала статистиков, но даже какого

бы то ни было специально нанятого персонала, при страшной обремененности префектов, супрефектов и мэров делами о рекрутском наборе (они вечно оправдываются именно этим в своих промедлениях и неточностях) и другими текущими административными делами?

Результаты, например, хоть той же анкеты начала 1806 г. о хлопчатобумажной промышленности, об ее положении во Франции, о числе мануфактур и рабочих были совершенно ничтожны. Мало кто из префектов прислал что-либо, кроме слова «*néant*» и своей подписи, а то, что было прислано, отличалось полнейшей неопределенностью. Анкета была задумана широко [16], но из нее почти ничего не вышло. Впрочем ясно, что и сам министр не особенно отчетливо понимал, что нельзя требовать «в пятнадцать дней» доставления ему тех сведений, которых он в этом циркуляре требовал [17].

В 1811 г. Наполеон I выразил категорически свое желание иметь ежемесячный доклад о положении промышленности в Империи. С июля 1811 г. префектам приказано было поэтому доставлять ежемесячно соответствующие отчеты. Но эти отчеты доставлялись в таком скудном количестве, что министру (сначала внутренних дел, потом — мануфактур и торговли) невозможно было и к началу 1812 г. изготовить сколько-нибудь полный доклад. Печатались и рассылались строжайшие циркулярные выговоры, но ни к какому ощутительному результату они не привели [18].

Например, 11 декабря 1810 г. министр внутренних дел опять рассылает префектам циркуляр, в котором требует от них статистики производства, рабочих рук, сопоставлений прошлого положения с настоящим и т. д. [19].

В начале 1812 г. префекты получили уведомление от министра внутренних дел, где им сообщалось, что он желает получать *постоянно* сведения о положении промышленности в данном департаменте. При этом были разосланы образцы вопросных бланков, где фигурировали неизменно следующие графы: 1) количество промышленных заведений данной специальности в данной местности; 2) количество рабочих в этих заведениях; 3) *средняя* заработная плата (prix moyen de la journée); 4) рыночная цена данного продукта; 5) общая сумма, на которую выделывается данного товара в этой местности. Кроме этих неизменных, коренных рубрик, были и другие, частные и варьировавшиеся [20].

В 1812 г., когда центральная власть требовала особенно настойчиво регулярных сведений о положении промышленности, ей отвечали, что доставляемые сведения лишь приблизительны, а скоро «можно опасаться, что не удастся получить даже и приблизительных сведений» [21].

Циркуляром от 21 февраля 1812 г. министр мануфактур и торговли извещал префектов о том, что он должен ежемесячно, согласно желанию его величества, представлять императору доклад о положении всех отраслей промышленности в стране; при этом министр циркулярно же упрекал префектов в неисправной присылке необходимых для подобных докладов данных. В конце концов отчеты стали не ежемесячными, а трехмесячными, «триместриальными».

Особенно небрежно, недостоверно, явно наскоро, явно, чтобы поскорее отделаться, стала составляться статистика в 1812—1813 гг., когда от префектов стали требовать присылки отчетов за каждые три месяца.

Изучение этих триместриальных отчетов привело меня к выводу, что в целом ряде случаев префекты, получая сведения об отсутствии сколько-нибудь существенных перемен, просто дословно переписывали предыдущие свои донесения. Министр мануфактур это, по-видимому, сам очень сильно подозревал [22], но ничего поделать не мог.

Иной раз префекты просто отделывались неопределенными фразами, а министерство составляло заметку, что данный департамент «мало известен» или даже вовсе «неизвестен». Так случилось в 1806 г. с департаментом des Forêts (главный город Люксембург) [23].

Не получая нужных сведений, префекты пускались иногда в чисто логические построения. Так, например, безграничное поприще для самых фантастических выкладок открывалось перед администрацией всякий раз, когда, отчаявшись в возможности фактически сосчитать рабочих, она пыталась, отправляясь от тоже вполне произвольной цифры «общего продукта производства», исчислить число прядильщиков и ткачей на основании столь же гипотетической средней цифры «продукта дневного труда» [24].

Бывает и так: префект дает министру внутренних дел известные цифры — число рабочих, число выработанных товаров, размеры их продажной стоимости и т. д., а на полях сам же прибавляет: «*observation:* la population manufacturière et la valeur des produits de ces usines varient considérablement. Ils sont tantôt doubles, tantôt moindre de moitié que les nombres donnés» [25]. Т. е., другими словами, если он дает число рабочих, скажем, в 100 человек, то это значит, что их может быть и 200, а может быть и менее 50. При такой «амплитуде колебаний», конечно, и речи быть не может о сколько-нибудь точной статистике.

Префекты сплошь и рядом не давали ни малейших цифровых показаний или давали почти наобум (по собственному признанию) [26] и путаные, но зато они, созывая совещания за-

интересованных лиц, наводя справки, выслушивая мнения, давали об этом хоть в нескольких словах отчет центральной власти. Например, префект департамента Луары говорит, что в его департаменте есть бумагопрядильщики и ткачи, но что сосчитать их немыслимо, «большинство имеет всего по одному-два станка, и лишь некоторые три — десять станков (но не больше)». И однако он прибавляет, что *прежде* производимые департаментом материи шли в дальнейшую переработку, из них выделывались ситцы, а теперь это совершенно невозможно; нельзя выдержать иностранную конкуренцию [27].

Иногда министерство сердилось, получая уж слишком явно противоречивые или наобум написанные донесения, требовало дополнений и объяснений; иногда довольствовалось отметкой [28] «для себя», что эти сведения никуда не годятся, а все-таки и их причисляло к статистике.

Бывает и так, что префект Лиона, например, пишет, что число рабочих, занятых в шелковом производстве, превосходит 9 тысяч человек, а торговая палата Лиона *в то же время* доносит, что их 7 тысяч, и министерство, отмечая это противоречие, не делает и попыток из него выбраться [29], или, например, из Монпелье префект присылает такого рода сведения: станков, *находящихся в действии* за январь 1814 г. (в шелковом производстве),— 945; рабочих — 705, и в таком же роде и дальнейшие сведения (за апрель, июль и т. д.). В министерстве кладут резолюцию: «очевидно, ошибка в таблице. Каждый станок должен давать работу по крайней мере одному рабочему. Сделать замечание префекту». И действительно, министерство совершенно право, и в таблице — явная бессмыслица [30]. И ведь оба последних примера я нарочно взял из области статистики *шелкового* производства, которое несравненно легче поддавалось учету, чем бумагопрядильное, суконное, не говоря уже о полотняном.

Часто читаем и такие предупреждения самих же лиц, посылающих данные сведения: Cette notice n'est que par aperçu, elle ne peut être d'une exactitude rigouresemment mathématique... и т. п. [31].

В 1812 г. мэр Марселя говорит, что получаемые от промышленников сведения «крайне неопределенны» и что собирать их делается все затруднительнее [32]; что отвечают ему больше «из любезности», что один раз говорят одно, другой раз — другое, и мэр «далек от того, чтобы верить» сведениям... которые он же сам пересылает префекту [33].

Мэр Марселя (точнее, заместитель мэра) препровождает префекту сведения о промышленности города и жалуется, что показания, на основании которых он писал свою статистику, были иногда разноречивы; оправдывается трудностью собира-

ния справок, склонен даже считать эту трудность очень значительной, если не непреодолимой, и в заключение предостерегает префекта от излишней веры в строгую точность своих же собственных показаний [34].

В пояснительном циркуляре Монталиве (в 1811 г.) указывается прямо, что министру не нужны детали, а просто желательно получить общее представление о положении промышленности [35]. Это — признание *невозможности* узнать эти «детали».

Нечего и говорить о работающих на дому, о кустарях в особенности. Сосчитать работающих на дому оказывалось невозможным и при Наполеоне не только вполне точно, но даже и *приблизительно* [36].

В департаменте Нижних Альп развито отчасти шерстяное производство, выделка грубых *кадисовых* материй, но префект, как отмечает чиновник в министерстве, не дает никаких цифровых показаний ни о числе выделываемых штук, ни о числе рабочих. Да и как он может их дать, когда это типичный департамент деревенской индустрии. Вот префект прислал отдельно одно показание о большом селе Villar-Colmars: «la population s'élève à 754 individus, presque tous les habitants se livrent à la fabrication des étoffes cadis» [37]. Для нас таких указаний, и при том, что мы знаем о положении вещей непосредственно до Наполеона, достаточно, чтобы удостовериться, что в данном месте организация промышленной жизни осталась прежняя; но для ведомостей с точными подсчетами подобные донесения полезны быть не могли.

То же самое в департаменте Морских Альп: какие есть производители «грубых сукон» — все живут в горах и сбывают свои товары в деревнях же [38].

Отказывается дать какие-либо цифры и префект департамента Коррез [39], и другие.

Например, в конце 1812 г. показано работающих в марсельских шерстовязальных мануфактурах 511 человек, но это только мужчины, работающие в помещении шести марсельских фабрик этого промысла, а вся масса женщин, работающих на эти заведения у себя на дому, «не может быть» сосчитана [40].

А если мы заглянем в ту канцелярскую лабораторию, которая подготовляла и обрабатывала все эти цифровые данные и сводки, то увидим, что ответственные и заведовавшие делом чиновники не делали себе ни малейших иллюзий касательно доброкачественности статистического материала, доставляемого им с мест, и кто был подобросовестнее, тот прямо предупреждал об этом [41].

Бывали и такие «ошибки писца», что в данных, представлявшихся в официальные места, вроде совета мануфактур,

оказывалась написанной цифра 525 600 (рабочих) вместо цифры 25 600 [42]. И эта описка влекла за собой сложные расчеты и умозаключения.

Я мог бы привести много таких и тому подобных случаев. Здесь не место загромождать ими изложение.

Особенно это нужно сказать о так называемых «торговых балансах».

Императору представляется торговый баланс за 1809 год: ввоз во Францию — 357 803 500 франков; вывоз — 340 605 400 франков. Перевес ввоза над вывозом — 17 198 100 франков. И *тут же* главный директор таможен, по-видимому [43], прибавляет: «Ce résultat paraît faux» и предается дополнительным исчислениям (чрезвычайно голословного свойства), по которым выходит, что не только Франция не «платит» загранице 17 миллионов, но еще она *получает* 44 миллиона.

Люди, сколько-нибудь близко стоявшие к делу, очень хорошо знали вообще цену этим таможенным цифровым показаниям.

В феврале 1808 г. Коленкур по приказу Наполеона собирает французских купцов, торгующих в Петербурге, и спрашивает их о французском ввозе в Россию; купцы прямо объявляют, что они *не могут* на этот вопрос определенно ответить, так как данные таможен неточны, границы Империи огромны и «открыты» и т. д. [44]. А ведь при составлении *французских* торговых балансов сплошь и рядом брались также и эти цифры французского *ввоза*, показанного русскими таможнями (на том основании, что трудно проследить при *вывозе* из Франции, куда идет товар).

Министр внутренних дел в 1808 г. требует, чтобы ему сказали цифру франко-русского ввоза и вывоза. Ему и говорят: Франция ввозит в Россию на столько-то; Франция получает из России товаров на столько-то миллионов рублей. Читатель готов уже примириться и с этими цифрами, но вдруг читает оговорку в той же бумаге: что цифра ввоза в Россию увеличена «на $^1/_6$» вследствие контрабанды. Почему на $^1/_6$? — Ни слова в пояснение [45]. Да и что можно сказать в объяснение чистейшего произвола?

Даже и сам министр внутренних дел, представляя на благовоззрение Наполеона эти отчеты о «торговом балансе», не скрывал от императора «tant d'éléments de faux calculs», среди которых приходится работать составителям этого баланса [46], и очень обстоятельно и добросовестно давал понять императору, что особого значения цифрам этого баланса придавать не следует.

Управляющий французским банком Vital-Roux в докладной записке, поданной в 1811 г. в министерство внутренних дел,

категорически заявляет, что исчисления торгового баланса «более, чем сомнительны», а результаты — фантастичны [47].

Англичане (замечу кстати) тоже совсем не доверяли официальным цифрам своего торгового баланса в эту эпоху, и, когда все-таки приходилось этими цифрами пользоваться, они снабжали свои ссылки характерными оговорками [48].

Нужно ли предполагать ошибку в сторону преувеличения или уменьшения предлагаемых цифр? Префекты склонны предупреждать свое начальство, что лучше считать представляемые цифры уменьшенными, ибо мануфактуристы считают более безопасным прикинуться перед властями победнее, нежели на самом деле. А супрефекты и вообще лица, являющиеся на фабрику, «редко одарены способностью исчислять» правильно на основании личного осмотра [49]. Но и префект департамента Тарна, например, сходился с мнением Шапталя, что число станков, число работающих на мануфактуру рабочих легче поддается сколько-нибудь точному учету, с бо́льшим трудом утаивается, чем, например, показания о количестве товаров и т. п.[50].

Префекты и другие местные власти, вообще признавая и неточность, и неполноту, и случайность доставляемых ими статистических сведений, советуют обыкновенно относиться к этим цифрам как к преуменьшению, а не преувеличению, ибо фабриканты и ремесленники лгут именно в сторону умаления, а не преувеличения (на всякий случай, из недоверчивости к намерениям вопрошающих властей) [51]. Да и вообще стремление сохранить коммерческую тайну оказывалось чрезвычайно тормозящим обстоятельством при собирании статистических сведений [52].

Отказывается дать точные статистические данные Марсельская торговая палата в 1806 г., которая прямо так и доносит префекту, что, во-первых, она получила ответы от промышленников в очень небольшом количестве, а, во-вторых, что из этого очень небольшого числа «едва лишь один-два» написаны сколько-нибудь систематически; вообще же говоря, эти ответы даже не заслуживают того, чтобы фигурировать в каких-либо таблицах. Но, не веря в доступную ей статистику, торговая палата дает обстоятельную и вполне категорическим тоном написанную характеристику положения отдельных промыслов и подчеркивает, что ручается за точное соответствие рисуемой картины действительному положению вещей [53]. Она тоже указывает, между прочим, как на одно из препятствий, мешающих собирать точные статистические сведения, на это же самое препятствие (его я уже отметил для революционного периода в своей книге о «Рабочих»): оказывается, что и при Империи промышленники *боялись* давать о себе какие бы то ни было сведения правительству и *умышленно* скрывали от него истинное

и точное положение своих дел и намеренно давали уклончивые и путаные ответы [54]. Эта подозрительность, по мнению торговой палаты, была даже *главным* мотивом уклонения промышленников от дачи каких бы то ни было точных и вразумительных показаний.

Эти жалобы на «difficultés presque insurmontables de la part des autorités locales et surtout de la part des négociants et des manufacturiers» [55] десятки раз и почти в стереотипной форме встречаются в письмах и рапортах префектов министрам внутренних дел и мануфактур и торговли.

В «статистических» донесениях (особенно за 1812—1813 гг.) бывают (и часто) такие обозначения и не относительно захолустьев, а относительно таких городов, как Брюссель: «les fabricants se sont bornés à dire que leur fabrication consistait en faire d'argenterie de tout genre *sans vouloir indiquer les quantités»* [56].

Иногда промышленники сами замечали, что нужно хоть как-нибудь извиниться относительно «статистики», которую они посылали начальству, и тогда говорили, что «слишком спешно» составляли ее, что сами понимают, что в их цифрах много «disharmonie et contradiction» и т. д. «Мы принуждены были прибегнуть к предположениям (suppositions)»; промышленники умышленно перевирают сообщаемые данные, ибо «тайна есть душа коммерции» [57]. Подобными сентенциями торговые и совещательные палаты думали объяснить и как бы извинить фантастические цифры, которые посылали префекту и в которые они сами ничуть не верили.

В департаменте Deux-Nethes (где находился город Антверпен) префект отчаялся собрать какие-либо «точные и правдивые сведения» вследствие недоверия со стороны промышленников к французской администрации [58].

И я подчеркиваю при этом, что недоверчивое и боязливое отношение к официальным собирателям статистики проявлялось отнюдь не только в отсталых полуземледельческих или вполне земледельческих районах, но и в самых промышленных департаментах Империи [59].

И чем больше развита где обрабатывающая промышленность, тем затруднительнее оказывается собрать сколько-нибудь точные цифры и обстоятельные сведения. Например, и правительство, и сами руанские промышленники считают департамент Нижней Сены *наиболее* промышленным в Империи, и именно *поэтому* ничего сколько-нибудь точного о нем не знают [60].

После всего только что сказанного нет особой необходимости предостерегать читателя от излишней веры в точность тех цифр, которые имеются в общей сводке, составлявшейся в конце 1811 г. и в 1812 г. и представленной императору мини-

стерством внутренних дел. Нужно только прибавить, что специально о работах, послуживших основанием для этой сводки, император был предупрежден, что во внимание приняты лишь мануфактуры в более тесном смысле слова, заведения позначительнее простых мастерских (Sa Majesté est suppliée de remarquer... qu'on n'a porté dans ce tableau que les établlissements de quelque importance, les manufactures proprement dites, et non les petits ateliers); что «есть департаменты, относительно которых можно было получить, несмотря на все усилия, лишь очень неясные или очень неполные данные»; что не все сведения доставлялись по одинаковой системе и т. д.; и вообще, что достигнутые результаты не могут назваться ни вполне точными, ни полными [61].

Я подчеркиваю тот факт, что именно самые промышленные департаменты не только бельгийские, но и старофранцузские, давали, по отзывам самих же властей, наименее достоверные статистические показания и что именно относительно 1812—1814 гг. эта недостоверность особенно часто отмечается. Так обстояло, например, в Северном департаменте [62], в департаменте Уазы, где не хотели выдавать свои коммерческие тайны [63], в департаменте Orne боялись, что за статистикой последуют новые налоги [64] и т. д.

На эти же *difficultés insurmontables* жалуется — в ответ на все упреки министра мануфактур префект другого промышленного департамента — Соммы [65]. И в 1812—1813 гг. он, по собственному сознанию, дает цифры лишь приблизительные (par approximation) «вследствие трудности получить их у мануфактуристов и фабрикантов этого города (Амьена)» [66]. А с другого конца Империи, из Сполето (Тразименского департамента), несется та же жалоба: убогие «фабриканты» нищего заальпийского департамента тоже «не доверяют» властям и дают ложные показания [67]. Иногда это недоверие принимает характер живейшей тревоги: в Брюсселе и во всем департаменте Dyle фабриканты «встревожены всеми вопросами, какие им предлагаются», и на вопросы эти не отвечают [68].

Центральное правительство, как уже было мной замечено, видело все несовершенство постановки дела. Антельм Коста́, долго стоявший при Империи во главе так называемого «division des fabriques et des arts» министерства мануфактур и торговли (а раньше заведовавший этим же отделом в министерстве внутренних дел), знал очень хорошо, как мало можно доверять точности статистических данных, которые ему присылались из провинции и сводка которых делалась его подчиненными. Он прямо признавал бессилие администрации в деле собирания этих данных [69]. А он еще сравнительно оптимистичен.

Министерство не устает и на полях отдельных таблиц, послуживших основанием к сводке, подчеркивать, что и сведения, поступавшие от префектов, разновременны и что из многих департаментов, где производство даже очень значительно, цифры рабочих давались неполные и неточные из-за разбросанности рабочих по деревням [70]. Вообще таких оговорок можно было бы привести целую массу: в одних случаях почему-то префекты считали только работающих в помещении мануфактуры, а в других случаях — всех; одни префекты считали женщин и детей, а другие — нет; или, напротив, считали одних и тех же прях по два раза только потому, что они брали заказы от двух фабрикантов [71], и т. д.

Когда (уже при Реставрации) один министр внутренних дел заметил, что статистические данные о промышленности «*кишат ошибками*», то начальник бюро, через которое проходили эти данные, *вполне соглашаясь* с министром по существу вопроса, указал, что все-таки, при всех ошибках, неточностях, несовершенствованиях, эти сведения являются единственным запасом данных, к которому потом правительству приходится прибегать при обсуждении тех или иных законодательных или административных распоряжений [72]. Историк может тоже сказать, что, даже совершенно отказываясь верить точности и абсолютной правильности цифр, он не может совсем пренебречь этой несовершенной статистикой. Приблизительное понятие они все же (не всегда, но часто) могут дать о положении вещей, а главное об относительной важности и распространенности той или иной отрасли промышленности.

До сих пор речь шла о неполноте и неточности статистических сведений, получавшихся центральной властью с мест, об ошибках в статистическом бюро, о трудности для центрального правительства добиться непререкаемой математической истины. Но была ли тенденция искусственно подтасовать факты? Было ли стремление со стороны правительства *внушить* местным властям, что они должны, а чего не должны присылать в министерство? Как правило, такой тенденции не существовало. Ведь эти сведения получались «для себя», для нужд и соображений самого правительства. Из недр министерства скупо и изредка давались для *опубликования* кое-какие специально подобранные известия, и вот почему, как указано выше, к разным статистическим публикациям времен Империи надлежит относиться с сугубым недоверием. Но те сведения, которые министерство хранило в тайне, представляли собой *все*, что правительство при всем своем желании могло узнать. Не все эти документы дошли до нас в архивных картонах, но те, которые дошли, бесспорно, не обязаны своим возникновением сознательному желанию правительства обмануть себя самого. Статисти-

ка в глазах Наполеона и его министров была instrumentum regni, и не стали бы они сознательно это орудие портить.

Я оговорился, что так обстояло дело «как правило». Напал я на след и некоторого «исключения», некоторой попытки *подсказать* вопрошаемым префектам ответ, который от них желательно получить.

В конце 1810 г. правительство выражало уверенность, что «мануфактурная промышленность достигла высокой степени процветания», что это «факт, признанный всеми просвещенными и беспристрастными людьми». Правительство так было в этом убеждено, что, затевая анкету, само как бы подсказывало, что открытие новых рынков благодаря завоеваниям Наполеона должно быть сочтено главной причиной этого предполагаемого процветания. Вообще же правительство очень хотело таких сравнений настоящего с прошлым [73]. Я заметил одну курьезную деталь в бумаге, полученной (касательно этой анкеты) префектом Устьев Роны от министра внутренних дел Монталиве. Сначала было написано (там, где рекомендовалось сравнивать положение мануфактур в прошлом с их положением в настоящем): En suivant cette marche on arriverait à les considérer dans leur état actuel, et alors on ferait ressortir toute leur supériorité. Эти строки написаны тем же ровным, канцелярским почерком, каким написана вся бумага; но после слова supériorité приписано мелким почерком (так, чтобы поместить между двумя уже написанными строками): si elles en ont acquise, et l'on en rechercherait les causes [74]. Эта позднейшая приписка свидетельствует, что самому министерству показалось не совсем ловким до такой степени уже наперед диктовать ответ на свой запрос.

Но других аналогичных фактов мне не случалось встретить.

Повторяю то, чем начал этот экскурс о статистике времен Империи: историк не имеет права знакомить читателя с этой статистикой, не предварив его относительно ее неполноты и неточности, но неправ будет, если оставит без внимания и рассмотрения эти данные, которые служили базисом для правительственных мероприятий и были и остались материалом в своем роде единственным, не доступным, к сожалению, поверке и не подлежащим замене другим, более доброкачественным. И не только, как выше было сказано, значительна иллюстрирующая, поясняющая роль этого статистического материала при анализе основных фактов эволюции промышленности в эпоху блокады, но, как правильно заметил Lohmann, говоря о статистике XVIII в., если неточны, ошибочны *абсолютные цифры*, то все же часто весьма характерно бывает *соотношение* между цифрами. Особенно это надлежит помнить там, где в центре исследования стоит событие, которое способно было очень серьезно

повлиять на судьбы торговли и промышленности. Этот материал поможет нам выяснить, между прочим, как современники представляли себе влияние блокады, в каких приблизительно размерах, по их мнению, сказалось увеличение или уменьшение производства и потребления.

Статистические документы — только часть общей массы документов, легшей в основу этой работы. На какие главные группы разбиваются эти документы, уже сказано выше, в начале настоящего параграфа о рукописных источниках. Говорить о них здесь подробнее не представляется необходимым; там, где нужны будут оговорки, они будут сделаны в соответствующих местах. Докладные записки торговых палат, доклады министров Наполеону, резолюции императора, протоколы заседаний советов торговли и мануфактур, донесения соглядатаев о торговле и промышленности Германии, Швейцарии, Италии, записки и справки, касающиеся борьбы с контрабандой на границах Империи,— вот категории документов, очень много мне давшие; общие замечания префектов *на полях* присылавшихся ими статистических таблиц тоже дали немало и часто были интереснее и достовернее самих таблиц.

Таковы рукописные источники, без которых совершенно немыслимо было бы даже и пытаться дать сколько-нибудь обстоятельную историю влияния блокады на Францию. Конечно, я не пренебрег и печатным материалом, какой, по моему мнению, возможно было привлечь. К нему теперь и перехожу.

Б. Печатные материалы

1. Из печатных материалов, разумеется, на первом плане стоят: «Correspondance de Napoléon I» («большое» издание — in 4°), дополнительное издание Lecestre'а, «Mémorial de Sainte-Hélène» (изд. Lacroix, 1894), «Mémoires» Наполеона, продиктованные на о. Св. Елены. В этих изданиях мы встречаем некоторые интересные объяснения тех или иных действий Наполеона, его экономических воззрений и т. д. Пришлось обратиться и к донесениям Коленкура, изданным вел. кн. Николаем Михайловичем, и к некоторым другим, менее важным коллекциям. Отчасти для характеристики эпохи вообще, отчасти для уяснения отношения современников к континентальной блокаде в частности пришлось обратиться и к мемуарной литературе, к которой *очень* часто нужно относиться с осторожностью, но которая иногда небезынтересна именно в качестве комментария к фактам, уже установленным исследователем без ее помощи. Мемуары Фуше, Молльена, Савари, Буррьена, Мармона, короля Людовика Голландского, Меттерниха, Паскье, Ти-

бодо и других цитируются мной в разных местах работы (всякий раз указано *издание* цитируемых мемуаров). Отдельно в этой группе стоят мемуары Шапталя, Ришара-Ленуара и Буше де Перта.

Шапталь (о книге которого «De l'industrie française» речь шла выше) был министром внутренних дел с 6 ноября 1800 г. до 5 августа 1804 г. (когда его заменил Шампаньи). В записках о своей жизни он посвятил 5 страниц торговле и промышленности, и со свойственной ему некоторой хвастливостью он (ограничиваясь очень общими выражениями) говорит о быстром распространении машин за годы его управления министерством; рассказывает, как он выписал некоего механика Дугласа из Англии и как при помощи Дугласа ему удалось ввести машины, которые были усовершенствованы во Франции, и «Франция быстро дошла до степени совершенства соседей» (т. е. англичан). Какие это были машины? На каких фабриках они действовали? Обо всем этом — ни слова. Он приписывает также большое значение созданному им Société d'encouragement pour l'industrie nationale (Обществу поощрения изобретений, полезных для промышленности), но и это у него сказано в самых общих и неопределенных выражениях [75].

В записках Шапталя находим несколько любопытных строк об отношении Наполеона к промышленности и рабочим. К сожалению, Шапталь мало и бегло говорит об этом (стр. 274—290 в книге «Mes souvenirs sur Napoléon», я цитирую всюду издание — Paris, 1893).

Не могут быть обойдены молчанием записки одного из немногих крупнейших промышленников времен Наполеона — Ришара-Ленуара. Он гремел в эпоху Империи, разорился вконец при Реставрации, когда пала протекционная система, и прожил остаток жизни почти в нужде.

В 1837 г. образовался комитет с целью помочь Ришару-Ленуару в его нужде; король и королева подписались первыми. Отчет о подписке был дан в брошюре, выпущенной комитетом, собиравшим пожертвования: «Notice biographique» (1837. Нац. библ. Ln[27] 17379. На 10 страницах рассказана биография). 7 мая 1862 г. Наполеон III изъявил желание, чтобы один из новооткрываемых бульваров Парижа был назван «именем Ришара-Ленуара, который из простых рабочих Сент-Антуанского предместья сделался одним из первых мануфактуристов Франции». Это внимание в памяти Ришара-Ленуара вызвало несколько заметок, не имеющих, однако, никакого значения и интереса (кроме чисто биографического) [76]. Нечего и говорить, что в этой ad hoc создавшейся (очень небольшой) литературе заметок нет и следа знакомства с документами, касающимися Ришара и сохранившимися в Национальном архиве, там и сям,

в картонах серии F^{12}. Более интересны так называемые мемуары Ришара, если не им написанные, то им продиктованные, просмотренные и одобренные (первый и единственный появившийся том их вышел в 1837 г.) [77]. В своем месте они мной *цитируются в дальнейшем изложении* (*Ришар сблизился и* вступил в компанию с некиим Ленуар-Дюфренем в 1794 г., а когда в 1806 г. Ленуар умер, то не только фирма, но и лично Ришар стали именоваться Richard-Lenoir).

Наконец, к этой же группе мемуаров, более близко касающихся затрагиваемых мной вопросов, относятся записки Буше де Перта.

В 1863 и следующих годах в Париже вышли в свет многотомные записки Boucher de Perthes, который был инспектором таможни в Нормандии и Пикардии при Наполеоне I. Первые три тома дают некоторые любопытные черты, и нам еще придется в свое время эту книгу цитировать (Sous dix rois. Souvenirs de 1791 à 1860, par M. Boucher de Perthes). Странное название и претенциозный во многих местах тон не должны скрывать от читателя занимательность и содержательность рассказа.

В журнале «Revue Napoléonienne» за 1908 г. была помещена статья об этой книге под названием «Souvenirs d'un douanier de premier empire», барона Оскара де Ваттевиля. Это, насколько мне известно, единственный автор, вообще заговоривший о воспоминаниях Буше. Но он удовольствовался краткими извлечениями из Буше и ничего не сказал при этом о континентальной блокаде. Полнейшую неизвестность записок Буше Ваттевиль приписывает как названию, так и тому обстоятельству, что книга Буше появилась в невыгодный момент — перед франко-прусской войной. Это не совсем верно: первые тома вышли еще в 1863 г.

2. Весьма мало дает современная блокаде французская печатная литература. Появлялись в газетах, задавленных жесточайшей цензурой, те или иные статейки об Англии, о блокаде и пр. Но все это были внушенные, официозно-патриотические изъявления — и ничего больше. Наполеон резко воспретил торговым палатам печатать *что бы то ни было* без специального разрешения и по этому поводу однажды сделал характерное заявление, что всякое пожелание, раз оно высказано в печати, *тем самым* теряет право на внимание правительства. Это отбило охоту к каким бы то ни было выступлениям в печати у промышленников и купцов. Их жалобы, чаяния, надежды, просьбы, сообщения нужно искать не в прессе, а в архиве.

Во исполнение повеления императора циркуляром от 31 марта 1806 г. министр внутренних дел оповестил все торговые палаты Империи, что, согласно приказу императора, ни

торговая палата, ни какая-либо комиссия торговой палаты, ни частное лицо, представившие данной торговой палате свою докладную записку или мемуар и т. п., не имеют права печатать чтобы то ни было без особого, помимо всякий раз общей цензуры, разрешения местного префекта [78].

С тех пор все подобные публикации прекратились.

Еще литература времен Консульства дает сравнительно немного более, чем литература времен Империи.

Трехтомная книга J. Blanc de Volx «Etat commercial de la France au commencement du dix-neuvième siècle» (Paris, 1803) посвящена автором брату первого консула, Иосифу Бонапарту, и представляет собой, с одной стороны, общий обзор настоящего экономического положения Франции, а с другой стороны, как бы обширную докладную записку, подаваемую новому правительству с целью указать ему на необходимые мероприятия в области торговой и вообще экономической политики. Книге, которая могла бы сыграть известную роль в качестве исторического источника, вредят расплывчатость, общие места, сентенции поучительного свойства, до которых автор — большой охотник, и вообще теоретизм. Категории долженствования в этой книге отведено, к сожалению, гораздо больше места, чем категории бытия, и крохи конкретного материала тонут часто среди красноречивого пустословия. Кое-какие мнения Blanc de Volx я привожу в дальнейшем.

Кроме этого, читатель найдет в соответствующих местах ссылки и цитаты из некоторых (немногих) брошюр, появившихся при Консульстве, а чаще всего посвященных вопросу об англо-французских отношениях. Эта брошюрная литература более интересна для характеристики мнений, чем для констатирования фактов экономической действительности.

Но уже с 1803—1804 гг. всякая тень свободного выражения мыслей исчезает из французской текущей литературы.

Сообщениями и заметками, время от времени попадающимися во французских газетах наполеоновского времени, я старался поменьше пользоваться не только потому, что они очень общи, бледны и мало дают читателю (ничего нового, сравнительно с документами и рукописными докладными записками, петициями торговых палат и пр.), но и потому еще, что эти заметки слишком явно инспирировались и возвращались правительством, разрешавшим их помещение или даже присылавшим их в редакции. Например, у меня были в руках (и я их использовал в этой работе) интереснейшие донесения французских соглядатаев о французской и лейпцигской ярмарках: зачем читать во французских газетах *умышленно, по повелению Наполеона* [79], приукрашенные во славу французской торговли, но взятые в конце концов из тех же донесений сведения

об этих ярмарках? Наполеоновская цензура ведь не только запрещала чужие статьи, но и писала и помещала в газетах свои собственные (от имени редакции).

Неискренни, умышленно обрублены, сокращены были и статистические сборники официального или официозного характера, издававшиеся при Наполеоне.

Образцом этих многоречивых, очень голословных, осторожно подобранных и очень мало дающих читателю извлечений из официальных бумаг может служить сборник «Annales de statistique», выходивший (под редакцией академика Ballois) с 1802 г. Поощряя издателя, министр внутренних дел Шапталь писал ему (письмо напечатано в I же томе, стр. X): «Les écrits de ce genre... fortifient le patriotisme, ils inspirent un noble orgueil, en exposant toutes les richesses de la France, ses moyens et ses ressources», и он обещал доставлять из министерства нужные сведения для этого издания. Сам же он в своих рапортах Наполеону, которые он не сообщал, конечно, печати, далеко не был таким оптимистом. Да мы и понимаем, ознакомившись с донесениями, которые делали ему префекты, что и особых оснований к оптимизму у него не было и быть не могло.

А позднейшие сборники статистического характера уже не интересовались Империей. Так, превосходный и огромный сборник «Statistique du département des Bouches-du-Rhône» (t. IV. Marseille, 1829) обходит Империю почти совершенно молчанием. В общем же эти издания времен Империи появлялись в свет главным образом для внушения публике оптимистического настроения.

Около 1812 г. в Турине вышла брошюра чиновника префектуры Грасси, посвященная префекту департамента По, генералу Александру Ламету [80]. Это краткая характеристика экономических условий Пьемонта, если не дополняющая, то подтверждающая данные, которые сохранились в Национальном архиве. Она интересна еще одним показанием общего характера (об «искусственном хлопке»), которое я в своем месте и цитирую.

Даже и столь скромных по своему значению печатных материалов по другим департаментам можно насчитать очень мало. Но подобные брошюры в *лучшем* случае относятся к имевшимся в моем распоряжении неизданным официальным донесениям и неофициальным докладным запискам, как ничтожная часть к обширному целому. И это — в лучшем случае, когда эти брошюры не лгут сознательно.

Ровно ничего нового не дали, сравнительно с подлинными документами, и те exposés, которые представлялись министром внутренних дел при открытии сессий Законодательного корпуса и время от времени печатались. Исключение представляет

exposé 1813 г., делающий сводку отчасти тем материалом, которые были у меня в руках, отчасти же тем, которых следы, насколько мне известно, из архива исчезли.

Ничего не дала и специальная пресса эпохи Наполеона, посвященная индустриальным вопросам.

Исключительно технической стороне товароведения оказался посвященным журнал наполеоновской эпохи, в котором я надеялся почерпнуть кое-что для своей работы: «Annales des arts et manufactures ou mémoires technologiques sur les découvertes modernes» etc. Притом журнал интересовался именно тем, чтобы преподать указания (чисто технического характера), дать описание машины и т. п., и меньше всего думал, например, о констатировании степени распространенности во Франции тех или иных усовершенствований, т. е. именно о том, что имело бы отношение к интересующей меня теме.

3. Французская литература наполеоновской эпохи знала лишь то и смела писать лишь о том, сведения о чем ей давала и о чем ей позволяла писать бдительная и подозрительная государственная полиция. В других странах, где печать была в этом отношении поставлена в более благоприятные условия, не хватало сколько-нибудь точных сведений о Франции. Были иногда инвективы, громовые статьи, насмешки, памфлеты, но все это не дает ровно никакого фактического материала.

О Людерсе я уже говорил: *цель* Людерса — не памфлет, а история, и его книжку можно признать хронологически первой попыткой истории блокады. Иное дело, например, Шлегель.

В 1813 г. (в феврале) появилось в Стокгольме небольшое произведение Шлегеля «Sur le système continental et sur ses rapports avec la Suède», а в 1814 г. оно было переиздано. Это сочинение, написанное уже после похода Наполеона в Россию, неприкрыто-враждебно относится к блокаде и явно инспирировано Бернадотом, наследным принцом шведским, или близкими ему кругами. Это возмущенная инвектива против Наполеона, написанная больше всего с точки зрения политических нужд Швеции; и нужно быть очень снисходительным читателем, чтобы усмотреть в Шлегеле «историка» [81]. В частности, он не дает никаких сведений об экономических последствиях блокады.

Еще раньше появились своего рода показания очевидца об Европе в эпоху блокады.

В 1809—1811 гг. выходил в свет в Тюбингене маленькими томиками путевой «дневник» некоего Неммиха, гамбургского выходца, который разъезжал по Европе и знакомился преимущественно с экономическим состоянием посещаемых стран [82]. V и VI тома имеют особый подзаголовок: «Original-Beiträge zur eigentlichen Kenntniss von Frankreich». Это сочинение

состоит почти исключительно в перечислении и техническом описании товаров, которые производятся во Франции или которыми она торгует (если они идут через нее). Ничего такого, что бы позволило установить, например, хотя бы приблизительно размеры того или иного производства или результаты блокады, или общее состояние торгового и промышленного классов во Франции, книга Неммиха не дает. Сухой каталог товаров — вот к чему сводится почти все ее содержание. В дальнейшем изложении читатель встретит ссылки на Неммиха, но на тома, касающиеся Италии (т. VII), Германии (т. VIII) и Швейцарии, именно на те страницы, где речь идет о торговле этих стран с Францией.

Отмечу кстати, что в публицистике времени германской освободительной войны 1813 г. и отчасти 1814 г. жалобы на континентальную блокаду, тогда уже павшую, выражаются неоднократно и с большой горечью, но конкретного материала они дают очень немного [83], и полнейшая (в *этом* отношении) свобода германской печати, наступившая после лейпцигской битвы, не дала ничего, кроме публицистических нападений на Наполеона — в стихах и в прозе.

Еще хуже обстояло дело до падения Империи. Чем больше становилась зависимость этих стран от Наполеона, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было публицистическая деятельность, даже самая скромная и сдержанная. Вот характерные цифры.

В Гаагской Королевской библиотеке под 1802 г. значатся 49 брошюр и памфлетов, вышедших в Голландии (№№ 23147—23196), под 1803 г.— 33 (№№ 23197—23230), под 1804 г.— 29 (№№ 23231—23259), под 1805 г.— 34 (№№ 23260—23294), под 1806 г.—19 (№№ 23295—23314), под 1807 г.—83 (№№ 23315—23398), под 1808 г.— 28 (№№ 23399—23427), под 1809 г.—42 (№№ 23428—23470), под 1810 г.—28 (№№ 23471—23499), под 1811 г.— 9 (№№ 23500—23509), под 1812 г.— 2 (№№ 23510—23511), под 1813 г.— год освобождения — 130 (№№ 23512—23642).

В одной брошюре, вышедшей в Амстердаме в 1813 г., сейчас же после ухода французов, мы читаем, что арест и бесследное исчезновение заподозренного были характерным явлением эпохи французского владычества. Автор даже сравнивает этот режим с русским «словом и делом» [84].

Не мудрено, что во всей этой брошюрной литературе жалобы на континентальную блокаду если изредка и попадаются, то выражаются весьма бледно, неясно, полунамеками.

Даже поползновения пожаловаться на блокаду, осуждая не Наполеона, а революционные правительства, при которых началась борьба с Англией, не допускались.

Наполеон не позволял, чтобы в покоренных или зависимых странах смели жаловаться не только на него, но и на его предшественников по власти, по французскому трону: он вообще объявлял себя *солидарным* со всеми, «начиная от Хлодвига» и кончая революционным правительством [85].

Изредка, анонимно и без указания места издания, появлялись и в Германии брошюры, горько, но смиренно жаловавшиеся на континентальную блокаду, но никаких фактических указаний они не давали [86].

Так же скудны печатные данные об Италии (о блокаде в Италии). В 1820 г. бывший чиновник государственного совета королевства Италии Пеккио издал очерк под названием «Saggio storico sulla amministrazione finanziera dell'exregno d'Italia, dal 1802 al 1814» (я пользовался вторым изданием, вышедшим в Лондоне: Londra, 1826). Эта книга — собственно, не история финансов, а, скорее, материал для истории, источник, показание современника, принимавшего близкое участие в финансовой администрации и приложившего к своей книге некоторые ценные документы. В главе, относящейся к Италии, читатель встретит две ссылки на один документ, приложенный к книге Pecchio. (Характерно, что итальянские историографы старого времени, имевшие возможность пользоваться трудом Pecchio, совершенно его не знают и никогда не цитируют.)

Ничего почти, в сущности, не дала для понимания экономических обстоятельств и брошюрная литература об Испании. Особенно в этом смысле ничтожны именно брошюры и книги, вышедшие в самой Испании.

Книга Педро Саласара «Restauración política económica y militar» (Madrid, 1812) прочтется с интересом всяким, кто желает себе дать отчет в планах преобразований, какие возникали в Испании в бедственные времена наполеоновского завоевания. Но автор все время говорит о том, что *должно быть*, а о том, в каком положении сейчас находятся испанские дела вообще и экономическое состояние Испании в частности, избегает говорить. Многочисленные памфлеты, выходившие и на полуострове (в провинциях, подчинявшихся кортесам) и в Лондоне, я оставляю в стороне: они,— по крайней мере те, которые я мог раздобыть,— совсем не интересуются фактами экономического порядка. Не богаче и иностранная брошюрная литература об Испании, выходившая в те годы.

Вышедшая в 1810 г. книжка Вагенера (J. D. Wagener. Merkantilische Notizen über Spanien. Hamburg, 1810) остается, в сущности, в области общих характеристик, так же как его же книга о Португалии («Merkantilische Notizen über Portugal...» Hamburg, 1810). Автор больше осведомлен в истории обеих стран, чем в их положении в тот момент, когда он о них пишет.

А вместе с тем в других брошюрах об Испании 1808—1813 гг. я не встретил даже и такого знания Пиренейского полуострова с интересующей нас стороны. Любопытно, что общий порок литературы начала XIX столетия, посвященной будто бы современному, т. е. *тогдашнему* экономическому состоянию Испании (и Португалии), заключается в неизменном стремлении авторов говорить *об истории*, а не о современности, о временах Генриха Мореплавателя или Филиппа II, или о XVII—XVIII вв., а не об эпохе Наполеона и Фердинанда VII (ср. например, Christophoro d'A v a l o s. Essai sur le commerce et les intérêts de l'Espagne et de ses colonies. Paris, 1819 и др.). Ничего даже отдаленно интересного для нашей темы эти брошюры обыкновенно не дают (еще Вагенер сравнительно полезнее; у него есть одно общее замечание о значении испанской шерсти для Англии, подтверждающее показания архивных документов; в своем месте читатель найдет эту цитату).

Кое-какие ссылки найдет читатель и на третье издание (вышедшее в 1803 г.) книги французского посла в Мадриде Bourgoing'a «Tableau de l'Espagne moderne» (Paris, 1803).

Я все-таки цитирую, между прочим, кое-какие брошюры и описания, вышедшие в Гамбурге, в Голландии, в Пруссии и т. д. в годы освобождения от Наполеона. Но вся эта литература более интересна для характеристики настроения местного общества, чем для установления сколько-нибудь точных фактов экономической жизни этих стран.

В исключительном положении в смысле полной свободы печати, полной возможности высказываться о Наполеоне и его действиях была, конечно, Англия. Но английским публицистам просто не хватало точных сведений о Франции. Вообще говоря, англичане-современники очень мало знали о Франции: они знали о ней, собственно, только то, что позволяла печатать наполеоновская цензура, т. е. не имели ни обстоятельных, ни даже сколько-нибудь правдивых сведений [87]. *Говорить* о Франции они могли, что угодно, но *знать* о ней они могли опять-таки лишь то, что Наполеону угодно было обнародовать о ее положении.

Англичане, побывавшие во Франции в качестве военнопленных, оставили записки, поразительно скудные относительно всего, что касается блокады и ее последствий. Записки лорда Блэйни [88] и кое-что еще из этой литературы мне, впрочем, придется цитировать из-за нескольких любопытных бытовых черт, подмеченных этими авторами. Не мудрено, что и упомянутая мной выше специальная книга об английских пленных при Наполеоне не дает ничего, относящегося к интересующему нас вопросу.

В рассказе сэра Джона Карра, изданном и снабженном

большим вступлением Babeau, тоже находим лишь заметки о впечатлениях поверхностного иностранца в чужой земле [89].

В изданных в Англии памфлетах, направленных против Наполеона, вроде того, который был написан эмигрантом д'Ивернуа, доказывалось, что континентальная блокада только «замедлила немного поступательный ход британской торговли» [90] и т. п. Но у д'Ивернуа были слабые, поверхностные сведения об английской экономической жизни, которые он мог черпать из английских газет, и никаких сведений о Франции, ибо французские газеты не смели печатать ничего такого, что не являлось разрешенной официальной ложью. Поэтому подобная литература любопытна, отчасти, сама по себе для характеристики общественных настроений, но никакой помощи исследователю экономических последствий континентальной блокады во Франции не может оказать.

Книга д'Ивернуа вызвала статью в «Quarterly Review» (1810, № 5, стр. 50—63), неподписанную, как всегда в этом журнале, где автор, между прочим, отмечал, что «многие смеялись» в Англии, когда Наполеон в 1806 г. объявил блокаду, а теперь (в 1810 г.) ясно, что британская торговля потерпела большой урон от этой меры. Автор статьи и не думает обескураживать своих читателей и сочувственно цитирует «сэра Фрэнсиса» (д'Ивернуа), но самое утверждение, что блокада вовсе не оказалась столь бессильной и «смешной», как это думали многие в момент ее возникновения, в высшей степени характерно.

Я нашел в Британском музее несколько брошюр, которые пришлось цитировать в своем месте: они дают понятие о том, как смотрело английское общество на завязавшуюся колоссальную борьбу и на наполеоновский план; для истории французской промышленности в точном смысле слова эти брошюры не дают ничего, но, характеризуя континентальную блокаду вообще, их нельзя было обойти молчанием.

Французские роялисты и французы, нанимаемые английским правительством, в свою очередь доносили посылавшим их для разведок — о гибели финансов, гибели промышленности и торговли во Франции и т. д. [91] Все это — вполне голословно, в виде общей фразы.

Таковы печатные материалы, которые тоже были мной привлечены к исследованию. Как видит читатель, их роль не могла быть особенно важной, сравнительно с архивными документами, но и обойтись без них вовсе ни один исследователь не имеет права.

При такой бедности печатных источников оставалось, отнюдь, конечно, ими не пренебрегая, положить в основу исследования тот рукописный материал, о котором речь шла выше.

Этот материал в подавляющем большинстве случаев оказался не только неизданным, но и совершенно незатронутым, и часто приходилось мне жалеть о невозможности приложить к этой книге в десять раз больше документов, чем я напечатал. Я старался во всяком случае давать в примечаниях наиболее характерное, что находилось в цитируемом документе.

Вот общий план моего исследования. Я сначала даю характеристику воззрений и стремлений в области экономической политики как наполеоновского правительства, так и торгово-промышленного класса в эпоху Консульства и Империи, затем перехожу к первым годам правления Наполеона и останавливаюсь на отношении представителей торговли и промышленности к Амьенскому миру. Эти главы естественно предшествуют главе о февральском законе 1806 г., который в свою очередь должен быть исследован и оценен до рассказа о континентальной блокаде. Точно так же *до* этого рассказа я даю очерк состояния французской промышленности в момент провозглашения блокады на основании данных *первой*, сколько-нибудь полной, сколько-нибудь обстоятельной анкеты, произведенной при Наполеоне. Только после этих глав я перехожу к рассказу об установлении блокады, об экономических отношениях между Империей и Европой в эпоху блокады и к анализу состояния французской промышленности в эту эпоху. Книга кончается рассказом о кризисе 1811 г. и о положении промышленности в Империи в 1812—1814 гг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОМЫШЛЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ ФРАНЦИИ В ЭПОХУ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ

1. Воззрения Наполеона на земледелие, промышленность и торговлю. Его отношение к теории физиократов. Протекционизм Наполеона. Отношение к представителям торговых интересов. Отношение к представителям промышленных интересов. 2. Взгляд Наполеона и императорского правительства на «национальный интерес». Что понималось под национальной промышленностью. «Старые департаменты» и новые территориальные приобретения. 3. Некоторые характерные свойства Наполеона как экономического политика

Наполеон считал аксиомами два положения: 1) государство не может быть сильным без сильной промышленности; 2) не может существовать сильная промышленность без протекционизма.

Наполеоновское правительство всегда мечтало о расширении рынков сбыта для французской промышленности [1]. Оно желало и расширить эти рынки и предоставить как их, так и рынок внутренний в монопольное пользование французской промышленности. Воззрения Адама Смита и физиократов, господствовавшие в области теории политической экономии, были сведены наполеоновской государственной практикой к нулю.

1

Как известно, Наполеон не любил теоретиков-«идеологов» вообще и многих философов XVIII столетия в частности. В данном случае нужно отметить определенно враждебное его отношение к физиократам.

На о. Св. Елены в разговоре с Ласказом Наполеон однажды напал на «экономистов» (физиократов), на учение о свободе торговли, и высказался, что таможни должны быть оградой и поддержкой народа [2]. Он с гордостью говорил о своих заслугах перед французской промышленностью и не только перед ней, а и перед промышленностью всей Европы [3], а заслуги эти, по его мнению, были основаны именно на беспощадном

протекционизме, т. е. на осуществлении принципа, диаметрально противоположного физиократической доктрине.

Когда Дюпон де Немур сделал в Парижской торговой палате доклад [4] (о Французском банке) и этот доклад торговая палата напечатала, то хотя в работе старого физиократа не было ровно ничего неблагонадежного или либерального и он только отмечал некоторые излишние, по его мнению, функции, которые были приданы этому учреждению, Наполеон так разгневался, что не только (именно по *этому* поводу) воспретил раз навсегда всем торговым палатам Империи печатать что бы то ни было без разрешения министра внутренних дел, но и «поверхностные» идеи Дюпона де Немура презрительно назвал *rêveries* и обо всей школе («секте»), к которой принадлежал этот писатель, отозвался пренебрежительно [5].

Вместе с тем Наполеон крепко держался убеждения, что земледелие — основа государства, земледельческий класс имеет первенствующее значение. Эта мысль была популярна в правящих кругах в первые годы Консульства.

Еще в 1802 г. одно явно близкое министерству внутренних дел лицо (которому министр поручил составить нижеследующий доклад) выставляло чуть ли не в качестве аксиомы, что французы — не торговая нация, что они — земледельцы и солдаты, и что это — весьма хорошо. Подчеркивалось, что они и не будут никогда торговой нацией по причинам географическим, психологическим, политическим и т. д. [6]

Но это воззрение быстро сменилось другим, которое у Наполеона держалось до конца дней, которое он повторял и на о. Св. Елены: на первом месте стоит земледелие, на втором — промышленность, на третьем — торговля. К торговцам он далеко не чувствовал такого благорасположения, как к промышленникам.

Шапталь, между прочим, объясняет предпочтение, которое Наполеон оказывал промышленности перед торговлей, также и тем, что мануфактуры кормят гораздо больше народу, чем торговля [7].

Шапталь пишет в своих записках, что Наполеон не уважал коммерсантов и говорил, что у них нет ни веры, ни отечества [8]. Шапталь справедливо замечает, что подобное неблагоприятное мнение могло сложиться у императора вследствие чувствовавшегося им нерасположения торгового класса к его воинственной политике, страшно мешавшей нормальной торговой жизни. Он хотел, пишет Шапталь, управлять торговлей, как батальоном [9], и совершенно не считался с какими бы то ни было чисто торговыми соображениями. У Шапталя осталось такое впечатление, что Наполеон торговлю ставил (в смысле государственной полезности) ниже обрабатывающей промыш-

ленности, обрабатывающую промышленность ниже земледелия [10].

В отвращении к «теоретизированию» с Наполеоном вполне сходились и представители торгово-промышленного мира. Политическая экономия как наука была не в чести в суровые наполеоновские времена, и когда в 1807 г. в министерстве внутренних дел обсуждался вопрос об учреждении коммерческой школы в Париже, то как докладчик по этому вопросу в Парижской торговой палате, так и провинциальные торговые палаты выразили настойчивое желание, чтобы будущие ученики этой школы поменьше рассуждали и спорили о вопросах политической экономии [11].

И нужно было разразиться страшному кризису 1811 г., чтобы коммерческий мир заговорил о *принципе* свободной торговли, вспомнил Адама Смита и презираемую политическую экономию. В разгаре кризиса 1811 г. именно купцы не переставали приводить теоретические аргументы политической экономии, которые шли вразрез с крайностями наполеоновского протекционизма. Министру внутренних дел доносили об этом его агенты с подобающей, по их мнению, иронией [12].

Промышленники и в эпоху кризиса не переставали всецело и яро отвергать учение Адама Смита. Наполеон хорошо знал, что торговцы никогда в душе не могут быть такими сторонниками протекционизма, как промышленники.

Когда Главный совет торговли робко осмелился (на заседании 2 ноября 1810 г.) высказаться о неудобствах, которые испытывают французы, принужденные покупать у соседей нужное для их мануфактур сырье, то император решительно разгневался и грозно повелел министру внутренних дел спросить: что это значит? Какое это сырье они закупали? Не за английской ли контрабандой ездили? Наполеон в раздражении заявил, что «большинство» торговцев, если бы их спросить, что нужно для торговли, ответили бы: отсутствие таможен и полная свобода. Но это обогатило бы сотню фирм и разорило бы страну. Император рад, что держится противоположных принципов. На первом плане по значению для Франции стоит земледелие, на втором — промышленность, а уже на третьем — торговля. И интересы Франции, у которой нет теперь колоний, заключаются в том, чтобы возможно больше уменьшить потребление колониальных продуктов. И это в интересах не только торговли, но и политики [13].

И этой мыслью, действительно, проникалась и наполеоновская администрация.

Коммерсанты редко заботятся об интересах отечества; им все равно, если они погубят лионскую и флорентийскую промышленность и поддержат петербургскую и лондонскую

своими спекуляциями,— писал префект департамента Арно по поводу ходатайства некоторых лиц о вывозе шелка и шелковой пряжи из Тосканы [14].

В резолюции Наполеона по поводу представлений о континентальной блокаде Главного торгового совета от 2 ноября 1810 г. значилось, между прочим, что это отрицательное отношение к блокаде не могло бы быть высказано советом мануфактур, который более крепко связан с интересами французской земли [15]. Но на о. Св. Елены Наполеон еще раз вполне ясно высказал (в беседе с Ласказом), как он смотрит на относительное значение земледелия, промышленности и торговли (он в этом случае определяет более конкретно — «торговля внешняя»). Градация, настаивает он, тут очень велика и существенна; на первом плане стоит «душа и основа империи» — земледелие; на втором — промышленность, дающая благосостояние населению; на третьем — внешняя торговля, дающая избыток, находящая хорошее помещение тому, что вырабатывают земледелие и промышленность. Наполеон даже приписывал большое, так сказать, воспитательное значение распространению этих «правильных идей» своих об указанной градации [16].

Когда сравниваются интересы торговли с интересами промышленности, то вторым должно отдать предпочтение перед первыми. Для Наполеона это — аксиома. Но что делать, когда с интересами промышленности сталкиваются интересы земледелия, «основы государства»?

Наполеон в заседании Совета по управлению торговлей и мануфактурами 17 сентября 1810 г. высказал мысль, что *между земледелием и промышленностью* существуют противоположные интересы и что дело правительства сочетать так свои мероприятия, чтобы эти интересы не страдали [17]. Фактически же правительство становилось в таких случаях неизменно на сторону не земледелия, а именно промышленности.

Протекционизм — вот единственно патриотическая политика; эта мысль в правящих кругах наполеоновской эпохи не требовала доказательств.

Карно, став министром внутренних дел в эпоху Ста дней, спешит воспретить в своем министерстве покупать для канцелярских надобностей голландскую бумагу и то же советует (в официальном отношении за номером) сделать также своему подчиненному — Шапталю; при этом поясняет, что мотивом в данном случае является не только вопрос экономии, но и патриотическая забота о процветании отечественного производства [18].

В ту же трагическую эпоху Ста дней, когда уже начиналась ватерлооская кампания, необходимо было во что бы то ни стало

и быстро закупить большие количества материи, которые прежде закупались в департаментах l'Ourthe, Roer и des Forêts. Но теперь эта территория уже не была французской, и вот граф Дарю (замещавший военного министра) пишет министру внутренних дел, что хоть закупка в этих местностях теперь уже противоречит «принципам политики и экономии», но вследствие де чрезвычайных обстоятельств нельзя ли отступить от принципов и закупить что нужно в области Люттиха [19]. Министр внутренних дел не может самостоятельно решиться на такое попрание принципов и спрашивает (12 июня) Шапталя, в эту эпоху — «главного директора торговли и мануфактур». Шапталь высказался в том смысле, что, каковы бы ни были обстоятельства, принцип страдать не должен, что это вызовет со всех сторон основательные жалобы, и просьбу поставщика (о дозволении закупить нужный товар в Люттихе) должно отклонить [20]. Ответ этот был дан 20 июня 1815 г., через два дня после Ватерлоо.

Шапталь, бывший министром внутренних дел при Консульстве, в своих записках признает большие заслуги наполеоновской запретительной политики перед французской промышленностью. Он говорит, что «нарождающаяся промышленность» достигла процветания именно благодаря ограждению от всякой иностранной конкуренции, прежде всего от английской [21]. Шапталь склонен даже к самым восторженным выражениям, когда он говорит о «совершенстве», коего достигла промышленность при Наполеоне [22].

Следует отметить, что император видел содействие промышленности прежде всего и больше всего в обеспечении за ней свободного от конкурентов рынка. Удешевление производства отходило на второй план. Конечно, Наполеон считал преимущество машин перед ручной работой такой азбучной истиной, как то, *что солнце дает больше света, нежели свеча* [23]. Но потому ли, что все его усилия были направлены к полному исключению английской промышленности с континентальных рынков, а всякой иной, кроме французской, промышленности — с французского рынка, потому ли, что он не особенно боялся *технического* превосходства любой континентальной индустрии перед французской, только распространение технических усовершенствований занимало его мысль, по-видимому, меньше, чем можно было бы ожидать, судя по общему живейшему его интересу ко всему, что касалось промышленного преуспевания Империи.

Конечно, поощрялись изобретения, был обласкан Жаккар, обещались и выдавались премии, продолжались запрещения выдачи технических секретов. Статья 418 «Code pénal» грозит тюрьмой и штрафом до 20 тысяч за выдачу секретов производ-

ства данной фабрики всяким служащим на этой фабрике лицом постороннему человеку; притом, даже если тайна выдана была *французу, живущему во Франции*, все-таки тюремное заключение могло доходить до двух лет. Нечего и говорить, что с особенным жаром Наполеон поощрял именно такие изобретения, которые могли избавить Европу от необходимости покупать колониальные товары у англичан: обещан был *миллион* франков за льнопрядильную машину, так как она могла избавить от необходимости покупать хлопок; давались большие субсидии на устройство свеклосахарных заводов, чтобы они изгнали тростниковый сахар; поощрялись опыты извлечения окрашивающего вещества из вайды (Isatis tinctoria) (вместо индиго) и т. д.; и обо всем этом будет сказано подробнее в своем месте. Но что касается технических усовершенствований в старых отраслях промышленности, то к *этому* вопросу император относился с гораздо меньшей нервностью, чем к вопросу о монополизации рынка в пользу французской промышленности. Эта монополизация была корнем всех вопросов для него.

В заключение нужно сделать оговорку: у Наполеона было непоколебимое убеждение, что потребитель, народ, должен приносить жертвы *только* тогда, когда от этого выигрывает государственная казна и государство вообще, но ни в каком случае не тогда, когда эти жертвы идут на пользу тому или иному классу общества. И когда оказывалось, что иногда крайности протекционизма именно и идут во вред потребителю и *не* на пользу казны, то император выражал свое неудовольствие [24]. Но, вообще говоря, запретительная протекционная политика, по его воззрению, гармонически удовлетворяла и интересам государства и, в конечном счете, интересам народной массы, от которой требовались лишь временные, хотя и тяжелые жертвы.

2

Выяснив, как смотрел Наполеон на роль промышленности в государстве и на способ наиболее существенно содействовать промышленному развитию, мы должны перейти к другой черте его воззрений, выяснить которую не менее важно для правильного понимания дальнейшего.

Наполеон был императором, самодержавно повелевавшим не только во Франции, не только в стране, которую он получил во власть после 18 и 19 брюмера, но и в нескольких других странах, которые он непосредственно присоединил к Империи или за которыми оставил тень формальной самостоятельности, но где он либо считался главой государства сам, либо возвел на престол своих братьев, родственников и маршалов. Он, как известно, любил каролингские реминисценции, называл себя

иногда «императором Запада». Смотрел ли он, смотрело ли его правительство на этот «Запад», подвластный Франции, как на нечто единое, целостное, что можно противопоставить остальной Европе? Когда Наполеон говорил о необходимости защищать промышленность от иностранной конкуренции,— *какую* промышленность он имел в виду и от каких иностранцев желал ее защищать?

У Наполеона была определенная ска́ла: на первом месте экономические интересы старой Франции (anciens départements, ancienne France, *не* всей Империи), на втором — Италии, а уж на третьем — присоединенных к Франции областей: Бельгии, Голландии, ганзеатических городов, Иллирии. Речь заходит о том, как будет доставляться левантийский хлопок во Францию? Через Милан и Венецию, чисто итальянские города, или через Триест и Фиуме, связанные с Иллирией? Наполеон, не колеблясь, становится на сторону первых и очень характерно это выражает: «...tout le bien qui en résulte pour le royaume d'Italie est utile à la France, et dans le fait Sa Majesté préfère que Milan et Venise gagnent plutôt que Fiume et Trieste parce que l'intérêt des ces deux premières villes est plus national» [25].

Этот *национальный интерес* Франции, близость экономических интересов любой страны к *национальному интересу* Франции,— вот обычный критерий для наполеоновских суждений и оценок. Иногда на второе место становилась вместо Италии другая страна, но на первом *всегда* оставалась старая Франция.

Чуть не в первом же заседании министров после Тильзита Наполеон забросал их вопросами: «Чего может желать торговля от разных государей Рейнского союза? Каковы наши нынешние торговые сношения с Италией? Почему фабриканты ситцев не снабжают мое италийское королевство? Чего можно пожелать от Испании, от Португалии?» [26]. Эта форма вопроса в высшей степени характерна («Qu'-t-il à désirer de l'Espagne? du Portugal?»). Она была прямо зловещей для Испании, для Португалии, для Рейнского союза, для всех стран, относительно которых Франции нужно было только успевать формулировать свои пожелания и претензии.

Когда я читал эти и другие документы, где Наполеон так зорко и ревниво отстаивает преобладающее значение «старых департаментов», «старой Франции» перед остальными частями своей Империи, то сами собой приходили на память характерные строки его мемуаров, продиктованных на о. Св. Елены, где он, говоря о жертвах своих походов, отмечает с удовольствием, что потери от войны 1812 г. были все же не так значительны, «как воображают», ибо «императорская армия... едва насчитывала 140 000 человек, говорящих по-французски», и

вообще «русская кампания стоила старой Франции 50 000 человек», не больше, ибо остальные погибшие были немцы, итальянцы, голландцы, бельгийцы и т. д. [27]

Его министры и ближайшие советники не только вполне разделяли эту точку зрения, но и ревностно осуществляли вытекавшие из нее предначертания.

Даже если и случилось Наполеону обмолвиться в данном отношении в пользу присоединенных к Империи стран, то непременно подыскивалось средство задержать, не осуществить приказ всемогущего императора. Например, 30 января 1811 г. Наполеон издал декрет, которым разрешал ввоз голландских водок в старые департаменты. Но 4 марта главный директор таможен де Сюсси докладывает императору, что так как де «свобода торговых отношений между Францией и Голландией еще не установлена, то он (директор — *Е. Т.*) не счел возможным отдать распоряжение о допущении голландских водок без одобрения его величества». И кстати обращает внимание государя на то, что, во-первых, это допущение повлекло бы, может быть, истощение *нужных Франции* хлебных запасов в Голландии (ибо умножились бы заведения, где гонится спирт), а во-вторых, повредило бы сбыту французских водок на внутреннем рынке. На полях этого доклада Наполеон только проставил свое обычное N, но резолюции не положил (сверху канцелярская пометка: point de décision) [28]. Дело было отложено в долгий ящик и... осуществления не получило.

Бывали и такие обстоятельства, когда оба основных принципа — принцип протекционизма и принцип преимущественного благоприятствования промышленности старых департаментов — сталкивались.

Завоеванный Штольберг производит латунную проволоку и поэтому хлопочет, чтобы был совсем воспрещен ввоз этого товара в Империю. Естественно, фабриканты булавок двух департаментов (Eure и Orne), где выделывались булавки в громадном количестве, жалуются и просят допускать по-прежнему шведскую проволоку, которая обладает гораздо лучшим качеством, чем штольбергская, и притом дешевле [29]. Штольбергцы получили отказ; но сколько таких случаев показывало правительству, какое обоюдоострое оружие — последовательно проведенный протекционизм! И однако правительство этим нисколько не смущалось,— налицо был надежный критерий, как например, в приведенном случае: протекционизм хорош, когда он полезен промышленникам старых департаментов; он вреден, когда он нужен не старым департаментам, а завоеванным частям Империи, и когда он может затронуть интересы промышленников старых департаментов в пользу промышленников этих завоеванных частей.

3

Итак, промышленность и по существу необходима для силы государства и, в частности, есть могучее орудие борьбы против врагов; нужно покровительствовать промышленности всеми мерами и прежде всего сурово-протекционистской политикой нужно способствовать тому, чтобы промышленность старых департаментов процветала не только на счет Англии и Пруссии, не только на счет союзной Саксонии, «медиатизованной» Швейцарии, не только на счет принадлежащей императору Италии, не только на счет Берга, но и на счет формально слившихся с Империей Леманского департамента, Голландии, ганзейских городов. Таковы руководящие воззрения, основные тенденции наполеоновской экономической политики. Теперь ознакомимся, хотя бы пока вкратце, с некоторыми характерными свойствами Наполеона — экономического политика, Наполеона — государственного хозяина.

Я должен сказать, что, уже приступая к разбору документов, легших в основу этой книги, я предполагал a priori, что и в делах, касающихся промышленности, Наполеон проявлял ту же огромную работоспособность, быстроту и силу соображения, умение извлечь существенное из массы мелочей, ту же непреклонную волю, которую, по отзывам стольких свидетелей,— начиная от его секретаря барона Фэна или Тибодо, или Шапталя и кончая Меттернихом,— он проявлял и в других делах, и о которых громко свидетельствуют многочисленные факты его разнообразной деятельности.

Но действительность все же на этот раз превзошла ожидание. Трудно себе представить, до какой степени обширно, непрестанно, беспокойно было его вмешательство во все, касавшееся интересов промышленности. Ничто не могло отвлечь его надолго от этих вопросов. Готовится новая огромная и отчаянная борьба с Австрией, но Наполеон среди приготовлений находит время гневливо указать министру внутренних дел, что нужно выписывать баранов-мериносов, а не овец, ибо этого требуют нужды акклиматизации, нужды шерстяной промышленности. Будучи в Смоленске, он одним разрешает, другим отказывает в разрешении ввезти 20—30—40 тюков хлопка из Испании или из Италии. Из Тильзита он торопит великого канцлера с распубликованием мирного договора с Россией и Пруссией, так как от промедления страдают интересы торговых сношений с этими странами [30]. Он не довольствуется постоянными вопросами и резолюциями по поводу уже представленных ему докладов. Очень часто он лично возбуждает дела и требует докладов. Не нужно ли запретить вывоз шелка-сырца из Италии в Германию, чтобы лионские мануфактуры не

нуждались в сырье?[31]. Почему так медленно происходит засев полей свекловицей, хватит ли сырья для сахарных заводов? Чем именно пернамбукский хлопок выше того, что приходит из Георгии? — Каждый понедельник император председательствует в образованном по его повелению совете, заведовавшем делами торговли и промышленности и состоявшем из нескольких сановников, и по протоколам заседаний можно судить, что император никому не уступал инициативной роли на этих заседаниях. И горе было, если он находил, что его слуги и помощники допускают небрежность или проявляют несообразительность в деле содействия интересам французской промышленности, французского сбыта! 16 ноября 1809 г. Наполеон отправляет гневное письмо министру внутренних дел. Пять месяцев император «был хозяином Вены и части австрийской монархии», и «если бы во главе (управления — *Е. Т.*) торговлей во Франции стоял человек просвещенный и усердный», то он не преминул бы устроить беспошлинный ввоз в Австрию французских сукон, вин и других товаров. А теперь — позабыли этим воспользоваться![32].

И торговые палаты, воскрешенные Наполеоном еще в начале Консульства, и «совещательные палаты», устроенные впоследствии, должны были служить для местных и центральных властей осведомительными органами,— и о них речь дальше. Здесь укажу лишь, что Наполеон желал иметь в непосредственной близости особый орган верховного надзора и управления.

С июня 1810 г. регулярно заседал так называемый Conseil d'administration du commerce et des manufactures — междуведомственное совещание, где принимали участие министры: внутренних дел, иностранных дел, финансов, морской, так называемые «государственные министры» Дефермон и Реньо, главный директор таможен граф Сюсси и сенатор Шапталь. Протоколы заседаний этого учреждения сохранились в картонах AF. IV. 1241—1243. По желанию Наполеона этот совет должен был рассматривать вопросы, касающиеся ввоза и вывоза, положения промышленности и торговли и т. д. Учрежден он был декретом от 6 июня, а начал свои заседания в Сен-Клу 11 июня 1810 г. Это учреждение до такой степени мало известно (даже историкам), что они его иной раз смешивают с Главным торговым советом или с Советом фабрик и мануфактур, т. е. с представителями торговых и совещательных палат, назначенными правительством для заседаний в этих двух центральных, так сказать, органах, представлявших в глазах правительства: один — интересы торговли, другой — интересы промышленности. Но Conseil d'administration du commerce et des manufactures, как только что сказано, был правительственным учреждением, постоянной комиссией из 7—8—9

сановников под председательством императора. Здесь и решались в окончательной инстанции все мероприятия, касавшиеся промышленности и торговли.

Не довольствуясь этим, 22 июня 1811 г. особым декретом Наполеон создал «министерство мануфактур и торговли», выделив в его ведение из министерства внутренних дел все, что касалось промышленно-торговой жизни государства. Но только с 1812 г. это министерство окончательно конституировалось и начало делать (вместо министерства внутренних дел) доклады императору. И любопытно, что учреждение этого министерства отнюдь не избавило и министра внутренних дел от необходимости с полнейшим вниманием относиться к нуждам промышленности и торговли, а префектам было предписано безотлагательное исполнение требований и доставление ответов на запросы нового министерства.

Принципиально наполеоновское правительство не давало субсидий промышленным заведениям, которые были заняты уже известным во Франции производством; на правительственную помощь могли рассчитывать исключительно те предприниматели, которые заводили новые усовершенствования, вводили новые промыслы [33]. В этом отношении Империя шла вполне по следам революционных властей, как могут припомнить читатели моей книги «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Но Наполеон нередко отступал от этого принципа.

Наполеон, как увидим дальше, очень деятельно поддерживал промышленников и субсидиями, и казенными заказами, и чрезвычайными льготными займами из казны, когда видел, что существованию больших промышленных предприятий грозит опасность. Император, по показанию Шапталя, потратил в общем 62 миллиона на вспомоществование бедствовавшей промышленности [34]. Этой цифры я не нашел в документах архива, и в своем месте мы сличим ее с другими показаниями. Как увидим, Наполеон много в этом смысле сделал для лионской шелковой промышленности, а в эпоху кризиса 1811 г. для всей промышленности вообще.

О рабочих в наполеоновскую эпоху я буду говорить в особой работе, специально этому предмету посвященной. Здесь достаточно немногих слов.

Наполеон говорил Шапталю, что он боится революций, происходящих от безработицы, а чисто политических восстаний нисколько не боится, ибо в последнем случае можно расстреливать без жалости, и для усмирения Парижа достаточно 1200 человек и четырех пушек [35].

Наполеон особенное внимание обращал на безработицу в тех пунктах, где было большое стечение рабочих. Так, во время кризиса 1811 г. (Шапталь говорил *une* crise, но по контексту

ясно, что речь идет именно о 1811 г.) император, по словам Шапталя, испытывал тревогу, видя праздность, на которую осуждены были рабочие, «особенно Сент-Антуанского предместья и Лиона». Он послал за Шапталем и сказал ему, что у рабочего нет работы, и он поэтому может оказаться жертвой «всяких интриганов», может даже восстать. «Я боюсь этих восстаний, основанных на недостатке хлеба; я бы меньше боялся сражения против двухсот тысяч человек»,— добавил он [36].

Наполеон не только удержал завещенную революцией свободу промыслов, не только не восстановил цехи во Франции, но уничтожал их и в завоевываемых странах. Конечно, и тут менее всего действовала какая бы то ни была теория. Первый консул выразился раз в Государственном совете (в 1803 г.), когда речь зашла о восстановлении цеховых порядков, что у него еще не составилось мнения по этому вопросу, но что он «склоняется» к свободе промышленности от прежних цеховых пут [37]. И во все его царствование цехи восстановлены не были.

Собственно, Наполеон, покровительствуя национальному производству, отнюдь не желал, чтобы от этого теряли хоть что-нибудь государственные финансы. Когда к концу 1806 г. оказалось, что таможни получили на 9 миллионов меньше, чем в предыдущем году, то императора вовсе не успокоило то соображение, что это произошло вследствие воспрещения ввоза бумажных материй; он тотчас же захотел узнать, почему эта потеря не возместилась увеличением суммы пошлины, взятой за ввезенный хлопок (в сырье). Ибо он только «хотел заменить один налог другим», а вовсе не думал о чистой потере для казны [38].

Здесь пока речь идет об общей характеристике Наполеона как экономического политика; поэтому неуместно было бы приводить факты, с которыми читатель встретится в дальнейшем изложении, в другой связи, и которые всецело подтвердят даваемую тут характеристику. Я хотел бы только закончить ее указанием еще на одну черту, которая существенно вредила всем усилиям Наполеона в данной области. Его крутой, деспотический нрав, глубочайшая и с годами (особенно с 1810 г.) усилившаяся вера в собственную непогрешимость, твердое убеждение в *отсутствии* таких основ жизни, таких элементов, которые нельзя было бы не только поколебать, но даже радикально изменить усилием воли правящего монарха,— все эти особенности наполеоновской психики ярко проявлялись и в торгово-промышленном законодательстве и в особенности в мероприятиях текущей политики. С гордостью вспоминая на о. Св. Елены, как он в 1806 г. воспретил, несмотря на страхи и нежелание окружающих, ввоз во Францию бумажных материй, Наполеон заявил именно по этому поводу Ласказу: «Это доказы-

вает, что и в управлении, как и на войне, чтобы иметь успех, нужно употребить характер»[39].

Он слишком часто желал с бою взять невозможное, гневно и быстро реагируя на встречавшиеся препятствия, нанося сокрушительные, но бившие не только врага и не только непослушного, удары. Его крутые действия, внезапные решения, неожиданные перемены в мероприятиях,— все это наносило не только торговле, которую он разорял (и знал, что разоряет), но даже и промышленности непосредственно самый реальный ущерб. Не было чувства обеспеченности, капиталы упорно прятались, изменения в тарифной системе, часто непредвиденные даже для министров, обескураживали заграничных контрагентов французских мануфактур и торговых домов.

Сплошь и рядом, особенно к концу Империи, не только этим мероприятиям не предшествовали какие-либо совещания, опросы и т. п., но Наполеон еще с первых лет правления фактически изъял эту область законодательства из ведения тех законодательных учреждений, которые как-никак продолжали существовать. Так, он вполне самостоятельно распоряжался в области всей таможенной политики, самостоятельно не только по существу (в этом отношении он и во всем остальном являлся фактически неограниченным монархом), но и с чисто формальной стороны.

Конечно, изменения в таможенных пошлинах являются мерами законодательного характера, и их следовало бы проводить через законодательные учреждения. Но Наполеон еще при Консульстве избавил себя от этих проволочек; он приказал (в марте 1802 г.) Редереру внести закон о том, что правительство имеет право своей властью изменять пошлины и уже post factum представлять эти изменения законодательному корпусу. Аргумент был такой: таможенные изменения являются «больше делом дипломатической и торговой политики», чем просто налогами, которые принципиально должны вводиться законодательным путем[40]. Этот упрощенный порядок таможенного законодательства, установившийся в 1802 г., конечно, делал возможными всякие внезапности в данной области.

Необычайная быстрота и решительность в изменении тарифов, крутость в методах и нервность в настроениях наполеоновской торговой политики, так тесно связанной у него с политикой общей, пугали и угнетали торговый и промышленный мир Империи. Иной раз и промышленники даже осмеливались высказывать это вполне ясно, хотя, конечно, как всегда, в самом почтительном тоне[41].

Иногда даже сам Наполеон неприятно поражался этой запуганностью и тревожным настроением торгово-промышленных кругов. Так, он счел необходимым хоть отчасти успокоить

коммерческий мир, встревоженный декретами от 5 августа и 12 сентября 1810 г. об обложении колониальных товаров. В феврале 1811 г. министр внутренних дел обратился к торговым палатам с уверением, что «в намерения его величества не входит какая-либо новая перемена в тарифах» в течение по крайней мере двух лет [42].

Но такие успокоения все-таки не производили достаточно действия.

Кроме того, неизбежная при характере Наполеона тенденция превращать покровительство торговле и промышленности в верховное, хозяйское *управление* торговлей и промышленностью также не всегда благоприятно отражалась на коммерческих и индустриальных интересах Франции.

Наполеон был принципиальным и непоколебимым врагом гласности. Он категорически запретил торговым палатам Империи публиковать что бы то ни было без предварительного особого разрешения министра. При этом он указал, что всякое обращение к общественному мнению *уже как таковое* не может претендовать на внимание со стороны властей. Достаточно прочесть одно его распоряжение, отданное министру внутренних дел, чтобы в этом удостовериться [43].

Император деятельно вмешивался, например, и в вопрос о путях торгового обмена. Когда Наполеон присоединил ганзейские города, он тотчас почти потребовал, чтобы французская торговля с этими городами направлялась именно по Везелю, т. е. сплошь по владениям, находившимся в его руках, а не через те германские страны, которые еще сохранили тень независимости. О том, удобно ли и выгодно ли это торговому миру, он не спрашивал [44].

Когда кризис 1811 г. немного развязал языки, Лаффит, уже тогда игравший крупную роль в коммерческом мире, высказал в разговоре с министром полиции, который все добивался узнать о причинах кризиса, несколько горьких истин не только о блокаде, но и об отсутствии кредита, о произволе [45], который мешает кредиту, и т. д. И даже этим общим причинам Лаффит приписывал больше значения, нежели блокаде.

Агенты министерства внутренних дел, внимательно прислушивавшиеся в эпоху кризиса 1810—1811 гг. к тому, что говорилось в торговом мире, передавали, что пожелания представителей этого мира сводятся к большей устойчивости таможенного законодательства, к отсутствию внезапностей и сюрпризов в этой области и к свободе хоть той торговли, которая разрешена, т. е. к прекращению стеснений и придирок со стороны таможенного ведомства [46].

Упорство в стремлении нанести Англии сокрушительный удар было одной из тех немногих страстей, которые совершенно

ослепляли подчас Наполеона. Он сплошь и рядом оценивал людей и события *исключительно* под влиянием этой страсти. «Кто знает, быть может, это великий человек, находящийся в затруднительном положении?» [47] — так высказался он о Павле I, недостатков которого он *не хотел* видеть с того момента, как русский государь стал врагом Англии. Великой мыслью государственных людей континента должна была быть мысль об объединении Европы против Англии, и кого эта мысль осенила, тот и был великим человеком. Эта же мера прилагалась Наполеоном ко всякому собственному начинанию: хорошо то и постольку, что и поскольку вредит Англии.

Наполеон приписывал огромную роль промышленной деятельности в борьбе против Англии. Принимая Оберкампфа [48], владельца огромных полотняных и ситцевых мануфактур в Jouy-en-Josas и в Эссоне, император высказал ему это в самых лестных выражениях. (В 1811 г. и Оберкампф попал в затруднительное положение во время кризиса, но был выручен правительством [49].)

Наполеон дважды лично посетил мануфактуру Оберкампфа в Жуи, первый раз 20 июля 1806 г., второй раз — 25 августа 1810 г. Во второе посещение он приказал доставить во дворец в Сен-Клу на 50 тысяч франков ситцевых материй (которые император решил подарить придворным дамам). Когда затем (2 сентября) Оберкампф явился во дворец, он был обласкан императором, который именно тогда ему, между прочим, и сказал следующее: «Вы и я — мы ведем хорошую войну против англичан; вы — вашей промышленностью, а я — оружием»,— и прибавил: «И вы воюете лучше» [50].

Милость императора к Оберкампфу доходила до того, что по просьбе последнего Наполеон разрешил одному служившему у Оберкампфа англичанину отправиться в Англию, набрать там справки «о новых способах фабрикации» и вернуться во Францию. Это было знаком исключительного доверия [51].

Континентальная блокада оттого и сделалась любимой его идеей, основной пружиной его политики, что она, как ему представлялось, в одно время и губила английскую мощь, и способствовала развитию французской промышленности. Но, когда стало ясно, что необходимы некоторые ограничения в континентальной системе во имя интересов *французской* же промышленности, враг Англии взял в Наполеоне перевес над другом и защитником французского мануфактурного производства. Впрочем, об этом будет сказано в своем месте.

Правительство гордилось такими (исключительными, единичными) промышленными магнатами, как Оберкампф, Ришар, Терно; но оно требовало, чтобы и эти магнаты, и их коллеги

приписывали все хорошее в экономической жизни Франции заботам и попечению властей.

Императорскому правительству нравилось изданием велеречивых exposés, устройством выставок и тому подобными мерами непрестанно обращать внимание на пышное, будто бы, развитие *всех* отраслей промышленности. В начале 1806 г. была затеяна (министерством внутренних дел) выставка в Париже, и министр Шампаньи в ряде циркуляров пояснял префектам, как целесообразнее организовать отправление экспонатов и все, что относится к делу [52].

Любили прибегать к сравнениям между тем положением, в каком была промышленность до Наполеона, с тем, в каком она оказалась в его царствование.

Люди, писавшие втихомолку дневники и не обязанные повторять шаблонные газетные фразы, иногда замечали, что хорошо бы сравнить времена Наполеона с временами дореволюционными, а не с революционными годами, годами разорения и смут, если уж угодно сравнивать успехи торговли и промышленности [53]. Заметим, впрочем, что иногда для сравнения брались и дореволюционные годы: 1787, 1788, но годы, когда уже сказалось влияние англо-французского договора 1786 г. Слабое, одряхлевшее, близкое к гибели правительство старой монархии — и свобода торговли, влекущая за собой разорение промышленности; могучая военная диктатура — и протекционизм, способствующий процветанию промышленности; эта схема, эти сравнения считало истиной не только наполеоновское правительство; проповедники протекционистской доктрины в течение всего XIX в. вспоминали Наполеона с хвалой.

Фридрих Лист с восторгом говорил о политико-экономических воззрениях Наполеона. «Благо ему и Франции, что он не изучал политико-экономические системы!» — восклицал немецкий экономист, вспоминая о континентальной блокаде и крайностях наполеоновского протекционизма [54]. Он находил у Наполеона «больше государственной мудрости, чем у всех современных ему писателей-экономистов во всех их произведениях».

Во всяком случае, если это было и не так, то Наполеону всегда казалось, что это именно так; и в строгом соответствии с таким убеждением он и поступал.

Таковы были общие экономические воззрения и характерные свойства исключительного человека, сидевшего в рассматриваемую эпоху на престоле. Я нарочно не входил в частности, нарочно мало сказал пока о личных его воззрениях на континентальную блокаду. Насколько дело касается его личности, все дальнейшее изложение и, между прочим, все, что в этом

изложении будет посвящено блокаде, только подтвердит и пополнит конкретными чертами эту предварительную общую характеристику Наполеона — экономического политика.

Теперь нам нужно обратиться к анализу той почвы, на которой он начал свою деятельность и которая оказалась столь подходящей для подготовки политики континентальной блокады. И прежде всего нужно коснуться стремлений французского торгово-промышленного мира в наполеоновскую эпоху, не зная которых, многого нельзя понять в истории этого достопамятного царствования.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО МИРА В ЭПОХУ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ

1. Организация представительства интересов торгового и промышленного классов. 2. Вопрос о протекционизме и свободе торговли. Антагонизм между интересами купцов и промышленников. 3. Стремление к регламентации производства и к восстановлению цехов. Отношение промышленников к рабочим. 4. Вопрос о мире с континентом и с Англией.

1

Наполеон желал иметь постоянные органы, которые бы осведомляли его: 1) о фактическом положении торговли и промышленности и 2) о пожеланиях торгово-промышленного мира. Для этой цели им были: 1) воскрешены торговые палаты и Главный торговый совет и 2) созданы для промышленников специально «совещательные палаты» и «совет фабрик и мануфактур». Хотя выборное начало в этих учреждениях было представлено довольно слабо (и обычно сводилось к представлению властям рекомендуемых кандидатов, из которых уже правительство назначало кого хотело), но целям осведомления правительства эти органы все же могли служить и на самом деле служили.

Правда, их не всегда спрашивали о мерах, которые намечались правительством, они даже обижались по этому поводу. Когда (в 1805 г.) обсуждался вопрос о торговом договоре между Францией и Швейцарией, то Лионская торговая палата сочла долгом своим политично намекнуть министру внутренних дел, что вот, мол, в Швейцарии правительство выслушивает местных купцов, нельзя ли и во Франции выслушать мнение торговых палат [1].

Но в общем и палаты, и советы знали, что правительство относится со вниманием к исходящим от них сведениям. Добавлю еще, что, заводя эти учреждения, первый консул делал как бы известное снисхождение, послабление, как бы допускал отступление от основного принципа, завещанного еще революционной эпохой, согласно которому государство не должно тер-

петь *никаких ассоциаций или собраний* лиц одной и той же профессии, объединенных какими бы то ни было общими профессиональными интересами.

Еще в 1800 г. кое-кто из правительственных властей склонен был смотреть на учреждение торговых палат как на нечто противное «общественному интересу» или ненужное [2].

Но первый консул знал, зачем эти палаты ему нужны, и знал, чего он им говорить и делать не позволит ни в каком случае, и нисколько в этом своем «либерализме» за все время своего правления не раскаивался.

Конечно, эти учреждения не смели затрагивать даже отдаленно вопросы «политические», там где они не могли ограничиться только славословиями. Вот характерный образец.

В южных департаментах в 1805 г. был колоссальный урожай винограда, но вино некуда было сбывать, и населению грозило бедственное положение. Обычный сбыт на север был немыслим вследствие отсутствия судов, вследствие опасности торгового мореплавания. Торговая палата Монпелье обращается тогда в Париж с просьбой разрешить воспользоваться тридцатью нейтральными (шведскими) кораблями, которые как раз стоят в гаванях Марселя и Сетты под наложенным на них запрещением (эмбарго). Главный торговый совет в Париже рассматривает эту просьбу, *находит ее вполне резонной,* но отказывается хлопотать дальше о снятии эмбарго со шведских кораблей (без чего они не могут выйти); единственная причина та, что «эмбарго есть мера политическая, причины которой совету знать не полагается. Посему он (совет — *Е. Т.*) полагает, что должен предоставить его превосходительству (министру внутренних дел — *Е. Т.*) рассудить в собственной мудрости (juger dans sa sagesse), следует ли уважить просьбу торговой палаты Монпелье» [3]. Министр отказал.

Но там, где дело касалось осведомления правительства о фактическом положении вещей, этим учреждениям предоставлялось быть вполне откровенными. Так как об их показаниях часто будет идти речь в дальнейшем, то нужно сказать несколько слов о том, когда эти палаты и советы были установлены.

Одновременно с учреждением торговых палат (статьями 10 и 11 того же декрета) был создан и центральный орган при министерстве внутренних дел, заведовавший делами торговли и промышленности или, точнее, долженствовавший служить посредником между всем торгово-промышленным миром Империи и правительством. Это были как бы сведущие люди от купцов и промышленников, доводившие до сведения министра о тех жалобах, просьбах и пожеланиях, которые стекались в министерство от торговых палат, если они, по мнению этого совета, заслуживали внимания и уважения. Формировался этот

Главный торговый совет так: каждая торговая палата выбирала двух лиц, а из общего числа выбранных таким образом кандидатов первый консул назначал 15 человек членами Главного торгового совета. Пленарные заседания совета происходили два раза в год, а в обыкновенное время, в промежутках между этими сессиями, постоянно заседала (из числа этих же 15 человек) комиссия из трех лиц для текущих дел. Протоколы заседаний этого учреждения сохранились в фолиантах F^{12}* 190—192 bis в Национальном архиве.

Эти торговые палаты и Главный торговый совет были представительством интересов не только торгового, но и промышленного классов: где промышленники преобладали (например, в Лионе, в Амьене), там громче звучал голос промышленников; где преобладал чисто торговый капитал, там торговые палаты преимущественно говорили от имени купцов.

Но, как увидим сейчас, между интересами купцов и интересами промышленников существовал антагонизм, и сами промышленники жаловались, что торговые палаты плохо представляют *их* интересы, и правительство это стало сознавать (Наполеон, как мы выше заметили, даже выразился однажды в гневе, что будь вместо торгового совета совет мануфактур,— высказывалось бы иное о таможенной политике).

Пришлось подумать и об *особом* представительстве от промышленников.

В 1803 г. постановлением консулов (от 7 термидора XI года) были учреждены «Chambres consultatives des arts et manufactures», которые должны были избираться из среды промышленников.

Уже 22 жерминаля и 10 термидора XI года (1803 г.) были установлены функции *совещательных палат;* эти палаты должны были заботиться о споспешествовании промышленной деятельности и отчасти должны были стать органами надзора и наблюдения.

22 ноября 1806 г. министр внутренних дел разослал префектам циркуляр, коим уведомлял их, что его величество желает, чтобы каждый отдельный род индустрии в каждом промышленном пункте имел свою особую совещательную палату, которая представляла бы собой учреждение, заботящееся о процветании данной индустрии, и была бы как бы «*синдикатом*», общим органом местных промышленников данной специальности.

19 декабря 1806 г. министерство внутренних дел пояснило, что желательно учреждение совещательных палат для заведений одной и той же промышленной специальности в данном городе; что преимущественно эти палаты могут быть полезны для тех отраслей промышленности, 1) где могут [быть] введены усовершенствования и 2) которые вырабатывают товары на про-

дажу. Другими словами, *ремесло,* работающее на заказ, исключалось; исключались (или не принимались в главное соображение) и те отрасли промышленности, где не могли быть введены машины, механические усовершенствования, химические изобретения. Естественно, на первый план была выдвинута именно текстильная индустрия [4].

Эти chambres consultatives учредились далеко не во всех тех местностях, где существовала индустрия: префекты часто доносили (в 1806—1807 гг.) министру, предлагавшему учредить такие палаты, что промышленная деятельность слишком «разбросана» по деревням и трудно создать подобное учреждение [5]. Эти местные учреждения вообще были гораздо менее заметны, чем тот центральный орган, который по образцу Главного торгового совета создало позже правительство специально для представительства интересов промышленности.

Conseil des fabriques et manufactures был учрежден императорским декретом (Сен-Клу) 26 июня 1810 г. и должен был состоять как из 30 членов,— по 6 человек: 1) от каждой из четырех отраслей текстильной индустрии: шелкового, шерстяного, полотняного и хлопчатобумажного производства, 2) от кожевенной промышленности,— так и 30 человек от всех остальных отраслей промышленности, а всего из 60 членов.

Что касается до способа пополнения этого учреждения, то министр внутренних дел, циркуляром от 7 июля 1810 г. уведомляя префектов всех департаментов, что император учредил при министерстве внутренних дел *Совет фабрик и мануфактур* из 60 членов, представителей от разных родов промышленности; что при этом на первом плане были поставлены шелковая, шерстяная, полотняная, хлопчатобумажная, кожевенная промышленность — каждый из этих промыслов должен был быть представлен *по крайней мере* шестью делегатами,—пояснил, что, конечно, делегаты должны были призываться министерством из числа достойнейших, предварительно *рекомендованных министерству префектами* [6].

Первое заседание вновь открытого Совета фабрик и мануфактур состоялось 24 августа 1810 г., последнее за время царствования Наполеона — 13 января 1814 г. (175-е по счету) [7]. (Протоколы этого совета к счастью, сохранились в Национальном архиве.)

[2]

Каковы были руководящие стремления французского торгово-промышленного мира в эпоху Наполеона?

Прежде всего необходимо расчленить вопрос: купцы и промышленники отнюдь не одинаково смотрели на свободу торговли

и протекционизм, на экономический мир с Англией и экономическую войну против нее, на присоединение к Франции тех или иных новых территорий, и Наполеон это хорошо знал; мы уже видели выше, где речь шла об общей характеристике его воззрений, что он симпатизировал больше промышленникам, нежели коммерсантам, и знал, что если бы зависело от купцов, они «уничтожили бы таможни» и всю его запретительную систему. И действительно, насколько у представителей купечества хватало смелости, они высказывали жалобы на эту политику, так страшно стеснявшую торговлю и ставившую купца в значительной мере в зависимость от цен, устанавливаемых фабрикантами. Фабриканты же в свою очередь знали о недоброжелательном со стороны купечества отношении к ним и к протекционистской политике, столь им выгодной. И так как они чувствовали за собой всегдашнюю поддержку со стороны императора, то гораздо смелее излагали свою точку зрения, не утаивали, а, напротив, подчеркивали существующее разногласие между собой и купцами.

Они ставили вопрос с принципиальной широтой.

Французские промышленники, например, очень боялись, как бы перед его величеством «не употребили во зло принципа Смита». Учение Адама Смита о свободе торговли казалось им неосуществимым, пока по крайней мере все нации не провозгласят неограниченной свободы торговли, чего ожидать нельзя. И не только этот принцип неосуществим, но он и вреден, он равносилен предложению, сделанному данной нации, добровольно уступить другим то место, которое она приобрела себе своей торговлей, своим земледелием и т. д. «Равенство между нациями — такая же пустая гипотеза, как равенство между людьми». Вообще же самая основа социально-политических воззрений Смита, что интересы производителя должны быть подчинены интересам потребителя, подвергается осуждению [8].

Там, где торговля была с давних пор развита несравненно шире и где ее влияние на политическую жизнь гораздо больше, чем во Франции, столкновение интересов негоциантов с интересами промышленников оказывалось явлением не вчерашнего дня, и наполеоновская торговая политика только обостряла давнишнюю жгучую проблему экономической жизни. Так было в Голландии, где с давних пор в Генеральных штатах проявлялся упорный антагонизм между представителями мануфактурных городов и представителями торговли (причем в XVIII в. побеждали последние). В докладной записке, представленной старым голландским политическим деятелем Питером Вреде королю (Людовику Бонапарту) как раз в то время, когда решена была континентальная блокада, в ноябре 1806 г., ставится вопрос с полной отчетливостью: интересы торговли и ин-

тересы промышленности, так по крайней мере обстоит пока дело, прямо противоположны, неограниченная свобода торговли довела голландские мануфактуры «до края гибели» [9].

В Бельгии до французского завоевания повторилась та же история: купцы резко расходились с промышленниками по вопросу об английском ввозе. Интересы купцов совпадали с интересами английских импортеров, интересы промышленников были диаметрально противоположны. И промышленники с горечью вспоминали (уже при Консульстве), как бывало австрийское правительство слушало не их, а купцов, которые смотрели на них как на своих врагов [10].

Эту же противоположность интересов между торговыми интересами в точном смысле слова и интересами промышленников констатировал в ноябре 1813 г. министр торговли и мануфактур: когда речь зашла о необходимости энергичной борьбы с контрабандным товаром не только на границах, но и внутри государства, то промышленники все были за возможно бо́льшую энергию в этой борьбе, а торговцы, купцы были против этого [11]. В одних и тех же городах, например в Лилле, торговая палата решительно высказалась *против* проектируемого обострения мер борьбы с контрабандой, а представительство промышленников (там же), так называемый conseil de prud'hommes,— столь же решительно *за* эти меры [12].

Антагонизм проявлялся по всей линии не только в вопросах таможенной политики, но и в вопросе о желательности или нежелательности усиления контроля и обязательных правил для производства.

Совет мануфактур, узнав, что Руанская торговая палата высказалась *против* проекта об усилении контроля, горько жаловался, что далеко не все промышленные города имеют chambres consultatives des manufactures, что *торговые палаты* нисколько не могут возместить этот недостаток: в руанской палате, например, всего *один* промышленник, остальные все — купцы, а, «к несчастью, давно уже доказано, что часто лица, занимающиеся иностранной торговлей, предпочитают свою личную выгоду выгодам национальных мануфактур» [13]. Это в высшей степени характерно: контроль, которого домогались *фабриканты*, сидевшие в совете мануфактур, прежде всего и больше всего должен был стеснить именно кустарей, *продававших предпринимателям* свой товар (и именно так была организована промышленность как раз в Руане и во всей Нормандии). Не мудрено, что руанские купцы не желали контроля, а их конкуренты — крупные промышленники — домогались его.

И не одна только Руанская торговая палата не желала стеснений производства, которые прежде всего обрушились бы на кустарей. Коммерческий мир решительно восстал против пред-

полагаемого обострения контроля. Раздались жалобы на полное разорение торговли, на то, что «общими интересами торговли нельзя жертвовать для процветания нескольких мастерских» и т. д. Промышленники посредством главного своего органа, совета мануфактур, торжественно провозгласили, что эти жалобы представителей торговли *антиобщественны*, а сами купцы по природе своего дела — *космополиты;* их интересы часто находятся в противоречии с любовью к отечеству, а посему правительство и не должно обращать внимания на их мнения [14].

И тут повторяется в других выражениях мысль, найденная нами в бумагах Наполеона, высказанная императором, как мы видели, за несколько лет: торговля не связана с государством так, как промышленность, потому что она может по желанию переносить свои капиталы куда угодно; промышленность, как и земледелие, ближе к земле. Но Наполеон все же ставил, как мы видели, на первом месте земледелие, а уже потом промышленность. Здесь же промышленности придается даже преимущественное перед земледелием значение [15].

Впрочем, что касается до отношений, какие должны существовать между *земледелием* и промышленностью, то обыкновенно здесь французские промышленники не столь решительны и категоричны, как когда речь идет о *торговле* и промышленности. Сюлли, говорят они, больше всего уделял внимания земледелию, Кольбер — промышленности, а «нынешнее правительство» призвано примирить эти интересы. В чем эти интересы расходятся? В вопросе о сырье: земледельцам желательно, чтобы оно было как можно дороже, фабрикантам — чтобы оно было как можно дешевле. Правительство может примирить эти интересы путем широкой постановки drawback'а, вывозных премий; иностранное сырье будет уплачивать большие ввозные пошлины, но часть этих пошлин будет возвращаться государством при вывозе сработанных предметов за границу [16].

Но, не рискуя ставить промышленность «выше» земледелия, представители промышленного мира нашли другую чрезвычайно для них выгодную точку зрения.

Там, где промышленникам противопоставляли не торговцев, а представителей земледелия, они отвечали, что, действительно, земледельческий класс значительнее, но класс промышленный во Франции вообще исчезнет с лица земли, если его не поддержать [17]; значит, ставится общий вопрос — нужен или совсем не нужен промышленный труд? А если нужен, необходим протекционизм, необходимо всяческое содействие промышленности со стороны государственной власти.

За это покровительство они не переставали высказывать беспрестанно свою глубокую благодарность императору.

Министр внутренних дел Шампаньи был в полном восторге от верноподданнического духа, который обнаружил весь французский промышленный мир в октябре 1806 г., когда на устроенную министерством выставку со всех концов Франции съехались представители национальной индустрии [18].

Нечего и говорить, что во всякой победе Наполеона французские промышленники видели *свою* победу, завоевание нового рынка. Они зорко следили за политическими пертурбациями, производимыми императором в Европе, и не упускали момента, чтобы напомнить о себе. Едва окончилась кровопролитная война с Австрией в 1809 г., как уже французский коммерческий мир просит победоносного императора потребовать или даже просто *объявить* (см. текст в примечании) сильное понижение пошлин на французские сукна, ввозимые в Вену, но с тем, чтобы Австрия не пользовалась взаимными милостями во Франции, то же самое сделать с ввозом шелковых материй, с бронзовыми изделиями, ювелирными товарами и т. д.; пошлину на вина установить в размере 30—40 сантимов за литр [19]. Между Аустерлицем и Иеной, весной 1806 г., Лионская торговая палата просит Наполеона «споспешествовать торговым интересам» Франции в тех договорах, которые его величество намерено заключить с германскими государствами [20].

Самый решительный протекционизм, изгнание чужих фабрикатов — вот альфа и омега идеальной, с точки зрения промышленников, политики.

Я внимательно прочел все протоколы заседаний Совета фабрик и мануфактур, собранных в регистре F [12] 194, и если бы меня спросили, каково содержание всего этого фолианта, просьб и чаяний, там записанных, я бы ответил: 1) «удешевите сырье каким угодно способом, ибо всякий налог на сырье — туземное или ввозимое — есть *прямой налог* на промышленность» [21]; 2) «усильте драконовские меры против контрабанды, удесятерите таможенный надзор, введите обязательный штамп с фамилией фабриканта для каждого метра выделываемой во Франции материи и беспощадно конфискуйте всякую материю без такого штампа»; 3) «умножьте вывозные премии, увеличьте размеры уже существующих». Эти три мотива повторяются с поразительной настойчивостью и на все лады за все время существования этого учреждения при Империи. «Франция — страна *по существу* мануфактурная» — такова аксиома, излюбленная советом.

Один раз, в заседании 1 марта 1813 г., совет свел воедино в обращении к министерству все свои чаяния, все стремления, которые по всем поводам из заседания в заседание не переставал в сущности выражать. Совет мануфактур, высказывая ряд своих пожеланий и жалоб министру торговли 1 марта 1813 г.,

начинает с принесения горячей *благодарности императору*, который избавил французскую промышленность от соперничества англичан и этим вызвал ее из ничтожества, в котором она находилась в момент начала его деятельности. Совет с ударением напоминает, что император «никогда не согласится ни на какой трактат, который мог бы возвратить нашим соседям преимущества», бывшие прежде в их руках благодаря политике французского правительства [22]. Это характерный намек на договор 1786 г. и еще более характерная для 1813 г. боязнь, что придется, может быть, volens-nolens мириться вскоре с англичанами.

Только устранением английской конкуренции Наполеон оживил французскую промышленность: к началу его правления французские мануфактуры были «почти уничтожены» [23].

С особой откровенностью (они так и оговорились тогда: «il faut dire avec franchise») промышленники в лице совета мануфактур высказали свои desiderata: полная свобода для ввоза сырья и для вывоза фабрикатов; запрещение или обложение пошлинами для вывоза сырья из Франции и для ввоза во Францию иностранных фабрикатов. А если уже допустить отклонение от этого принципа, то учредить вывозные премии [24].

Сен-кантенская «совещательная палата мануфактур» однажды (в мае 1810 г.) так формулировала свой идеал (который, по ее мнению, должен быть вместе с тем идеалом «государственным»): «интерес прядильщиков, соединенный с интересом государства, требует свободного допущения (во Францию — *Е. Т.*) хлопка в сырье и в то же время вечного воспрещения иностранной пряжи и иностранных бумажных материй» [25].

3

Другая характерная черта умонастроения французских промышленников, в особенности в начале наполеоновского правления, это их стремление к восстановлению регламентации производства, контроля над производством и к усилению «дисциплины рабочих», как они выражались. Сплошь и рядом одну из существенных причин плачевного состояния промышленности (сейчас же после революции, в первые годы Консульства) предприниматели усматривают в том, что дозволено кому угодно выделывать какие угодно товары, что купцам все равно, что распространять в потребительской массе, и они покупают всякий товар, лишь бы подешевле, а «честный фабрикант», хозяин благоустроенной мануфактуры, дорожащий репутацией своей фирмы, остается в чистом проигрыше. Между тем падает общий престиж французской промышленности, сокращается из-за этого внешний рынок и т. д. Эти жалобы не прекращают-

ся именно в эпоху Консульства и в первые годы Империи, но раздаются, хотя и реже, вплоть до конца царствования Наполеона (и дальше, при Реставрации).

Нужно отметить, что установление твердой военной диктатуры многими было принято за возвращение к некоторым дореволюционным порядкам.

В первые времена Консульства наблюдается, например, любопытный психологический феномен: хотя не только не были изменены законоположения 1791 г., дающие полное право любому гражданину заниматься тем ремеслом, каким он пожелает, но первый консул настойчиво желал утвердить в умах убеждение, что все приобретения в области свободы экономической деятельности будут сохранены, тем не менее правительство было завалено просьбами, петициями, иногда мольбами, составленными в самом жалобном тоне, о разрешении открыть то или иное промышленное заведение или даже маленькую мастерскую. Иногда генерал Бонапарт даже приказывал специально разъяснять просителям, что они вовсе не нуждаются ни в каких разрешениях. Так он поступил, например, когда некий Poizat обратился к нему со смиренной мольбой о разрешении открыть кожевню на о. Корсике (причем в прошении указывал, будто еще в Бриенской школе, где он был соучеником Наполеона, он «восторгался удивительными успехами» последнего и т. д.) [26].

Восстановление строгой регламентации надзора, даже цехов — вот что может спасти промышленность французскую от упадка; такие речи не перестают раздаваться в Лионской торговой палате чуть не с самого начала ее существования [27].

По показанию Тибодо (тогда члена Государственного совета), в первые годы Консульства промышленники жаловались, после нескольких лет существования полной свободы промышленной деятельности, на нарушение контрактов и условий, которые они заключали с рабочими и учениками, на похищение рабочими сырья, которое им давалось для работы, на мошенническую продажу товара [28]. Тибодо должен был бы выразиться яснее: жаловались на невозможность поставить рабочих в юридическую зависимость от хозяина, пока существует неограниченная свобода *немедленного*, по желанию рабочего, перехода от одного хозяина к другому.

В некоторых профессиях в эту пору обнаруживается особенно сильное тяготение в сторону восстановления цехов.

Парижские мясники подают (в 1802 г.) петицию, подписанную более чем 200 хозяев, министру внутренних дел с просьбой установить регламентацию [29].

Кое-где (в Париже, в Бордо, в Лионе) в 1802—1804 гг. булочники оказываются объединенными в корпорации, очень

напоминающие старые цехи. В Париже это началось с того, что распоряжением 19 вандемьера X года, которое, впрочем, «не было ни опубликовано, ни напечатано», было установлено обязательство (для каждого булочника) представлять в казенный склад 15 мешков муки, и притом им было дано право выбирать четырех синдиков для надзора за исполнением этого правила. Бордоский и лионский комиссары полиции, уже от себя, не только учредили в 1804 г. синдиков, но и просто восстановили корпорацию булочников (бордоский комиссар — 27 мессидора XII года, а лионский — 5 плювиоза XIII года). При этом были установлены и правила, ограничивающие число подмастерьев и учеников, и взносы в пользу корпорации, и ограничительные правила для учеников и подмастерьев, и обязательный стаж (в Лионе — четыре года) для подмастерья, и особые экзамены, производимые синдиками цеха. Словом, когда, наконец, министерство внутренних дел спохватилось, что все эти явления находятся в вопиющем противоречии с законом 1791 г., уничтожающим цехи, и принялось разбираться в этих смелых попытках восстановить цехи, то, по выражению начальника отделения, составлявшего доклад министру, у него «перо выпало из рук», и он очень возмущен был этими беззакониями [30].

Более умеренные сторонники стеснения безграничной свободы промыслов, вроде Blanc de Volx, подчеркивали, что они желают не восстановления прежних цехов, а только экзамена и контроля, который бы обнаруживал умелость работника, желающего заниматься данным делом. Но свобода конкуренции, установленная как принцип революцией, должна была, по их мнению всецело сохраниться [31]. Но, как сказано в предшествующей главе, Наполеон не пожелал восстановить цехи.

Регламент 1803 г. о наемных рабочих частично удовлетворял требованиям тех хозяев, которые жаловались на своевольные поступки рабочих, особенно на самовольный их уход; без отпуска от хозяина рабочий не мог поступить на место и не мог уйти, не подвергаясь преследованию и наказанию. Это было весьма важным обстоятельством, сильно стеснявшим рабочего и отдававшим его в известной, очень значительной, степени во власть хозяина. Не менее важным моментом было установление административной расправы по жалобам хозяев на рабочих.

Когда проект нового положения о рабочих рассматривался в Государственном совете, то, по свидетельству Тибодо, присутствовавшего в совете, поднялись возражения против того пункта, который отдавал юрисдикцию по делам между хозяевами и рабочими в руки мэров, а не обыкновенных мировых судей. Мэры были, как известно, властью назначаемой и чисто административной. Первый консул тогда категорически высказался

в пользу мэров. По его мнению, эти дела касались «доброго порядка» и были полицейскими по существу, а мировые судьи не так доступны и не так быстры в постановлении приговоров. Не может быть хорошего охранения порядка, если мэру не дать права сажать на три дня в тюрьму или приговаривать к 12—15 франкам штрафа. Наполеон охотно признавал, что тут мыслим произвол; но что же делать, «префект полиции каждый день совершает произвольные поступки», однако делать тут нечего, «иначе и быть не может» [32].

Но когда рабочие являлись истцами, а не ответчиками, то более целесообразным считалось вмешательство именно судебной власти, а не административной.

В самом конце эпохи Ста дней рабочие нескольких ткацких мастерских в Париже жаловались Наполеону на то, что их хозяева вступают между собой в соглашение с целью понизить заработную плату. Просителям было отвечено, что это — дело судебной власти, и прошения были переданы прокуратуре (к сожалению, ни прошений в документах я не нашел, ни известий о конце дела) [33].

Здесь пока незачем больше распространяться о рабочих: достаточно сказать, что предприниматели были в общем удовлетворены регламентом 1803 г., и поскольку их касалось, рабочий вопрос был в этом году покончен, и покончен вполне хорошо. После 1803 г. просьбы о восстановлении цехов становятся гораздо реже, но просьбы о регламентации производства отнюдь не умолкают. Впрочем, в первое время после издания регламента еще жалуются иногда и на рабочих.

Добавлю еще, что предприниматели и в эту эпоху продолжают относиться ко всякой попытке самой невинной организации рабочих с бдительным недоверием. Даже идея чисто благотворительных рабочих ассоциаций встречала в руководящих торгово-промышленных кругах подозрительность. Префект департамента Роны обращается к Лионской торговой палате с вопросом, какого она мнения о кассе взаимопомощи для ремесленников (так как к нему, префекту, обратились за разрешением). Торговая палата дает весьма уклончивый ответ, в котором и признает принципиально пользу такой кассы, и в то же время находит это почему-то неосуществимым, а о мотивах, почему она против разрешения подобной кассы, она поручает секретарю поговорить с префектом [34]. Префект, со своей стороны, поставил все точки над «и» и досказал то, чего не сказала Лионская торговая палата: непосредственная цель, к которой стремятся рабочие, похвальна и хороша, но даже и чисто благотворительное общество сопряжено с собраниями, а собрания повлекут за собой стачки и требования увеличения рабочей платы [35]. А посему подобное общество нежелательно.

Нечего и говорить, конечно, что торговые и совещательные палаты оказывали всегда и с большой готовностью поддержку всем просьбам хозяев о мерах репрессии против рабочих. Голос торговой палаты, конечно, был перед властями гораздо более авторитетен, чем просьбы частных лиц [36].

В громадной докладной записке, поданной в 1804 г. в министерство внутренних дел Деглизом и покрытой несколькими десятками подписей предпринимателей г. Лиона, содержатся горькие жалобы «на неограниченную свободу», губящую промышленность, на полное отсутствие надзора за рабочими, их «инсубординацию» и т. д. «La fatale liberté illimitée», «le manque de règlement et de surveillance» — вот зло, на которое записка не перестает горько жаловаться властям, и при этом имеется в виду вовсе не только одна шелковая промышленность, но *все* отрасли промышленной деятельности «второго города Франции» [37]. Жалуются на бессилие хозяев в борьбе с «распущенностью» рабочих, на невозможность обеспечить себя от кражи сырья; жалуются на то, что полная свобода промыслов чрезмерно усилила предложение, а спрос уменьшился, и ремесленнику приходится голодать [38].

То же самое повторяется всякий раз, когда речь заходит о былом процветании той или иной индустрии и ее настоящем упадке; и докладные записки официального характера, и публицисты [39] одинаково не забывают помянуть регламентацию производства в числе причин, содействовавших росту и благоденствию промышленности.

Фабриканты предметов роскоши в Париже, фабриканты полотен северных департаментов и позже, в 1810 г., не перестают просить о регламентации производства, о введении контроля, о снабжении полицейской властью лиц, которые будут следить за производством. И Наполеон с большим вниманием относился к этим просьбам и приказывал министрам давать отзывы и заключения [40].

Суконное производство, утверждают (в 1811 г.) промышленники в г. Тарасконе, не может долго просуществовать, если не восстановят прежних правил, касающихся качества выделываемых материй, если не будет прежних надзирателей и прежнего осмотра товаров, если правительство не возьмет на себя борьбы против произвола и свободы, царящих в этой области [41]. О восстановлении дореволюционных правил, стеснявших производство, хлопочут также и шерстопромышленники г. Экса и Экского округа [42].

Нужно сказать, что Наполеон, отказавшийся восстановить цехи, гораздо благосклоннее относился к этой идее реставраторов прошлого: к регламентации производства, к контролю качеств производимого товара. Это могло, во-первых, поддер-

жать престиж национальной индустрии, а во-вторых, способствовало опознанию происхождения товара.

Наполеон (в 1807 г.) пожелал, чтобы были устроены особые бюро в Марселе и Генуе, где накладывались бы штемпели на французские ткани, отправляемые на рынки Леванта. Эти ткани должны были удовлетворять известным требованиям, предустановленным правительством [43]. Наполеон отнюдь не отрицательно вообще относился к идее контроля и обязательного наложения клейм на французские товары, ибо это тоже могло, по его мнению, создать лишнее затруднение для контрабандного ввоза и продажи контрабандного товара на французских рынках. Вообще просьбы о контроле производства иногда (и частично) им удовлетворялись.

Те торговые палаты, где преобладали купцы, как уже упоминалось, были решительно против регламентации производства и против цехов.

В 1805 г. Парижская торговая палата даже напечатала доклад Vital-Roux, решительно направленный против восстановления цехов; о Руанской палате, о Главном торговом совете, высказавшихся в том же смысле, мы говорили там, где отмечали противоречие в интересах между купцами и фабрикантами. На резко регламентационной точке зрения стояла, конечно, Лионская торговая палата. Она неустанно просит о полном воспрещении производства некоторых сортов шелка, о регламентации производства остальных [44].

Лионская торговая палата долго добивалась и наконец (в 1805 г.) добилась императорского декрета (от 23 жерминаля XIII года), устанавливающего официальные требования, касающиеся продаваемого шелка и создающего специальное учреждение, которое бы ведало это дело [45]. Но и это ее не вполне успокоило. Она продолжала пользоваться всяким случаем, чтобы просить императора о введении регламентации производства; обратился как-то Наполеон к палате, чтобы она подвергла рассмотрению окраску шелковых материй, заказанных для императорского дворца в Сен-Клу, а палата тотчас же ввернула (совершенно некстати) просьбу, чтобы красильщики шелковых материй были подчинены особому регламенту (сильно напоминавшему старые цеховые правила) [46].

4

При всем противоречии интересов между торговыми и промышленными слоями был пункт, на котором они сходились: мира с континентальной Европой жаждали те и другие.

Вот, с точки зрения французских мануфактуристов, перечень обстоятельств, сыгравших роковую роль в истории фран-

цузской торговли и промышленности за «последние тридцать лет»: «торговый договор 1786 года, утрата колоний, ассигнации, максимум и истребительная война» с Европой, начавшаяся еще при революции и поддерживаемая Англией [47].

Наборы, непрерывно требующие молодежь в войска, весьма чувствительно сказываются в скудости рабочих рук уже в 1806 г., и в заседаниях торговых палат даже осмеливаются уже говорить об этом [48], а также о той неуверенности в завтрашнем дне, которая не позволяет хозяевам заключать какие бы то ни было прочные длительные условия с рабочими и готовить из них обученных мастеров,— все благодаря тем же постоянным воинским конскрипциям [49].

Торгово-промышленные слои вообще неустанно повторяли императору, будто общий мир — главная и заветная его цель [50].

О чем бы, например, в годы перед Тильзитом ни говорили представители промышленных кругов Франции, они неизменно кончали либо выражением надежды на близкий и прочный мир, либо на полное восстановление торговых сношений с Восточной Европой и Германией [51].

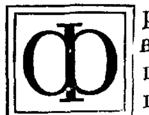
Важнейшая торговая палата Империи, одобряя войну с Англией, не перестает в той или иной благовидной форме говорить о *прочном* мире, который должен же наконец наступить [52].

Когда Империя уже погибала, власти, обращаясь к торговым палатам, не уставали подчеркивать, что препятствием к заключению мира был отнюдь не Наполеон, но были его враги. Они циркулярно извещали об этом торгово-промышленную Францию [53].

Можно сказать, если не считаться с оттенками и стремиться к формулировке вывода в немногих словах, что: 1) торговые слои Франции жаждали прочного и немедленного мира с континентом и с Англией; 2) что из промышленных слоев такого же мира желали фабриканты предметов роскоши, и прежде всего лионские фабриканты шелковых материй; 3) что большинство других представителей промышленности (и прежде всего владельцы заведений всех отраслей текстильной промышленности, кроме шелковой) желали мира с континентом, но побаивались мира с Англией, который, по распространенному мнению, должен был повлечь заключение невыгодного для них торгового договора.

Таковы были наиболее сильно сказавшиеся стремления промышленников. A priori у них должны были бы быть жалобы и другого рода, например на тяжесть налогового бремени, все возраставшую вследствие непрерывных войн. Но подобные жалобы в общем неслышны.

Еще в 1799 г. (законом от 6 прериаля VII года) был введен специальный военный налог (la decime de la subvention de guerre) в 10% со всяких пошлин, взимаемых во Франции. Этот налог держался в течение всего наполеоновского царствования и взимался неукоснительно даже в городах вроде Данцига, который не был присоединен к Империи, но где стояли французские войска [54]. Это был тяжелый налог, и время от времени, но очень редко, о нем вспоминают; однако совершенно ясно, что он вовсе не стоит не то что на первом, а даже и на третьем плане, когда речь идет, например, о пожеланиях промышленников, хотя именно с них он взыскивался особенно исправно и неуклонно при получении сырья из-за границы, при совершении ряда сделок и т. д.

Глава III

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ НАПОЛЕОНА

Амьенский мир и французские промышленники

1. Общее настроение в начале Консульства. Протекционистские стремления промышленных кругов. Контрабанда и борьба с ней до Амьенского мира. 2. Настроение промышленных кругов и правительства при заключении Амьенского мира. Политический мир и таможенная война. Контрабанда в эпоху Амьенского мира. Расторжение Амьенского мира

1

Франция (и торгово-промышленная часть общества в особенности) желала в момент, когда Бонапарт захватил власть, двух вещей: устойчивого, прочного порядка и внешнего мира, и притом оба эти блага представлялись соединенными причинной связью. «Мир есть желание всех французов... но какая держава захочет заключить мир с правительством, лишенным устойчивости?» — вопрошал в 1800 г. один публицист (Cadet-Gassicourt) в довольно смело написанной брошюре, где не было и признаков той почти поголовной мании курения фимиама, которая охватила тогда, особенно после Маренго, французскую публицистику; тем знаменательнее, конечно, эти слова в устах довольно сдержанного публициста [1]. Жажда видеть наконец сильное и устойчивое правительство была распространена широко. Полнейшее равнодушие, апатия к политическим делам, жажда покоя, стремление передать все в сильные и надежные руки — вот настроение Франции, громадного большинства общества в первые годы Консульства [2].

Относительно области торговой и промышленной политики можно с еще бо́льшим правом повторить то, что сказал Рене Штурм относительно финансов времен Консульства: с Наполеоном никто не спорил о *размерах* власти [3], которую он захватил; от него ждали одного — успокоения, порядка, возможности перевести дух после пережитого.

И очень скоро обнаружилось, что от генерала Бонапарта ждут также и в области экономической жизни всяких благ, почти чудес; что и в этой области он встретил беспрекословное повиновение и полное доверие. Это настроение держалось в на-

родной массе и в урожайные, и в неурожайные годы Консульства. В 1799 г. урожай был хорош, ощущался на рынке излишек хлеба; урожай 1800 г. был посредственным, урожай 1801 г. прямо плох, пришлось прибегнуть к ввозу из Бельгии и других стран. Сторонние наблюдатели знают, что будет ропот, что будут жаловаться на правительство именно потому, что на него смотрят как на провидение. «Bonaparte a tant fait, on suppose que tout lui est possible. On l'invoquera dans une crise où naturellement on devrait n'invoquer que le Très-Haut». Это одна черта, которая характерна для народного умонастроения в первые годы Консульства. А вот и другая: уверенность, полная и твердая, что жалобы «скорее будут стонами» и что дальше жалоб дело не пойдет и пойти не может, так что правительству не придется даже пустить в ход свою силу [4]. И можно сказать, что именно *экономическую* область часть публицистов считала той, где может и должна прежде всего сказаться благая, всеустрояющая роль нового повелителя Франции.

Любопытно отметить, что в *самом начале* Консульства, когда промышленность была в полнейшем упадке (после революции), официальный оптимизм больше основывался на рассуждениях о французском земледелии.

В глазах лиц, близких к правительству, даже уничтожение французской внешней торговли при революции послужило длительным доказательством, что Франция может сама вполне удовлетворить всем своим нуждам, но объяснялось это усовершенствованием земледелия (каковое усовершенствование — за время революции — они склонны были признавать если не фактом, что «conjecture plausible» [5]). Но долго пробавляться такими размышлениями нельзя было. Нужно воскресить промышленность всеми мерами,— вот одна из задач, ставших в первую очередь.

Уже в первые годы наполеоновского владычества Blanc de Volx, высказывая мысль, аналогичную той, которую выражали до него Тюрго, после него — Сен-Симон, и приурочивая ее к переживаемому моменту, писал, что правительства начинают менять свои политические планы «и становятся из военных торговыми» (et ils deviennent commerçans, de guerriers qu'ils étaient); он предвидел при этом, что «будущие раздоры будут иметь причиной только торговлю» [6].

Правительство в первые годы наполеоновского владычества не перестает уверять промышленников, что оно сумеет оградить их от какой бы то ни было иностранной конкуренции: не впустит ни под каким видом во Францию те товары, которые до тех пор были воспрещены к ввозу. Особенно решительно приходилось делать эти уверения [7] в тот короткий промежуток времени 1802—1803 гг., когда вторая коалиция была

побеждена, третья еще не образовалась, и даже с Англией был заключен мимолетный Амьенский мир. Протекционизм, самый последовательный и решительный, был на очереди дня в правительственной программе первого консула.

Поощрения в этом же смысле приходили иногда с самой неожиданной стороны. Престарелый Неккер, приветствуя утверждение власти генерала Бонапарта и давая предсмертные советы новому правительству, тоже высказывался в том смысле, что хотя принципиально свобода торговли предпочтительнее всякой другой торговой политики, но так как другие нации оградились от Франции тарифами и не покупают у нее, то благоразумие требует, чтобы и она держалась того же образа действий [8].

Каковы были общие воззрения и стремления Наполеона как экономического политика, мы уже знаем. Здесь достаточно прибавить, что не только общее успокоение и утверждение прочного политического порядка способствовали оживлению торгово-промышленной деятельности, но и ряд мер, специально для этого предпринятых. Так, было всячески облегчено возвращение эмигрантов, владельцев капиталов, которые могли бы быть в этом смысле полезны.

Много эмигрировавших купцов, промышленников, капиталистов вернулось в первые годы Консульства, и существенным в их пользу аргументом в глазах властей являлось то, что и они, и их капиталы необходимы для оживления промышленности во Франции, что если их не впустить во Францию, то от этого выиграют другие страны [9].

По свидетельству Молльена, капиталисты в эти первые времена Консульства стали вкладывать в земледелие, в промышленность, в торговлю свои деньги, которые лежали припрятанными в эпоху революции [10]. Но больше всего пользы правительство ждало от прочного и действительного ограждения французской промышленности от английской конкуренции.

Современники иногда указывали историческую преемственность торговой политики Наполеона и считали его продолжателем Кольбера. Подрыв могущества Англии посредством уничтожения ее торговли — эта идея была завещана Наполеону историей, по весьма популярному в эпоху Консульства мнению [11]. Правда, цифры торгового баланса, представленные генералу Бонапарту, давали довольно утешительный результат: выходило, что Франция ввозит сравнительно очень немного иностранных фабрикатов.

За первый год Консульства (VIII год: сентябрь 1799 г.— сентябрь 1800 г.) торговый баланс выразился в таких цифрах: ввоз во Францию из-за границы — 325 116 000 франков; вывоз из Франции за границу — 271 575 000 франков. Министерство

внутренних дел, докладывая об этом консулам, отмечало, между прочим, что ввезено было во Францию сырья «нужного для ремесл и мануфактур, главным образом, хлопка, шерсти, поташа и соды, оливкового масла, индиго, табаку» на 133 591 000 франков, металлов (меди, железа, стали, олова, свинца) на 5 694 000 франков, колониальных съестных припасов и напитков на 114 190 000 франков; ввоз иностранных фабрикатов выразился в сумме 39 265 000 франков. Что касается до элементов, составивших цифру вывоза, то здесь на первом плане стоят французские фабрикаты, которых было вывезено на 140 854 000 франков, съестных припасов и напитков было вывезено на 87 562 000 франков, сырья — на 33 694 000 франков [12].

Таковы некоторые частные указания, которые можно извлечь из этого доклада. После всего, сказанного во введении, мне незачем распространяться относительно истинного значения этих цифровых показаний и останавливаться на вопросе об их точности. Правительство тоже очень хорошо понимало, что здесь, конечно, не посчитана (и не могла быть посчитана) контрабанда, сильно его беспокоившая.

В августе 1800 г. министр внутренних дел представил консулам доклад, в котором жаловался на продолжающийся ввоз английских товаров и на то, что вследствие «ошибочного истолкования» закона от 10 брюмера V года трудно бывает преследовать виновных. Статья 5 этого закона говорит, что «считаются происходящими из английских фабрик... нижепоименованные предметы, *ввозимые* из-за границы» (подчеркнуто в цитате доклада). Но ведь не всегда можно захватить контрабанду на месте, при ввозе; чаще всего ей удается «ночью или при помощи вооруженного сборища контрабандистов» проникнуть внутрь страны. Нужно обставить дело так, чтобы и внутри страны возможно было отличить французский товар от нефранцузского. Существующие законоположения не помогают. Закон от 11 прериаля VII года, изданный в подкрепление закона от 10 брюмера, говорит об аресте английских товаров, где бы они ни попались, о домашних обысках с целью их розыска и т. д. И этого мало. Постановлениями директории от 9 вантоза VI года и 20 брюмера V года приказано снабжать французские товары фабричными марками, чтобы можно было отличить их от английских. И все это оказалось бессильным против контрабанды [13]. Ввиду этого министр предложил, а консулы 3 фрюктидора издали постановление, категорически требующее наложения клейм на французские товары и выдачи особых удостоверений от местных властей фабрикантам в том, что такие-то товары действительно сработаны там-то.

Первый консул решил воскресить правила о клеймах.

Постановлением консулов от 3 фрюктидора IX года (21 августа 1801 г.) были установлены правила о наложении штемпелей на материи, выработанные во Франции. Это было сделано специально в виде мероприятия против контрабандной торговли внутри страны, и именно против *английской* контрабанды [14]. Сорта материи, которые должны были подвергаться штампованию, были указаны [15]; применение закона породило множество недоразумений, напрасных конфискаций и внесло большие трения и путаницу во *всю* текстильную промышленность [16].

Этот декрет постановлял, что, начиная с 1 вандемьера (23 сентября), всякая материя, на которой не будет особого штемпеля и номера, будет считаться тем самым английской и в силу закона от 5 брюмера V года (26 октября 1796 г.) будет подвергнута конфискации.

От этой меры правительство ожидало очень много хорошего и считало ее проявлением истинно национальной политики [17]. Но ожидания оказались тщетными; контрабандистов этот декрет не смутил и не остановил. Конечно, для людей, рисковавших головой в своем опасном деле, наложение этих клейм и т. п. на товары должно было представляться препятствием ничтожным. Это ясно a priori, но у нас есть и документ, являющийся как бы признанием французского правительства в том, что и новая рогатка обойдена контрабандистами. Вот что доносил в мае 1802 г. префект полиции министру внутренних дел: штемпель «в высшей степени легко» подделывается и пускается в ход контрабандистами, и его «тотчас» подделали, едва только консулы успели издать свое постановление. «Громадное количество английских товаров обращается теперь на французском рынке с самыми исправными клеймами, *а есть и совсем без клейм.* Впрочем, префект замечает еще, что не все контрабандисты *подделывают* штемпель,— есть и такие, которые пользуются самым подлинным, заблаговременно украденным во Франции или приобретенным путем подкупа [18]. Тут интересно не только это сообщение о бессилии штемпельной системы, но и показание, что контрабандисты даже не всегда дают себе труд ставить *какой бы то ни было штемпель;* помощь населения, соучастие потребителя в обмане властей могущественно поддерживали контрабандистов.

Первому консулу доносили даже (подтверждая, что постановление от 3 фрюктидора оказалось вполне бесполезным), будто английским товарам теперь стало даже легче *национализироваться,* получить видимую легализацию. Алчность французских *купцов,* наживающихся на скупке и перепродаже контрабандного товара, выставлялась одной из главных двигательных пружин контрабандного дела [19].

2

Но борьба с контрабандой до Амьенского мира, после его заключения и после его расторжения отходила на второй план сравнительно с коренным вопросом, который вставал перед правительством и перед промышленниками в связи с Амьенским миром: как сложатся торговые отношения между обеими странами? Будет ли мир сопровождаться торговым договором, и если — да, то каков будет этот договор? Если договор допустит легальное, неконтрабандное переполнение французского рынка английскими товарами, то не будет ли это концом всей французской промышленности, в частности всей текстильной промышленности? Вот вопрос, который именно и заставлял промышленный мир Франции или значительную часть его желать парадоксального разрешения: пусть будет заключен с Англией политический мир, но пусть продолжается против нее таможенная война. Такова в общих чертах была точка зрения промышленников, кроме фабрикантов шелковых материй и других предметов роскоши: эти не боялись английской конкуренции, и для них упрочение торговых отношений с Англией было всегда чистым выигрышем.

Тревога звучит в речах промышленников уже с 1800 г., когда, после Маренго, так сильно стали говорить о близком «общем мире». Эта тревога отражалась кое-где и в документах той общей анкеты, которая была поручена генералу Lecuée, относительно центральных департаментов: генерал очень ясно говорит о желании «общего мира» и о боязни, как бы правительство не поступилось интересами французской промышленности перед англичанами, как бы не повторилась история 1786 г. [20]

Правительство тоже склонялось к этому парадоксальному решению вопроса: политический мир — и продолжение таможенной войны. Шапталь, министр внутренних дел времен Консульства, который из всех слуг Наполеона меньше всех может быть назван крайним протекционистом, питал глубокое убеждение, что французская промышленность *не может* устоять против англичан, если ей не помогут законодательными мерами [21].

Первый консул не только разделял *это* убеждение, но им овладела и другая идея: в прочность «политического» мира с Англией он мало верил, а в упорной борьбе с заморским врагом победить возможно было, лишь разорив противника, уничтожив его торговлю. Эту идею Наполеон нашел вполне ясно выраженной в законодательных актах своих предшественников.

Уже 18 вандемьера II года (1793 г.) был издан декрет, воспрещавший ввоз во Францию каких бы то ни было товаров

английских мануфактур. Этот декрет был началом таможенной войны. В законе от 10 брюмера V года (1796 г.), который был в сущности отчасти первообразом декретов Наполеона, создавших блокаду, объяснялось в иронической форме, почему для Англии запрещение ее товаров — самый страшный удар: для Англии люди считаются на шиллинги, важно не бить ее армии, а подкосить ее торговлю [22]. Мало того, в этом же законе 1796 г. мы встречаемся и с первообразом самых мер, пущенных в ход Наполеоном после берлинского декрета 1806 г.: тут и конфискация всех английского *происхождения* товаров, даже если они приобретены не у англичан; тут и длиннейший перечень товаров, а priori *признающихся* английскими, несмотря ни на какие доказательства владельцев; тут и конфискация судов и вообще перевозочных средств, которыми воспользовалась контрабанда, и т. д. [23] Разорение английской торговли или, по крайней мере, нанесение ей тяжелого удара — вот цель декрета.

Национальный архив AD.XVIII, № 108 (Procès-verbaux, 245).

Loi du 10 brumaire, l'an cinquième de la République française, une et indivisible.

Le Conseil des Anciens, adoptant les motifs de la déclaration d'urgence qui précède la résolution ci-après, approuve l'acte d'urgence.
Suit la teneur de la déclaration d'urgence et de la résolution.
«Procès-verbal du 5 brumaire, an cinquième.

Le Conseil des Cinq-Cents après avoir entendu le rapport de la commission chargée d'examiner le message du Directoire exécutif du 25 Vendémiaire dernier, relatif aux objets manufacturés en Angleterre.
Considérant qu'un des devoirs des législateurs est d'encourager l'industrie française et de lui procurer tous les développements dont elle est susceptible; que dans les circonstances actuelles il importe de repousser de la consommation les objets manufacturés chez une nation ennemie qui en emploie les produits à soutenir une guerre injuste et désastreuse, et qu'il n'est pas un bon citoyen qui ne doive s'empresser de concourir à cette mesure de salut public:
Déclare qu'il y a urgence.
Le Conseil, après avoir déclaré l'urgence, prend la résolution suivante.

Article I-er.

L'importation des marchandises manufacturées provenant, soit des fabriques, soit du commerce anglais, est prohibée, tant par mer que par terre, dans toute l'étendue de la République française.

Article IV.

Les marchandises de fabrique anglaise qui se trouveront dans un bâtiment pris sur l'ennemi, ou naufragé, ou échoué, et celles qui proviendront de confiscation, seront assujetties à l'entrepôt et à la réexportation, et ne pourront être vendues que sous ces conditions.

Article V.

Sont réputés provenir des fabriques anglaises, qu'elle qu'en soit l'origine, les objets ci-après importés de l'étranger:

1°. Toute espèce de velours, de coton, toutes étoffes et draps de laine, de coton, de poil, ou mélangées de ces matières; toutes sortes de piqués, basins, nankinettes et mousselinettes; les laines, cotons et poils filés, les tapis dits anglais.

2°. Toute espèce de bonneterie de coton ou de laine, unie ou mélangée.

3°. Les boutons de toute espèce.

4°. Toute sorte de plaqué, tous ouvrages de quincaillerie fine, de coutellerie, tabletterie, horlogerie et autres ouvrages en fer, acier, étain, cuivre, airain, fonte, tole, ferblanc, ou autres métaux, polis ou non polis, purs ou mélangés.

5°. Les cuirs tannés, corroyés ou apprêtés, ouvrés ou non ouvrés, les voitures montées ou non montées, les harnois et tous autres objets de sellerie.

6°. Les rubans, chapeaux, gazes et shalls, connus sous la dénomination d'anglais.

7°. Toutes sortes de peaux pour gants, culottes ou gilets, et ces mêmes objets fabriqués.

8°. Toute espèce de verrerie et crystaux, autres que les verres servant à la lunetterie et à l'horlogerie.

9°. Les sucres raffinés en pains ou en poudre.

10°. Toute espèce de faïence ou poterie, connue sous la dénomination de terre de pipe ou grès d'Angleterre.

Article VII.

Tout individu qui aurait, soit pour son compte personnel, soit pour le compte d'autrui, soit seulement en dépôt, des objets de fabrique anglaise, sera tenu de remettre, dans les trois jours de la publication de la loi, à l'administration municipale du canton dans lequel ils sont déposés, un état détaillé contenant leur quantité, qualité et valeur.

L'administration municipale déléguera dans les cinq jours qui suivront la déclaration, un de ses membres, en présence duquel les objets déclarés seront vérifiés et mis par les propriétaires ou dépositaires en tonneaux, balles, ballots, caisses ou malles, cousus, ficelés et scellés du sceau de l'administration.

Ces objets ainsi renfermés, resteront à la garde des déclarans, qui s'en chargeront sur le procès-verbal de l'administration et se soumettront de les représenter à toute réquisition.

Au moment de leur sortie du lieu du dépôt pour la réexportation, l'administration municipale délivera un acquit à caution, qui sera visé dans le dernier bureau des douanes de sortie, et rapporté dans les deux mois à l'administration qui l'aura délivré, pour servir de décharge au soumissionaire.

Article XIII.

Tous objets de fabrique étrangère non compris dans l'article 5, et desquels l'entrée n'est pas prohibée par les lois existantes, ne seront admis dans l'intérieur de la République qu'autant qu'ils seront accompagnés de certificats constatant qu'ils sont fabriqués dans les pays avec lesquels la République n'est point en guerre, conformément à la loi du premier mars 1793.

Quant aux objets de fabrique de l'Inde, ils ne pourront être importés qu'autant qu'ils seront accompagnés de certificats délivrés par les compagnies hollandaise ou d noise, visés par les Consuls de France, constatant que ces objets proviennent du commerce de ces compagnies.

Article XIV.

S'il résulte de la vérification desdites marchandises, qu'elles proviennent des fabriques ou du commerce anglais, elles seront saisies sans avoir égard aux certificats dont elles seront accompagnées.

Article XV.

Toute contravention aux articles ci-dessus donnera lieu à l'arrestation du contrevenant, et à sa traduction devant le tribunal de police correctionnel dans l'arrondissement duquel le délit aura été constaté, la condamnation emportera toujours confiscation des marchandises, bâtimens de mer, chevaux, charrettes ou autres objets servant à leur transport.

Le délinquant sera en outre condamné à une amende triple de la valeur des objets saisis, et à un emprisonnement qui ne pourra être moindre de cinq jours ni excéder trois mois.

Sont compris parmis les contrevenans, tous courtiers, commissionnaires et assureurs qui coopéreroient à l'importation ou au débit des marchandises désignées ci-dessus.

Article XVI.

La confiscation sera prononcée au profit des saisissans et de tous ceux qui auront favorisé l'arrestation, conformément à la loi du 15 août 1793.

Un sixième en est accordé, en forme d'indemnité aux administrateurs municipaux et aux Commissaires du Directoire exécutif dans tous les cas, où leur présence est ordonnée par la loi.

Article XVII.

Il est enjoint à tous postes militaires, aux gendarmes nationaux, aux gardes nationales de service, et généralement à tous fonctionnaires publics, d'arrêter tous individus qui seroient trouvés saisis d'objets de fabrique ou de commerce anglais, ou qui tenteroient d'introduire des marchandises quelconques, soit par versemens faits hors la présence des préposes des douanes, soit en évitant les bureaux frontières.

И мысль эта не только сохранялась в официальных актах: она носилась в воздухе и повторялась не раз и не два именно в начале Консульства.

Говоря о войне с Англией в 1800 г., французские официозные и близкие к официальным лицам публицисты не переставали внушать публике мысль, что с самого начала борьбы существовало *единственное* оружие, достаточно сильное, чтобы ниспровергнуть врага: разорение его торговли, доведение этим путем английского народа до революции против правительства и короля [24]. Согласно построению, распространенному в 1800—1801 гг., революционные правительства давно должны были бы к этому образу действий перейти; но они были слишком слабы из-за смут и беспорядков в самой Франции. Теперь же спаситель Франции, генерал Бонапарт, осуществит эту назревшую мысль. Успех казался не за горами [25].

Когда в первые дни после 18 брюмера автор очень читавшейся брошюры о возможности или невозможности мира с Англией поставил вопрос об условиях, то он выставил требование, чтобы ни один предмет, выработанный на английских мануфактурах, не был пропускаем во Францию, ибо иначе французские мануфактуры не оживут. Англичане наводнят Францию залежавшимися без сбыта фабрикатами, чтобы дать работу своим безработным [26]. И это говорилось лицом, считавшим мир возможным и при этом условии желательным.

Официозный политический философ первых времен Консульства Blanc de Hauterive утверждал в 1800 г., что всей Европе, всему континенту неминуемо предстоит попасть под экономическое иго Англии, если они не соединятся для общей обороны, пока еще не поздно, ибо они еще не окончательно порабощены [27]. И он, объявляя себя *принципиально* противником запретительного протекционизма, тем не менее проповедует в качестве главного средства борьбы с ней именно протекционизм в Европе: это — крайнее средство, все равно как есть болезни, против которых не помогают обыкновенные лекарства, но могут помочь яды [28].

Этот же Blanc de Hauterive, важный чиновник министерства иностранных дел, выдвинул даже теорию, по которой Англия должна более Франции страдать от войны именно потому, что она — страна мануфактурная, а Франция — более земледельческая; поэтому Англия более подвержена кризисам; ее экономическая система более «искусственна», а потому и более зависит от политических случайностей, вроде войны и связанных с ней пертурбаций [29].

Крайне редко слышны были голоса в пользу мира, указания на убыточность непрестанной войны. В своей книге, посвященной первому консулу и направленной против книги Гентца об английских финансах, Фонвьель давал Европе советы *разоружиться* из страха финансового разорения; эти советы канули в Лету никем не замеченным курьезом [30].

Патриотический шаблон первых лет Консульства заключался в повторении на все лады слов о бессилии Англии принести какой-либо серьезный вред Франции, о том, что, лишая Францию колоний и морской торговли, Англия отнимает у Франции только излишек, а все необходимое остается у Франции в виде ее огромных земельных богатств. Физиократические навыки мысли здесь подкреплялись воинственным патриотическим чувством, столь свойственным этой эпохе. Англия лишит Францию возможности удовлетворять прихоти, а сама зато подорвет все свои ресурсы вконец [31].

Мысль о близком разорении Англии доказывалась еще и так (очень серьезными авторами): Англия — самая промыш-

ленная страна в мире, *следовательно*, более всего нуждается в мире и в обеспеченном экспорте; мало того, война разоряет население Франции и вообще континента, *следовательно*, падает покупательная способность стран, бывших лучшим рынком сбыта для английских товаров [32].

По-видимому, у Наполеона еще до заключения Амьенского мира сложилось твердое убеждение, что торгового трактата заключать с англичанами *не* следует, напротив, что нужно попрежнему сохранить в силе запрет на ввоз английских материй во Францию. По крайней мере, он захотел напечатать в «Moniteur'e» один мемуар (руанского купца Rabasse'a), поданный ему и заключавший в себе эти мысли [33].

Наполеон на о. Св. Елены говорил Ласказу, что англичане хотели ему навязать при заключении Амьенского мира невыгодный торговый договор. «Но я был могуществен и вышиной во сто локтей. Я ответил, что если бы они даже завладели Монмартрскими высотами, то я все-таки отказал бы» [34].

По показаниям французов-современников, Амьенский мир был в общем встречен во Франции холодно; они только ошибались, когда утверждали, будто в Англии он был встречен с восторгом [35]. Промышленные города (особенно занятые хлопчатобумажной, шерстяной и железоделательной индустрией) боялись повторения торгового договора 1786 г. и наводнения Франции английскими фабрикатами. Автор цитируемой брошюры с унынием говорит о том, что Франция 1786 г. имела капиталы, происходившие от процветавшей тогда колониальной торговли; Франция нынешняя (т. е. 1802 г.) не имеет прежних капиталов, потеряла колониальную торговлю, и бороться с могущественной соперницей ей будет еще труднее [36]. Его точка зрения, совпадавшая со взглядами, высказывавшимися впоследствии и Главным торговым советом, и правительством, та, что французская промышленность еще так хила и неустойчива, что только в искусственно созданном уединении, т. е. при огражденном от соперников рынке, она может существовать [37].

Французские промышленники и правительство озабочены были, в частности, также полным изгнанием английской торговли из уцелевших еще французских колоний.

В 1802 г., когда после Амьенского мира оживилась морская торговля, коммерческий и промышленный мир требовал у правительства, чтобы колонии были предоставлены метрополии как *монопольный* рынок для сбыта французских фабрикатов и закупки колониального сырья [38].

В Англии оппозиционеры указывали перед заключением Амьенского мира, что мир погубит окончательно английскую торговлю, ибо все равно первый консул, в руках которого оста-

лась огромная власть над важными для английской торговли континентальными странами, всячески будет вредить англичанам и мешать торговым сношениям; и после мира он все равно не может перестать смотреть на них как на экономических соперников Франции. Эту мысль неустанно проповедовал, между прочим, Коббет [39].

И когда разрыв кратковременного мира сделался фактом, то современники приписывали это событие, между прочим, упорному стремлению французского правительства подорвать, затруднить, уменьшить всеми мерами английскую торговлю [40].

Беспокойство промышленников усиливалось еще тем, что контрабанда из Англии в эпоху Амьенского мира увеличилась в огромной степени; таможенная охрана берегов не была так бдительна, как во времена военных действий.

Любопытно, что и в 1802 г., когда Амьенский мир был уже заключен, французские мануфактуристы воображали, что в виде нормального modus'a vivendi с Англией можно устроить настоящую таможенную войну, с полным воспрещением английских товаров, с суровейшим и бдительным, притом фактическим осуществлением этого запрета [41]. От «патриотизма» таможенных чиновников зависит пропитание рабочего класса [42].

После Амьенского мира высказывались опасения, что английская конкуренция совершенно подорвет французскую промышленность. Но вместе с тем люди, делившиеся с первым консулом своими опасениями, не скрывали от него, что издавать законы о полном воспрещении ввоза английских товаров легко, но что фактически осуществить подобный запрет в высшей степени трудно, даже невозможно, и невозможно именно вследствие сочувствия потребителей контрабандному ввозу [43].

Те самые жалобы на «отсутствие патриотизма» французского потребителя, на его англоманские вкусы и т. п., какие раздавались в конце старого режима, раздаются и при Консульстве. Современники жалуются после Амьенского мира, что все заполнено английскими товарами [44].

После заключения Амьенского мира первому консулу была представлена докладная записка, в которой говорилось, что запрещение английских товаров есть пустой звук, что таково убеждение всех и каждого, что нельзя запретить товары, которые все желают получать, и что гораздо проще в той или иной мере английский ввоз разрешить [45].

И мир с континентом, и мир с Англией во Франции склонны были рассматривать *исключительно* с точки зрения отвоевания у Англии рынков, обороны от английской конкуренции, нанесения Англии возможно большего вреда. В глазах французских публицистов одной из главных светлых сторон Люневильского мира было то, что Бельгия попала окончательно в

руки Франции, что мир «открывает этот рынок Франции и закрывает его для Англии», что для Англии закрыты также устья Рейна и Шельды, и отныне английские товары должны проникать в Германию кружным путем, через Эмс, Везер, Эльбу или с Балтийского берега [46]. Когда по Амьенскому миру Англия тоже признала за Францией это владение, тот же публицист, подробнее поясняя свою мысль, выразился так, что Бельгия — потеря не для Австрии, которой она принадлежала политически, но для Англии, которая устроила там склады своих товаров и оттуда направляла эти товары в Германию [47].

Было и оптимистическое течение. Оптимисты полагали, что английская конкуренция не может разорить французскую промышленность, что Англия и вообще уже не страшна.

В эпоху Амьенского мира, в 1802 г., во Франции высказывалось иной раз убеждение, что отныне война с Англией уже не может нанести Франции особого ущерба: «англичане нам уже сделали все зло, какое только могли», они отняли маленькие колонии, а большие (Иль-де-Франс, Кайенну, Гваделупу, Сан-Доминго) они либо вовсе не могут завоевать, либо, завоевав (например, Сан-Доминго), не могут их удержать. Они разорили внешнюю торговлю Франции, но нейтральные суда все равно ввозили во Францию все то, что ей было нужно, и, кроме того, французы научились обходиться без их фабрикатов, без их сахара и их материй [48].

Когда в 1803 г. (постановлением от 6 брюмера XII года) было разъяснено, что допущен ввоз во Францию заграничной хлопчатой пряжи и хлопчатобумажных материй, то это возбудило живейшие нарекания со стороны многих промышленников, говорилось о гибели национальной индустрии [49] и т. д. Министерство, докладывая об этом Наполеону, делало оптимистический вывод, что французской промышленности нечего теперь бояться иностранной конкуренции [50]. Высокие пошлины, которыми все-таки были обложены разрешенные к ввозу ткани, однако, нисколько не успокоили французских промышленников, и мы увидим дальше, что они добились полного воспрещения этого импорта.

В сущности, главным преимуществом Франции перед Англией в области промышленной конкуренции, по распространенному тогда среди французов мнению, должна была явиться бóльшая дешевизна рабочих рук, которая обусловливает бóльшую дешевизну фабрикатов [51]. Указывалось на могущественное земледельческое богатство Франции, на огромность ее населения (сравнительно с Англией); лучшим доказательством малой осведомленности французов в английских делах может служить то, что роль развития механического производства в Англии обыкновенно оставлялась при этих расчетах почти

вовсе в тени. Исключением является брошюра «Le bon sens d'un manufacturier», вышедшая в 1802 г. и утверждающая, что англичане производят такие дешевые товары, что только полное запрещение их ввоза может спасти от этой убийственной конкуреници французскую промышленность [52].

Отношения между обеими державами становились все хуже и хуже.

Весной 1803 г. первому консулу был представлен министром внутренних дел доклад о состоянии торговых отношений между Францией и другими державами. Испанией правительство недовольно, находит таможенные ставки слишком высокими и хотело бы больше любезности относительно французского ввоза; с Голландией отношения хороши, и от нее требовать нечего; от Дании нужно домогаться установления более выгодной для Франции торговой политики. С Россией — «все в будущем». Марсельцы ждут только открытия Черного моря, чтобы предпринять ряд торговых путешествий к южнорусским берегам; хорошо бы заключить с русским императором торговый договор. *Единственная* держава, с которой все не налаживаются отношения, это Англия (la seule puissance avec laquelle nos relations commerciales soient incertaines et flottantes). Мир (только что заключенный) мало помог делу [53]...

Судя по некоторым отзывам современников, правительство склонно было скрывать от общества, что разрыв с Англией неминуем [54]. Любопытно, что в дипломатических бумагах и разговорах, предшествовавших разрыву сношений и новой войне, ни английские, ни французские представители не говорили ни о чем, касавшемся торгово-промышленных интересов. Только в последней, роковой ноте лорду Уисуорту, посланной Талейраном, в виде гипотетического примера недопустимых английских требований поминается *возможное* желание Англии путем торгового тарифа остановить успехи французской промышленности; но это сказано лишь вскользь [55].

В памфлетах официозного происхождения, выпущенных по поводу начала новой войны с Англией, делались попытки провести мысль Талейрана уже не в гипотетической форме: говорилось о том, что Англия *требует* закрытия французских портов, уничтожения станков, уничтожения французской промышленности. Так писал в июне 1803 г. один саперный генерал [56].

Французские власти иной раз даже официально, в печатных распоряжениях и объявлениях, объясняли нарушение Амьенского мира завистью Англии к успехам французской промышленности, к прогрессу машинного производства во Франции и сознанием, что «скоро нельзя будет выдерживать конкуренцию» с французской промышленностью; выставлялась на вид и бóльшая дороговизна жизни в Англии, что якобы тоже могло

внушить Англии опасения за свое промышленное преобладание. «Нам нужно защищать нашу промышленность» [57] — вот был популярный лозунг дня.

Твердая уверенность, что Англия захотела войной остановить промышленные успехи Франции, звучит и в адресе Лионской торговой палаты первому консулу [58].

Прибавлю, что в Англии в свою очередь высказывалось мнение, что Бонапарт расторг Амьенский мир вследствие боязни непобедимой промышленной конкуренции англичан. Иной раз, тоже в год расторжения мира, английские публицисты утверждали, что политическая победа Бонапарта была бы им использована для передачи Франции промышленной супрематии, которая пока принадлежит англичанам. В одной в высшей степени характерной брошюре (к которой я надеюсь вернуться в другой работе), появившейся в Англии, когда ждали нашествия Наполеона, автор, обращаясь к фабричным рабочим, доказывает им, что, вопреки *преобладающему* [59] среди них мнению, им будет житься не лучше, а хуже при Бонапарте, нежели живется при Георге III. Почему? — Потому, между прочим, что французы прежде всего переселят к себе мануфактуристов, которые выучат их чему нужно, Франция завладеет всей торговлей и промышленностью, а английские рабочие будут умирать с голоду [60]. Здесь не место говорить о значении этой брошюры (которую почему-то никогда не цитируют) как «признака времени» в Англии начала XIX в.; но приведенное мнение составителя брошюры характерно для взглядов англичан на стремления Бонапарта в области покровительства промышленности.

Тотчас после расторжения Амьенского мира Наполеон поспешил отдать приказание своим агентам и уполномоченным в Италии и Голландии, чтобы они озаботились причинением английской торговле в этих странах «наибольшего вреда» [61]. Одновременно он распорядился конфисковать все английские товары, находившиеся в Италийской республике [62]. Спустя некоторое время он приказал генералу Мортье «непоколебимо» препятствовать проникновению в Ганновер, на Эльбу, на Везер английских товаров и даже английской почты [63]. Спустя несколько дней новый приказ: не пропускать никаких английских товаров, направляющихся из Гамбурга через территории, занятые французскими войсками, на лейпцигскую и франкфуртскую ярмарки [64].

Так открылась новая, длительная эра англо-французской войны, которой суждено было окончиться лишь с падением наполеоновской Империи. В 1803—1804 гг. эта война, казалось, должна была привести к высадке Наполеона в Англии; в 1805 г. она привела к битве у Трафальгара. С 1806 г. она приняла форму ожесточеннейшей борьбы Наполеона против английской торговли.

Глава IV

НАЧАЛО ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НАПОЛЕОНА

Хлопчатобумажная промышленность во Франции и декрет 22 февраля 1806 года

1. Колебания и опасения Главного торгового совета в эпоху Амьенского мира. Аргументация в пользу безусловного воспрещения ввоза иностранных бумажных материй после Амьенского мира. 2. Анкета 1805—1806 гг. и ее результаты. Вопрос о распространении машинного производства. Департаменты, где было развито бумагопрядильное и бумаготкацкое дело. 3. Пожелания промышленников. Антагонизм между владельцами прядилен и владельцами ткацких и ситцевых мануфактур. Отношение правительства к этому антагонизму. Показание Ришара-Ленуара о совещании во дворце. Рассказ Наполеона о том же совещании. Издание декрета 22 февраля 1806 года

Между разрывом дипломатических отношений Франции и Англии в 1803 г. и берлинским декретом о континентальной блокаде прошло $3^1/_2$ года, и за этот промежуток времени произошло событие очень большой важности в экономической истории Франции: был издан декрет 22 февраля 1806 г. о безусловном воспрещении ввоза каких бы то ни было бумажных материй и бумажной пряжи из-за границы во Францию.

Этот декрет важен по нескольким причинам: 1) он имел весьма большое значение для судеб одной из самых важных отраслей обрабатывающей промышленности; 2) он был первым принципиальным актом наполеоновской запретительной таможенной политики, актом, чреватым, как увидим в дальнейших главах, большими последствиями для вновь завоевываемых Наполеоном земель; 3) этот декрет был первым осуществлением принципа, легшего в основание континентальной блокады и особенно повлиявшего на *практику* блокады: такие-то товары независимо от их происхождения следует безусловно воспретить к ввозу потому, что Англия их *может* доставить по дешевой цене другим нациям, а другие нации *могут* ввезти их в Империю. В феврале 1806 г. за Наполеоном уже был Аустерлиц, но Иена была еще впереди, и декрет о бумажных материях должен был иметь не общеевропейское применение. Но уже и мысль, и способ действия, с которыми всей Европе пришлось считаться

после Тильзита, можно распознать в этом декрете. Его история — как бы вводная страница к истории континентальной блокады.

Не нужно удивляться, что именно в области этой индустрии впервые проявилась полностью руководящая идея экономической политики царствования: с одной стороны, на примере Англии уже было ясно, что дешевизна бумажных материй в будущем вытеснит полотняные изделия, отчасти шерстяные, и что вообще этой отрасли текстильного производства предстоит колоссальная роль в жизни европейских народов; с другой стороны, *именно* в области бумагопрядильного производства Англия сделала особенно блистательные технические успехи, особенно далеко опередила Францию. И то, и другое обстоятельство приковывали внимание правительства и заставляли его чутко относиться к жалобам заинтересованных.

1

В первые же месяцы после государственного переворота 18 брюмера первому консулу подавались петиции, в которых указывалось, что нет хлопка для мануфактур, что нужные Франции бумажные материи ввозятся из-за границы и что именно это обстоятельство доводит французских рабочих до голода и до самой ужасающей нищеты [1]. Конечно, и надежды на обильный ввоз хлопка связывались тоже с мыслью о неминуемом и прочном мире, который скоро наступит. Но и в эти годы, как и впоследствии, достать нужное количество хлопка зависело всецело от самого французского правительства: англичане на своих кораблях (пока англичанам было позволено) и на чужих ввозили его во Францию в огромных количествах и смотрели на этот товар как на одну из прибыльнейших статей своего колониального экспорта; ввозили его и американцы, и вообще все купцы нейтральных наций. Хлопковый голод ощущался в эпоху революции, при максимуме, но только потому, что максимум, естественно, губил вообще всякий иностранный импорт. Нужны были драконовские меры, предпринятые Наполеоном впоследствии, в эпоху континентальной блокады, чтобы опять повторилось это явление. Пока, в 1800—1806 гг. в особенности, недостаток хлопка был мимолетным, скоропреходящим затруднением. Во всяком случае нужно отметить, что уже в 1803 г. был поставлен вопрос, который спустя 7—8 лет занял самого Наполеона.

В некоторых торгово-промышленных кругах Франции возбуждался даже вопрос, стоит ли особенно хлопотать о процветании именно хлопчатобумажной промышленности, потребляю-

щей иноземное сырье; не лучше ли усиленно культивировать шерстяную, полотняную, шелковую индустрию? По этому же поводу в Главном торговом совете шли споры: стоит ли держаться системы крайнего протекционизма? Каков источник относительной слабости нашей промышленности? — вопрошал один член совета. «Недостаток капиталов»,— отвечал он и делал вывод, что нужно оградить Францию от «чужого труда». Другие, напротив, полагали, что именно в стране, бедной капиталами, важно создать для потребителя дешевую жизнь, а это немыслимо при протекционизме [2]. Но пока вообще вопрос о хлопке скоро был снят с очереди.

И министерство тоже знало, что не в недостатке хлопка было дело в эти годы.

В министерстве внутренних дел был произведен такой подсчет. В XI году (т. е. с 20 сентября 1802 г. до 19 сентября 1803 г.) во Францию было ввезено 18 миллионов фунтов хлопка, в XII году (1803—1804 г.) — 20 миллионов, в XIII году (1804—1805 г.) — 22 миллиона, итого 60 миллионов фунтов; из них в обработку на французские мануфактуры поступило за эти три года 53,5 миллиона. В среднем каждый фунт хлопка обошелся покупателю в 2 франка 10 сантимов. Итого хлопка было куплено за три года на сумму в 133 750 000 франков. Хлопок этот пошел на выделку нанкина, пикейных материй, ситца, муслиновых тканей и т. д. В *среднем*, считает министерство, каждый фунт хлопка переработанный дал товар стоимостью в 12 франков. Итого в обработанном виде все 53,5 миллиона фунтов дали 642 миллиона франков. «Прибыль в пользу Франции: 508 250 000 франков» [3].

Но если этот вопрос о сырье был пока снят с очереди, то тем настойчивее требовал разрешения другой вопрос — о безусловном воспрещении ввоза во Францию каких бы то ни было бумажных материй.

Дело шло, конечно, прежде всего об *английском* ввозе, и проблема осложнялась обстоятельствами, созданными непривычными «мирными» отношениями после Амьенского договора. Главный торговый совет явственно колебался и не знал, что делать в тот короткий промежуток, пока Амьенский договор считался в силе. Фабриканты утверждали, что англичанам пряжа обходится на 40% дешевле, чем французам; значит, если даже наложить пошлину в 25% стоимости, и то англичане будут иметь возможность продавать свой товар во Франции на 15% дешевле, чем французы; наложить 30%, и то 10% преимущества позволят англичанам безраздельно завоевать весь французский рынок [4]. Что же делать? Запретить английские товары вовсе, наложить запретительную пошлину? Но это прямым путем вело к взрыву новой войны.

В эти минуты явной растерянности Главному торговому совету приходила в голову и такая мысль: так как с английской пряжей бороться все равно безнадежно, а напротив, в ткацкой фазе производства французы не уступают англичанам, то не разрешить ли (с некоторой, впрочем, пошлиной) ввоз во Францию английской хлопчатобумажной пряжи, которую, значит, можно будет рассматривать тоже как сырье, поступающее во Францию в дальнейшую обработку? [5] Но это значило бы поставить крест над введением во Франции машинного производства, которое бы со временем позволило достигнуть такого же удешевления пряжи. Мысль была оставлена. Приходила мысль и вовсе махнуть рукой на «экзотическую» хлопчатобумажную промышленность: беды не будет, народ обратится по-старинному к шерстяной пряже, к полотняному производству, и это его вознаградит [6].

Уже в сентябре и октябре 1805 г. (декретами 1-го дополнительного дня XI года и 6 брюмера XII года) Наполеон сильно повысил таможенные ставки на ввозимые во Францию бумажные материи. Эта мера была прямо направлена против английской индустрии, которая ввиду войны окольными путями, через континентальные границы, ввозила во Францию свои фабрикаты. Но ничего из этого мероприятия не вышло, и уже в начале января 1806 г. Наполеону подается петиция от лица и за подписями нескольких десятков фабрикантов, владельцев, прядилен и ткацких мануфактур в департаментах l'Eure и Нижней Сены. Они констатируют, что на сентябрьский декрет императора англичане ответили сейчас же соответственным понижением цен на свои фабрикаты, и те, которые прежде находили выгоду во ввозе английских материй во Францию, и теперь продолжают эту выгоду находить [7]. Средства Англии так могучи, сырье обходится ей так дешево, что она «и теперь еще предлагает вытканную материю почти по той же цене, во сколько французским фабрикантам обходится пряжа» [8].

Открытие военных действий сопровождалось полным воспрещением ввоза английских товаров, но проблема разрешена еще далеко не была: владельцы бумагопрядилен настаивали, что пока не воспрещен во Францию ввоз каких бы то ни было бумажных материй и какой бы то ни было бумажной пряжи, до той поры англичане будут ввозить эти товары под каким угодно флагом во Францию. Мало того: это запрещение *всяких* иностранных бумажных материй и пряжи должно быть *безусловным*, ибо если, наример, ввоз обставить какими угодно пошлинами, то те же английские материи все эти пошлины уплатят и все-таки будут дешевле французских. Наполеон оказался всецело на стороне подобного категорического разрешения вопроса, но, раньше чем издать запретительный декрет, он произвел

анкету о *положении хлопчатобумажной промышленности* в Империи.

С результатами этой анкеты, происходившей в конце 1805 г. и начале 1806 г., мы и должны теперь ознакомиться.

2

Обратимся теперь к упомянутой анкете.

О степени точности цифр анкеты, затеянной правительством с конца 1805 г. и имевшей целью установить размеры уже существующего во Франции бумагопрядильного и бумаготкацкого производства, я говорить не буду после всего сказанного во введении касательно статистики этой эпохи вообще. Эта анкета еще не закончилась, когда последовал декрет от 22 февраля 1806 г., но уже общее представление о положении дел император мог получить из представленных ему данных.

Посмотрим же, что дала эта анкета правительству.

1. Прежде всего как обстоит дело со введением машинного производства? Что в революционную эпоху машинное производство во Франции было еще в зачаточном состоянии, это я старался установить в своей работе «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Что же было сделано в этом отношении к началу 1806 г., к переломному моменту в истории французской бумагопрядильной индустрии? Как известно, именно в *этой* области текстильной промышленности английская техника конца XVIII столетия сделала наиболее значительные завоевания; именно в *этой* области, а не в суконной, полотняной или, подавно, шелковой промышленности шла наиболее жестокая борьба между английской промышленностью, с одной стороны, и континентальной,— с другой, и именно здесь техническое превосходство Англии обеспечивало за ней доминирующее положение. Разумеется, общая техническая отсталость Франции от Англии в начале XIX столетия сказывается именно в области бумагопрядильного производства несравненно более, чем в любой другой области. Объективным показателем успехов техники в данном случае должно бы служить количество усовершенствованных прядильных машин типа mull-jenny. Кстати будь сказано, я старался найти в документах какие-нибудь сведения о производстве во Франции самих машин в 1805—1806 гг., но нашел лишь два указания. Одна подобная мастерская принадлежала Ришару-Ленуару, богатейшему бумагопрядильщицку во Франции, а другая — Шарлю Альберу. Шарль Альбер будто бы даже внес в mull-jenny кое-какие усовершенствования, за что и получил золотую медаль на выставке 1806 г. Мастерская его была в Париже, в предместье Сен-Дени. К сожалению, ни об

этих усовершенствованиях нет никаких известий, ни о размерах производства как его заведения, так и машинной мастерской Ришара-Ленуара.

Джемс Милль был не одинок, когда он еще в 1808 г. утверждал, что ни в каком случае Франция не может стать серьезной конкуренткой для Англии, «даже если предположить», что Франция станет промышленной и торговой страной. Эти условные обороты в устах одного из образованнейших людей своего времени в высшей степени характерны [9].

Даже очень оптимистически настроенные люди, думавшие, что французская промышленность почти во всем равна, а кое в чем выше английской, признавали, что «капиталы и машины» являются главным преимуществом Англии перед Францией. И в 1814 г. все еще оставалось *надеяться* на то, что во Франции машины будут распространяться все более, пока наконец Франция не осилит и это преимущество своей соперницы [10].

Конечно, и в вопросе о количестве mull-jennys к цифрам анкеты 1806 г. нужно относиться более чем осторожно. Во-первых, префекты иногда вносят путаницу, ставя в графу «*en mull-jennys*» то, что им заблагорассудится: и *petites mécaniques,* и *petites jennys,* и простые прялки (*rouets),* иногда оговариваясь, а иногда и предоставляя читателю доискиваться (в сопроводительной переписке или других документах) разгадки явной путаницы. Во-вторых, иногда указывается число mull-jennys, а иногда лишь число веретен в mull-jennys, без указания числа машин или типа машин, т. е. количества веретен каждой.

В начале 1806 г. mull-jennys, по-видимому, еще на положении не очень распространенного новшества, и даже простые дженни отмечаются как прогресс. Старая прялка еще владеет целыми департаментами, особенно теми, где кустарные промыслы главенствуют [11]. Даже и в промышленных, передовых в экономическом отношении местностях (вроде департамента Lys с городами Брюгге, Куртре и т. д.) mull-jennys к началу 1806 г. почти вовсе не попадались [12]. В некоторых департаментах положительно отмечается полное отсутствие mull-jennys, в других — подразумевается [13]. Но характернее всего, конечно, малая распространенность mull-jennys в некоторых *промышленных* департаментах. В департаменте l'Ourthe (к 1 января 1806 г.) всего две бумаготкацкие (9 и 40 рабочих) и две бумагопрядильни (10 и 346 человек), причем в одной из них есть две mull-jennys. А между тем в этом департаменте — такой город, как Люттих [14].

В таком центре, как *Антверпен,* не существует (в начале 1806 г.) ни одной mull-jenny и даже вообще ни одной *бумагопрядильни,* хотя материй бумажных, по приблизительным ис-

числениям префекта, Антверпенский округ производит на 2 миллиона франков в год. Но дело организовано так, что фабриканты (владельцы *ткацких*) дают хлопок (по одному, по два фунта) прядильщикам (их в одном Антверпене до 3 тысяч человек), и *те, каждый у себя дома,* изготовляют заказанное количество пряжи, которая потом и поступает в ткацкие [15].

В департаменте Марны «могло бы увеличиться производство» бумажных тканей, *если бы* были прядильни с mull-jennys; но их нет ни в Шалоне, ни в Реймсе, ни в других местах; есть только petits rouets, старые прялки, и «petites mécaniques à 30—36 broches» [16]. По удостоверению торговой палаты города Марселя, в 1806 г. mull-jennys были *абсолютно* не известными местным хлопчатобумажным промышленникам [17].

Там, где эти mull-jennys были, отмечается невозможность для *petites mécaniques* с ними конкурировать [18]; отмечается также (в других департаментах) невозможность для простых прялок конкурировать с этими petites mécaniques: например, в департаменте Роны, где до 10 тысяч человек занимаются (в начале 1806 г.) пряжей хлопка, насчитывается 1800—2400 простых *mécaniques en filatures continues* и 2500 прялок и констатируется факт, что прялки начинают исчезать из-за распространения этих (даже примитивных) усовершенствований [19].

Есть mull-jennys (в 1806 г.) в департаментах Мааса (447), Сены-и-Уазы (228 mull-jennys с 33 758 веретенами в общей сложности), Уазы (2078 и 12 *en continue*), в Па-де-Кале (30 mull-jennys и 11 *en filatures continues*), в департаменте По (45 mull-jennys), Рейна и Мозеля (55), в департаменте Roer (208), в Амьене (15 438 веретен).

2. Сравнительной распространенностью эти машины пользуются в промышленных департаментах Нижней Сены, Сены-и-Уазы и в Париже.

К осени 1805 г. *бумагопрядильная* индустрия департамента Нижней Сены представлена несколькими сотнями мануфактур и мастерских (сколько именно, документы отказываются сообщить; 23 предпринимателя названо по имени, потом указано: «300 petits ateliers»; потом: «200 ateliers» и наконец просто «divers» (в графе «noms des entrepreneurs»). Рабочих у них всех (как в Руане, так и во всем департаменте) числится в общем 17 755 человек. Из общего числа *веретен* — 209 860 приводятся в движение mull-jennys, 87 940 так называемых *broches continues*, так что в общем механическим способом приводилось в движение 297 800 веретен, и годовой продукт их труда выразился в 2 680 500 килограммах пряжи. Ручной же труд в департаменте Сены давал в год «около» 100 тысяч килограммов пряжи [20].

По свидетельству префекта, с осени 1805 г. наступил значительный упадок промышленной деятельности в департаменте, и эти цифры относятся к времени *до* упадка [21].

В *бумаготкацком* промысле (во всем департаменте Нижней Сены) занято 36 800 ткачей [22]; им необходимо иметь ежегодно (для дальнейшей обработки) 1 242 000 килограммов пряжи, а вырабатывают они разных сортов материи 444 550 штук ежегодно. В общем это производство, «увеличившееся от VIII года до XII» (т. е. с 1800 до 1804 г.), «понизилось на $^1/_4$ с XII года» (т. е. с 1804 до начала 1806 г.). Причина — иностранная конкуренция; «все ткачи» относительно этого пункта сходятся [23].

Ситцевые мануфактуры в департаменте Нижней Сены сосредоточены главным образом в Руане и Руанском округе и отчасти в округе Больбека. Документ насчитывает 46 ситцевых мануфактур с 3 552 рабочими в общей сложности:

1	по	400	рабочих
2	»	250	»
1	»	225	»
1	»	190	»
3	»	150	»
1	»	130	»
1	»	120	»
3	»	100	»
2	»	80	»
3	»	70	»
2	»	60	»
2	»	50	»
1	»	45	»
2	»	40	»
1	»	35	»
2	»	30	»

Остальные от 15 до 30 человек.

Им всем иностранная конкуренция угрожает гибелью [24].

В Париже числится 36 бумагопрядилен (на 1 января 1806 г.), но сколько-нибудь крупных заведений очень мало. На первом плане стоит мануфактура Ришара и Ленуара (467 рабочих), а так как при бумагопрядильне есть еще ткацкая, то наш документ считает даже и больше; к несчастью, он сюда же прихватывает и мастерскую для изготовления станков, тоже принадлежащую Ришару и Ленуару, и общая цифра для «этих трех» промыслов показана 750 человек. Но сколько занято ткацким делом, не известно. Хорошо, что хоть прядильщики показаны и отдельно.

Вообще же вот какую таблицу можно составить для уяснения себе размеров прядильного производства в Париже в начале 1806 г.:

Число мануфактур	Число рабочих на каждой
1 (Richard-Lenoir) . . .	467
1 (Benard)	244
1 (Delatre)	170—180
1 (Bacquet)	160—180
1 (Brionde)	150
1 (Flament)	140
1 (Albert)	125
1 (Albert)	90
1	85
1	73
1	71
2	70
3	60
1	52
1	50
1	49
1	44
1	40
1	35
2	30
1	26
1	25
2	20
1	15
1	12
1	8
1	2

Нужно отметить большое распространение mull-jennys на парижских прядильнях (всего на пяти показано отсутствие этих машин). К сожалению, и здесь трудно во всех случаях точно определить, какие именно (во сколько веретен) это были mull-jennys. Во всяком случае один вывод несомненен: в Париже в начале 1806 г. mull-jennys были уже правилом, а бумагопрядильни без них уже превращались в исключение. Часты mull-jennys в 192 веретена, в 116 веретен, в 216. Кроме Парижа, бумагопрядильни существуют и в других округах

департамента Сены (в Arcueil'е — две (10 и 18 рабочих), в Кретейле — три (72, 50 и 12 рабочих); из них всего одна работает без mull-jenny) [25].

Бумаготкацких мануфактур в Париже в начале 1806 г. числилось 43. Крупных предприятий и тут очень мало: в самой большой (Dufrayer) *числится* 600 человек, причем сделано примечание на полях: «Она (мануфактура — *Е. Т.*) три месяца тому назад рассчитала половину своих рабочих, и если бы не декрет 22 февраля, то она была бы вынуждена рассчитать почти всех». Примечание сделано 26 марта 1806 г. В общем из показаний документа можно составить такую таблицу:

Бумаготкацкие	Число рабочих на каждой
1 (Dufrayer)	600
1 (Collin)	240
1 (Renouard)	200
1 (Perney)	160
1 (Monnot)	150
1 (Richard-Lenoir, с 1800 г.)	146
1 (Vallée)	125
2	100
1	80
3	70
1	65
2	60
1	45
2	40
1	38
1	36
3	30
2	24
1	20
2	15
2	12
1	10
3	4
1	3
1	2
Всего: 37	

(Четыре помечены *suspendu*, а две только собираются открыться, так что из 43 обозначенных мануфактур сведения даны только относительно 37.)

Но цифры рабочих *отнюдь* не означают, что эти рабочие живут все в Париже. У Dufrayer числится 600 человек, работающих на 516 станках, но из этих станков 16 находится в Париже, а 500 в Пикардии, как гласит пояснительное примечание; у Monnot — 150 человек, но где они? — «Paris et environs de St. Quentin», отвечает нам графа «lieux de situation», И *то же* обозначение «Paris et environs de St. Quentin» повторяется и относительно Collin'a (240 рабочих), Renouard'a (200), Perney (160), т. е. относительно почти *всех* сколько-нибудь крупных заведений [26]. Если рабочие и в Париже, то это тоже не значит, что они работают в одном заведении в здании мануфактуры. У Валле — 125 человек, но они разбросаны по «разным предместьям Парижа».

Ситцевое производство в Париже представлено семью мануфактурами (45, 40, 36, 24, 10, 3 и 1 рабочий). Кроме того (в департаменте Сены), есть еще в Choisy одна ситцевая мануфактура (40 человек) и в Сен-Дени пять (1— от 70 до 80, 1— от 40 до 50 человек), 1 — от 30 до 40, 1 — в 30 и 1 — в 20 человек). Но все они находятся (в феврале 1806 г.) в неутешительном состоянии [27].

В департаменте Сены-и-Уазы весьма развита хлопчатобумажная промышленность. Одна хлопчатобумажная мануфактура (Lehoult в Версале) дает работу 400 рабочим и выделывает до 120 килограммов пряжи ежедневно; другая (Laredan'a и Boislandry, тоже в Версале) имеет 200—300 рабочих; третья (Leclerc'a в Мадау) недавно возникла и имеет несколько mull-jennys, работает при этих машинах 40—50 *детей;* четвертая (Rolland'a в Эссоне) работает при помощи гидравлической машины и дает работу 120 рабочим: на ней применяются усовершенствования, внесенные в прядильное дело Bauwens'ом. Здесь работают две машины, имеющие 216 и 240 веретен и приводимые в движение водой, «тогда как повсюду в других местах» их приводят в движение руками. Пятая бумагопрядильня (близ Этампа) только что открылась, в июне 1806 г., о ней ничего еще нельзя сказать. Есть в департаменте и еще две прядильни помельче (в одной 30 человек, о другой точных указаний нет). Что касается бумаготкацких мануфактур, то есть заведение, принадлежащее великому канцлеру Империи (Камбасересу) и дающее работу 300 рабочим (в Грильоне, близ Дурдана). Другая бумаготкацкая мануфактура (в округе Понтуаза) дает работу 800 рабочим. Третья бумаготкацкая принадлежит Lehoult (тому самому, замечает документ, о котором говорилось при пересчете прядилен); эта бумаготкацкая мануфактура дает

работу 1100 рабочим. Четвертая (близ Аржансона) дает работу 300 рабочим. Есть в департаменте и еще две бумаготкацкие, где работает по 60 человек; обе прежде (одна — до 1793 г., другая — до 1805 г.) процветали, а теперь, в 1807 г., пришли в упадок.

Кроме пересчитанных бумаготкацких мануфактур, департамент славится двумя превосходными ситцевыми мануфактурами (одна — в Jouy, другая — в Эссоне), принадлежащими Оберкампфу (о котором уже шла речь выше, а также в моей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции»). Оба заведения (в общей сложности) дают работу 1200—1300 рабочим «обоего пола и всех возрастов». Префект смотрит на Оберкампфа как на «создателя Jouy», города, население которого пользуется благосостоянием и возросло на $^{2}/_{3}$ со времени создания этих мануфактур. На первой работало 1020 человек, а на другой — 305 человек. Это были старейшие заведения (данной специальности) во Франции (мануфактура в Jouy была основана в 1760 г. самим Оберкампфом, а другая основана в 1763 г. Бароном и куплена в 1770 г. Оберкампфом). Обе мануфактуры вместе выделывали в год (в 1805 г.) 122 500 штук ситцевых материй. До революции ситцы Оберкампфа сбывались в Англии, в России и Польше (помимо внутреннего рынка). «Теперь» (т. е. в 1805—1806 гг.) все эти иностранные рынки исчезли, но зато внутренний увеличился для оберкампфовских ситцев. Кроме этих двух заведений Оберкампф завел еще (в 1806 г.) бумагопрядильню (в Эссоне же), как только был издан запретительный декрет от 22 февраля 1806 г.[28]

Есть и еще ситцевая мануфактура в департаменте (недалеко от Jouy), принадлежащая Dolfus-Gontard'у и дающая работу 250 рабочим. Там тоже употребляются механические приспособления.

Сравнительно с хлопчатобумажным промыслом, все другие отрасли промышленности в этом департаменте ничтожны. Шерсть прядут и ткут по деревням, работая и за свой счет, и за счет мелких «фабрикантов». В общей сложности заняты этим делом (лиц обоего пола и всякого возраста) около 2340 человек. Есть кое-какие кожевенные и дубильные мастерские, один небольшой сахарный завод, бумажная фабрика в Эссоне, но все эти заведения не имеют определяющего значения в экономической жизни департамента [29].

Переходим к Пикардии. В середине 1805 г. в Амьене числилось в бумагопрядильном и бумажно-бархатном производстве: прядильщиков — 2800, ткачей — 15 200, занятых прочими функциями — 1620 человек. Пряжа тут не играла особой роли: в Амьене пользовались в широких размерах бумажной пряжей, приходившей из Лилля, Гента, Руана и Парижа [30]. Но уже с

осени 1805 г., с началом войны против третьей коалиции, сбыт (особенно бумажного бархата) очень сократился, и амьенская промышленность стала страдать [31].

В центре бумажно-бархатного производства, в Амьене, поставляющем на *всю* Империю бумажный бархат, сбывающем его отчасти и за границу, есть (в 1805 г.) 34 заведения, выделывающих в год до 76 тысяч штук бархату и бархатистых бумажных материй; бо́льшую часть дела делает *деревня:* считается, что деревня (работающая на этих 34 торговых дома) выделывает из этих 76 тысяч 52,7 тысячи штук, а город Амьен — всего 23,3 тысячи [32].

В Северном департаменте главным образом бумагопрядильни (к началу 1806 г.) существовали в округе Лилля. Предпринимателей числилось 24, рабочих у них 1445, причем в департаменте числилось 2 тысячи веретен mull-jennys. Кроме двух мануфактур побольше (140 и 125 человек), число рабочих на остальных варьировалось от 30 до 55 (и только еще на двух было по 80, на третьей — 65, на четвертой — 60 человек). Ткачей показано более 20 тысяч человек, но нас могут заинтересовать не столько эти цифры (явно произвольные), сколько положительное свидетельство о сокращении производства с осени 1804 г., сокращение чуть не на $^1/_3$. И здесь спасение усматривают в *воспрещении иностранного ввоза* [33]. Что касается ситцевого производства в этом департаменте, то, если не считать восьми ничтожных предприятий (из которых четыре с 95 рабочими в общей сложности находились в Лилле), эта отрасль в начале 1806 г. в Северном департаменте не существовала [34].

Если не считать Лилля и Лилльского округа, то во всем Северном департаменте бумагопрядильным делом были [заняты] две мануфактуры в округе Камбре (в одной — 8 взрослых и 13 детей, в другой — 21 взрослый и 9 детей) да одна в округе Дуе (55 рабочих) [35].

Собственно, только в этих департаментах и существует к началу 1806 г. бумагопрядильная промышленность и бумаготкацкое и ситцевое производство в сколько-нибудь значительных размерах (не забудем, однако, что, как указано во введении, авторитетные чиновники времен Империи, знавшие все бесчисленные темные стороны собирания статистики, утверждают, что ошибку нужно считать в *уменьшении* действительных цифр).

Что касается остальной Франции, то там, откуда вообще поступали какие-либо сообщения в 1806 г., эта отрасль производства оказывается чрезвычайно мало развитой, вернее, почти несуществующей. Все-таки отмечу для полноты кое-что еще.

3. В департаменте Йонны все бумагопрядильни сосредоточены в Сансе: их 13 и все они работают посредством mull-

jennys. Рабочих на одной прядильне (Leuba) 250 человек, на другой — 120, на третьей — 6 человек; число работающих на остальных не показано. Ткацких — пять (28 человек, 20 и 5, на четвертой в 1804 г. было 150 мужчин и 150 женщин рабочих, но сколько теперь, в начале 1806 г., не показано; пятая перестала работать «вследствие обстоятельств») [36].

В департаменте Воклюз есть три мануфактуры (70, 8 и 3 рабочих) да «около 1500» отдельных прядильщиков, работающих зимой за свой счет. Это по части пряжи. Что касается тканья, то есть одна ткацкая мастерская (3 рабочих) и одна для выделки ситцев (28 человек) — в Авиньоне [37].

В департаменте Саара — три бумагопрядильни (37, 20 и 9 рабочих) и ни одной mull-jenny на них; кроме того, одна ткацкая (10 рабочих) в Оттвейлере [38]. В департаменте Сарты есть одна ничтожная мастерская для выделки ситцев, в Мансе — две-три, столь же ничтожные, для изготовления бумажных галантерейных товаров да около 40 бумаготкацких, на которых работает около 640 рабочих в общей сложности. Прядилен нет, пряжа получается для этих ткацких из Руана [39].

В департаменте Соны-и-Луары есть две прядильни (по 30 рабочих в каждой, на одной есть 7 mull-jennys) и четыре ткацких (68, 70, 72 и 5 человек) [40].

В департаменте Вогезов есть четыре прядильни (25, 25, 18 и 9 рабочих), а кроме того, работающих за свой счет прядильщиков числится 6 тысяч. Ни о каких mull-jennys здесь, конечно, и не слышно. Пряжа сбывается в соседние департаменты. Пряжа, служащая сильным подспорьем деревне (особенно в горных местностях), сильно стала в последние годы падать, и это приписывается конкуренции машин (в других местностях Франции) [41]. Ткацких в департаменте всего три (330, 86 и 36 человек).

В департаменте Сены-и-Марны было две прядильни, обе в Melun'e (с 29 и 64 рабочими, из них 17 и 37 детей), да две ткацкие (17 и 34 человек) [42].

В департаменте Самбры-и-Мааса — две прядильни (с 49 рабочими в общей сложности и 7 mull-jennys) [43] да одна ткацкая (с 40 рабочими) [44]. В департаменте Верхней Соны прядилен нет вовсе, ситцевая мануфактура — одна (число рабочих не показано), ткацких — 9 (в общей сложности 258 рабочих) [45].

В Лиможе в начале 1806 г. существовала одна бумагопрядильня (с сотней рабочих и с mull-jennys — 2592 веретена), а также две небольшие мастерские ситцевых изделий (8 и 4 рабочих). Больше не было ничего в этом отношении во всем департаменте Верхней Вьенны [46].

В департаменте Нижнего Рейна в начале 1806 г. есть бумаготкацкая мануфактура Бухера в Страсбурге (52 рабочих) и

Брауна (35 человек) и затевается еще одна, а кроме того, числится *во всем департаменте около* 30 предпринимателей-ткачей, у которых еще работает в общей сложности до 60 человек. Что касается прядилен, то есть одна большая (Малаперта, в Страсбурге, имеющая 160 рабочих — мужчин, женщин и детей — и работающая при помощи «машин», из них 14 mull-jennys). Кроме Malapert'а, есть еще не бумагопрядильни, а *торговые дома*, как их вполне определенно и называет документ. Этих торговых домов — два (Bronner'а и Stupfel'я), и оба они вместе заказывают работу 700 прядильщикам и пряхам, разбросанным не только по деревням департамента Нижнего Рейна, но и по деревням департамента Вогезов [47].

В начале 1806 г. в департаменте Puy-de-Dôme бумагопрядильное и бумаготкацкое дело не существовали почти вовсе, если не считать 8 прядильщиков в Риомском «госпитале» и 7 ткачей в г. Тьере [48]; то же самое нужно сказать и о департаменте Нижних Пиренеев [49], Верхних Пиренеев [50], Восточных Пиренеев [51].

В департаменте Вар прядут (и то очень мало) на старых прялках; никаких машин и усовершенствований там не знают вовсе, да и вообще самая пряжа производится в ничтожном количестве. *Что касается ткацких мастерских, то их вовсе не имеется* [52].

В (Пьемонтском) департаменте Сезии *вся* бумагопрядильная промышленность в начале 1806 г. представлена, по показанию властей, 80 рабочими, работающими при помощи 60 прялок, да 68 ткачами, работающими на 34 станках [53], в департаменте Тарн — 44 прядильщиками, рабочими на мануфактурах, и несколькими сотнями ткачей, разбросанных по деревням [54].

В департаменте Nièvre в начале 1806 г. никаких бумагопрядилен *не существовало*, даже отдельные ткачи и прядильщики представляли *совершенно ничтожную величину* [55].

В Вандейском департаменте в начале 1806 г. не было и признаков хлопчатобумажной промышленности [56]; то же самое нужно сказать и о департаменте Вьенны [57].

В департаменте Обоих Севров — полное отсутствие каких бы то ни было признаков бумагопрядильной индустрии [58].

Такими *tableaux négatifs* наполнены картоны, где сохранились результаты анкеты [59].

3

Может быть, правительство имело основание быть недовольным неточностью, неполнотой результатов анкеты. Но зато, если Наполеону желательно было узнать мнение владельцев бумагопрядилен о том, что нужно сделать для того, чтобы

поправить дела, то он мог быть вполне удовлетворен: там, где они вообще высказывались по этому поводу, они в один голос умоляли императора о полном запрещении ввоза во Францию иностранной пряжи и иностранных бумажных материй. Жаловались иногда и на другое, но *этот* мотив звучит чаще и настойчивее прочих.

Жаловались на сокращение сбыта и приписывали его войне с третьей коалицией, финансовой неустойчивости, отсутствию кредита, но чаще всего — конкуренции иностранцев. При этом сплошь и рядом именно называли англичан, хотя ввоз их товаров уже давно был воспрещен. Промышленники Руана и всего департамента Нижней Сены, например, утверждали, что англичане умышленно пускают товар (особенно ситцы) по ничтожной цене, чтобы уничтожить французское производство [60].

Императору подается петиция от имени промышленников Парижа, Нижней Сены, Сены-и-Уазы и вообще из департаментов, где существовала бумагопрядильная индустрия, и все хлопочут о том же.

Фабриканты делают решительный вывод: борьба с *наводнением* Франции английскими товарами немыслима; если пускать в ход какие угодно повышения таможенных ставок, англичане будут в состоянии и впредь соответственно понижать цены на товары. Они могут позволить себе это, ибо сырье обходится им «почти ни во что» вследствие огромных колониальных владений. *Единственное* средство спасти и укрепить французскую хлопчатобумажную индустрию заключается в полном (безусловном) *воспрещении* ввоза во Францию каких бы то ни было выработанных за границей бумажных материй. Французское производство удовлетворит всем потребностям внутреннего рынка, иначе хлопчатобумажная промышленность Франции «умрет в своей колыбели». Полное воспрещение и строгий таможенный надзор — вот что рекомендуют императору петиционеры [61]. Программа континентальной блокады начинает формулироваться все отчетливее. Для иллюстрации бессилия пока принятых мер фабриканты указывают на очень критическое положение, в котором они находятся именно в эту зиму 1805/1806 г.

Ходатайствуя о полном воспрещении какого бы то ни было иностранного ввоза бумажных материй, указывая на «полную иллюзорность» того пункта декрета от 6 брюмера XII года (1803 г.), где речь идет о ввозе материй *незапрещенного происхождения*, подчеркивая, что, пока эта оговорка существует, англичане не перестанут ввозить всякими правдами и неправдами свои товары, фабриканты заявляют Наполеону, что оппозиция против этого желанного *полного* запрещения ввоза исходит с двух сторон: от тех, кто занимается «спекуляциями во

вред национальной индустрии», и от тех, кто боится, что французское производство не будет в состоянии удовлетворить всем потребностям внутреннего рынка, т. е. от купцов и от потребителей. Фабриканты хотят считаться лишь с последним мнением, и они утверждают, что оно неосновательно, что национальное производство удовлетворит всем потребностям внутреннего рынка, но, конечно, нельзя при этом ждать, пока оно будет доведено до совершенно отчаянного положения; нужно вовремя поддержать и укрепить его [62].

Руанским промышленникам вторит и самая авторитетная в глазах властей торговая палата Империи. По мнению комиссии Лионской торговой палаты, Англия в 1806 г. ввезла бумажных материй во Францию на 60 миллионов франков, и палата с жаром хлопочет о *полном* воспрещении ввоза [63].

Промышленники департамента Роны, департамента Дромы тоже умоляют «героя, который управляет Францией», издать запретительный декрет и, кроме того, прямо подсказывают ему содержание будущего знаменитого берлинского указа. Император должен воспользоваться своими победами, должен закрыть все порты континента для гордых островитян [64]. И снова, и снова они убеждают императора, что напрасно боятся, будто французская промышленность будет не в состоянии сфабриковать нужное количество бумажной пряжи.

Конечно, голос фабрикантов Нижней Сены, а также Парижа и тех немногих мест, где бумагопрядильная индустрия была пока больше всего развита, мог иметь серьезное значение. Но Наполеона, как мы только что видели, с жаром молили о том же и прядильщики, и ткачи тех департаментов, где эта индустрия хоть и не была пока так сильно развита, но обещала очень распространиться в будущем. В г. Крэсте, например, из 4 тысяч жителей более 500 занимаются этим делом и т. д. И все они настаивают на полном, *безусловном* воспрещении, ибо иначе англичане, воспомоществуемые вывозными премиями своего правительства, все равно наводнят своими материями Францию [65].

Таково общее единодушное желание владельцев прядилен и ткацких. Но правительство знало, что есть и такие фабриканты, которые относятся к этому желанию с тревогой, что владельцы ситцевых мануфактур не во всем разделяют мнение прядильщиков. Дело в том, что в годы Консульства и первые времена Империи, особенно же в начале 1806 г., когда вопрос о воспрещении ввоза иностранных бумажных материй и иностранной пряжи стал на очередь дня, проявился вполне определенный антагонизм интересов не столько между прядильщиками и ткачами, не столько между бумагопрядильными и бумаготкацкими мануфактурами, сколько между промышленниками обеих этих категорий *вместе* и ситцевыми фабрикантами. Пря-

дильщики и ткачи желали полного воспрещения ввоза пряжи и бумажных (беленых) материй, ситцевые фабриканты — полной свободы ввоза. Из одного документа, сохранившегося в делах министерства внутренних дел, мы узнаем об аргументах обеих сторон [66].

Владельцы прядилен и ткацких мануфактур заявляли, что Франция покупает в год на 80—100 миллионов франков пряжи и бумажных материй, «*происходящих из Англии*» (*прямая* торговля с Англией была уже невозможна); что эта сумма уплачивается не французскими товарами, но звонкой монетой; что Франция уже может обойтись без этих заграничных товаров, так как у нее уже есть довольно много промышленных заведений, и еще больше может открыться в будущем; что этот промысел дает работу многим десяткам тысяч рук и может дать еще больше.

Противники запрещения возражают: 1) что ввоз иностранной бумажной пряжи и бумажных материй дает государству (таможням) от 10 до 12 миллионов франков ежегодно; 2) что эти ввозимые материи дают работу французским ситцевым мануфактурам, где работает 40 тысяч человек; 3) что французские прядильни и ткацкие не в состоянии дать ситцевым мануфактурам ни такого количества нужной пряжи и нужных тканей, ни таких тонких, что ни по цене, ни по качеству французские ткани и французская пряжа *не могут* соперничать с английскими мануфактурными провенансами [67].

Ситцевые фабриканты в Брюсселе в 1803 г. обратились в торговую палату своего города, а эта палата — к Бонапарту с просьбой изъять индийские бумажные ткани из-под действия декрета от 1 мессидора, требовавшего представления «удостоверений о происхождении» тех или иных материй. Они настаивали не только от своего имени, но и от имени ситцевых фабрикантов департаментов Верхнего Рейна и Сены-и-Уазы, что всем им придется прекратить производство, если с этих привозимых материй не будут сняты стеснения. На самые материи они смотрели как на *сырье*, которое в данном случае поступает в дальнейшую обработку, а посему и не может быть приравнено к товарам, идущим непосредственно в потребление. Они указывали и на то, что подобное изъятие уже раз было допущено (после закона от 10 брюмера V года был издан закон от 19 плювиоза того же года, вводящий это изъятие). Они указывали, что в одной только Бельгии на ситцевых мануфактурах кормится 15 000 рабочих, т. е. «с женами и детьми 50 000 человек» [68].

В этой просьбе им было отказано.

Марсельская торговая палата в ответ на вопрос о положении дел дала префекту Устьев Роны в марте 1806 г. весьма

неутешительный ответ. Ситцевые мануфактуры прекратили свою деятельность вследствие: 1) отсутствия привоза с Востока материй; 2) отсутствия привоза необходимых окрашивающих веществ; 3) прекращения сбыта товаров в колонии [69].

Фабриканты муслиновых материй г. Тарар (главного центра этого производства) открыто признавались в 1804 г. в невозможности обойтись без ввоза во Францию из Швейцарии тонких сортов бумажной пряжи, без которой фабрикация муслиновых материй для них немыслима, ибо во Франции не умеют этих тонких сортов выделывать [70]. Владельцы хлопчатобумажных мануфактур, конечно, по мере сил боролись с такой тенденцией [71].

Хлопочут о запрещении иностранных бумажных материй также и власти в департаменте Шельды, ибо местные промышленники берутся (в случае запрещения иностранного ввоза) доставить ситцевым мануфактурам не только своего, но и других департаментов все, что необходимо для производства [72].

Императорское правительство превосходно понимало, что не только между торговлей и промышленностью, но и между двумя отраслями промышленности и даже между двумя категориями работ в одной и той же отрасли промышленности возможен (а иногда и почти неизбежен) антагонизм: оно удостоверилось, например, также, что прядильщики заинтересованы в том, чтобы иностранная пряжа не впускалась во Францию, а ткачи — в том, чтобы она ввозилась совершенно свободно, хотя этот антагонизм в 1806 г. был меньше выражен, чем борьба между прядильнями и ткацкими, с одной стороны, и ситцевыми мануфактурами,— с другой. Вообще правительство понимало, что две функции производства могут быть *технически* тесно связаны, а в *экономическом* отношении интересы их представителей могут очень и очень расходиться [73].

Лично Наполеон склонен был смотреть не только на бумажную пряжу как на *сырье* для бумаготкацкой промышленности, но и на бумажные материи как на «сырье» для ситцевых мануфактур. И сообразно с этим он не прочь был, когда это казалось нужным, препятствовать не только вывозу из Франции пряжи, но и вывозу готовых бумажных тканей [74]: он стремился к тому, чтобы по возможности *все* индустриальные операции происходили в пределах Франции, от того момента, когда хлопок поступает на прядильный станок, до того момента, когда ситец, цветная бумажная материя выносится из мануфактуры и поступает в продажу.

В начале февраля 1806 г. император велел призвать Ришара, Ленуара, Оберкампфа и Фере (зятя и соучастника в делах Оберкампфа). На совещании присутствовал также главный директор таможен Коллен де Сюсси [75]. Мнения разделились.

Оберкампф, владелец ситцевых мануфактур, нуждался в возможно более дешевых бумажных материях и стоял лишь за повышение пошлин на эти материи, привозимые из-за границы, но не за безусловное воспрещение ввоза. Коллен де Сюсси, имея в виду интересы таможенного дохода, поддерживал Оберкампфа. Ришар и Ленуар, конечно, стояли за безусловное воспрещение и опровергали мнение, высказанное Оберкампфом, что французские мануфактуры еще не могут выделывать такие материи, какие привозятся из-за границы. Вечером того же дня состоялось заседание Государственного совета, куда были приглашены снова Ришар и Ленуар. Здесь им противоречил другой фабрикант ситцев, Давилье [76], утверждавший, что во Франции не могут выделывать такие дешевые материи, как за границей. Император стал на сторону мнения Ришара и Ленуара.

Наполеон на о. Св. Елены хвалился перед Ласказом настойчивостью, которую он проявил, запретив ввоз во Францию ситцев, бумажных материй и бумажной пряжи, и подчеркивал, что он это сделал вопреки желанию окружающих: в Государственном совете «побледнели», когда он объявил свою волю. И именно этому запрещению Наполеон приписывал, что теперь (разговор с Ласказом происходил в 1816 г.) Франция, «к ущербу и прискорбию» англичан, обладает и прядильнями, и ткацкими, и ситцевыми мануфактурами. А «это доказывает, что и в управлении, как и на войне, чтобы достигнуть успеха, нужно часто показать характер».

Этот запрет был поистине «государственным переворотом». Император говорит не о Ришаре, а об Оберкампфе, который, хотя и с оговоркой, но высказывался будто бы всецело в пользу запрета [77]. Версия Ришара вероятнее; могло, впрочем, быть, что Наполеон *получил* (*obtint*) от своего собеседника в конце концов то, что желал *получить*.

О последствиях декрета от 22 февраля 1806 г. речь будет дальше, в связи с анализом положения всей французской промышленности в промежуток времени между берлинским декретом о блокаде и кризисом 1810—1811 гг. Пока отмечу только, что немедленное, непосредственное впечатление, произведенное декретом на прядильщиков и ткачей, было самое отрадное.

Даже слухи о декрете действовали на промышленников подбадривающим образом. Еще за несколько дней до декрета от 22 февраля префект департамента Орны уведомлял министра внутренних дел об открытии в Лэгле новой бумагопрядильни (Ришаром и Ленуаром) [78].

22 *февраля* 1806 г. Наполеон воспретил вовсе ввоз бумажных материй во Францию, и уже в *мае* Лионская торговая палата констатировала счастливейшие от этого результаты для французской промышленности [79].

Но были и несколько расхолаживающие речи, так как последствия декрета от 22 февраля 1806 г. сказались не сразу. Этому помешало несколько причин: «неуверенность в войне или мире» (дело было перед разрывом с Пруссией) и уменьшение сбыта по этой причине, большие запасы уже ввезенных во Францию материй (особенно ситцев). Префект Роны, например, донося (3 апреля 1806 г.), что «l'effet du décret a été *nul*», уверял, что «еще долго» его действие не скажется, «хотя этот декрет и дает прядильщикам и фабрикантам (т. е. ткачам — *Е. Т.*) надежду на счастливое будущее»[80]. Что в момент опубликования декрета в Империи уже были колоссальные массы заблаговременно ввезенных товаров, что их еще может хватить на 15 месяцев, доносили правительству и из промышленного департамента Дильского[81]. В департаменте Соммы цена на бумажную пряжу не повысилась, а пала, и декрет вообще действия не оказал: все дело было не в нем, а в подавленном состоянии рынка сбыта[82]. И префект подчеркивает, что «общие причины» и прежде всего прекращение сбыта за границу помешали какому бы то ни было благоприятному действию императорского декрета[83].

Но официальному оптимизму не было пределов с самого начала, еще до того, как были собраны какие бы то ни было сведения о реальных последствиях. Правительство считало декрет от 22 февраля 1806 г. вполне достигшим цели. «Этот декрет создаст эпоху в истории французской промышленности, наши фабриканты никогда не забудут, с каким вниманием ваше величество рассмотрело этот вопрос,— восклицал министр внутренних дел, представляя императору отчет о последствиях декрета,— именно благодаря декрету хлопчатобумажная промышленность процветает, несмотря на общие неблагоприятные обстоятельства. В момент издания декрета Франция покупала хлопчатобумажной пряжи и материй на 70—80 миллионов франков, и вся эта сумма шла в пользу Англии. Теперь почти вся эта сумма остается во Франции»[84].

Году, начавшемуся декретом от 22 февраля, суждено было закончиться разгромом Пруссии и объявлением континентальной блокады.

Но раньше, чем перейти к континентальной блокаде, познакомимся с общим состоянием французской промышленности в момент провозглашения берлинского декрета. А для более полного уяснения этого положения скажем предварительно несколько слов о формах промышленной жизни при Наполеоне.

Глава V

ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ

В этой работе относительно господствующих форм промышленного труда я не могу *всецело* повторить того, что было мной сказано во второй части «Рабочего класса во Франции в эпоху революции»: читатель уже видел и еще увидит в дальнейшем изложении, что машинное производство в хлопчатобумажной промышленности, бесспорно, уже к 1808 г. достигло довольно большого развития, и соответственно стало возрастать число крупных мануфактур с работой в помещении самого заведения. Но и в этой отрасли промышленности все-таки мелкое производство продолжало играть заметную роль. Что же касается других отраслей, то здесь по-прежнему мелкие, разбросанные мастерские, распыленность производства и в частности кустарная промышленность являются факторами в самом деле громадного значения.

После всего сказанного о формах производства в эпоху 1789—1799 гг. в моей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» мне здесь достаточно ограничиться несколькими иллюстрациями, чтобы окончательно подтвердить то априорное соображение, что не могли внезапно и круто измениться в стране формы промышленной жизни в какие-нибудь несколько лет — от конца революционного до конца императорского периода. Но привести эти иллюстрации все же необходимо, ибо слишком часто попадаются, хоть и беглые и, конечно, голословные, преувеличенные утверждения о крупной промышленности в эпоху Наполеона.

В господстве *petites fabrications*, в распространенности именно деревенского кустарного труда, в связанном с этими явлениями отсутствии или почти полном отсутствии машинного производства некоторые публицисты времен Консульства видели громадный ущерб для Франции, ее решительную слабость в

борьбе с Англией [1], но в самом факте ничуть не сомневались. И этот факт постоянно напоминал о себе правительству.

Конечно, жизнь заставляла правительственных чиновников считаться со своими условиями, и все эти «удостоверения о происхождении», которые должны были служить отличительным признаком *французских* товаров, были и остались бюрократической фантазией, неосуществимой в стране кустарной промышленности. Вот (в 1802 г.) заподозрили некоего негоцианта г. Нанси, гражданина Соломона Леви, в том, что он торгует контрабандными полотнами (спешу оговориться, что из всех бумаг этого дела я после внимательного их изучения сделал вывод, что гражданин Соломон Леви в самом деле занимался контрабандной торговлей и имел деловую переписку непосредственно с Лондоном). Но что он ответил, когда во время обыска его спросили о происхождении товаров? Что он *купил* эти материи на ярмарке и, следовательно, никаких документов об их происхождении предъявить не может [2]. Да и в самом деле, какие удостоверения могли дать покупателям безграмотные лотарингские кустари, привозившие в Нанси свою работу на продажу?

В конце 1803 г. и в начале 1804 г. в Главном совете по делам торговли было высказано мнение о необходимости подвергать всякий кусок материи (все равно какой — шелковой, шерстяной, полотняной, бумажной) наложению трех клейм, чтобы этим путем окончательно воспрепятствовать контрабандному ввозу. Но это мероприятие показалось настолько пагубным и стеснительным для французской же торговли и промышленности, *особенно для тех мест, где скупщики скупали у крестьян их товар,* настолько разорительным, что раздались энергичные протесты. *Руанская* торговая палата прислала обстоятельный доклад, составленный в духе протеста [3], министр внутренних дел всецело стал на сторону Руанской палаты [4], и вопрос временно был снят с очереди.

Крупнейшие фирмы часть работы часто отдают в деревню или иногда просто скупают деревенскую пряжу, которую потом подвергают дальнейшей обработке.

Что даже Richard, например, был теснейшим образом связан с кустарными производителями, явствует уже из того, что в 1811 г. он представил особое ходатайство о том, чтобы были облегчены формальности для *négociants-commissionaires*, скупающих кустарные бумажные материи для сбыта в Италию [5]. А между тем не было во Франции хлопчатобумажного фабриканта, у которого такую большую роль в производстве играли бы машины, как у Ришара: одних mull-jennys в его промышленных заведениях было: в Париже — 122, в Шантильи — 14, в Легле — 72, в Séez'е — 105, в Caen'е — 84, в Annay — 82 [6].

Наполеоновское правительство встретилось с вопросом о

кустарной промышленности еще и в 1809 г., и, как почти всегда в эпоху Империи, в связи с экспортной торговлей. Дело в том, что для вывоза из Франции в Италию хлопчатобумажных материй требовались специальные разрешения (это была еще одна мера контроля против английской контрабанды). Эти разрешения выдавались *фабрикантам,* и вот возник естественный вопрос: кто же может считаться фабрикантом? Тот ли, кто изготовляет товар (что согласуется со смыслом термина), или кто скупает этот товар для вывоза в Италию? Города Амьен, Руан и Лилль, т. е. центры промышленных округов Нормандии и Пикардии, обратились в министерство с указанием, что «*тысячи* отдельных лиц в городах и окрестных деревнях» ткут материю за собственный свой счет, «особенно зимой деревенское население отдается этому занятию», и затем приносят на рынки готовый товар, который у них купцы и скупают. Министр от себя уже прибавляет, что правительство «почти вовсе и не знает» [7] всю массу этих самостоятельных производителей, и не им же выдавать разрешения для торговли с Италией (с которой они и не думают торговать, ибо не идут дальше соседнего рынка). Значит, эти разрешения нужно выдавать купцам, которые скупают их товар для дальнейшего экспорта. Император было отверг (9 января 1811 г.) это ходатайство. В резолюции Наполеона, написанной на полях доклада 7 января, сказывается явственное раздражение от одной мысли, что если давать разрешения скупщикам, а не производителям в точном смысле слова, то англичане воспользуются этим для контрабанды, которую через Францию будут сбывать в Италию [8]. Пришлось тогда вторичным докладом убеждать Наполеона, что пострадают не англичане, а французы, если он не хочет считаться с организацией французской промышленности.

Это вызвало дополнение декрета от 10 октября 1810 г. соответствующими пунктами [9].

И сплошь и рядом префекты зимой 1806 и весной 1807 г. старались внушить министерству, что самая организация производства, царящая в их департаментах, делает очень затруднительным осуществление таких надуманных центральной властью «благодеяний», как совещательные палаты [10].

Правда, в мануфактурах, где действовали mull-jennys, рабочие работали почти исключительно в здании самого заведения (только беление происходило вне мануфактур) [11]. Но и в хлопчатобумажной промышленности машинное производство вовсе еще не было правилом; что же касается остальных отраслей, то оно там еще только возникало.

Скорее, исключением является сведение, сообщаемое в январе 1813 г. префектом департамента l'Eure, о том, что и в шерстяном производстве механический труд начинает вытеснять

ручной и прежде всего, конечно, губит кустарей [12]. Я искал еще известий в том же духе, но мне не удалось найти больше ни одного (относящегося к шерстяной промышленности). Искал я этих известий особенно усердно, конечно, в документах, касающихся наиболее промышленных департаментов, но нашел факты совсем иного порядка.

Шерстяная индустрия Рерского департамента (сосредоточенная близ Кельна, Ахена, Дюрена) давала в начале 1813 г. заработок 11 112 прядильщикам, 2538 ткачам, 6638 лицам, занятым другими функциями по тому же производству. Но Кельнская торговая палата, давая эти цифры, предупреждает, что эти ткачи, прядильщики и т. п. работают «с перерывами» из-за земледельческих работ, и с такими перерывами, что каждая *сотня* их успевает за год сделать столько, сколько сделало бы *семь* человек, работающих постоянно. Стоило бы нам не заметить этого невинно приютившегося на полях пояснения, и представление о развитии шерстяной индустрии в департаменте получилось бы самое превратное [13].

Подобный же факт мы находим и в документах, относящихся к вопросу об императорских субсидиях 1807 г., в эпоху частичного кризиса, постигшего промышленность. Например, департамент Соммы работает над всеми родами текстильной промышленности, но *все* производство — в руках мелких производителей, работающих и сбывающих плоды рук своих изо дня в день. Они-то нуждаются, но воспользоваться императорскими милостями не имеют права [14]. Сложнее дело в департаменте Mayenne: департамент производит полотна, но это производство «рассеяно по всем частям территории департамента». Рабочие работают тут на фабрикантов, живущих в городах; когда нет продажи, фабриканты этим «рабочим» ничего не заказывают. Как быть? Предприятия есть большие, значит, к ним декрет от 27 марта применим, но где искать рабочих? Придется оказывать им помощь на дому [15].

В департаменте Кальвадос один из центров (сильно там павшей со времен революции) суконной индустрии — город Vire, но (в 1802 г.) «его фабрики рассеяны по деревням» [16].

Даже женевские торговые дома непосредственно заказывали всякого рода текстильные товары кустарям, разбросанным по деревням, близ Руана, Амьена, Сен-Кантена, Лилля [17].

То же самое видим и в бельгийских департаментах.

Колоссальный полотняный промысел, составляющий главное богатство департамента Шельды, кормящий (одной пряжей) «сотню тысяч взрослых людей, а кроме того детей» да еще более 21 тысячи ткачей, весь в руках крестьян, «нет и трех станков, собранных в одном помещении» [18]. То же самое нужно сказать и о кружевном промысле, втором по распространенности [19].

На мануфактурах шерстяных материй в Брюгге к 1 января 1812 г. числится 6134 рабочих, *но из них лишь около 1400* живут в городе, а больше 4600 разбросано по деревням. Там же числится 4 тысячи человек, занятых пряжей льна, и, кроме 300 живущих в Брюгге, все разбросаны по деревням [20]. Там же числится 9150 кружевниц, которые «почти все работают в своей семье» [21]. Так обстоит дело с тремя важнейшими промыслами в одном из самых промышленно-передовых районов наполеоновской Империи.

Город Труа — один из самых промышленных и в частности славится вязаными изделиями; но в *деревнях*, вблизи Труа, *вчетверо* больше вязальщиков (в 1811 г.), нежели в городе (*au moins* quadruple) [22], а в городе работает в вязальном промысле 950—965 станков [23].

В департаменте Нижней Сены в начале 1808 г. на 105 814 рабочих, занятых в *бумаготкацком* производстве, приходится около 3550 «фабрикантов» (о *бумагопрядильном* я и не говорю, там даже попытки подсчета не делается, а просто пишется, например, в графе «leurs noms» такое замечание: *inconnus nominativement, divers fileurs*, а в графе «demeures» — такое географическое обозначение: *dans tout le reste d'arrondissement* [24].

О малопромышленных департаментах нечего и говорить: *все* население, занимавшееся шерстяным или вообще текстильными промыслами, покидало их весной и летом для земледельческих работ. Так было, например, в департаменте Лозеры, где промышленная деятельность тем не менее составляла *главное богатство* департамента [25]; так было, подавно, и в таких местах, где текстильные промыслы были лишь подсобными и второстепенными статьями.

В департаменте Lozère есть шерстяное производство, но его *исключительно* нужно искать в деревнях: крестьяне приносят выделанные ими товары в город Mende, где и продают купцам; есть еще две небольшие бумагопрядильни в департаменте, но шерстяное производство — главное и очень существенное для крестьян занятие [26] (конечно, *chambres consultatives* набирались из этих скупщиков, а вовсе не из крестьян-кустарей) [27].

Очень типичны и в разных выражениях очень часто повторяются и такие замечания в «промышленной статистике», которая должна была в 1812—1814 гг. давать сведения о числе «рабочих» по триместрам: «земледельческие работы занимают много рук в это время года, и, кроме того, ткачи частью покидают свои мастерские, чтобы идти продавать продукты своего труда» [28].

В особенности в отчетах о положении полотняной промышленности префекты в один голос отмечают, что во 2-м и 3-м триместрах (апрель — сентябрь) всюду это производство силь-

но падает, и тут играет роль именно то обстоятельство, что полевые работы не оставляют досуга прядильщикам и ткачам [29]. Это же, впрочем, нередко встречается и в объяснениях касательно упадка шерстяного [30] и бумагопрядильного производства летом.

Префект Верхней Гаронны дает (в 1811 г.) число работающих в шерстопрядильном промысле и подчеркивает, что на самом деле это число неверное, ибо рабочих «гораздо больше», но они разбросаны по деревням, занимаются пряжей только зимой, и он их не посчитал [31]. И это замечание повторяют очень и очень многие префекты.

В 1813 г. префект департамента Ardèche прямо отказался сообщить что-либо о числе ткачей вследствие их разбросанности по департаменту [32].

Нужно заметить, что вновь присоединенные на севере департаменты отнюдь не вносили диссонанса в общую картину.

Префект департамента Верхнего Эмса, представляя в 1812 г. «промышленную статистику» вверенного ему департамента, исчислял, что в общем во всех отраслях обрабатывающей промышленности насчитывается 94 516 рабочих, из них 92 108 человек работают за свой счет дома, в деревне. А кроме этих 94 516 человек, существуют *не вошедшие* в этот подсчет крестьяне и крестьянки, «в часы досуга» прядущие лен; их число он исчисляет «в 50 или 60 тысяч человек» [33].

Шелковая промышленность не испытала в эпоху Империи абсолютно никаких перемен в смысле *организации* производства сравнительно с эпохой революционной (о которой подробности см. в моей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», ч. II).

В 1810 г., например, в Лионе числилось 220 marchands-fabricants (maisons de commerce, как пояснено в скобках), занятых шелковой промышленностью, 5813 «хозяев мастерских» (получавших заказы и сырье от этих 220 marchands-fabricants) и около 15—16 тысяч рабочих обоего пола, работавших в этих мастерских (но из 5813 мастерских, которые *числились,* не работало уже в 1810 г.— 718). Таковы цифры, в которых представлялось в 1810 г. положение шелковой промышленности Лиона французскому правительству [34], и таковы формы производства, царившие в этой области производства. Как видим, все осталось по-старому.

Разбросано производство далеко не только в области промышленности текстильной. Постоянно встречаются указания на то, что это явление было распространено и в металлургии.

Даже в таких сложных отраслях сталелитейной и железоделательной промышленности, как выделка ножей, клинков и т. п., работа дома преобладала. У нас есть такие показания,

относящиеся к центральному, первенствующему пункту Империи (в смысле развития этого рода промыслов) — г. Сент-Этьену. Вот какие цифры даются для 1810 и 1813 гг. [35] Для 1810 г. и первой половины 1811 г. документ дает цифры по полугодиям, для второй половины 1811 г.— по триместрам (все цифры относятся к сент-этьенскому производству металлических товаров).

Дата	Число мануфактур	Число рабочих, работающих в помещении мануфактур (occupés dans les usines)	Число рабочих, работающих в отдельных мастерских
1-й семестр 1810 г.	56	240	3530
2-й семестр 1810 г, ...	51	210	3250
1-й семестр 1811 г.	45	190	2989
3-й триместр 1811 г.	50	202	3190
4-й триместр 1811 г.	46	190	2980
Июль 1812 г.	44	170	3000
Июль 1813 г.	44	160	3400

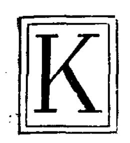
Таковы указания, которые дают представление об общем характере форм промышленной жизни во Франции в эпоху Империи. Мы видим, что при Наполеоне не совершилось чуда (потому что это было бы чудом) внезапного превращения страны мелкого производства, какой Франция была в 1789—1799 гг., в страну производства крупного, сосредоточенного в больших фабриках.

Общая характеристика, здесь данная, будет много раз подтверждаться документальными показаниями, которые мной дальше приводятся совсем в другой связи. Это общий фон, напоминающий о себе властно и постоянно, даже когда ни исследователь, ни читатель о нем уже не думают, а поглощены другими вопросами, заняты рассмотрением тех или иных отдельных частей сложной картины. Особенно много подтверждений и иллюстраций мы встретим в седьмой главе.

Теперь коснемся в заключение вопроса о размерах платы в рассматриваемую эпоху.

Глава VI

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

ак я уже сказал в предисловии, рабочему классу в эпоху Консульства и Империи мной будет посвящена особая работа. Здесь поэтому заработная плата занимает нас главным образом лишь как одно из условий промышленной деятельности, знать которое необходимо для правильной оценки положения вещей. Разумеется, больше всего этих данных относительно писчебумажных фабрик (относительно которых опросные листы содержали всегда этот пункт); меньше всего данных — о рабочих во всех текстильных промыслах, где: 1) расценка труда почти всегда была сдельная, а не поденная и 2) громадную роль играли кустари, ежедневный заработок которых совершенно невозможно определить в сколько-нибудь обоснованных цифрах (и правительство даже не пыталось это сделать). Скудны, сбивчивы и предположительны данные о заработке в шелковой промышленности. Сводные таблицы и показания, относящиеся ко всем промыслам данной местности, крайне редки (хотя именно они-то и были бы особенно интересны). Приведу один документ такого рода, найденный мной в архиве департамента Устьев Роны.

Вот какие результаты, например, дала анкета 1812 г. относительно Марсельского округа департамента Устьев Роны, кроме Марселя (сводка касается коммун: Allauch, Aubagne, Auriol, Belcodène, Cassis, Ceyreste, Cuges, Gémenos, Gréasque, la Ciotat, la Penne, Peipin, Roquefort, Roquevaire, St. Savournin,— относится ко *всем* промыслам, ко *всем* заведениям, где есть наемные рабочие): в 227 заведениях работает 648 человек; в среднем на заведение приходится 3—4 человека, нередко 2 человека, гораздо реже 5—6—7 человек (в виде единичных исключений). Заработная плата колеблется от $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ франков, чаще всего доходя до 1 франка 75 сантимов, до 2 франков в день; в

некоторых местностях плата падает до 70—75 сантимов, до 1 франка в день; дороже всех оплачиваются каменноугольные работы (4 франка в день) и дубление кожи (3 франка в день), и в одной только местности, уже упомянутой Cuges, рабочие, занятые выделкой оливкового масла, получают также 3 франка в день[1]. Но есть в этой сводке одна графа, которая была бы гораздо значительнее и интереснее,— число людей, работающих за свой счет, число мелких самостоятельных производителей, огромная роль которых была мной отчасти исследована для конца XVIII столетия, но эта графа («nombre d'ouvriers, travaillant isolement pour leur compte») не дает *ни единой* цифры.

Теперь приведу сначала редкие сколько-нибудь достоверные показания о заработной плате в разных отраслях промышленности, а потом — обильнейшие данные о писчебумажных фабриках и заработной плате на них.

1. Заработная плата в текстильной промышленности

Рабочие на ситцевых мануфактурах (в Труа) получают в 1811 г. 1 франк 25 сантимов в день[2], в бумагопрядильных — 1 франк 25 сантимов (даже для Труа, одного из центров бумагопрядильного дела, точное число рабочих не может быть показано, и цифра 654 поставлена только, чтобы заполнить графу, ибо на полях замечание о «рассеянных по деревням и работающих за собственный счет» рабочих[3]; суконщики получают тоже 1 франк 25 сантимов[4], шерстовязальщики — 50 сантимов, шапочники — 1½ франка[5], а шерстопрядильщики — 1 франк[6].

Бумагопрядильщики в департаменте Сены и Марны (в 1811 г.) получали от 1 франка 25 сантимов до 2 франков 75 сантимов, рабочие суконных фабрик — 2 франка 25 сантимов в лучшем случае, 1½ франка — в худшем; в мастерских вязаных изделий — 2—2½ франка.

Бумагопрядильщики в голландских департаментах в 1811 г. получали в среднем 1 франк 37 сантимов в день, рабочие ситцевых мануфактур — 2 франка 21 сантим; рабочие бумаготкацких заведений — 1 франк 75 сантимов. Рабочие суконных фабрик (там же) получают в среднем 1 франк 90 сантимов, шерстовязальщики — 1 франк 75 сантимов, рабочие ковровых заведений — 1 франк 58 сантимов, рабочие кружевных мастерских— 1 франк 37 сантимов — 2 франка. К 2 франкам также сводится средняя плата рабочего дня на свеклосахарных заводах[7].

В департаменте Устьев Исселя суконщик и вообще рабочий в шерстяном промысле получал 1 франк в день[8], в бумагопрядильном и льнопрядильном — от 50 сантимов до 2½ франков[9], но чаще всего — 53, 63, 74, 90 сантимов в день[10].

Прядильщики и ткачи в шерстяном и хлопчатобумажном промысле в департаменте Нижнего Мааса получают 50—60 сантимов в день, а суконщики, работающие по выделке тонких сукон (*draps fins*), получают 2 франка 10 сантимов в день; в шелковом промысле — $1^1/_2$ франка — 1 франк 80 сантимов в день [11]; на ситцевых и полотняных мануфактурах — 2 франка 10 сантимов в день [12].

Цена рабочего дня (за пряжу льна) показана в департаменте l'Ain (в 1811 г.) 1 — $1^1/_2$ франка [13], бумагопрядильщиков — 75 сантимов — 1 франк 25 сантимов [14], бумаготкацкая работа — 1 франк 35 сантимов [15], красильщика (в текстильных промыслах) — 2 франка [16], суконщика — $1^1/_2$ франка (в исключительном случае — 3 человека получают $2^1/_2$ франка) [17], шапочники получают 2 франка [18], рабочие в шелковом промысле — 1 франк в день [19].

О рабочих в шелковой промышленности даются данные такого рода, что «искусный ткач» «может» выработать до 3—4 франков в день, прядильщики и пряхи — 1 франк — 1 франк 50 сантимов в среднем. Но расчеты с ними производили мелкие *ouvriers-fabricants*, а не *marchands*, которые сносились с правительством и давали сведения: сами же ouvriers-fabricants платили своим рабочим сдельно, а не поденно.

2. Заработная плата в металлургических промыслах

1 франк 30 сантимов — $1^1/_2$—2 франка, 10—12—14 франков в неделю (в 6 дней) — вот наичаще встречаемые размеры заработной платы и в малых [20], и в больших [21] железоделательных предприятиях в 1811 г. Там, где даются сведения и о 1789 г., констатируется обыкновенно возрастание платы на 20—25—30 до 35%.

В металлургических промыслах в департаменте l'Ain средняя цена рабочего дня — $1^1/_2$ [22] — 2 франка [23]; оружейники получают 2 франка в день [24], жестянщики — $1^1/_2$—2 франка [25].

В общем плата в металлургических промыслах выше, чем в текстильной промышленности.

Ножевщики даже в департаменте Устьев Рейна получают (в 1812 г.) 2 франка в день [26], а например, в полотняном промысле там же и тогда же цена рабочего дня — от 80 сантимов до 1 франка 10 сантимов; кружевницы получают 60 сантимов, бумагопрядильщики — 80 сантимов, ткачи (в хлопчатобумажном промысле) — 1 франк 20 сантимов, на ситцевых мануфактурах — 1 франк [27].

В железоделательных промыслах в департаменте Верхнего Рейна плата за рабочий день была равна (в 1811—1812 гг.)

$1^1/_2$ франкам — 1 франку 75 сантимам в день, реже — меньше (1 франк) или больше ($3^1/_2$ франка в день). В 1811 г. эти промыслы в департаменте Верхнего Рейна находились в упадке [28]. В департаменте Рейна-и-Мозеля цена рабочего дня варьировалась (в этом же промысле) от 1 франка 40 сантимов до 2 франков, иногда до 3 франков [29]. То же самое было и в третьем немецком департаменте Roer'а, в Ахенском и других округах его [30]; цена там колебалась в среднем от $1^1/_2$ до 2 франков в день. В общем в этих департаментах заработная плата в железоделательных мастерских возросла (в 1811—1812 гг. сравнительно с 1789 г.) приблизительно на 25—30%, реже — на 50%. В департаменте Верхней Соны, где рабочая плата — в среднем $1^1/_2$ франка в день, в 1789 г. она была равна 1 франку, т. е. наблюдается возрастание на 50% [31]; иногда возрастание доходит до 100%, например в округе Gray (того же департамента), где в 1789 г. за обработку квинтала платили 1 франк, а в 1811—1812 гг. платят 2 франка [32]; кое-где и тут, как в немецких департаментах, возрастание цены шло медленнее — с 1 франка 25 сантимов в 1789 г. до $1^1/_2$ франков в 1811 г.[33].

В департаменте Саара, где плата в железоделательном промысле уже в 1789 г. была сравнительно высока (2 франка 10 сантимов) она возросла к 1811 г. до 2 франков 80 сантимов в среднем; там, где она была $1^1/_2$ — 2 франка, она возросла до 2 франков 20 сантимов — 3 франков [34].

В железоделательных заведениях департамента Устьев Мааса заработная плата — 2 франка [35]. В департаменте Дордони средняя цена рабочего дня в железоделательном промысле — 1 франк 25 сантимов — $1^1/_2$ франка в день, но высшая категория (литейщики — *fondeurs*) получают 2—$2^1/_2$ франка в день [36]. Эта цена платится там, где вообще хозяева указывают в точности размеры заработной платы, ибо именно тут, в железоделательном промысле, иногда указана *общая* цифра расходов хозяина на заработную плату в неделю или в месяц, и тогда разобраться в ней не могло по собственному признанию само начальство, требовавшее статистических показаний [37].

Конечно, там, где расплата была сдельной, т. е. где рабочие работали на дому, заработок оказывался очень невысоким.

Вот положение ножевщиков в 1810 г. в Шательро (департамент Вьенны), где это ремесло было широко развито: там существует 230 мастерских, где работает 550 рабочих. Рабочие работают *не* в помещении заведений, а на дому и за *пятнадцатичасовую* работу вырабатывают по 1 франку в день. *Прежде*, когда можно было сбывать товар за границей, там работало 800 человек; теперь весь товар сбывается внутри Империи [38].

3. Заработная плата в ремеслах

Не только металлурги, но и другие рабочие получают в среднем больше текстильщиков.

Труд бондаря (2 франка), столяра (2—2½ франка), токаря (2 франка), пивовара (2 франка), наборщика (3 франка) [39] в тех же местах, в тот же период ценился выше труда рабочего, занятого в текстильных промыслах; труд ювелира даже в бельгийских департаментах, где он был дешевле, чем в Париже, не был ниже 2 франков 5 сантимов [40]. Рабочий на свеклосахарных заводах даже в немецких департаментах получал от 1 франка 75 сантимов до 3 франков 15 сантимов [41]. Рабочий в заведениях по добыванию оливкового масла получал в бедном департаменте Дордони в подавляющем большинстве коммун 2 франка в день [42]. В департаменте Марны в мастерских для выделки свеч плата — 2 франка, в мастерских для выделки клея — столько же, в седельных — 2½ франка.

4. Заработная плата в кожевенно-дубильном производстве

Средняя плата в дубильнях департамента Верхнего Эмса (в 1812 г.) — 1—1½ франка (в одном только заведении 2 франка) [43], в департаменте Фризы (в Голландии) — 1 франк 40 сантимов — 1 франк 60 сантимов [44].

В департаменте Луарэ средняя цена рабочего для кожевника 2 франка, в департаменте Lot от 1 до 2½ франков. В департаменте Марны (58 кожевенно-дубильных заведений) рабочие получают 1 франк 75 сантимов — 2 франка в день, а в г. Реймсе — даже до 2½ франков [45]; в департаменте Mayenne (91 заведение с 173 рабочими) заработная плата от 50 сантимов до 1 франка 25 сантимов [46], в департаменте Мааса — 1 франк 60 сантимов [47]; в департаменте Mont-Blanc заработная плата 1 франк 95 сантимов — 2 франка 25 сантимов [48]; в Морбиане заработная плата 1 франк 25 сантимов — 1½ франка [49]; в Северном департаменте — от 1 до 2—2½ франков [50]; в департаменте Уазы — 1 франк 75 сантимов — 2½ франка (это плата специалистов-кожевников и дубильщиков; черная работа в кожевенно-дубильных заведениях оплачивается 1 франк — 1 франк 25 сантимов) [51]. В Бельгии средняя цена на кожевенных заводах 1 франк 25 сантимов — 1½ франка, в департаменте Deux-Nèthes [52] и 1½—2 франка в департаменте Lys [53].

5. Заработная плата на бумажных фабриках

Как сказано выше, обильнее всего данные о заработной плате рабочих на бумажных фабриках. Эти данные любопытны тем, что дают относительную расценку мужского и женского труда.

В департаменте Puy-de-Dôme (69 бумажных фабрик, 906 рабочих) цена рабочего дня — от 1 до 2 франков; средняя цена исчислена префектом в 1 франк 42 сантима в день [54]. В департаменте Нижних Пиренеев (14 фабрик, около 160 рабочих) цена рабочего дня большей частью *пятьдесят сантимов*, но с продовольствием от хозяев. Нужно отметить, что здесь — едва ли не самые старинные бумажные фабрики Франции; есть такие, которые (в 1812 г.) насчитывают 200—300 лет существования [55]. В департаменте l'Ain цена рабочего дня в том же промысле 1 франк 30 сантимов, реже 1½ франка [56]. В Труа плата несколько выше — 2 франка (2 фабрики с 91 рабочим) [57]. Ниже всего плата в департаменте Устьев Исселя — 42 сантима — 1 франк 26 сантимов в день [58].

На бумажных фабриках департамента l'Orne (их 15, а рабочих в общей сложности 183 человека) заработная плата (в 1812 г.) — 1½ франка в день или же от 30 до 90 сантимов в день с продовольствием от хозяев [59]. В другой ведомости (за третий триместр 1813 г.) показаны цены от 1 до 2½ франков, чаще всего 1½ франка, но без продовольствия от хозяев [60]. В департаменте Pas-de-Calais средняя цена колеблется от 1 франка 25 сантимов до 1 франка 75 сантимов (для очень малочисленных категорий изредка показана цена 60—90 сантимов); чаще всего 1½ франка [61].

В департаменте По рабочий на бумажных фабриках получает в среднем 1 франк 30 сантимов — 1½ франка в день, подмастерья 60—88 сантимов в день, женщины — около 50 сантимов в день [62]. В департаменте Нижнего Рейна (6 бумажных фабрик с 61 рабочим) средняя цена рабочего дня 1 франк 20 сантимов — 1½ франка [63]. В департаменте Верхнего Рейна (327 рабочих, 7 фабрик) цена дня 1 франк 40 сантимов — 2 франка [64].

В департаменте Вандеи в 1812 г. рабочему на бумажных фабриках платят 45 франков в месяц, а работницам — 18 франков в месяц [65]. В департаменте Вьенны рабочие получают 2 франка 25 сантимов в день, женщины — 1 франк 25 сантимов [66]. В департаменте Верхней Вьенны средняя цена — 1 франк в день [67]. В департаменте Йонны плата колеблется «от 1 франка до 3 франков, смотря по способностям рабочего» [68]. В департаменте Сены-и-Марны на бумажных фабриках в Курталене (где 160 рабочих) заработная плата — 1½ франка, в

Марэ (250 рабочих) 1 франк 65 сантимов в день [69]. Гораздо ниже была заработная плата в немецких департаментах: например, в департаменте Верхнего Исселя рабочие (в той же отрасли) получали кое-где (например, в Бруммене) 25 сантимов — 1 франк в день, кое-где (в Арнгейме) — от 157 франков *в год* со столом и квартирой [70].

В департаменте Марны (4 бумажных фабрики, на каждой 12—13 рабочих) заработная плата мужчин — 1 франк 60 сантимов, женщин 70—80 сантимов в день [71]. В Верхней Марне — 5 еще более ничтожных мастерских (46 рабочих в общей сложности), заработная плата — 1 франк — 1 франк 75 сантимов в день [72]. В Средиземном департаменте (в Италии) цена дня — 1½ франка [73]; в департаменте Мааса (43 фабрики с 258 рабочими) цена рабочего дня — от 90 сантимов до 1 франка 25 сантимов; в г. Нанси и вообще в департаменте Мерты — 36—60 франков *в месяц* для мужчин, 12—18 франков для женщин [74]; в департаменте Нижнего Мааса — от 60 сантимов до 1½ франков [в день] [75]; в департаменте Mont-Blanc — 1 франк 30 сантимов — 1½ франка (там 6 фабрик с 68 рабочими) [76]; на другом конце Империи, в департаменте Морбиан, заработная плата мужчин — 1 франк 75 сантимов, женщин — 1 франк и притом со столом и квартирой [77].

Рабочий на бумажных фабриках в департаменте Саарбрюккен получал (в 1813 г.) 1½ франка в день, в Биркенфельде — 1 франк 75 сантимов, в Трире — 75 сантимов [78], в Руане — 1½ франка.

В департаменте Уазы бумажные фабрики платят рабочим от 75—80 сантимов (женщинам), до 1 франка 20 сантимов — 2½ франков (мужчинам) [79]; в департаменте Мозеля 1—1½ франка [80]; в департаменте Луарэ — мужчины получают 2 франка, женщины — 1 франк в день, имея квартиру от хозяина [81]; в департаменте Ламанш (51 бумажная фабрика с 448 рабочими) заработная плата для мужчин — 1 франк 25 сантимов, для женщин — 85 сантимов [82].

В 1812 г. рабочие на бумажных фабриках зарабатывали в департаменте Устьев Роны в среднем по 2½ франка в день [83].

Бумажные мануфактуры департамента Нижнего Мааса платят в среднем рабочему 1 франк 60 сантимов — 1 франк 70 сантимов (их там 21 заведение с 269 рабочими) [84]; изредка плата доходит до 2 франков [85]; в департаменте Устьев Рейна — 1 франк 10 сантимов [86]; в департаменте Дордони —1—1½ франка (только в двух случаях — 60 и 90 сантимов) [87].

В департаменте Зюдерзее (в Голландии), где бумажные фабрики с давних пор получили широкое распространение, цена рабочего дня в этой отрасли производства была в некоторых местах (Koorgande и др.) около 1½ франков в день [88].

В Гаарлемском округе цены варьируются от 1 до $2^1/_2$ франков [89]. В *среднем* же в департаменте рабочий бумажной фабрики получал 2 франка 4 сантима в день [90].

Закончу дополнительными таблицами.

Департамент	Число бумажных фабрик	Число рабочих	Заработная плата	
			мужчин	женщин
l'Aude (1 frim. 1814)	3	32	1 фр. 20 с—1 фр. 25 с.	—
l'Aube (1812)	3	111	2 фр.	1 фр.—1 фр. 50 с.
Ardèche (1813)	4	420	1 фр.15 с.—1 фр. 15 с. *	—
Ariège (1 frim. 1813)	7	78	80 с. со столом от хозяина	—
Arno (1812)	2	30	1 фр.15 с.—2 фр.	—
Basses-Alpes (1812)	3	12	1 фр. 40 с.	—
l'Ain (янв. 1813)	13	124	18—22 фр. в месяц со столом от хозяина	40—60 с. в день со столом от хозяина или 1 фр.—1 фр. 50 с. в день без стола от хозяина
l'Aveyron (апр. 1813 г.)	7	27	2 фр.	
Bouches de l'Elbe	2	8	5—6 фр. в неделю со столом и квартирой; женщины — 4 фр. 50 с. в неделю без стола и квартиры	
Bouches de la Meuse (1812)	3	76	1 фр. 50с. — 2 фр., несколько человек получ. 60 с.—1 фр., некоторые 10 фр. 50 с. в неделю	
Bouches du Rhin (1813)	1	95	1 фр.—1 фр. 50 с.	
Bouches du Rhône (1812)	9	174	2 фр.—2 фр. 50 с.; женщины—75 с.—1 фр. в день	
Cantal (1812)	3	11	1 фр. 50 с. со столом	
Charente (1812)	27	492	1 фр. 50 с. (мужчины) и 60 с. (женщины)	
Corrèze (1813)	3	5	1 фр. 70 с.	
Côte d'or (1812)	9	63	1 фр. 65 с.—2 фр. 25 с.; женщины 45—60 с. в день; в одном случае—1 фр. 20 с. в день	

* Так в печатном источнике — *Ред.*

Департамент	Число бумажных фабрик	Число рабочих	Заработная плата	
			мужчины	женщины
Creuse (1813)	3	36	1 фр. 50 с.	75 с.
Doire (1812)	1	19	90 с.—1 фр.50 с.	50 с.
Dordogne (1812)	25	264	1 фр.—1 фр. 50 с. —2 фр.	75 с.
Doubs (1812)	9	104	1 фр. 25 с.—2 фр 50 с.	80 с.—1 фр. 25 с.
Drôme (1813)	7	32	1 фр. 60 с.—2 фр. или 80 с.—1 фр. со столом от хозяина	—
Dyle (1812)	28	551	1 фр.—2 фр. 50 с.	40—75 с.
Ems Occidental (1812)	1	54	1 фр.	—
Ems Oriental (1813)	1	27	1 фр. 45 с.—2 фр. 52 с.	—
Escaut (1813)	8	248	40 с.—3 фр. 50 с.	—
l'Eure (1812)	20	152	1 фр.40 с.—1 фр. 50 с.	—
Eure-et-Loire (1812)	6	106	1 фр. 90 с. 40—56 фр. в месяц	25—30 фр. в месяц
Finistère (1812)	4	43	50с. со столом от хозяина; 50 фр. в месяц без стола	
Des Forêts (1811)	13	95	60 с.—1 фр. 85 с.	
Gard (1813)	7	33	1 фр.—2 фр. 50 с.	
Haute Garonne (1812)	4	29	1 фр. 70 с.	
Департамент Генуи (1813)	55	550	1 фр.	
Gironde (1813)	1	6	1 фр. 20 с.	
Hérault (1812)	6	55	1 фр. 75 с.	75 с.

Эти сведения показывают, что, в сущности, *средняя* заработная плата в Империи стояла приблизительно на одном и том же крайне невысоком уровне во всех промыслах. Она варьировалась от 1 до 2 франков, очень часто была равна 1½ франкам, реже опускалась ниже 1 франка и еще реже поднималась выше 2 франков. Женский же труд расценивался гораздо ниже мужского. Об отношении между расценками труда в разных промыслах уже сказано выше: мы видели, что плата в текстильных промыслах была ничтожной для прядильщиков и гораздо выше для ткачей. Но и для ткачей она была невысока.

Бумажные фабрики (1811)	Средняя заработная плата мужчин	Средняя заработная плата женщин	Число бумажных фабрик	Число рабочих
Департаменты				
Ille-et-Vilaine	1 фр.	75 с.	11	99 чел. (в общей сложности)
Indre	24—60 фр. в месяц	24—60 фр. в месяц	3	29 чел. (в общей сложности)
Indre-et-Loire	15—20 фр. в месяц с пищей от хозяина; 75 с. в день с пищей от хозяина	30—40 с. (с пищей от хозяина)	5	—
Isère	53—54 фр. в месяц	1 фр. 25 с. в день	15	В каждой 75 мужчин и 150 женщин
Jura	1 фр. 50—2 фр. или 75 с.— 80 с. с квартирой и столом	20 с. (с квартирой и столом)	12	79 чел.
Léman	1 фр. 75 с.—2 фр.	—	7	30
Loir-et-Cher	1 фр. 50 с.—2 фр.	1 фр.	2	8
Loire	1 фр. 75 с.		6	56
Haute-Loire	2 фр.	75 с.	3	50

В той работе, которая будет специально посвящена положению рабочих при Империи, мы увидим, какие меры принимались промышленниками и правительством, чтобы удержать эти цены на указанном уровне. Здесь же достаточно ограничиться признанием, что не в высокой заработной плате лежали препятствия к беспредельному росту французской промышленности, о котором мечтал Наполеон. В Саксонии, Берге, Швейцарии плата была меньше, но не настолько, чтобы одно это могло всецело объяснить их успешную конкуренцию с французами.

Глава VII

СОСТОЯНИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО ФРАНЦИИ В МОМЕНТ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

1. Северный район. 2. Северо-западный и западный районы. 3. Восточный район. 4. Южный район. 5. Юго-западный район. 6. Центральный район. 7. Бельгийские департаменты. 8. Прирейнские департаменты. 9. Пьемонтские и заальпийские департаменты. 10. Департамент Лемана.

В конце 1806 г. и начале 1807 г. правительство производило анкету об общем положении промышленности в Империи (нужно было знать, где и какие удобнее всего учредить «совещательные палаты» для споспешествования интересам промышленного производства). Анкета дала результаты обычные: часто префекты ограничивались присылкой общих соображений, другие давали детали, цифры, не ручаясь за их достоверность; пропущены иной раз указания, которые должны были бы непременно быть налицо, и т. д. Но этот материал — *единственный* в том отношении, что его никаким другим более точным не заменишь. Посмотрим же, какие сведения были даны Наполеону об общем положении имперского индустриального производства как раз тогда, когда он закладывал здание континентальной блокады.

Для большей отчетливости рассмотрим эти данные по районам Империи, а потом отдельно приведем факты, относящиеся не к «старым», а к присоединенным департаментам — к германским, итальянским, швейцарским, бельгийским территориям, завоеванным революцией и Наполеоном и вошедшим в состав Империи.

1. Северный район

По интенсивности промышленной деятельности в этот момент не только в северном районе, но едва ли и не во всей Франции на первом месте должно поставить департамент Нижней Сены, с руанской областью (le Rouennais) прежде всего. На первом месте в северном районе стоит бумагопрядильная, на втором — шерстяная промышленность, на третьем — выделка

полотен и кружев. (И опять особенно характерно, что документы анкеты 1806—1807 гг. категорически настаивают на широком развитии именно в северном — самом индустриальном районе Франции — домашней промышленности, в частности деревенской, кустарной) [1].

В департаменте Нижней Сены получило большое развитие бумагопрядильное производство. В Руане и Руанском округе этим делом занято 13 267 человек, а количество пряжи в обыкновенное время равно 2 065 100 килограммам. «Но некоторые из этих прядилен не работают» (начало 1807 г.). В Лилльбоне пряжей занято 300 человек, и там «даже есть несколько jennys-mulls». Есть эти машины и в Девилле. Что касается бумаготкацкой промышленности, то в Руанском округе этим занято 10 тысяч рабочих, изготовляющих в год 380 тысяч штук бумажных материй (и более 5 тысяч штук, в частности нанкиновых, пикейных и т. п.); ситцевым производством было занято еще в 1804 г. 2338 человек, но «cet état était changé en 1807». Над бумажными *изделиями* работает в одном Руанском округе 1400 человек.

Весьма развито и шерстяное производство в департаменте. Пряжа шерсти — в руках крестьян, живущих в окрестностях Омаля, Дарнеталя, Руана и Эльбефа, их «много», но сколько именно — не говорится даже приблизительно. Что касается тканья материй, то в одном Эльбефе выделкой сукон занято 5—6 тысяч рабочих (а в 1780 г. считалось 25 тысяч человек); на мануфактуры Дарнеталя в «мирное время» работает 10—12 тысяч человек, «рассеянных по деревням», а еще, кроме того, выделкой фланелевых изделий, одеял и т. п. в том же Дарнетале и окрестностях занято еще 4 тысячи человек. Суконным производством в Руане занято 9400 человек, в Омале — 500 человек; в Руане, сверх того, шерстяными *изделиями* занято 1800 человек. Цифры относительно других округов не даются, говорится лишь о значительном развитии как производства сукон, так и изделий из шерстяной материи и пряжи (чулок, одеял, шапок и т. п.). В Руане, Эльбефе, Дарнетале есть также «очень хорошие красильни, которые дают работу большому количеству рабочих» (эти красильни тесно были связаны с громадным развитием текстильной индустрии в департаменте). Департамент еще имеет и полотняную промышленность (окрестности Гавра и Фекана засевались льном, который и поступал в местную обработку), и веревочное производство (для чего служит местная пенька) [2]; но и тут, конечно, о размерах полотняного производства можно лишь гадать: оно и здесь разбросано по деревням.

В департаменте Соммы к началу (к 1 января) 1806 г. существовало 12 бумагопрядилен (с 18 342 веретенами, находив-

шимися в работе); общее число рабочих, занятых в этой области промышленности и в прядильнях, и в ткацких, считалось 20 348 человек в общей сложности (из них 2768 человек занято было пряжей, 15 200 — тканьем, 2380 — иными функциями, требуемыми производством) [3].

Таковы цифры, которые «припоминались», и то относительно одной только хлопчатобумажной промышленности этого департамента, в 1809 г., три года спустя.

Вообще же относительно положения в 1806 г. такого промышленного департамента, как департамент Соммы, мы имеем, к сожалению, самые скудные сведения. Префект прислал две длиннейшие, но не блещущие содержательностью бумаги, в которых он больше всего занят ответом на вопрос министра о том, где удобнее всего и в каком количестве устроить совещательные палаты ремесл и мануфактур. Об Амьене мы узнаем, что он «заключает в себе бумагопрядильни и бумаготкацкие мануфактуры», но сколько? каковы их хотя бы приблизительные размеры?— «Quantités non exprimées»,— отвечает нам приписка министерского чиновника. Та же приписка сделана относительно «важного для департамента промысла» — полотняного, сосредоточенного вокруг Амьена и Аббевиля. Ничего, кроме общих фраз, не сказано даже относительно суконного производства, самого характерного для департамента; мы узнаем, что до войны в Аббевилле (или, точнее, на Аббевилль) работало до 4 тысяч рабочих, но сколько их в 1807 г.— не знаем; наконец, сколько мануфактур числится в Амьене или в Аббевилле, центре суконной промышленности департамента, тоже не знаем. В частности, ни слова не говорится о знаменитой аббевилльской мануфактуре Ван-Робе. Весьма интересно то, что мы узнаем об организации промышленной жизни этого департамента. Констатируя громадное развитие шерстяной промышленности, довольно значительное — хлопчатобумажной, префект подчеркивает подавляющее преобладание мелкой промышленности вообще и *деревенской* мелкой промышленности в частности. Пряжа как шерсти, так и хлопка происходит в деревнях, и «каждый рабочий еженедельно приносит плоды своих трудов на рынок, где ткач запасается этим нужным ему материалом». Этих-то *ткачей* и называют «фабрикантами». И, если не считать *четырех* больших заведений в департаменте, *эта* стадия текстильного производства, ткачества тоже происходит в деревне (est aussi disséminée à l'infini dans les campagnes). И притом не существует разграничения в этих двух специальностях: сегодняшний шерсточес и шерстопрядильщик или бумагопрядильщик завтра превращается в ткача, а послезавтра опять в прядильщика, смотря по спросу и обстоятельствам [4]. В особенности же это смешение нужно отметить, как правило, в *третьей* отрасли

текстильной индустрии — в полотняном производстве. Здесь вообще *города служат лишь складами*, и *все* производство рассеяно по деревням. Тут даже и единичных исключений не наблюдается [5].

В департаменте l'Orne расположены две большие бумагопрядильни Ришара, дающие работу 500 и 600 человек. Существует в департаменте (*в г. Легле и окрестностях его особенно*) производство металлических изделий, особенно же игольное производство [6]. До войны было здесь также кое-какое шерстяное производство (1640 рабочих на 189 станках). В округах Алансонском и Вимутье было также полотняное производство в значительных размерах, будто бы дававшее заработок 20 тысячам человек [7].

В Северном департаменте считалось, что в шерстяном производстве занято было до войны 21 666 рабочих. Существовала там еще в меньших размерах и бумагопрядильная промышленность, но коренным промыслом являлся, конечно, *полотняный*. Выделка тонких сортов (батиста, газа и т. п.) в Камбре, выделка более простых сортов полотна (toiles de fil de gros, toiles de manège) в Лилле и Азбруке давали работу нескольким десяткам тысяч человек (это все были кустари, земледельцы-ремесленники, сбывавшие свою работу в означенных городах) [8].

В департаменте Уазы коренной промысел — шерстяное производство. Оно разбросано по деревням в весьма значительной степени. В городе Бове этим делом занято 2400 человек, в Mouy и «двух соседних деревнях» — 1200 человек, в Grandvilliers и «22 соседних деревнях» — 2400 человек, в Hauvoile и 11 «соседних коммунах» — 700 человек, в Crèvecœur'е и «16 соседних деревнях» — 3600 человек, в Tricot и одной соседней деревне — 700 человек (следует отметить, что самые эти Tricot, Crèvecœur и Hauvoile — тоже деревни). Кроме этого промысла, есть еще и полотняное, и кружевное, и бумагопрядильное производства. Полотнами занято 650 человек (в нескольких деревнях), кружевами — 3500 человек (во всей южной части департамента от Шантильи до Жизора), бумагопрядением и связанными с ним отраслями текстильной индустрии — 4345 человек (в Beaupré, Senlis'е, St. Just-en-Chaussée, Carlepont и прилегающих деревнях и т. д.) [9].

В департаменте Ламанш распространена отчасти шерстяная промышленность, отчасти хлопчатобумажная, отчасти полотняная; но и та, и другая, и третья «рассеяны по деревням»; кружевное производство в том же положении, «исключая города Шербург и Валонь», где, впрочем, сосредоточение кружевниц, работающих в одном здании, сделано искусственно, на муниципальный счет и с благотворительной целью [10]. Льна — сколько угодно, и население деревень занято полотня-

ной промышленностью, но война с Англией закрыла рынок сбыта на острова Джерсей и Гернсей [11]. Работа производится усиленно тогда, когда время года или дурная погода препятствуют земледельческому труду [12].

В департаменте Aisne уже в первые годы Консульства (1800—1802) отмечались падение былого полотняного производства и замена его хлопчатобумажным. Прежний тип промышленной организации — мелкая промышленность — здесь удержался всецело: в департаменте было 11—12 прядилен, на которых числилось в общем 672 человека. Но больше всего здесь процветали шерстяное производство и выделка газовых материй. И в этой области сохранился прежний тип: например, в Сен-Кантенском округе в 1807 г. газовые материи выделываются 1200—1500 «рабочими, которые живут отдельно и работают за свой собственный счет» [13].

В департаменте Па-де-Кале развит шерстяной промысел (в округе Сент-Омер числится 22 фабрики с 1100 рабочими), бумагопрядильное дело, отчасти выделка полотен и кружев. Но, вообще говоря, конечно, не мануфактурная деятельность, а рыболовство составляет (помимо земледелия) главную статью бюджета населения, особенно в Булонском округе [14].

В департаменте Кальвадос (в округе Caen'а и в самом городе) числилось в 1809 г. около ста торговых домов, торговавших кружевами, а работало на эти торговые дома «более 6 тысяч женщин» в городе Caen'е и , «кроме того, более 20 тысяч» деревенских кружевниц [15].

2. Северо-западный и западный районы

Бретань, Вандея (как, впрочем, и все побережье Атлантического океана) — отнюдь не промышленные области. Та скромная промышленная деятельность, которая отчасти питалась близостью портов Бреста, Лориана, Нанта, Ла-Рошели, замерла вместе с уничтожением портовой жизни и морской торговли, оживлявшей прежде эти города.

В департаменте Финистер было кое-какое полотняное производство, кормившее и городок Морле, и окрестные деревни. Эти грубые полотна сбывались по морю в Испанию, а теперь (в 1807 г.), конечно, этот сбыт оказывается очень сокращенным вследствие опасности для торгового мореплавания [16].

Льняная и хлопчатобумажная пряжа широко распространены в департаменте Mayenne и не только около городов Лаваля и Майенна, но «по всей территории», и «$^5/_6$» лиц, занимающихся пряжей,— женщины. Пряжа выносится на рынки и там *покупается* фабрикантами, которые ее уже подвергают

дальнейшей обработке. До «войны» главным рынком для произведений этого департамента была Испания,— теперь этот рынок закрыт [17]. В 1800 г. была «полная остановка» в делах, но с тех пор (до 1806 г. включительно) дела все же поправились [18].

В департаменте Maine-et-Loire (относительно которого нет никаких цифровых показаний) выделываются главным образом хлопчатобумажные материи, особенно в городах Шоле, Сомюре и Анжере, и отчасти парусина в Анжере и Бофоре [19].

В департаменте Ille-et-Vilaine промышленная деятельность незначительна: есть пять полотняных мануфактур (на них работают 600 человек) и более «значительное число на фермах и в деревенских мастерских», а кроме этих лиц, очевидно ткачей, отдельно посчитаны «800—1000 прях». Эти мануфактуры работали на Брест и Лориан (доставляли туда парусину) и, пока было можно, отчасти на Испанию. Кроме того, есть две железоделательные мастерские (на одной числится 200, на другой — 75 человек), 36 кожевен (175 человек), одна шапочная мастерская (85 человек) [20]. В Витре, Доле, отчасти в Ренне выделываются и морские канаты [21]. Индустрия департамента тесно связана была с судьбами французского военного и торгового флота. Было в департаменте и кое-какое шерстяное производство «до войны»: числилось в общем 1491 рабочих, работающих на 349 станках.

Промышленность департамента Нижней Луары невелика. Было в Нанте до революции девять больших мануфактур (ситцевых) с 4300 рабочих, теперь (начало 1807 г.) осталось из них всего три с тремястами рабочих в общей сложности. Прежде этот товар сбывался в Северную Америку и в колонии; теперь, с прекращением морской торговли, сбыт пал. Производится еще в департаменте, по деревням, пряжа льна, она даже очень распространена (но префект не дает никаких деталей по этому поводу). Наконец, веревочные мастерские, дававшие работу большому числу рабочих (пока были заказы для флота), теперь стоят без дела [22]. Что касается пряжи хлопка, то отмечается, что введение машин (mull-jennys и простых jennys) вытесняет былую прялку [23].

В малопромышленном департаменте Обоих Севров есть кое-какое производство грубых шерстяных материй (в Parthenay — 32 «фабриканта», вырабатывающих товару на 160—180 тысяч франков ежегодно в общей сложности, да в окрестностях «большое число» таких же фабрикантов, вырабатывающих товару на 240 тысяч франков). Есть и в St.-Maixent этот промысел (дающий товару на 180 тысяч франков в год). Некогда процветавшая в St.-Maixent'е выделка чулок, шапок и т. п. еще с 1789 г. потеряла свое былое значение; общая сумма даваемых этим промыслом товаров — 300 тысяч франков в год. Единст-

венной сколько-нибудь существенной статьей являются кожевенное и перчаточное производства, сосредоточенные в Ниоре и близ Ниора; этих товаров продается ежегодно приблизительно на 800 тысяч франков. (Ни число заведений, ни число рабочих не указаны в документах, относящихся к этому департаменту) [24].

В департаменте Морбиан никакой, в сущности, промышленности нет, если не считать железоделательной мастерской, на которую работает в общей сложности «как внутри, так и вне заведения» 200 человек, и немногих и ничтожных заведений (вроде одной фарфоровой мастерской в Лориане, одной стекольной там же, и притом временно закрытой, и т. п.). Что касается текстильной индустрии, то есть одно лишь шерстяное производство, но *только* в форме примитивнейшей домашней промышленности [25].

Департамент Вандеи — чисто земледельческий. Есть здесь до сорока кожевенных мастерских, столько же шляпных, есть несколько десятков шерстяных «фабрикантов», дающих работу тремстам «бедным семьям», есть, наконец, пять писчебумажных мастерских. Вот и все, к чему сводится «промышленность» департамента. Характерно, что префект склонен считать шерстяных фабрикантов «тоже простыми рабочими». По аналогии с более ясными указаниями других документов (например, касающихся департамента Соммы) можно думать, что речь идет просто о нескольких десятках ткачей, которые скупают пряжу у «300 бедных семейств» прядильщиков [26].

3. Восточный район

Восточный район прежде всего — земледельческий и винодельческий, а потом уже промышленный. Все же нужно констатировать некоторое развитие хлопчатобумажной промышленности (в департаментах Жемапп и Мааса), шерстяное производство (департаменты Ardennes, Мозеля, Марны, Mont-Tonnerre, Изеры), табачное (Meurthe), железоделательное (Мозеля, Вогезов), полотняное (Верхней Соны). Участие этого района во внешней торговле Франции, если не считать вывоза седанских сукон, о чем, к сожалению, ничего не сказано,— самое ничтожное (конечно, поскольку речь идет об изделиях текстильной или железоделательной промышленности, ибо экспорт шампанских вин из этого района был весьма значителен).

В департаменте Жемапп существует хлопчатобумажная промышленность (в городах Сен-Дени (St.-Denis), Tournay, Mons), дающая работу 15 прядильням (с 1600—1700 рабочими в общей сложности), и более развита выделка вязаных изделий

(100 мастерских с 11—12 тысячами работающих на них)[27]. Отмечена большая распространенность деревенской индустрии[28].

В департаменте Мааса главная отрасль промышленной деятельности — бумагопрядильное производство, но это производство в смысле типа организации находится в совершенно распыленном состоянии: префект доносит министерству, что поэтому «совершенно бесполезно» образование какой-либо *chambre consultative*. В городе Bar-sur-Ornain, к которому главным образом тяготеет вся промышленная деятельность департамента, есть 550 ткацких станков, 274 для бумажных изделий и 1260 для пряжи, но эти функции: 1) пряжа, 2) тканье бумажных материй, 3) выделка изделий из этих материй, *не* отделены одна от другой, и одни и те же люди, владельцы станков, всю работу исполняют либо у себя дома, либо вне дома — за свой собственный счет[29]. Самостоятельный мелкий производитель-хозяин, полное отсутствие разделения труда — господствующие явления в жизни этого департамента.

В департаменте Самбры-и-Мааса есть кое-какой железоделательный промысел (в Намюре и Динане), 80—90 заведений с 1200—1300 рабочими в общей сложности, около 30 ножевых мастерских в Намюре и около 15 — в Gembloux и в Louzée, в общем 400 рабочих; есть фабрикация фаянсовых и глиняных изделий (14 заведений с 300—310 рабочими в общей сложности), есть два стекольные завода (около 475 человек в общем). Текстильная промышленность представлена двумя бумагопрядильнями — в Намюре и Динане — (около 200 человек) и несколькими небольшими шерсточесальнями[30].

В департаменте Mont-Tonnerre есть кое-какая шерстяная индустрия, удовлетворяющая отчасти нуждам местного населения (в Кайзерслаутерне 1335 рабочих занято этим делом); есть в очень небольших размерах и бумагопрядильни. К сожалению, даже и приблизительные исчисления касательно этого департамента даны в весьма неопределенном виде[31]. Тип организации — разбросанное по деревням, распыленное производство[32].

В департаменте Meurthe есть (в Саарбрюккене) 5 стекольных заводов и в Нанси 7 суконных и 10 табачных, а больше ни одного заведения префект не может назвать, так как все остальные промышленные заведения и незначительны, и очень разбросаны по департаменту (префект, собственно, даже и не говорит о *заведениях*, а о разбросанности различных «отраслей» промышленности)[33]. Табачные фабрики выделывают табаку на 2 миллиона в год (в общей сложности); количество табаку, которое поступает ежегодно в продажу, равно 401 600 килограммам[34]. Что касается семи суконных мануфактур, то

самая значительная дает работу 100—150 ткачам, а прядильщики «разбросаны в Вогезах и Арденнских горах»; другая мануфактура содержит 41 рабочего, остальные еще ничтожнее. Есть и бумагопрядильные мануфактуры: самая значительная дает работу 200 рабочим в городе, где она находится (Vézelise), и 400 пряхам — в деревнях. Есть и еще 3—4 помельче, дающие работу 4—12 человекам и работающие лишь по четыре месяца в году [35].

В департаменте Мозеля довольно широко развито шерстяное производство. В Briey есть мануфактура, где числится 500 рабочих; есть (в Foytoy) другая — с 380 рабочими; есть еще в двух местечках две — с 300 и 120 рабочими; но громадное большинство в этом же округе и в других округах (Мецском, Тионвильском, Саррегеминском) — мелкие «фабриканты», разбросанные по деревням, у которых числится по нескольку (очень редко по 20—25) рабочих. Сильно развит и железоделательный промысел, особенно в Тионвильском округе, и здесь заметна крупная затрата капитала; в Тионвильском округе есть семь железоделательных мастерских с таким числом рабочих: 600, 400, 260, 260, 190, 100 и 70. Сумма, на которую в общем они выделывают в год товаров = 2 164 000 франков [36].

Железоделательное производство стоит на первом плане в департаменте Вогезов: в 25 коммунах расположены железоделательные мастерские, из которых некоторые значительны. В округе St.-Dié в соседних деревнях существуют две мастерские, которые (вместе) дают работу зимой 900 человекам, а летом — 2 тысячам; в Ротане есть мастерская, дающая работу зимой 200, а летом 300 рабочим, в округе Миркур, в двух деревнях,— 199 рабочим (в двух мастерских вместе); есть еще одна мастерская (с 100 рабочими). Остальные гораздо меньше: 45, 40, 30, 20, 20, 15, 12, 12 человек и меньше 12-ти. Кроме того, в департаменте есть кое-какое стекольное и фаянсовое производство (цифры рабочих показаны вместе — в шести деревнях 316 человек); есть выделка бумаги (311 человек в 11 городах и деревнях) и кожевенные мастерские (90 человек в пяти округах). Показано еще, будто в округе Mirecourt «3600 женщин и девушек» занято вязанием кружев, а также, что в департаменте числится 510 человек, занятых в хлопчатобумажном производстве [37].

Департамент Саара, кроме земледелия, занимается еще разработкой угольных копей; обрабатывающая промышленность представлена довольно слабо. Есть в округе Биркенфельдском 29 чугуноплавильных и сталелитейных заведений (с 496 рабочими), в округе Прюмском 20 таких заведений с 435 рабочими, в Саарбрюккенском — 33 с 655 рабочими и в Трирском — 4

с 80 рабочими. Текстильная индустрия представлена несколькими суконными мануфактурами в Биркенфельдском округе (150 рабочих с небольшим), Саарбрюккенском (30 человек) и Трирском (223 человека), а также несколькими ничтожными бумагопрядильнями в двух последних округах (с 10 до 20 человек) [38].

Департамент Марны — винодельческий по преимуществу. Производство шампанского вина и связанная с ним деятельность девяти больших стекольно-бутылочных заводов — вот что во времена Наполеона составляло существенную статью департаментского вывоза [39]. В Реймсе, сверх того, были шелковые, шерстопрядильные, хлопчатобумажные, полотняные мануфактуры, были мануфактуры шерстяных изделий (одеял, чулок и т. п.), но сколько их в 1807 г.? Каковы, хоть приблизительно, их размеры? Шерстяное производство сосредоточено в руках 238 фабрикантов в Реймсе; они дают работу 30 тысячам рабочих (и у них 3 тысячи станков); эти рабочие живут как в городе, так и в деревнях. Шерстяные *изделия* (одеяла и пр.) дают работу 1200 рабочим, распределяющимся между 30 фабрикантами. В хлопчатобумажном производстве — 132 станка, но префект не знает, ни сколько рабочих, ни как обстоят дела [40].

В департаменте Верхней Марны единственный сколько-нибудь заметный род производства — ножевое дело, и сосредоточено оно в Лангре и Ножане; оно в руках 45 хозяев в Лангре и 227 в Ножане, у которых работает в общем 224 рабочих; есть небольшое производство шерстяных *изделий* (34 «хозяина» в Шомоне, и у них 100 рабочих; восемь хозяев в Жуанвиле — у них 200 рабочих); есть также производство грубых сортов шерстяной материи (16 мастерских в Шомоне с 40 рабочими и 16 более крупных в Васси с 300 рабочими в общей сложности) [41].

В департаменте Верхней Соны из отраслей текстильной индустрии на первом месте стоит полотняное производство. В округе Gray — 480 полотняных «фабрик» с 960 рабочими в общей сложности, в округе Vesoul — 580 «фабрик» с 1420 рабочими, в округе Lure — 700 «фабрик» с 1820 рабочими. Производством бумажных материй занято девять «фабрик» с 257 рабочими (в округе Gray), там же одна ничтожная мастерская ситцев и несколько мастерских бумажных изделий (23 мастерских с 51 рабочим). Разбросаны по департаменту также несколько (около 36) маленьких суконных мануфактур с 424 рабочими. Но главный промысел департамента — не текстильное, а металлургическое производство: 35 чугуноплавильных заведений департамента дают работу 3511 человекам и выделывают товара на 3 383 850 франков в год; 68 второстепенных желе-

зоделательных мастерских (с 1161 рабочим) производят товара на 4 987 840 франков в год [42].

Юрский департамент занят более всего приготовлением сыров. Текстильная промышленность (единственная вообще существующая там) ничтожна: выделкой шерстяных материй занято 400 человек, хлопчатобумажных — 475 рабочих (в деревнях Сен-Клод, Муаро, Море) [43].

В департаменте Изеры главной отраслью промышленности была шерстяная: считалось, что там есть восемь больших суконных мануфактур, дающих работу 1900 рабочим и выделывающих в год до 50 тысяч штук сукна. (Хлопчатобумажная промышленность была ничтожна — давала работу 321 рабочему.) *Считалось*, что «до войны» шерстяная промышленность была более процветающей и что число рабочих было равно 6182 [44].

В департаменте Doubs в 1800 г. крестьяне производят все нужные им шерстяные материи, и сами же только их и потребляют [45].

В департаменте Mont-Blanc более всего развита добывающая промышленность. Департамент производит в больших количествах лен, но лен вывозится почти весь, кроме материала для работ в хозяйстве; вывозится также и шелк-сырец. Есть (в г. Аннеси) одна бумагопрядильня с 410—450 рабочими; есть и бумаготкацкое заведение с 60 рабочими. Другая мануфактура (бумагопрядильная же) имеет 120—135 рабочих, третья — 20 человек. Есть и «фабрики» для выделки писчей бумаги (в округах Шамбери и Аннеси); в общей сложности они дают работу 120 рабочим обоего пола [46]. Есть еще и пряжа шерсти, и изготовление шерстяных изделий, но о размерах этого производства префект не может дать никаких точных сведений [47].

4. Южный район

Говоря о промышленной деятельности южного района, необходимо упомянуть прежде всего о шелковой промышленности г. Нима (в департаменте Гард), о суконном производстве (в департаментах Ardèche, Hérault, отчасти Tarn).

Департамент Gard занят главным образом шелковым производством. Считалось (в 1807 г.), что в Ниме 30 шелковых мастерских, и на них работает 2 тысячи человек, и 40 мастерских шелковых чулок, и на них работает 1700 человек (причем не посчитаны некоторые категории работающих) [48]; в Alais — 400 шелковых мастерских, и на них работает 2500 человек, в Сен-Жан-де-Гарде — восемь мастерских, и в них работает 600 рабочих, в Рокеморе — 10 и на них 400 человек,

в Сент-Ипполите — 78 и на них 1014 человек, в Андюзе не показано число мастерских, рабочих же в шелковой промышленности 800. Есть кое-какое шерстяное производство (в Соммьере — 1030 человек), бондарное, хлопчатобумажное (в Ле-Вигане восемь прядилен с 700 рабочих), но правительство интересовалось в этом департаменте главным образом шелковым производством, единственной экспортной статьей департамента. В общем считалось, что в департаменте занято в шелковом производстве 9724 человека [49].

В департаменте Ардеш производятся тонкие сукна, и один только город Обена (Aubenas) дает работу тысяче человек обоего пола. Но все эти «рабочие» работают лишь тогда, когда нет полевых работ [50]. Рассеяна эта промышленность по восьмидесяти деревням департамента и «не представляет ни одной правильной мастерской» (aucun atelier régulier,— как выражается префект) [51].

Департамент Тарн до революции славился шерстяной индустрией; теперь, в 1807 г., она пала. «Значительных фабрик нет, каждый глава семьи — фабрикант». Считается, что шерстяным производством в департаменте занято 9700 человек [52], и товара (сукон и шерстяных тканей разных сортов) департамент ежегодно выделывает на 6 410 000 франков. Есть (в г. Альби) и бумагопрядильни: их восемь, и они дают работу 2 тысячам человек (товара же вырабатывают ежегодно на 350 тысяч франков). Полотняное производство тут тоже *только* в руках крестьян, обрабатывающих возделываемый на их же земле лен [53]. Считается, что этого товара департамент выделывает на 1 205 000 франков в год.

В середине 1807 г. в департаменте Hérault, в г. Монпелье, существовало производство бумажных платков и материй, дававшее работу 700 ткачам, а относительно прядильщиков «трудно знать их число», так как «со времени революции производство — в руках мелких фабрикантов». Почему только «со времени революции», документ не поясняет; просто потому, что составлявшие не знали ничего о том, как была организована промышленность *до* революции [54]. Гораздо более развито шерстяное производство: в департаменте считается 161 шерстяная мануфактура, на которые работает в общей сложности 42 800 рабочих [55]. Есть и кое-какая шелковая промышленность (в Ганже — 700—800 станков, 1200 рабочих) [56].

Главенствовавшее в департаменте шерстяное производство в весьма существенной степени поддерживалось заказами военного ведомства [57].

В департаменте Верхней Гаронны промышленная деятельность оказывается в 1807 г. ничтожной; шерстяная промышленность, какая была, питалась левантийским сбытом, который

теперь, когда море закрыто, прекратился; рабочие, какие были, обращаются к земледельческому труду, и те мастерские, которые еще «могут существовать» в департаменте, влачат жалкое существование; отмечается и отсутствие капиталов, которые могли бы поддержать совсем упавшую промышленность [58].

В департаменте Дромы промышленная деятельность проявляется в ничтожных размерах и представлена исключительно «станками, разбросанными по горным деревням» [59] и работающими для нужд домашнего потребления.

В департаменте Вар промышленная деятельность вполне ничтожна и сводится к нескольким шелкопрядильным мастерским, нескольким шляпным мастерским, нескольким кожевенным. В общей сложности всех рабочих всех промыслов, по мнению префекта, наберется в этом департаменте до 450 человек [60].

В департаменте Верхних Альп крестьяне сами выделывают все полотна, нужные для них. В долинах и горах департамента прядут также хлопок и сбывают пряжу в Марсель, Турин и Лион. И эта отрасль промышленности, отмечает префект, замечательно развивается [61].

5. Юго-западный район

Промышленная жизнь юго-западного района еще ничтожнее, чем северо-западного и западного. Разорение Бордо, начавшееся в 1793 г., несколько как бы приостановившееся в 1802—1803 гг., в недолгий период Амьенского мира, пошло усиленным темпом со времени возобновления войны. Юго-западный район, тяготевший к Бордо, очень сильно это почувствовал (хотя и до войны и революции эти места были винодельческими и земледельческими, а вовсе не промышленными). В Бордо и вообще в департаменте Жиронды промышленность и всегда играла незначительную роль, а главное значение принадлежало торговле. Были там две бумагопрядильные мануфактуры (одна — 50 рабочих, другая — 150 рабочих), но обе (в 1806 г., когда мы имеем о них известия) влачили жалкое существование. Причиной их падения префект выставляет морскую войну, вообще губившую Бордо [62]. В 1807 г. говорится об этих же мануфактурах.

Но, кроме хлопчатобумажного производства (две мануфактуры с 200 рабочими), во всем департаменте Жиронды, как в частности и в главном его городе Бордо, текстильная промышленность в 1807 г. оказывается почти равной нулю. Есть 42 сахарных «завода», причем на них всех вместе числится ...135 рабочих; 11 табачных мануфактур (на них 350 рабочих), шесть водочных заводов («principales» и 66 «petits ateliers») — на них 183 рабочих, ликерных (на них 184 рабочих), шесть

стекольных заводов (на них 200 рабочих) и кое-какие совсем уж ничтожные промыслы [63].

Департамент Ланд — типично и исключительно земледельческий: там (в конце 1811 г.) нет *ни одной* бумагопрядильни, *ни одной* шерстяной мануфактуры и «только несколько жалких ткачей», как выражается префект [64].

Относительно департамента Lot-et-Garonne мы знаем только, что до революции там была заметна промышленная деятельность в отрасли полотняного и шерстяного производства. Первая отрасль, по подсчетам префекта, давала в 1789 г. заработок 7 тысячам человек, вторая (до войны) — 9777 человекам. В конце революционного периода отмечается и возникновение там бумагопрядильной индустрии (в Ажене и Нераке числилось 450 человек в 1799 г.). Но относительно 1807 г. сведения очень скудны; по-видимому, полотняное производство держалось крепче шерстяного [65].

Неутешительно стоит в 1807 г. промышленность и в департаменте Lot: есть в Кагоре две небольшие мастерские, кое-что осталось в Монтобане. Между тем до революции одни только шерстяные мануфактуры Монтобана давали работу многим тысячам («15 000», утверждает префект) лиц обоего пола. Теперь, в 1807 г., это число «значительно уменьшилось» (размеры уменьшения, к сожалению, не указаны). Причины упадка — прекращение сбыта во французские колонии [66].

В департаменте Верхних Пиренеев есть кое-какое кожевенное производство (18 мастерских с 36 рабочими в городе Tarbes), есть медники, красильщики (по нескольку десятков человек в каждом промысле); в округах Баньер и Кампан есть тысяча с небольшим человек, занятых шерстяным производством (из них около 900 прях и прядильщиков); в округе Argelès 90 человек занято полотняным промыслом, 150 человек гвоздарным, и, собственно, этим кончается вся промышленная деятельность департамента, если не считать нескольких десятков человек, занятых в писчебумажных мастерских [67].

Префект Верхних Пиренеев тоже откровенно ответил, что, по его мнению, незачем вводить в его департаменте эти chambres consultatives [68].

В земледельческом департаменте Восточных Пиренеев главным промыслом является железоделательный. В департаменте считается 16 мастерских, а годовая обработка железа (20 тысяч квинталов) оценивается в 450 тысяч франков (цена выделанного товара). Эти мастерские разбросаны по 12 деревням в горах. В общем добыванием руды, обработкой железа и перевозкой его занято около 3 тысяч человек, по показанию префекта. Работали еще (но в *мирное* время) 10—12 водочных заводов в департаменте; теперь (апрель 1807 г.) они почти не

действуют; есть еще 14—15 кожевенных мастерских. Текстильная индустрия почти не существует в департаменте. Перпиньян уже давно (префект думает, что уже 200 лет) как потерял былое свое суконное производство; что касается полотняного, то оно существует в деревне в стадии ремесла [69]. (Есть подобное же ничтожное шерстяное производство в Prades и Prats de Molo) [70].

В департаменте Gers, по мнению префекта, совсем не стоит и учреждать совещательных палат для промышленности, ибо никакой промышленности там нет. Уже год (письмо пишется в конце января 1807 г.), как несколько мануфактур закрыты вовсе, а другие сильно сократили производство и удержали только «главных рабочих» [71].

В департаменте Нижних Пиренеев в 1806 г. существует отчасти бумагопрядильное производство со связанными с ним промыслами (выделка бумажных платков и т. п.), отчасти суконное и наконец полотняное. Выделка и продажа бумажных платков, собственно,— главная статья промышленной деятельности департамента. Пряжа и тканье льна играют, по-видимому, тоже большую роль в обиходе департамента (считалось в 1800 г.— 12 тысяч человек, занятых этим делом), и префект в 1806 г. называет полотняное производство и выделку бумажных платков двумя главными отраслями промышленности [72].

6. Центральный район

В общем центральные департаменты — менее промышленные, нежели северные. В этом районе два центра торговой и промышленной жизни: 1) Париж (производство мебели и предметов роскоши) в северной части этого (центрального) района и 2) Лион (шелковое производство) в южной его части. Кроме того, в этом районе можно констатировать кое-где наличность 3) шерстяного и 4) полотняно-кружевного производства. Остальные отрасли промышленной деятельности не имеют в этом районе сколько-нибудь серьезного значения в тот момент, о котором идет речь (хотя в двух департаментах констатируется начало хлопчатобумажной промышленности). Наконец, около Сент-Этьена группируются металлургические и в частности оружейные мастерские, известные во всей Франции.

1. Париж всегда был более торговым, чем промышленным центром. Главными предметами производства здесь были предметы роскоши и мебель. При революции, как я старался показать в другой работе, промышленность в столице дошла до глубокого упадка. В годы Консульства и первые годы Империи замечается некоторое улучшение.

Современники считали установленным фактом (в 1802 г.), что провинциальные мануфактуры — в упадке, часто даже в состоянии полного уничтожения, а парижские «держатся с некоторым успехом». Они из этого факта делали умозаключение, что для процветания производства не столько важна дешевизна рабочих рук, которые в провинции были много дешевле, как обилие капиталов и легкость сбыта [73].

Но как раз в эту эпоху, зимой 1806/1807 г. и весной 1807 г., дела парижской промышленности были не в утешительном состоянии. Сильно бедствовали в 1807 г. (зимой и весной) рабочие в Париже, занятые работой на дому. Их была громадная масса; министерство считало, что эти рабочие своей работой снабжают $^3/_4$ всех парижских лавок и магазинов [74].

Что касается до размеров, в каких представляла себе администрация парижскую обрабатывающую промышленность, то вот данные, собранные в августе 1807 г. префектом полиции.

В мебельных мастерских в Париже (в августе 1807 г.) числилось 3 тысячи рабочих, а товара выделывалось в этой отрасли производства на 10 миллионов франков в год; в парфюмерных мастерских, в цветочных и мастерских (дамских) шляп числилось 2731 рабочих и работниц, товара же выделывалось на 5,8 миллиона франков в год; галантерейных изделий из шелка, бумажных и шерстяных материй изготовлялось на 3 510 000 франков, и работало 1603 рабочих; шапочные мастерские выделывали товара (они работали и на внутренний, и на заграничный рынки) на 6 978 000 франков, а рабочих там было 1912 человек. В металлических промыслах числилось 1435 рабочих (товара выделывалось на 5,2 миллиона франков в год). У золотых дел мастеров, ювелиров и т. п. работало 3073 человека, товара выделывалось на 16,8 миллиона франков в год. Резчики по металлу, часовщики, граверы, золотильщики давали работу 2567 рабочим, товара же выделывалось на 18,7 миллиона франков. Из текстильных промыслов в точном смысле отмечается хлопчатобумажная индустрия (4 тысячи рабочих, товара — 10,2 миллиона франков в год). Кожевни дают работу 1993 рабочим и выделывают товара на 7,2 миллиона франков [в год]. Обойные мастерские имеют 3700 рабочих (товара в год на 8,1 миллиона). В табачных фабриках — 865 человек (товара — на 4 730 000 франков в год). Фарфоровые и хрустальные заводы дают работу 859 человекам (товара — на 8 миллионов в год). Ленточное производство — 845 рабочих, товара — на 4,6 миллиона франков в год [75].

2. В Лионе и всей лионской области на первом месте, конечно, стоит шелковое производство. Оно продолжало со времени революции переживать трудные времена. Один автор, неопределенно ссылающийся на отчеты официального характе-

ра, утверждал в момент заключения Амьенского мира, что из 14 777 станков, прежде занятых в Лионе шелковой промышленностью, продолжают действовать (в 1802 г.) около 7 тысяч [76].

Летом 1806 г. положение настолько ухудшилось, что Лионская торговая палата выражает опасение, как бы шелковая промышленность Лиона не погибла окончательно [77]. И чем дальше, тем хуже,— время разгрома Пруссии было отчасти временем разгрома и лионской шелковой индустрии.

Документы рисуют положение дел в Лионе в 1806 г. в очень безрадостном свете. Колониальный рынок закрыт Англией, *Италия обнищала от войн*, и весь сбыт лионской промышленности сосредоточился в первые годы царствования Наполеона в Германии и России; так рисует положение вещей Лионская торговая палата. Но вот война 1806 г. разрушает и это последнее убежище: Наполеон конфискует всюду в завоевываемых германских городах английские товары, разоряет германский торговый мир, грозит уничтожением лейпцигской торговли. Мало того, с Россией война длится уже с 1805 г., а между тем Россия, по исчислениям Лионской торговой палаты, покупает у Франции товаров на общую сумму 80—90 миллионов франков в год, причем в этой цифре нужно считать, что именно *лионских* товаров Россия покупает на 25 миллионов в год. Лионские товары либо отправляются в Россию непосредственно, либо через Лейпциг, и русские купцы не присылают вследствие войны ни заказов, ни денег. Кто тут виноват? Русские ли власти прекратили эту корреспонденцию или французские? А эта задержка чревата разорением промышленников и голодом для рабочих [78]. Русская торговля вообще весьма выгодна для Франции, замечает палата, а война подкашивает ее еще и потому, что также и другой посредник — Гамбург — находится в критическом положении; прерваны сношения между Гамбургом и Россией, и французские фабриканты уже три месяца (писано 11 декабря 1806 г.) тщетно ждут следуемых им из Гамбурга сумм [79].

Так обстоит дело в Лионе; что касается до остального департамента Роны, то цифровые показания даются (префектом) лишь относительно «мануфактурного населения» города Villefranche (2500 человек) и Thizy (8500 человек), а также шести коммун, где это «население» заметно (2500 человек). Все эти люди занимаются промыслами, связанными с шелковым производством: позументщики, лентовщики, ткачи, выделывающие златотканные материи, и т. п. [80]

Кроме Лиона, шелковое производство существует еще (в этом районе) в г. Туре. Некогда оно очень процветало (в первой половине XVIII в.), теперь, в 1806 г., влачит жалкое

существование. Да и весь департамент Эндры-и-Луары, где расположен г. Тур, принадлежит к числу отсталых в промышленном отношении вообще. Промышленная деятельность группируется здесь вокруг городов Тура и Амбуаза. В Туре есть 17 мастерских шелковых материй, 18 ленточных, 19 кожевенных, 12 шерстяных, 11 шерсточесален, 12 вязаных изделий, 8 бумагопрядилен, 10 ткацких мастерских, 50 слесарных, 19 свечных, 19 бочарен, 11 ножевых и жестяных, 17 ювелирных; в Амбуазе — 27 мастерских для выделки шерстяных материй и 10 кожевенных [81].

С лионской шелковой промышленностью связано и ленточное производство соседнего департамента Луары, во главе которого стоит г. Сент-Этьен. Промышленная деятельность департамента Луары тяготеет к Сент-Этьену. На первом месте, конечно, должно бы стоять ленточное производство, где числится около 9 тысяч рабочих *в обыкновенное время*, но „уже к началу 1806 г. из них в работе было всего 3 тысячи человек [82].

3. Металлические изделия (в том же Сент-Этьене) дают работу 8 тысячам человек: из них 2 тысячи — оружейники. Эта отрасль промышленности «наиболее сконцентрирована», по замечанию префекта: все рабочие живут либо в самом Сент-Этьене, либо в *ближайших* деревнях [83]. К сожалению, нет никаких данных о количестве сталелитейных и оружейных мастерских. Сент-этьенская металлургическая промышленность — единственная сколько-нибудь крупная в этом роде во всем центральном районе. Что вообще сент-этьенская металлургия еще не дошла в эту эпоху до полной концентрации производства в *здании* мануфактур, мы видели уже в предшествующем изложении.

4. В шести департаментах этого (центрального) района констатируется — в большей или меньшей степени — развитие шерстяного производства.

В департаменте Сарты до войны «считалось» 18 404 человека, занятых пряжей шерсти и тканьем; было и кое-какое полотняное производство, рассеянное по деревням. Некогда (в середине XVIII столетия) в Ле-Мансе, главном городе департамента, были суконные мастерские, но еще до революции промышленность здесь стала падать. В 1807 г. промышленность департамента сводилась почти к нулю: в городах было 7—8 мастерских, по 3—4 рабочих в каждой, в деревнях — по одному, по два рабочих [84].

В департаменте Eure главным образом была развита суконная промышленность. В г. Лувье, где она сосредоточивалась, в 1807 г. существовало 22 «торговых дома», владевших 420 станками и дававших заказы 11 тысячам рабочих; в Andelys работало в той же области индустрии 400 рабочих, в Bernay —

2 тысячи рабочих [85]. Бумагопрядильное дело, игравшее тут второстепенную роль, давало работу 2800 рабочим, распределенным между 210 заведениями [86].

В департаменте Loir-et-Cher главным образом констатируется существование шерстяной промышленности (в департаменте *числилось* 357 станков и 6378 рабочих, занятых этим делом) [87]; но это было «до войны», теперь же, в 1807 г., осталось — в Ромартене 3 тысячи рабочих да в St.-Aignan «несколько мелких фабрикантов» (*point d'autre détail*, отметили при этом в министерстве) [88].

Департамент Eure-et-Loir в общем не имеет в 1807 г. никакого промышленного значения, но в Ножане есть кое-какая шерстяная промышленность: 130 «фабрикантов» дают работу 1800 пряхам, 260 ткачам и еще приблизительно 125 рабочим [89]. Ножан давал работу окружным крестьянам.

В департаменте Эндры единственной, стоящей упоминания, отраслью промышленности оказывается суконная: в Иссудене числится 31 «мастерская» для выделки сукон, и работает на них 188 мужчин и 404 женщины; в г. Шатору — 80 «фабрикантов» (число рабочих не показано) и, кроме того, большая мануфактура («du Parc»), работающая на военное ведомство и имеющая 500 рабочих (в последние годы революционного периода она бездействовала) [90]. Есть еще кое-какие железоделательные и кожевенные мастерские, «разбросанные по стране» [91].

В департаменте Nièvre — незначительное шерстяное производство (в городах Nevers, Cosne, Clamecy) — в общей сложности 889 рабочих, работающих на 509 станках [92].

5. Кружевной промысел и полотняное производство кормят десятки деревень в департаментах Верхней Луары и Пюи-де-Дом.

В департаменте Puy-de-Dôme в громадном количестве разводится лен и развито полотняное производство. Целые десятки деревень заняты этим промыслом: прядут лен женщины и дети, а в свободное от земледельческих трудов время — и мужчины. На севере и западе департамента этим занято население 45 деревень и поселков, в остальных частях департамента таких деревень насчитывается до 23; распространен (но гораздо меньше) и кружевной промысел. Прежде, пока было возможно, сбыт направлялся в Испанию; из одного только г. Тьера вывозилось в общем на 112 500 франков, а теперь (в 1806 г.), когда сбыт лишь внутри Империи, он пал на $^2/_3$ и дошел до 37 500 франков. Шерстяное производство очень незначительно и рассчитано лишь на местное потребление (и то больше среди простонародья). Другие отрасли промышленности еще ничтожней [93].

Кружевной промысел занимает первенствующее положение в департаменте Верхней Луары: им заняты 30 тысяч человек, тогда как следующее место занимает ленточное производство с 3 тысячами человек и кожевенное с 300 рабочими (шерстяное и другие производства — в самых ничтожных размерах). Кружева Верхней Луары сбываются во Франции, Италии, Швейцарии, Англии и Испании[94] — в обыкновенное время, конечно, не во время войны.

6. В департаментах Сены-и-Марны и Йонны можно констатировать кое-какое бумагопрядильное производство, суконное и т. д., но эти отрасли производства здесь особой роли еще не играют.

В департаменте Сены-и-Марны промышленность вообще очень мало развита; сравнительно более заметно только хлопчатобумажное производство. В Melun'е есть две бумагопрядильни (в общем 93 рабочих), одна ситцевая мануфактура, две бумаготкацкие (в одной 29, в другой 64 рабочих), и в округе Фонтенбло есть 13 мастерских бумажных изделий, «недавно» возникших и «разбросанных по деревням» округа Фонтенбло. Есть еще в департаменте пять фаянсовых заводов (на одном 160—180 рабочих, на всех остальных вместе — около 150 человек). Есть одна сталелитейная мастерская, две стекольные, но все эти заведения только «подают надежды», и префект ничего другого о них сказать не может. Существуют две бумажные фабрики, и каждая имеет до 200 рабочих (обе в округе Coulommiers),— они известны по всей Франции. Вот все сведения о положении промышленности в 1807 г. Есть еще указание на то, что в департаменте *до войны* выделывалось сукно погрубее и шерстяные материи «для домашнего употребления» и что этим было занято в общем 440 человек, работавших на 61 станке. Но как обстоит дело теперь, в 1807 г., документы молчат[95].

В департаменте Йонны есть бумагопрядильни и бумаготкацкие заведения в г. Сансе (между прочим, там работает 34 mull-jennys). Число рабочих 722; в Сансе, Вильневе, Сержине, Сеньеле и Туси есть суконные мануфактуры (в общей сложности 464 человека[96], число мануфактур не показано), есть несколько кожевенных мастерских (в общем 69 человек), несколько шляпных (43 рабочих в четырех городах департамента), один стекольный завод (30 человек), железоделательные (32 человека), мастерская клея, белил и т. п.

Собственно, на этом и кончается обзор департаментов центрального района, где сколько-нибудь заметны следы промышленной деятельности. О других (да и то далеко не обо всех) достаточно лишь упомянуть.

В департаменте Верхней Вьенны есть кое-какое железоделательное производство. В Лиможе, Бонневале и других мес-

тах есть с десяток железоделательных и ножевых мастерских с очень ограниченным количеством рабочих — от 1 до 12 человек; есть полтора десятка писчебумажных мастерских (количество рабочих 8—15 человек в каждой, лишь в одной 30 человек). В Лиможе есть три фарфоровых завода (100, 35 и 6 человек); там же есть и одна шерстяная «фабрика» с 40 рабочими. Есть еще около 12 мастерских, изготовляющих серпы, но об их размерах сведений нет [97].

Департамент Loiret, и вообще не отличавшийся большим развитием промышленности, к концу 1806 г. оказывается в индустриальном отношении почти сведенным к нулю; в г. Орлеане есть три ситцевые мануфактуры, но из них две «слабо действуют», три бумагопрядильни, но «недостаток рынка для сбыта пряжи удерживает эти три заведения в состоянии полной неподвижности, все рабочие рассчитаны». «Есть» 10 вязальных мануфактур, но из них лишь пять «работают немного»; было 30 рафинадных заводов, но они «останутся в бездействии, пока будет невозможно доставить нужное им сырье»; есть «около 30» кожевенно-дубильных мастерских, но их работа уменьшилась на $^2/_3$. Во всем остальном департаменте нет уже ровно ничего, ибо Орлеан — *единственный* в департаменте город, где вообще водятся промышленные заведения [98].

Департамент Saône-et-Loire — чисто земледельческий, в нем «не существует и никогда не существовало» никаких мануфактур, никакой промышленной деятельности [99].

Департамент Creuse и в 1806 г. был, и в 1809 г. остался чисто земледельческим, лишенным какого бы то ни было промышленного значения, если не считать ковровой мануфактуры в Обюссоне [100]. Обюссонские ковровые мануфактуры, дававшие работу в 1800 г.— 400, а в 1804—1805 гг.— 412—413 рабочим; исполняют лишь очень немногие части работы в здании самого заведения: как правило же, «каждый рабочий имеет станок у себя дома» [101].

Ничтожна промышленная деятельность в департаменте Vienne: есть две ничтожные мастерские шерстяных материй в Пуатье (из них одна в доме призрения нищих, но префект и ее присчитал сюда), а затем в Пуатье и во всем департаменте Vienne есть «бесконечно малые мастерские». Есть также пять или шесть кружевных мастерских с 60—80 девушками-работницами (в общей сложности) [102].

В департаменте Allier если есть какое-нибудь мануфактурное производство, то прежде всего полотняное, да и оно в стадии даже не домашней индустрии, а *ремесла* в специальном значении этого термина, установленном Бюхером: производитель работает по единоличному заказу, и притом еще заказчик доставляет ему материал [103].

7. Бельгийские департаменты

Бельгийские департаменты по анкете 1806—1807 гг. рисуются, конечно, как обладающие громадным промышленным развитием. Я уже отметил во введении (в параграфе о статистике), что именно из Бельгии сколько-нибудь точные цифровые показания доставлялись очень скупо и неохотно, а больше давались общие характеристики. На первом плане здесь стоит колоссальное производство полотен (особенно тонких сортов), группирующееся вокруг Антверпена, Гента, Брюгге, Куртре, Малин и т. д.; выделка кружев (в Брюсселе, Ипре, Куртре и др.), отчасти хлопчатобумажное производство (в Turnhout'e, Генте), шерстяное (Вервье, Мальмеди, Люттихе), металлургическое (Люттихе, Turnhout'e), водочное (в департаментах Lys и Meuse-Inférieure) и т. д. Не особенно широко развито шелковое производство.

Полотняное, кружевное, металлургическое производства бельгийских департаментов рассчитаны на большой заграничный сбыт; отчасти, но в несравненно меньшей мере, и шерстяное (только тонкие сукна). Другие отрасли промышленности рассчитаны больше всего, если не исключительно, на внутренний, имперский рынок. Огромная роль деревенской промышленности, замечу кстати, и тут не подлежит сомнению.

Вот какую картину промышленной деятельности наполеоновской Бельгии в 1806—1807 гг. дают нам документы.

Бельгия при Наполеоне составляла следующие девять департаментов: Dyle, Шельды, Lys, Жемапп, Deux-Nèthes, Нижнего Мааса, Ourthe, Самбры-и-Мааса и des Forêts.

В департаменте Deux-Nèthes, как и в большинстве бельгийских департаментов, главный род промышленности — выделка тонких полотен и особенно кружев.

В Антверпене выделкой полотен занято 18 заведений, дающих работу 556 рабочим, работающим в помещении мануфактур (en fabrique), и 3 тысячам, работающим дома (à domicile); кружева выделываются (в том же городе) в 13 заведениях, где работает 112 человек en fabrique и 3 тысячи à domicile. В городе *Malines* кружевами занято 9 предприятий с 963 рабочими, в Turnhout'e — 11 предприятий с 2 тысячами рабочих, в Moll'e — 3 заведения с 500 рабочими, в Heerenthals'e — 2 предприятия с тысячей рабочих. За этим основным промыслом идет шелковое производство (в Антверпене — 22 заведения с 909 рабочими), шерстяное (в Arendouk'e — 41 заведение с 973 рабочими, в Moll'e — 6 заведений с 600 рабочими, в Desschel'e — 9 заведений с 600 рабочими); меньше сравнительно развито бумагопрядильное производство (в Антверпене — 4 заведения с 330 рабочими, в Turnhout'e — 5 заведений с 106 рабочими).

Как отмечено несколько раз префектом, кружева и полотна сбываются в массе своей за границу; отчасти рассчитано на заграничный сбыт и шерстяное производство. На заграничный же сбыт рассчитано *«почти всецело»* ножевое производство, представленное 23 фабриками с 420 рабочими (в Turnhout'e). Таковы главные отрасли промышленной деятельности этого департамента [104].

В департаменте Шельды полотняное производство в 1807 г. давало работу «ста тысячам прядильщиков и прях» и «21 тысяче ткачей». Кружевниц в одном Генте было 1000—1200, а «в 20—25» селах в окружности «в три раза больше». Что касается хлопчатобумажного производства, то в этом департаменте было (в 1807 г.) 350 mull-jennys «или 70 тысяч веретен»; в Генте было 15—16 ситцевых мануфактур, а в остальном департаменте 7—8. Здесь и механическое производство в области хлопчатобумажного производства сделало большие шаги сравнительно со «старыми департаментами». К сожалению, мы не знаем даже и приблизительно, сколько человек работало на каждой из этих мануфактур [105].

Департамент Dyle тоже отличается промышленным развитием. В одном Брюсселе (в 1807 г.) насчитывалось 18 «контор», занимавшихся кружевным производством и дававших работу 10 тысячам рабочих; хлопчатобумажное, шерстяное и бархатное производство в Брюсселе занимало 84 тысячи рабочих, которые распределялись по 160 заведениям. *Считалось*, что весь департамент Dyle (где находился Брюссель) выделывает ежегодно кружев на 4,8 миллиона франков [106].

Департамент Lys занят почти исключительно громадным полотняным производством, старинным и славящимся на всю Европу. В одном только г. Брюгге числится (в 1807 г.) 8300 établissements, занятых этим промыслом, в г. Куртре — 6500, но число рабочих не показано по весьма простой причине: работа производится крестьянами зимой в деревнях. Иногда крестьяне продают на рынке сработанное дома, иногда получают заказ и материал [107], и сосчитать их нет возможности; то же самое говорится о *кружевных* мастерских, хотя в графе «individus qu'ils occupent» префект и проставил, что на 12 кружевных мастерских (в Ypres'e) работает 3500 человек, а на 10 таких мастерских в Куртре — 2400 человек (но сам же оговаривается, что и к кружевным мастерским применимо то же самое замечание, которое он сделал о полотняных). Есть еще в департаменте пивоваренное и водочное производство, но оно не играет и в отдаленной степени той роли, как полотняное и кружевное.

В департаменте Нижнего Мааса отмечено суконное производство. Есть три больших мануфактуры в деревне Vaels

(в одной — 200, в других — по 130 рабочих). Товар сбывается отчасти в Россию, Пруссию, Португалию, Польшу и в города Леванта. Бумагопрядильная промышленность ничтожна, так же как все остальные отрасли индустрии, кроме водочного производства.

В департаменте Ourthe главный промысел — шерстяное производство (тонких сукон в Вервье и Ейпене и простых шерстяных материй в Мальмеди); в Люттихе, сверх шерстяного производства, есть еще бумагопрядильни. В Люттихском же округе развито оружейное, гвоздарное и вообще железоделательное производство. К сожалению, ни число заведений, ни даже приблизительное число рабочих не указаны. Префект отделался общими выражениями [108].

Остальные бельгийские департаменты не отличаются промышленным развитием.

8. Прирейнские департаменты

Прирейнские департаменты Империи обладают уже в начале наполеоновского правления широко развитой промышленной деятельностью.

Когда кто-нибудь из исследователей, занимающихся экономической историей Германии, возьмется за увлекательную задачу — рассказать полно и обстоятельно экономическую жизнь обоих берегов Рейна, хотя бы начиная с XV столетия, то можно предвидеть, что вполне выяснится необычайно интересная картина кипучего, далеко опередившего и Францию, и остальную Германию промышленного развития. Здесь, в этой работе, имеющей свою специальную цель, прирейнские департаменты наполеоновской Империи входят лишь как часть общей картины, которую рисуют нам документы анкеты 1806—1807 гг., но без этой страницы будущая экономическая история левого берега Рейна не должна будет обойтись, точно так же как историк экономической жизни правого берега не сочтет излишними те сведения, которые приводятся дальше, когда речь идет не о составных частях Империи, а о зависимых в той или иной мере от Наполеона землях. Текстильное производство, кожевенно-дубильное дело, часовое мастерство и металлургия — вот отрасли промышленности, прочно поставленные на левом берегу Рейна еще до начала действия континентальной блокады; таков основной вывод, который можно сделать на основании документов, лишь неполно иллюстрирующих его цифровыми показаниями. Этот вывод правилен, даже если мы примем за истину уменьшенные цифры, даваемые статистикой.

В Рерском департаменте сильно развито суконное производство; в Ахене — 57 фабрик с 32 тысячами рабочих, выделы-

вающих товаров на 9,4 миллиона франков в год; в Montjoie, Roelgen'e, Imgenbroch'e — 45 фабрик с 5 тысячами рабочих (товара в год — на 3 750 000 франков), в Гельдерне — 6 фабрик с 470 рабочими, в Крефельде — 8 шелковых фабрик с 5161 рабочим (товара — на 3,1 миллиона франков в год). Бумагопрядилен и мануфактур, выделывающих бумажные материи,— 10 в Кельне (с 487 рабочими, товара на 1,5 миллиона франков в год), 31 в Reydt'e (с 1687 рабочими, товара на 1 186 334 франка в год) и в Нейссе — 17 (с 924 рабочими, товара на 968 тысяч франков в год). Полотняное производство представлено 10 мануфактурами (в Reydt'e — 2301 рабочий, товара на 682 800 франков в год). Кроме текстильной индустрии, широко развита металлургия. В Ахене есть 13 игольных фабрик (с 7500 рабочими, товара на 900 тысяч франков в год), в Штольберге — 24 заведения (с 805 рабочими), изготовляющих латунь и латунную проволоку на 4 миллиона франков в год; в Дюрене — 14 железоделательных и сталелитейных мастерских (с 201 рабочим), дающих товара на 985 500 франков в год. Кожевенных заведений — 61 (в Кельне — с 210 рабочими, товара на 1 355 000 франков в год), там же — 18 табачных фабрик с 350 рабочими, товара ежегодно на 1,5 миллиона франков [109].

Шелковая промышленность левобережных прирейнских департаментов развивалась труднее и медленнее, чем другие отрасли текстильной промышленности. Уже летом 1802 г. фабриканты Крефельда, Кельна и других городов Рерского департамента жаловались на то, что шелковая промышленность в этих городах разорена, что германский и североевропейский рынки ими утеряны, что этими рынками теперь пользуются фабриканты Прусской Вестфалии, Берга, Магдебурга и что причиной разорения является пошлина в 110 франков, которой обложен каждый квинтал сырца, ввозимый в «присоединенные департаменты» левого берега Рейна. Немецкие фабриканты получают беспошлинно сырец из Италии и Швейцарии; французские (старых департаментов) тоже, а фабриканты левого берега Рейна поставлены этой пошлиной в исключительно неблагоприятное положение [110].

Правительство считало Рерский департамент одним из богатейших в Империи и полагало (в 1807 г.), что там есть в общей сложности около 1200 промышленных заведений с 120 тысячами рабочих и что промышленность департамента производит товаров на 50 миллионов франков в год [111].

Рерский департамент жестоко страдал и от войны 1806—1807 гг., так как самый значительный рынок сбыта для него был на севере Европы [112].

В департаменте Рейна-и-Мозеля хлопчатобумажная промышленность к началу 1807 г., по показанию префекта, «только

зарождается» и, однако, «уже равна по своей распространенности» всем остальным отраслям индустрии Рейна-и-Мозеля; в одном только Бонне — 4 прядильни (8 станков и 60 рабочих, 13 станков и 90 рабочих, 16 станков и 64 рабочих, 4 станка и 21 рабочий); в Кобленце и Бонне есть, сверх того, 3 ситцевые мануфактуры (72, 60 и 9 рабочих; 36, 40 и 6 станков); в Боннаре, Кобленце и Бонне есть 5 мануфактур хлопчатобумажных изделий (98, 30, 9, 36 и 25 рабочих). Кроме того, в департаменте есть 7 небольших суконных мануфактур (80, 25, 22, 20, 15, 13 и 3 рабочих). Как и в других случаях, немыслимым оказалось и тут даже приблизительно узнать, сколько человек занимается пряжей льна и выделкой полотен; этот промысел и здесь в руках крестьян, работающих «зимой» [113]. В таком же состоянии полного распыления и кожевенное производство департамента [114].

Департамент Нижнего Рейна — земледельческий по преимуществу, и префект дает «приблизительные» указания лишь относительно числа мастерских, которые ему известны. Тут есть 26 оружейных мастерских, но из них только одна «значительная». Есть 120 чулочных мастерских (во всем департаменте), 36 шерстопрядилен и бумагопрядилен (цифра показана почему-то общая), 50 свечных «мануфактур», 120 красилен, есть 300 пивных заводов и т. п., но, по мнению префекта, в этом департаменте есть мало заведений, заслуживающих какого-либо внимания или поощрения со стороны правительства. Страсбург и Ландау являются главными пунктами, где сосредоточены эти мастерские в несколько большем количестве; в общем же все эти ремесленники разбросаны по департаменту [115].

Департамент Верхнего Рейна гораздо более промышленный, чем департамент Нижнего Рейна. Здесь развито кожевенное производство (особенно в Кольмаре и Мюльгаузене): кожевников-мастеров в департаменте числится 136, а рабочих у них — 256 человек; есть ленточное производство (две мануфактуры, одна в Гебвиллере — 150 рабочих, другая в Сен-Моране — 210 человек), обе работают на французский и германский рынки; есть 4 бумажные фабрики (26, 85, 20 и 350 рабочих), работающие на германский, итальянский и голландский рынки, и всего на $^1/_4$ на французский; очень развит часовой промысел (5500 человек занято им); есть 7 железоделательных мастерских с 1532 рабочими (360, 300, 400, 60, 34, 308 и 70 человек), а также 17 мелких (число рабочих не показано). Но больше всего развито бумагопрядильное дело и связанное с ним производство ситцев, а также шерстяное производство. Во-первых, есть 4 бумагопрядильни с машинами (filature du coton par mécaniques, как довольно неопределенно озаглавлена графа), на них работает в общем 257 человек и вырабатывается ежегодно

около 14 тысяч килограммов пряжи. Но несравненно больше дает ручная на старинных прялках выделываемая пряжа: ею заняты в деревнях департамента около 15 400 человек, преимущественно «женщин, детей и стариков», и они вырабатывают ежегодно 1 570 000 килограммов хлопчатобумажной пряжи. Дальнейшей обработкой этой пряжи и превращением ее в бумажную материю заняты 7 мануфактур (число рабочих приведено лишь для четырех из них: 392, 135, 48 и 44 человека). Ситцевых мануфактур — 37, и работает на них 22 920 человек (самая большая мануфактура Laurent-Weber'а в Мюльгаузене с 10 тысячами рабочих; там же показаны «три фабриканта», у которых в общем 2900 рабочих; есть в Вессерлинге одна мануфактура с 1120 рабочими, одна в Кольмаре — 650 человек, одна в Мюнстере — 600 человек, одна в Монбельяре — 510 человек, одна в Танне — 375 человек, одна в Массево — 271 человек, остальные не превышают 100—140 человек). Есть также 7 мануфактур и 32 мастерские хлопчатобумажных изделий (шапочных, чулочных и т. п.) с 811 рабочими в общей сложности.

Что касается шерстяного производства, то оно развито гораздо меньше: показано в Сен-Мари (в Кольмарском округе) 16 «фабрикантов» с 216 рабочими и в Мюльгаузене — 10 «больших фабрик» с 3500 рабочими в общей сложности. Но эти цифры уже относятся, собственно, к выделке сукон, а относительно *пряжи* шерсти, так же как относительно пряжи льна, тоже существующей в департаменте, документ наш говорит только: on ne peut l'évaluer [116].

9. Пьемонтские и заальпийские департаменты

Пьемонт, Парма, Пьяченца, впоследствии и Рим мало участвуют в промышленной жизни наполеоновской Империи. Выделка оливкового масла, следы и остатки некогда (во второй половине XVIII в.) процветавшей шелковой промышленности, кое-какая пряжа льна, шерсти (больше крестьянами для собственных потребностей) — вот, собственно, главное, что можно сказать о промышленности этих департаментов. Бумагопрядильная промышленность (в Генуе и Генуэзском округе) только начиналась; металлургия имела чисто местное и очень ограниченное значение. Большую, но чисто пассивную, так сказать, роль в истории французской промышленности при Наполеоне эти места играли потому, что, как увидим дальше при анализе судеб шелковой индустрии во Франции, французы жестоко эксплуатировали для нужд лионской шелковой промышленности все *шелководство* итальянских департаментов,

богатство которых составляли шелк-сырец, шелковый кокон. Но, повторяю, собственная промышленная деятельность этих департаментов была невелика.

Пьемонт занимался именно первоначальной обработкой и прядением шелка. Лион, например, этим *не* занимался почти вовсе, он был занят уже тканьем, окраской и вообще окончательным изготовлением шелковой материи. (Лион даже не значится *вовсе* в графе «filature et organsinage de la soie», помещенной в общей сводке статистики промышленности, где указаны также места производства). Но именно Лион скупал в огромных количествах этот первоначально обработанный шелк из итальянских департаментов. Наполеон под влиянием домогательств французских промышленников, желавший обеспечить именно Лиону дешевую пряжу, вредил Пьемонту, мешал его вывозной торговле. Турин и вообще департаменты, составлявшие прежний Пьемонт, вывозили не только шелк-сырец, но и шелковую пряжу. Но под прямым воздействием Лионской торговой палаты был предпринят правительством тарифный поход против этой отрасли пьемонтской промышленности. Уже постановлением 18 плювиоза XI года (7 февраля 1803 г.) на пряжу, вывозимую за границу из пьемонтских (присоединенных к Франции) департаментов, была наложена тяжелая пошлина (в 3 франка на килограмм). Но это показалось недостаточным, и 8 флореаля (28 апреля 1803 г.) через Законодательный корпус прошел закон, удваивавший эту пошлину и доводивший ее до 6 франков. Туринская торговая палата жаловалась министру внутренних дел, указывая на неминуемое разорение этой отрасли промышленности [117]; она обращалась (спустя год) и к самому императору, умоляя уменьшить эту пошлину хотя бы до прежних размеров [118]. Только декретом от 23 июля 1805 г. («4 thermidor, an 13») их просьба была частично удовлетворена. И когда по ходатайствам и проискам Лиона Наполеон 10 октября 1810 г. опять наложил запретительные вывозные пошлины на этот товар, и Пьемонт оказался *вынужденным* направлять его во Францию и *только* во Францию, то лионцы, хорошо сознавая свое монопольное положение, понизили цены до последней степени. Пьемонтское купечество и промышленный класс оказались поистине в отчаянном положении [119].

Департамент Сезии — *«самый промышленный из тех, которые составляют прежний Пьемонт»*. Но промышленная деятельность эта замечается именно в гористых, скудных, неудобных для земледелия частях территории. Население занимается пряжей и тканьем шерстяных и полотняных материй (число лиц, занятых этими двумя промыслами, показано общее: «пять тысяч человек») [120]. Есть в департаменте и кое-какие железоделательные мастерские, но в общем, конечно, этот департа-

мент не имеет значения в смысле промышленного производства.

«Отеческое попечение», о котором умоляли Наполеона промышленники, мало сказывалось относительно Пьемонта. Бывало, правда, и так: Наполеон, проезжая по Пьемонту (в 1805 г.), вспомнил, что в округе Biello закрылась за недостатком дел одна мануфактура. Так как, по мнению императора, этот кантон всегда отличался хорошим образом мыслей, то Наполеон объявил, что он хочет «что-нибудь сделать» для восстановления мануфактуры[121]. Пошла переписка между властями, оказалось, что в этом округе, да и во всем департаменте и, еще точнее, во всем Пьемонте вообще вся промышленность находится в полном упадке, что хорошо бы дать местным еще уцелевшим предприятиям заказы для военного ведомства, хорошо бы еще кое-какие меры предпринять, но, как увидим в другом месте этой работы, ровно ничего из всего этого не вышло: всюду, где интересы старых департаментов хоть отчасти могли быть затронуты, интересы Пьемонта должны были остаться в пренебрежении.

Шерстяное производство оказывается уже в 1803 г. вконец разоренным. До французов там было 20 суконных фабрик с 342 станками, на которых работало 6 тысяч человек. В 1803 г. осталось всего 8 фабрик с 50 станками, остальные бездействуют. Да и эти восемь накануне закрытия, ибо их владельцы не сводят концов с концами. До французского завоевания пьемонтские суконщики получали шерсть беспошлинно из Романьи, из Северной Африки. Теперь эта привозная шерсть обложена пошлиной. Прежде эта шерсть им отпускалась в кредит, теперь вследствие разных превратностей этот кредит Пьемонта за границей подорван. Прежде они были избавлены от иностранной (читай: французской) конкуренции, теперь эта конкуренция налицо. Прежнее (пьемонтское) правительство давало суконщикам заказы для армии; теперь они этих заказов не получают (ибо Наполеон приказывал давать заказы французским мануфактурам). Они горько жалуются на свои бедствия и умоляют первого консула помочь, пожалеть эти «тысячи рабочих», живущих в горах, где земля кормит человека лишь $1/4$ года» (ибо и тут, конечно, деревенская индустрия представлена больше всего)[122].

Когда (в 1806 г.) префект департамента Сезии передал министру внутренних дел просьбу местных промышленников, чтобы было наложено запрещение на ввоз в Империю заграничных серпов, чтобы таким образом избавить от конкуренции пьемонтские серпы, то ему было отвечено отказом на том основании, что Империя *не может* обойтись без ввоза этих земледельческих орудий из-за границы, ибо производство их

слишком незначительно, а потребление колоссально, да и качества имперских произведений невысоки [123].

В 1806 г. в Генуе было 700 станков, занятых бархатными изделиями, 400 — шелковыми, 16 шерстяных фабрик, 70 ничтожных бумагопрядилен, на которые работала деревня всей округи, до Рекко [124].

Другие пьемонтские департаменты имеют еще меньше значения в сфере промышленной деятельности.

В департаменте Монтенотте господствующий промысел — шелковое производство, сосредоточенное в Акви (60 мастерских с 2 тысячами рабочих в общей сложности) и рассчитанное на сбыт во Франции, в Испании (Кадикс) и Португалии (Лиссабон). Кроме того, выделка глиняных, фарфоровых и фаянсовых изделий (60 мастерских и 1500 рабочих — в Савоне), а также изготовление оливкового масла (130 мастерских и 900 рабочих), рассчитанное как на французский и итальянский, так и на североевропейский рынок; остальные промыслы незначительны. «До 1789 года» промышленность здесь была гораздо более развита, точнее, может быть, было бы сказать — до французского завоевания [125].

Департамент Стура производит около 840 тысяч килограммов шелкового кокона в год, но шелковая *промышленность* там невелика: шелковых материй департамент производит в среднем на 1 589 000 франков в год, и числится в нем рабочих, занятых шелковой индустрией, 4690 человек. Была (в Mondovi) прежде и суконная промышленность, работало 200 станков; теперь (в 1806 г.) осталось из них всего 50; в Савильяно выделкой сукон занято 430 рабочих [126]. Но главным богатством департамента является именно сбываемый на французские и итальянские шелковые мануфактуры сырец.

В департаменте Liamone крестьяне прядут лен, прядут шерсть, но больше для своих же потребностей. Главный промысел департамента — овцеводство [127].

Департамент По вывозит шелковые коконы, разводит овец, и это — главный источник доходов. Мануфактурная промышленность (шелковое, шерстяное, отчасти полотняное производство) влачит довольно убогое существование [128].

Парма и Пьяченца занимаются разведением шелковичных червей и вывозом шелка-сырца. Собственная их шелковая промышленность ничтожна [129], так же как и вообще вся обрабатывающая промышленность.

По исчислениям Дюбуа, долго управлявшего отделом земледелия, торговли и промышленности в министерстве внутренних дел при Директории, Франция покупала у Пьемонта (до его присоединения) товара на 25 миллионов франков, причем шелка-сырца из этой суммы на 18 миллионов, оливкового мас-

ла — на 2 миллиона, скота — на 1 миллион, хлеба и риса — на 2 миллиона и других товаров — на 2 миллиона франков. А французский ввоз в Пьемонт был равен 19 миллионам [130].

Теперь, при Наполеоне, когда Пьемонт сделался достоянием Франции, французские промышленники стали монопольными покупателями пьемонтского шелка, как и шелка заальпийских департаментов (*вошедших в состав Империи;* о королевстве *Италии* речь идет в особой главе); эта торговля всецело клонилась к выгоде «старой Франции». До присоединения Пьемонта и заальпийских департаментов Франция должна была ежегодно покупать за границей на 25 миллионов франков, теперь она покупает лишь на 10 миллионов в год; в 1812 г. считалось, что Франция производит коконов на 30 миллионов в год и *половину* этого количества дают именно присоединенные итальянские департаменты [131].

Нечего много распространяться о том, что эти присоединенные департаменты не смели вывозить сырец за границу, пока Лион и вообще французская промышленность не находили это нужным, т. е. никогда; правительство зорко следило за тем, чтобы обеспечить Лиону, Ниму, Туру, Сент-Этьену дешевый шелк. В главе о *королевстве* Италии мы увидим, что и это якобы *не присоединенное к Империи* королевство испытывало то же давление, как только речь заходила о свободном вывозе шелка.

10. Департамент Лемана

Главная индустрия департамента Лемана — часы и ювелирное дело и отчасти ситцевое производство. Вся промышленность департамента тяготеет к Женеве [132]. Уже к декабрю 1807 г. замечается большое и все прогрессирующее падение часовой индустрии; рабочие покидают свое ремесло. Причина упадка — конкуренция княжества Невшательского, где нет таких тяжелых налогов и пошлин на нужное сырье (вроде стали, латуни и т. д.) и где жизнь для рабочего дешевле [133].

Еще в начале 1806 г. в департаменте Лемана существовали три большие и старинные ситцевые мануфактуры и четвертая помоложе и поменьше. Все четыре находились в Женеве и в ее предместье. Одна была основана еще в 1700 г., другая — в 1740, третья — в 1760, четвертая — в 1791 г. В одной было 420, в другой — 350, в третьей — 70, в четвертой — 40 человек, и работали они, все четыре, на Францию, только одна (самая большая) работала также и на Швейцарию, и на Италию, и — до войны — на Левант [134]. Ежегодное производство их было равно 45 тысячам штук ситцевой материи.

Центральное, подавляющее, первенствующее положение в промышленной жизни Женевы и всего Леманского департамента занимали две отрасли производства: 1) часовое мастерство и 2) ювелирное дело. Оба промысла до французского завоевания давали работу: в Женеве — 5 тысячам рабочих, в окружности (Cluses, Carouge, Gex, Versoix) — еще 3 тысячам человек. Но «почти полное прекращение большой продажи, которая прежде происходила в Германии, Польше, России, Италии и Испании, трудность морских сообщений, соперничество невшательских фабрик» разорили Женеву, так что (в конце 1811 г.) ее производство пало на $^{9}/_{10}$ сравнительно с тем, как оно стояло еще в 1803 г. «Это не значит, что осталась $^{1}/_{10}$ часть рабочих, ссталось около $^{1}/_{3}$ (прежнего количества — *Е. Т.*), но эта $^{1}/_{3}$ делает работу, которой хватило бы на $^{1}/_{10}$ (прежнего количества — *Е. Т.*)»[135]. Часть рабочих отдалась иным промыслам, другие эмигрировали. В 1806 г. этот упадок уже сильно давал себя чувствовать.

Такова общая картина промышленной жизни Империи в самом конце 1806 и начале 1807 г., когда блокада только что была провозглашена и еще не успела оказать своего действия. Мы видим, что уже сказались отчасти благоприятные последствия для хлопчатобумажной промышленности от указа от 22 февраля 1806 г.; что из всех отраслей текстильного производства суконная промышленность и вообще выделка шерстяных материй является самой развитой; что шелковая промышленность сосредоточена в определенных пунктах: Лионе, Ниме, Туре и Сент-Этьене, и что в других местах она — лишь в зачаточном состоянии; что металлургия развита чрезвычайно слабо; что самыми промышленными районами наполеоновской Империи являются северный и центральный, а также бельгийские департаменты и левобережные германские; что пьемонтские и другие итальянские департаменты играют роль в промышленной жизни Империи больше как поставщики сырья, нежели как самостоятельные производители. Вот главные выводы, которые можно сделать на основании приведенных показаний.

Глава VIII

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ. ЭПОХА ОТ БЕРЛИНСКОГО ДЕКРЕТА 1806 г. ДО ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО КРИЗИСА 1811 г.

1. Берлинский декрет. Распространение его действия на континент. Торговые пути в Империи. Миланские декреты 1807 г. Трианонский тариф 1810 г. 2. Осуществление декретов. Таможни. 3. Контрабанда 1807—1812 гг.

[1. Берлинский декрет]

Как известно, в 1805 г. Наполеон окончательно отказался от надежды нанести Англии решительный удар военными силами, которыми он располагал. Впоследствии он склонен был даже отрицать, будто в самом деле собирал Булонский лагерь для переправы армии через Ламанш. Так или иначе, но после битвы при Трафальгаре сделалось вполне очевидно, что нанести Англии сколько-нибудь чувствительную рану в морском бою уже ни в каком случае не удастся, даже если бы была возможность, прекратив все расходы на армию, быстро отстроить хоть сколько-нибудь значительный флот. Но не только нельзя было думать о сокращении армии после Пресбургского мира, а напротив, нужно было ждать продолжения борьбы с уцелевшими континентальными державами, и борьба была такова, что, как прекрасно выяснил Сорель, ни один мир не являлся окончательным. Таковы были обстоятельства, при которых нужно было продолжать войну с Англией. На Англию Наполеон смотрел, как на главного, смертельного врага Империи; все другие войны, которые он вел, являлись в его глазах эпизодами, осложнениями, производными явлениями сравнительно с этой войной не на жизнь, а на смерть. Англию он считал не только политическим, но и экономическим врагом и соперником, и, как мы видели из предшествующего изложения, даже в кратковременную годину Амьенского мира он, прерывая войну политическую, все-таки не желал прекратить войну таможенную.

И средство, которое ему, как он полагал, оставалось пустить в ход после Трафальгара, не только подсказывалось ему историей, не только было ясно выражено, как мы видели, в декрете

10 брюмера V года (1796 г.), но вполне логически совпадало с теми крайними выводами, которые он мог сделать из своих протекционистских убеждений. Что он был склонен делать эти крайние выводы, это мы тоже видели уже из истории декрета от 22 февраля 1806 г. Значит, оставалось: 1) *распространить* безусловное воспрещение ввоза, провозглашенное декретом от 22 февраля относительно бумажных материй и пряжи, на *все* товары вообще; 2) с другой стороны, запрещение, которое, по букве и смыслу декрета от 22 февраля, относилось к ввозу из всех стран Европы, *ограничить* лишь одной Англией (отнюдь не изменяя ничего в самом декрете от 22 февраля, который относительно бумажных материй и пряжи должен был остаться в полной силе). Итак, таможенное законодательство Империи должно было отныне заключать два акта: a) безусловное воспрещение ввоза *откуда бы то ни было* бумажных материй и пряжи и b) безусловное воспрещение ввоза каких бы то ни было товаров *из Англии*.

Но тут сам собой ставится вопрос, который мог быть поставлен не предшественниками Наполеона, а *только* самим Наполеоном. Ведь и без всяких новых торжественных актов, уже в силу войны, на ввозе английских товаров лежал запрет. Зачем же было прибегать к новым мерам?

Но в том-то и дело, что, кроме мысли, легшей в основание декрета 10 брюмера (1796 г.), кроме руководящей протекционистской тенденции самого Наполеона, получившей такое яркое выражение в декрете от 22 февраля 1806 г., французским императором к концу 1806 г. стала овладевать идея, которая *теперь* начала ему казаться осуществимой. Разгром Пруссии, уничтожение прусской армии — вот что легло между февралем и ноябрем 1806 г., между декретом парижским и декретом берлинским. Англию можно разорить и привести к повиновению, подорвав ее торговлю; но подорвать ее торговлю возможно, лишая ее не французского, а *европейского* рынка сбыта. Военными мерами или дипломатическим давлением, прямым насилием или угрозой насилия, но нужно заставить Европу отказаться от торговли с англичанами. Возможно ли? После Иены и Ауэрштедта, после уничтожения в десять часов «армии Фридриха Великого» Наполеону уже многое стало казаться возможным.

Такие факты, как полное изгнание английских фабрикатов из Франции, как постоянное давление, испытываемое отдельными державами со стороны Наполеона, который требовал от них таможенной войны против англичан,— все это еще *до* ноябрьского указа и понималось как система и *называлось* системой. Победить Англию открытой морской войной *пока* трудно; нужно прибегнуть к другому, к *системе* изгнания английской торговли с континента [1].

Такова была основная цель, которую поставил себе Наполеон, с борьбой за достижение которой он связал свою судьбу и судьбы своей Империи.

Меттерних высказал однажды о природе наполеоновского властолюбия очень глубокую мысль: Наполеон, стремясь к владычеству над Европой, имел в виду, *понимал* это владычество не столько как непосредственное господство, *обладание* такими-то и такими-то землями, сколько как «центральную супрематию», возможность давать верховное и безапелляционное направление политике всех европейских держав [2]. И континентальная блокада была именно такой генеральной пробой его силы: Швеция и Турция, Пруссия и Австрия, Испания и Россия, Италия и Дания — великие и малые державы должны были одновременно подчиняться его воле [3].

21 ноября 1806 г. в Берлине был подписан Наполеоном декрет о «блокаде британских островов». Всякая торговля и всякие сношения с Англией были воспрещены (в частности, даже письма, адресованные «в Англию или англичанину, или написанные на английском языке», отныне не должны были пересылаться на императорских почтах). Всякий англичанин, который будет найден во владениях Наполеона или его союзников, или в землях, занятых императорскими войсками, объявляется военнопленным. Всякий товар, принадлежащий английскому подданному, конфискуется. Ни одно судно, идущее из Англии или английских колоний, или даже побывавшее там по пути, не допускается ни в один порт под страхом конфискации (как судна, так и груза) [4].

Тогда же, 21 ноября 1806 г., Наполеон подписал послание к сенату, в котором заявлял, что Англию считает в состоянии блокады. Он соглашается, что мера эта напоминает «варварство первых веков», но утверждает, что его поведение — лишь заслуженный Англией, вынужденный ею ответ; эта мера будто бы стоила его сердцу борьбы, ибо ссора государей в данном случае затрагивает интересы частных лиц [5] и т. д. Он сознавался вместе с тем, что этот декрет о блокаде делает невозможным немедленное замирение Европы; он сознавал огромную важность того шага, который предпринимал [6].

На острове Св. Елены Наполеон высказывался о континентальной блокаде «в ее обширности и суровости» как о мере военной, вызванной обстоятельствами. Он понимал, что внешняя торговля подкашивалась в корне блокадой, но это вызывалось «силой вещей». Как только наступил бы мир, все поправилось бы и в этой области [7].

Но теперь, в 1806 и в следующие годы, Наполеон о мире еще не думал. Он отчетливо понимал одно: что его приказ жестоко нарушает интересы и населения, и правительств зависимых от

него стран и что без вечного надзора и вечной угрозы блокада исполняться не будет. И во все стороны полетели из императорской главной квартиры распоряжения о немедленном приведении его приказа в действие.

В самый день, когда был подписан декрет о континентальной блокаде, Наполеон приказал Талейрану разослать его с экстренным курьером в Гамбург, Голландию, Мадрид, Тоскану, Неаполь для немедленного приведения в действие во всех этих странах [8]. 2 декабря 1806 г. Наполеон особенно приказывал маршалу Мортье бдительно следить, чтобы ни в Альтону, ни в Гамбург, ни на Везер, ни на Эльбу, ни через Травемюнде не проникали английские товары, и одновременно велел приставить в Гамбурге, Бремене и Любеке особых чиновников для захвата корреспонденции (почтовой), идущей в Англию или из Англии [9].

В декабре 1806 г. и в начале 1807 г. блокада была распространена на все подвластные Наполеону, или косвенно зависимые от него, или даже просто «дружественные» (т. е. боявшиеся его) страны. Но Эйлау, потом Фридланд и Тильзит слишком поглощали все внимание Наполеона, и лишь со второй половины 1807 г. он принимается за личное руководительство всем делом. Он проявляет большое нетерпение и раздражительность, чувствуя, по-видимому, что даже вернейшие его слуги не вполне одобряют и понимают его, хоть и не смеют, конечно, высказываться. Из их позднейших показаний мы видим, что и в самом деле это было так.

Министр финансов Наполеона, Молльен (в своих восторженных записках), замечает по поводу континентальной блокады, что Наполеон захотел лишить Англию «огня и воды» и что это было немыслимо, ибо «нельзя было управлять европейским континентом, как крепостью» [10]. И он прибавляет, что в этом случае Наполеон воевал, «как в древние времена», а Англия боролась против него, воюя «как в новые времена» [11], т. е. пользуясь экономической силой, которая была на ее стороне, пользуясь тождественностью своих интересов с интересами континентального потребителя.

То генералы, то наместники, то короли оказываются виновными в слабости, потворствах, снисхождении к нарушению блокады. Генерал Дежан выдал было паспорт одному англичанину для выезда в Англию через Амстердам. Наполеон в гневе: «Я могу вам изъявить только свое крайнее неудовольствие,— по какому праву вы открываете Амстердамскую дверь англичанам?» [12]. 26 сентября 1807 г. Наполеон распорядился продать (и выручку обратить в пользу армии) все английские товары, конфискованные в Анконе [13]. Спустя три дня, он делает выговор вице-королю Италии за то, что английские товары все-

таки проникают в Милан, в Ливорно. Он требует одновременной и всеобщей по Италии конфискации английских товаров и говорит, что, «по-видимому, таможни в Италии плохо поставлены». Война без послаблений, без устали, война против английских товаров — вот что может повести к миру [14].

31 октября 1807 г. Наполеон отдает новый раздраженный приказ Шампаньи написать французским послам в Гамбурге, Дании, Голландии, Испании и Этрурии, что им, Наполеоном, «*возобновлены суровые распоряжения закрыть всякие сообщения* с Англией, чтобы помешать ей распространять свой яд на континент» [15], и внушить им, чтобы они «сильно настаивали» в этом смысле перед подлежащими правительствами.

13 ноября 1807 г.— приказ высылать навстречу судам, приходящим в Антверпен и Бордо, таможенные команды, делать внезапные обыски на судах, арестовывать бумаги капитана и людей экипажа и допрашивать их. До императора дошли слухи, что в эти порты ввозятся английские товары, а не американские [16].

13 ноября он гневается на Евгения Богарне за то, что из Швейцарии проникает в Италию английская контрабанда. Нужны конфискации и конфискации и усиление таможенных строгостей [17].

Английское правительство решило отомстить за полученный удар. В Англии уже давно намечались меры борьбы.

Еще в 1805 г. появился боевой памфлет «War in disguise or the frauds of the neutral flags», выдержавший в 1805—1806 гг. *четыре* издания [18]. Его автор (Stephen) доказывал, что Англия имеет и право, и обязанность бороться против злоупотреблений нейтральным флагом, дающих Франции возможность не прерывать сношений со своими колониями; что лучше пусть все нейтральные державы присоединятся к Наполеону и объявят войну Англии, нежели терпеть дальше их свободные торговые сношения с французами [19]. Эта угроза была направлена прежде всего против Америки, и на нее ответил в феврале 1806 г. Morris («An ansver to War in disguise; or remarks upon the new doctrine of England». Экземпляр Британского музея N 8176, a. a. a. 2.),— эта полемика послужила как бы введением к событиям 1807 г.

7 января 1807 г. британский кабинет ответил на блокаду «королевским приказом» (the order in council), воспрещавшим «торговлю из одного порта в другой», если в эти порты не допущен английский флаг.

11 ноября 1807 г. в Лондоне были подписаны новые *orders in council* (числом три), уже решительно воспрещавшие какой бы то ни было нейтральной нации торговать со странами, «враждебными его величеству» (английскому королю), под страхом конфискации корабля и груза; условие, которое ставилось для

беспрепятственного плавания, заключалось в том, что каждое нейтральное судно обязано было зайти в какой-либо английский порт и там уплатить налоги и пошлины, установленные английским правительством.

Смысл английских мероприятий 1807 г. заключался в желании ответить на блокаду полным уничтожением какой бы то ни было, даже замаскированной, морской экспортной торговли французской Империи. Возмездие, «the retaliation» — вот слово, которое прокатилось по всей Англии, когда orders in council 1807 г. были изданы. Наполеон заявляет, что впредь не будет торговли с Англией; мы заявляем в ответ, что не будет торговли с нашим врагом,— так характеризовал эти приказы руководящий английский журнал спустя пять лет, в 1812 г.[20].

Нужно сказать, что эти orders in council были изложены так запутанно, с такими оговорками, повторениями, вводными замечаниями и пр., что их даже англичане, близко заинтересованные, отказывались понять. Об этих актах парламентская оппозиция выражалась так: без юридической консультации, за которую нужно заплатить две гинеи, их ни один человек понять не в состоянии, а получивший эту консультацию может за другие две гинеи получить другую консультацию, прямо противоположную по результату [21]. Во всяком случае, ясно было одно: всякий раз, когда англичане увидят на море неанглийский корабль, они могут на основании этих orders in council арестовать его, отвести в английский порт, потребовать пошлину за находящиеся на нем товары и отпустить, а могут и задержать в некоторых случаях; наконец, могут конфисковать вовсе товары, если будет доказано, что корабль идет во Францию. Что *практика* этих *orders* будет именно такая, это было понято тотчас же главными заинтересованными: Америкой — с одной стороны, Наполеоном — с другой стороны.

Наполеон был в высшей степени раздражен английскими мероприятиями и тотчас же решил мстить.

23 ноября и 17 декабря 1807 г. в Милане были подписаны Наполеоном декреты, которые должны были служить прямым ответом на распоряжение английского правительства об обыске нейтральных судов английскими военными кораблями и об обязательном их заходе в английский порт. Миланские декреты приравнивали к английским судам (и следовательно, не допускали ни в какой французский порт или порт союзной державы) всякий корабль, который подчинится этому английскому распоряжению. Блокада распространялась не только на товары или суда, принадлежащие англичанам, но и на товары *английского происхождения*, кому бы они ни принадлежали в момент задержания данного груза [22].

Эти меры декрет объявлял справедливым ответом «на варварскую систему, усвоенную английским правительством».

Согласно этим декретам все суда, *по какой бы то ни было причине* побывавшие в Англии, конфискуются вместе с грузом. Капитан всякого судна, приходящего во Францию, допрашивается в бюро таможни о том, откуда он пришел и куда заходил по дороге, причем он представляет соответствующие документы. Затем *отдельно* допрашиваются все матросы, и если окажется, что капитан солгал (и что судно заходило в английский порт), то, кроме конфискации судна и товара, капитан подвергается штрафу в 6 тысяч франков, платит по 500 франков за каждого солгавшего матроса и, кроме того, подвергается уголовному преследованию за подделку корабельных документов. Если вообще начальство таможни почему-либо сомневается в происхождении товара, оно временно арестует груз, пока не будет дознано, что товар не происходит из Англии или ее колоний. Французские комиссары, находящиеся в портах, где совершается погрузка судна, идущего во Францию, «не должны довольствоваться удостоверением, что товары — не английского происхождения», но должны еще дать удостоверение относительно того, откуда именно происходят эти товары, какой корабль их перевез в то место, где они грузятся, и т. д., и дубликат такого удостоверения они пересылают главному директору французских таможен [23].

17 декабря 1807 г. Наполеон отослал миланские декреты Крете с особым письмом, в котором чувствуется желание свалить исключительно на Англию всю вину в разорении, грозящем отныне французской промышленности. *До* опубликования декрета он приказывал разослать текст его всем торговым палатам и пояснить им особым циркуляром, что на новые меры Англии против нейтральных судов нужно было чем-нибудь ответить. Что, может быть, торговля будет теперь окончательно подорвана и притом на неопределенное время,— это, судя по письму, Наполеон предполагал весьма правдоподобным [24].

Марсельская торговая палата отнеслась с живейшим негодованием к распоряжению английского правительства от 11 ноября 1807 г. (о нейтральных судах), выразила готовность идти на всякие жертвы, чтобы помочь императору в борьбе против английского «пиратства» (piraterie), но ни слова не сказала о миланском декрете императора, хотя на экстренное заседание она была созвана именно для выслушания этого декрета [25]. Другие палаты ограничились казенными славословиями.

В эпоху Ста дней, замечу к слову, когда Шапталь предложил возобновить полностью миланский декрет, убивающий торговлю с нейтральными морскими нациями (и прежде всего с Америкой), Наполеон решительно с этим не согласился,

чтобы не ставить торговлю в отчаянное положение. На этот раз он нашел сдерживающие, призывающие к умеренности слова, которые были ему чужды в его первое царствование, когда речь заходила о блокаде [26]. Миланский декрет в эпоху Ста дней восстановлен не был.

14 февраля 1808 г. Наполеон в заседании совета по внутренним делам наметил ряд вопросов, которые считал необходимым выяснить и разрешить так, чтобы французская торговля потерпела возможно меньше вреда от континентальной блокады. Император находил, что нужно разрешить каботажное плавание от одного порта Империи к другому только французским судам, но запретить его судам «союзных наций»; последним разрешается лишь каботаж от французского порта к иностранному. *Союзными* флагами при этом Наполеон объявил флаги: датский, русский, испанский, итальянский, неаполитанский и турецкий; *нейтральными* — австрийский и американский. Вместе с тем Наполеон склонен был «позволить» французским судам также и дальнее плавание; нечего и говорить, насколько такое позволение имело лишь платоническое значение [27].

Во французском министерстве иностранных дел отдавали себе отчет, что все дело в том order in the council от 11 ноября 1807 г., который вызвал ответный миланский декрет; что английский order и миланский декрет уничтожали морскую торговлю нейтральных наций и дали Англии решительную монополию; что континентальная блокада непременно должна была бы комбинироваться с активной конкуренцией других наций, направленной против Англии [28]. Глаза министерству, по-видимому, открыли те горячие споры, которые велись в Лондонском Сити в апреле 1809 г., когда возник было вопрос об отмене постановления от 11 ноября 1807 г. Но как же защитить «нейтральные суда»? Что делать на море, когда английский флот сильнее соединенного флота всего континента?

Коллен де Сюсси, главный директор таможен, не переставал повторять при всяком удобном случае, что континентальная блокада не достигнет результатов, если Наполеон признáет права нейтрального флага [29].

Почему из этого плана не только ничего не вышло, но и не могло ничего выйти, читатель наполеоновской переписки узнает из другого письма императора. Вопрос идет о том, что французские таможни могут заподозрить французское же судно, идущее из колоний, в том, что оно идет из Англии. Как быть? Наполеон заявляет министру внутренних дел, что это невозможно: во-первых, будут пассажиры из колоний, во-вторых, «большое количество писем» из колоний в метрополию, в-третьих, бумаги, подписанные префектом колонии. Но вот, если это французское судно по дороге во Францию испытывает ви-

зитацию со стороны англичан, тогда конец: это *денационализирует* корабль, и «с подобным пятном» он лишается права войти во французскую гавань [30]. Значит, ничто не может спасти такой корабль, даже ложь перед англичанами (ибо, конечно, этот корабль, чтобы при встрече с англичанами не быть взятым в плен, должен все равно скрыть свою национальность). Итак, все сводилось не только к тому, чтобы избавиться от английского плена, но и к тому, чтобы с ними не встретиться, а это было слишком мудрено.

Все призывы к сохранению «достоинства», к отпору «притеснителям» и т. д. были для континентальных держав пустым звуком, и наполеоновское правительство хорошо понимало это: «деспотизм» английского флага не мог заставить забыть о выгодах английского рынка [31].

Наполеон отчетливо сознавал, что если хоть где-нибудь будет оставлена лазейка для английской торговли, то весь план обращается в разорительную процедуру только для Франции и для всех держав, повинующихся воле императора. Вот почему он так разгневался на начальника оккупационной армии (в Португалии) Жюно, когда императору показалось, что Жюно недостаточно бдителен в исполнении правил блокады. «Этим вы делаете завоевание Португалии бесполезным, я только для этого ее и завоевал» [32].

Всякая морская торговля есть скрытая английская торговля. Вот, в Швеции в 1809 г. произошли перемены, воцарился король, к которому Наполеон, как он сам пишет, настроен вполне дружелюбно. Фактически война с Швецией кончена, юридически скоро окончится. Наполеон хочет быть любезным относительно Швеции, и все-таки приказывает по-прежнему считать торговлю со Швецией под запретом, ибо под видом шведов будут торговать англичане [33].

29 марта 1808 г. император приказывает бдительно следить за английскими махинациями: англичане нагружают американские суда своими товарами, и эти суда идут в Голландию, прикрывая своим флагом английскую контрабанду [34].

Неясно, робко, прикрываясь бранью против Англии, торгово-промышленный мир сейчас же после континентальной блокады пытался все-таки обратить внимание императора на возможные тяжкие последствия этой меры, «необходимой, но ужасной» [35].

На декрет от 17 декабря 1807 г. вслед за уже помянутой Марсельской палатой отозвались все главные торговые палаты Империи (Лионская, Туринская, Кельнская, Каркассонская, Парижская, Сен-Мало, Ниццская, Генуэзская, Бордоская, Нимская, Монпелье и Тулузская). Все эти отзывы, проникнутые официальной лестью, были представлены Наполеону

20 января 1808 г. министром внутренних дел Крете. Впрочем, император мог бы между строк разглядеть тревогу и страх коммерческого мира. «Ожидая дня мести (англичанам — *Е. Т.*), французский народ сумеет перенести с благородной гордостью лишения, которые обстоятельства сделают неизбежными. Торговля, которая более непосредственно чувствует удары, даст нации пример терпения и мужества»,— писала Ниццская палата. Бордоская палата надеется, что такое положение «не может долго длиться» и что правительство «имеет средство смягчить суровость» меры, именно — дозволить нейтральным судам приходить во Францию. Палата Нима тоже говорит о «жертвах и лишениях» и надеется на *будущий* расцвет торговли. Тулузская палата надеется на очень скорую победу над англичанами («encore quelques moments et nous verrons ces fiers insulaires déposer le sceptre de fer» и т. д.), но пока признает, что Франция отныне ограничена средствами своей почвы и своей промышленности. Парижская палата очень сдержанно толкует о грядущем вздорожании предметов потребления. Генуэзская палата находит, что потребитель пострадает меньше, чем мануфактуры, и что Генуя пострадает особенно тяжело [36].

Были голоса, указывавшие, что континентальная блокада вреднее для Франции, чем для Англии, что она создает безвыходное положение, что английское правительство могло убедить свой народ в выгодности для него этой войны, но что французское скоро будет с трудом даже собирать налоги, и для французов эта перспектива бесконечной войны мучительна [37]. Эти речи еще доносились до министерства внутренних дел, но в Тюильри уже не попадали или являлись там в соответственной придворной переделке.

В одной докладной записке, поданной в октябре 1809 г. в министерство иностранных дел, констатируются самые безотрадные для Франции результаты континентальной блокады и настойчиво указывается на сильное вздорожание товаров, особенно текстильных, и на то, что «бесспорно» Англия производит и продает свои фабрикаты по более дешевой цене. И тут тоже не континентальная блокада в первоначальной своей стадии, не блокада времен берлинского декрета 1806 г., а блокада времен миланского декрета 1807 г.; имеется главным образом в виду не запрещение торговли с Англией, а уничтожение морской торговли нейтральных наций совокупными усилиями английского королевского совета и Наполеона I [38].

Главный торговый совет отказывался верить, что континентальная блокада соблюдается где бы то ни было, кроме Франции, и этому приписывал (в 1810 г.) «видимое процветание» других стран и разорение своего отечества [39].

Весной 1810 г. сменен был в Дании с министерского поста

граф Бернсторф, и лорду Уэлсли доносили, что причина отставки — давление со стороны Наполеона, сердившегося «за недостаток энергии» в осуществлении «того, что называют континентальной системой» [40]. Это не значит, что король и общество в Дании не понимали, как гибельна блокада для страны. Но — primum vivere, этот решающий аргумент *единственно* руководил датской политикой в грозные годы, о которых идет речь.

Декретом от 8 февраля 1810 г. были *удвоены* пошлины на колониальные товары. Это распоряжение было поистине убийственно для еще влачившей кое-как свое существование торговли с Левантом, подрывало также ввоз столь нужного Франции хлопка из Неаполитанского королевства и из Испании. И все это было сделано из желания прекратить обман со стороны англичан (l'abus d'une substitution d'articles analogues provenant du commerce anglais). Тщетно министр внутренних дел под влиянием жалоб Марсельской и Амьенской торговых палат доказывал Наполеону, что испанский и итальянский привоз идет по суше, а не по морю [41]. Император, затребовавший отзыв от министра финансов, остался непреклонен. По мнению министра финансов, французская торговля и промышленность могли выдержать возложенное на них бремя.

Но это было лишь началом. Дело довершено было трианонским тарифом. 5 августа 1810 г. был в Трианоне подписан Наполеоном новый тариф, в неслыханной степени повышавший пошлины на все колониальные товары (этот тариф был дополнен 12 сентября того же года). Согласно трианонскому тарифу квинтал сахара был обложен 300 франками, кофе — 400 франками, левантийский хлопок, приходящий сухим путем,— 200 франками, привозимый морем — 400 франками, американский хлопок — 800 франками. И тотчас же началось неистовое гонение на колониальные товары; сплошь и рядом трианонскому тарифу придавали силу «закона с обратным действием» и, отбирая колониальные товары у владельцев, требовали взноса новых пошлин.

Именно трианонский тариф подчеркивал одну специфическую черту континентальной блокады, подчеркивал то, что свойственно было *только* наполеоновскому законодательству.

Ведь даже в разгаре войны осенью 1793 г. Национальный конвент, самым крутым образом проводивший запретительную таможенную политику, специальным декретом *разрешал* ввоз сырья, нужного для мануфактур, и не только, например, из Испании, но даже из Англии [42]. Наполеон и берлинским декретом 1806 г., и трианонским 1810 г. вступал на другой путь: если промышленность во Франции будет страдать от недостатка сырья, тем хуже; но от Англии нельзя брать *ничего*. Таков был принцип, положенный в основу обоих декретов.

Гонения начались сейчас же после обнародования нового тарифа. 6 августа 1810 г. отправляется приказ вестфальскому королю арестовать все колониальные товары, которые будут перевозиться из Пруссии в его государство [43]. На другой день, 7 августа, приказ арестовать в Штеттине все колониальные товары, которые там находятся, «так как это — английские товары, прибывшие на американских судах», и уведомить об этом прусского посла, чтобы он наперед знал, что Наполеон «не потерпит английской контрабанды» [44].

29 августа 1810 г. Наполеон приказывает Шампаньи написать прусскому королю, саксонскому королю, дать знать в Россию, всем государям Рейнского союза о желании императора, чтобы всюду был введен новый тариф на колониальные товары. Ему хочется, чтобы Коленкур и Лессепс «просветили» на этот счет русское правительство; ему хочется, чтобы новый тариф был всюду введен в один и тот же день. Наконец, он требует, чтобы агенты сообщили, где именно «во Франкфурте и других торговых городах» находятся колониальные товары, чтобы знать, в каком месте их захватить. Он приказывает уже конфисковать все колониальные товары во всех городах Мекленбурга и на Одере [45]. В тот же день приказ герцогу Рагузскому конфисковать все колониальные товары на *всех* судах, какие придут в Триест, требование сведений о том, что в этом смысле делается в Венеции, Анконе, Триесте, Неаполе [46].

2 сентября император «с удовольствием» узнает, что в Мекленбурге захвачено 12 кораблей, нагруженных колониальными товарами. Он приказывает Даву переслать все в Кельн для распродажи. Но он недоволен Бурьеном, идут слухи о его подкупности, он требует от Даву сведений об Ольденбурге, Голштинии, Гамбурге, Померании; он приказывает Даву конфисковать все колониальные товары, все равно, на каких судах они ни придут: *американских, датских, шведских, русских и даже если они будут сопровождаться свидетельствами о происхождении*. Пусть Даву разошлет агентов, офицеров, кавалерийские разъезды на устья Эльбы и Везера, на Одер, к границам Голштинии, в Мекленбург, в Данциг. Взятки таможенных чиновников равносильны измене императору. Специальный офицер должен быть послан в Кенигсберг для наблюдения за тем, что там делается [47].

На этот раз Наполеон был уверен в том, что он нанес страшный удар своему смертельному врагу. Он пишет военному министру, что разоряющая Англию война удается ему [48]. Принцу Евгению Богарне он сообщает, что Англия доведена до крайности [49].

Гамбургские купцы, как доносили английскому правительству с Гельголанда, полагали, что в *одних только ганзейских*

городах трианонский тариф принесет Наполеону 30 миллионов франков. Но торговле гамбургской эта мера нанесла еще один довершающий удар [50].

Император явно рассчитывал непомерной дороговизной прямо *изгнать* с континента колониальные товары и прямо это высказывал [51].

Конечно, трианонский тариф еще более осложнил и без того сложную систему таможенного законодательства. При желании эта сложность давала много лазеек и предлогов к нарушению правил. Даже непосредственно подчиненные Наполеону государи Рейнского союза хитрили и далеко не в одинаковой степени точно соблюдали правила континентальной блокады. И это обстоятельство, так же как путаница и неясность в толковании декретов Наполеона, вызывали жалобы на то, что не существует единого полного закона о континентальной блокаде, а вместо него есть лишь: 1) берлинский декрет, 2) миланский декрет, 3) тарифы от 5 августа и 12 сентября 1810 г. и 4) циркуляры министра иностранных дел [52]. Но Наполеон так и не кодифицировал в единый свод эти декреты и циркуляры. Может быть, он даже и не желал особенно разработанными законоположениями стеснять исполнителей своей воли.

Вообще военные власти, особенно далеких частей Империи, туго разбирались в том, что можно и что воспрещено обывателям на основании континентальной блокады. «Можно ли держать у себя сахар для личного потребления?» — спрашивает в сентябре 1811 г. губернатор Иллирии генерал Бертран и сам же прибавляет, что если можно, то «это способно повлечь злоупотребления» [53]. Император был в общем того же мнения, что и Бертран: чем меньше сахару и кофе будет потребляться, тем лучше.

Наполеон имел даже совершенно верный барометр, который показывал ему, где блокада осуществляется всецело, без хитростей, а где ее предписания исполняются похуже: стоило обратить внимание на цены колониальных продуктов и прежде всего сахара. К концу 1812 г. сахар стоил в Неаполе и в Милане столько же, сколько в Париже,— 5 франков фунт. Наполеон сам понимает очень хорошо, что цена чудовищная (он ее называет un prix exorbitant), но вывод делает самый утешительный для себя: «*donc*, en France, en Italie, à Naples les lois sont exécutées». И при этом же угрожающе поясняет, *почему* в Италии и Неаполе его законы так усердно исполняются: «потому, что эти две страны... *знают*, что они были бы присоединены, если бы не исполняли законов Империи». А вот в странах Рейнского союза сахар дешевле. Почему? «Потому, что эти страны не под рукой его величества, и их государи хуже повинуются континентальной системе» [54]. В Лейпциге фунт

сахара (тогда же) стоил 2 франка 55 сантимов, во Франкфурте — 2 франка 50 сантимов. Причина была ясна Наполеону.

Был усилен надзор за Лейпцигом, но Лейпциг уже с 1810 г. вел себя осторожно. В 1810 г. (весной) лейпцигская ярмарка, сошедшая, вообще говоря, очень хорошо, испытала некоторую потерю лишь потому, что было привезено мало английских колониальных товаров и фабрикатов. Но значит ли это, что вообще их сбыт в Европе прекратился? Нисколько: просто их легче и безопаснее стало сбывать в Риге и Кенигсберге [55], подальше к северу, подальше от Наполеона. Впрочем, с точки зрения наполеоновского правительства, и в Лейпциге (*осенью* того же 1810 г.) английских товаров было не очень мало, а очень много [56].

Не находя уследимых прегрешений в Лейпциге, Наполеон обращается к северу, к самому слабому месту, к ахиллесовой пяте континентальной блокады. Удары сыплются за ударами. Присоединена Голландия, присоединены ганзейские города. 5 июля 1811 г. он приказывает Даву арестовать все колониальные товары, ввозимые «из Швеции, из Пруссии и откуда бы то ни было, так как они происходят из Англии». Он приказывает вообще затруднять сношения между побережьем Европы и Швецией, а одновременно пишет находящемуся вне его власти Бернадотту, что он будто бы доволен соблюдением блокады в Швеции, и убеждает наследного принца шведского, что для Швеции блокада только выгодна [57]. 19 января 1812 г. Наполеон приказал Даву, «как только он (Даву — *Е. Т.*) удостоверится в возможности захватить большое количество колониальных продуктов в шведской Померании,— завладеть этой провинцией» и конфисковать эти товары в Штральзунде и вообще всюду, где они найдутся [58]. Спустя девять дней новый приказ Даву: «герметически закрыть» все пути между континентом и Швецией, арестовать все суда, идущие с континента в Швецию или приходящие из Швеции, и император «с нетерпением» ждет отчета маршала о его действиях в шведской Померании (касательно конфискации колониальных продуктов) [59].

Как отразилось установление блокады на главных торговых путях Империи? (Я говорю о путях, которыми двигались товары, предназначенные для вывоза.)

До французского завоевания колоссальный торговый поток устремлялся из Голландии через Майнц и Кельн по Майну и Рейну в Швейцарию, германские страны, Австрию: кофе, чай, сахар, рис, всевозможные другие колониальные продукты: индиго, кошениль, хлопок и т. п.— вот были главные предметы, которые по морю доставлялись в Голландию и оттуда распространялись через Кельн и Майнц по Средней Европе. Для Голландии это было лишь одно течение, это был лишь один рукав

широкого торгового потока, рукав огромный, но не единственный. Для Кельна и Майнца *не* было другой торговли, столь выгодной, как этот золотоносный голландский транзит [60]. Разорение этой торговли началось еще в 1793 г. Наполеон завершил начатое, ибо континентальная блокада, губя Голландию, подкапывала в значительной мере благосостояние ее клиентов и комиссионеров, каковыми были Майнц и Кельн. Промышленная деятельность стала на левом берегу Рейна более выгодным и более безопасным делом, чем торговля.

Напротив, в Страсбурге, который в этом отношении стал на место Кельна и Майнца, торговля процветала, несмотря на упадок *местной* промышленности. Страсбургские бумагопрядильни начисто были разорены и запретительными пошлинами на хлопок, и частыми его конфискациями, и в 1810—1811 гг. в городе последовал ряд банкротств, но страсбургский мэр сам спешит, скрепя сердце, заявить, что «узкие интересы» должны склониться перед высшими соображениями правительства [61].

Но торговля сторицей вознаграждала этот город.

Континентальная блокада направила торговый поток из Испании, из Южной Франции, из Италии в Германию и северные страны через Страсбург; с другой стороны, левантийский хлопок шел с Балканского полуострова во Францию через этот же город [62], и Страсбург быстро возрастал в торговом значении.

Пока мы говорим о торговых путях, по которым *в пределах Империи* двигался французский экспорт, предназначенный для сбыта в среднеевропейских и отчасти северных странах, мы можем констатировать, что Страсбург сделался главным узлом, где пересекались северный и южный торговые потоки. От Страсбурга широкий торговый путь лежал к Франкфурту и к Лейпцигу. Но о значении этих пунктов, особенно Лейпцига, речь будет идти в главе, посвященной Германии.

Вскоре после осенних трианонских декретов от 5 августа и 12 сентября 1810 г. Наполеону дали знать о панике, которую эти распоряжения вызвали на лондонской бирже; убытки будто бы считали в миллиард; в Лондоне волнение, предвидятся банкротства, говорят, что император нашел наконец слабое место в (английской) броне [63].

Непоколебимый оптимизм обнаруживается в 1810 г., когда речь заходит об экономическом положении Англии; она загромоздила свои склады колониальными продуктами и мануфактурными товарами, которые ей некуда сбыть; теперь остается лишь всеми мерами преследовать контрабандистов, чтобы преградить последний выход, отрезать последний путь к спасению неукротимому врагу [64]. 2 октября 1810 г. Монталиве сообщает императору радостную новость, что в Англии происходят крупные банкротства, что английские фонды пали и что это «ре-

зультаты энергии мер, принятых его величеством», и тут же должен констатировать неприятную подробность: с франкфуртской и лейпцигской ярмарок ему пишут, что во Франкфурте было мало английских товаров, но в Лейпциге очень много (как фабрикатов, так и колониальных); что эти товары идут с Балтийского моря, что русские и поляки на телегах везут их через Германию в Швейцарию, где подозреваются склады...[65]

Наполеону льстили докладами о панике, вызванной в Англии усилением таможенных строгостей[66], его уверяли, что если еще продержится воспрещение допуска кофе и сахара, то англичане «откажутся надолго» от торговли с континентом[67], но все это были придворные преувеличения и систематическое сокрытие правды от императора.

В феврале 1811 г. мэр Сен-Мало (добывающий конфиденциальные сведения от американского консула в Morlaix)[68] доносит министерству, что «банкротства в Лондоне целыми дюжинами идут одно за другим», а звонкой монеты нельзя достать «и трех тысяч гиней от Лондона до Плимута»[69].

В июне 1811 г. министерство внутренних дел имеет уже новые сведения того же характера: «умы подавлены» в Англии, народ ропщет на дороговизну хлеба, фабрики не имеют дел, звонкая монета спряталась окончательно; продукты текстильной промышленности на 40% ниже обычной цены своей[70].

Не все, впрочем, французские государственные люди обнаруживали такой оптимизм; рассудительный сановник и опытный финансист, управлявший тогда французским банком, предостерегал правительство от слишком радужного взгляда на будущее, приуготовленное Англии. Он указывал, что уже не в первый раз раздаются подобные пророчества и оказываются ложными и что весь этот оптимизм и утверждения, будто Англия накануне банкротства, просто основаны на невежестве[71].

Английское правительство и английская пресса, когда (до кризиса 1811 г.) хотели доказать бесполезность континентальной блокады как оружия, направленного против британской торговли, приводили такие цифры ввоза и вывоза за 1805—1810 гг.

Ввоз в Англию	Стоимость товаров в фунтах стерлингов	Вывоз из Англии	Стоимость товаров в фунтах стерлингов
1805 г.	53 582 146	1805 г. . . .	51 109 131
1806 г.	50 621 707	1806 г. . . .	53 028 881
1807 г.	53 500 990	1807 г. . . .	50 482 661
1808 г.	55 718 698	1808 г. . . .	49 969 746
1809 г.	59 851 352	1809 г. . . .	66 017 712
1810 г.	74 538 061	1810 г. . . .	62 702 409

В бедственном и для Англии 1811 г. вывоз упал, впрочем, до 41 716 775 фунтов стерлингов.

Очень популярным в Англии было мнение, что блокада разорительна и пагубна для *обеих* сторон, но что для Франции она разорительнее и опаснее, чем для Англии. Это суждение на все лады повторялось и в политических газетах, и в народных сатирических листках [72].

В частности, самого Наполеона эти памфлеты не могли особенно обескуражить сами по себе: ему переводились и доставлялись выдержки из английской прессы, выдержки из показаний английских промышленников, которые говорили о страшном риске, мешающим им торговать с континентом, о *невозможности* пользоваться для торговли ближайшими и самыми удобными местами и т. д. [73]. Оптимизм, свойственный императору во всем, что касалось оценки континентальной блокады, конечно, должен был сильно поддерживаться этими подобранными выдержками.

Французские промышленники, поддерживавшие систему изгнания англичан из европейских рынков, полагали, судя по собственным их словам, что они ведут беспроигрышную борьбу: есть такие (и именно самые важные) отрасли промышленности (например, текстильной), без которых Европа *не может* обойтись. Прочно и плотно захлопните двери перед англичанами, и, например, французская шерстяная индустрия сразу получит колоссальный рынок. Что она не столь умела, что у нее почти нет машин, это вопрос второстепенный: все придет, лишь бы сбыт так развился [74].

В июне 1810 г. междуведомственное совещание по делам торговли и промышленности (conseil d'administration du commerce et des manufactures) уверяло императора, что «никогда мир не мог бы дать французской промышленности ту степень процветания», какая достигнута благодаря континентальной блокаде, отрезывающей Англию от континента и могущей сделать французские мануфактуры поставщицами всей Европы [75]. Подобные заявления могли лишь подкрепить основное убеждение Наполеона, что Англия поражена ударом в сердце.

В середине 1811 г. самому Наполеону тоже казалось, что французская промышленность и внутренняя торговля достигли такого процветания вследствие блокады, что даже не известно, выиграет ли Франция от примирения с Англией. Он так открыто и писал об этом [76].

Даже кризис 1811 г. в *этом* отношении не особенно смутил императора. Когда 24 марта 1811 г. представители советов торговли и мануфактур явились поздравлять Наполеона с рождением наследника, то он, обращаясь к Терно, упрекнул промышленников в том, что они неосторожно увеличивают оборот,

не соображаясь ни с размерами спроса, ни со своими капиталами. «Люди, имеющие 20 000 франков, хотят делать дела на 400 000». Что касается блокады, то он сказал им: «Когда я издал берлинский и миланский декреты, Англия смеялась и вы, господа, насмехались надо мной, но я делал свое дело... говорили, что я не знаю, что делаю, что мне дали плохой совет... А вы видите, до чего Англия теперь дошла» [77].

Мы видели, что император, правительство (те из правящих кругов, которые *тогда* смели говорить), промышленники ждали от блокады всяких благ; мы увидим дальше, что, когда стало возможным высказать свое мнение, купечество и финансисты отнеслись к блокаде отрицательно. Этот параграф я закончу одной интересной «синтетической» оценкой.

В одном документе 1811 г. я нашел совершенно отчетливое понимание действия трех факторов на экономическую жизнь: 1) благого действия континентальной блокады на некоторые возникающие или еще не окрепшие отрасли обрабатывающей промышленности [78], 2) благого действия той же причины на *торговую* деятельность немногих городов с центральным положением (вроде Страсбурга [79]), 3) гибельного действия на промышленность и от прекращения притока сырья и, в частности, от гонения на колониальные товары. Не стало ни красящих веществ, ни сахара, ни хлопка... [80].

Я не нашел в документах другой столь объективной и по существу согласной с фактами общей оценки блокады современником, как та, которую сделал этот страсбургский мэр в своем рукописном докладе.

Мы увидим в дальнейшем изложении, как сказывались эти, отмеченные в схеме страсбургского мэра, действия континентальной блокады на французской торговле и промышленности. Но, прежде чем перейти к этой части работы, нужно еще отдать себе отчет в том, каковы были непосредственные исполнители и каковы были нарушения воли Наполеона; общей характеристикой наполеоновских таможен и англо-европейской контрабанды наполеоновской эпохи мы и закончим эту главу.

2. [Осуществление декретов]. Таможни

Таможни были при Наполеоне важным делом, «une grande affaire»,— говорит в своих записках Мармон, герцог Рагузский (тайный враг континентальной блокады); и очень жаль, что до сих пор не написана история французских таможен в эпоху Империи. Так как именно на таможни, в первую голову, было возложено осуществление декретов о блокаде, то нам тут необходимо сказать несколько слов об организации этой службы.

Министерство внутренних дел, чем больше свирепела война с Англией, тем больше забот проявляло в деле постановки борьбы против контрабанды. В своей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» я уже привел иллюстрации того, что контрабанда была в эпоху революции явлением огромного значения в экономической жизни страны и что, например, Директория оказывалась бессильной бороться с этим явлением. Но, когда континентальные враги постепенно, один за другим, сметались Наполеоном со сцены или временно отходили и единственной незаживающей раной оставалась борьба с Англией, вопрос о контрабанде должен был стать на первый план и, действительно, потребовать всех сил государства для своего разрешения.

Уже летом 1807 г., после Тильзита, министерство обращало внимание на то, что границы Франции тянутся на 1800 лье, а для охраны их таможенное ведомство имеет каких-нибудь 11 тысяч человек [81]. Правительство смотрело на заключение Тильзитского мира как на большое благо, между прочим, и потому, что возможно будет широко поставить охрану границ от контрабандистов с помощью возвращающейся из Пруссии армии. Правительство предвидело при этом, что англичане пойдут на все, лишь бы пробить эту стену штыков, что они не будут щадить денег на подкуп солдат, что придется часто менять воинские отряды и т. д. Но все нужно было сделать, чтобы не дать Англии сбыть товары, которыми «переполнены ее мануфактуры» [82].

В приведенном документе говорится об 11 тысячах человек; по мере расширения пределов Империи число их увеличивалось. Молльен в своих записках объясняет, между прочим, что *20 тысяч* таможенных должны были бороться против «более чем 100 тысяч контрабандистов» [83]. Впрочем, точную цифру установить трудно, так как (особенно со времени присоединения Голландии и ганзейских городов) таможенную службу деятельнейшим образом несли, кроме штатных таможенных чинов и служащих, еще целые части войск, специально назначаемые в подмогу таможенным.

В представлении современников таможенная организация, созданная и управляемая Наполеоном, была своего рода «вспомогательной армией», миссия которой заключалась в бдительной и упорной борьбе против врага внешнего и врага внутреннего [84]. Таможенная служба при Наполеоне была совершенно милитаризована: и по форме, и по чинам, и по субординации, которая там царила, таможенное ведомство было гораздо ближе к армии, нежели к любой отрасли службы гражданской. Оплачивалась эта служба (в офицерских и полковничьих чинах) очень хорошо, проценты и награды за конфискации иногда

делали таможенных прямо богатыми людьми. Наполеон относился к ведомству с большой симпатией, и мест в таможнях достигали только люди с протекцией. Шли туда отпрыски дворянских родов, дети дворян-эмигрантов и т. д. Личный состав по происхождению и образованию стоял высоко [85].

Наполеон склонен был смотреть на таможенных чинов как на лиц, входящих в состав армии. Но они стоили дороже армии. Еще весной 1813 г., когда вся Европа подымалась против него, Наполеон приказывал производить исчисления: что дороже сто́ит — завести ли новый отряд таможенных чинов в 140 человек, или роту пехоты такой же численности? (Выходило, что рота пехоты обойдется в год в 58 694 франка, а отряд таможенных — в 162 919 франков) [86].

В 1795 г. согласно закону 10 вандемьера IV года заведование торговлей и промышленностью было поручено министерству внутренних дел. Но в 1805 г. (циркуляром 28 вантоза XII года) таможенное ведомство было подчинено исключительно министерству финансов, и на один резкий выговор Наполеона (что министерство внутренних дел «ничего не делает для торговли») министр почтительнейше заметил, что в целом ряде случаев, где дело шло о самых важных мероприятиях таможенно-тарифного характера, его, министра, не только не спрашивали предварительно, но даже не сообщали ему о подготовлявшихся шагах, и он часто узнавал о них только по распубликовании этих распоряжений [87].

Фактически главный директор таможен, имевший особый доклад у императора, был на положении самостоятельного министра, и все другие министерства (прежде всего внутренних дел и военное) обязаны были деятельно ему помогать.

Во главе таможенного ведомства стоял главный директор таможен; органами его власти являлись окружные управления, *дирекции таможен*.

В Империи в 1809 г. было 32 таких таможни: в Антверпене, Клеве, Кельне, Майнце, Страсбурге, Безансоне, Верчелли, Вогере, Парме, Ливорно, Генуе, Ницце, Тулоне, Марселе, Сетте, Перпиньяне, Сен-Годансе, Байонне, Бордо, Ла-Рошели, Нанте, Лориане, Бресте, Сен-Мало, Шербурге, Руане, Амьене, Аббевиле, Булони, Дюнкирхене, Лионе и Париже.

Кроме жалованья, таможенным чинам выдавались награды. В 1811 г., например, на награды им было отпущено 196 963 франка [88]. Помимо этих наград, таможенные получали известный процент стоимости обнаруженного ими контрабандного товара. С другой стороны, за взяточничество им грозили суровые наказания. С 18 октября 1810 г. таможенные чиновники за преступления по службе должны были судиться особыми превотальными судами, постановлявшими приговоры без права

апелляции. Несмотря на это, в документах постоянно встречаются жалобы на взяточничество таможенных чинов, соблазняемых неслыханными суммами, которые им предлагают контрабандисты. Правительство для борьбы с этим злом усиленно поощряло доносы одних служащих на других, а в особенности одних властей на других, например, префектов на начальников таможен и обратно. Чиновники таможен обязывались (циркулярными распоряжениями) следить за подчиненными и товарищами и доносить, не живут ли те выше средств, и высшие власти в Империи не переставали поощрять друг друга к усилению этих мер тайного и явного, всеобщего и обоюдного надзора [89].

Система взаимного и непрестанного подкарауливания, вечных уличений друг друга в слабости, мягкости, потворстве контрабандистам развилась на почве междуведомственного соревнования до самых огромных размеров. Дело дошло до того, что сын главного директора таможен (Коллена де Сюсси), начальствовавший над таможнями в Антверпене, подвергся со стороны местного главного комиссара полиции обвинению в недостаточно поспешном заарестовании одного контрабандиста, и Наполеон выразил ему свое неудовольствие. Сам главный директор таможен, отец обвиненного, должен был писать императору по этому поводу и доказывать совершенную неосновательность обвинения [90].

Жестокие придирки таможен при вывозе товаров, обыски на мануфактурах (в поисках контрабандного сырья), препятствия и задержки, чинимые на каждом шагу во имя исполнения декретов континентальной блокады, очень сильно мешали развитию французского экспорта и тоже уменьшали шансы французской промышленности в борьбе за европейский рынок [91].

Мешали таможни и развитию промышленности по всему протяжению колоссальных границ Империи: правительство не разрешало в пограничных местностях устройства мануфактур и заводов. Крефельдские негоцианты ван дер Герберг и фон дер Вестен задумали в конце 1805 г. открыть сахарный завод и встретили решительное препятствие со стороны директора кельнской таможни: Крефельд лежит близко к границе, и существование рафинадного завода будет благоприятствовать провозу контрабандного сахара через границу (так как трудно будет уследить, какой именно сахар поступил на рынок). По этому поводу возникла длиннейшая переписка между ведомствами, и был высказан даже общий взгляд, что не приличествует разрешать в «районе таможен» образования фабрик и мануфактур [92].

С конца 1812 г. французские таможенные чиновники были уполномочены производить обыски и другие операции в Швей-

царии и Берге в тех частях, которые граничат с Францией, чтобы предупредить контрабанду. Совет мануфактур выразил признательность министру торговли за эту меру [93]. Как может товар, *еще не перевезенный* через границу, быть контрабандой, осталось невыясненным.

Фактически произволу таможенных не было предела. Таможенный чиновник знал, что он может за послабление очутиться на каторге, а за превышение власти, за неосновательное задержание товара или арест сопровождающего товар лица не подвергнется даже и выговору по службе.

Кроме этих постоянных чинов, время от времени посылались из министерства внутренних дел специальные тайные агенты, чтобы проверить на местах бдительность таможен. Агенты, посылаемые министерством с целью разузнать о контрабанде, не прочь были прибегнуть и к провоцированию контрабанды, прикидывались купцами и т. д. Это поощрялось, и они открыто доносили о своих ухищрениях в Париж [94].

Осенью 1811 г. Наполеон приступил к систематическому занятию побережья Немецкого и Балтийского морей своими таможнями. Декретом от 15 октября была ассигнована (на предстоящий 1812 год) сумма в 383 600 франков для покрытия расходов на новых участках этой линии таможен, подчиненных верховному надзору любекского таможенного инспектора. Было занято все побережье Мекленбурга, побережье шведской Померании вплоть до границы, отделяющей шведскую Померанию от Пруссии [95]. Цепь замкнулась.

Таков был аппарат, который был пущен в ход для того, чтобы воспрепятствовать проникновению английских товаров в Империю. Этот аппарат получал всюду деятельную поддержку со стороны всех гражданских и военных властей, даже со стороны всемогущей наполеоновской дипломатии в тех случаях, когда, например, таможенные чины, нарушая границу, вторгались в соседнюю страну, хватали там товары и арестовывали предполагаемых контрабандистов. Но, как увидим в дальнейшем изложении, контрабанда отнюдь не складывала оружия за все наполеоновское царствование.

3. Контрабанда в эпоху континентальной блокады. Вздорожание колониальных товаров в эпоху блокады и роль контрабанды

Глава об установлении континентальной блокады была бы не полна, если бы ничего не было сказано о контрабанде, огромным и непрерывным потоком, несмотря на все таможни и войска, военные суды и расстрелы без суда, стремившейся из Англии на континент.

В упорной борьбе, которую вел Наполеон против контрабанды, на стороне императора были огромный аппарат государственной власти, громадная береговая и таможенная охрана, возможность деспотического и грозного давления на все континентальные правительства, кроме отчасти России; на его стороне были *также*, пока дело шло о недопущении английских фабрикатов, промышленники Франции и всего континента. На стороне нарушителей его воли была вся потребительская масса и Франции, и Европы, все купечество; наконец, поскольку дело шло о ввозе хлопка, индиго, сахарного песка и всего того сырья, которое могло прийти только с моря, на стороне контрабандистов были также промышленники, которые не могли обойтись без этого колониального сырья. И контрабанда в эти годы, до начала бедствий Империи, гораздо успешнее и больше торговала именно колониальными товарами, нежели фабрикатами. Конечно, фабрикаты тоже проходили, особенно такие, которые именно в Англии выбрасывались на рынок в неслыханных для континента количествах, а во Франции были еще внове. Были, например, такие сорта материй (вроде трико), которые либо плохо выделывались во Франции, либо вовсе не выделывались, и в разгаре континентальной блокады Англия *наводняла* этими товарами континент [96].

Но, как правило, нужно отметить определенный факт: в эпоху континентальной блокады англичане ввозили контрабандой преимущественно *не* фабрикаты, а именно колониальные товары. Неслыханное вздорожание этих товаров после объявления блокады делало контрабанду особенно выгодной. Следует прежде всего сказать, что купечество подчиненных Наполеону континентальных стран, торговавшее с Англией, невзирая на блокаду и ее категорические предписания, аккуратно расплатилось с английскими кредиторами; надежды на продолжение торговли контрабандным путем с самого начала не покидали ни англичан, ни их контрагентов. В Гамбургском государственном архиве я нашел категорическое свидетельство, что английские промышленники исправнейшим образом получали от своих континентальных контрагентов все, что те были им должны, до последнего шиллинга: это удостоверили они сами, английские мануфактуристы [97]. Они очень довольны в этом смысле и германскими странами, и Швейцарией, и Голландией.

Но крепнуть контрабандная торговля начала, собственно, лишь на второй год блокады, когда стали истощаться континентальные запасы хлопка, сахара, кофе. Летом 1808 г. колониальные товары страшно вздорожали: *фунт* хлопка (пернамбукского) стоил во Франции 11—12 франков, фунт сахара — 5 франков, кофе — 8 франков. Министр внутренних дел Крете

докладывал по этому поводу Наполеону, что было бы непонятно, как еще находятся покупатели на эти товары при таких ценах, если бы не знать, что все эти колониальные продукты сделались предметом ужасающей спекуляции, отчего, конечно, товары не дешевели, а продолжали в неслыханной пропорции повышаться в цене. Министр вспоминал по этому поводу тот «ажиотаж», которому подвержены были все товары вообще «в эпоху ассигнаций» [98].

В июне 1808 г. колониальные товары — не только кофе, сахар и т. д., но и рис, бывший, по удостоверению местных властей, предметом первой необходимости на юге,— так вздорожали, что в Марселе и Эксе дело дошло до заметного народного брожения, с которым полиция должна была считаться [99]. Префект Устьев Роны отчасти приписывал вздорожание колониальных товаров спекуляции, с которой и старался бороться административными мерами, но основная причина оставалась все та же — война с Англией.

После трианонского тарифа еще усилилась дороговизна колониальных продуктов и параллельно усилилась контрабанда. Лаффит в разговоре с Савари жаловался в начале 1811 г., что англичане «до смешного» повышают цены (ridiculement exagérés) на предметы, которые умудряются ввозить, и в частности утверждал, что сахар обходится англичанам в 8 или 9 *су*, а французам — в 6 *франков* [100].

Дорожал хлопок, недоступными делались чай, кофе, сахар. Вот красноречивая таблица цен, которую императорское правительство предпочло не публиковать, хотя петербургский курс в апреле 1811 г. был 82 сантима за рубль, тогда как курс серебряного рубля был бы «около 3 франков 50 сантимов». Вот какие — по этому расчету во франках и сантимах — стояли цены на чай, сахар и кофе (как во всех подобных таблицах цен, и здесь находим обильные пропуски, показывающие, что правительство не успело разузнать соответственных данных) [101].

1 килограмм	Лондон	Петербург	Париж	Бремен	Франкфурт	Лейпциг	Милан	Венеция
Сахар . . .	76	2.8	6.90—7	—	3.93—4.59	—	9.39	8.50
Чай 1-й сорт	9.91	26—42	23	24.6	—	20.19	22.30	—
Зеленый чай	—	15—17	16	12.3	—	13.33	15.30	26
Остальные сорта	—	4—10	—	6.1	—	—	—	—
Кофе 1-й сорт	5.76	—	10—10.50	—	—	8.35	17.65	18.50
2-й сорт	2.64	1.95—2.32	7.10—7.20	6.35	6.76—7.83	6.96	10.56	10.53

Положение вещей в середине 1810 г. представлялось в таком виде французскому правительству (подданным оно представлялось еще хуже): «Франция теперь потребляет, несомненно, несравнимо меньше колониальных товаров, чем прежде, но платит она за них гораздо больше», и до такой степени больше, что даже *абсолютно* сумма, истрачиваемая на покупку колониальных товаров, почти та же, что тратилась прежде [102]. Вот что докладывал Наполеону министр внутренних дел Монталиве. Что означала последняя фраза? Она означала признание полной безуспешности континентальной блокады в том, что касалось колониальной торговли Англии. В самом деле: что из того, что в английских складах остается много непроданных товаров, когда количество звонкой монеты, получаемое Англией, не уменьшается? Франция терпит лишения, но вреда Англии не наносит [103].

И не только страдает непосредственный потребитель колониальных продуктов, страдает и почти вся французская промышленность, особенно хлопчатобумажная. Французские бумажные материи так дороги вследствие дороговизны хлопка, что это обстоятельство «исключает всякую возможность их соперничества с другими на иностранных рынках» [104]. Конечно, министр усматривает и светлые стороны: 1) «английская торговля, по крайней мере, стеснена»; 2) французские корсары наносят им вред; 3) культура хлопка развивается все более в Неаполе и Испании, а вскоре разовьется и в Риме, и этот хлопок заменит заморский; 4) «успехи химии» со временем помогут создать продукты, которые отчасти заменят колониальные припасы. Но даже по самому тону доклада ясно, что министр плохо верит в эти светлые стороны положения; не помогают и строки казенного приветствия континентальной блокаде, которыми начинается доклад [105]. Кто-то (может быть, сам император) подчеркнул не эти строки, а зловещие показания на 13-й странице доклада, где сравниваются цены за последние пять лет: кофе вздорожало в четыре раза, сахар — в пять раз, индиго и перец — в три раза, какао — в девять раз, хлопок — в три раза... [106] Но наполеоновское правительство рассматривало, например, кофе и чай как «*предметы роскоши*» и «не видело неудобства» в том, чтобы ограничить их потребление [107].

Время от времени Наполеон спрашивал, в какой мере Франция нуждается в колониальных продуктах, и ему отвечали, конечно, гипотетически. Например, в конце ноября 1811 г. министру, собравшему «мнения» по этому поводу (чьи — он не говорит точно), кажется, что Франция обеспечена колониальными продуктами, «по крайней мере, на шесть месяцев» [108]. Неопределенности вопроса соответствовала голословность ответа.

Но при существовании блокады ничего нельзя было поделать с непрерывным повышением цен на эти продукты. Вот, например, летом 1810 г. Наполеон стал подумывать о некоторых смягчениях правил в пользу американцев (как его уже давно об этом молили купцы и промышленники Марселя, Бордо, Лиона и т. д.). Но даже тот самый Монталиве, который, как мы только что видели, сам был поражен колоссальным ростом цен, находит невозможным позволить американцам привозить сахар и кофе, чтобы англичане как-нибудь не пробрались под видом американцев [109]; и вообще хотя «обмен с американцами будет благодеянием для торговли, земледелия и промышленности, но так как намерение вашего величества — не потерпеть никакого английского товара, то при настоящем положении вещей нужно ограничиться такими американскими продуктами» [110], которые никак нельзя было бы смешать с английскими, и обставить их все же удостоверениями и т. п.

Уже к ноябрю 1809 г. в одном только Триесте оказалось конфискованных колониальных товаров на $2^1/_4$ миллиона франков [111].

Наполеон усиливает строгости с конца 1809 г., и в течение всей весны 1810 г. идет занятие Голландии французскими войсками, и в июле 1810 г. Голландия присоединена к Империи. В декабре того же года окончательно присоединены ганзейские города. Гневается Наполеон и на страны, пока еще самостоятельные. 15 мая 1810 г. Наполеон приказывает конфисковать всякое шведское судно, которое явится к французским берегам с колониальными товарами [112].

Опорным пунктом контрабандной торговли, главной квартирой контрабандистов не могла, однако, быть далекая Швеция. Эту роль на Северном (Немецком) море сыграл остров Гельголанд.

В Record office'е я нашел доказательства, что роль Гельголанда в истории контрабандной торговли в этот период началась лишь в 1808 г., самое раннее. В марте 1808 г. английское колониальное ведомство запросило сведущего в гельголандских делах человека (капитана Доверня): «Приходят ли теперь какие-либо британские корабли в Гельголанд, кроме военных судов?» Ответ был, что приходят только немногие, отчасти привозящие провиант для гарнизона, отчасти же «для спекуляций». И ответ, и самый вопрос показывают, что в эту пору контрабандная торговля через остров Гельголанд еще только начиналась [113].

Но со времени издания трианонского тарифа и ожесточенного преследования колониальных товаров остров начинает играть громадную роль в деле ввоза на континент английской

контрабанды, в особенности колониальных товаров [114]. При общем постоянном населении в 3 тысячи душ, на острове в 1811 г. имелось около 50 более или менее заметных торговых домов, и лондонские фирмы имели там свои филиальные отделения. Через этот остров в Европу ввозится прежде всего и больше всего кофе и сахар, затем красильные вещества, пряности, индиго, хлопок, кошениль, хина; всего на колоссальную сумму в 180 миллионов франков ежегодно [115]. Сахар (необработанный) продается на Гельголанде по 2—3½ пенса за фунт, или 15—25 сантимов; кофе — по 5—7 пенсов, т. е. 37—52 сантима. Других цен, к сожалению, не указано в докладе, которым правительство обращало внимание императора на этот серьезный вопрос об опасности острова Гельголанда. Даву писал Наполеону, что английская контрабанда с Гельголанда идет в Голштинию; Наполеон делал по этому поводу решительные представления датскому правительству [116].

В сентябре 1810 г. до сведения Наполеона был доведен и тот факт, что французские купцы также тайком покупают на острове Гельголанде и в других местах Германии нужное сырье для мануфактур, нужные колониальные продукты для потребления [117].

Со второй половины 1810 г. в направлениях и путях английской контрабанды замечается поворот от Северного (Немецкого) моря к Балтийскому, от запада к востоку, от ганзейских портов к Мекленбургу, Померании, Восточной Пруссии и России. И так как Франция не могла обойтись без колониальных продуктов, то они проникали в нее из Германии; происходил процесс, прямо обратный тому, который наблюдался в XVIII в.: не Франция снабжала с выгодой для себя Германию колониальными товарами, а Германия — Францию, и выгода оставалась в руках немецких торговых фирм [118].

Широко шла английская контрабанда и через неаполитанские границы. Таможенные чины здесь отличались подкупностью, наконец, там царило воззрение, что «контрабанда препятствует разорению государства», и, может быть, по предположению новейшего историка Неаполя в эту эпоху, даже военный флот королевства помогал контрабандистам. Английские товары привозились греками на остров Корфу, а оттуда — в Неаполитанское королевство, уже как из французского владения [119].

Декретом от 18 октября 1810 г. приказано было *сжигать* конфискованные фабрикаты. Даже совету мануфактур это показалось слишком сильным, и он (в конце 1812 г.) ходатайствовал о том, чтобы конфискованные товары не сжигались, а продавались в пользу казны [120]. В обществе эта мера вызвала

подавленное настроение; эти аутодафе приветствовались только промышленниками. Купцы и потребители не смели протестовать, но настроение их не осталось тайной для императора, и он, по-видимому, желал сразить критику примером, взятым из английской же практики. В ноябре 1810 г. Наполеон приказал, чтобы были наведены справки, говорится ли где-нибудь в английском таможенном законодательстве о сожжении конфискованных контрабандных товаров. Оказалось, что в некоторых случаях (при конфискации шелковых лент и кружев, а также при конфискации галунов, златотканных и сребротканных материй) английское законодательство предписывало сожжение [121]. Эта справка могла пригодиться императору ввиду тех многочисленных жалоб и нареканий на «варварство» сожжения товаров, которые все же доходили до его слуха.

Промышленники, как сказано, горячо благодарили Наполеона за декрет от 19 октября 1810 г., по которому конфискованные английские фабрикаты сжигались; они склонны были от всякого обострения таможенных строгостей (но только касавшихся, конечно, не сырья, а фабрикатов) ждать процветания французской индустрии [122].

Наполеона, впрочем, в этом деле беспокоили не столько жалобы публики, сколько другое обстоятельство: таможенные чины не так усердствовали теперь, как раньше, потому что тогда при продаже конфискованных товаров им выдавались из вырученной суммы наградные, а теперь, при сожжении, они ничего не получали. Императора обеспокоило именно *это* последствие сожжения контрабанды, и он указал, что возможно наградные выдавать из штрафных сумм, которые будут взыскиваться с попавшихся в контрабанде [123].

Но сжигались только *фабрикаты*; сырье, особенно колониальное, было слишком необходимым и дорогим товаром, чтобы подвергнуться той же участи. Контрабандные *колониальные товары*, секвестрованные в Швейцарии или Франкфурте, или других зависимых от Наполеона землях, отправлялись затем во Францию и Италию (и распродавались администрацией) [124].

Иногда императору осмеливались почтительнейше доложить о том, что контрабанда сильнее таможен, что с ней в союзе вся Европа и вся Франция, кроме промышленников, да и тем выгодно лишь воспрещение английских фабрикатов и невыгодно запрещение сырья.

Бурьен осмелился прямо доложить императору, что товары, ввозимые контрабандным путем в Германию, в Польшу, в Италию и даже Францию, дают при продаже такую огромную прибыль, которая покрывает и оправдывает всякий риск (при контрабандной перевозке). Он упоминает о весьма любопытном разговоре, который был у него с Бернадоттом в октябре

1810 г., когда Бернадотт, только что избранный шведским наследным принцем, проезжал через Гамбург. Бернадотт спросил его, как быть с континентальной блокадой в Швеции. Буррьен, «не колеблясь», ответил ему «не как французский министр, а как человек и друг», что, управляя бедной нацией, которая может жить, только сбывая свои земледельческие продукты Англии, нужно открыть порты англичанам [125]. Буррьен полагает, что континентальная блокада была прежде всего *невозможна*; нужно было, чтобы все державы континента фактически строго ее соблюдали. «Один открытый порт ее уничтожал. Только силой меча можно было заставить Европу вести самоубийственную политику соблюдения континентальной блокады» [126].

Но не только со всех сторон колониальные товары приходят на континент, но среди самой напряженной и беспощадной борьбы против их проникновения император узнает, что они в громадном количестве появляются во Франции [127]. Что делать? Усиливать дальше и дальше строгость таможенных мер, удвоить, утроить, если понадобится и где понадобится, таможенную линию, следить и следить, «писать и писать» [128] государям, генералам, министрам, грозить им и исполнять угрозы.

Ничего не помогало. Через северное побережье Германии, особенно через Ольденбург, невзирая ни на какие строгости, английские колониальные товары проходили так свободно, «как бы среди глубокого мира» и «наилучших отношений» между Францией и Англией. В Гамбург проникнуть было труднее, но контрабанда и на это пускалась при помощи разнообразнейших уловок [129].

Несмотря ни на что, контрабанда деятельно велась в течение всего наполеоновского царствования; подкупы были поставлены англичанами на широкую ногу. От неслыханных суровостей таможен страдали, конечно, не контрабандисты, а обыкновенные торговцы. Герцог Ровиго в 1811 г. рекомендовал вниманию Наполеона докладную записку управляющего французским банком, Виталя Ру, где указывалось на тяжелые последствия этих таможенных строгостей для честных торговцев и бесполезность их для борьбы против контрабандистов [130]. Конфискации, необузданный произвол на таможнях, сжигание «подозрительных» товаров — все это вконец расстраивало торговый кридит, или, как политично доказывалось Наполеону, *контрабанда*, заставляя действовать со строгостью, расстраивала кредит [131].

По мнению некоторых современников, одной из причин кризиса, пережитого промышленностью и торговлей в 1811 г., была именно контрабанда, принявшая огромные размеры и разорявшая промышленников [132].

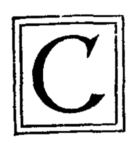
Но раньше, чем говорить о кризисе 1811 г., нам нужно ознакомиться с судьбами французской промышленности за годы, предшествующие кризису; а раньше, чем приступить к этой теме, нужно рассмотреть, что говорят документы о положении наиболее тесно связанных с Францией, подвластных Наполеону земель в эпоху континентальной блокады. Только ознакомившись 1) с тем, как отразилась блокада на этих странах, и 2) какой характер имели экономические отношения между этими землями и Францией — «старыми департаментами», мы вполне уясним себе ту обстановку, в которой протекала торгово-промышленная жизнь Франции при Наполеоне.

Ознакомившись в предыдущем изложении с общим положением дел, с контрабандой вообще и борьбой против нее Наполеона, мы теперь увидим, как в частности отражалась эта борьба на участи отдельных государств. С каждым параграфом общая картина будет становиться все яснее и яснее.

Глава IX

ЛИЦЕНЦИИ

Что такое лицензии. Определение этого понятия Наполеоном. Цель лицензий. Злоупотребления. Smuggler'ы и их деятельность. Современники о лицензиях

1810 г. Наполеон стал еще чаще допускать выдачу так называемых «лицензий», т. е. личных и не подлежащих передаче или переуступке разрешений определенному лицу привезти из Англии или откуда пожелает в Империю определенное количество тех или иных товаров с обязательством «за то» вывезти из Империи в Англию или куда пожелает на том же корабле определенное (эквивалентное) количество французских товаров, указанных французским правительством: вин, водок, хлеба, шелковых материй и т. п. Вывоз этот должен был споспешествовать процветанию французской торговли и промышленности, а ввоз служил интересам казны, ибо ввозимые этими судами товары должны были платить все-таки французским таможням положенные огромные пошлины, доходившие до 50% ad valorem. В частности, французские мануфактуры могли добыть себе хоть часть нужного им сырья — хлопка, индиго и т. п.

Лицензии допускались еще в 1809 г., но тогда их роль еще не была так заметна, как в 1810—1812 гг. Заметим с самого начала, что когда о лицензиях говорил Наполеон, он старался больше всего настаивать на благом их действии для французской торговли и промышленности; когда о лицензиях говорили его враги или враги континентальной блокады, то они больше всего подчеркивали фискальную сторону дела, стремление правительства получить от лицензий выгоду для казны... И совершенно бесспорно, что фискальная точка зрения (особенно в 1812—1813 гг.) стала играть тут очень существенную роль.

1. Правительство (по собственному заявлению) имело сначала в виду, давая лицензии, способствовать больше всего сбыту вин, водок и хлеба в зерне, а также ввозу во Францию пеньки,

железа, стали и медицинских снадобий. Вот в точности первоначальная правительственная мысль; и до ноября 1809 г. было отправлено из всех портов Империи на основании этих лицензий около 150 кораблей [1].

Сам Наполеон в одном письме к Евгению Богарне дал точное определение того, что он понимал под лицензией: он категорически заявлял, что для кораблей, которым он дает лицензию, континентальная блокада и все, что с ней связано, перестает существовать [2].

Разумеется, здравый смысл подсказывал, что лицензии являются не только принципиальным отступлением от основ континентальной блокады и «молчаливым признанием» полного владычества Англии на морях, но что и вывоз французских товаров на кораблях, снабженных лицензиями, будет всегда ничтожен сравнительно с английским ввозом во Францию, который будет производиться при помощи этих же кораблей [3].

И сам Наполеон еще в середине 1810 г. колебался, как быть с лицензиями. Учреждая «conseil d'administration du commerce et de manufactures» в июне 1810 г., он прежде всего обратился к этому междуведомственному совещанию с вопросом: оставить ли систему лицензий, или уничтожить ее? Совещание ответило советом не отменять лицензий, ибо при блокаде только контрабандным путем или путем таких исключительных мер, как лицензии, Франция может достать некоторые статьи сырья, которые ей нужны для мануфактур [4].

Лицензии, конечно, были отступлением от принципа континентальной блокады и лазейкой, посредством которой часть контрабандных товаров могла легально проникнуть во Францию. Это отступление от принципа, конечно, стало широко практиковаться и вассалами, и союзниками Наполеона, которые отнюдь не имели основания стремиться быть в этом отношении plus royalistes que le roi. Бурьен в своих записках с негодованием вспоминает, как в Гамбурге (в 1811 г.) маршал Даву чуть было не расстрелял какого-то несчастного отца семейства за провоз контрабандной головы сахару, а, «может быть, в то же время Наполеон подписывал лицензию для провоза» тысячи таких предметов [5].

Всего дважды Наполеон снизошел до объяснений и оправданий системы лицензий: один раз, когда система еще только развивалась, в начале 1810 г., другой раз, когда она была в полном разгаре,— в начале 1812 г. В первый раз его слушателем был император Александр, во второй раз — сановники совета по управлению торговлей.

В феврале 1810 г. Наполеон почуял необходимость объяснить единственному государю, с которым он считался, свой образ действий относительно выдач лицензий. Он приказал дать

инструкцию Коленкуру насчет того, что он должен говорить об этом императору Александру: он, Наполеон, дает лицензии только для вывоза французского хлеба и вина, «но не для ввоза колониальных продуктов» [6]. И то, и другое было весьма далеко от истины, как мы увидим. Но Александр (как, очевидно, предполагал Наполеон) был лишен возможности в Петербурге в разговоре с Коленкуром документально уличить его во лжи.

В Англии случилось подряд четыре неурожая: в 1809, 1810, 1811 и 1812 гг. Откуда же ввезен был в Англию недостающий ей хлеб в 1809 и 1810 гг.? — «*Главным образом* из Франции и из портов, находящихся под французским владычеством» [7]. И не вина Наполеона, что в 1811 г. эта выгодная для Франции торговля прекратилась: в самой Франции настал неурожай.

В январе 1812 г. Наполеон склонен был думать, что, умело поставив систему лицензий, можно достигнуть нескольких выгод: 1) колониальные товары, в которых Европа так нуждается, будут платить казне Империи и ее союзников огромные пошлины (уже наложенные трианонским декретом); 2) благодаря условиям, на каких выдаются лицензии, французская промышленность получит постоянный и верный сбыт; точно так же получат выгоду и великое герцогство варшавское, которое будет в состоянии сбывать свой хлеб, и другие континентальные страны; 3) оживится благодаря этому совсем павшая торговая жизнь портов и торговля вообще. Вместе с тем ни свеклосахарная промышленность, ни европейские суррогаты индиго не потерпят ущерба, ибо будут дешевле колониальных продуктов, платящих пошлину. Правда, есть одно отрицательное последствие предполагаемой системы: Англия получит тоже выгоду — некоторый сбыт. Но император склонялся к мысли, что выгоды в данном случае бо́льшие на стороне Франции, чем Англии, что выгоды первой будут относиться к выгодам второй, «как 3 : 1» [8].

Чувствуя, очевидно, что если и до сих пор лицензии были явным отступлением от принципа блокады, то теперь, когда они возведены в систему, на это могут посмотреть как на полный отказ от блокады, Наполеон уже наперед полемизирует и доказывает, что предположенный шаг есть лишь *завершение,* победа после борьбы, ибо трианонский декрет будет продолжать действовать, а англичане, ввозя колониальные товары, вполне этому декрету подчинятся; и что будто бы он, император, с самого начала имел в виду подобный результат [9]: пусть колониальные товары ввозятся, но на французских кораблях, в обмен на французские товары, с уплатой очень высокой пошлины французской казне [10]. А все это и достигается при помощи лицензий.

И все-таки совет по управлению торговлей, слушавший императора, не мог, вероятно, не обратить внимания на одну оброненную им фразу (и именно там, где он вычисляет, что Франции затеваемый план втрое выгоднее, чем Англии[11]: «...ainsi, on fait du bien à l'Angleterre: sans doute; *mais on lui fait le bien qu'on ne peut pas empêcher*, et l'on en reçoit le triple: ce serait une mauvaise combinaison que de refuser 3 pour 1». Для тех, кто увидел бы в подчеркнутых мной словах признание со стороны Наполеона *невозможности* провести полностью континентальную блокаду, все остальные его рассуждения должны были показаться констатированием не победы *над врагом*, а победы *врага*.

Что эта милость, в сущности, логически противоречит блокаде, это император понимал хорошо, и очень слабы были те аргументы, которыми покрывалась принципиальная слабость его позиции в этом вопросе[12]. Лицензии якобы не облегчат ничуть положения английской торговли, а вместе с тем не помешают континенту получать колониальные припасы, и так как все-таки и лиценциаты обязаны будут платить пошлину за ввозимые во Францию товары, то получится огромная выгода для французской казны. И опять и опять император повторяет, что эта мера будто бы противоречит берлинскому и миланскому декретам о блокаде[13]; и тут же, впадая в видимое противоречие с собой, он говорит о том, что можно бы так обложить пошлиной сахар и кофе, чтобы ограничить вообще их потребление[14].

Несправедливость этой меры оттенялась еще более тем, что лицензии выдавались только французам, а не всем подданным Наполеона вообще. Декретом от 25 июля 1810 г. Наполеон вообще установил, что *ни один* корабль не имеет права выйти в море из какого бы то ни было порта Империи, если он не снабжен специальной лицензией. Поясняя этот декрет голландскому наместнику Лебрену, Наполеон категорически заявил, что будет выдавать эти лицензии лишь французским судам, «ибо нейтральных не существует»[15]. В 1810 г. министерства прямо были уведомлены, что «его величество не желает впредь выдавать лицензии иностранным судам».

Правда, вскоре от этого принципа стали допускаться отклонения, и фактически лицензию мог получить и не-француз; важно было иметь заручку в министерстве или при дворе.

В августе 1810 г. было решено, что голландцы приравниваются к французам, что должно существовать 30 *серий* лицензий (20 — для плавания по Ламаншу и Океану, 9 — для плавания по Средиземному морю и одна — для «Амстердама и голландских портов»), причем в каждой «серии» будет по 100 лицензий. Как общий принцип было подтверждено, что всякий владелец

«лиценций» должен вывезти из Франции товаров на ту же сумму, на которую ввозит в нее иностранных провенансов; эти провенансы подчиняются обыкновенным тарифам и таможенным пошлинам. В чем их преимущество,— формулируется так: они изъяты из действия берлинского декрета от 21 ноября 1806 г., миланских — 23 ноября и 17 декабря 1807 г. и тюильрийского — 11 января 1808 г. (подтверждавшего предшествовавшие декреты, т. е. другими словами, от действия континентальной блокады) [16].

Конечно, как пишет Бурьен (сам, к слову сказать, обвиненный во взяточничестве) в своих записках, много подкупов и мошенничеств было вокруг этих лиценций и исключительных разрешений, и немало повествуют об этом документы архива. Вот, например, случай, взволновавший и торговую палату, и городские власти г. Дюнкирхена в 1811 г. и оставивший след в документах. Министр полиции имел тайного агента, некоего Даньо, которого употреблял для разведок касательно того, что делается в Англии. Чтобы иметь предлог, этому Даньо позволено было (якобы тайно) торговать с Англией. Даньо обзавелся сорока небольшими судами и несколькими большими, в 200—300 тонн, и начал огромную торговлю с Англией. Мэр Дюнкирхена возмущенно жалуется на то, что «под предлогом полицейских операций» Даньо производит *по всему побережью* колоссальную торговлю английскими товарами, с «неисчислимой прибылью» для себя и для Англии, но в прямой ущерб «великим мерам его величества». Даньо даже открыл торговый дом, пригласил компаньонов, одного из них поселил в Англии и т. д. Эта чудовищная несправедливость возмущает, по словам мэра, все классы общества. На фоне общего обнищания, вызванного именно континентальной блокадой, блестящие дела полицейского агента в самом деле должны были вызвать чувство горечи [17].

Что этот Даньо — вовсе не исключение, что под предлогом полицейских дел агенты Фуше получали эти привилегии, в корне подрывавшие смысл блокады, и в Булони, и в Вимере, и в Остенде, и в Торвере, чтобы уже говорить только о северном побережье Франции, это явствует из другой бумаги того же мэра [18]. Министр полиции холодно ответил на эти донесения, отрицая злоупотребления, указанные мэром, и со своей стороны (совершенно некстати, с внешней стороны) указал мэру, что по его, министра, сведениям в Дюнкирхене распространяются английские памфлеты, направленные против особы его величества. Мэр категорически назвал эти известия *вымышленными* и, опять обращаясь к Даньо, новыми фактами подтвердил справедливость своих показаний. На этом дело и кончилось.

Наполеон вообще подозревал в чем-то Фуше, когда тот пробовал выдавать лицензии своей властью, и прямо заявил ему однажды, что ни таможни не признают законными эти лицензии, ни французские корсары и что он, император, одобрит действия и таможен, и корсаров (если те захватят суда, получившие лицензии от Фуше). «У вас нет достаточно законности в голове»,— сурово писал император по этому поводу Фуше, временно тогда исполнявшему обязанности министра внутренних дел [19].

Что полиция (и сам Фуше) делают какие-то сомнительные дела с лицензиями, Наполеон продолжал это подозревать и дальше; по крайней мере уже в ноябре 1809 г. он вторично писал Фуше о злоупотреблениях полиции, слухи о которых доходят до императора «со всех сторон» [20]. Он «формально приказывал», чтобы полиция не вмешивалась в дела навигации [21], но она при своем тогдашнем всемогуществе, конечно, находила возможность обойти этот запрет. Наполеону доносили, что в один только Остендский порт на основании лицензий, выданных полицией, было ввезено товару на 2,8 миллиона франков, а вообще в Остенде, Булонь и Голландию — на 4—5 миллионов. Ему это очень не нравилось, но злоупотребления, свойственные системе лицензий по существу, продолжались [22].

В конце концов Наполеон решил положить предел всем этим темным проделкам своей полиции с лицензиями (tout ce tripotage) и признал, что покровительствуемые им и отправляемые в Англию контрабандисты (smuggler'ы или, как император пишет: *smogleurs*) никакой пользы не приносят. Все лицензии, выданные полицией, Наполеон приказал объявить лишенными силы (20 ноября 1811 г.), еще за несколько дней до последнего выговора Фуше [23].

2. Но все темные проделки и спекуляции с лицензиями были ничто сравнительно с *узаконенной* контрабандой, с системой правительственного покровительства купцам и судохозяевам северных портов (особенно Дюнкирхена), которые брались обмануть английский береговой надзор и ввезти в Англию контрабандным путем французские товары.

Эти покровительствуемые французским правительством *smuggler*'ы принимались к очень серьезному соображению в эпоху разгара континентальной блокады. Министр внутренних дел пишет императору доклад (в сентябре 1811 г.) о положении торговли шелковыми материями и указывает на то, что сбыт мог бы усилиться, именно если прибегнуть к услугам дюнкирхенских контрабандистов; он умоляет Наполеона «взвесить» все обстоятельства, в том числе обратить внимание и на наступающие долгие ночи, под покровом которых шелк и будет

благополучно ввезен в Англию из владений его величества [24]. Эта торговля повседневная и открывающая важные рынки [25].

Эти smuggler'ы как подсобным промыслом занимались также и военным шпионажем, и Наполеону приходилось время от времени их арестовывать [26]. Вообще они несравненно менее поддавались наблюдению, нежели «лицензиаты», ибо им давалось не определенное разрешение на один рейс, а *общее* разрешение производить свои сомнительные операции между французскими и английскими берегами.

Наполеон то разрешал торговлю smuggler'ам, то сердился на слабый за ними надзор, на то, что они больше плутуют в пользу Англии, чем Франции, вернее, что разрешаемая им контрабандная кампания против Англии оканчивается деятельной контрабандой у берегов Франции. Но, сердясь, он все-таки не решался их уничтожить или по крайней мере лишить легализации, а только грозил эту милость (право smuggler'ской торговли) передать в иное место, иному городу [27]. Официально надзор за ними принадлежал министерству полиции, и местные власти (префект, подпрефект, мэр) сваливали перед императором вину на министерство полиции, но Наполеон требовал дружного и зоркого надзора со стороны *всех* властей, особенно местных [28]. Междуведомственная рознь еще более затрудняла надзор за этими сомнительными торговцами, призванными обеспечить сбыт французских товаров в Англию.

Впрочем, в эпоху разгара системы лицензий не всегда возможно было и уследить, где кончается *smuggler* и где начинается лицензиат. Наполеон получил в ноябре 1811 г. прямое донесение, что лицензии в Голландии испрашиваются и получаются все больше «*бывшими* контрабандистами», которые не прочь стать и *сущими*, ибо «эти лицензии неминуемо влекут за собой много попыток контрабанды» [29]. Наполеон положил резолюцию: спросить у министра внутренних дел, что это значит? [30] Министр (Монталиве) ответил то, что мог ответить: благонадежность лиц, испрашивающих лицензии, тщательно проверяется; невыгодные слухи распространяются обиженными и интриганами [31] и т. д.

Англичане, конечно, эксплуатировали систему лицензий, как только могли: французские шелковые фабрикаты они к себе не допускали (и лицензиаты, как будет сказано ниже, чаще всего выбрасывали свой «обязательный вывоз» в море), а свой хлопок, свое индиго, свой чай и сахар через этих французских гостей англичане сбывали с успехом. Мало того, англичане, считаясь со всеми требованиями французского правительства, завели в Лондоне целые *конторы* для подделки всяческих лицензий, удостоверений о происхождении товаров, охранных грамот, таможенных свидетельств, паспортов, корабельных

документов и т. п.[32] Это тоже осложняло систему лицензий и путало расчеты французского правительства.

Нужно сказать, что с августа 1810 г. английское правительство выдавало разрешения любому (нейтральному) судну привозить в Англию на треть грузовой вместимости вин с тем условием, чтобы это же судно могло ввезти во Францию, тоже на треть грузовой вместимости, английских мануфактурных товаров или сахара и кофе[33]. Французское правительство конфисковывало эти суда вместе с товаром, но лишь в виде исключения попадались такие капитаны, которые не озаботились взять с собой, кроме английской (настоящей), еще и французскую (подложную) лицензию.

Чем могущественнее чувствовал себя Наполеон на континенте, тем менее стеснялся он с выдачей лицензий. Заставляя терпеть всю Европу от недостатка и дороговизны колониальных товаров, он даже по своей инициативе ввозит во Францию то количество, какое ему заблагорассудится. В декабре 1811 г. Наполеон даже приказывает навести справки, кто бы из голландских купцов взялся привезти во Францию сахара и кофе из Англии с условием сбыть туда же равноценное количество шелковых материй[34]. Особенно охотно и часто в этом и следующем 1812 г. раздавались лицензии. Обращается правительство по *своей* инициативе и к бордоским торговым домам, позволяя им сбывать в Англию водки и вина за сахар[35] (который был более гнетуще необходим, чем кофе).

В 1811 г. позволялось уже обладателям лицензий вывозить не $^1/_2$, а $^1/_3$ количества товаров, которые они вообще обязаны были вывезти, в виде шелковых материй[36]. В особых случаях позволялось даже вывозить шелка на $^1/_6$ груза[37].

25 ноября 1811 г. Наполеон разрешил (посредством выдачи лицензий и при условии вывоза 10 тысяч бочек французского вина) ввезти во Францию 120 тысяч квинталов сахарного песка. Точно так же (и тогда же, 25 ноября 1811 г.) император разрешил (на аналогичных условиях) ввезти во Францию морем испанский хлопок из Малаги и Валенсии (но тут вместо вина предметом обязательного экспорта являлось равноценное количество французских шелковых материй)[38].

Буррьен, говоря в своих записках о континентальной блокаде, пишет: «...теперь трудно понять, как Европа могла хоть один день терпеть эту тиранию фиска, которая заставляла платить чрезмерные цены за припасы, сделавшиеся по трехсотлетней привычке необходимыми как для бедных, так и для богатых». Лицензиям, которые выдавались некоторым лицам, получавшим право ввозить на известную сумму колониальные товары и *за это* обязанным на ту же сумму вывезти французские товары для продажи за границей, Буррьен не придает ни

малейшего значения. Он утверждает, что эти обязательно купленные французские товары выбрасывались в море, а вовсе не продавались: Англия в них не нуждалась [39].

Что владельцы лицензий, отправляющиеся в Англию, в самом деле бросают в море товары, взятые из Франции, и наживаются *исключительно* на ввозе во Францию английских товаров, свидетельство об этом я нашел и в протоколах такого осведомленного и компетентного учреждения, как совет мануфактур: совет даже считает поэтому вредными эти лицензии, если они даются для торговли с Англией: напротив, торговля с Америкой, в самом деле нуждающейся в мануфактурных товарах, очень полезна [40].

Для лиценциата важно было накупить товара (для «обязательного вывоза») самого негодного и дешевого, лишь бы официально французскими властями он был оценен подороже, чтобы *возможно было привезти из Англии на ту же сумму* настоящего товара для продажи. Чудовищные взятки давались таможенным чиновникам, чтобы они признали «истинную ценность» вывозимого из Франции груза не ниже известной цифры, проставленной в фактуре. В воспоминаниях Ришар-Ленуара говорится, что он сам однажды дал взятку в 68 тысяч франков (и с него попросили еще 12 тысяч) [41]. А почему *нужно* было давать такие взятки, это мы узнаем на примере хотя бы *того же промышленника, но уже не из мемуаров его, а из официального документа*: Наполеон категорически отказал (29 апреля 1811 г.) в просьбе Ришара, чтобы ему было позволено ввезти нужный для его мануфактур хлопок, не вывозя на ту же сумму шелковых материй [42].

И Наполеон тоже узнал в конце концов, что французские фабрикаты далеко не всегда довозятся до английских берегов.

В самом конце 1812 г. Наполеон приказал справиться, сколько именно шелковых материй, вывезенных владельцами лицензий, в самом деле проникло в Англию и *сколько было выброшено в море*. И не лучше ли взыскивать с владельцев лицензий известную сумму, которую употреблять для поощрения шелковой промышленности, а весь груз разрешать им вывозить в виде полотен и вообще тех товаров, которых ввоз не запрещен англичанами. Судя по всему, Наполеон склонен был думать, что едва ли не весь шелк выбрасывается в море [43]. Да и какие справки тут могли бы дать сколько-нибудь точные сведения?

О лицензиях говорили в 1811 г. вслух с неслыханной по тому времени смелостью; говорили, что лицензии вполне доказали всю невозможность осуществить континентальную блокаду. Лаффит не убоялся в глаза сказать эти горькие истины

всемогущему Савари, министру полиции, о чем Савари и передает в своих записках [44].

Некоторые ближайшие слуги Наполеона возмущались лицензиями, пожалуй, еще больше, чем континентальной блокадой в точном смысле слова. Герцог Рагузский, Мармон, наместник Иллирии, полагал, что «континентальная блокада, *idée fixe* императора», становилась особенно нестерпимой именно вследствие лицензий. «Эта несчастная система, эта гибельная комбинация, причина и предлог стольких и столь вопиющих несправедливостей, система, гигантская идея которой имела что-то соблазнительное для такого воображения, которое было у Наполеона, делалась чудовищной и нелепой при своем осуществлении: нелепой, ибо император, который один против желания и нужд всей Европы ее установил, который один мог получить (от этой системы) благоприятные результаты, был принужден уклоняться от нее посредством лицензий — еще другого скандала, другой гнусности» [45]. По мнению Мармона, Наполеон, деспотически заставляя других государей подчиняться блокаде и допуская для себя в то же время исключение, унижал государей, союзных с ним, делал блокаду совсем тиранической, нестерпимой мерой. Мало того: эти лицензии ставили в несправедливо привилегированное положение отдельных счастливцев, которые разными происками, «отталкивающими честного негоцианта», успевали запастись лицензиями. Всюду была несправедливость, и «Европа, постоянно оскорбляемая, унижаемая этим презрением ко всяким правам, ко всякой справедливости, была расположена разбить свои цепи». Время заблуждения и безумия,— так говорит Мармон об эпохе континентальной блокады [46] и говорит именно по поводу лицензий.

В 1813 г. Наполеон смотрит на лицензии уже исключительно как на средство пополнить быстро пустеющую казну, которая с трудом выдерживала неимоверные расходы, вызываемые гигантской общеевропейской войной. Таможни *должны* дать больше, чем предполагалось, *должны* дать 150 миллионов франков, а потому нужно выдать столько-то и столько-то новых лицензий. Но чем больше приближался к концу 1813 г., тем меньше значения уже могли иметь эти «лицензии»: континентальная блокада переставала существовать с освобождением Европы от власти Наполеона, с отступлением таможенных линий к Рейну, с сокращением сторожевой службы на границах.

Теперь, рассказав об обстоятельствах, характеризующих внешнюю историю установления континентальной блокады, отметив роль таможен, развитие контрабанды, сущность лицен-

ций, мы должны найти в документах ответ на вопрос: какова была сущность экономических отношений между наполеоновской Империей и континентальной Европой? Конечно, сколько-нибудь обстоятельный ответ на этот вопрос мы получим только относительно наиболее тесно связанных с Империей, наиболее зависимых от Наполеона стран, да еще относительно России, так как континентальной блокаде суждено было сыграть особенно важную роль в разрыве союзных отношений между обеими империями. Но и того, что дают наши документы, *при всей их неполноте, при всех пропусках* достаточно, чтобы выяснить природу экономических отношений между Империей и Европой в эпоху блокады.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ НАПОЛЕОНА И ДРУГИМИ КОНТИНЕНТАЛЬНЫМИ СТРАНАМИ В ЭПОХУ БЛОКАДЫ

ы видели, каковы были тенденции Наполеона, его правительства и торгово-промышленного мира Франции в области экономической политики; мы ознакомились затем с установлением блокады во Франции и на континенте. Теперь посмотрим, как сложилась картина экономических отношений между наполеоновской Империей, с одной стороны, и остальным континентом, с другой стороны.

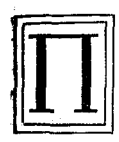
Мы увидим, что политическая мощь Наполеона была всецело пущена в ход, чтобы сделать континент по возможности монопольным рынком сбыта для французской промышленности; увидим также, что для *такого* результата у французских промышленников сил все-таки не хватило; увидим, с другой стороны, что то самое политическое преобладание Наполеона, которое сильно облегчало французской промышленности ее борьбу против конкурентов, *понижало* покупательную способность внешних рынков, если порой и вовсе не разоряло их. Страшная сложность и многогранность такого исторического фактора, как континентальная блокада, начнет все более и более вырисовываться перед нами.

Глава X

ИМПЕРИЯ И ИТАЛИЯ

Отношение французского правительства к интересам внешней торговли Италии. Препятствия к развитию мануфактурной деятельности в Италии. Стремление монополизировать итальянский рынок сырья и рынок сбыта. Торговый договор Империи с Италией. Вопрос о вывозе шелка-сырца из Италии. Цифры франко-итальянского торгового баланса

риказывая в сентябре 1807 г. министру внутренних дел представить проект мер, которые нужно принять, чтобы «благоприятствовать французской торговле в Италии», Наполеон счел нужным [1] прибавить: «...не вредя интересам этой страны». Но последняя фраза осталась словесным украшением, и только.

Об интересах Италии император и его министры думали очень мало. Пьемонт, уже с 1802 г. разделенный на шесть департаментов, был присоединен к Франции. Вообще с 1800 г., после битвы при Маренго, все государства Апеннинского полуострова уже не выходили фактически из-под власти Наполеона. Внешние подробности и формы этого владычества нас тут, конечно, мало касаются.

В июне 1805 г. Наполеон уничтожил республику в Лукке и, сделав ее великим герцогством, отдал ее в управление сестре своей Элизе Бачокки. Что касается Тосканы, то она с 1801 г. уже не освобождалась от французской оккупации и никакой самостоятельностью не пользовалась, несмотря на то, что получила волей генерала Бонапарта особого короля («короля *Этрурии*») — Людовика, сына герцога Пармского. Пистойя, Сьенна, Ливорно не только были заняты французскими войсками, но и управлялись ими; во Флоренции распоряжался Мюрат. Затем из некоторых городов Тосканы войска были выведены (уже после смерти короля, при управлении королевы-регентши Марии-Луизы), а в 1807 г. Наполеон, разгневавшись на то, что берега худо охраняются от английской контрабанды, опять велел занять Ливорно, Пизу, а 10 декабря 1807 г. занята была и Флоренция. Тоскана была присоединена к Империи в виде трех департаментов: Арно, Средиземного моря и Омброне, причем

все три департамента составляли особое генерал-губернаторство; правительницей этого генерал-губернаторства была сделана переведенная сюда из Лукки Элиза Бачокки (3 марта 1809 г.). Парма уже с 1802 г. управлялась так же, как Пьяченца и Гуастала, представителем первого консула. Рим и Папская область были оккупированы в 1808 г., а 17 мая 1809 г. присоединены формально к Империи. В Неаполе со времени низложения в 1806 г. Бурбонов и воцарения Иосифа Бонапарта воля Наполеона творила закон (и это положение вещей особенно бросалось в глаза с 1808 г., когда на неаполитанском престоле Иосифа заменил маршал Мюрат).

«Цизальпинская республика» превратилась в 1802 г. в Итальянскую республику, а 17 марта 1805 г.— в «королевство Италию», королем которого был провозглашен Наполеон. Вице-королем Италии, как известно, Наполеон назначил Евгения Богарне (в июне 1805 г.), и тот оставался в этой должности до самого конца Империи, являясь наместником Наполеона в королевстве. Нельзя сказать, что с этого времени начинается политика систематической эксплуатации Италии в пользу Франции, ибо эта политика началась раньше.

1. Прежде всего Апеннинский полуостров (т. е. те части его, которые еще до 1805 г. были во власти Наполеона) лишился возможности вести торговые сношения с Турецкой империей, шире говоря, со всеми странами Леванта.

Декрет 4 мессидора XI года (23 июня 1803 г.) поручил Марсельской торговой палате высший надзор за всеми торговыми фирмами, которые вели торговлю с Левантом, причем ни одна фирма не могла этой торговлей заниматься без разрешения правительства; испрашивать это разрешение возможно было исключительно через посредство Марсельской торговой палаты; эта же палата выдавала каждому рабочему, ремесленнику, приказчику, которого та или иная фирма выписывала в восточные страны, свидетельство о неимении препятствий к его отправлению туда. Генуя с 1800 г. окончательно попала в руки Наполеона, и, конечно, когда декрет XI года был издан и ее торговая деятельность подчинялась надзору Марсельской торговой палаты, Марсель вполне торжествовал в этом отношении над своей старой соперницей по Средиземному мореплаванию и в левантийской торговле, и генуэзское купечество жаловалось на эту несправедливость, и 3 мая 1807 г. Наполеон издал декрет, распространявший доселе исключительные права Марсельской торговой палаты также и на Генуэзскую торговую палату. Марсельская палата протестовала (хотя и весьма почтительно) и горько жаловалась [2]. Мемуар, представленный ею правительству, весьма длинен и много говорит о природе, «указавшей перстом» на Марсель как на единственное место для левантий-

ской торговли, о неудобствах, которые произойдут для правительственного надзора за торговлей от такого разделения власти, и т. д. Но в чем именно заключается истинный мотив протеста, читатель узнает, лишь добравшись до того места, где палата выражает опасение, что генуэзские конкуренты могут теперь хлынуть в те места, куда до сих пор Марсельская палата их не пускала (не давая хода их прошениям о разрешении). Выражено все это в весьма дипломатических выражениях, но совершенно ясно по существу [3]. Впрочем, в 1807 г. весь этот спор между двумя Средиземными портами имел уже чисто академическое значение: при полном владычестве английского флота на море активная левантийская морская торговля была в равной мере немыслима и для Генуи, и для Марселя.

2. Мешая итальянской внешней торговле, императорское правительство совершенно сознательно и систематически не давало развиваться и самостоятельной промышленности на полуострове.

Уже в 1803 г. французское министерство иностранных дел возвело в экономический закон то обстоятельство, что «Италия есть страна земледельческая» [4], почему ей и надлежит быть потребительницей французских товаров. Особенно рассчитывали при этом на сбыт шерстяных товаров, бумажных и шелковых материй [5]; и притом ввиду начавшегося уже завоевания полуострова французами можно было говорить о «более прочном, обеспеченном рынке», чем прежде (la France, obtenant un débouché plus constant, plus assuré...). Рассуждая, например, в 1807 г. о самой промышленной из итальянских областей — Ломбардии, и в частности о миланской области, французский министр внутренних дел находил, что мануфактурная деятельность «не в характере» миланцев; что это будто бы «признано» [6]. Да и к чему им промышленность «при богатстве почвы?» [7]

Были и такие голоса, которые заявляли, что хотя итальянские мануфактуры стоят и ниже французских, но что на это полагаться нечего, ибо природные условия полуострова очень хороши, а, кроме того, французскому сбыту мешает и антипатия итальянцев к французам, желание от них избавиться. Все это, например, ставила на вид Лионская торговая палата министерству внутренних дел в 1808 г., когда речь шла о понижении ставок в Италии для французских провенансов [8]. И эти предостерегающие голоса находили живой отклик в наполеоновском правительстве.

Французское правительство откровеннейшим образом заявляло при всяком удобном случае, что оно вовсе не намерено благоприятствовать развитию мануфактурной деятельности на Апеннинском полуострове. В ноябре 1809 г. великая герцогиня тосканская Элиза (сестра Наполеона) переслала в Париж

министру внутренних дел ходатайства префекта департамента Арно: 1) об устройстве во Флоренции ремесленного музея и 2) об учреждении в Прато ремесленно-промышленной школы. Тосканская правительница всецело поддерживала эти ходатайства. Несмотря на такую протекцию, в министерстве внутренних дел этому воспротивились из-за боязни, что если способствовать развитию тосканской промышленности, то «рано или поздно» может произойти невыгодное для Франции «перемещение» промышленной деятельности; была сделана при этом канцелярская оговорка, что, конечно, между «прежними» и «новыми» французами не надлежит проводить различий, а все-таки нельзя, поощряя «новых», рисковать нанести ущерб «старым», обучая их будущих конкурентов [9].

Аналогичная история произошла в 1811 г. с вопросом о промышленности в Риме. Дело было так. Возникла мысль о субсидии для устройства в Риме машинной мастерской и о посылке туда моделей и инструментов, которые бы помогли распространению механического производства и текстильной индустрии. Но тут вдруг пришла в министерство резолюция Наполеона по другому совсем поводу (по делу о предполагавшемся ассигновании 200 тысяч франков в виде субсидии одной римской бумагопрядильне). Император написал: «Вопрос еще, надлежит ли содействовать устройству прядилен в Риме и вообще в Италии; но не составляет уже вопроса, что нужно способствовать культуре хлопка, вайды и растений, дающих соду. Я желаю, чтобы 500 000 франков [10] были специально предназначены на это» [11]. Резолюция императора в корне уничтожила самую мысль о благоприятствовании развитию промышленности в Италии. Министерство справедливо усмотрело [12] в резолюции нежелание императора поощрять индустрию на Апеннинском полуострове, и дело с посылкой инструментов и т. п. было оставлено.

Не более повезло в том же отношении и Неаполю.

В декабре 1812 г. бельгийский бумагопрядильщик, богатый фабрикант Lievin Bauwens, известный правительству как один из первых промышленников, способствовавших распространению mull-jennys в Бельгии и в самой Франции, обратился к министру мануфактур и торговли с просьбой о дозволении вывезти некоторые из принадлежащих ему прядильных машин в Неаполитанское королевство. Он получил категорический и немедленный отказ от министра, причем Коллен де Сюсси прямо ссылался на принципиальное нежелание императора [13].

3. Итак, Италия должна быть для Франции прежде всего рынком сбыта. А если так, то нужно использовать наполеоновское могущество на полуострове и изгнать с этого рынка иностранную конкуренцию.

Кампания против последних остатков торговой свободы Ита-

лии повелась из промышленных центров Франции. Ход рассуждений, например, амьенских фабрикантов, подающих 30 июля 1806 г. «мемуар» правительству, очень прост: его величество еще декретом 27 июля 1805 г. воспретил ввоз английских товаров в Италию; 10 июня 1806 г. это воспрещение было подтверждено, но вместе с тем оставлено право иностранцам (неангличанам, конечно) ввозить с уплатой положенной пошлины товары из Германии и из Швейцарии. И если все-таки французские товары мало потребляются в Италии, то *значит*, под видом итальянских и швейцарских провенансов ввозятся именно запрещенные английские товары, иначе немцы и швейцарцы не могли бы иметь преимуществ перед французами [14]. Вывод: необходимо взыскивать с французских товаров половинную пошлину при ввозе их в Италию. Это облегчит французам борьбу за итальянский рынок.

Французские промышленники (летом 1807 г.) жаловались, что таможни Итальянского королевства ставят некоторые преграды французской промышленности; они протестовали и против высоты ставок, и против якобы стеснительных формальностей, и против того, что Франция в смысле сбыта товаров в Италии не поставлена лучше других держав; и вообще излагавший императору их претензии министр внутренних дел прямо высказывал мысль о том, что Италию следует поставить в экономическую зависимость от Франции, благо Италия — «страна земледельческая» [15]. Даже транзит для каких бы то ни было товаров (кроме французских) должен быть либо вовсе воспрещен, либо поставлен в менее выгодные условия, чем французский [16].

20 июня 1808 г. было издано распоряжение о половинной пошлине на французские товары, ввозимые в Италию. Любопытно, что на сей раз Наполеону угодно было дать акту своей воли форму якобы торгового договора между двумя державами: французской Империей и королевством Италии. Он даже назначил представителей обеих держав, государем которых он являлся, и с внешней стороны этот «договор» Наполеона с самим собой довольно курьезен [17].

Неммих, видевший Италию в 1810 г., констатирует, что итальянский рынок отнят у английской, немецкой и швейцарской промышленности в пользу монопольного владычества французов [18]. Правда, и итальянские товары должны были при ввозе во Францию пользоваться теми же милостями, но реального значения для Италии эти милости не имели, по крайней мере для мануфактурной промышленности (виноторговля Италии воспользовалась этим больше).

Но французские фабриканты (даже после издания благоприятного для них торгового договора с Италией) признавались, что они не могут выдержать на итальянском рынке кон-

куренции с саксонскими и богемскими простыми сортами сукон, потому что саксонские и богемские сукна на 45% дешевле французских; дешевле же они потому, что и рабочие руки в Саксонии и Богемии дешевле, чем во Франции, и шерсть — туземная, а французы для этих простых сортов должны выписывать *ее же,* саксонскую и богемскую шерсть. Конечно, им она обходится дороже. А если так, то можно сколько угодно воспрещать ввоз в Италию иностранных (нефранцузских) сукон, все равно «слишком велика приманка для контрабанды» [19].

26 августа 1810 г. Наполеон выражает неудовольствие вице-королю Евгению Богарне по тому поводу, что, во-первых, турецкие корабли в итальянских портах не были арестованы, а во-вторых, потому еще, что Италия «наводнена швейцарскими ситцами и бумажными материями». Немецкие и швейцарские материи должны в Италию идти не иначе, как через Францию. И он грозит Италии участью Голландии: если таможни не будут в Италии действовать так, как во Франции,— Италия будет присоединена [20].

В частности, особым покровительством воспользовалась именно хлопчатобумажная промышленность. Декретом от 10 октября 1810 г. Наполеон запретил ввозить в Италию бумажные материи откуда бы то ни было, кроме как из Империи. По сообщению министра мануфактур и торговли де Сюсси Наполеону, декрет от 10 октября 1810 г. имел самые благие результаты для французской промышленности (особенно городов Руана, Амьена, Сен-Кантена, Тарар, Рубе и Туркуена). Мы не знаем, много ли это помогло данным городам в 1811 г., в эпоху кризиса. Но в 1812 г., к осени которого относится доклад министра, правительство считает Италию рынком, отбитым у Англии и дающим Франции ежегодно на покупке бумажных материй около 19 миллионов валового дохода [21].

Мало того. Не разрешая ввоза бумажных материй в Италию из неимперских стран, Наполеон подозрительным оком смотрел и на ввоз туда простой бумажной пряжи.

Когда (в ноябре 1810 г.) он узнал, что миланские мануфактуры нуждаются в бумажной пряже и белых бумажных материях (для дальнейшей обработки) и что за неимением этого они бездействуют, он приказал министру внутренних дел озаботиться, чтобы все нужное было послано в Италию из Франции; по его мнению, это нужно сделать, чтобы итальянские мануфактуры не обратились к швейцарцам [22]. А Евгению Богарне, который писал императору, что итальянские ситцевые мануфактуры нуждаются в таких сортах материй, которые не выделываются во Франции, Наполеон одновременно сообщил, что во Франции всякие сорта выделываются и что обращаться в Швейцарию и Германию представило бы «много неудобств».

И он даже внушительно рекомендовал и *не помышлять* о других странах, кроме Франции [23].

Почему нельзя в Италию (не говоря уже об Империи) допускать ни единой штуки бумажной материи ниоткуда, кроме как из Франции? Потому, что, во-первых, явится от Балтийского побережья английская контрабанда, а, во-вторых, если даже это будут материи, изготовляемые не у врагов, а у «союзников», то союзники «плохо охраняют свои границы» от ввоза английского хлопка и из-за этой своей «оплошности» имеют лучший по качеству и более дешевый хлопок для выделки, нежели французы [24].

Правительство, со своей стороны, поддерживало французских промышленников, не только делая их почти монополистами по некоторым статьям итальянского ввоза, но и прибегая к вывозным премиям. Вывозная премия давалась правительством за вывоз из Франции в королевство Италийское: 1) рафинадного сахара, 2) мыла, 3) хлопчатобумажных материй [25].

Когда Наполеон (в 1811 г.) решил было прекратить вывозные премии для произведений бумагопрядильной индустрии, сбываемых в Италию, на том основании, что и без того в Италию воспрещено ввозить бумажные материи откуда бы то ни было, кроме Франции, то Амьенская торговая палата всеподданнейше ходатайствовала перед императором о сохранении премий, и при этом основание приводилось вполне ясное и вполне откровенно: если не поощрять французский ввоз, то итальянцы сами заведут у себя промышленность и «перестанут быть данниками» французов [26].

Тон Наполеона относительно таможенных дел зависимых от него государств прекрасно характеризуется его приказом Мюрату отменить пошлину, которую уплачивают французские сукна, ввозимые в Италию. Это — письмо в две строчки: «A Joachim Napoléon, roi des Deux-Siciles, à Naples, Schönbrunn, 14 octobre 1809. Les draps de France payent un droit. Rendre un décret pour exempter de ce droit les marchandises françaises et surtout les draps» [27]. Эта команда в неопределенном наклонении весьма характерна.

Следует заметить, что подвластные Наполеону правительства на полуострове шли иногда еще дальше и ставили в монопольное положение не всю Империю, а именно старофранцузские департаменты по преимуществу. Тарифом от 24 февраля 1810 г. Мюрат обложил французские сукна сравнительно очень незначительными пошлинами, но Бельгию не включил при этом в число французских земель, хотя она и de facto, и de jure была вполне инкорпорирована [28]. Таким образом, Мюрат делал в угоду Наполеону в Неаполитанском королевстве то, что самому Наполеону казалось неудобным делать в непосредственно ему

принадлежавшем королевстве Италии: приравнивать свои бельгийские департаменты к иностранным державам император в данном случае не решился.

А когда тот же Мюрат (опять исключительно во имя интересов неаполитанского фиска) вздумал в очень скромных размерах повысить кое-какие пошлины, то получил выговор. 2 апреля 1811 г. Наполеон — в гневе на неаполитанского короля Мюрата за недостаточно усердное исполнение правил блокады и за повышение пошлины на французские сукна. «Скажите ему (посланному Мюрата.— *Е. Т.*), что король ошибается, если он думает царствовать в Неаполе иначе, как согласно моей воле и для блага Империи. Скажите ему положительно, что если он не изменит систему, то я завладею королевством и буду управлять им посредством вице-короля, как Италией... Скажите неаполитанскому министру, что король на дурном пути; что, когда кто удалился от континентальной системы, то я не пощадил даже своих братьев и еще менее пощажу его» [29].

Но все равно значение неаполитанского рынка для сбыта французских мануфактурных фабрикатов всегда было невелико: французы (в XVIII в.) сбывали там преимущественно продукты колоний. Пока Франция имела возможность сообщаться со своими колониями, она широко сбывала их произведения в Неаполитанском королевстве: эти товары сбывались французами на ярмарках в Салерно и Синигаллии. Конечно, эта торговля уничтожилась вполне именно ко времени французского вторжения в королевство [30].

Столь же ничтожное значение имела в этом смысле и Церковная область, захваченная Наполеоном окончательно в 1810 г. Эта область производила очень мало, но и покупала чрезвычайно немного. Вообще говоря, единственной сколько-нибудь заметной отраслью промышленности в Риме и окружающей его области были шерстяное производство да отчасти выделка мыла. Существовавшее шелкопрядение и фабрикация некоторых сортов шелковой материи (погрубее) имели чрезвычайно ограниченное распространение и значение [31]. Распространение прядильной промышленности не удалось,— попытка, сделанная в этом направлении, потерпела фиаско.

Любопытно, что не министр внутренних дел и не министр торговли и мануфактур, а именно министр полиции обыкновенно ходатайствует о выдаче субсидии бедствующим промышленным предприятиям в присоединенных, нестарофранцузских департаментах. Это вмешательство мотивируется вполне определенно: в конце 1811 г. затеянная было страсбургским промышленником Бухером бумагопрядильня в г. Риме находится накануне банкротства; вместо недавних еще 600 рабочих она дает работу (в ноябре 1811 г.) лишь 150, и если ей не помочь,

она скоро погибнет. Герцог Ровиго, министр полиции, горячо ходатайствует о помощи. Почему? Потому, что Рим и его народ в «глухом волнении», и нужно это волнение прекратить [32], иначе рабочие, лишенные средств к жизни, «сделаются предметом беспокойства для полиции» [33].

Конечно, и тут относительно нищего рынка Римской области было сделано то же, что делалось относительно королевства Италии.

Едва только Наполеон окончательно сделался хозяином Рима, как декрет, действовавший во Франции и препятствовавший ввозу из-за границы дубленой кожи, был распространен на этот город и на всю бывшую Церковную область. Баварское правительство попробовало было просить о допущении этого товара из Баварии в Рим (ибо декрет сразу пресекал налаженную с давних пор баварскую экспортную торговлю с Римом), но натолкнулось со стороны французов на решительное сопротивление. Аргумент Главного совета фабрик и мануфактур, с которым вполне согласился и министр, заключался в том, что нежелательно делиться римским рынком с баварцами: кожевенно-дубильные мануфактуры всего запада и юга Франции лишены сбыта, бедствуют вследствие того, что прежде они вывозили свой товар в Португалию, а теперь (1810—1811 гг.) об этом нечего и думать, и Рим может отчасти компенсировать это исчезновение португальского рынка [34]. На том дело и кончилось.

4. Как рынок для закупки *сырья*, Италия меньше интересовала французских промышленников, чем как рынок сбыта. Шерсть итальянская не могла равняться с испанской [35], льна во Франции было достаточно, хлопководство на полуострове, несмотря на все усилия и старания правительства, давало и мало хлопка, и по большей части качества невысокого. Единственным сырьем, которое временами привлекало взоры французских промышленников, были шелковые коконы.

В той части моей работы, где речь идет о пьемонтских департаментах Французской империи, читатель мог уже ознакомиться с политикой эксплуатации пьемонтского шелководства в пользу шелковых фабрик Лиона и других городов «старых департаментов». Но, когда не хватало (или грозила опасность, что не хватит) пьемонтского шелка, тогда Наполеон вспоминал, что он может распорядиться и шелководством королевства Италии тоже как своей собственностью. Тогда он, не довольствуясь тем, что и в обыкновенное время вывоз итальянского сырца в другие страны, кроме имперских, был обставлен затруднениями, просто *воспрещал* вывоз этого продукта куда бы то ни было, кроме Франции.

Не только в Римской области, но и во всех заальпийских департаментах, принадлежавших Франции, выход шелковых

коконов оказался в 1810 г. из рук вон плохим [36]. И вот Наполеон в заседании Совета по управлению торговлей и мануфактурами и заявил, что как король Италии он прикажет пропускать сырец из Италии во Францию без *вывозной* пошлины, а как император французский он приказывает впускать этот итальянский сырец во Францию без *ввозной* пошлины. А так как он вместе с тем воспретил вывозить сырец куда бы то ни было, кроме Франции, итальянские мануфактуры потребляют всего 100—150 тысяч фунтов сырца, производит же Италия в среднем 2 400 000 фунтов, то вот, значит, французские мануфактуры и обеспечены вполне и, кроме того, могут победоносно конкурировать со швейцарскими мануфактурами, которые не будут иметь такого обильного и дешевого сырья [37].

Конечно, итальянские владельцы сырца жаловались и просили оставить все по-прежнему, ибо и без того Франция обеспечена итальянским шелком больше, чем любая другая страна (так как при вывозе во Францию итальянская таможня берет всего половину общей вывозной пошлины). Свой протест итальянцы облекли в довольно смелую по тому времени форму с явственным упреком Наполеону в несправедливом предпочтении интересов Франции всем остальным [38]. Конечно, ничего из этих представлений не вышло; Наполеон не обратил на них никакого внимания.

Таков был характер франко-итальянских торговых отношений в царствование Наполеона. Тяжелое положение Италии усугублялось еще и тем, что континентальная блокада даже с точки зрения вечно недовольного и придирчивого императора соблюдалась «в Италии и в Неаполе» [39] в общем очень хорошо, не хуже, чем в самой Франции, и гораздо лучше, чем где бы то ни было в остальной Европе. Это ему не мешало время от времени грозить и Евгению, и Мюрату, но в общем он был доволен.

Еще в Неаполь проникала контрабанда, о размерах которой император не имел точных сведений. 28 февраля 1810 г. он приказывает Шампаньи передать его повеление подлежащим властям, чтобы они следили внимательно (avoir l'œil) за тем, что происходит в Неаполе: «...кажется, что в порты этого королевства приходят колониальные товары, несмотря на законы, по которым они подлежат конфискации» [40].

Но в королевство Италии еще можно было ввезти контрабанду; контрабандный же *сбыт* своих продуктов — их *вывоз* — был крайне труден. А вся таможенная политика Наполеона стремилась тем или иным способом сделать Францию не только монопольным продавцом, но и монопольным покупателем в Италии.

В сентябре 1810 г. особая депутация от торгово-промышленного мира королевства Италии обратила внимание Наполеона на тяжкое положение промышленности в королевстве и указала причины. Прежде то население, которое теперь вошло в состав королевства, торговало с Пьемонтом, Пармой, Пьяченцой, Генуей, Тосканой, Римом, Истрией, Далмацией; теперь все эти перечисленные земли вошли в состав Французской империи, на них распространен общий таможенный тариф Империи, и торговать с ними стало почти невозможно, ибо имперский тариф либо начисто запрещает ввоз известных фабрикатов, либо облагает их такими ставками, которые равносильны запрету. Торговый договор Империи с Италией от 20 июня 1808 г. (где, как мы видели, Наполеон, император французов, договаривался с самим собой как с королем Италии) нанес, по словам депутации, большой удар итальянской промышленности еще и потому, что допустил почти беспрепятственное распространение в Италии французских товаров. Например, итальянец, ввозящий сукно в Империю, должен платить пошлины 1 франк 50 сантимов за метр, что равно запрещению ввоза, и депутация, взывая к справедливости, просит об уравнении пошлин для товаров, ввозимых из Империи в Италию и из Италии в Империю. Далее, итальянские мануфактуры получали прежде нужную им шерсть из Рима (Церковной области, где было развито овцеводство). Теперь Наполеон запретил этот вывоз, и итальянские мануфактуры лишены нужного им сырья. Прежде Италия ввозила во Францию кое-какие металлические товары и мелкую металлическую утварь. Теперь этот ввоз воспрещен; точно так же воспрещен ввоз фаянсовых и стеклянных изделий. Между тем, куда же сбывать этот тяжелый, дешевый, не удобный для далекого транспортирования товар, когда Италия окружена имперскими владениями? Наконец, бумагопрядильные мануфактуры, где работает в королевстве 20 тысяч человек, принуждены будут остановить работу, если не будет понижена пошлина на хлопок [41]. Таковы были жалобы итальянских промышленников. Сколько-нибудь ощутительных результатов этих жалоб не воспоследовало. Монталиве представил Наполеону доклад, в котором указывал, что в римской шерсти нуждаются французские суконщики, что ввоз металлических продуктов должен быть обложен пошлиной в 25—30% стоимости, а фаянсовых и стеклянных — в 50%, если уж император вообще пожелает снять запрет, и т. д. Словом, важнейшие домогательства были отвергнуты или их удовлетворение обставлено такими условиями, которые сводили к нулю сделанные уступки [42].

И только, когда в конце 1813 г. началось постепенное вытеснение французов с полуострова и рушилась континентальная

блокада, для Италии настала возможность сбывать свои провенансы, сообразуясь только с условиями рынка.

В заключение приведу цифры «торгового баланса», характерные для воззрений тогдашних официальных кругов на размеры вывоза и ввоза королевства Италии.

По подсчетам, приложенным к упомянутой во введении книге бывшего чиновника королевства Италии в эпоху Наполеона (Pecchio), королевство вывезло в 1811 г. вообще товаров за границу на 132 575 565 франков. Из них зерновых продуктов и овощей — на 42 988 368 франков, а шелка и шелковых материй — на 46 429 151 франк (остальная сумма распределяется между 11 статьями). Но, к сожалению, Pecchio дает рубрику, которая весьма неопределенна: *sete, loro attinenze e manifatture* [43]. Это у него общее заглавие рубрики, и читателю предоставляется догадываться, на сколько же именно было вывезено сырца, на сколько — шелковой пряжи и на сколько — шелковых материй. В 1812 г. под этой же неопределенной рубрикой значится 61 552 625 франков, в 1813 г. — 60 446 810 франков. Можно только с уверенностью сказать, что бо́льшая часть этой цифры составилась от вывоза сырца, а не пряжи и подавно не материй: по всем документам, относящимся к шелковой торговле, явствует, что французы нисколько не боялись заграничной конкуренции со стороны итальянских фабрикантов шелка, а вывоз шелковых материй из Италии в Империю был обставлен громадными пошлинами. Что касается ввоза, то считалось, что в королевство Италии было ввезено заграничных товаров в 1811 г. на 129 635 823 франка; из них Франция ввезла на 70 377 300 франков, Триест, Фиуме, Далмация и Ионические острова (т. е. опять-таки владения Наполеона) ввезли на 11 696 200 франков; Неаполь — на 9 465 800 франков. Остальная сумма распределялась между другими государствами. В 1812 г. Империя ввезла в Италию товаров на 75 450 490 франков; Триест, Фиуме, Далмация, Ионические острова — на 10 770 000 франков; Неаполь — на 11 660 000 франков [44]. Цифра ввоза 1813 г., конечно, не может претендовать даже на относительное значение [45].

Таковы были представления наполеоновских властей в Италии о торговом обороте королевства перед тем, как в последние месяцы 1813 г. наполеоновское владычество в Италии стало шататься, а через разбитые таможенные линии хлынул ничем более не сдерживаемый поток английских и неанглийских товаров.

Глава XI

ИМПЕРИЯ И БЕРГ

Общий характер экономических отношений между Империей и Бергом. Оборона от конкуренции Берга. Вывоз из Берга в разные страны Европы и Америки. Экономические домогательства Берга. Просьбы промышленников о присоединении Берга к Империи. Французская точка зрения на этот вопрос

Берг был, можно сказать, если не самой передовой на континенте Европы страной в индустриальном отношении, то одной из наиболее передовых. Страна знаменитой стародавней золингенской металлургии, страна широко развитой текстильной промышленности, эта часть правобережной прирейнской Германии и теперь считается, как известно, едва ли не самой промышленной в нынешней Германской империи.

При таких условиях об эксплуатации Берга как рынка *сбыта* французские промышленники не смели и мечтать; об эксплуатации его как рынка *сырья*, которое могло бы пригодиться французским мануфактурам, тоже нечего было думать: сам Берг скупал много иностранной шерсти, руды, льна, потому что своего не хватало на собственные фабрики. Оставалось одно: всеми силами обороняться от бергской конкуренции, обезвредить Берг, не пускать бергских фабрикатов на имперский рынок. Вот к чему единственно направилось все внимание промышленных кругов Франции, вот на что устремилась энергия всецело им сочувствовавшего в данном деле наполеоновского правительства и самого Наполеона.

Как полотняные, так и бумажные материи и ситцы, выделываемые в Берге, были безусловно воспрещены к ввозу во Францию. Шерстяные материи были обременены пошлинами и могли продаваться только в пограничных с Бергом округах. Шелковые материи были безусловно воспрещены к ввозу из Берга во Францию. Металлические изделия, именно: ножи, клинки, оружие (вся так называемая quincaillerie fine) были тоже воспрещены к ввозу [1]. Бергские фабриканты жаловались и просили хотя бы о частичных послаблениях и милостях, но напрасно.

Не только Франция, но и Италия была отнята у бергской промышленности. Когда, по просьбе Мюрата, великого герцога Бергского, Наполеон приказал (варшавским декретом от 12 января 1807 г.) допускать ситцевые и полотняные материи из Берга в Италию на тех же основаниях, как и французские, то это подействовало весьма благотворно на бергскую промышленность, но уже в конце декабря того же 1807 г. опять было наложено запрещение на ввоз нефранцузских материй. А с началом войны на Пиренейском полуострове и с потерей возможности морского сбыта торговля Берга потерпела новый тяжкий удар [2].

Бергские промышленники пытались как-нибудь обойти стоявшую перед ними высокую таможенную стену. Из Берга [3], а также и из Швейцарии [4] являлись капиталисты в Кельн, в Страсбург, в города и местечки на левом берегу Рейна и заводили там бумагопрядильни, лишь бы иметь французский рынок сбыта. Это явление стало замечаться уже с 1804 г., но особенно большие размеры приняло после декрета о воспрещении ввоза иностранных бумажных материй во Францию (от 22 февраля 1806 г.).

Но массовым это движение быть не могло. Оставшиеся на родине фабриканты, а таких было подавляющее большинство, жестоко страдали от недостаточности искусственно ограниченного сбыта. В докладе, представленном Наполеону весной 1811 г. графом Редерером, дана такая картина постепенного разорения великого герцогства. Еще в 1807 г. вывоз фабричных товаров из великого герцогства Бергского был равен 55 миллионам франков. Цифра эта распределялась по странам нижеследующим образом:

Во Францию шло ежегодно товаров на . .	8 350 000	франков
В Голландию	9 650 000	»
В новые северные провинции (ганзеатические)	4 000 000	»
В остальную Германию	22 760 000	»
В Швецию и Данию	400 000	»
В Россию	800 000	»
В Испанию и Португалию	2 750 000	»
В Италию	1 400 000	»
В Америку	4 500 000	»
Итого	54 610 000	франков

Разорение началось с того, что отпал заморский рынок (Америка) и испанская война прекратила сбыт на Пиренейский полуостров. Затем декабрьский декрет 1807 г., изданный Наполеоном в Турине, начисто закрыл для Берга итальянский

рынок. Присоединение к Франции ганзейских городов и Голландии, стеснения и прямые запрещения ввоза многих товаров в самую Францию нанесли новые и тяжелые удары, так что в общей сложности заграничный сбыт сократился на 16 650 000 франков, т. е. на *одну треть* общей суммы [5].

Промышленники великого герцогства Бергского обратились к Наполеону во второй половине 1811 г. с просьбой об облегчении ввоза их фабрикатов во владения императора. Прежде всего вопрос был расчленен. Отдельно рассматривались условия ввоза: 1) во Францию, 2) в Италию и 3) в Иллирию. Кроме того, обсуждался вопрос и о торговле великого герцогства с Испанией и Португалией, с Неаполем, Данией, наконец, с Америкой.

Бергские бумагопрядильни домогались свободного пропуска товаров во Францию с уплатой пошлины в 10% стоимости. Но как французский совет мануфактур, так и министр внутренних дел решительно воспротивились этому: во-первых, потому, что товары бергские и товары английские «имеют сходство» и этим может воспользоваться контрабанда для ввоза во Францию английских материй; во-вторых, *так как хлопок дешевле* в Берге, то и материи будут дешевле, а это будет невыгодно для французских мануфактур при борьбе за внутренний рынок. Эти аргументы оказались настолько убедительными, что сами бергские промышленники взяли назад свою просьбу «из почтения к его величеству» и из «преданности» континентальной блокаде [6].

Для историка здесь наиболее характерно не столько первое указание, сколько второе: не только потому континентальная блокада мешала подвластным или вассальным землям Наполеона воспользоваться расширением рынка, что вследствие «сходства» во Францию могли попасть английские товары, но и потому, что чем дальше была страна от *непосредственного* давления наполеоновской администрации, тем легче туда попадало английское сырье, тем, значит, дешевле оказывалось производство, тем убийственней была конкуренция этого производства для французской индустрии (или для индустрии непосредственно подчиненных Наполеону стран), а вывод отсюда делался один: на французский рынок нельзя пускать никаких конкурентов из завоеванных или вассальных земель. Вся фатальная *невозможность* экономических компенсаций со стороны завоевателя, невозможность крепкой спайки с Францией завоевываемых Наполеоном территорий, невозможность искреннего примирения экономически влиятельных кругов вассальных стран с сюзеренитетом Наполеона выясняется для исследователя из этих верноподданнических заявлений, из этой неудачи бергских фабрикантов поразительно отчетливо. И напрасно

бергские фабриканты уверяли Наполеона, что великое герцогство имеет такие же таможни, как Франция, что они (таможни) одушевлены такой же ревностью к своим обязанностям [7]. Наполеон не верил даже родному брату там, где дело касалось континентальной блокады.

Бергские суконщики просили также разрешения ввозить шерстяные материи во Францию с уплатой пошлины в 10% стоимости ввозимого товара. Совет мануфактур и министерство решили предложить императору установить «обратную таксу», т. е. чтобы за самые грубые и дешевые шерстяные материи была установлена пошлина в 20%, за сукна потоньше — 15%, за самые тонкие — 10%. Это было сделано потому, что конкуренции в области выделки тонких сортов сукна французы боялись меньше, да и общее значение этой отрасли суконного производства было не так велико [8].

Граф Редерер, начальник и заступник великого герцогства Бергского перед Наполеоном, домогаясь, чтобы были сняты запретительные пошлины и заменены сравнительно легкой (10% ad valorem), вопрошал с худо скрытой иронией: каковы же «тайные пороки французских фабрик», если они так боятся конкуренции привозных товаров? [9]

Когда коммерсанты и промышленники великого герцогства Бергского хлопотали перед Наполеоном (в 1811 г.) о допущении продуктов железоделательной и сталелитейной промышленности в Империю, то они весьма почтительно, но вполне ясно высказали мысль, что страны, подпадающие под власть Наполеона, тем самым начисто лишаются всех *прежних* рынков сбыта и единственно чем хоть отчасти могут быть спасены от разорения, это уничтожением или сильным понижением таможенных ставок, отделяющих их от Франции [10].

Ходатайство великого герцогства относительно допущения в Империю стальных и вообще металлических изделий было просто отклонено Главным торговым советом, а по его заключению, и министерством: аргумент был указан самый простой — нежелание встречаться на внутреннем рынке с новыми конкурентами. Желая успокоить французов, бергцы указывали, что они, собственно, домогаются лишь главным образом права и возможности торговать этими изделиями в Голландии и ганзейских городах, т. е. в *новых*, а не в старых владениях его величества, там, куда французские фабриканты все равно никогда этих предметов не ввозили. Между тем бергцы смотрели так, что «*участь их страны*» зависит от железоделательной промышленности и ее успехов, так как у них есть прекрасная руда и отличные угольные копи, и большинство жителей кормится около эксплуатации копей, руды и промыслов, теснейшим образом связанных с этой эксплуатацией [11].

Главный торговый совет, главный совет мануфактур, а под их прямым влиянием и министерство внутренних дел ответили замаскированным или открытым *нет, нет* и *нет* на ходатайство промышленников великого герцогства Бергского о допущении бергских фабрикатов во Францию.

Не более снисходительными оказались французские промышленные круги и французские власти к своим гипотетическим конкурентам также относительно итальянского и иллирийского рынков. Бергские мануфактуристы просили о допущении в Италию хоть некоторых ситцевых товаров из великого герцогства; отказано опять-таки якобы из-за страха английской контрабанды. Они просили о допущении шерстяных товаров, железных и стальных изделий по тому же тарифу, который действует относительно ввоза в Италию французских товаров, но и тут отказано из-за страха конкуренции и предложено облагать бергские провенансы *полными* пошлинами, а не *половинными*, какими обложены провенансы французские при ввозе в Италию. Жалуясь Наполеону на несправедливое к ним отношение, бергские промышленники и их защитники указывают на то, что ведь Берг дальше от Италии, чем пограничная с ней Франция. Чем же объяснить этот страх конкуренции? Если этот страх основателен, то «следовало бы признать, что французские изделия нигде не могут в Европе иметь сбыта, что их дороговизна составляет препятствие для какого бы то ни было распространения и что Франция должна отказаться от какой бы то ни было активной торговли». Здесь ставится также ребром один весьма щекотливый вопрос: если французские промышленники желают рассматривать и Италию, и Берг как совершенно чужие страны, которым не должно оказывать никакого снисхождения, то на каком же основании они вообще имеют претензию влиять на отношения между итальянскими потребителями и бергскими производителями? Не потому же только, что эти страны находятся «под отеческой властью его величества», с ними должно обходиться хуже, чем с совсем посторонними государствами? [12]. При полной искренности Главный торговый совет, совет мануфактур, министерство внутренних дел должны были бы ответить: именно потому. Политическое могущество Французской империи должно было, по воззрению руководящих торгово-промышленных кругов Франции, искусственно давить конкурентов французской промышленности, которых при нормальных условиях раздавить было нельзя.

Промышленники великого герцогства Бергского, переселявшиеся даже на левый берег Рейна, чтобы иметь возможность сбыта в Империи, конечно, ничего не имели против присоединения Берга к Империи, и когда осенью 1810 г. пошли слухи

об этом присоединении, то главным образом беспокойство обнаружил не кто другой, как Кельнская торговая палата [13]. Промышленники Берга так в конце концов жаждали присоединения к Французской империи, что в марте 1811 г. послали даже депутацию в Париж просить об этом Наполеона. Но просьба уважена не была и именно затем, чтобы не открыть имперский и итальянский рынки бергской промышленности.

Когда к Империи присоединялись Наполеоном экономически отсталые страны, то, как было замечено выше, промышленники Империи ликовали. Но не то было, когда речь шла о присоединении местностей, опередивших Империю в индустриальном отношении.

Не только фабриканты «старых департаментов», но и тех завоеванных областей, которые окончательно были присоединены к Франции, весьма тревожились по поводу каждого такого проектируемого присоединения. Вот почему, когда осенью 1811 г. разнесся новый слух о предстоящем присоединении к Империи великого герцогства Бергского, то опять *немецкие* же промышленники левого берега Рейна первые всполошились и ходатайствовали о том, чтобы Берг *не* присоединять и таможенной стены между ним и Империей *не* ломать: в Берге — богатые промышленники, в Берге — дешев рабочий труд, туда по горным тропинкам украдкой проникает масса английского сырья и английских товаров из Германии, так что, «если бы они могли свободно эксплуатировать рынки Франции и Италии, они могли бы продавать там дешевле, чем мануфактуристы левого берега и других внутренних торговых городов» Империи. Между тем на левом берегу развивается промышленность бумагопрядильная, сталелитейная, шелковая, ленточная и т. д.— в одном Кельне работает 10 тысяч человек. Интересно констатирование, что промышленники сюда являлись и являются *именно из Берга*, а если Берг будет присоединен, то, конечно, эти переселенцы вернутся на родину (ибо все равно имперский рынок будет им обеспечен). Если же берго-французская таможня будет удержана в силе, то промышленное процветание левого берега обеспечено [14].

Центральное представительство торгово-промышленного мира Франции (Главный торговый совет) тоже в 1811 г. выражает опасения касательно последствий, которые может повлечь для французской промышленности конкуренция мануфактур великого герцогства Берг, о полном экономическом слиянии которого с Империей зашла тогда речь [15]. Совет признавал, что фабрикаты этого «маленького бедного государства» дешевле французских, потому, во-первых, что жизнь и рабочие руки там дешевле, а во-вторых, потому, что такое

сырье, как, например, хлопок, легче пробиралось в Берг, нежели во Францию [16].

Промышленники великого герцогства Бергского, не допущенные на внутренний французский рынок, не допущенные в Италию, пытаются по крайней мере испросить себе свободный транзит для товаров, отправляемых из Берга в Америку, туда, где сбыт был еще обилен, особенно для дешевых фабрикатов. Но и тут они наталкиваются на высокую и несокрушимую стену. Министр торговли, уже наперед желая отказать бергским промышленникам, передает дело в совет мануфактур, и здесь вопрос получает любопытную постановку и вполне ясное разрешение. Конечно, соглашается совет, если следовать «естественному праву», то Берг, отрезанный владениями Наполеона от моря (в прошении было даже указано, что со времени присоединения Голландии из Берга нельзя добраться до моря иначе, как по владениям императора), находящийся вместе с тем под покровительством императора, имел бы все основания рассчитывать, что ему дадут этот транзит. Но «отныне политический порядок управляет торговыми отношениями между нациями», и уже «нельзя сообразоваться с одними лишь принципами естественного права». Эта темная фраза поясняется так: «Коммерческие отношения между нациями — все подчинены их частным интересам и политическим связям, которые их соединяют». Следовательно, «в этом двойственном отношении» и надлежало бы рассматривать вопрос о транзите: 1) с точки зрения «частного интереса» французских мануфактур и 2) с точки зрения уз, соединяющих Берг с Империей. Но они, члены совета мануфактур, призваны высказаться лишь по первому пункту, оставляя второй совершенно в стороне. И тут для них «нет ни малейшей трудности»: конечно, этот бергский транзит вреден для французской промышленности; конечно, французы не смогут бороться на американском рынке с бергцами при большей дешевизне бергского производства, обусловленной дешевизной жизни и *меньшей обремененностью* государственными налогами. Если французы даже на своем внутреннем рынке *не могут* соперничать с бергцами, то подавно они не удержатся против бергцев на рынках иностранных [17]. «Ведь, очевидно, что если американцы смогут прямо получать товары... из великого герцогства... которые им обойдутся от 20 до 60% дешевле наших, они и не подумают обращаться к нашим фабрикантам» [18]. Железоделательное производство, бумагопрядильное производство, выделка лент и галантерейных товаров прежде всего при этом пришли в голову совету мануфактур. Конечно, не обошлось и без повторяющегося мотива об английской контрабанде, которая воспользуется транзитом Берга, чтобы проникать на французскую территорию [19].

Нечего и говорить, что в течение всего наполеоновского царствования колониальные продукты, нужные для мануфактур, и, в частности, заморский хлопок проникали в Берг лишь контрабандным путем, а способы борьбы с контрабандой у Наполеона всюду были одни, и он их пускал в ход, пока только имел силу это делать.

8 мая 1813 г. Наполеон внезапно приказывает конфисковать *все* колониальные товары, находящиеся в великом герцогстве Берг, и для этой цели вводит сразу через несколько пунктов войска в герцогство [20]. Пострадавшие впоследствии объясняли, что эта мера была вызвана ложным (будто бы) доносом императору о контрабандном ввозе товаров после прорыва балтийской таможенной линии [21], что случилось, когда союзные войска приблизились к побережью. После ухода французских войск сейчас же пала стена, задерживавшая, с одной стороны, проникновение в Берг английских товаров, с другой стороны, проникновение бергских товаров в Голландию, в ганзейские города, *во Францию*, ибо товары в декабре 1813 г. и первые месяцы 1814 г. двигались из Германии во Францию следом за союзными войсками, опрокидывавшими на своем пути наполеоновские таможенные линии. И для Берга, как для всей Европы, наступала новая эпоха политической и экономической жизни.

Глава XII

ИМПЕРИЯ И ГАНЗЕЙСКИЕ ГОРОДА

Положение Гамбурга до блокады. Кризис 1798—1799 гг. Начало блокады. Бедствия Гамбурга при блокаде. Наместничество Даву. Присоединение ганзейских городов к Империи. Влияние гамбургских бедствий на французскую внешнюю торговлю. Гамбург в 1813 г. Восстание и усмирение

Из ганзейских городов Бремен и Любек играли ничтожную торговую роль сравнительно с Гамбургом, особенно в смысле торговых связей с Францией.

Гамбург, как и другие ганзейские города, как и вся Голландия, как и порты старых департаментов, словом, как все те пункты, где главным делом была торговля, а второстепенным или третьестепенным — промышленность, пострадал в наполеоновские времена особенно жестоко; и его бедствия все время болезненно отражались на судьбах французской промышленности (преимущественно шелковой и производства предметов роскоши), ибо если Франкфурт и Лейпциг были главными передаточными пунктами, через которые шел французский товар в Центральную Европу и отчасти в Россию, то ганзейские города — и больше всего Гамбург — играли ту же роль относительно скандинавских стран и опять-таки России.

Тяжелые времена наступили для Гамбурга лишь в эпоху Консульства: при революции и вызванных ею войнах он оставался в стороне и пожал обильные плоды своей очень осторожной политики; торговля его именно в это время расцвела необычайно. Он был в эти годы главным посредником в торговле между Францией и Севером, между Англией и центром Европы.

Гамбург первенствовал среди ганзейских городов. Еще до Наполеона, при революции, французское правительство не обращало на Бремен и Любек особого внимания [1], а считалось почти исключительно с Гамбургом. Бремен и Любек, занятые, как и Гамбург, французами после Иенской битвы, уплатили в 1806 г. по 75 тысяч талеров, Гамбург — 160 тысяч талеров.

Вообще и до декабрьского сенатус-консульта 1810 г. о присоединении ганзейских городов, и после этого декрета Бремен и Любек не привлекали к себе столь пристального внимания французских властей, как Гамбург, который имел несравненно большее торговое и политическое значение. Освободились оба эти ганзейских города тоже раньше Гамбурга — уже к середине октября 1813 г. Контрабанда, которая шла с острова Гельголанда, направлялась больше к Гамбургу, чем к Бремену и Любеку: условия местности не позволяли особенно много пользоваться этими двумя городами. Впрочем, когда наши документы говорят о Гамбурге, они сплошь и рядом подразумевают и другие ганзейские города. Да и местное купечество говорило о всех трех городах как о едином целом [2].

По утверждению Заальфельда, автора вышедшей в Гамбурге в 1810 г. на французском языке книги о торговом и политическом значении ганзейских городов, значение ганзейских городов для Франции было особенно велико именно во время революции и войны с Англией, когда эти города были главными посредниками в торговле Франции с Севером, ибо французский флаг, гонимый англичанами, не смел нигде показаться. В эту же эпоху много французских семейств перевело свои капиталы в Гамбургский банк, ибо держать их во Франции было небезопасно. *Половина* всего количества кофе, которое получала Франция до потери своих колоний, экспортировалась через Гамбург. Через Гамбург же шел экспорт французских фабрикатов вообще и предметов роскоши в частности; через Бремен и Любек шли французские вина [3].

Гамбург разорен был не революцией и Наполеоном, а *только* Наполеоном. Напротив, *при революции создалась для него* счастливейшая конъюнктура: и Франция, и Англия, сношения между которыми были прерваны, обогащали Гамбург как необходимого посредника. Французские купцы могли на законном основании торговать с Гамбургом и не быть в ответе перед своим правительством, хотя ясно было, что за Гамбургом стоят англичане [4]. Балтийское побережье тоже было вполне вольно торговать со старыми ганзейскими городами. Именно при революции особенно развились и упрочились сношения с французскими мануфактурами и торговыми домами [5].

Согласно показаниям современников, *никогда* в Гамбурге так быстро не богатели торговые дома, как именно с 1792 г. по конец 1797 г. [6]. В 1798 г., а особенно в 1799 г., наступил кризис, который, однако, не имел сам по себе роковых последствий, и в первые годы XIX в. положение опять начало улучшаться. Да и кризис 1799 г. был вызван прежде всего несколькими крупными банкротствами английских контрагентов Гамбурга, падением покупательной способности континента

(вследствие войны Франции со второй коалицией) и необычайно жестокой зимой 1798/1799 г., сковавшей Эльбу льдом на пять месяцев, вследствие чего задержались погрузка товаров и отправление их в море.

Но за этим тяжелым 1799 г. пошли вообще неспокойные времена для Гамбурга.

Гамбургские патриоты уже с 1801 г. с беспокойством посматривали на Париж, писали о находящемся в Мальмезонском дворце «биче божием» и ломали себе голову над грозным вопросом о ближайшем политическом будущем [7]. И помимо своей воли все-таки ганзейские города были втянуты в политическую орбиту Наполеона.

20 марта 1801 г. Гамбург был занят датчанами, которые, в согласии с Павлом и Бонапартом, примкнули к враждебной Англии коалиции и взяли на себя «защиту» устьев Эльбы от англичан. Смерть императора Павла все изменила в европейской политике. Коалиция против Англии расстроилась, и датчане (23 мая 1801 г.) ушли из Гамбурга. Но этим дело не кончилось. Несмотря на страстное желание сената и населения остаться в стороне от политики, им это не удалось. Весной 1803 г. первый консул занял Ганновер, причем начальник оккупационной армии потребовал от Гамбурга, чтобы Гамбург авансировал Ганноверу 4 миллиона франков (ибо сам Ганновер был не в состоянии достать эту сумму, которую требовали французы). Пришлось, спасая себя, подчиниться: армия Бертье стояла у ворот. Но все равно Гамбург уже не мог считать себя самостоятельным городом (достаточно вспомнить, как в 1804 г. по приказу Наполеона французские солдаты проникли в Гамбург, схватили там английского посла Рэмболда и увезли его вместе со всеми бумагами в Париж). В 1806 г., весной, Наполеон заключил с Пруссией договор, согласно которому она получила Ганновер с обязательством изгнать англичан из ганзейских гаваней.

Но эти *неспокойные* для Гамбурга времена наполеоновского Консульства и первые годы Империи еще не были временами *разорения*. Напротив, как сейчас увидим, например, фактическое подчинение *Голландии* французскому владычеству принесло конкуренту ее, Гамбургу, большие торговые выгоды.

В начале 1806 г., когда еще можно было в Гамбурге печатно рассуждать о выгодах свободы торговли, один публицист горестно замечал, что времена стоят такие, что даже за несколько дней нельзя предвидеть, какие меры с целью повредить врагу пустит в ход та или иная держава, и как эти меры отразятся на торговле [8]. Это горестное замечание оказалось пророческим. Весной 1806 г. английское правительство объявило блокаду

ганзейского побережья в ответ на вышеуказанный договор Пруссии с Наполеоном.

Не только гамбургское купечество, но и сами англичане хлопотали перед лондонским кабинетом о снятии этой блокады. С точки зрения осведомленных англичан, никак нельзя было поступать так, как поступило британское правительство, которое во имя высшей политики, дабы причинить ущерб и неприятность Пруссии, блокировало Эльбу. Ход рассуждений английского защитника гамбургской торговли таков: теперь (после потери Голландией самостоятельности) только Гамбург остался центральным пунктом, широким каналом, по которому вливается поток английских товаров и через который эти товары распространяются на континенте.

Оказывается, что когда в 1805 г. Голландия подпала (фактически) под власть Наполеона, то это обстоятельство *очень благоприятно* отразилось на положении Гамбурга, оставшегося без конкурентов. Найденный мной в Гамбургском государственном архиве документ (печатаемый в приложении к этой книге) и представляющий собой конфиденциальное письмо английского посла в Гамбурге Colquhoun'a, дает нам представление о положении города в 1806 г. перед обрушившимися на него бедами. По утверждению посла, Гамбург есть «центр торгового обмена», громадный «склад главной части колониальных продуктов», ост-индских товаров и британских мануфактурных товаров, предназначенных для потребления всей Европы [9]. Коммерческие сношения у Гамбурга при длительной поддержке Гамбургского банка были с самыми разнообразными странами: Германией, Францией, Испанией, Италией, Австрией, Венгрией, Польшей и турецкими владениями, и из одной только Англии в Гамбург ввозилось товаров ежегодно на *восемь миллионов* фунтов стерлингов [10]. К перечню Colquhoun'a можно добавить и Россию, которая платила, например, Франции по торговым векселям почти исключительно через Гамбургский банк и через Гамбург же получала значительную часть французских товаров. Английский посол утверждает, что, несмотря ни на какие запреты французского правительства, английские товары все-таки распространялись в Европе и доходили даже до самых далеких покупателей, именно благодаря связям и усилиям гамбургских купцов. Гамбург же сбывал и в Англию южноевропейский шелк-сырец и вообще сырье, нужное для английских мануфактур. Огромное значение Гамбурга для английской торговли и промышленности и заставило, между прочим, английского дипломата так горячо просить свое правительство о снятии блокады с устьев Эльбы [11].

Когда Пруссия начала войну с Наполеоном, английский кабинет, к великому восторгу гамбургского купечества, снял бло-

каду с ганзейского побережья; но радость сената и населения была непродолжительна. Разгром Пруссии Наполеоном повлек за собой занятие Гамбурга французскими войсками. И вместо блокады английской, направленной против Наполеона, установилась блокада французская, направленная Наполеоном против Англии.

19 ноября 1806 г. маршал Мортье вступил со своими войсками в Гамбург и занял его «именем императора», хотя город ни малейшего участия в войне ни формально, ни фактически не принимал. Наступили грозные для города времена. De jure Гамбург остался (до конца 1810 г.) «freie und Hansestadt»; фактически он очутился под пятой Наполеона.

Правда, со стороны французских торговых контрагентов Гамбурга были сделаны попытки ослабить бедственные последствия для города военной оккупации. Вообще, к слову будь сказано, Гамбург имел ярых защитников в лице не только французских, но и английских купцов. Французские купцы ходатайствовали за него перед Наполеоном, а английские — перед английским правительством. В Гамбургском государственном архиве я нашел немало документальных свидетельств, относящихся сюда. В этой работе, конечно, неуместно было бы писать подробно о подобных документах (я надеюсь к ним вернуться в ином месте). Здесь только обращаю внимание на то, какую важность придавали Гамбургу и во Франции, и в Англии лица, участвовавшие в торговом обмене. Английские купцы деятельно хлопотали перед своим правительством, чтобы с Гамбурга была снята блокада весной 1806 г.; они же просили и впоследствии о снятии ареста с гамбургских судов. Французские купцы предстательствовали за Гамбург перед Наполеоном.

Одним из убийственных для французской торговли и промышленности последствий континентальной блокады было именно то, что прервались сношения между Англией и Гамбургом; разорение Гамбурга повлекло за собой невозможность сколько-нибудь успешного сбыта на ганзейском рынке французских товаров [12], а потерять ганзейский рынок значило отчасти потерять Россию, Швецию, Данию.

Французская шелковая торговля была прежде всего заинтересована в том, чтобы Гамбург — один из главных передаточных пунктов в торговле с Россией, Швецией, Данией — был пощажен [13]. Тогда, в 1806 г., особенно до обнародования декрета о блокаде, дело представлялось в более оптимистическом свете, чем, в сущности, следовало бы его видеть: казалось, что важнее всего предохранить ганзейские города от солдатчины, от насилий и разгрома, которыми сопровождалась сплошь и рядом военная оккупация. Будущее показало, что дело вовсе

не в этом; что Гамбург, подобно Голландии, *должен* быть разорен, ибо его разорение есть логический вывод из самой идеи блокады Англии, из самого факта прекращения морской торговли. Уже 27 ноября 1806 г. в Гамбурге особым объявлением была введена блокада во всей ее строгости [14]. Тщетно гамбургское купечество «на коленях» умоляло Наполеона не губить город с 150 тысячами жителей [15], не разорять вконец торговли: правила блокады ни в малейшей степени не были для Гамбурга смягчены.

В гамбургской брошюрной литературе 1806—1812 гг., скудной и количественно, и качественно, запуганные публицисты не переставали указывать и подчеркивать, что именно Гамбург больше всех страдает от блокады, что именно его положение делается безвыходным из-за прекращения морской торговли [16]. Конечно, чтобы, живя под железной ферулой Даву, сметь высказывать подобные мысли, необходимым оказывалось обставлять их самой восточной лестью по адресу «Наполеона Единственного» [17], соблаговолившего осчастливить Гамбург принятием его под свою руку и т. д. Но эти обычные стилистические украшения не меняли существа дела.

Речь шла о судьбе не только Гамбурга, но и Бремена. Бремен вывозил в Америку ежегодно на 12 миллионов саксонских мануфактурных товаров да на 12 миллионов гессенских и вестфальских полотен, в *Англию* французских товаров проходило через Бремен на 20 миллионов франков в год.

Во Франции хорошо понимали, что запретить ганзейским городам морскую торговлю значит не то, что нанести им удар, а *убить* их («les villes deviendront entièrement nulles»), превратить их в захудалый Росток или не менее захудалый Штральзунд. А «так как в намерения его величества входит, чтобы эти города не перестали быть полезными Франции», то как же поступить? Как примирить эти благие намерения с континентальной блокадой? В Париже не переставали ломать себе голову над этой неразрешимой задачей [18]. И ни до чего не додумывались, кроме паллиативных решений, кроме неопределенных надежд на благие последствия от выдачи лицензий, от поощрения smuggler'ов.

И еще в 1806—1807 гг. французская оккупация не отражалась на Гамбурге и Бремене так жестоко, как в 1808—1813 гг. «Полномочный министр» Наполеона Бурьен сам не сочувствовал блокаде. В своих записках Бурьен отмечает мягкость и сдержанность, проявленные французскими генералами, сначала Мортье, потом Бернадоттом в отношении к Гамбургу и вообще к ганзейским городам [19]. Он приписывает это личным их качествам; вернее было бы объяснить это тем обстоятельством, что в этот первый период занятия ганзейских городов конти-

нентальная блокада еще не выдвинулась на первый план в качестве руководящей идеи царствования; еще считалось возможным внимать просьбам Лионской и других торговых палат, ходатайствовавших о человечном обращении с гамбургским купечеством (во имя интересов французской промышленности).

Конечно, Наполеон со своей точки зрения был прав, особенно круто осуществляя блокаду именно в ганзейских городах.

Гамбургский британский посол (разумеется, проживавший со времени занятия Гамбурга французами в Лондоне) доносил конфиденциально министру иностранных дел Каннингу (в марте 1807 г.), что ганзейские города благодаря широчайшим своим торговым связям со всем континентом сбывали ежегодно в среднем за последние 12 лет (до блокады) английских товаров (как колониальных, так и фабрикатов) на *10* миллионов фунтов стерлингов, несмотря ни на какие препятствия [20].

И нужно сказать, что гамбургское купечество с самого начала оккупации и блокады делало все, чтобы поддержать свой кредит в Лондоне. Английские купцы не могли нахвалиться поведением гамбургских и бременских контрагентов, которые, рискуя всем, «рискуя жизнью», аккуратнейшим образом расплачивались за получаемые из Англии товары [21]. Таким образом, непосредственно страдали не англичане, а ганзейское купечество. Это показание дает нам возможность ясно видеть: 1) что ближайшая цель Наполеона не достигалась — по крайней мере, что касается надежд на внезапный сокрушительный удар для лондонского Сити, и 2) что гамбургский торговый мир крепко надеялся, несмотря на все риски и строгости, продолжать торговлю с Англией. Эта надежда проскальзывает и в стараниях ганзейских городов побудить Наполеона к притеснениям против других континентальных контрагентов Англии.

Против соседних стран, против Голландии и особенно против Дании настраивали императора купцы именно ганзейских городов, боявшиеся, что если в этих странах блокада будет соблюдаться менее ревностно, то английская торговля целиком перейдет туда: они этого «перемещения» боялись больше всего [22].

Данию ждала бомбардировка Копенгагена англичанами; Голландию ждало полное разорение в ближайшие годы, но от этого легче ганзейским городам не стало. Наполеон не спускал глаз с Гамбурга.

Еще *не зная* о ноябрьских orders in council 1807 г., Наполеон одновременно особым декретом распорядился конфисковать все суда (с товарами), которые явятся в устьях Эльбы и Везера, побывав раньше «по какой бы то ни было причине» в Англии [23]. Это было заблаговременное применение

к ганзейским городам принципов еще не подписанного тогда миланского декрета.

Как вели себя местные французские власти? Как осуществляли они беспощадные приказы Наполеона?

В Национальном архиве я нашел документальное подтверждение, что некоторые местные власти и прежде всего Бурръен защищали по мере сил, за взятки или бескорыстно — это другой вопрос, интересы разоряемых Наполеоном ганзейских городов. Бурръен снабжал своей подписью протоколы данных под присягой показаний купцов ганзейских городов о том, какого происхождения их товары (самые показания давались перед сенатами ганзейских городов). Эти удостоверения приравнивались к тем *certificats d'origine*, которые должны были выдаваться французскими властями тех колониальных или иностранных городов, где грузился товар, направлявшийся во Францию. Узнав об этой поблажке, Наполеон так разгневался, что *воспретил* Бурръену подписывать эти удостоверения. Бурръен, разобидевшись, истолковал это так, что ему запрещено подписывать какие угодно бумаги — даже паспорта, и министру иностранных дел Шампаньи (герцогу де Кадору) пришлось улаживать это недоразумение, но права визировать показания о товарах Бурръен все-таки был лишен [24]. Бурръена император прямо обвинял в подкупности и в конце концов отозвал.

Но со времени окончательного присоединения ганзейских городов к Империи, когда бесконтрольная власть над ними попала в руки Даву, ни о каких поблажках нельзя было и думать. О ненавистном Даву (Marschall Wuth, как его называли в Гамбурге) я нашел в Гамбургской торговой библиотеке целую литературу брошюр, вышедшую в 1813—1814 гг., в годы освобождения. Конечно, нельзя считать вполне точным всякое слово, которое мы в этих брошюрах читаем, но нельзя не констатировать, что *ни о ком* из королей, наместников и маршалов, которым Наполеон отдавал в управление зависимые от него земли, не сохранилась такая страшная память, как о Даву [25].

Началась его деятельность в Гамбурге собственно в феврале 1811 г. 4 октября 1810 г. Наполеон приказал маршалу Даву, главнокомандующему «германской армией», перенести свою главную квартиру из Ганновера в Гамбург. 9 декабря 1810 г. Наполеон декретировал присоединение ганзейских городов к Империи, а 9 февраля 1811 г. Даву лично прибыл в Гамбург.

Даву был (оставляя даже в стороне свойственное ему слепое преклонение перед волей Наполеона) глубоко убежден в том, что континентальная блокада есть смертоносное оружие против Англии и что дело только в добросовестном и точном исполнении предначертаний Наполеона [26]. В уме сурового солдата сложилась даже такая концепция: настала пора мстить

английской торговле за все беды, которые некогда причинил французской торговле Кромвель [27]. Нечего говорить о безграничных полномочиях, бывших в его руках, а также о том, что строжайшее выполнение правил блокады вытекало при данных условиях из самого акта о присоединении, мотивированного именно необходимостью более тщательно, чем до сих пор, охранять побережье Северного (Немецкого) моря от контрабанды, идущей с острова Гельголанда. Даву, по отзывам современников, воздвиг в Гамбурге одинаково жесткое гонение как на немецкое патриотическое свободомыслие, так и на английский сахар, кофе, материи [28]. И даже он, суровый Даву, непреклонный исполнитель воли Наполеона, получил выговор от Наполеона за снисходительность, которую проявляют его подчиненные в Гамбурге [29].

Особенно тяжело пришлось ганзейским городам после трианонского декрета и начавшихся массовых конфискаций колониальных товаров.

В Гамбургской торговой библиотеке я нашел интересную рукопись, помеченную 6 декабря 1810 г. и посвященную бывшему консулу Португалии Иоганну Шубану. Автор, конечно, гораздо смелее выражает тут свои мысли, чем могли это делать публицисты, рассчитывавшие печатать свои произведения. А поэтому, говоря о трианонском тарифе и о том, что согласно распоряжениям французского правительства колониальные товары будут подвергнуты конфискации (впредь до уплаты нововведенных пошлин), он притворяется, будто «не верит» этому: ведь это — нарушение прав собственности, которые император всегда обещал охранять [30], и т. п.

Но «не верить» фактам было мудрено.

Только за один сентябрь 1810 г. в Гамбурге, на правом берегу Везера, на левом берегу Эльбы и на побережье Ольденбурга таможни и войска арестовали *тридцать тысяч* килограммов колониальных товаров, ввезенных контрабандой: кофе — 9538 килограммов, хлопка — 6940 килограммов и сахара — 10531 килограмм [31].

И однако, несмотря ни на что, контрабандная торговля все-таки проникала. Сношения Гамбурга с Альтоной были «неисчерпаемым источником контрабанды», по выражению французского министра внутренних дел [32]. В Альтону проходили английские товары из Дании, к разным укромным уголкам побережья подвозилась контрабанда из Гельголанда [33].

В Гамбурге весной 1811 г. «оказались» в большом количестве колониальные товары, в которых так сильно нуждалась Франция; но эти товары гамбургским купцам было позволено ввезти лишь под тем условием, что они вывезут на ту же сумму шелковых материй из Лиона; и при этом еще подчеркивалось,

что эта милость оказывается вследствие того, что «Гамбург составляет теперь часть французской империи» [34].

Нужно сказать, что вообще присоединение Голландии, затем Гамбурга к Империи вызвало ходатайства французских промышленных городов о разрешении купцам этих новых владений Наполеона ввозить во Францию (или, как тогда выражались, «в старые департаменты») колониальные товары [35]. Эти ходатайства удовлетворялись Наполеоном, причем обыкновенно ставилось вышеуказанное условие относительно вывоза французских шелковых материй.

Гамбургские судохозяева не переставали домогаться лиценций.

Когда Наполеон пожелал справиться в министерстве внутренних дел, стоит ли давать лиценции купцам и судохозяевам Гамбурга, Бремена, Любека и Данцига, то ему посоветовали этого *не* делать: 1) эти города еще ведут тайные сношения с врагом (Англией), а посему воспользуются лиценциями во враждебном Империи духе; 2) *«соперничество торговли ганзейских городов с торговлей французской»* тоже заставляет дать отрицательный ответ [36]. Тем не менее и Гамбург, и Бремен, и Любек попали в число городов, на которое было отведено известное количество лиценций [37].

Эти лиценции, как и в других местах, обогатили несколько счастливцев, которые их получили; но общего бедственного положения дел в Гамбурге не изменили. Со все усиливающейся суровостью Даву преследовал всякую попытку сношений с Англией. В мае 1812 г. комиссия, созванная тогда волей Наполеона, осмелилась вопросить: позволительна ли «невинная корреспонденция с Англией?» То есть можно ли переписываться гамбургскому кредитору с англичанином, который остался ему должен, когда внезапно оборвались сношения между Гамбургом и Англией? Не будет ли это противно воле государя? [38] Разрешения не последовало. Нужно прибавить, что даже не за писание, а за *получение* писем гамбургские купцы попадали в тюрьму. При этом мало внимания обращалось на то, что письма из Англии приходили помимо воли адресатов [39].

Комиссия ганзейских депутатов вообще ни в малейшей степени не улучшила положения дел в городе. Эта Комиссия из депутатов ганзейских департаментов (в Законодательном корпусе) была, по воле Наполеона, собрана в Париже 16 мая и заседала до 22 мая (1812 г.) под председательством министра внутренних дел. Каким робким и запуганным ни было это маленькое собрание «сведущих людей» (в сущности назначенных правительством) от трех ганзейских департаментов (Устьев Эльбы, Устьев Везера и Верхнего Эмса), но и оно не могло не просить об уничтожении той линии таможен, которая отделяла

эти департаменты от остальной Империи; они просили и о восстановлении транзита для южных и северных товаров, некогда шедших через Бремен, Гамбург и Любек; они наперед указывали, что эти милости могут быть так обставлены, чтобы ничуть не повредить «континентальной системе» [40]; ничего из их пожеланий, признанных *«преждевременными»*, не вышло. О вопиющих безобразиях и издевательствах, которым подвергались все и каждый во время обысков в этих ганзейских таможнях со стороны французских чиновников, депутаты, правда, поговорили на одном из своих шести заседаний [41], но императору это даже не было доложено в том отчете, который ему представил (о заседаниях комиссии) министр внутренних дел.

Немудрено, что на почве таможенных притеснений именно тут пышным цветом расцвели вымогательства и взяточничество. Записанные рассказы купцов о вымогательствах в Гамбурге французских таможенных чинов, об обысках с целью найти английские товары и т. п. находим в интересной книге современника (Croly), сообщающего вообще любопытные бытовые подробности об этой эпохе [42].

Судя по воспоминаниям и брошюрной литературе, первые известия о гибели наполеоновской армии в России и особенно о том, что война будет продолжаться, преисполнили население Гамбурга ликованием. «Идут русские, освободители!» — так в Гамбурге говорили весной 1813 г., еще до того, как в самом деле пришло освобождение [43].

12 февраля 1813 г. министр внутренних дел разослал циркуляр префектам трех департаментов (Верхнего Эмса, Устьев Везера и Устьев Эльбы), коим уведомлял их, что в «континентальной системе» ничего не переменилось и что ее надлежит соблюдать точнейшим образом [44]. Но никто не обманывался: «континентальная система» не могла остаться в прежнем виде, когда гром гремел над наполеоновской Империей.

Уже 24 февраля в Гамбурге вспыхнуло движение против французов, и очень характерно, что первыми пострадавшими оказались именно таможенные чиновники [45]. 18 марта русские под предводительством полковника Теттенборна при ликованиях и приветственных криках народа вошли в Гамбург. Правда, поход Теттенборна тогда не был поддержан, и уже 30 мая 1813 г. город опять очутился во власти маршала Даву, но настроение всего населения в краткий промежуток между 18 марта и 30 мая было очень знаменательно.

Едва лишь русские показались в пределах ганзейского побережья, как контрабанда с неудержимой силой хлынула через отступающую и слабеющую таможенную линию [46].

В эпоху временного оставления Гамбурга французскими войсками ненависть населения к французам проявилась весьма

недвусмысленно: образовался легион молодежи с целью помогать русским против французов (в конце марта 1813 г.); 24 марта с громадными торжествами праздновался в Гамбурге день восшествия на престол императора Александра I, «на которого они (гамбургцы — *Е. Т.*) смотрят как на своего спасителя»,— доносил начальник французской бременской таможни в Париж. Это движение было тем более стихийно и непосредственно, что (в тот момент) ясна была перспектива скорого перехода города опять во власть французов, что и случилось. Но хотя «капиталисты были так осторожны, что не принимали никакого участия в этих эксцессах толпы», тем не менее можно было предвидеть, что они из страха подвергнуться заодно со всеми французским репрессалиям, реализуют свои капиталы и вывезут их в Англию, Данию, Германию. А это нанесет «фатальный удар» Гамбургу [47]. Ясно было одно: что новое владычество французов, если оно продлится сколько-нибудь долгое время, вконец разорит город, на три четверти разоренный уже первым их пребыванием там.

Император решил беспощадно наказать город за «измену». Шифрованным приказом из Вальдгейма (7 мая 1813 г.) Наполеон приказал маршалу Даву расстрелять пять «наиболее виновных» сенаторов гамбургских, остальных отправить во Францию, расстрелять *всех* офицеров «ганзейского легиона», арестовать «1500 наиболее богатых индивидуумов», которые «хуже всего себя вели», и конфисковать все их имущество; на города Гамбург и Любек была наложена контрибуция в 50 миллионов франков. В особенности император стремился разорить богатое гамбургское купечество, без чего нельзя, по его мнению, быть спокойным за Гамбург [48].

Опять повторились ходатайства Лионской торговой палаты за гамбургские торговые дома, но на этот раз Даву было трудно умилостивить [49].

Контрибуция, наложенная на г. Гамбург Наполеоном (декретом от 16 июня 1813 г.) и повлекшая наложение печатей на Гамбургский банк, конечно, могла только вконец разорить город и его обитателей и прикончить по крайней мере на время торговые сделки. (В заседании германского рейхстага 14 мая 1890 г. фельдмаршал Мольтке, коснувшись этого эпизода, выразился, что Даву «положил в свой карман Гамбургский банк». Потомки Даву прислали Мольтке доказательство, что Даву ничего решительно не взял в свою пользу, и Мольтке взял назад свое утверждение [50]. Но, конечно, ни г. Гамбургу, ни его французским контрагентам не было легче от того, что их деньги пошли во французскую казну, а не в карман маршала.)

Но одного не мог сделать Даву: восстановить континентальную блокаду в прежнем виде. В 1813 г. явно ощущалась

невозможность проводить во всей строгости военную охрану границ. В сентябре 1813 г. маршал Даву приказывает таможенному управлению в Люнебурге отдать все его «бригады» в распоряжение военного ведомства, ибо нужны войска для занятия городов Ратцебурга, Люнебурга, Ниенбурга, Миндена и Травемюнде. Министр торговли де Сюсси понимает, что Даву имеет свои основания, и очень существенные, но как же быть таможням? Вся вестфальская граница остается открытой, и в Вестфалии подозревается существование массы колониальных продуктов [51].

Но из всех пунктов ганзейского побережья именно Гамбургу пришлось до конца испить горькую чашу: он оказался в осаде, причем Даву решил защищаться до последней капли крови.

В брошюре, вышедшей в свет в мае 1813 г., один английский публицист радовался, что с фактической потерей ганзейских городов («либо освобожденных, либо осажденных») континентальная система откладывается в осуществлении своем ad Calendas graecas [52]. И то обстоятельство, что главный из ганзейских городов, Гамбург, остался еще на некоторое время в руках французов, хотя и был осажден союзными войсками, мало могло помешать в чем-либо английской торговле.

Как известно, г. Гамбург освободился лишь 28 апреля 1814 г., когда маршал Даву удостоверился окончательно, что Наполеон действительно отрекся от престола и что осаждающий Гамбург генерал Беннигсен его в этом отношении не обманывает.

Эти последние месяцы довершили разорение несчастного города.

Глава XIII

ИМПЕРИЯ И ДРУГИЕ ГЕРМАНСКИЕ СТРАНЫ

Австрия. Пруссия. Франкфуртская и лейпцигская ярмарки. Их значение в эпоху блокады. Показания о французском сбыте в германских странах. Конкуренция Швейцарии, Саксонии, Силезии, Берга. Конфискация колониальных товаров в Германии

В других местах этой книги читатель находит особые главы, посвященные тем странам «немецкого языка», которые были в зависимости от Наполеона, зависимости не только фактической, но и формальной, или даже составляли часть Империи. Теперь речь должна идти о «Германии».

Неопределенность обозначения «Германия» обратила на себя внимание французского министерства внутренних дел лишь в июле 1810 г., и тогда предложено было в официальных отчетах о торговле и т. п. вместо слова *Германия* говорить точно: Бавария, Саксония, Вестфалия или Вюртемберг (Рейнский союз, Пруссия, ганзейские города и Австрия до 1810 г. под это обозначение *не* подводились) [1].

Несмотря на этот приказ слово «Германия» не исчезает из французских официальных актов. Для этой главы я собрал те документы, в которых так или иначе затрагивается вопрос об экономических отношениях между Французской империей и «Германией». Читатель увидит, что дело идет больше всего о Франкфурте и Лейпциге; наши документы интересуются больше всего этими двумя пунктами, когда говорят о «Германии». Почти вовсе молчат документы (как молчит — мы констатировали это во введении — и специальная литература) о торговле Австрии и Пруссии с Францией, о сбыте французских товаров в этих двух странах.

Во введении говорилось уже, что Австрия не имела с Францией никаких прямых торговых сношений. Во все время царствования Наполеона в Австрии не переставал действовать старый запретительный тариф, и ни в 1805 г. после Аустерлица, ни в 1809 г. после Ваграма это положение вещей не изменилось.

Во-первых, и после Прессбургского, и после Шенбрунского мира политические обстоятельства были не таковы, чтобы можно было так диктовать законы Австрии, как они диктовались Пруссии после Тильзита. Во-вторых, налаженный торговый путь французов шел в Лейпциг, Гамбург, отчасти Франкфурт, и дальше уже французские товары переходили в руки германских купцов, которым и надо было считаться с австрийской таможенной стеной.

Что касается блокады, то Австрия пропускала нужные ей колониальные товары и препятствовала ввозу английских фабрикатов. В Австрии после первого момента беспокойства и внезапного возвышения цен на колониальные товары после объявления континентальной блокады *сейчас же* почти наступило успокоение, даже не успел никто и ощутить недостатка в этих продуктах [2].

Еще когда континентальная блокада существовала в полной силе — *в самом начале* 1813 г.,— австрийцы с гордостью говорили о том, что они не знают свирепствующих всюду притеснений со стороны таможенных чиновников, «ведущих войну с Англией в карманах граждан» [3].

В Австрии (в частности в Богемии) промышленники горячо приветствовали берлинский декрет Наполеона, избавлявший их (как они надеялись) от тяжелой английской конкуренции: они были еще под впечатлением того, как англичане (контрабандой) ввезли в 1805 г. в Австрию хлопчатобумажных материй и пряжи на 1 миллион гульденов и притом, как рассказывалось, продавали этот свой товар на 30% дешевле истинной его стоимости (с целью задавить австрийскую индустрию) [4]. Тут же нужно заметить, что «бесчисленные предприятия» в Австрии погибли после падения Наполеона [5], когда английским товарам нужно было считаться лишь с одной таможенной стеной — австрийской, а не несколькими, воздвигнутыми на их пути Наполеоном.

Но это развитие самостоятельной австрийской (особенно богемской) промышленности при континентальной блокаде являлось в свою очередь неблагоприятным фактором для французов: богемские суконщики и фабриканты полотен сделались заметными конкурентами французских промышленников.

По всем этим и другим, как мы сейчас увидим, причинам представители французского торгово-промышленного мира даже при наиболее благоприятной для них политической конъюнктуре слабо надеялись на возможность проникнуть на австрийский рынок и утвердиться там.

Кончилась в 1809 г. победоносная война с Австрией, коммерсанты просят у императора разных милостей и льгот, сводящихся к приобретению ими австрийского рынка, и, однако, *сами* с сокрушением предвидят, что результаты все равно

будут «посредственные» и особого оживления торговой деятельности ждать нельзя. Почему?—1) Потому, что Наполеон разорил Австрию войной. Они не говорят этого в таких выражениях, но смысл именно таков: австрийские деньги страшно пали в цене, аналогичная причина мешает французам торговать и в дружественной после Тильзита России, и в дружественной после Шенбрюнского мира Австрии[6]. 2) Есть и другая причина: чтобы прочно завоевать австрийский рынок, нужно уметь выделывать *дешевле* австрийцев, а, по признанию самих французов, этого на самом деле *нет*[7]; богемская фабрикация успешно конкурирует с французской всюду, где с ней встречается. И не только дешевизна рук, но и дешевизна сырья (особенно колониального) облегчали Австрии эту борьбу.

Мы не встречаем даже и упоминания о Франции ни в параграфе о вывозе, ни в параграфе о ввозе в «Genéral-Statistik des Oesterreichischen Kaiserthums», вышедшей в 1807 г. и составленной профессором Терезианской академии в Вене Bisinger'ом (Wien und Triest, 1807). Сказано, что Австрия вывозит продукты земледелия и скотоводства «в Германию и Италию», полотна — в Силезию, Саксонию, а «из Саксонии — в Испанию, Португалию и Америку»; вывозятся также сукна и шерстяные материи (куда — в точности не обозначено); есть и торговля с Левантом. Что касается до *ввоза* в Австрию, то Австрия получает хлеб и сырье из Баварии, из Волыни, Подолии и Украины, некоторые фабрикаты — из Германии. На какую сумму? Какие товары?— Обо всем этом говорится очень общо и неопределенно, даже без попыток цифровых указаний. Но, повторяю, Франция даже не названа; это молчание весьма понятно, если вспомнить, что запретительные австрийские тарифы больше всего направлены были именно против тех фабрикатов, которые могли бы составить сколько-нибудь серьезную статью импорта из Франции. В другом тогдашнем статистическом труде об Австрии единственным французским товаром, проникающим в «Германию», оказывается *вино*, но и оно идет обходным путем, через *Гамбург* (размеры ввоза не показаны)[8].

Что касается Пруссии, то здесь, конечно, со стороны правительства не могло быть и речи о том, чтобы отстоять сколько-нибудь высокие пошлины, которые препятствовали бы вторжению французских товаров. После войны и поражения в 1806—1807 гг. прусское правительство обязалось допускать французские шелковые и бумажные материи при уплате пошлины в 10%, шерстяные и полотняные — при уплате пошлины в 8%.

Но немного пользы принес Франции этот пониженный тариф. При ужасающем обнищании Пруссии после войны 1806 г. она потеряла не только на все остальные годы наполеоновского

царствования, но и дальше, в 1814 и следующих годах, сколько-нибудь серьезное значение в качестве рынка сбыта французских провенансов, прежде здесь сбывавшихся. Страна потеряла четыре миллиона жителей из девяти, которые насчитывались до Тильзитского мира; выплатила в разные сроки до одного *миллиарда* франков контрибуции; целые местности оставались еще годы и годы после войны в полнейшем запустении; кое-где (в Восточной Пруссии) население вымирало от недоедания [9]. При этих условиях было не до закупок предметов роскоши.

И действительно, в 1810/1811 бюджетном году в Пруссию было ввезено шелковых товаров всего на 317 979 талеров (да и общая сумма заграничного ввоза была равна лишь 2 367 917 талерам) [10]. В следующем 1811/1812 г. шелковых товаров было ввезено еще меньше — на 178 546 (а общая сумма заграничного ввоза была равна 993 879 талерам) [11]. Нечего и прибавлять, что: 1) нельзя считать, что весь этот ввоз шелковых материй шел из Франции — из «старых департаментов»: Берг, с одной стороны, немецкие присоединенные департаменты левого берега Рейна, с другой стороны, Швейцария, с третьей стороны, деятельно конкурировали с Лионом, Нимом и Туром всюду в Европе; 2) что касается ввоза в Пруссию бумажных, шерстяных, полотняных материй, металлических изделий, составлявших почти всю *остальную* сумму ввоза, то здесь и сомнений быть не могло, что Франция не может выдержать на этом рынке конкуренции с дешевыми силезийскими, саксонскими, швейцарскими, богемскими, бергскими товарами: ведь даже более близкие к Империи рынки средней Германии ускользали от экономического преобладания Франции вследствие успешной конкуренции перечисленных стран.

Само императорское правительство тотчас после Тильзита интересуется с коммерческой точки зрения не Пруссией, а германскими государствами, вошедшими в Рейнский союз. Наполеон приказал Шампаньи представить ему доклад о том, какие меры следует принять для распространения французских фабрикатов на рынках Рейнского союза. Шампаньи полагал, что торговые интересы Франции и Германии почти ни в чем не противоположны: Франция сбывает в Германии вина, водки, шелковые материи, предметы роскоши и моды. Этот сбыт, по мнению министра, еще надолго останется за Францией. Что касается сукон, то они будут в состоянии «с каждым днем приобретать все более и более обширный рынок», а бумажные материи «скоро будут в состоянии проникнуть в Германию». Эти оттенки выражения хорошо показывают, что в сбыте сукон министр вовсе не так уверен, как в сбыте стародавнего французского товара — предметов роскоши, шелковых материй и

вин, а хлопчатобумажная французская промышленность не сделала еще и первых шагов к упрочению на немецком рынке [12]. Чего нужно требовать от государей Рейнского союза?— Свободы транзита, свободного торгового плавания по всему Рейну и свободы ярмарок. Но это и без требований уже налицо: ведь эти многочисленные и слабые германские государства и до сих пор не могли оградить себя серьезно таможенной стеной. Теперь их всемогущий «протектор» должен только смотреть, как бы они, соединенные им же самим в некоторое общее целое, не вздумали поставить препятствий французской торговле [13].

Германия важна для французской промышленности в двух отношениях: 1) как рынок сбыта и 2) как страна необходимого транзита для французских товаров, направляющихся в Польшу и Россию. Каких соперников может встретить французская промышленность в Германии?— Единственно только англичан, но «ваше величество их устранили декретом от 21 ноября». Что касается самих немцев, то Шампаньи хранит полное молчание о какой бы то ни было отрасли немецкой промышленности как в Рейнском союзе, так и вне его (хотя бы, например, суконной в Саксонии, сталелитейной — в Берге, полотняной — на севере и т. д.), а указывает с официальным оптимизмом исключительно на то, что хлопчатобумажная промышленность в государствах Рейнского союза только едва распространяется и что, практикуя вывозные премии, императорское правительство может сильно облегчить французским промышленникам завоевание германского рынка [14]. Не менее важен вопрос о транзите французских товаров: этот транзит через всю территорию Рейнского союза должен быть совершенно свободен, и не только через указанную территорию, но и через всю Германию вообще. Особенно это важно теперь, когда не мыслимо отправлять товары в Россию морем, через ганзейские города; да и прежде приходилось прибегать к морскому пути из-за препятствий со стороны Пруссии [15]. Правда, по стародавним обычаям ярмарки былой Германской империи — франкфуртская, лейпцигская, брауншвейгская — пользовались привилегией давать товарам, купленным в этих городах в ярмарочное время, охранные листы, при предъявлении которых все германские государства обязывались давать этим товарам свободный транзит. Шампаньи горячо советует Наполеону подтвердить за германскими ярмарками эти права, столь выгодные для французских товаров.

Итак, государства Рейнского союза должны были свободно впускать на свой внутренний рынок все французские товары, взимая пошлину не выше 10%; транзит должен был быть совершенно свободен; ярмарки сохраняли все права. Эти ярмарки, особенно лейпцигская, сильно занимали и французский торгово-промышленный мир, и министров, и самого Наполеона.

Это обстоятельство объясняется тем, что, по неоднократным показаниям французских промышленников, товары, которые идут из Франции и предназначаются не только для германского рынка, но и для всей Средней Европы, и для Польши, и для России, *прежде* всего направляются на Франкфурт и Лейпциг и притом не только в те месяцы весной и осенью, когда в этих городах происходили ярмарки (получившие именно в эпоху континентальной блокады такое всеевропейское значение), но и в другое время,— французы продают свой товар во Франкфурте и в Лейпциге, дальше они лично обыкновенно не ездят, и какова дальнейшая судьба их товаров, это их уже не касается непосредственно и не интересует, а потому и правительство французское очень плохо отдает себе отчет в таких вопросах, как, например, о распространении французских товаров в Пруссии или в Австрии. Но зато на Франкфурт и особенно на Лейпциг устремлено полное внимание, и самого Наполеона держат в курсе того, что происходит на торговой бирже этих городов; ведь сбыт в Лейпциге и во Франкфурте именно и обозначает сбыт не только в германских странах, но и во всей Средней и отчасти в Северной Европе.

Вот почему и для нашей темы эти документы имеют значение чрезвычайно важных свидетельств, особенно для первого параграфа этой главы, где речь идет о германских странах как о рынках сбыта для французской промышленности. Во втором параграфе характеризуются последствия, которые имел трианонский тариф для торговли колониальными продуктами в Германии; поскольку Германия стремилась стать в эти годы (1810—1812) поставщицей сырья для французских мануфактур, эта торговля прямо относится к нашей теме.

Кроме этих двух пунктов, в этой главе должен был бы рассматриваться и еще один вопрос: вопрос о конкуренции германских промышленников с французами на *французском* рынке. Но эта конкуренция могла происходить только путем контрабандного ввоза в Империю, поэтому и учету она не поддавалась, а документы о ней молчат. Что касается до легального ввоза германских фабрикатов в Империю, то он был немыслим, если не считать редких, случайных, нисколько не характерных исключений.

Конечно, после того, что было сказано о Берге, незачем прибавлять, что Наполеон ревниво оберегал от вторжения германской промышленности не только свою Империю, но и зависимые от него страны. Приведу характерный пример.

Мюльгаузенские суконщики (не в Эльзасе, а в Вестфалии) жалуются, что со времени присоединения Голландии и левого берега Рейна к Французской империи у них остался единственный лишь рынок — Неаполь, но... «так как Вы, Ваше Величе-

ство, воспретили транзит через Италию для шерстяных материй нефранцузского производства», то 7—8 тысяч душ, которые кормились в городе этим промыслом, осуждены на полное разорение. О допущении в Империю, в королевство Италию они даже и не просят уже; речь идет лишь о пропуске в Неаполь, но и тут вопрос был решен в неблагоприятном смысле. Шампаньи высказал сомнение, как бы этот транзит не повредил французской промышленности [16], хотя, по мнению самих промышленников и министра внутренних дел Монталиве, этот транзит повредить французам не мог [17]. В конце концов, Наполеон (в мае 1811 г.) положил резолюцию, коей отказал мюльгаузенским суконщикам в их просьбе, дозволив только провезти в Неаполь те товары, которые были ввезены в Италию *до* того, как в Вестфалии могли узнать о декрете от 10 октября 1810 г.[18]

Вот образчик отношения французского императора к поползновению германской промышленности проникнуть в зависимые от Империи страны, не говоря уже о самой Империи.

Бывало и так, что одни завоеванные немецкие города стремились очернить в глазах Наполеона другие и вымолить какие-либо преимущества за счет соседей. Так, в 1805 г. торговая палата г. Майнца просит о некоторых преимуществах, относящихся к плаванию по Рейну, и удивляется, каким «фатальным» образом Франкфурт пользуется императорскими милостями, тогда как Франкфурт был всегда враждебен Франции [19].

Конечно, Наполеону при таких условиях легко было проводить в зависимых от него германских странах какую угодно экономическую политику, не рискуя натолкнуться на солидарное и планомерное хотя бы пассивное противодействие.

Обратимся теперь к рассмотрению означенных двух вопросов.

1. Вообще говоря, тот среднеевропейский рынок, на который хотела бы работать французская промышленность, был так разорен, что и после временного замирения континента, после Тильзита, собственно, только предметы первой необходимости пользовались спросом [20]. Но в 1808, 1809, 1810 гг. спрос на германском рынке становился все шире и разнообразнее.

Тревожный момент пережил французский торгово-промышленный мир в войну 1806—1807 гг.

Чтобы овладеть германским рынком или хотя бы удержать за собой ту часть германского спроса, которая обращалась к французским мануфактурам, французские промышленники прежде всего должны были желать избавления Германии от разорения ее Наполеоном и — это была самая гнетущая, непосредственная опасность — спасения тех пунктов, через которые направлялись французские товары в Пруссию, Австрию, Польшу, Россию: спасения Лейпцига и Франкфурта.

После разгрома Пруссии и после того, как хозяином в северной и средней Германии явно стал Наполеон, Лионская торговая палата поспешила отправить императору петицию, в которой просила о сохранении лейпцигских ярмарок [21]. Она не смела формулировать другую просьбу: чтобы император вообще не столь безжалостно разорял германские страны.

Известно, что Наполеон в 1806 г. воевал «без складов»; быстрота передвижений делала очень трудной какую-либо иную систему продовольствия, кроме реквизиций или просто терпимого военным начальством грабежа городов и деревень солдатами [22].

Ставить просьбу столь широко было опасно; но так как гибель Лейпцига была почти равносильна гибели всего французского сбыта в Германии, то с Лейпцига и пришлось начать.

Лейпциг был старинным торговым центром: русские, поляки, французы, итальянцы, турки, греки в начале XIX в. съезжались на лейпцигские ярмарки, и торговля кипела. Рейнские департаменты сбывали там сукна и бархат. Бельгия и Пикардия — кружева и тонкие полотна, Лион — *две трети* производимых им шелковых материй, Женева — «почти все произведения» часового и ювелирного мастерства, Париж — предметы роскоши. Лионская торговая палата категорически утверждала, что Лейпциг (в 1806 г.) служил «главным каналом», через который во Францию вливалась звонкая монета. Кроме счастливого географического положения, кроме коммерческих способностей населения, Лейпцигу, по мнению его французских контрагентов, сильно помогало также хорошее управление, прекрасные правила, изданные муниципалитетом. И вот верноподданные Наполеона боятся, как бы победы императора не изменили этого хорошего управления, которым доселе наслаждался к общему благу г. Лейпциг [23]. Лейпцигские купцы сами обращаются в Лион с просьбой о заступничестве.

Лейпцигские купцы обращались не только в Лион, но и в Сент-Этьен (который в мирное время экспортировал в Германию шелковые ленты). Сент-Этьенская «совещательная палата» обратилась к императору вместе с торговой палатой того же города с просьбой пощадить Лейпциг [24].

Одновременно с Лейпцигом, центром, грозной опасности разорения и гибели подверглись и северные, особенно ганзейские, города, и имперские промышленники просят и за них.

Негоцианты г. Бордо умоляют не разорять Гамбург, Любек, Штеттин, Данциг и Кенигсберг, потому что фирмы этих городов должны бордосцам за вина и другие спиртные напитки около 10 миллионов франков. Эти города — *единственный* выгодный рынок сбыта для указанных французских провенансов в 1806 г.[25]

Женевские торговцы и промышленники через посредство своей торговой палаты тоже заступаются перед Наполеоном за северногерманские торговые города и «умоляют пощадить» эти города, облегчить бремя контрибуции. Они напоминают императору, что между Гамбургом, Любеком, Бременом, Лейпцигом, с одной стороны, и *всеми* торговыми городами Франции, с другой стороны, существуют тесные деловые связи, и банкротства, которые разразятся в Германии, тяжко отзовутся *непосредственно* на французской промышленности. В особенности промышленность Французской империи заинтересована в сохранении старинных лейпцигских ярмарок. Этот город — *важнейший* рынок европейского сбыта для Франции, и французские рабочие будут доведены до голода, если прекратится лейпцигская торговля. В частности Лейпциг, который был центральным рынком для сбыта лионского шелка, являлся вместе с тем главным местом сбыта для всего женевского производства часов и ювелирного мастерства. Женевская петиция подчеркивает, что петиционеры умоляют его величество о милости к Германии во имя *исключительно* интересов собственных его подданных [26].

Лейпцигская ярмарка в наполеоновские времена была в самом деле центральным пунктом континентального торгового обмена. Север и восток Европы сносились с югом и западом именно при посредстве этих лейпцигских ярмарок [27]. Следить за успехами или неудачами французского экспорта в Европу было и легче всего именно по лейпцигским сделкам. Лейпциг был местом генеральных сражений в той длительной экономической войне против англичан, которой Наполеон приписывал еще более важное значение, чем всякой иной войне против ненавистного врага.

Процветала, собственно, больше франкфуртской, больше брауншвейгской такая всеевропейская ярмарка, как именно лейпцигская, занимавшая центральное географическое положение и служившая в самом деле местом встречи для торговых наций, которые не могли, как прежде, сноситься непосредственно морем. Но уже франкфуртская ярмарка имела гораздо меньше значения, а брауншвейгская — и того меньше. На августовской ярмарке 1811 г. в Брауншвейге дела шли плохо, и одной из причин, погубивших, например, сбыт шерстяных товаров, оказывалось присоединение Наполеоном стран, лежащих у Немецкого моря, к Империи, ибо туда уже не впускались никакие шерстяные товары, кроме французских [28]. А английская контрабанда проникала с несравненно бо́льшим трудом на эту ярмарку, чем, например, на лейпцигскую [29]. Ближе была и тяжелее чувствовалась рука Наполеона.

Современники иногда выражали убеждение, что расцвет и колоссальное значение лейпцигской ярмарки зависят исключи-

тельно от почти непрерывных войн Наполеона на континенте и вполне непрерывной войны его с Англией и что это явление — процветание центральноевропейской ярмарки,— собственно, находится в противоречии с общей тенденцией новейшей экономической жизни — искать *прямых и непосредственных* торговых сношений, тенденцией, свойственной всем нациям и погубившей все былые знаменитые ярмарки. Уже в 1808 г. раздавались голоса, предрекавшие падение лейпцигской ярмарки, как только несколько лет продержится мир [30]. Это предсказание, к слову будь замечено, в самом деле оправдалось; но мы видим, что столица саксонской торговли имела побудительные причины выражать свои франкофильские чувства в течение всей наполеоновской эры.

И саксонские торговые, и правящие круги, не мечтая даже о допущении на имперский рынок, довольны были уже тем, что Наполеон не уничтожает их ярмарки.

Автор вышедшей в 1811 г. книжки «Ansichten der neuesten französischen und sächsischen Handelsverhältnisse» — Carl Reyer, чиновник саксонского правительства, при общем своем восторженном отношении к Наполеону (которого он сравнивает с солнцем) и к наполеоновской торговой политике вообще, считает «смешным» требовать от Франции, чтобы она впускала товары своих союзников на свой внутренний рынок. Наполеон указывает саксонской промышленности дорогу на Север и на Восток, а не во Францию, и этого, по мнению автора, вполне достаточно [31].

Министерство внутренних дел (а с 1811 г.— мануфактур и торговли) вообще тщательно следило за немецкими ярмарками — брауншвейгской, франкфуртской и лейпцигской, особенно за последней, гораздо более важной, как только что сказано, чем остальные. Его агенты получали точные и детальные инструкции о том, какие и о чем наводить справки на ярмарке, как узнавать о причинах предпочтения одних сортов товара перед другими и, конечно, прежде всего справляться об английских (контрабандных, конечно) провенансах и о том, кто и как обошел закон [32]. Разумеется, соглядатаи должны были наблюдать секретно, отнюдь не выдавая себя за чиновников французского правительства. Это агентские *recherches* и *informations*, к сожалению, сохранившиеся в ничтожном количестве, являются любопытным источником для изучения эпохи континентальной блокады. Нигде и никто об этих документах даже и не упоминает.

Был в министерстве внутренних дел даже особый чиновник, который обязан был доводить до сведения правительства о всяких технических усовершенствованиях в области промышленности в Германии; это был так называемый *inspecteur des*

sciences, arts et manufactures dans les pays au delà du Rhin[33], разъезжавший по германским странам (причем всем французским представителям и начальствующим лицам давалась из Парижа инструкция всячески помогать ему в собирании нужных сведений). Сохранились подробные его отчеты (чисто технического содержания) о германской металлургии[34].

Франкфуртские капиталисты *не* пострадали от разорения датской торговли и разгрома Копенгагена английским флотом (гораздо больше пострадало северногерманское купечество), это с особым удовольствием отмечает посланный французским правительством разведчик (Bacher) в своем докладе об осенней франкфуртской ярмарке 1807 г. Континентальная блокада давит торговлю, капиталы тщетно ищут выгодного помещения, и на юге Германии наплыв освободившихся капиталов (осенью 1807 г.) так велик, что установилась средняя цифра кредита в 3%. На этой первой после Тильзита ярмарке мануфактуристы делали золотые дела, их товары расхватывались мгновенно[35], и отсутствие английской конкуренции принесло им огромные выгоды[36]. Платежи производились большей частью звонкой монетой, товары разбирались по высокой цене.

Но, вчитываясь в доклад (составленный в общих выражениях, без цифр), мы замечаем, что, собственно, наиболее деятельную роль на этой ярмарке сыграла не столько французская, сколько бельгийская и германская промышленность. Например, сукна больше продавались из Вервье, Монжуа, Ахена, нежели из Лувье и Седана, ибо они были гораздо дешевле. Из французских сукон шли более дешевые сорта. Большие дела сделаны были на этой ярмарке шерстяными фабрикантами саксонскими, гессенскими, богемскими, но *особенно* фабрикантами великого герцогства Бергского[37]. Что касается бумажных материй и, в частности, ситцев, то главными поставщиками явились швейцарцы (как из кантона Аарау, так и из княжества Невшательского). Но эти швейцарские товары сработаны из английской пряжи, проникшей в Швейцарию[38]. Из французских товаров шли шелка и кружева, но, как и другие предметы роскоши в эту эпоху, не могли рассчитывать на особенно хороший сбыт. Из сырья больше всего (и по повышенным ценам) шла саксонская и богемская шерсть, что вполне естественно, так как фабриканты сукон не могли не почувствовать прилива бодрости и надежд ввиду хорошего сбыта их товара на этой же ярмарке.

Главный торговый совет (в конце 1810 г.) в очень скромной и почтительной форме довел при случае до сведения Наполеона о тех тяжелых последствиях для французской промышленности, для французского экспорта, которые были вызваны мера-

ми императора относительно немецких городов, попавших прямо или косвенно под его тяжелую руку [39].

Интересная картина раскрывается перед нами, когда мы знакомимся с донесениями наполеоновских соглядатаев о французском сбыте в Германии в эпоху блокады.

Больше всего теперь (апрель 1810 г.) в Германии спрос на богемские, моравские, саксонские, вестфальские сукна — французские слишком дороги,— доносят в Париж с весенней франкфуртской ярмарки 1810 г. Полотняные материи сбываются невшательскими фабрикантами; полотняные и бумажные — невшательцами, швейцарцами и некоторыми фабрикантами Рейнского союза; французское производство и в этой области отодвинуто на среднеевропейских ярмарках на второй план. Но «если бы заботами французского правительства удалось доставлять хлопок индийский и левантийский прямо во французские порты», то французские мануфактуры вернули бы «свой прежний блеск» [40].

Швейцарцы тоже предпочитают немецкие сукна французским, и тоже вследствие большей дешевизны первых, а кроме того, «так как во Францию не впускаются фабрикаты швейцарских мануфактур, а Германия их принимает», то, естественно, получается выгодное и для Германии, и для Швейцарии торговое оживление (в частности, как хлопок, так и бумажную пряжу Швейцария получает из Франкфурта) [41].

В частности, саксонские и швейцарские бумагопрядильни получили в первые годы XIX столетия такое огромное развитие, и производство было настолько дешевле в этих странах, чем во Франции, что с их конкуренцией на континенте тоже очень приходилось считаться. В Саксонии, как доносили французскому министерству внутренних дел в 1810 г., 300 тысяч человек занято бумагопрядильным делом, и в среднем они получают «едва десять су в день»; притом машины, проникшие в Саксонию из Англии, «бесконечно распространяются». Вся Англия в лучшие годы потребляет 800 тысяч квинталов хлопка ежегодно, а Саксония — уже 120—130 тысяч квинталов (в 1810 г.). Саксония уже начала завоевывать турецкий рынок, польский рынок, русский рынок. Правда, нет худа без добра: хоть и очень сильно вредит эта конкуренция французской промышленности, но зато и ненавистная Англия начинает вытесняться с континентального рынка Саксонией, так что, даже когда запретительные против англичан меры будут уничтожены, все равно рынок будет для Англии уже утерян. Эту борьбу саксонской промышленности против английской французский наблюдатель называет прямо *войной* [42].

И во всей Германии замечается оживление промышленной деятельности. Правда, новый налог на хлопок, введенный

в государствах Рейнского союза, сильно взволновал промышленный мир Германии, и немецким фабрикам даже грозит полная остановка. Нельзя ли доложить его величеству, что жаль было бы, если бы остановилось развитие немецкой промышленности, которое так гибельно для Англии? [43].

Ведь Англия все-таки еще далеко не сломлена: ее хлопчатобумажные товары, несмотря на то, что они дороже, пользуются еще большей благосклонностью публики. Контрабанда их доставляет массами на лейпцигскую ярмарку. И даже не сто́ит особенно гнать эти товары на ярмарке, ибо тогда они будут продаваться в России, а это только повредит делам немецкой ярмарки, а следовательно, и сбыту французских товаров на этой ярмарке. Если не удостовериться в том, что английские товары не будут ввозиться в Россию, то не стоит и обострять преследования контрабанды в Лейпциге [44].

Специальный соглядатай, посланный министерством по приказу самого Наполеона на эти немецкие ярмарки, доносил и еще о некоторых интересных вещах, которые министр предпочел не упоминать, а предоставить императору познакомиться с содержанием всего доклада. Оказывалось, что франкфуртская, еще недавно процветавшая ярмарка — в захудении и упадке: *Голландия, которая прежде делала там огромные закупки*, теперь никакого участия во франкфуртских сделках *не* принимает, потому что ее морская торговля уничтожена после захвата ее Наполеоном. Мало того. Западная Германия прежде закупала многие нужные ей фабрикаты во Франкфурте, а теперь она закупает многое, что ей нужно, во Франции, с тех пор, как эта часть Германии образовала «новые департаменты», т. е. вошла в состав Французской империи [45]. Правда, доносивший об этом смотрел на дело оптимистически и радовался, что французские мануфактуры, *значит*, получили то, что́ потеряли иностранцы, прежде привозившие свои фабрикаты во Франкфурт. Но его же собственный доклад противоречит этому оптимизму. Дела на ярмарках были *плохи*, и причиной этого — общая тревога, тяжелое положение Германии, «l'état de malaise assez général qui se fait sentir aujourd'hui en Allemagne» [46].

Сильно противоречит этому оптимизму и один документ, рассмотрением которого я закончу этот параграф настоящей главы.

Приведу сведения, которые были доставлены Наполеону (в августе 1810 г.) относительно конкуренции, с которой приходится встречаться французским фабрикатам в разных германских странах. Эти сведения были получены от лиц, которые следили за тем, кто именно и для каких именно стран покупает французские товары на больших немецких ярмарках — во Франкфурте и в Лейпциге. Этот документ позволяет нам хоть

в общих чертах проследить судьбу французских товаров, путь которых, как сказано выше, более или менее ясен только *до* немецких ярмарочных городов. Эти сведения поэтому при всей краткости их особенно драгоценны и незаменимы; важную для моей темы графу *concurrence* из этих донесений я печатаю в приложениях.

Прежде всего, едва ли не самым сильным конкурентом Франции является Саксония. В Саксен-Гильдбурггаузене, Липпе-Шаумбурге, Саксен-Веймаре, Сальм-Сальме, Сальм-Кирбурге, Ангальт-Дессау, Бернбурге, Кетене, Липпе-Детмольде, Шаумбурге, Саксен-Мейнингене, Шварцбург-Зондергаузене, Рейссе, Изембург-Бирштейне, Дармштадте, Нассау саксонские хлопчатобумажные, шерстяные и вообще текстильные мануфактуры являются серьезной конкуренцией и помехой для французской промышленности. Правда, доносящие утешаются нередко оговоркой, что эти успехи Саксонии будто бы объясняются только ее близостью к германским рынкам сбыта и большей поэтому дешевизной товаров, но факт остается фактом. И даже является необходимость сделать прискорбное обобщение (в донесении о Дармштадте), что саксонские и швейцарские мануфактуры вредят сбыту французских кашемировых и бумажных материй во *всей* Германии. Кроме Саксонии, могущественными конкурентами Франции на германских рынках являются: Швейцария, Берг и отчасти Вестфалия, гораздо реже, Пруссия. Относительно сукон конкурирует с Францией местами еще Богемия, в продаже ювелирных изделий — Аугсбург и другие немецкие города. Стран, где бы констатировалось преобладание Франции,— немного: Мекленбург-Шверин, Саксен-Гота, Гольштейн-Ольденбург; в Аремберге единственный конкурент Франции — Берг, но на чьей стороне перевес, не сказано.

Как и относительно Саксонии, успех этих конкурентов Франции тоже объясняется в донесениях большей близостью и дешевизной товаров; французские товары вообще превозносятся в смысле качеств своих на все лады. Но изредка указывается и другая причина: дороговизна сырья («например, хлопка, шерсти и т. д.»)[47], которым принуждены пользоваться французские мануфактуры, из-за обложения его высокими пошлинами при ввозе, а также обложение некоторых фабрикатов при вывозе.

Правда, заработная плата в Саксонии была, действительно, ниже французской, насколько можно судить по скудным данным, касающимся высоты заработной платы в обеих странах. В промышленных округах Саксонии в 1810 г. рабочий в хлопчатобумажной промышленности получал $1^1/_2$ рейхсталера *в неделю*, а ткач, выделывавший дорогие материи, $2^1/_2$—3 рейхс-

талера в неделю [48]. Но *до* континентальной блокады заработок прядильщика в иные годы доходил всего до 10—12 саксонских грошей *в неделю* [49]. И саксонские рабочие, получая $1\frac{1}{2}$ рейхсталера в неделю, приписывали это счастье, по-видимому, именно континентальной блокаде. Замечу кстати, что при проезде Наполеона через Саксонию в 1807 г. именно мануфактурные рабочие, «das heitere Völkchen der Manufacturisten» [50], приветствовали императора с особенным восторгом и продолжали торжества даже после его проезда.

Что касается французского рабочего в хлопчатобумажной промышленности, то, насколько можно судить по тем редким данным, когда его заработная плата показана не посдельно, а поденно, он получал в эти годы блокады приблизительно в $1\frac{1}{2}$—2 раза больше. Это не значит, конечно, что ему жилось в $1\frac{1}{2}$—2 раза лучше, потому что жизнь во Франции была дороже, но низшая заработная плата саксонской пряхи, саксонского ткача сказывалась на удешевлении товара.

Еще больше должна была сказываться на удешевлении товара и другая причина: бóльшая доступность и дешевизна провозимого в Саксонию разными правдами и неправдами колониального сырья, как хлопка, так и окрашивающих веществ.

Но в бумагах, писавшихся для Наполеона, безопаснее было говорить не о недостатках французского таможенного законодательства, а больше о географической «близости» Саксонии, Швейцарии, Берга и т. д. к германским странам и сваливать на эту близость неудачи французского сбыта.

Из других документов мы узнаем, что полотна французские оказывались в продаже дороже немецких [51].

Не могли овладеть германским рынком и «новые отрасли» промышленности Французской империи. Свекловичный сахар деятельно изготовлялся в Саксонии, в Вестфалии, в Пруссии. Не шла в Германию и французская сера, и промышленники сами указывали причину: Германия (т. е. германские государства и Австрия), Швейцария сами выделывают этот продукт и не нуждаются во французском производстве [52].

Швейцария на немецких ярмарках конкурировала с Лионом в сбыте шелковых материй: специально против этой конкуренции и направлены были меры Наполеона, воспрещавшие вывоз сырца из Италии и Франции. Это должно было убить швейцарскую шелковую промышленность или по крайней мере очень существенно ей повредить, и эммисар французского правительства, следивший в 1810 г. за движением дел на осенних немецких ярмарках, настаивал, что только строжайшее исполнение «мудрых мер его величества» может избавить французскую промышленность от конкуренции швейцарской [53].

Швейцария успешно конкурировала с Францией в области

не только шелковой промышленности, а также и в выделке кружев. Среднеевропейский рынок, сбыт в германских странах ускользал из рук французов, потому что их кружева оказывались дороже швейцарских, так как заработная плата в Швейцарии была меньше [54].

Неутешительно обстоит дело и со сбытом французских ювелирных вещей в Германии. Некогда в Германии был большой сбыт этого рода товаров, но теперь Франция встречается в Германии с победоносными конкурентами [55]: с Невшателем, Пфортцгеймом (в Вюртемберге), великим герцогством Баденским и Франкфуртом. Нечего и говорить, что *все* часы, продающиеся на немецких ярмарках, доставляются Женевой и княжеством Невшательским. Правда, русские и поляки любили покупать богатые и изящные вещи и обыкновенно предпочитали французское ювелирное производство всякому иному; но теперь, в 1810 г., вследствие «обстоятельств» их покупок почти не было, для сбыта предметов роскоши «обстоятельства» вреднее всего [56].

Так обстояло дело с французским сбытом в германских странах. Посмотрим теперь, какую роль сыграл во франко-германских торговых отношениях вопрос о колониальных товарах, о колониальном сырье, необходимом для промышленности.

2. Новые налоги (1810 г.), отягчавшие колониальные товары, страшно поразили германский торгово-промышленный мир, вызвали много банкротств, вызвали панику среди хлопчатобумажных фабрикантов.

Наполеону указывали также, что всякое гонение колониальных товаров, когда они уже попали на континент, вредит кому угодно, но только *не* англичанам [57]: ведь английский купец ничего не дает в кредит при тех обстоятельствах, которые созданы блокадой. Английский купец привозит свой товар, продает его целиком и непременно за наличные деньги купцу континентальному и уезжает домой. А уж континентальный купец должен возиться дальше с этим товаром, провозить его через разные таможни, платить налоги, наложенные вообще на колониальные продукты, даже если они якобы неанглийского происхождения и т. д. Значит, и тут тоже проблема ставилась *абсолютная*: или сделать *начисто невозможным* привоз в Европу колониальных английских продуктов, или махнуть рукой на континентальную блокаду и не ждать от нее никаких результатов и, главное, не часть усилий, а *все* усилия обратить на охрану береговой линии, оставив в покое всю толщу континента.

Но когда паника прошла, обнаружилось, что от трианонского тарифа германские страны пострадают меньше, чем Франция; что изгнать колониальные товары из Германии гораздо труднее.

Если, с одной стороны, как мы видели, германский рынок сбыта отнюдь не принадлежал французам, и, напротив, французам приходилось там считаться с очень деятельной конкуренцией германских же промышленных стран, то, с другой стороны, благодаря континентальной блокаде, немцы могли еще предложить себя в поставщики сырья, нужного французским мануфактурам. Я сказал «благодаря континентальной блокаде», правильнее было бы сказать: «благодаря нарушениям континентальной блокады». Схема была такова: англичане или «нейтральные» корабли подвозят контрабандой хлопок, индиго и т. д. к Кенигсбергу или к портам шведской Померании, или к иному пункту, за которым Наполеон не может так уследить, как за ганзейскими городами, которые он захватил, или как за Данцигом, где стоят его войска. Из этого пункта хлопок (или иной товар) перевозится во Франкфурт или другой пункт поближе к Франции и здесь предлагается французам в качестве товара отнюдь не английского, не контрабандного, а вполне «легального» происхождения. С большими трудностями, формальностями и т. д., но им нередко удавалось получить разрешение, и тогда огромные барыши сторицей покрывали все расходы. Ежели не удавалось добиться разрешения, делались попытки провезти товар контрабандой, и тогда уже заодно с сырьем провозились и фабрикаты во Францию.

Сен-Кантенская «совещательная палата мануфактур» категорически уверяет правительство (в мае 1810 г.), что: 1) английская контрабанда ввозит в весьма значительных размерах товары во Францию и 2) делает она это *не* у берегов Франции, а окольной дорогой, проходя с северного побережья материка через континентальные державы. Вот, в частности, обычная дорога контрабандного хлопка: любой пункт побережья восточных устьев Эльбы, переходит через Эльбу, распространение в приэльбских странах, проникновение в Голландию, перевозка вверх по Рейну до Страсбурга с непрерывными попытками и нащупываниями «слабых мест» французской таможенной линии, прорыв этой линии в удобном месте и — распространение по французской территории [58]. Деятельными посредниками являются немцы и швейцарцы, особенно купцы Франкфурта и Базеля. Притом, чаще всего хлопок перевозится именно через таможни, но при помощи фальшивых удостоверений о происхождении его и тому подобных ухищрений, потому что перевезти столь громоздкий (и дешевый) товар в виде «полной контрабанды», т. е. тайком от таможни, слишком рискованно, выгода не покроет риска [59].

Конечно, где была надежда на разрешение, там возбуждались перед Наполеоном соответствующие ходатайства.

Большой франкфуртский торговый дом в начале 1811 г. обя-

зуется купить на 600 тысяч франков французских шелковых материй и просит, чтобы ему за это дали право ввезти во Францию на эту же сумму американский хлопок, и хотя министр внутренних дел сознает, что «хлопчатобумажные мануфактуры теперь не изобилуют сырьем», и хотя торговый дом берется доставить какие угодно удостоверения касательно происхождения хлопка, но дело доводится до самого императора, который издает особый декрет по поводу этого ходатайства [60].

В феврале 1811 г. франкфуртские купцы снова просят разрешения ввезти во Францию на 2 миллиона франков колониальных товаров и берут на себя обязательство вывезти на такую же сумму французских фабрикатов [61]. Обещать можно было многое, слишком уж выгодно было, особенно в годину хлопкового голода, ввезти во Францию и продать хлопок в шесть—семь, а иногда и десять раз дороже, чем сколько он стоил, когда его тайком покупали у англичан.

От упорного, непрерывно напряженного именно в этом направлении внимания Наполеона не укрылось, что колониальные товары могут провозиться и с северного побережья, и из России. И вот он начинает ряд облав на эти продукты и топчет при этом как территориальные права германских государств, так и интересы частных лиц.

*17 и 18 октября 1810 г. в г. Франкфурт вступила француз*ская пехота (два полка), и командир отряда генерал Фриан объявил все находящиеся в городе колониальные и английские товары под секвестром. Владельцы их должны были в 24 часа объявить о них начальству. В городе настало смятение, бросились хлопотать, в дело вмешались французские (страсбургские прежде всего) купцы, которые боялись прекращений платежей со стороны своих франкфуртских контрагентов, и Наполеон в конце концов, приказав истребить английские фабрикаты, разрешил возвратить колониальные продукты их владельцам при условии уплаты пошлины по трианонскому тарифу. Особая комиссия, назначенная Наполеоном, долго еще разбиралась в деле с этими конфискациями (нужно прибавить, что и тут были пущены в ход взятки) [62].

Во Франкфурт была затем послана военная комиссия, где большинство были полковники и капитаны, весьма мало понимавшие в сложных торговых делах и таможенной практике. Они-то и должны были вводить во всем Рейнском союзе новый тариф на колониальные товары. Даже вернейшие наполеоновские слуги писали в Париж о невероятной путанице, которую внесла эта комиссия во всю торговую жизнь этих стран [63]. Единственный человек, сколько-нибудь понимавший дело, директор майнцской таможни, тоже бывший членом комиссии, был так запуган офицерами, что не смел рта раскрыть [64].

Этим дело не кончилось.

4 ноября 1810 г. Наполеон отдал приказ, чтобы «после франкфуртской, лейпцигской и других ярмарок» в Германии были захвачены все английские товары, «с какой бы стороны они ни пришли». Вообще саксонский король должен немедленно сделать все, «что находилось бы в гармонии с тем», чтó сам Наполеон делает «во Франкфурте, в Гамбурге, и в Швейцарии». Он приказывает также обратить внимание на Варшавское герцогство. «Это тем более необходимо, что Россия наводняет великое герцогство колониальными товарами»[65].

В Данциг были посланы французские чины и стражники, которые деятельно вмешивались в таможенные дела, захватывали контрабандистов «именем императора французов» и вообще стали распоряжаться вполне независимо от местных данцигских властей[66].

25 марта 1811 г. Наполеон приказывает сообщить герцогу мекленбург-шверинскому, что если в Мекленбург будет проникать английская контрабанда, то эта страна будет присоединена к Империи, что никакие полурешения его, Наполеона, не обманут. Или мекленбургский герцог исполнит все, или лишится своих владений. Наполеон пишет, что стесняться он не намерен, потому что англичане на море тоже не стесняются[67]. Одновременно, но более мягкий выговор — датскому королю за плохую охрану Голштинии от контрабанды и угроза Швеции занять войсками шведскую Померанию, если хоть один корабль с колониальными товарами туда войдет[68].

В апреле 1811 г. герцог Бассано доводит до сведения министра внутренних дел, что в Германии находится в торговом обороте *много* английской хлопчатобумажной ткани под видом якобы саксонской и с удостоверениями от лейпцигского бургомистра (об ее будто бы саксонском происхождении). Благодаря этому привозу цена фунта пряжи в Германии, «еще недавно» равнявшаяся 9—10 франкам за фунт, теперь равна 7—8 франкам (а в Англии пряжа стоит 3 франка фунт)[69]. При дешевизне английского производства борьба с английской контрабандой была очень трудна.

Не только колониальные товары, нужные для мануфактур (например, хлопок), несмотря ни на что, проникали в Германию и распространялись оттуда по Швейцарии и даже Франции, но и кофе, и сахар были для немцев доступнее, чем для французов. На августовской брауншвейгской ярмарке 1811 г. рафинированный сахар продавался по 100—110 талеров квинтал (100 килограммов); кофе — 100 талеров, а талер был равен в этот момент в Брауншвейге четырем франкам[70].

Наполеон неустанно грозил и в 1810, и в 1811, и в 1812 гг. всей зависимой от него Европе, подозревая (и вполне справедливо) в заговоре против континентальной блокады и потребителей, и купцов, и правительства. Купцы, торговавшие колониальными товарами в Германии, жили как на вулкане: и собственное доведенное до паники угрозами Наполеона правительство могло вдруг конфисковать весь товар, и — поближе к границам Империи или поближе к герцогству Варшавскому, или поближе к Данцигу — наполеоновские жандармы могли перейти через границу и собственной властью арестовать купца и конфисковать товар. Кое-кто обогащался все-таки, многие разорялись до тла, но и те, и другие во все время владычества Наполеона и были в глазах закона, и могли себя чувствовать только контрабандистами. Но час избавления приближался.

В сентябре 1811 г. в коммерческом мире Германии только и говорили, что о близкой войне Наполеона с Россией; в каждой мере французского правительства видели симптом близящегося столкновения. При этом в качестве самого отдаленного срока указывалась весна 1812 г. Французские соглядатаи доносили, что немцы не любят ни французов, ни русских и что они довольны, что театр войны будет так далек от них, и что в результате войны континентальная Европа надолго получит спокойствие. Эта последняя фраза, очень похожая на двусмысленное изречение оракула [71], должна была бы тем более вызывать на размышления, что тут же говорилось «о преувеличенном мнении» немцев о могуществе России.

Осенняя лейпцигская ярмарка 1812 г. претерпела страшный удар, когда пришла весть о московском пожаре и разорении. И в *особенности* пострадал именно сбыт французских и немецких товаров [72]. Паника была всеобщая. За этой паникой последовала яростная война 1813 г., разорившая всю Саксонию и сведшая к нулю осеннюю ярмарку этого года.

Только с осени 1815 г. французская промышленность опять принимает участие в торговых делах этого центрального рынка Средней Европы.

Глава XIV

ИМПЕРИЯ И ГОЛЛАНДИЯ

Отношения Галландии и Франции в первые годы правления Наполеона. Соперничество Амстердама и Роттердама с Антверпеном. Воцарение Людовика Бонапарта. Значение блокады для Голландии. Угрозы Наполеона. Начало оккупации. Присоединение Голландии. Экономическое состояние Голландии после присоединения. Голландия как рынок сбыта французских товаров

Политика угроз и нескрываемых приготовлений к завоеванию была усвоена первым консулом относительно Голландии с самого начала его правления.

Он требует у голландцев прежде всего, чтобы они покрыли «заем», нужный французскому правительству. В июле 1800 г. первый консул приказывает Талейрану «не официально, но конфиденциально» довести до сведения Батавской республики и в частности купцов г. Амстердама, что открытый заем должен быть «быстро покрыт» по крайней мере на 6 миллионов и что «*только* этот акт негоциантов Амстердама может заставить» первого консула «много сделать» для них [1]. Обманутые этими обещаниями, голландцы стали было рассчитывать, что Бонапарт может помочь им в их вековом торговом соперничестве с Антверпеном. Конечно, они жестоко заблуждались: интересы Антверпена, бывшего уже во власти Франции, в силу этого самого были ближе Бонапарту, чем пока еще независимая Голландия.

Голландские власти опасались, что Антверпен погубит торговлю Амстердама и Роттердама; они понимали, что нельзя мечтать о том, чтобы генерал Бонапарт начисто прекратил всякое торговое судоходство по Шельде, и они домогались лишь уничтожения антверпенского транзита [2]. Почему бы этого не добиться? Ведь французское правительство не так уж горячо принимает к сердцу процветание Антверпена (le gouvernement français ne tient pas infiniment à la prospérité d'Anvers).

Ничего из этих стараний не вышло; Антверпен не дремал.

В эпоху, непосредственно предшествовавшую Амьенскому

миру и следовавшую за его заключением, антверпенцы не перестают настраивать Наполеона против голландцев, против их «козней», жалуются, что голландцы пускают в ход всевозможные хитрости, чтобы завладеть всецело германской торговлей и т. д.[3]

Эту линию антверпенское купечество вело неукоснительно. Антверпенская торговая палата, хлопоча перед генералом Бонапартом о свободном транзите, не преминула указать, что английские товары проникают во Францию через северные города (Европы) и «может-быть, через Голландию, для которой этот транзит всегда будет очень выгодной отраслью торговли»[4]. Были случаи, когда тот же орган антверпенского торгово-промышленного мира прямо говорил, вспоминая вековую конкуренцию с Голландией, что победа (экономическая) над Голландией возможна *только* в том случае, если Голландию лишить возможности давать потребителю те товары, которые он не может найти в другом месте. Программа полного порабощения Голландии подсказывалась Наполеону представителями бельгийского капитала. И они много раз и задолго до присоединения Голландии ему это подсказывали[5].

После возобновления англо-французской войны положение Голландии стало нестерпимым.

Еще 20 мая 1805 г. Наполеон грозит великому пенсионарию Шиммельпеннинку посылкой патрулей с целью конфисковать все английские товары, которые найдутся в Голландии в шести милях в окружности побережья, «чтобы воспрепятствовать столь скандальной контрабанде»[6].

Правительство погибающей Нидерландской республики понимало, что Наполеон стремится к политическому порабощению и экономическому разорению этой страны, так как она стоит поперек дороги в той истребительной войне, которую он ведет против Англии.

Когда еще не было континентальной блокады, Шиммельпеннинк категорически утверждал, что наполеоновские воззрения на то, в чем заключаются торговые интересы Франции, решительно враждебны интересам Голландии[7].

Весной 1806 г. компромиссное решение было найдено: республика перестала существовать, но страна сохранила видимость самостоятельности и перешла под управление брата Наполеона.

24 мая 1806 г. Людовик Бонапарт был назначен голландским королем. 9 июля 1810 г. Наполеон подписал декрет о присоединении Голландии к Франции. И все четыре года, разделяющие оба события, были временем, когда Людовик делал все усилия спасти Голландию от окончательного разорения, от последствий континентальной блокады, прямо губившей эту

страну. Но борьба Людовика против явной воли его старшего брата, конечно, могла быть лишь борьбой исподтишка, когда голландский король смотрел сквозь пальцы на контрабандную торговлю и доносил в Париж, что ничего не заметил, а Наполеон, получая донесения от своих агентов, грозил своему брату, оскорблял его и, начав с систематических нарушений неприкосновенности голландской территории, кончил ее военной оккупацией.

Понимал ли Наполеон, что он губит Голландию, что именно для нее блокада имеет только отрицательное значение? Понимал вполне ясно. Он это прямо высказал в разговоре с Ласказом на острове Св. Елены, говоря о таможнях [8]. Он даже противополагал ее Франции, для которой протекционизм считал выгодным, даже независимо от основных целей, вызвавших континентальную блокаду [9].

И он понимал это очень хорошо не только в конце своей жизни, но и тогда, когда неуклонно требовал исполнения блокады в Голландии. «Блокада разорит много торговых городов, Лион, Амстердам, Роттердам, но нужно выйти из этого тревожного состояния, нужно с этим покончить»,— писал он голландскому королю 15 декабря 1806 г. И уже упрекает брата за его излишние заботы о голландской торговле: «...цель всех ваших действий, это искать рукоплесканий лавочников»; уже угрожает ему: «...если вы не обнаружите больше энергии, произойдут события, которые заставят оплакивать вашу слабость» [10].

Преследования начались уже в 1807 г. Изредка еще (в 1807 г.) Наполеон пишет брату, как бы затем, чтобы его приободрить, что он доволен исполнением блокады в Голландии [11]; но уже с 1808 г. подобных заявлений не делает.

Людовик держался того убеждения, что торговля в Голландии всегда будет процветать, «если только страна будет независима» [12]. Он ненавидел континентальную блокаду, считал ее вполне нецелесообразным средством борьбы против Англии, осуждал жестокий и «безнравственный» характер подобного рода войны между государствами [13]. Но что он мог поделать против непоколебимой воли своего всемогущего брата?

Современники говорили, что нельзя описать бедствий и разорения Голландии, вызванных континентальной блокадой, и объясняли это тем, что Голландия (наполеоновских времен) была и не земледельческой, и не промышленной страной, а прежде всего и исключительнее других *торговой*. Будь она, прибавляли современники, земледельческой и обширной страной, население, лишенное других ресурсов, обратилось бы к обработке земли; будь она промышленной по преимуществу страной, ее индустрия при сокращенной, если не уничтоженной,

английской конкуренции могла бы надеяться на более быстрое развитие. Но торговая нация, которая являлась еще в гораздо большей мере, чем Бельгия, передаточным пунктом между Англией и Центральной Европой, должна была жестоко страдать от уничтожения торговли [14]. Английские товары, непрерывно проникавшие в Европу, уже с 1809—1810 гг. шли не через Голландию, за которой слишком сурово следил Наполеон, а через более восточные порты. Голландия оставалась в прямом убытке. Промышленности же голландской пришлось выдерживать конкуренцию беспошлинного французского ввоза. Голландские войска одевались во французские сукна [15].

Идеал у Наполеона и его правительства касательно Голландии был один, все тот же, что и относительно других зависимых фактически земель: Голландия должна стать экономической данницей Франции.

Наполеон сажает на голландский престол своего брата Людовика и сейчас же требует, чтобы ему доложили, какие желательно было бы создать торговые отношения между Францией и Голландией. Министр внутренних дел (тогда им был Шампаньи) докладывает ему, что нужно домогаться беспрепятственного ввоза всех французских товаров в Голландию. Голландии нет смысла протестовать. Почему?— Потому, что она ведь уже перестала быть промышленной нацией, а «почти исключительно» стала заниматься морской торговлей [16]. Читатель ждет дальнейшего логического развития мыслей: но ведь именно французское завоевание, вассалитет относительно Наполеона и губят вконец морскую (и всякую иную) торговлю Голландии. Именно это и лишает Голландию возможности вести с Англией какие бы то ни было торговые сношения. Значит, чем «исключительнее» Голландия занималась морской торговлей, тем окончательнее она разорена теперь. А если так, то почему же Шампаньи не предполагает, что она теперь опять *начнет* заниматься промышленностью, за невозможностью торговать? Но Шампаньи ничего этого не предполагает, ибо Голландия в нем нисколько не возбуждает участия (как и в Наполеоне). Ему важно лишь так построить фразу доклада, чтобы выходило, что *Голландия ничего не потеряет от свободного* ввоза французских товаров. На всякий случай он прибавляет, что нужно воспретить ввоз мануфактурных товаров из Голландии во Францию, потому что они будут «английские».

В бумагах архива кабинета короля голландского Людовика Бонапарта имеется (помеченная 22 сентября 1806 г.) рукописная сводка разных данных, относящихся к торговле Голландии перед объявлением континентальной блокады [17]. Вот, согласно этой сводке, капиталы голландских купцов, заинтересованные во внешней и колониальной торговле:

Торговля с Севером (Европы)	60 000 000	*флоринов*
» с Германией	30 000 000	»
» с Англией	40 000 000	»
» с Францией	38 000 000	»
» с Португалией	18 000 000	»
» с Испанией	30 000 000	»
» с Италией	12 000 000	»
» с Ост-Индией	36 000 000	»
» с Вест-Индией	30 000 000	»
» с Левантом	6 000 000	»
» с Соединенными Штатами . .	3 000 000	»
» с варварийскими странами (Северная Африка)	1 000 000	»
Итого	304 000 000	*флоринов*

По утверждению голландцев, торговля их с Россией процветала собственно *до* Петра, и Россия была тогда, например, *важнейшим* рынком сбыта голландских шелковых материй. Коренная перемена в костюмах, произведенная в России Петром, сильно подорвала сбыт шелковых материй: длинные шелковые парадные одеяния заменены были короткими суконными [18]. В течение XVIII в. Англия успела стать главной поставщицей сукон в России, и таким путем голландцы уступили место англичанам. Но в первые годы XIX столетия (до блокады) голландцы еще не считают себя окончательно побежденными на русском рынке, они еще сбывают туда на значительные суммы полотна и тонкие сукна (утрехтских и лейденских фабрик), а также ленты.

К сожалению, Россия вместе с Польшей и скандинавскими странами упоминается в голландских бумагах под общим термином *Север*, и страны *Севера* очень мало и неясно индивидуализируются в данном случае; поэтому трудно сказать, какой именно капитал (из 60 миллионов флоринов) был заинтересован в торговле с Россией.

Но все равно, и вся эта «торговля с Севером» и со всеми иными странами, кроме Франции, Германии и Италии, вконец подрывалась блокадой. Голландцы стали нарушать блокаду с самого ее провозглашения, и тотчас же раздавались первые угрозы из Парижа. 24 августа 1807 г. приказ Шампаньи: «...повторите моему министру в Голландии о необходимости кончить все это. Нужно, чтобы декрет о блокаде исполнялся в Голландии, если они не хотят навлечь на себя мое неудовольствие» [19].

Представители имперской промышленности старались вооружать Наполеона против Голландии.

В начале сентября 1807 г. бельгийские промышленники жалуются на огромные размеры английского контрабандного ввоза, особенно бумагопрядильных товаров, и они указывают, что англичане провозят свой товар главным образом через Голландию. «В Гааге — такая масса английских товаров, что можно подумать, что находишься среди манчестерских рынков». И этой контрабанде благоприятствуют не только простые потребители, но и фабриканты ситцев, которые смотрят на ввоз бумажных материй как на выгодное и нужное доставление их фабрикам дешевого материала для дальнейшей обработки. Жалуясь на это положение вещей, бельгийские фабриканты просили императорское правительство оказать давление на Голландию, а также на государей Рейнского союза [20]. Бельгийские фабриканты доносят префекту (а префект — министру), что бельгийские же купцы, желающие иметь деловую переписку с Англией, пользуются посредничеством Роттердама, и что все это делается на глазах у всех, как будто не существует законов, воспрещающих подобные сношения [21].

29 сентября 1807 г. Наполеон пишет суровое письмо своему брату, голландскому королю: сношения между Голландией и Англией продолжаются, потому что голландское правительство дает своим подданным паспорта в Гамбург для путешествия по морю, а «очевидно» они едут в Англию. «На последней роттердамской ярмарке все лавки были полны английских товаров». Наполеон грозит послать войска в Голландию для конфискации этих товаров. Нельзя быть королем, если не умеешь заставить повиноваться [22]. «Голландцы — самые горячие и самые нужные союзники их (англичан — *Е. Т.*)», и Наполеон этого терпеть не желает.

Он желает и Голландию опоясать железным кольцом суровейших таможенных линий, чтобы не пропустить ничего в остальную Европу из Голландии, из этого «склада английской контрабанды».

3 октября 1807 г. Наполеон «поражен» легкостью сообщений по каналам между Голландией и Францией и по Рейну между Голландией и Германией и Швейцарией. «Я думал, что приняты меры к распространению на Рейн и на каналы распоряжений, относящихся к блокаде Англии» [23]. И он требует соответственных шагов, представления себе доклада по этому поводу.

9 октября — новый выговор голландскому королю и приказ арестовать английские товары на берегах Везера и Эмса и вообще принять меры против контрабанды [24]. Одновременно он запрещает французским консулам в Голландии выдавать удостоверения о голландском происхождении товарам, идущим из Голландии; эти товары — английского производства [25].

11 ноября 1807 г. император опять требует мер к уничтожению контрабанды, идущей из Голландии во Францию [26]. Таможни, отделяющие Голландию от Империи, свирепствуют и губят всякую надежду для голландцев найти во Франции хоть частичную компенсацию своих потерь. Мешали эти препятствия и французскому сбыту в Голландию, но Наполеон решил помочь делу уничтожением той голландской промышленности, которая еще продолжала существовать в этой стране.

Французское правительство отчетливо понимало, что Голландия по количеству свободных капиталов стоит выше Франции [27]; если бы огромные капиталы эти, не находя себе приложения в торговле, обратились к промышленности, то французские фабриканты могли бы оказаться лицом к лицу с серьезными конкурентами если не на французском, то на голландском внутреннем рынке. Но у французского императора было могущественное орудие в руках, и он его не замедлил пустить в ход.

Декретом от 25 февраля 1807 г. Наполеон воспретил транзит испанской шерсти через Францию и единым росчерком пера уничтожил все те голландские суконные мануфактуры, которые выделывали тонкие сорта сукон и поэтому совершенно не могли обойтись без мериносовой шерсти. Тщетно жаловалось (устами своего поверенного в делах) голландское правительство на жестокий декрет, тщетно доказывало, что этот декрет только наруку англичанам, которые всегда рассматривали Голландию как соперницу, тщетно указывали на то, что Голландия — дружественная Франции и союзная страна, и т. д. Французские правительственные власти в своей переписке вполне откровенно заявляли, что этот декрет именно тем и полезен, что убивает чужую промышленность и избавляет французскую от конкуренции [28].

Но этого показалось недостаточно. Решено было всячески ограничить рынок возможного сбыта для голландской промышленности.

Наполеон в октябре 1807 г. опять высказал неудовольствие, что французские консулы в Голландии без должной осмотрительности выдают купцам, ввозящим товары в Италию и во Францию, удостоверения в голландском происхождении товаров, тогда как товары оказываются английскими [29]. Как на практике проводилась в жизнь мысль императора, легко понять: голландские товары по произволу любого таможенного чиновника не выпускались из Голландии под тем предлогом, что они английского происхождения.

Король голландский Людовик Бонапарт принужден был опубликовать 20 октября 1807 г. декрет, который действительно убивал последнюю надежду на возможность торговой

деятельности: объявлялось, что будут задерживаться в голландских портах все те товары, о которых *можно предполагать*, что они — английского происхождения [30], и только по рассмотрении и доказанности, что они — *не*английские, секвестр может быть с них снят.

Империя, Средняя Европа, Италия становились все более и более недоступны для голландцев. Но Наполеон зорко следил, чтобы и на Севере их торговые отношения строго сообразовались с его общей политикой. В январе 1808 г. он приказывает голландскому королю объявить войну Швеции, конфисковать шведские корабли, выражает *негодование* по поводу продолжающейся торговли Голландии с Швецией [31].

В начале февраля, назначая Ларошфуко посланником в Голландию, Наполеон приказывает особенно настаивать в инструкции, которую должен изготовить для него министр иностранных дел, на том, что посол обязан наблюдать за исполнением мер, предписываемых блокадой Англии [32].

Надзор, выговоры, угрозы продолжались непрерывно.

3 апреля 1808 г. Наполеон опять пишет брату гневное письмо: Людовик смягчил участь нескольких контрабандистов в Голландии, приговоренных к смертной казни. Наполеон находит, что брат его очень плохо пользуется «правом помилования, *одним из прекраснейших и благороднейших атрибутов»* царствования. И по поводу этого неуместного, по его мнению, милосердия Наполеон опять и опять грозит королю. Он не желает, чтобы Людовик становился «популярен на его (Наполеона — *Е. Т.*) счет». Голландцы любят своего короля, но, по мнению французского императора, Людовик именно поэтому обязан пользоваться своим влиянием, чтобы подавить контрабанду. Наполеон убеждает Людовика, что весь интерес Голландии — в соблюдении блокады. Если голландцы должны сбыть свои товары, свои водки англичанам, это можно, но пусть англичане взамен не ввозят свои товары: «...пусть они платят деньгами, *но никогда не товарами, понимаете ли вы? Никогда!»* [33] В этом письме Наполеон объясняет своему брату, что континентальная блокада есть *единственное* средство добиться мира с Англией. Он, Наполеон, хочет этого мира всеми силами, готов на все жертвы, кроме «национальной чести», Наполеон уверяет своего брата, что все северные государи поняли свою выгоду, «строго придерживаются запретительного режима» и от этого только выигрывают; «прусские фабрики могут соперничать с нашими». Скоро весь европейский берег, кроме Турции, будет закрыт для англичан, потому что вмешательство Наполеона в испанские дела «будет иметь результатом отнятие Португалии у англичан» и подчинение ее французской власти. «Еще несколько лет терпения — и Англия захочет мира

настолько же, насколько мы сами его хотим». Как бы спохватившись, что он слишком впал в тон убеждения, Наполеон кончает угрозой: «Ни под каким предлогом Франция не допустит, чтобы Голландия отделилась от дела континента»[34].

За угрозами следовали действия.

16 сентября 1808 г. был безусловно воспрещен ввоз во Францию из Голландии каких бы то ни было колониальных товаров.

12 октября 1808 г. Наполеон грозит своему брату, что он закроет сообщения между Голландией и Францией, если континентальная блокада будет так плохо исполняться: «...более ста кораблей ежемесячно проходят из Голландии в Англию». Это может навлечь большое несчастие на Голландию, и Наполеон взывает к «благоразумию короля»[35].

Конечно, опасность была близка и ясна. Но для голландцев отказаться от контрабандной торговли с англичанами значило, действительно, экономически погибнуть, и Людовик это понимал. Наполеоновские агенты не переставали доносить о явном нарушении воли императора во владениях его брата.

17 июля 1809 г. воспрещение ввоза колониальных товаров из Голландии в Империю было подтверждено, причем подчеркивалось, что никакие удостоверения о происхождении этих товаров не будут приниматься в расчет[36]. Это была явная демонстрация Наполеона против своего брата, голландского короля.

В тот же день 17 июля 1809 г. он пишет гневное письмо Людовику, грозит присоединением Голландии к Империи и приказывает в тот же день закрыть границы Империи для ввоза товаров из Голландии: все это из-за некоторых облегчений, которые король ввел относительно торговли американцев с Голландией[37].

21 сентября 1809 г. Наполеон опять негодует: торговля с Англией ведется в Голландии, как во время мира, приверженцы Англии торжествуют. «...Вы знаете, что все, что вы делаете, идет против моих мнений... Я всегда жалею, что дал вам королевство, где вы пользуетесь палладиумом моего имени только затем, чтобы быть полезным нашим врагам и делать всевозможное зло системе и Франции»[38].

В Голландии — корень зла; правительственные запрещения там ни к чему не ведут, англичане сбывают через Голландию товары, расходящиеся по всему континенту. *«Ошибочно думать, что Англия страдает» от принятых против нее мер.* Ни она, ни континент не страдают,— страдает одна Франция, потому что Англия доставляет через Голландию дешево и обильно хлопок, нужный швейцарским и германским мануфактурам, и скоро уже французы даже в Италии не смогут конкурировать

со швейцарцами и немцами. Англичане ввозят через Голландию и готовую бумажную пряжу. Контрабанда для Франции хуже чумы [39].

В ноябре 1809 г. Наполеон уже официально через своего полномочного посла Ларошфуко заявил королю Людовику, что так больше продолжаться не может, что голландское побережье должно охраняться так же, как охраняется нормандское; что, когда он посадил Людовика на престол, он это сделал потому, что обязался перед Пруссией сохранить самостоятельное бытие Голландии, а теперь «Пруссия не существует»; что Голландия не может своими средствами обороняться от англичан [40] и т. д. Наполеон решил оккупировать часть страны. И отдал соответствующие приказания.

Людовик метался, переходя от раздражения и горечи к страху и готовности на всякое унижение. «Государь, я умоляю ваше императорское величество забыть все ошибки, совершенные в Голландии»,— пишет он брату 17 декабря 1809 г.[41] Наполеон ответил жестоким письмом [42]. Он упрекал брата, что тот стал голландцем, что он позволил Голландии завязать сношения с Англией в тот момент, когда Наполеон был в затруднительном положении (намек на войну 1809 г. с Австрией).

6 января 1810 г. император недоволен, что «голландское дело» (о присоединении) так медленно подвигается вперед, и приказывает своему министру иностранных дел снова и в официальной ноте указать голландскому правительству, что Наполеон не допустит голландцев помогать английской торговле и прибегнет «к могуществу, данному ему богом» [43], а 12 января он уже предполагает довести до сведения английского правительства о всех невыгодах, которые будет иметь для Англии присоединение Голландии к Франции, и самое присоединение это выставляет угрозой, которая осуществится, *если* Англия не начнет переговоров о мире с Францией [44]. 18 января — новая угроза присоединить Голландию и начало военной оккупации страны [45]. Король Людовик хочет уехать, и 19 января — новая угроза присоединения [46].

В январе 1810 г. Шампаньи уже официально дал знать голландскому министру иностранных дел, что хотя и с грустью, но его величество принужден будет присоединить Голландию к своей Империи и отозвать из Голландии своего брата. Причины высказаны были с самой полной ясностью: Людовик забыл, что прежде всего у него есть обязанности по отношению к Франции [47], а уж потом он может думать о благе Голландии, а голландцы сделались агентами английской торговли и превратили свои порты в склады английских товаров [48].

Голландия мешает осуществлению блокады, голландцы стоят поперек дороги [49], их политическое бытие должно быть

уничтожено. К началу 1810 г. это стало аксиомой для Наполеона. Да и нация ли — голландцы? Нет, не нация. Они, просто, по мнению императорского правительства, торговая компания, «богатая, полезная и почтенная», но вовсе не нация [50]. А потому и щадить их политическую самостоятельность незачем.

Окончательная гибель политической самостоятельности Голландии была обусловлена именно тем, что Людовик Бонапарт не желал вконец разорять страну и в самом деле драконовскими мерами бороться против контрабанды. И Наполеон прекрасно понимал [51] весь трагизм положения голландского короля, своего брата, и все-таки, кроме гнева, поведение Людовика ничего в нем не возбуждало.

27 января Наполеон уже прямо приказывает продолжать военную оккупацию, распространяя ее на новые голландские области, и сообщить маршалу Удино, что император намерен занять всю страну сначала войсками, а потом взять в свои руки и гражданское управление [52]; одновременно приказывается «стрелять в сборища голландских контрабандистов» и наблюдать за складами колониальных и английских товаров, которые будут вскоре конфискованы [53]. В начале февраля король голландский Людовик предложил уступить Франции все земли на левом берегу Рейна, прекратить всякие сообщения с Англией и разрешать голландцам пускаться в море только с лицензиями, выданными Наполеоном; отдать все берега страны и устья рек в руки французских таможенных чинов; подчиниться верховной юрисдикции французского императора во всех делах о захвате голландских судов французскими корсарами [54].

25 апреля 1810 г. Наполеон подтверждает, что французские корсары имеют право захватывать всякое незаконно плавающее судно у берегов Голландии; 19 июня того же года он обращает внимание главного директора таможен, что голландцы продолжают обходным путем торговать с Англией [55].

Была еще речь об особом «договоре» между Империей и Голландией, но время этих попыток предупредить присоединение прошло. Замечания короля Людовика на проекте этого «договора» между Голландией и Францией обличают последние отчаянные усилия спасти хоть видимую независимость страны. В первом параграфе говорится о желании обоих правительств положить конец несогласиям (mettre un terme aux différends survenus entre eux). Людовик пишет на полях, что он согласен на все жертвы, лишь бы вернуть дружбу и благосклонность Наполеона, потому просит, чтобы слово *différend* было изъято. Наполеон требует, чтобы ни один склад запрещенных во Франции товаров не мог быть устроен в Голландии на расстоянии стольких-то (*пока* обозначено точками) лье от границы; Лю-

довик — на полях — просит, чтобы расстояние это было определено в одно лье. Наполеон желает, чтобы французские власти могли свободно действовать против контрабандистов на голландской территории; Людовик просит, чтобы и голландские власти были допущены к этим действиям [56].

Но Наполеон уже смотрел на всякие дальнейшие переговоры как на бесполезную проволочку времени. В течение марта и апреля 1810 г. продолжалось без сопротивления занятие Голландии французскими войсками. Угрозы королю по поводу торговли с Англией, по поводу несоблюдения договора с Францией (согласно которому Голландия должна была выставить известное количество судов для усиления французского флота) и т. п. продолжались. Наконец, наступила развязка: 24 июня маршалу Удино приказано было идти на Амстердам, а спустя две недели Голландия как самостоятельная держава прекратила свое существование. 9 июля 1810 г. Наполеон подписал декрет о присоединении Голландии к Империи.

Обращаясь к голландцам, Наполеон пробовал утешить их перспективой «обширного рынка от Амстердама до Рима», который перед их промышленностью отныне открывается [57]. Но эти слова так и остались словами. Тотчас после присоединения Голландии к Империи все колониальные товары, находившиеся в стране, были взяты под секвестр и возвращались владельцам лишь по уплате пошлины в 50% стоимости [58].

Весьма характерно, что едва только Голландия была формально и окончательно присоединена к Империи, как именно *Антверпенская* торговая палата стала хлопотать о скорейшем уничтожении потерявшей политический смысл пограничной таможни между Голландией и Францией [59]: если Голландия была прежде могущественной соперницей Бельгии в *торговом* отношении, то теперь, лишенная торговли, разоренная блокадой и всегда, а особенно теперь малопромышленная страна эта являлась в глазах бельгийских промышленников новым рынком для сбыта, но отнюдь уже не конкуренткой.

За присоединением началось осуществление наполеоновской программы в полном виде.

Наполеон считал настолько важным делом возможно быстрейшее уничтожение сбыта колониальных продуктов в Голландии, что он особой статьей акта о присоединении наложил на все уже находящиеся в Голландии колониальные товары пошлину в *50 процентов* их стоимости и срок для взноса этой пошлины назначил к 1 сентября 1810 г., т. е. 52 дня [60].

28 ноября (1810 г.) Наполеон пишет своему наместнику в Голландии приказ в двух строчках: «Сжечь немедленно все товары английского производства, находящиеся в Голландии в складах, магазинах и т. д.» [61]

Конфискации больших складов колониальных товаров, конфискации мелких лавок, конфискации табачных лавчонок, где весь товар заключался в 200 килограммах табака [62] — все это производилось с особой энергией в Голландии сейчас же после ее окончательного присоединения к Империи, и обо всем этом аккуратно докладывалось императору.

Молльен в своих записках передает, что в те времена говорили, будто секвестр, наложенный на все колониальные товары в Голландии тотчас после ее присоединения, и тяжкие условия, которые при этом были поставлены для освобождения от этого секвестра, объяснялись давлением со стороны французских торгово-промышленных кругов, «особенно со стороны тех, которые с большими издержками начали устраивать заводы виноградного и свекловичного сахара, а также красящих веществ, способных заменить индиго и кошениль». К сожалению, Молльен, член правительства, министр финансов в эти годы, ограничивается в своих записках передачей слуха, не опровергая и не подтверждая его [63].

Таможенные чиновники после присоединения Голландии начали действовать с такой неслыханной суровостью, что, не говоря уже о торговле фабрикатами, вообще *какая бы то ни была* торговля, даже торговля хлебом *внутри страны*, становилась прямо невозможной [64].

Оставалось рыболовство, но и этот промысел не был забыт повелителем Голландии, и здесь были поставлены преграды.

Рыболовство (особенно ловля трески и сельдей) еще в XVII столетии являлось предметом огромного национального значения и неусыпных забот государственной власти в Голландии. Из-за рыболовства велась ожесточенная полемика между голландскими и английскими юристами в XVII в., из-за рыболовства Голландия всегда готова была и на войну. Наполеоновское владычество прямо губило этот промысел: рыбакам не позволяли выйти в море под предлогом, что это может повлечь контрабандные злоупотребления. Даже французское правительство осторожно намекало императору, что от этого порядка вещей выигрывает Англия, которая переманивает голландских рыбаков на свою сторону [65]. Наполеону представляли, что уже обычная ловля трески у Ньюфаундленда погибла для голландцев, что теперь им осталась только ловля рыбы у Доггербэнка, что нужно же им хоть этот выход оставить [66]. Наполеон решил: позволять отныне голландцам ловить рыбу, но не печатать об этом и *держать это решение в секрете* [67]. И все это, чтобы англичане не воспользовались!

Ремесло, промышленная деятельность — вот куда волей-неволей обратились взоры голландского населения. Этим объясняется, между прочим, и то обстоятельство, что вопрос об уни-

чтожении или сохранении цехов приобрел особую остроту. Декретом от 21 октября 1811 г. в Голландии вводилась система патентов в том виде, как она окончательно была установлена во Франции законом 1 брюмера VII года. Но только 31 января 1812 г. особое постановление префекта департамента Зюйдерзее покончило формально с голландскими цехами, которые, впрочем, фактически уничтожались с момента введения патентов [68]. Однако мэр г. Амстердама жаловался на это постановление префекта и привел в пользу цехов аргумент, показывающий, что он очень хорошо понимал психологию французских хозяев Голландии: этот аргумент заключался в том соображении, что уплата денег за патенты может быть вполне осуществлена и *без* уничтожения цехов. И министр финансов был вполне побежден этим аргументом. Интересы казны не страдали, а принципиально императорское правительство вовсе не чувствовало к цеховой организации особенно ярой вражды и склонно было думать, что в самой Франции слишком поторопились уничтожить целиком эту организацию [69]. Цехи в Голландии, впрочем, пока продолжалось французское владычество, не были восстановлены.

А блокада делалась все суровее и тяжелее. Голландия и все побережье Немецкого и Балтийского морей зорко охранялись и со стороны моря, и со стороны речных сообщений.

28 сентября император приказывает Даву внести «больше порядка в наблюдение за берегами, тянущимися от Голландии до Балтийского моря» [70]. Все эти берега должны быть заняты пехотой и кавалерией, во главе наблюдения должен стоять бригадный генерал, а начальник таможен должен находиться под его начальством. Если генералу покажется, что у него мало войск,— дать ему еще два полка и шесть пушек. Устья рек Яхде, Везера и Эльбы должны зорко охраняться вооруженной силой. Вообще две дивизии, стоящие на севере, «имеют только эту цель, и она очень важна».

На другой день — гневный приказ: произвести расследование, на каком основании французский консул в Данциге разрешил одному данцигскому судну выйти из данцигского порта. Не взятка ли? Пусть генерал Рапп знает, что император не потерпит этого, что он «много занимается» этими делами и желает, чтобы его приказы исполнялись. А капитана данцигского корабля, когда он придет в Бордо, арестовать и отправить в Париж [71].

Наполеон настойчиво преследовал всякие письменные сношения между континентом и Англией; он особенно зорко следил за тем, чтобы почта исправно сжигала все письма, из Голландии идущие в Англию или из Англии приходящие в Голландию. Когда он сердился на другие державы (даже не

воевал, а просто был недоволен ими), он приказывал то же самое проделывать и с корреспонденцией их обитателей. Вот его приказ (без даты, но по некоторым признакам 1810 г.), отданный министру иностранных дел Шампаньи: «...donnez également des ordres pour qu'on réïtère la mesure d'arrêter toutes les malles de Hollande et qu'on en retire et fasse brûler toutes les lettres allant ou venant d'Angleterre qui s'y trouvent. Ecrivez à M. Bourrienne de prendre des mesures pour interdire toute correspondance de la Suède avec l'Allemagne et pour arrêter toutes les malles qui viendraient de Suède, ouvrir celles même de Danemarck et en retirer toutes les lettres anglaises» [72]. Распоряжаясь так с Данией, Швецией, германскими государствами, он, повторяю, особенно настойчиво и беспощадно преследовал всякие, самые невинные и далекие от политики, сношения между Англией и всецело ему принадлежавшей Голландией.

Наполеон выдавал французам лиценции, хоть и в ничтожной степени, но смягчавшие бедствия континентальной блокады; но, например, голландцам нередко в этой милости отказывал, и эта несправедливость отмечалась не только голландцами, но и англичанами [73]. Декретом от 18 марта 1811 г. Наполеон постановил, что лиценции будут выдаваться лишь тем голландским кораблям, которые будут выходить из Амстердама и Роттердама. Само французское министерство внутренних дел ходатайствовало (в декабре 1811 г.), чтобы та же милость была распространена и на Эмден [74].

Но что же было вывозить голландским лиценциатам? Французские товары вывозились французами, германские вывозились лиценциатами Гамбурга, Бремена, Любека. А голландские провенансы сплошь и рядом оказывались под запретом: Наполеон не желал, чтобы из Империи вывозилось сырье, которое может пригодиться для промышленности.

Роттердамские купцы в 1812 г. просили, чтобы было позволено вывозить лен за границу ввиду того, что все равно имперские мануфактуры *не могут* потребить всего количества этого льна, и огромные запасы остаются непроданными. Прежде, до войны, лен этот сбывался в огромном количестве в Англию, в Вестфалию, в Берг, в ганзейские города, в Испанию. Теперь почти все эти рынки отпали либо из-за «обстоятельств» (Англия, Испания), либо вследствие запрещения вывоза [75]. Но общего разрешения все-таки на этот счет не последовало.

С одной стороны, отрезывалась возможность какой бы то ни было торговли, и страна разорялась; с другой стороны, Наполеон ставил препятствия к ввозу в Голландию хлеба из остальной Империи: дешевый хлеб для «старых департаментов» — ведь это было одним из принципов его внутренней политики. В 1813 г. в северных департаментах Империи — как старой

Франции, так и Бельгии и левого берега Рейна — был великолепный урожай, и хлеб стоял на рынке очень низко: в департаментах Шельды и Устьев Шельды, Диль, Лис, Жемаппе, Самбры-и-Мааса гектолитр пшеницы (в сентябре 1813 г.) стоил 19 франков; в департаментах Устьев Мааса, Roer'а, Рейна и Мозеля, Сарты, Мон-Тоннер — 16 франков, а в то же время в Голландии гектолитр стоил 30 франков, и министр торговли хлопотал, чтобы было наконец снято абсолютное воспрещение вывозить в Голландию хлеб. Но и тут главный аргумент — серьезно страдающие интересы французов, владельцев хлеба, лишенных нужного рынка, а вовсе не потребности Голландии [76].

Уже через год-полтора после присоединения к Империи Голландия была доведена до полного разорения.

Вот небольшая докладная записка, пересланная французскими же властями в министерство внутренних дел (в октябре 1811 г.) и касающаяся г. Саардама. Она замечательно наглядна: 1) В Саардаме прежде было 10—12 верфей, где строились и чинились суда. Теперь эти верфи совсем бездействуют: там строится с 1803 г. и все никак не может достроиться один и тот же корабль. Как помочь делу? (Moyens d'amélioration — особая графа в этом мемуаре). Прежде всего — морской мир (la paix maritime — мир с Англией). 2) Некогда было в Саардаме 14 заведений для выработки оливкового масла, и каждое ценилось в 8—12 тысяч флоринов; теперь цена их от 2 до 5 тысяч. Как помочь? Облегчить налоги, сделать возможным подвоз оливок. 3) Прежде были две бумажные фабрики с 100 рабочих; теперь 18—20 человек в общей сложности. 4) Прежде в городе было 160 лесопилен, теперь осталось 66, так как нет более подвоза леса ни с Балтийского моря, ни из Норвегии. Что может помочь делу? *Морской мир* прежде всего, а затем также соблюдение былых договоров Голландии с Россией. (Это особенно знаменательно, если принять во внимание, что в октябре 1811 г. по всей Европе уже ходили слухи о пререканиях между Наполеоном и Александром.) 5) Прежде было 11 табачных фабрик, теперь «по большей части» они бездействуют. Прежде было 11 мастерских для изготовления китового жира, теперь осталось 3, да и те влачат едва заметное существование. И тут нужно лишь как-нибудь помочь им додержаться до... того же *морского мира*. 6) Прежде были веревочные мастерские, теперь они почти не существуют. Что нужно *прежде всего* для их воскрешения?— «*Общий мир*». Есть еще и пожелания и указания — но *это* стоит везде на первом плане [77].

Что разорило торговый, цветущий прежде город Скидам? 1) Морская война, которая уничтожила экспорт в колонии, в Америку и «главным образом в Англию». 2) Присоединение к Франции всех соседних с Голландией государств, что препят-

ствовало вплоть до окончательного присоединения Голландии, а точнее, до *1 марта 1811 г.*, какому-либо вывозу из Голландии в эти государства (заметим, что Наполеон очень не спешил с фактическим уничтожением таможенной стены между Голландией и Францией: Голландия присоединена к Империи в июле 1810 г., а фактический вывоз из Голландии во Францию стал возможным лишь с марта 1811 г.). Что может поправить дела города, чисто торгового, богатство которого состояло в торговле хлебом и спиртными напитками? Мир, «общий мир», которого хотят и «все торговые города», и пока по крайней мере беспрепятственного допущения торговли посредством smuggler'ов с Англией, куда в былые, донаполеоновские времена сбывались огромные количества голландских (и бельгийских) водок [78]. Тот же вопль о полном разорении несется из Дельфта [79], из Горкума (или Gockinchem'а) [80], из Амстердама, из Роттердама, из Гааги.

Возьмем третий город Голландии, тоже не только торговый, но и промышленный,— Лейден. Некогда, до морской войны, в Лейдене было более 20 суконных фабрик и 29 фабрик для выделки других шерстяных материй; были тут и красильни, и дубильни, и водочные заводы. Теперь (документ относится к сентябрю 1811 г.) Лейден разорен: нет сбыта, нет нужного сырья, *ввозятся немецкие товары.* Это указание не на французскую, а на немецкую конкуренцию, весьма характерно: имеется в виду прежде всего левый берег Рейна, а затем Берг, откуда легче было ввозить, хотя бы контрабандным способом иной раз, товары в Голландию, чем, например, из Саксонии. По всем этим причинам город пал, число суконных фабрик свелось к 5, других текстильных заведений — к 8, число красилен — к 4, число пивных заводов — к 2 (вместо прежних 23), спиртоочистительных — к 2 (вместо прежних 6). Вообще, город разорен вконец, и так будет обстоять дело до тех пор, «пока его величество не удостоит *даровать* неприятелю мир» [81].

То же самое нужно сказать вообще о наиболее прочно укоренившихся отраслях производства в Голландии. Такие две прежде процветавшие отрасли голландского производства, как фабрикация бумаги и кожевенно-дубильное дело, были доведены до полнейшего, официально засвидетельствованного упадка и разорения [82].

После всего сказанного нельзя удивляться тому, что присоединение Голландии не имело для французской (и бельгийской) промышленности того значения, которое a priori можно было бы предполагать. Это был рынок нищий, разоренный вконец блокадой, рынок, который оказался не в состоянии в эти годы поддержать даже своей собственной, прежде существовав-

шей, хоть и в скромных размерах, национальной промышленности.

Были и еще обстоятельства, затруднявшие сбыт французских товаров в Голландии.

Парижские купцы горько жалуются на таможенные притеснения, сильно мешающие им воспользоваться новыми рынками сбыта. «Голландия и ганзейские города, присоединенные к Французской империи,— пишут они в 1811 г.,— принуждены заменить предметы потребления, которые они получали из Саксонии и Германии (sic!), предметами, производимыми французскими фабриками, особенно Парижа и его окрестностей». Но на деле торговля очень затруднена потому, что таможня требует удостоверения о происхождении каждого товара. И иногда нужно отправить товар на 600 франков, а если этот груз состоит из множества отдельных предметов, то нужно предварительно выхлопотать «более пятидесяти» таких «certificats d'origine». Это сопряжено с огромными хлопотами, хождениями, расходами и даже с «физической невозможностью», ведь часто мелкие фабриканты даже не умеют писать или *не известны своему муниципалитету* [83]. Это последнее обстоятельство после всего сказанного мной об организации промышленности во Франции не нуждается в пояснениях.

Последние замечания имеют общий интерес именно потому, что указываются еще и чисто внешние препятствия к сбыту французских товаров в Голландии: французскому купцу нужно было превозмогать тысячу препятствий, чтобы попасть наконец со своим товаром на опустевший и обнищавший рынок разоренной страны.

Глава XV

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ШВЕЙЦАРИЕЙ

Швейцария в эпоху Консульства. Швейцария в эпоху континентальной блокады. Конфискация колониальных товаров. Конкуренция швейцарской промышленности с французской; причины успехов швейцарской промышленности

Швейцария была оккупирована войсками Директории в 1798 г. и с тех пор, собственно, уже не выходила из-под власти французского правительства (хотя по Люневильскому трактату Швейцария и была торжественно объявлена независимой). Искусно воспользовавшись обстоятельствами, Наполеон оформил это подчинение Швейцарии, сделав себя (19 февраля 1803 г.) «медиатором» швейцарской конфедерации, иными словами, главой и повелителем Швейцарии, которому подчинены были все власти этой страны. (Женева в 1806 г., Невшатель и кантон Валлис были отторгнуты от конфедерации и попали еще более непосредственно под власть Наполеона.)

Об отторгнутой от Швейцарии Женеве и всем «департаменте Лемана», присоединенном к Империи, речь идет в связи с Империей. Здесь отметим только, что Швейцария переживала при Наполеоне очень трудные времена, и тем не менее промышленность ее не только не погибла, но деятельно конкурировала с французской и на германском, и на итальянском, и даже на французском (имперском) рынках, где можно было — прибегая к легальному ввозу, где нельзя — к контрабанде.

Собственно, Швейцария после войн революционной эпохи вышла весьма ослабленной в экономическом отношении. Ее не только разоряли проходившие через ее территорию войска, но первый консул в конце концов лишил швейцарское население огромной по тому времени суммы, которую ему было должно французское правительство за уже доставленный фураж и поставки всего нужного для экипировки войск. Когда в мае 1801 г. военный министр просил ассигнования трех миллионов франков, которые нужно было заплатить Швейцарии за военные поставки французским войскам, то Бонапарт отказал наотрез

на том основании, что французы охранили эту страну от нашествия русских и австрийцев, а потому ничего уже ей не должны [1]. Таким образом, Швейцария вступает в интересующий нас исторический период в самом бедственном состоянии: она разорена постоями войск, ей не желают возместить даже части убытков, и протестовать она не смеет, потому что фактически находится под пятой Наполеона.

Экономический рост Швейцарии, однако, не прекратился, и эта страна, сначала привлекавшая подозрительное внимание императора лишь как возможный рынок контрабандного сбыта английских товаров, начинает все более и более возбуждать тревогу как один из опаснейших конкурентов французской промышленности.

1. Что касается борьбы против ввоза английской контрабанды, то для Швейцарии (как и для Франции, как и для Италии) блокада настала еще до декрета 21 ноября 1806., и уже после разрыва сношений с Англией в 1803 г. Швейцария не смела вести открытого торга с англичанами. С 1806 г. начинаются самые крутые действия Наполеона, направленные к окончательному изгнанию английской торговли из Швейцарии.

9 марта 1806 г. Наполеон приказывает генералу Удино занять Невшательское княжество и конфисковать там все английские товары. Княжество должно быть занято «именем» Наполеона, но император подчеркивает, чтобы Удино *не* уничтожал таможенной линии между Францией и Невшателем [2]. Это было началом.

12 апреля 1806 г. Наполеон грозит занять войсками всю Швейцарию, если из Базеля будет проходить контрабанда во Францию. Император «будет принужден сделать это, чтобы обеспечить торговлю своих народов и интересы своих таможен», заняв территорию Швейцарии, он произведет конфискацию английских товаров [3], а когда швейцарский ландамман робко вступился за интересы своих соотечественников, разоренных невшательскими конфискациями, то император приказал ему ответить, что в нем, Наполеоне, это заступничество возбуждает одно негодование [4].

Ясно, что после таких мер швейцарцев уже не мог удивить воспоследовавший 21 ноября 1806 г. общий декрет о континентальной блокаде. Но контрабанда деятельно работала в Швейцарии: хлопок, красящие вещества — все это ввозилось по укромным горным дорогам, потому что без всего этого не могла обойтись швейцарская промышленность.

6 октября (1810 г.) Наполеон приказывает вице-королю Италии занять армией в 5—6 тысяч человек все кантоны итальянской Швейцарии и тотчас конфисковать все колониальные товары, которые там найдутся. Их там, по сведениям импе-

ратора, должно быть на несколько миллионов. Затем оставить там военные постои и «чрезвычайные таможни» при горных выходах. А потом пусть он заявит швейцарскому представителю, что эта мера вынуждена контрабандой и что оккупация будет продолжаться до заключения мира с Англией. Как бы в утешение Евгений Богарне может прибавить, что «эту же меру император употребляет в Мекленбурге и германских портах». «В детали исполнения я не вхожу», но «пусть генералы, которых вы пошлете, не делают глупостей» [5]. Впрочем, за «глупости», содеянные от излишка усердия, Наполеон никогда не карал своих генералов.

Что «более или менее точно» исполняются на остальном континенте только те правила блокады, которые касаются английских фабрикатов, что почти вовсе не исполняются правила, относящиеся к английскому сырью, что оба эти условия сильно толкают вперед континентальную не-французскую промышленность, давая ей дешевое сырье и «более или менее» ограничивая могущественную английскую конкуренцию,— это очень понимали французские промышленники, и это весьма их пугало, и они боялись даже, что иностранцы, в конце концов, когда наступит мир, а с ним бо́льшая свобода торговли, могут отнять у них внутренний, французский рынок [6]. А что «Швейцария и Германия» только *«притворяются»*, будто исполняют правила, например об обложении хлопка,— в этом совет мануфактур не сомневается [7]. «Швейцария и Германия покрываются мануфактурами в той же пропорции, в какой эти заведения рушатся у нас, и уже нашим таможням приходится почти с таким же трудом препятствовать контрабандному ввозу тонких ситцев, сработанных в этих двух странах, как и противиться контрабанде английских фабрикатов»,— таков безотрадный вывод совета [8].

Продолжая беспощадную борьбу против швейцарской контрабанды, Наполеон 14 ноября 1810 г. присоединил к Империи Валлис; фабриканты, не предвидя этого, закупившие или заказавшие сырье (шерсть и хлопок) в остальной Швейцарии и в Германии, оказались в безвыходном положении, так как железная стена французских таможен отрезала их от остального континента, и они просили только об одном: чтобы им позволили в последний раз переправить уже закупленное сырье в Валлис на основании прежних швейцарских, а не новых французских таможенных узаконений и тарифов [9]. Эта милость (оказанная очень скупо) могла предохранить от непосредственного разорения лишь нескольких промышленников; вообще же, конечно, с этого момента фабриканты Валлиса попали относительно получения сырья в гораздо более тяжелое положение, чем их товарищи из неприсоединенной Швейцарии.

Борясь с контрабандой, Наполеон подкашивал одновременно и транзитную швейцарскую торговлю. Исключением была лишь транзитная торговля не запрещенными к ввозу во Францию товарами. Например, транзитная торговля Шафгаузена отчасти состояла в переправе штирийской стали в Лион и Марсель [10].

Кроме контрабандного ввоза *в* Швейцарию английских колониальных товаров, французское правительство оказалось вынужденным следить и за другой контрабандой: за незаконным вывозом швейцарских фабрикатов *из* Швейцарии во Францию.

Это приводит нас к рассмотрению другой категории явлений, к данным о промышленном соперничестве Швейцарии с Францией.

2. В документах мы нашли ряд указаний на эту тревогу, с которой французские промышленники относились к швейцарской конкуренции. Они желали во что бы то ни стало изгнать швейцарскую конкуренцию из Италии, пользуясь для этого неограниченной властью Наполеона в Италии, они жаловались на конкуренцию Швейцарии в Средней Европе, они негодовали на стремление швейцарцев проникнуть контрабандным путем даже на внутренний французский рынок.

Когда в 1806 г. Наполеон воспретил ввоз ситцев и кое-каких других бумажных материй в Италию откуда бы то ни было, кроме Франции, то французские промышленники были еще недовольны льготным сроком, данным Швейцарии, и жаловались, что швейцарцы слишком широко воспользовались данной им милостью и постарались очень уж много ввезти в Италию до 31 декабря 1806 г. (когда этот срок истек); это «злоупотребление» лишило французов возможности что-либо сбыть в Италию в ближайшее время, и даже из Италии во Францию стали приходить эти швейцарские материи [11]. Этот декрет был спустя некоторое время взят назад, но в 1810 г. был повторен и введен немедленно в действие.

Декрет от 10 октября 1810 г., воспрещавший ввоз в Италию каких бы то ни было бумажных материй, кроме французских, нанес удар прежде всего швейцарской промышленности. До этого декрета в Швейцарии кипела работа, не хватало рук, не хватало даже иной раз и машин, работали ночью, доставали контрабандным образом английскую пряжу (которая поступала на швейцарские ткацкие станки); на швейцарские мануфактуры работали не только свои кантоны, но и Швабия, и Брейзгау, и Форарльберг (считалось, что 200 тысяч прядильщиков работают на швейцарские прядильни) [12]. И несмотря на все, несмотря даже на декрет от 10 октября, французские аген-

ты доносят в Париж, что швейцарское производство хоть и уменьшилось, но отнюдь не погибло. Почему? Потому, что Швейцария поддерживает деятельнейшую контрабанду как на границах Италии, так и на границах Франции [13].

Бумажная *пряжа* (нужная самим французским ткачам, особенно некоторые тонкие сорта) была окончательно и безусловно воспрещена к ввозу во Францию декретом от 22 декабря 1809 г. Вплоть до того времени пряжа отчасти еще доставлялась во Францию из Германии и *Швейцарии* [14].

Все эти мероприятия жестоко поражали швейцарскую промышленность, но она не сдавалась. Теснимая Наполеоном, она обратилась по линии меньшего сопротивления — в Среднюю Европу, т. е. к двум всеевропейским ярмаркам — франкфуртской и лейпцигской.

Наполеон начинает получать сведения, что в Лейпциге швейцарские сукна, швейцарские ситцы успешно конкурируют с французскими, что во Франкфурте происходит то же самое. Ему прямо указывают на ряд германских государств, где эта конкуренция Швейцарии дает себя чувствовать. Так, Швейцария отбивает у Франции часть сбыта в Липпе-Шаумбурге, в Сальм-Сальме, Изембург-Бирштейне, Дармштадте, Нассау [15].

Наполеону доносят о делах на весенней франкфуртской ярмарке 1810 г., представляют обширный доклад, но он делает коротенькую надпись: приказывает сообщить ему о причинах процветания невшательских и швейцарских мануфактур и о том, «какие меры нужно принять, чтобы дать преимущество нашим» [16].

Ответ был неутешителен: произведенная министерством анкета установила, что главной причиной нужно считать и лучшее качество, и бо́льшую дешевизну швейцарских материй. Происходит же это потому, что со всего морского побережья Германии английская контрабанда ввозит в Европу хлопок, и этот хлопок с меньшими, естественно, трудностями проникает в Швейцарию, нежели во Францию [17]. И если желательно, «не уклоняясь от континентальной системы», помочь этому горю, то средство одно: всячески поощрять североамериканский ввоз хлопка во Францию [18]. Но Наполеон именно в это время обдумывал, как бы *вовсе* изгнать привозимый морем хлопок из Европы: ведь дело было как раз в последние недели перед трианонским тарифом!

Конечно, где возможно было начисто лишить Швейцарию нужного ей сырья, там Наполеон это делал. Так, воспретив вывоз шелка-сырца из пьемонтских департаментов и сильно затрудняя этот вывоз (куда бы то ни было, кроме Франции) из королевства Италии, он подкосил швейцарскую шелковую промышленность.

Швейцария (в частности Цюрих) даже еще в 1810 г. была деятельным конкурентом французской шелковой промышленности [19], но это были последние месяцы, когда потреблялись на производство последние запасы сырца. Производство шелковых лент, процветавшее в Швейцарии до Наполеона, совершенно пало уже к 1810 г. вследствие невозможности доставать по прежней цене шелк из Пьемонта и из остальной Италии [20].

Но шелк-сырец был единственным сырьем, которым Наполеон мог распоряжаться вполне самовластно, потому что ему принадлежали всецело те страны, которые дают главную массу нужных европейской промышленности коконов. С шерстью, а особенно с хлопком, дело обстояло иначе: швейцарские провенансы оказывались дешевле французских.

Кроме скрытой английской конкуренции действовала открытая континентальная. Люди, не теоретизировавшие, не тешившие себя выдуманной табелью о рангах, в которой Франция ставилась в индустриальном отношении сейчас же после Англии и впереди всех других наций, словом, те, которые своими глазами наблюдали за действительным течением торговых дел на центральных европейских ярмарках, прямо говорили, что швейцарские и германские фабрики в данный момент (1810 г.), может быть, *еще опаснее* для французской промышленности, чем Англия [21].

И эту опасность нужно было понимать так, что речь идет о борьбе уже не только за внешние рынки, но и за внутренний французский, заваливаемый контрабандными швейцарскими и иными фабрикатами.

Полномочные министры Наполеона, послы, его представители в вассальных и полувассальных державах неусыпно следили за признаками и симптомами происходящей во тьме контрабандной деятельности. Узнал такой сановник, что в Швейцарии «некоторые мануфактуристы» получили большие заказы бумажной материи, и хоть он даже *не знает*, откуда эти заказы, но уже беспокоится: не из Франции ли эти заказы? Не готовится ли контрабандный ввоз? И уже пишет министру иностранных дел в Париж, а тот сейчас же министру внутренних дел [22], поднимается тревога, летят приказы на границу, весь аппарат приходит в движение.

Но, одной рукой приводя этот гигантский аппарат борьбы с контрабандой в движение, Наполеон другой рукой усиливал эту самую контрабанду: после трианонского тарифа хлопок в Империи страшно вздорожал, а швейцарский вздорожал в меньшей степени, увеличилась разница в рыночной цене между французскими и швейцарскими фабрикатами, и тем самым увеличился возможный барыш от контрабандного ввоза во Францию иностранных фабрикатов.

Уже в середине марта 1812 г. фабриканты бумажных материй констатировали с горечью, что швейцарская и саксонская (контрабандная) конкуренция так сильно вредит французскому производству, что «мирный негоциант, любящий свое отечество», уже не может выдержать соперничества с «преступной торговлей» того собрата, который, «презирая законы, продолжает быть маклером иностранных фабрик» [23]. Другими словами, купцы, торговые фирмы ничуть не теряли от контрабанды, а фабриканты разорялись.

Ришар-Ленуар, глава и гордость французских бумагопрядильщиков, докладывает тогда же совету мануфактур, что вот уже шесть месяцев, как французским фабрикантам приходится выдерживать серьезную борьбу с швейцарской конкуренцией. Бросая ретроспективный взгляд на последние годы, Ришар констатирует, что в течение первых нескольких лет после окончательного воспрещения ввоза иностранных бумажных материй во Францию (в 1806 г.) бумажная промышленность процветала и даже стала распростаняться на немецком рынке, но последняя высокая пошлина на хлопок делает немыслимой конкуренцию французской промышленности со *швейцарской*. Во-первых, французы совершенно лишились возможности выделывать почти все тонкие сорта бумажных материй, которые можно фабриковать *только* из американского хлопка; во-вторых, даже и простой хлопок в Швейцарии гораздо дешевле; в-третьих, в Швейцария (*как* — это другой вопрос) оказалось много готовой английской *пряжи*, из которой швейцарцы изготовляют дешевые товары; в-четвертых, заработная плата в Швейцарии «вдвое» меньше, чем во Франции. Швейцарская контрабанда стала приобретать беспокоящие размеры, судя по утверждению Ришара, примерно с середины сентября 1811 г. Он говорит, что *все* сказанное применимо и к Саксонии. и что саксонская контрабанда тоже с некоторых пор становится ощутительна во Франции. Но относительно саксонской контрабанды не дает более точных указаний [24]. Эти жалобы не привели к ощутительным результатам.

Мы видим, что Швейцария, подобно Бергу, подобно Саксонии, принадлежала к числу передовых в индустриальном отношении стран, которые не только не попали в экономическую зависимость от Империи Наполеона, но которые еще своей конкуренцией деятельно вредили французской промышленности на среднеевропейских рынках, а отчасти и на внутреннем французском.

Если Швейцария вообще конкурировала с Францией главным образом в текстильной промышленности, то специально Женева с окрестностями конкурировала со «старыми департаментами» в часовом и ювелирном мастерстве. Но Женева и весь

«Леманский департамент» в течение всей рассматриваемой эпохи входили в состав Империи, были по *ту* сторону таможенной границы, и о них речь идет в связи с анализом состояния *французской* промышленности.

1813 год переполнен жалобами на все более усиливающуюся контрабанду из Швейцарии; но уже близились дни, когда открывались все границы Империи: в середине декабря 1813 г. в Швейцарию явились союзные войска, и французский протекторат был объявлен 29 декабря 1813 г. уничтоженным. Континентальная блокада перестала в этот день даже и формально существовать для Швейцарии.

Глава XVI

ФРАНЦУЗСКИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Два периода в истории франко-испанских отношений при Наполеоне. Испания как рынок сбыта французских товаров. Испанская шерсть и французские суконщики. Значение испанской шерсти для Англии и Франции. Разведение хлопка в Испании. Экономические последствия испанской войны. Франция и Португалия

В истории отношений между Францией и Испанией в наполеоновскую эпоху можно различить два периода. Первый период (1799—1808 гг.) — полное, подавляющее дипломатическое преобладание Франции и безусловная приниженность и покорность со стороны испанских властей. Второй период (1808—1813 гг.) — завоевание одной части королевства и яростная борьба в другой части между наполеоновскими войсками и восставшим населением, которому оказывают деятельную помощь английские десанты.

Но в оба эти периода экономическая политика Наполеона относительно Испании остается одна и та же. Испания должна быть тем, чем желают ее видеть французские промышленники, и *ничем другим*. А если ей неугодно ограничиться этой ролью, то пусть продолжает борьбу не на жизнь, а на смерть против Наполеона, против Иосифа Бонапарта и маршалов, которым поручено приведение ее к покорности.

К чему же сводились желания французских промышленников относительно Испании? К трем совершенно определенным пунктам: 1) Испания должна стать монополизованным рынком сбыта французских фабрикатов; 2) Испания должна поставлять шерсть единственно только на французские суконные и шерстяные мануфактуры, нуждающиеся в испанских тонких и трудно заменимых сортах этого сырья; 3) южная Испания должна быть в обширных размерах использована для разведения заморских (и потому недоступных) сортов хлопка, нужного французским прядильным мануфактурам.

Рассмотрение документов твердо устанавливает эти три тенденции французской политики относительно Испании.

1. Мысль о том, что Испания *обязана* облегчить французам сбыт фабрикатов, что она все равно не может сама удовлетворять свои потребности, что можно политическим давлением заставить ее открыть свои границы для французских товаров,— эта мысль крепко сидела в голове французских правителей, купцов и промышленников еще с XVIII столетия [1]. Только тогда, до революции, аргументировали указанием на родственные связи обеих Бурбонских линий и на то, что без Франции Испания может потерять свои колонии, на которые зарится Англия; теперь, при Наполеоне, цели и методы остались те же, но аргументация и особенно средства воздействия изменились.

Еще в августе 1800 г. фабриканты шерстяных чулок и вязаных шерстяных изделий департамента Нижних Пиренеев умоляли правительство оказать давление на Испанию [2] и заставить эту державу объявить свободу ввоза в страну французских шерстяных изделий, ведь «испанские фабрики не могли бы удовлетворять потребление». Это стремление за других решать вопрос о возможности или невозможности удовлетворить потребление в чужой стране в высшей степени характерно для французского промышленного мира в наполеоновскую эпоху.

Что на самом деле все это ложь и что Испания имеет самостоятельную промышленность, которая удовлетворяет или может удовлетворить ее главнейшие нужды,— это, разумеется, правительство французское знало очень хорошо, и, к слову, заметим, его официальные представители высказывали это открыто, пока не было признано более политичным об этом молчать [3].

Французское правительство, впрочем, и тут (как и относительно Италии, например) ревниво следило, чтобы Испания не сделалась экономически самостоятельной страной.

Посол испанского короля (Иосифа Бонапарта), герцог Фриар, обращается к префекту департамента Шельды с просьбой выискать и прислать в Испанию людей, хорошо выделывающих полотно (чем славились, как мы знаем, север Франции и Бельгия). Префект обращается прежде всего к своему начальству с запросом: как поступить? [4] Министр внутренних дел отвечает ему «*конфиденциально*» [5], что следует отклонить (но «весьма почтительно») эту просьбу, клонящуюся «к перенесению отрасли французской промышленности на иностранную почву». Сообразно с этим и было отвечено испанскому послу [6].

Представители беарнского полотняного и бумажного производства с первых лет Империи не переставали тоже домогаться свободного пропуска своих товаров в Испанию и решительно не хотели считаться с какими бы то ни было ограничительными мерами со стороны испанского правительства. Главный торговый совет всецело их поддерживал [7], и император тоже решил стать на их сторону.

7 марта 1807 г. Наполеон (находившийся тогда в Остероде в разгаре войны в Восточной Пруссии) приказал Шампаньи передать французскому послу в Мадриде, чтобы он предложил «его католическому величеству» уничтожить стеснения при ввозе в Испанию [8] французских шелковых и суконных материй, а также бретонских полотен и металлических изделий.

Когда Наполеон после Тильзита начинает только присматриваться к Испании, он прежде всего требует от министерства внутренних дел справки о том, «чего может желать от Испании французская торговля». И оказывается, что французские купцы и промышленники имеют вполне определенные претензии к Испании, которые они тотчас и доводят до сведения императора: жалуются на «темноту и запутанность» испанского таможенного тарифа, на его частые и внезапные изменения, на «произвол» таможенных властей и неясность критериев таможенного обложения. Жалуются на слишком высокие пошлины на шляпы, на то, что французские полотна обложены выше, чем силезийские; что Испания воспретила ввоз бумажных материй из Франции, а ввозит их из Англии через Португалию (считается, будто эти материи идут из Португалии, но «Португалия их не производит»). В частности, фабриканты сукон в Эльбефе, Каркассонне, Седане и Ахене просят о понижении испанских пошлин на сукна; о понижении пошлин на текстильные товары, ввозимые в Испанию, просят также мануфактуристы Реймса, Амьена, Аббевиля, Манса, Шоле, Сен-Кантена. Мало того. Они просят о понижении вывозной испанской пошлины на шерсть, в которой нуждается французская промышленность, и чтобы не меньшей пошлиной была обложена испанская шерсть, отправляемая в Англию через ту же Португалию и тоже под предлогом торговли с Португалией [9]. Мы видим, что *инициатива* предъявления требований к Испании принадлежит Наполеону. Но значит ли это, что все перечисленные пункты претензий французской торговли и промышленности к Испании — лишь простые придирки, благовидные предлоги для начала дипломатической, а потом и военной кампании? Ни в каком случае: еще в 1806 г. шла речь о необходимости бороться со враждебным отношением Испании к французской торговле; и мы знаем, что еще до революции и в первые годы революции Испания была тем рынком, из-за которого шла борьба Англии с Францией. Победить английскую конкуренцию, могучую благодаря своей технике, отвоевать у Англии этот рынок путем политического давления или прямого завоевания — эта мысль не могла казаться представителям французской промышленности ненужной или нелепой; и прежде всего круто изменить этим политическим давлением всю таможенную систему Испании на пользу Франции и в ущерб Англии значило отчасти компенсировать потерю, уменьшение или

разорение других европейских и внеевропейских рынков в 1805—1807 гг.

Едва только началось завоевание Испании, как повторилась та же история, что с Италией: французские промышленники нашли, что и Испания вовсе не нуждается в самостоятельной промышленности. Парижские купцы скупили в мае 1808 г. громадное количество (1500 кип) хлопка в Барселоне, где он мог очутиться, когда еще Англия могла туда ввозить (а Испания пропускать) колониальные товары. Так как каталонские и вообще испанские фабриканты сами нуждались в хлопке, то барселонские власти воспретили вывоз этого хлопка во Францию (т. е., вернее, воспротивились самому совершению сделок), тем более что испанцы чуть не начали беспорядки по этому поводу. Французы, жалуясь своему министру внутренних дел, заявляют, что «испанские прядильщики потребляют мало и не нуждаются во всем хлопке, который есть в Каталонии», и министр становится на их сторону по двум резонам: во-первых, во Франции мало хлопка и, во-вторых, между Испанией и Францией теперь (вследствие того, что Наполеон низверг прежнюю династию и возвел на испанский престол своего брата) «существует своего рода общность интересов» (l'espèce de communauté d'intérêts) [10].

Конечно (в первые же месяцы после начала завоевания), повторялись жалобы насчет «сложности» ее тарифа, «произвола» таможенных порядков, вредящих французской торговле (даже выражения употреблялись почти дословно те же, как и относительно Италии) [11].

В 1809 г. ставится на очередь вопрос о франко-испанском торговом договоре, и министр внутренних дел представляет Наполеону в высокой степени характерную для тогдашней Франции записку. Прежде всего нужно ловить момент, потому что «обстоятельства, соединяющие теперь оба государства, таковы, что, может быть, никогда уже подобных не случится в истории Франции и Испании». Эти обстоятельства слагаются из двух таких элементов: 1) «король из императорского (французского) дома занимает мадридский престол; его привязанность и его признательность к Вашему Величеству располагают его к согласию на наши предложения»; 2) «испанская нация своим поведением дает императору французов все права завоевания». А потому все заставляет и испанский народ, и его государя подчиниться всему, что угодно будет Наполеону потребовать в интересах французской торговли [12].

Наполеоновское правительство желало в Испании исправить дело, испорченное с 1759 г., с восшествия Карла III, когда ряд высоких или даже прямо запретительных ставок сильно уменьшил французский сбыт на полуострове. На некоторые сорта

шелковых материй, атласа и т. д. эти ставки доходили до 49—80—90% стоимости, иногда превышали ее. Но способ, предложенный министерством внутренних дел Наполеону, был весьма радикален: решено было «рассматривать провинции и население Испании как провинции и население французские», а потому *исключить* из испанского торгового оборота все остальные нации [13]. Но есть препятствие: как ни оберегать испанские границы, все равно английские товары хлынут через Испанию во Францию, а потому, откровенно говоря («disons le franchement»), нельзя установить между обеими нациями *полное* равенство, а следует устроить так, чтобы Франция получала из Испании беспрепятственно все нужное ей сырье, но чтобы Испания *не* могла ввозить во Францию мануфактурные товары. Самое любопытное — это то, что министр не особенно советует Наполеону доверять испанскому правительству (т. е. его же брату Иосифу) в деле борьбы с английской контрабандой: ведь английская торговля *выгодна* Испании и поэтому нужна испанскому правительству [14]. Итак, Франция ввозит в Испанию все, Испания ввозит без вывозной пошлины во Францию сырье — таков должен быть коренной принцип торгового договора.

В 1810 г. французское правительство добилось весьма значительного понижения таможенных ставок на ввозимые в Испанию французские фабрикаты. Ставки на шерстяные товары были понижены на 25—30%, на некоторые шелковые товары, шелковые кружева — на 33—35%; хлопчатобумажные товары, прежде воспрещенные вовсе к ввозу, теперь были допущены; точно так же были сняты запреты с других товаров, по существовавшим прежде правилам не допускавшихся в Испанию. И это еще должно было стать лишь началом дела: предвиделся франко-испанский торговый договор, который, по мысли французских министров, должен был еще более облегчить Франции завоевание испанского рынка [15].

По мнению Главного торгового совета, положение вещей (в конце 1811 г.) в Испании таково, что *всякая* потеря в сбыте французского товара знаменует собой выигрыш для англичан, все равно, в покоренной или непокоренной части Испании [16]. Сама Испания не может себе доставить нужных фабрикатов, границы ее открыты почти всюду (с моря) для англичан, границы между покоренными и непокоренными ее частями изменчивы, неясны, неверны: французская и английская индустрия стоят лицом к лицу и могут в борьбе полагаться лишь на свои силы. Вывод был ясен...

Конечно, неспокойное состояние, вызванное хроническим восстанием против французов, сильно вредило сбыту товаров. Но по мере сил Наполеон охранял эти товары *manu militari*. Еще в середине 1810 г. купцы просили Наполеона приказать

военным властям, занимающим Испанию, оказывать защиту и покровительство французским торговым обозам [17] (и он исполнил их просьбу). Впрочем, риск покрывался громадными выгодами, которые манили французских торговцев и промышленников: испанцы нуждались во всем, особенно в материях (шерстяных, бумажных, полотняных), и цены на эти предметы стали непомерно высокими [18].

2. Другая тенденция французских промышленников находила еще более горячее сочувствие в Наполеоне: обеспечить за французскими мануфактурами монопольное пользование испанской шерстью (в сырье) значило не только доставить огромные преимущества отечественной промышленности, но и нанести страшный *непосредственный* удар англичанам, которые тоже не могут обойтись без испанской шерсти.

Франция, французская суконная промышленность всегда нуждалась только в испанской шерсти; до такой степени *только* в ней, что когда (в 1797 г.) явилась полная возможность распоряжаться итальянским овцеводством и министру внутренних дел была подана мысль воспользоваться в этом отношении Церковной областью, министерство не нашло нужным это сделать и очень характерно мотивировало свой отказ [19]: зачем итальянская шерсть, когда французские фабриканты нуждаются исключительно в испанской?

Конечно, еще в 1805 г. французские промышленники, мечтавшие изгнать англичан с испанского рынка и преградить им возможность закупки испанской шерсти, *знали* [20] хорошо, что эта мера больно ударит не только англичан, но и испанцев; но ведь на то и существует императорская армия, чтобы жалобы испанцев не могли иметь практических последствий.

Французы знали, что значит для испанцев разрыв торговых сношений с Англией, знали испанскую поговоркуь *paz con Inglaterra y guerra con todo el mundo*, и хотя возмущались ею [21], но хорошо понимали, на какой почве могло вырасти и окрепнуть представление, что для Испании мир с Англией важнее всего, что при мире с Англией ей не страшна война со всем светом.

Наполеон прекрасно понимал еще в 1800 г. (после Маренго, конечно), что Англия с трудом пойдет на мир, и, говоря с Редерером об успехах своей политики, которые именно и мешают миру с Англией, он *прежде всего* упомянул об Испании [22], а уже потом об Италии и других странах, хотя, строго говоря, Испания в конце 1800 г., когда происходил разговор, была гораздо менее ему подвластна, чем, например, Италия. Когда я впервые читал мемуары Редерера, я удивился несколько, почему Наполеону прежде всего пришла в голову Испания? Теперь мне это вполне ясно: полное порабощение Италии Наполеоном было для Англии менее убыточно, чем даже просто большое

дипломатическое его влияние на Пиренейском полуострове, и он знал это отчетливо.

Французское правительство только со времени начала завоевания Испании могло подумывать об этой очень существенной части плана кампании против английской промышленности: о лишении Англии шерсти. Шерсть вообще была *единственным* сырьем, лишение которого могло нанести Англии существенный вред, и это сырье Англия получала не из колоний, а с континента Европы. Но, конечно, и тут выступал на первый план вопрос о Балтийском побережье, так как Англия получала шерсть не только из Испании, но и из Богемии, Моравии, Венгрии, германских стран, Италии, Леванта и варварийских стран (североафриканского побережья)[23]. Если исключить Италию, бывшую в руках Наполеона, Левант и варварийские страны, с которыми ничего нельзя было поделать, но которые давали и более грубую шерсть, чем Европа, и в меньших количествах, то оставались: 1) Испания, 2) австрийские владения и германские страны. Но таких тонких сортов, как Испания, не давала ни Австрия, ни Германия. Нужно окончательно и прочно завоевать Испанию; нужно взять в свои руки балтийскую таможенную линию. Вот две цели, осуществление которых может заставить Англию закрыть «многочисленные мануфактуры», даже *бóльшую* часть ее суконных мануфактур. Считалось, что из производимых Испанией 45 тысяч кип шерсти, 10 тысяч потребляет индустрия Франции и Бельгии, 3 тысячи кип — сама Испания, а остальные 32 тысячи кип идут на английские мануфактуры[24].

Итак, завоевание Испании становилось в деле осуществления целей континентальной блокады почти столь же важным, как овладение североевропейским побережьем. Стремления французских промышленников и тут особенно гармонировали с основными политическими целями Наполеона.

Нужно ознакомиться с документами, касающимися торговли и промышленности, чтобы понять всю колоссальную важность для Англии сохранения за собой испанского рынка и, может быть, именно как рынка *сырья*. Французские шерстобиты и суконщики лучше это понимали, чем даже многоопытный Талейран. Наполеон еще в эпоху Консульства домогается, чтобы Испания объявила Англии войну; он этого добился. Но будет ли для Англии от этой войны урон? Дипломаты отвечают утвердительно, а шерстобиты и суконщики — отрицательно и мотивируют так: зачем Испания нужна Англии? — Для закупки там испанской тонкой шерсти, которой *нигде* в другом месте не достанешь ни за какие деньги. Англия ежегодно закупает этой испанской шерсти 32 тысячи кип (Франция же — всего 12 тысяч). Четырех кип хватает, чтобы дать работу (на круглый год) 16 рабочим; итого одна только испанская шерсть дает англича-

нам средство прокормить круглый год 128 тысяч человек, не говоря уже о громадной прибыли при продаже на внутреннем и внешнем рынках этих тонких, наилучших сортов сукна [25]. Следовательно, если бы война с Испанией повлекла для Англии действительную, а не иллюзорную потерю этого рынка сырья, удар был бы ужасен. Но *ничего подобного* Англии не угрожает, потому что, сколько войн между этими странами ни происходило, продажа испанской шерсти англичанам благополучно продолжалась, *несмотря ни на какие официальные запрещения*. Правительство испанское *принуждено было всегда* смотреть на это сквозь пальцы, уступать интересам собственников-скотоводов. Так и теперь (в 1805 г.) англичане уже условились со своими испанскими контрагентами, а английскому флоту уже отдан приказ не трогать судов, нагруженных испанской шерстью [26]. Если угодно нанести Англии в самом деле страшный удар, уничтожить эту ветвь суконной промышленности, могущественно двинуть вперед французскую индустрию, тогда нужно устроить так, чтобы в *самом деле* ни один килограмм испанской шерсти не попал в Англию [27]. Вывод должен был быть сделан уже Наполеоном: нужно завоевать Испанию и непосредственно своими силами воздвигнуть там китайскую стену против англичан... Этот вывод и был им в 1808 г. сделан.

Вопрос: что может статься с английскими мануфактурами, если они лишатся испанской шерсти? ставился в разгар блокады и посторонними лицами, интересовавшимися Испанией и знавшими ее экономическое положение (насколько, впрочем, его можно было вообще знать) [28].

С другой стороны, необходимость испанской шерсти для французской промышленности тоже давно уже не возбуждала никаких сомнений.

Французские суконные мануфактуры в Лувье, Эльбефе, Реймсе, Аббевиле, Седане *не могут* обойтись без испанской шерсти, и «в обыкновенные годы», в конце XVIII в., Франция получала, по утверждению французского полномочного посла в Мадриде, от 11 до 12 тысяч кип (считая каждую кипу заключающей около двух метрических квинталов, или, иначе, в общем около 200 килограммов; дело в том, что кипа не во всех провинциях Испании считалась одинаково, и колебания были очень значительные. Сам посол (Bourgoing) говорит кое-где о кипах в 200—250—275—300 *фунтов*: но, указывая общую цифру вывоза, он отмечает, что *тут* он считает кипу равной двум квинталам) [29].

Уже 1 июня 1808 г. император обратил внимание на обилие шерсти в Испании и на возможность использовать это обстоятельство в интересах французских мануфактур, жаловавшихся на дороговизну этого сырья [30].

Министр внутренних дел уже в начале июня 1808 г. докладывал Наполеону, что хотя и очень нужна французской промышленности тонкая испанская шерсть, но она очень дорога: англичане, которые скупали всегда колоссальные количества испанской шерсти (по 30 тысяч кип), «приучили» испанцев к дорогим ценам и расплате вперед, а французы не могут дать испанцам этих выгод[31]. Вывод Наполеоном был сделан скоро. Нужно, во-первых, беспощадно преследовать всякие следы тайных торговых сношений испанцев с англичанами и их подставными агентами; а во-вторых, скупать или просто конфисковать (за «бунт», за подозрительные сношения с англичанами и т. п.) возможно бóльшие массы испанской шерсти и потом продавать ее французским фабрикантам с публичного торга.

Уже в декабре 1808 г. и январе 1809 г. в Байонне началась (за счет правительства) организация продажи с торгов в громадных количествах испанской шерсти, свозившейся сюда. Французская шерстяная промышленность получала чрезвычайно удобный и обильно снабженный рынок сырья[32]. На первых же порах было продано 2 тысячи квинталов шерсти; в ближайшее время должно было быть продано еще около 30 тысяч квинталов, и французские промышленники, со всех концов Франции спешившие в Байонну за этой шерстью, беспокоились главным образом о том, как бы эта шерсть (и без того сбываемая правительством за бесценок) еще больше не подешевела и как бы поэтому первые покупатели не остались в накладе; и еще беспокоились они, что французская армия не захватит в свои руки достаточно испанской шерсти (они даже справки наводили в Испании по этому поводу)[33].

Наполеон не уставал повторять, что эта продажа испанской шерсти предпринята правительством исключительно для блага французской промышленности, а казна никаких «торговых» целей тут преследовать *не* должна[34]. Эти продажи продолжались и в 1810, и в 1811 гг., до того перелома в судьбах Испании, который произошел в 1812 г., в годину битвы под Саламанкой и начала окончательного освобождения от наполеоновского ига.

3. Завоевание Испании открыло также некоторые перспективы (в смысле надежд на получение сырья) и французским хлопчатобумажным мануфактурам[35].

Наполеону подавались еще в эпоху Консульства докладные записки о возможности и настоятельной необходимости завести на юге Испании в обширных размерах плантации хлопка. Серьезно заговорили об испанском хлопке в годы хлопкового оскудения, хлопкового «голода», совпавшие со временем французского завоевания и борьбы испанцев за независимость. Трудность дела заключалась в том, что именно юг Испании, где по

климатическим условиям удобнее всего было разводить хлопок, был весь объят восстанием против Иосифа Бонапарта.

Министр внутренних дел Монталиве с большим сочувствием рекомендовал Наполеону (в марте 1811 г.) проект промышленника Барильона покрыть Андалузию плантациями колониальных насаждений. Сахар, индиго, какао, кофе, хлопок могли бы получаться из Андалузии Францией и всей Европой, и Англия была бы разорена окончательно. Но чтобы с этой стороны подойти к разрешению задачи, прежде всего нужно было изгнать англичан из Испании и занять *всю* бунтующую страну французскими войсками (только эту многозначительную оговорку и делает Монталиве) [36]. Именно Андалузия была в руках кортесов и помогавших им англичан больше, чем всякая иная часть полуострова.

Было и другое препятствие. Наполеон опасался, что англичане будут привозить с моря в южные испанские провинции («бунтующие», а потому свободно сообщающиеся с англичанами) массы своего колониального хлопка, который потом французы и будут скупать под видом испанского. Таким образом, создался бы систематический обход блокады.

Совет мануфактур, желая удержать за французской промышленностью испанский хлопок, представлял императору (в ноябре 1811 г.), что хлопок этот возделывается в Мурсии и Гренаде, «которые заняты французской армией», и поэтому торговля эта обогащает не бунтовщиков, а верноподданных Иосифа Бонапарта; повторял старый аргумент, что облагать большой пошлиной испанский и неаполитанский хлопок значит затруднять расширение его культуры в этих странах, а только она и может избавить Францию от необходимости прибегать к покупке заморского хлопка; совет ручался, что испанские верноподданные с испанскими же бунтовщиками *не* сообщаются [37], и т. д. Конечно, не Наполеона можно было этим уверением успокоить. Во всяком случае главная масса хлопка для французских мануфактур шла в это время с Леванта: оттуда, по исчислениям сведущих лиц и фабрикантов, шло во Францию в среднем 30 тысяч кип хлопка (или 60 тысяч квинталов), а из Испании — от двух до трех тысяч кип [38] ежегодно.

6 декабря 1811 г. Наполеоном было разрешено ввозить хлопок из Испании, но с непременным условием вывозить шелковых материй на ту же сумму, другими словами, как жаловалась в 1813 г. администрация Каталонии, разрешение было «иллюзорным, потому что при настоящих условиях» никакого спроса на шелковую материю ни в Каталонии, ни вообще в Испании быть не могло [39]. Те же условия ставились и для хлопка, который (в виде особой милости) разрешалось время от времени ввозить из Голштинии или из ганзейских департаментов Фран-

цузской империи внутрь Франции [40], так что Испания не была исключением в этом смысле.

До последних месяцев наполеоновского царствования испанский хлопок возможно было провозить только на тех условиях, какие ставил декрет от 6 декабря 1811 г., и при этом в каждом отдельном случае требовалась личная резолюция императора [41].

Говорили еще о получении из Испании других нужных французским мануфактурам продуктов. В апреле 1812 г. идет переписка между министрами внутренних дел и торговли о возможности добывать индиго в Испании, и главнокомандующий французской армией в Арагоне пересылает образчики испанского индиго в Париж [42]. Но последствий эта затея, по-видимому, не имела.

Получалась еще из Испании сода, но как раз в годы завоевания во Франции стали в больших размерах изготовлять этот продукт по способу Леблана. В 1808—1809 гг. в Марселе развивается выделка соды. Уже в 1810 г. цена на испанскую соду упала с 120 до 55 франков за квинтал (не метрический, а в 40 килограммах 8 гектограммов); в 1810 г. французская сода продавалась за 55 франков квинтал, в 1811 г.— за 18—22 франка, в 1814 г.— за 10—12 франков [43].

Что касается Португалии, которую Наполеон, как он признался в письме к маршалу Жюно, завоевал исключительно из-за поддержания и осуществления континентальной блокады, то французское владычество в этой стране держалось так недолго, что никаких существенных и учитываемых выгод французская промышленность из этого завоевания не успела извлечь, и с точки зрения тех вопросов, которые мы тут исследуем, нужно только отметить, что Португалия интересовала и французских промышленников, и Наполеона не столько сама по себе, так сказать, сколько в качестве страны, через которую идет английский транзит (фабрикатов) в Испанию и испанский транзит (сырья) на английские торговые корабли, стоящие в португальских портах.

Главный продукт, который Франция в 1805—1806 гг. получала из Португалии, это был хлопок в сырье; ввозила же она туда мануфактурные товары; но коренным препятствием для сбыта французских товаров в Португалии являлся все еще действовавший знаменитый англо-португальский торговый договор 1703 г. («договор Метуэна»), отдававший Португалию в экономическое подданство Англии [44]. *Считалось,* что Франция ввезла в Португалию в 1806 г. мануфактурных товаров на 7 192 258 франков; *считалось,* что она получила за то же время колониальных продуктов из Португалии на 19 032 159 франков [45]. Первая цифра была ничтожна, и Англия мешала ее уве-

личению; вторая цифра была относительно велика, и Англия деятельно участвовала в этих португальских прибылях; ведь ни для кого не было тайной, что английский торговый флот выгружает большие запасы колониальных продуктов в Лиссабоне и на всем берегу, и что эти товары под названием португальских расходятся затем по Испании и Франции.

Еще весной 1807 г., когда и речи не заводилось о завоевании Пиренейского полуострова, французские промышленники склонны были рассматривать Португалию как уже завоеванную страну. Седанские суконщики, например, просили свое правительство не только потребовать у испанского короля свободного транзита через Испанию товаров, идущих из Франции в Португалию, но и повелеть португальскому королю *безусловно воспретить* вывоз из португальских портов шерсти (в сырье, так как испанские овцеводы сплавляют шерсть англичанам именно через посредство Португалии [46]. Если бы это мероприятие было осуществлено, французские суконщики оказались бы монопольными покупателями испанской шерсти. И правительственные власти, начиная с префекта [47], продолжая министрами и кончая Наполеоном, всецело разделяли и эти соображения, и это умонастроение. Для англичан еще с начала 1807 г. было вполне ясно то, что для континента открылось спустя год: Пиренейский полуостров втягивался в сферу прямой и тяжелой зависимости от Франции.

Английский посол в Португалии в 1807 г. пускал в ход свое влияние, чтобы добиться свободного транзита испанской шерсти через Португальскую территорию; эти переговоры, должно быть, увенчались полным успехом, и первый, кто известил наполеоновское правительство о новом шаге англичан, был крупный представитель суконного производства Ternaux: он и его товарищи *поняли по упорству, которое проявляли испанские овцеводы, не желавшие уменьшать цены на шерсть*, что, невзирая ни на какие запреты со стороны испанского правительства, овцеводы отнюдь не считают английский рынок для себя утерянным: если нельзя грузить шерсть в Барселоне или Кадиксе, или иной гавани, они будут ее отправлять в Португалию [48]. Вопрос о Португалии в экономическом отношении оказывался гораздо теснее и неразрывнее связанным с вопросом об Испании, чем в отношении чисто политическом; и правительство французское очень хорошо это поняло.

Когда Португалия была потеряна, все усилия и заботы французских властей в Испании свелись к тому, чтобы: 1) англичане не ввозили (через Португалию) в Испанию свои товары и 2) чтобы англичане не вывозили из Испании тем же путем шерсти. Обе задачи по мере успехов испанского восстания делались все менее и менее осуществимыми.

Глава XVII

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА

Воззрения французского правительства на экономическую роль отношений между Францией и Соединенными Штатами. Роль Соединенных Штатов в эпоху блокады. Штаты и лионское производство. Разрыв сношений. Возобновление их

На Соединенные Штаты французское правительство в эту эпоху смотрело довольно объективно: признавая, что пока, в начале XIX столетия, заокеанская республика есть страна почти исключительно земледельческая, что она еще нуждается в продуктах иностранной промышленности, правительство обращало внимание первого консула на то обстоятельство, что это не только не будет продолжаться вечно, но что Северной Америке суждено стать совсем иной и даже, может быть, скоро [1]. Но так оптимистично смотрело в эти первые годы Консульства французское правительство на борьбу с Англией, что оно с жаром занималось планом немедленно же приступить к экономическому завоеванию североамериканского рынка французской индустрией, именно со стратегической, так сказать, точки зрения: Англия, лишившись этого рынка, будет поставлена в очень трудное положение [2].

Тут же прибавлю, что и в начале, и в конце наполеоновской эпохи французское правительство благосклонно принимало и такие предложения, которые хотя могли повредить французскому сбыту в Америке, но зато вредили и английскому: именно так мотивировал министр внутренних дел (в 1811 г.) свое предложение Наполеону разрешить г-же Кампан вывезти в Соединенные Штаты несколько баранов-мериносов; разведение тонкорунных овец нанесет большой удар английскому сбыту, потому что будет содействовать развитию туземного суконного производства. И хотя обыкновенно такие разрешения вывоза не давались, здесь было допущено изъятие [3].

Из Франции товаров было вывезено в Соединенные Штаты в 1801 г. на 1 013 690 долларов (только эта цифра нас тут и

интересует; из «французской Вест-Индии» показан ввоз в Соединенные Штаты (в том же году) в сумме 13 593 255). Вывезено было из Соединенных Штатов во Францию (в 1801 г.) на 3 985 292 доллара [4].

Что американцам, чуть не единственной нации, не только «нейтральной», но и имеющей возможность *сохранить* свой нейтралитет, суждено сыграть значительную роль в эпоху блокады, это было ясно.

Насколько страшным может оказаться для Франции преследование англичанами нейтральных кораблей, это Наполеону было указано в первые же дни существования континентальной блокады: прежде всего уничтожился бы весь сбыт на североамериканском рынке. Лионский и нимский шелк, канские кружева, валансьенский батист, парижские предметы роскоши — все это сбывалось американцам, привозившим на своих судах в Антверпен, Нант, Бордо, Марсель, Ливорно (в обмен на французские провенансы) колониальные товары всех видов: хлопок, красящие вещества и т. п., т. е. именно то сырье, которое еще позволяло французской текстильной промышленности кое-как держаться. Таким образом, возможное прекращение торговли с Соединенными Штатами грозило Франции разом двумя ужасающими ударами [5].

В первый год блокады, когда нейтральный флаг еще был в безопасности, американцы оказали огромные услуги французской торговле. В 1807 г. сбыт в Америку французских товаров стал быстро и заметно увеличиваться. Наполеон и его министры с живейшим интересом следили за этим новым важным фактором, который начал сказываться в торгово-промышленной жизни [6]. Между прочим, «неожиданные заказы из Америки» на большие суммы в конце зимы и весной 1807 г. очень поддержали и лионское шелковое производство, переживавшее из-за войны с Пруссией и Россией такой тягостный момент [7]. Эти заказы так существенно изменили положение вещей, что префект даже воздержался от раздачи рабочим субсидий, которые были в его распоряжении на этот предмет [8]. Весь департамент Гар в 1807 г. не нуждался в правительственной помощи именно потому, что его текстильная индустрия нашла в этом году сбыт в Америку [9].

По показанию голландского консула в Бордо, с 1807 г. только американские суда посещали еще францзские порты (и никто более). В частности, они посещали и этот обнищавший порт Бордо, привозили туда колониальные продукты и увозили вина и водки [10] из винодельческих департаментов, шелк и бархат, выделывавшийся в Лионе, Ниме, Амьене.

Американцы, *никогда ничего* в Лионе не покупавшие, в 1807 г. сделали заказов на *четыре миллиона*: они решили

воспользоваться дешевизной товара в это тяжелое для французской торговли время [11].

Поздравляя Наполеона с неожиданным счастливым обстоятельством, необычайным усилением торговых сношений с Америкой, министр внутренних дел Шампаньи указывает, что далеко не один только Лион пользуется этим благом. Но тут же он считает долгом своим обратить внимание императора на тяжелые затруднения и препятствия, которые испытывает эта торговля вследствие декрета от 21 ноября 1806 г. Дело в том, что американцы, приезжая за французскими товарами, привозят вместе с тем свое сырье, которым, так сказать, и расплачиваются с Францией. Но вследствие подозрительности властей это сырье (как и все товары, по морю доставляемые) задерживается, осматривается и т. д., и американцы терпят большие убытки. Шампаньи убеждал Наполеона примирить эти важные интересы с «великими политическими видами», продиктовавшими декрет о блокаде: он просил, чтобы французские власти не придирались к тем нейтральным судам, которые *силой* были заведены в какой-либо английский порт и никакого товара оттуда не вывезли [12].

Американцы выиграли в торговле с Францией именно то, что англичане потеряли вследствие войны,— так формулировался в глазах правительства смысл этого оживления торговых сношений с Америкой [13].

Но в ноябре и декабре 1807 г. это положение вещей круто изменилось. 11 ноября английское правительство издало свои orders in council, устанавливавшие право обыска и обложения груза нейтральных судов, а декабрьским миланским эдиктом Наполеон объявил, что будет конфисковать все нейтральные суда, подчинившиеся этим английским требованиям.

Соединенные Штаты ответили наложением эмбарго на все английские и французские суда, но для французской торговли это уже было не столь существенно: все равно французские товары и до сих пор шли не на французских, а на американских кораблях.

Важнее всего было то, что Наполеон воздвиг систематическое преследование нейтрального, т. е. прежде всего и больше всего американского флага. 17 апреля 1808 г. Наполеон объявил, что всякое американское судно, приходящее во французский порт, будет секвестровано. В тот же день, 17 апреля 1808 г., ссылаясь на эмбарго, наложенное Соединенными Штатами на торговые суда, Наполеон приказал считать все суда, приходящие во Францию, Голландию, ганзейские города, Италию под американским флагом, за суда английские, а бумаги их считать подложными, сфабрикованными [14]. Тогда же он сделал суровый выговор генералу Жюно за то, что тот разре-

шил выгрузку судов, пришедших с колониальными товарами в Португалию: эти товары были названы американскими, «но все знают, что они из Лондона», а потому впредь секвестровать все американские суда, приходящие в португальские гавани [15]. 8 мая (1808 г.) он даже грозил отозвать своего посла Ларошфуко из Голландии, если в голландские порты будут допущены американские суда [16]. 10 мая — новый выговор Жюно насчет американских товаров [17]. 11 июля (1808 г.) — требование, обращенное к Австрии, чтобы в Триест не допускались американские суда, «ибо они, очевидно, приходят из Англии» [18].

«Наиболее важным событием» торговой истории 1808 г. в самом деле было исчезновение американского флага с океана. Колониальные товары возросли в цене почти вдвое, а иные и более, чем вдвое, к середине 1808 г. сравнительно с ценой их в начале этого года [19].

Соединенные Штаты издали акт, бывший, в сущности, лишь демонстративно-торжественным повторением меры, принятой ими с самого начала. 1 марта 1809 г. конгресс Соединенных Штатов воспретил пребывание в портах республики как английским, так и французским кораблям [20]. Одновременно Штаты вступили в объяснения с Англией и Францией, предлагая изъять американские суда из-под действия законов 1807 г.

19 апреля 1809 г. президент Соединенных Штатов уведомил население республики, что английское правительство постановило, начиная с 10 июня (1809 г.), изъять американские суда из-под действия приказов Королевского совета 1807 г., почему в силу акта конгресса торговые сношения Штатов с Англией считаются восстановленными. Англии ничего, в сущности, не стоило сделать эту уступку, так как все равно и для американских судов оставалось в силе запрещение торговать с Францией; а между тем от репрессалий американского правительства английская торговля все-таки страдала, потому что у англичан были обширные активные торговые сношения с американским побережьем и для них недопущение судов в американские гавани далеко не было такой мертвой буквой, как для Франции.

Но с Наполеоном дело не налаживалось.

Объясняясь с послом Соединенных Штатов Армстронгом в 1809 г., Шампаньи, излагая мысли Наполеона, настаивал, что и берлинский декрет 1806 г., и миланский 1807 г. были лишь *ответами*, а не инициативными действиями, что французский император лишь реагировал на насилия английского правительства [21].

Правда, король Людовик Голландский воспользовался этими переговорами и открыл было голландские порты для американских судов, но не надолго. Когда голландские порты были в 1809 г. вновь открыты для американских судов, Парижская

торговая палата просила императора, чтобы эта милость была распространена на французские порты, потому что иначе Франция сделается экономически данницей Голландии [22]. Не только это ходатайство не увенчалось успехом, но Наполеон, воевавший тогда с Австрией, впал в страшный гнев, узнав о поступке брата, мгновенно приказал *ничего* не пропускать в Империю из Голландии, приказал брату сейчас же отменить сделанное распоряжение и пригрозил ему лишением престола. Людовик, конечно, сейчас же подчинился.

Переговоры с американцами все-таки еще долго тянулись.

21 декабря 1809 г. Наполеон как будто бы сделал для американцев «исключение» и постановил, что всякое американское судно, не осмотренное англичанами и не побывавшее в Англии, «будет хорошо принято во французских портах» [23]. Другими словами, никакого исключения для американцев он *не* сделал, ведь по миланскому декрету *все* суда, не осмотренные англичанами и не побывавшие в Англии, могли смело являться во Францию. Если этот акт от 21 декабря 1809 г. имел какой-либо смысл, а не был просто отпиской, то он должен был как бы подтвердить американцам, что теперь *англичане* для американских судов сделали исключение и обещали их не трогать, а потому и миланский эдикт к ним не будет применяться.

И все-таки на практике ничего из этого не вышло.

Всякий раз, когда возможно было, Наполеон в 1809 г. приказывал конфисковывать американские суда с товаром [24], спешил опровергнуть слухи, будто он разрешил какому-либо американскому судну войти в ту или иную гавань [25], и т. д.

С 10 января 1810 г. император опять дает инструкции Шампаньи относительно того, на каких условиях он согласился бы снять запрет с американского флага: если американцы не будут подчиняться правилам, установленным Англией в 1807 г. для нейтральных судов [26]. Но все-таки еще 24 февраля (1810 г.) он приказывает секвестровать вместе с товарами все американские суда, которые придут в Италию [27], еще 25 июля он приказывает потребовать от Пруссии, Мекленбурга, Швеции и Дании, чтобы они не допускали американские суда [28].

Не довольствуясь словами английского и французского правительств, сказанными в 1809 г., видя, что на практике оба правительства продолжают обходиться с американским флагом по-прежнему, правительство Штатов продолжало дипломатическую борьбу.

3 мая 1810 г. конгресс Северо-Американских Соединенных Штатов постановил предложить Франции и Англии отменить распоряжения, разрушающие торговлю; при этом конгресс заявил, что если до 3 марта 1811 г. одна из этих двух держав уничтожит изданные ею акты, а другая, со своей стороны, от-

кажется последовать этому примеру в течение трех месяцев, то Соединенные Штаты закроют свои порты для державы отказавшейся. Наполеон склонен был пойти на это, наперед зная, что ничего отсюда не выйдет [29]. Конечно, эта попытка вмешательства Соединенных Штатов с явной целью способствовать заключению мира между воюющими сторонами ни к каким результатам не привела.

Весной 1810 г. между Францией и Северо-Американскими Штатами существовало состояние «полуразрыва» сношений, l'état de demi-rupture, по тогдашнему выражению (примененному именно в этом случае): американские товары были конфискованы в целом ряде портов, и это обстоятельство «окончательно изгнало из Франции» подвозимое американцами сырье, и прежде всего хлопок [30].

Наполеон в конце концов решился на изъятие (с 1 ноября 1810 г.) американских судов из-под действия миланского декрета, но решился тогда, когда новые меры, предложенные весной 1810 г. и осуществленные осенью, все равно сильно подрывали значение этой милости. К чему в самом деле могла свестись франко-американская торговля после трианонского тарифа от 5 августа 1810 г., изгнавшего из Империи все колониальные продукты: хлопок, чай, сахар, какао, индиго и т. д., т. е. именно то, что привозили американцы во Францию и в обмен на что они увозили вина, шелк и бархат?

И не случайность — то обстоятельство, что именно когда наступал срок «свободного» допущения американцев во французские порты, Наполеон уже наперед воздвиг особенно жесткое гонение именно на главную статью американского импорта во Францию — на хлопок.

Континентальная блокада требовала дальнейших логических выводов из основного принципа, на котором она покоилась. Левантийского, римского, неаполитанского хлопка *достаточно* для нужд французской промышленности (по словам Наполеона, сказанным 22 октября 1810 г., это *доказано*, il est prouvé). Нужен ли поэтому американский хлопок?— Нужен, потому что он тоньше и лучше континентального. *Значит*, он нужен только для роскошных материй, богатых, «не необходимых для одежды простого народа»? А если так, *запретить его вовсе*; а чтобы неповадно было его провозить контрабандой, запретить все материи, которые из него выделываются, и не только во Франции, но и «во всех странах, входящих во французскую систему»; назначить срок, после коего сжигать американский хлопок как английский. Считать все выделанные из него материи за английские и тоже сжигать их [31]. Задержка вышла только потому, что сразу нельзя было установить, какие именно материи выделываются из американского хлопка.

Почему же все эти строгости? Потому, что американский хлопок идет с моря, а все, что идет с моря, может принести заразу: английскую контрабанду. Лучше предварить врага и на всякий случай скорее *весь* американский хлопок приравнять к английскому, чем позволить, чтобы английский хлопок прокрался в Европу.

В ноябре 1810 г. Наполеон в самом деле подумывал [32], нельзя ли вовсе воспретить ввоз американского хлопка в Империю. Но Монталиве представил ему доклад, в котором заявлял, что, во-первых, из Неаполя идет мало хлопка, во-вторых, и итальянский, и левантийский хлопок сами по себе грубого сорта, и если их не смешивать с американским, то целого ряда материй выделывать нельзя; что дело стоит так, что если теперь дать французской промышленности достаточно (и по дешевой цене) хлопка, то французы могут занять на европейских рынках место, принадлежавшее англичанам [33], и т. д.

Но все равно торговля Соединенных Штатов с Францией страшно сократилась с 1808 г. В 1798 г. из Франции было ввезено в Соединенные Штаты товаров на 1 371 727 долларов; вывезено из Штатов во Францию — на 1 476 588 долларов. В 1799 г. французских товаров было ввезено в Соединенные Штаты на 901 018 долларов; о вывозе во Францию в этом году сведений в американских архивах, по заявлению официального отчета 1856 г., не имеется [34], точно так же не имеется сведений о ввозе из Франции по 1820 г.

Что касается суммы американского вывоза во Францию, то даны такие цифры [35]:

Ввезено из Соединенных Штатов во Францию

В годах	Провенансов Соединенных Штатов на сумму в долларах	Провенансов других стран (но ввоз шел из Соединенных Штатов)
1804	3 219 112	5 604 942
1805	3 079 862	9 885 602
1806	3 226 698	8 197 694
1807	2 715 141	10 315 678
1808	708 697	1 126 396
1809	Сведений нет	Сведений нет
1810	16 782	1 672
1811	673 708	1 119 302
1812	402 803	2 435 218
1813	1 780 291	2 296 453
1814	286 429	30 018
1815	5 033 084	1 853 859

Вот, по исчислениям американского статистика, современника континентальной блокады [36], работавшего на основании официальных документов Соединенных Штатов, количество ввезенного в некоторые страны Европы американского хлопка в период с 1809 по 1811 гг.:

Ввезено хлопка (в фунтах)	Годы		
	1809	1810	1811
В Россию	557 924	3 769 137	9 255 404
В Пруссию	—	936 579	231 679
В Голландию	1 068 096	100 869	—
В Гамбург и другие ганзейские города	1 067 013	976 762	1 836 288
В Испанию	796 496	4 292 055	218 880

Что касается Франции, то она за 1809—1811 гг. отмечена нулем: легально хлопок туда в эти годы уже не направлялся.

Если можно из этих цифр или, лучше, из соотношений между этими цифрами сделать какие-либо выводы, то какие именно? Что ввоз во Францию и в Голландию американского хлопка свелся к нулю в 1810—1811 гг.; что в Гамбурге этот ввоз держался (контрабанда, с одной стороны, лицензии, с другой, тоже связанные с контрабандой, могли этому сильно благоприятствовать); наконец, что, действительно, *через Россию*, пользуясь ее неладами с Наполеоном, пользуясь декабрьским указом 1810 г., в течение 1811 г. американцы ввозили колониальные товары в страны европейского запада, как об этом читателю настоящей работы рассказывают документы, о которых речь идет в главах, посвященных экономическим отношениям между Францией и государствами Средней Европы, между Францией и Россией. Нельзя не заметить также, что даже и в 1811 г. Россия не только формально признавала еще континентальную блокаду, но и на практике вовсе еще не вполне свела ее к нулю; а это не могло не облегчить торговые сношения с русскими портами «настоящим» американцам сравнительно с американцами «мнимыми», под видом которых должны были торговать англичане. (Что касается вышеприведенных цифр, то если они и неточны, как неточна вся статистика того времени, то во всяком случае не оттого, что под видом американцев являлись торговать и англичане: это обстоятельство может лишить всякой достоверности цифры кронштадской, рижской, архангельской таможен, но не нью-йоркской, которая

так или иначе отмечала в самом деле хлопок, вывозимый из Северо-Американских Штатов, никакой другой.)

Нужно сказать еще, что после жестокого кризиса 1811 г. Наполеон на деле сильно ослабил преследования против американской торговли, и со второй половины 1811 г. отмечаются весьма благоприятные последствия этого для лионского шелкового производства. Отношения между Наполеоном и Штатами улучшались все более по мере ухудшения отношений между Штатами и Англией.

Насколько вообще создавшаяся торговая конъюнктура и, в частности, торговое соперничество Англии с Америкой в деле подвоза колониальных продуктов в Европу сыграли свою роль в подготовке англо-американской войны 1812 г.,— этот вопрос, к сожалению, еще вовсе не затронутый наукой, нуждается в особом рассмотрении, которому здесь совсем не место.

Этот двенадцатый год видел и другую, более грандиозную войну, решившую участь всей континентальной блокады в ее целом.

Глава XVIII

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ИЛЛИРИЙСКИМИ ПРОВИНЦИЯМИ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Значение Иллирии для французской внешней торговли. Утрата боснийского рынка Францией в 1807 г. Пути левантийского хлопка. Значение Иллирийских провинций как рынка закупки сырья и рынка сбыта. Экономическое угнетение Австрии. Конец французского владычества в Иллирии

По Пресбургскому миру Далмация отошла от Австрии к королевству Италии, другими словами, подпала под власть Наполеона и в феврале и марте 1806 г. была занята французскими войсками. Гражданским управителем (от имени вице-короля Италии Евгения Богарне) был назначен Дандоло, а командующим войсками (от имени непосредственно самого Наполеона) — Мармон. После войны 1809 г. Австрия, согласно Шенбрунскому миру, потеряла Кроацию, Истрию, Триест, Крайну, часть Каринтии и часть Штирии. Из Далмации и всех этих земель, приобретенных по Шенбрунскому договору, и были образованы так называемые «Иллирийские провинции» — особая административная единица, созданная декретом Наполеона, подписанным 25 декабря 1809 г., а 15 апреля 1811 г. Иллирийские провинции (окончательно присоединенные к Империи) получили свое административное устройство: они были разделены на департаменты и т. д. Мармон был заменен генералом Бертраном в качестве генерал-губернатора. Владычество французов продолжалось фактически до сентября 1813 г., когда в страну вошли австрийские войска (оборона французских войск кое-где длилась до самого конца 1813 и начала 1814 г.).

От начала до конца наполеоновского владычества в этих странах они интересовали французов не столько как рынок сбыта, сколько как рынок сырья, и сырья, в котором Франция ощущала гнетущую нужду.

Французское правительство считало, что к началу революции Франция получала из Леванта товаров на 37,7 миллиона франков и отправляла туда на 25,6 миллиона. Главной статьей импорта (из Леванта во Францию) было сырье: хлопок, шерсть,

кожа, шелк — на 29 миллионов франков; главной статьей экспорта (из Франции в страны Леванта) были шерстяные и шелковые материи и изделия (на 9 миллионов франков). Что касается до левантийской торговли в эпоху Империи, то правительство (в 1807 г. например) считало ее почти равной нулю [1], но это относилось именно к экспорту из Франции. Сырье же (особенно хлопок) не только продолжало получаться с Леванта, но сделалось вследствие уничтожения колониальной торговли гнетущей необходимостью для французской промышленности.

Как рынок сбыта Далмация, в частности, ни малейшего значения для французской промышленности не имела. Да что и говорить о Далмации, когда даже такие страны Балканского полуострова, где у французов были старые торговые связи, оказывались совсем потерянными рынками, успевшими за время революции и войны с Англией ускользнуть из французских рук.

К 1807 г., например, Босния как рынок сбыта мануфактурных товаров была почти вовсе потеряна Францией, и все, что тут потеряла Франция, приобрела Австрия. В частности, о главной статье былого французского сбыта в Боснии, о каркассоннских шерстяных материях и изделиях, в 1807 г. говорится только в прошедшем времени [2].

Но зато на Далмацию сначала и на все Иллирийские провинции затем во Франции обратили внимание как на возможный транзитный путь для левантийского хлопка.

К началу 1808 г. обозначились такие пути для левантийского хлопка: из Салоник (или Адрианополя) в Сараево (в Боснии), из Сараева в Спалатро или Рагузу, из Спалатро или Рагузы в Зару (в Далмации), из Зары в Триест, из Триеста через Вену, Франкфурт и Страсбург в Париж или из Триеста через Линдау в Лион. Это, так сказать, столбовые дороги. Меньшее значение имел путь от Ливорно через Сарцано и Генную в Марсель. Какой хлопок попадал в Ливорно? Либо южноитальянский, либо часть левантийского. Высчитывалось [3], что при перевозке десяти тюков хлопка (в 1016 килограммов в общей сложности) указанным сухим путем (из Салоник или Адрианополя) во Францию этот товар обходится в 2654 франка (считая уже и ввозную пошлину в 66 франков со 100 килограммов, наложенную декретом от 22 февраля 1806 г.), тогда как морским путем это же количество доставлялось прежде в Марсель (из Салоник) лишь за 1517 франков (тоже считая тут и указанную ввозную пошлину), так что сухой путь обходился на 1137 франков дороже морского [4]. А морской путь практиковался на нейтральных кораблях вплоть до миланского эдикта...

Подсказанная Марсельской торговой палатой мысль нашла себе горячий отклик в правительственных кругах.

Салоники, Албания, Далмация, Босния, Италия, Франция — вот о каком пути для левантийской торговли мечтал Шампаньи в мае 1808 г.; вот для чего налаживался и ввозился транзит через королевство Италию. Сухой путь для левантийских товаров, беспрепятственная дорога из Турции во Францию — вот о чем думал Наполеон и о чем переписывались его министры [5], когда Европе могло казаться, что они всецело поглощены завоеванием Испании и водворением Иосифа Бонапарта на «престоле Фердинанда Католика».

Но путь этот был нелегок и неспокоен.

Безопасность торгового пути от Константинополя через Салоники и Адрианополь на Вену сделалась для французской текстильной промышленности предметом постоянного беспокойства, вечной заботы. В 1808 г. военные действия в Сербии, затем близость театра затяжной русско-турецкой войны (1806—1812 гг.) беспокоят их в высшей степени [6]. Получение левантийского сырья не обеспечено, все это висит на волоске, а иногда (например, в эпоху войны 1809 г. между Наполеоном и Австрией) на долгие месяцы и вовсе прекращается. У Австрии были большие политические мотивы, а у Наполеона еще и экономические бояться русских успехов в этой затяжной русско-турецкой войне, и главным из этих экономических мотивов был страх, как бы не лишиться левантийского хлопка.

С приобретением новых земель на Балканском полуострове, с образованием в 1809 г. Иллирийских провинций можно было думать и об усилении сбыта.

По утверждению министерства внутренних дел в 1808 г., *все* французские сукна шли в страны Леванта *только* через Триест [7]. Теперь, в 1809 г., когда Триест попал в руки Наполеона, этот сбыт еще более возрос; можно было начать подумывать о вытеснении Австрии с восточных рынков.

Министр финансов уже весной 1810 г. обращал внимание Наполеона на то, что со времени общего упадка морской торговли Вена сделалась центром левантийской торговли, потому что из Турции товары идут туда через Триест и Фиуме: таков был путь, установившийся, «когда еще эти два города принадлежали Австрии». Теперь они принадлежат Наполеону, и нужно изменить торговый путь, лишить Вену выгодной для нее конъюнктуры и направить левантийский торговый поток по владениям Наполеона — через Италию во Францию. Главное для этого средство — повысить пошлину на левантийские товары, приходящие из Вены; это — *un moyen infaillible*, но необходимы и другие мероприятия: учреждение вице-консулов в Баньялуке, Сараеве и т. д., облегчение навигации по Саве и т. п. [8]

С другой стороны, расширив свои владения на Балканском полуострове, французский император окончательно пленился мыслью устроить для Франции сухопутный подвоз хлопка.

Когда в 1810 г. Наполеон во что бы то ни стало захотел, чтобы левантийский хлопок шел по Саве через Иллирийские провинции, через Италию и Швейцарию во Францию, то Главный торговый совет взмолился, чтобы по крайней мере император не уничтожал при этом право возить хлопок и прежней дорогой — на Рейн, потому что новая дорога полна опасностей: Альпы зимой непроходимы [9] и т. д.

Был момент, когда Наполеон склонен был даже к установлению такого принципа: «законен» лишь тот хлопок, который привезен через Иллирию. 9 сентября 1810 г. император выражает неудовольствие маршалу Мармону за то, что он не арестовал турецких кораблей, зашедших в иллирийские порты [10]; в тот же день — приказ министру финансов послать тайных агентов выслеживать контрабанду в Дюссельдорфе, Франкфурте, Майнце [11], приказ конфисковать в Италии весь так называемый левантийский хлопок, *если только он не привезен из Иллирии* [12].

Главный торговый совет в 1810—1811 гг. много носился с мыслью создать в Триесте передаточный пункт, через который левантийский хлопок шел бы во Францию. Намечался путь для этого товара из Триеста через Северную Италию в Страсбург, оттуда внутрь Франции, в Бельгию и Голландию [13]. Получение хлопка из Иллирии было обеспечено уже потому, что в самой Иллирии *не* было вовсе хлопчатобумажного производства [14], а в Австрию это драгоценное сырье не пустили бы французские таможни. Значит, оставалась одна дорога — в Империю Наполеона. Путь (транзитом) через Австрию и страны Рейнского союза менее нравился Наполеону вследствие большей трудности «проверки» хлопка (не из Англии ли он), менее удобен был и французским покупателям вследствие проволочек в таможнях Вюртемберга и Баварии [15].

Правительство делало все, от себя зависящее, чтобы сделать выгодным сухопутный подвоз хлопка. Декретом от 27 ноября 1810 г. (titre III, art. 8—10) Наполеон разрешил устройство складов прибывающих из-за границы товаров в портах Фиуме и Триесте. Это было сделано для удобства французских купцов, которые в противном случае должны были бы предпринимать поездки в самую Турцию за нужными им товарами и прежде всего за хлопком. 3 мая 1811 г. Наполеон, вняв просьбам купечества, торговавшего с Турцией, разрешил *беспошлинный транзит* через Иллирию для хлопка, идущего в Италию и во Францию (пошлина уплачивалась лишь в пограничных таможнях при въезде в эти две страны) [16].

Но, несмотря ни на что, дороги Балканского полуострова оказывались все-таки и опасными, и не особенно проезжими. Император неуклонно продолжал вести свою линию: или хлопок, прошедший через Иллирию, или никакого хлопка.

Наполеон категорически высказался (в январе 1812 г.) в том смысле, что он позволит провозить левантийский хлопок *исключительно* сухим путем, ибо морским путем нельзя: несмотря ни на какие удостоверения о происхождении, этот хлопок будет проходить через руки англичан, в руках которых вся морская торговля; он будет идти через Мальту, опорный пункт английской контрабанды на Средиземном море [17]. *Только* сухопутье гарантирует от участия англичан в торговле. Сухим путем мог прийти и неаполитанский, и римский хлопок (мы знаем, что были налицо хлопководство в Неаполе и попытки завести хлопководство в Риме). Но, конечно, если какой хлопок мог заменить хоть количественно изгоняемый из Европы хлопок заморский, то *только* хлопок левантийский. А левантийский хлопок «сухим путем» мог идти только через Иллирию.

В Иллирию, правда, привозили хлопок не только из Салоник и вообще не только через Балканский полуостров, но также и с островов Архипелага морем, в бухту Каттаро [18]. И только ли левантийским был этот привозимый *по морю* хлопок, не было ли это обходным движением английской контрабанды? Это могло быть для одних предметом сомнений, а для других и сомнений не было: ведь в эту эпоху взгляд Наполеона был, по существу, недалек от истины: то, что привозится по морю, либо идет из Англии и ее колоний, либо идет с разрешения и одобрения англичан.

Другое стремление Наполеона — повернуть транзитный поток из Иллирии в Италию, прочь от венской давнишней дороги — было осуществить легче, нежели прекратить контрабанду на бесконечной приадриатической береговой полосе Иллирии.

Политика Наполеона в Иллирийских провинциях, направленная к тому, чтобы создать непрерывный торговый путь из Леванта в императорские владения, конечно, жестоко угнетала австрийскую торговлю, и австрийцы делали все от себя зависящее, чтобы удержать прежнюю позицию необходимого этапа между Левантом и Средней Европой. Наполеон знал об этой глухой борьбе, ему докладывали о ней в последний раз за несколько недель до перехода через Неман [19]. И этот вопрос, как и все крупные и мелкие вопросы европейской истории, разрешился за Неманом...

В сентябре 1813 г. первые австрийские отряды вступили в Иллирию.

Глава XIX

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАНЦИИ И РОССИИ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Экономические отношения Франции и России до континентальной блокады. Положение торговли с Россией в 1806—1807 гг. Отношения после Тильзитского мира. Стремления французских торгово-промышленных кругов. Показания французских купцов, торговавших в России. Падение русского курса. Попытки Наполеона бороться с этим явлением. Начало осложнений из-за континентальной блокады. Пререкания из-за лицензий. Декабрьский указ 1810 г. Ввоз хлопка в Россию в 1811 году. Окончательная ссора императоров

Дипломатическая и, шире, политическая история франко-русских отношений при Наполеоне превосходно выяснена трудами и изданиями и русских, и французских источников, вел. кн. Николая Михайловича, Н. К. Шильдера, Вандаля, Сореля, в последнее время Шюке, Дрио.

Несравненно менее исследована история экономических отношений между обеими странами в ту же эпоху. На дальнейших страницах читатель найдет уяснение того, как отражались события наполеоновского царствования на торгово-промышленных интересах, которые имели *французы* в России, и как в свою очередь *эти* интересы могли влиять и влияли на отношения между обеими империями. Неизданные документы французского происхождения помогут разобраться в этом не затронутом исторической наукой вопросе, и для общей темы моего исследования о судьбах французской промышленности при Наполеоне того, что могут дать эти документы, достаточно. Нечего и говорить, что другая проблема, обширная и заманчивая, которой я здесь не задаюсь, проблема выяснения *во всей полноте* экономического состояния России в эпоху континентальной блокады, потребовала бы привлечения, кроме этих французских, документов еще и русских (и в несравненно большем количестве, ибо и вопросы были бы гораздо разнообразнее). К слову скажу, что в библиотеке Ученого комитета министерства финансов этих документов нет [1]. Существуют ли такие документы? И если существуют, то где они? Сколько их? На все это, может быть, со временем представят ответ издания «Сборника Русского исторического общества» (редакция которого

уже начала давать массу ценного, относящегося к этой эпохе) и исследования русских историков.

Думаю во всяком случае, что и для подобной будущей специальной работы о России могут оказаться отчасти небесполезными те сведения, которые дали французские документы мне, *хотя я и задавался иной задачей*.

Кроме неизданных документов Национального архива в Париже и кое-каких указаний документов лондонского Record Office, я привлек и печатные источники: кроме наполеоновской «Correspondance» (официальное издание и дополнительное издание Lecestre'a), еще капитальное издание донесений Коленкура, выпущенное в свет вел. кн. Николаем Михайловичем. Кое-какие брошюры Британского музея, воспоминания Савари (герцога Ровиго) и т. п. отмечены полными ссылками в тексте.

Я уже имел случай указать (в реферате, читанном в СПб. Историческом обществе в октябре 1910 г.), что еще при старом режиме, в министерство Калонна, во Франции проявлялось живейшее стремление завязать с Россией тесные торговые связи и хоть отчасти вытеснить на русском рынке англичан. Договор 1786 г. с Россией должен был, по мысли Калонна, содействовать этому. Но события все изменили. В 1793 г. указом императрицы Екатерины были окончательно и безусловно порваны все сношения с революционной Францией, и торговля между обеими странами оборвалась. Когда в 1800 г. между императором Павлом и первым консулом, генералом Бонапартом, завязалась переписка, начались дружественные отношения и в обществе стали поговаривать даже о предстоящем франко-русском союзе, то сейчас же оживились и надежды французских промышленников. Смерть Павла и вступление на русский престол нового монарха не сразу подкосили эти надежды.

Первому консулу постоянно подавались докладные записки и мемуары о русско-французских торговых отношениях, и *всегда* основной мотив этих записок был один: французы должны отстранить англичан и голландцев: первых — как прямых врагов и конкурентов, вторых — как очень убыточных и дорогих торговых комиссионеров и судохозяев, и начать *непосредственную* и оживленную торговлю с Северной империей [2]. И возобновление в 1802 г. старого торгового договора 1786 г. (действие которого было прервано в течение девяти лет после указа 1793 г.) казалось предвестием лучших дней, предвестием успешной борьбы с англичанами.

Укрепиться на русском рынке значит прежде всего довести до «отчаяния» англичан [3]. Торговля с Россией — *абсолютная необходимость* для Франции и в смысле получения сырья, без

которого совершенно нельзя обойтись, и в смысле возможности колоссального расширения сбыта своих фабрикатов. Но английское владычество на морях делало надежды на установление *непосредственного* торгового обмена между Францией и Россией весьма проблематичным. В Петербург (и Кронштадт) за 1802 г. прибыло всего 986 торговых судов, и из них английских — 477, а французских — всего *пять*, по французским же данным [4]. Весь *вывоз* из петербургского порта в 1802 г. был равен 30 695 561 рублю, причем русские вывезли на 11 787 546 рублей, англичане — на 17 741 211 рублей, а французы — на 567 475 рублей. Что касается *ввоза* в этот порт, то (в том же 1802 г.) он был равен 23 247 834 рублям. Из них на 14 408 892 рубля ввезли русские же купцы, на 8 365 854 рубля — англичане и всего на 60 781 рубль — французы [5].

Вообще людям, близко принимавшим к сердцу торговые интересы Франции, хотелось в эти годы верить в то, что полная гармония интересов существует между Наполеоном и Александром и что поэтому перед французской торговой предприимчивостью открывается необозримое поприще для конкуренции с англичанами [6].

В частности, нужно отметить, что в эти годы с особенно большими упованиями смотрели французские промышленники, судохозяева и купцы на русские берега Черного моря, еще девственные, только приобщавшиеся к экономической деятельности. В первые годы Консульства, пока еще можно было мечтать «о благосклонном отношении императора Александра», французский коммерческий мир с большой радостью смотрел на внезапный рост Одессы [7], но и тут французы с раздражением отмечали упорное и непосильное для них соперничество англичан [8].

С 1803 г., а в особенности с 1804 г., отношения между обеими державами стали изменяться к худшему, а в 1805 г. вспыхнула война, кончившаяся Аустерлицем. В 1806 г. первая половина года прошла в тревожных ожиданиях новой грандиозной европейской войны, а во вторую половину этого года Наполеон разгромил Пруссию, занял Варшаву, и произошла битва с русскими войсками при Пултуске. Война затягивалась и тяжело отражалась на интересах французской промышленности: не только разорение Пруссии, не только тяжкое положение Лейпцига и ганзейских городов, но и утрата русского рынка — вот что озабочивает французских промышленников. И любопытно отметить, что впервые за все царствование Наполеона именно эта война, война 1806—1807 гг., повлекла за собой полную утрату русского рынка.

Министр внутренних дел (Шампаньи) ответил в апреле 1806 г. Лионской торговой палате, жаловавшейся на стеснения,

которые испытывает французская торговля с Россией, что пока мир не заключен, ничего сделать нельзя, но что это будет принято во внимание в момент заключения мира с Россией [9].

До 1806 г., как констатируют заслуживающие доверия документы, *ни разу* во время войн России с Францией торговые сношения между этими странами не прерывались: они продолжались при посредстве ганзейских городов [10]. Теперь ганзейские города попали во власть Наполеона, морская торговля прервана и, в частности, прервано сообщение между Гамбургом и Кронштадтом, Гамбургом и Прибалтийским краем.

Лионская торговая палата, побуждаемая не только фабрикантами шелковых материй, но и «всеми гражданами» Лиона, докладывает в декабре 1806 г., что вследствие прекращения сношений с Россией положение города становится «все более и более критическим» [11]. Она посылает в Париж (в министерство) доклад для представления императору, где в самых мрачных красках описывает экономическое положение Лиона и всей округи. Они извиняются, что нарушают общую радость, вызванную «невероятными успехами его величества» в прусской войне, но оправдываются грозящими городу бедствиями. Потребление как колониальных продуктов, так и вообще сведено до минимума. Сбыт мануфактурных товаров крайне уменьшился вследствие прекращения заказов из России и из Германии. Грозит беда — усиленная эмиграция рабочих из города, беда, трудно поправимая (вследствие технической выучки, которая требуется особенно в шелковой промышленности). Будущее мрачно еще и потому, что война теперь (в декабре 1806 г.) ведется у самых границ России: если война перейдет на русскую территорию, то курс русских денег еще больше падет, а между тем русские должны лионским негоциантам от 10 до 12 миллионов франков. Они просят у Наполеона субсидий, просят казенных заказов, а больше всего просят [12], чтобы он не разорял лейпцигской торговли, так как через Лейпциг идет «от $^1/_2$ до $^5/_8$» всего количества вывозимых *через Германию* лионских мануфактурных товаров; и чтобы не было помех при передвижении торговых обозов от Лейпцига на Берлин и Кенигсберг (ибо из Кенигсберга товары идут дальше, через Митаву и Ригу, в Петербург) и от Лейпцига же на Бреславль и Варшаву (так как дальше товары идут через Гродно и Смоленск в Москву). Конечно, от Лейпцига эти товары везли в Россию уже немцы, поляки, отчасти сами русские, но дорога как к Варшаве, так и к Бреславлю была уже к концу 1806 г. в руках Наполеона, и лионские купцы были непосредственно заинтересованы в том, чтобы император не останавливал этого торгового движения от Лейпцига к востоку и к северо-востоку.

Что прямой торговли между Лионом и Россией нет, это вполне категорически подтверждает и Dubois, очень сведущий человек, долгое время при Директории управлявший торгово-промышленным и земледельческим отделом во французском министерстве внутренних дел. По его словам, лионский товар идет в Россию через ганзейские города и через Лейпциг и Кенигсберг [13]. Но чем ожесточеннее становилась морская война, тем меньшей оказывалась торговая роль ганзейских городов и тем исключительнее роль сухопутья.

Итак (это подтверждает в другой бумаге и министр внутренних дел в докладе Наполеону), сухим путем французские товары шли обычно в обе русские столицы по таким маршрутам: в Петербург — через Берлин, Кенигсберг, Митаву и Ригу; в Москву — через Бреславль, Варшаву, Гродно и Смоленск [14]. Эти дороги на немецком своем протяжении находятся (в 1806 г.) в области военных действий.

Мало того. Французские промышленники боятся еще, что в ответ на беспощадный образ действий Наполеона в Германии Россия может прибегнуть к соответствующим репрессалиям. Ужасным ответом на конфискацию английских товаров Наполеоном в германских странах может, как опасаются этого французские промышленники, стать конфискация французских товаров Россией [15]. Промышленники, умоляющие Наполеона пощадить Лейпциг и Гамбург, через которые идут их товары в Россию, настаивают, что общая сумма ввоза французских товаров в Россию ежегодно равна 80—90 миллионам франков, а нужно считать, что из этой цифры на долю лионских шелковых фабрик приходится 25 миллионов [16]. Между тем они несколько месяцев уже ничего не получают из России, потому что сношения между Россией и Гамбургом прерваны, а до сих пор все денежные переводы из Петербурга во Францию шли через Гамбург.

На все эти почтительные жалобы и петиции Наполеон не обращал внимания, пока шла упорная военная борьба с Россией, зимой 1806/1807 г. и весной 1807 г.

Но вот настали июньские события 1807 г.: битва под Фридландом, Тильзитский мир, свидание и союз между Наполеоном и Александром. Надежды французских торгово-промышленных кругов сразу оживились. Позволительно было мечтать о заветной цели — вытеснении англичан, так как на этот раз франко-русская дружба повлекла за собой немедленное и логическое последствие: разрыв (по крайней мере видимый) русско-английских отношений.

Однако и на этот раз действительность не отвечала надеждам и ожиданиям французских торгово-промышленных кругов.

По словам императора Александра, Наполеон ему несколько раз говорил в 1807 г., что великим державам, если они хотят жить в мире, не следует иметь общих границ: за таможенными ссорами следуют пушечные выстрелы [17]. Правда, и не имея общих границ, обе великие державы дошли до пушечных выстрелов, пройдя, между прочим, и через «таможенные ссоры».

Но пока, в 1807 г., будущее казалось безоблачно ясным. Мечтам и упованиям французских промышленников не было конца. Говорили не только об обеих русских столицах, главных до сих пор потребительницах французского экспорта, но и о новых рынках во владениях императора Александра.

После Тильзитского мира оживились надежды на Кавказ и на девственную Новороссию как на рынок сбыта. Оптимисты из французского торгово-промышленного мира стали усматривать прямую для себя выгоду в приобщении этих стран — путем завоевания Россией — к европейской культуре. L'introduction des besoins européens, распространение новых потребностей, вот что сулило промышленникам золотое дно [18].

Нечего и говорить, что самые радужные надежды выражали именно производители предметов роскоши. Лионская шелковая промышленность тоже могла, как надеялась Лионская торговая палата после Тильзита, найти себе прочный сбыт частью в отторгнутом от Пруссии Варшавском герцогстве, а главным образом теперь на старом рынке — в России [19].

Вообще когда во Франции в эти годы говорили о «северных рынках», то по существу дело шло только о России. На Швецию и Польшу в этом отношении больших надежд не возлагалось.

21 января 1810 г. Наполеоном был ратификован мирный договор между Францией и Швецией. Восьмая статья договора предвидела возможность заключения торгового трактата между двумя странами, и в министерстве внутренних дел даже начаты были подготовительные работы в этом направлении. Но события ближайших лет, неприязненные отношения между Бернадоттом и Наполеоном, тесное сближение Бернадотта с Александром I, войны 1812—1814 гг.— все это свело к нулю какие бы то ни было попытки торгового сближения обеих стран. Да и до войны 1809 г. торговля между Францией и Швецией находилась в глубоком упадке как вследствие того, что море было во власти англичан, так и потому, что Франция не могла более снабжать, как прежде, скандинавские страны колониальными товарами (даже если бы доступ на полуостров был возможен), потому что сама лишена была колониального привоза [20].

Такой рынок, как великое герцогство Варшавское, сам по себе тоже не был и не мог быть большим подспорьем для французской промышленности. Во-первых, покупательная способность населения страшно пала: сбыт хлеба в Германию и по

Балтийскому морю — в Голландию и Англию, составлявший богатство края вплоть до французского завоевания и континентальной блокады, сократился до ничтожной величины. В Голландии из польского ячменя гнали водку; теперь и ячмень стало почти невозможно провезти по морю, и требовать его в Голландию тоже перестали из-за упадка водочных заводов в Голландии, упадка, обусловленного конкуренцией французских водок. К 1810 г. ячмень, например, подешевел в Варшавском герцогстве *втрое* сравнительно с 1808 г., пшеница — *вдвое*. Не мудрено поэтому, что именно со времени французского завоевания сбыт французских вин в герцогстве сильно уменьшился, а в смысле сбыта текстильных товаров Франции отнюдь не удалось занять тут место, принадлежавшее при прусском владычестве Англии. Силезия и Саксония оказались «страшными конкурентами» Франции, так как они доставляли более дешевый товар. Нечего и говорить, что именно Саксония ввозит в великое герцогство Варшавское массу металлургического товара. Тут, конечно, и речи не может быть о французской конкуренции. Вообще дело с французским сбытом обстоит настолько неутешительно, что французский представитель высказывает лишь робкое упование на лиценции, которые *могут облегчить* морскую доставку в герцогство (через Данциг) [21]. Вообще считалось, что за бюджетный год 1808/1809 в герцогство Варшавское ввезено было товаров на51 098 044 гульдена, а вывезено на 17 358 162 гульдена. Но Франция *вовсе* не фигурирует в числе ввозящих стран [22].

Оставалась Россия. Но тут представлялись препятствия. Прежде всего бросались в глаза три препятствия: 1) скудость французских капиталов; 2) наличность некоторых стеснительных законоположений в России и 3) падение русского курса.

1. В глазах тогдашних знатоков состояния французской промышленности одним из главных, если даже не самым главным препятствием к промышленному процветанию Франции являлся *недостаток капиталов*, недостаток кредита [23]; между прочим, именно этому обстоятельству приписывали слабость позиции французской торговли в России, с которой нельзя торговать иначе, как мирясь с долгосрочными кредитами [24].

Что для овладения русским рынком нужны огромные предварительные капиталы, это хорошо понимали французские промышленники. Но они надеялись на помощь казны.

Нужна фактория, вспомоществуемая французским правительством, нужно, чтобы император ассигновал на это 20 миллионов франков, нужно благоприятствовать соединенному действию французских торговых капиталов на севере Европы и в особенности в России, и только тогда можно надеяться заменить собой англичан, заполнить пустое место, которое осталось пос-

ле их удаления в русской экономической жизни. Без деятельной и щедрой помощи французских капиталов для этого не хватит — вот что слышал Наполеон. И это даже в оптимистическом чаянии, что *в самом деле* Тильзитский мир изгнал англичан из России [25]. Но Наполеон денег не дал.

2. Тогда представители торгово-промышленного мира заговорили о другом препятствии: о затрудняющих их деятельность русских законоположениях. Изменение этих законоположений они связывали с мыслью о заключении нового торгового договора с Россией.

Промышленники (не только лионские) и все купечество очень хотели, чтобы за Тильзитским миром последовало заключение торгового договора с Россией. Но Наполеон, *вообще* не любивший торговых договоров [26], как и всего, что сколько-нибудь и в каком бы то ни было отношении его связывало, и на этот раз отнесся холодно к этому общему желанию. И он приказывал Шампаньи ответить министру внутренних дел Крете (который довел до сведения Наполеона о просьбах, касающихся договора), что русско-французский торговый договор 31 декабря 1786 г., уничтоженный указом Екатерины в 1793 г., был восстановлен в 1801 г., но оба правительства оставили за собой право изменять его, смотря по обстоятельствам. И его величество считает очень важным сохранить за собой право воспрещать к ввозу те товары, которые найдет нужным воспретить, а потому и к России нельзя предъявлять никаких в этом смысле претензий [27]. Но возможно обращаться к русскому двору с отдельными просьбами и т. д.

В самом начале 1808 г. Наполеон приказал петербургскому послу Коленкуру созвать совещание французских негоциантов, торгующих с Россией, чтобы узнать их нужды и пожелания. Совещание было собрано, и к 20 февраля старого стиля (3 марта нового стиля) 1808 г. изготовило докладную записку Коленкуру.

Французские купцы жаловались, что иностранные негоцианты в России — только временные гости (они даже поясняют слово «hôtes» русским словом «gasts»); они жаловались на стеснения всякого рода, которым подвергается иностранная торговля, на исключение иностранцев из внутренней торговли Империи и приурочение их лишь к пограничным и портовым городам. Все эти стеснения столь велики, что члены совещания задают риторический вопрос: «При подобных препятствиях какой благоразумный человек перенесет в эту страну с берегов Сены или Роны капиталы и промышленность?» [28] Но, по-видимому, они согласны великодушно пренебречь советами «благоразумия», ибо не только не изъявляют намерения прекратить торговлю в России, но просят у своего правительства субсидий,

а также устройства в Петербурге единой французской *фактории*, которая имела бы верховный надзор за французскими купцами, торгующими в России, брала бы на себя защиту их прав и интересов [29].

Французские купцы с самого заключения Тильзитского договора не перестают жаловаться, что к ним по-прежнему применяются суровые правила указа от 3 января 1807 г., изданного в разгаре военных действий [30], но сообразно со своим взглядом на торговые договоры вообще Наполеон полагал, что и без заключения общих формальных актов возможно будет избавиться от подобных частных неудобств и затруднений. И действительно, жалобы на этот дотильзитский указ более не слышны.

Французские купцы домогались еще учреждения коммерческого суда в Петербурге (и указывали при этом, что в Одессе уже существует подобный суд); права продавать ввозимые товары русским купцам всех гильдий, а не только одной первой гильдии [31]; указаний топографического характера о сухопутных дорогах от Вислы к важнейшим русским городам, «так как море закрыто», и еще некоторых льгот и любезностей [32]. Конечно, прежде всего они просили о пересмотре тарифа, но сами сомневались в успехе вследствие сопротивления со стороны русского правительства [33] и вследствие холодного отношения Наполеона к этому вопросу.

Не торопясь заключать торговый договор с Россией, Наполеон думал о других средствах, которые могли бы помочь французам овладеть русским рынком.

Наполеон приказал (13 января 1808 г.) министрам финансов и внутренних дел озаботиться, чтобы в Петербурге завелись французские солидные торговые дома вместо «авантюристов», которые там пока действуют. Он утверждает при этом, что Россия *желает* оживления сношений с Францией и желает, чтобы «французская» колония начала конкурировать с английской [34].

Хотя на все вышеприведенные жалобы Наполеон не ответил заключением нового торгового договора с Россией, но на практике, по-видимому, были предприняты шаги, облегчившие для французских подданных торговую деятельность в России. Эта сторона дела исчезает из вида, никаких жалоб на стеснения от русских законов и их исполнителей больше не слышно.

3. Зато выступает на первый план третье и самое непреодолимое препятствие: страшное падение русского курса, падение, тесно связанное и с войнами 1805—1807 гг., и с присоединением России при заключении Тильзитского мира к континентальной блокаде.

Одно фатальное внутреннее противоречие тяготело над всеми комбинациями представителей французского торгово-промышленного мира, касавшимися торговли с Россией после

Тильзитского мира: они возлагали все свои упования на дружбу Наполеона с Александром и на разрыв Александра с Англией, а между тем именно этот разрыв с Англией страшно понижал покупательную силу русского рынка, экономически угнетал русское землевладение, уменьшал количество звонкой монеты и если не разорял, то прибеднял именно те высшие слои русского общества, которые являлись главными потребителями французских провенансов.

Сбыт во Францию из России материалов, нужных для кораблестроения, был ничтожен и после Тильзитского мира: и англичане постоянно угрозой стояли на всех морях, и полный упадок французской морской торговли не поощрял к постройке торгового флота, и военный флот строился очень туго (а точнее, вовсе не строился), так как колоссальная сухопутная армия поглощала все [35].

Впрочем, французы склонны были еще и так смотреть, что отсутствие англичан может им позволить диктовать свои цены при покупке русских провенансов. Коленкур так и понимал дело: уничтожив торговлю англичан с Россией, французы будут иметь возможность покупать русские провенансы по произвольно низкой цене. В декабре 1810 г. шла речь о закупке двух тысяч штук мачтового леса в России для нужд французского флота. Коленкур спешит сообщить, что эта часть леса была конфискована у англичан, когда Россия им объявила войну (т. е. они уже купили этот лес в России, но не успели тогда его вывезти). А потому французское морское министерство может сделать *«une excellente affaire»*, т. е. купить эти мачты за 50% их действительной стоимости [36].

Собственно, самым тягостным периодом для русской торговли был первый год союза с Наполеоном (июль 1807 — июль 1808 г.), когда русское правительство считало целесообразным в самом деле мешать англичанам в их сношениях с Империей [37]. Наполеону докладывалось уже в конце 1808 г., что с июля 1807 г. (т. е. с Тильзитского мира) морская торговля на Балтийском море сведена к нулю; Рига, Петербург, Архангельск — в полнейшем торговом бездействии; русские продукты пали в цене за сокращением сбыта.

Англичане не могли простить России Тильзитского мира и в первую голову требовали восстановления прежнего торгового договора. Еще в 1807 г. в ответ на ноту Алопеуса (от 1 августа 1807 г.), объявлявшую о намерении России выступить посредницей в деле заключения мира между Францией и Англией, британский кабинет потребовал, как формулирует одна официального происхождения брошюра, сохранившаяся в Британском музее, «какого-либо доказательства» доброжелательного отношения императора Александра к Англии [38]. А доказатель-

ство это, по предложению англичан, должно было состоять («например») в возобновлении расторгнутого после Тильзита англо-русского торгового договора [39].

В английской публицистике в эпоху между Тильзитом и переходом Наполеона через Неман, в 1812 г., а в особенности между Тильзитом и Эрфуртским свиданием, не раз проповедовалось, что континентальная блокада бьет одним концом английских купцов, а другим — русских дворян, и последних даже больше, чем первых; и что поэтому будто бы молодой государь Александр I в опасности и ему грозит судьба Людовика XVI или Павла I и т. д.[40] Этот мотив несколько раз встречался в том или ином виде в тогдашней английской публицистике. Торгующие дворяне в России (the trading nobles) *тоже* страдают (как и англичане — fellow-sufferers with ourselves), и даже больше англичан,— вот мысль, которая разрабатывается еще чаще, чем вышеуказанные алармистские мотивы и пророчества.

Когда французское министерство внутренних дел в начале 1808 г. захотело узнать, чем объясняется страшное падение русского рубля (так гибельно влиявшее на французскую торговлю в России), то ему ответили представители французской же торговли, что всему причиной прекращение английского экспорта из России и что средство помочь беде — прекратить морскую войну или дать России новый рынок для сбыта ее продуктов, который не уступал бы утерянному английскому [41].

К началу 1808 г. исчислялось (по данным французского правительства), что Франция сбывает в среднем ежегодно в Россию товаров на 45 миллионов франков. Из этой суммы Лион сбывает товаров на 20 миллионов, Париж — на 6 миллионов, Шампань и Бургонь (вин) — на 5 миллионов, рейнские промышленные провинции — на 5 миллионов (сукон), Бордо (вин) — на 2 миллиона; остальные 7 миллионов не приурочены к определенной местности. Наполеон интересовался, что нужно сделать, чтобы увеличить французский сбыт в России. Ему отвечали (министерство внутренних дел, со слов торговых палат Империи), что вследствие перерыва отношений между Россией и Англией русский курс страшно пал, что в конце декабря (1807 г.) русский рубль стоил от 40 до 50% своей номинальной цены, что без морской торговли, т. е. сбыта в Англию, Россия обойтись не может [42].

И однако французское правительство продолжало делать все от себя зависящее, чтобы во имя континентальной системы продолжать разорять русскую активную торговлю.

16 июля 1808 г. Коленкур доносит в Париж, что он делает в Петербурге представления и принимает меры, чтобы воспрепятствовать готовящейся продаже русской пеньки англичанам. Но вот воспрепятствовать английскому *ввозу* в Россию ему

кажется, как он пишет, *более затруднительным*[43]. И в Архангельск, и в черноморские порты, и даже в балтийские приходит ежедневно много подозрительных судов, привозящих английские товары. Другими словами, французский посол понял, что осуществлять континентальную блокаду в России можно, собственно, односторонне: мешая больше русским продавать свой товар англичанам, нежели препятствуя англичанам продавать свои товары русским. Получался абсурд: выходило, что посол Наполеона, союзника Александра, сидит в столице Александра, чтобы способствовать разорению русской торговли, а не английской. И Коленкур в самом деле делал дальнейшие умозаключения. 18 апреля 1810 г. он доносит Шампаньи о своем разговоре с Румянцевым, разговоре, который необычайно интересен (он тоже напечатан в издании вел. кн. Николая Михайловича)[44]. Дело в том, что Коленкур обижен, почему генерал-губернатор новороссийский Ришелье высказывает мнение о необходимости облегчить всякого рода торговлю на Черном море и даже полагает, что это «единственный способ» доставить процветание краю.

Что же? Коленкур не согласен с этим по существу? Не разделяет мнения Ришелье о торговле как источнике процветания и богатства для черноморских портов?— Ничуть не бывало: но ведь это «маленький местный интерес» (un petit intérêt local), и можно ли этому маленькому интересу жертвовать «успехом системы, направленной против Англии»? Коленкур даже сделал замечание Румянцеву в том смысле, что как это возможно, чтобы губернатор провинции заменял своими особыми мнениями мнения правительства?

Румянцев соглашался, что в самом деле Ришелье видит в покровительстве торговли единственное средство спасти край от разорения, но что император Александр «пожертвует всем», чтобы следовать «системе против Англии», и Коленкур успокаивает Шампаньи, уверяя, что император уже послал Ришелье соответствующие приказы[45]. Коленкур еще настаивал, чтобы не пропускались корабли с колониальными товарами. Румянцев возразил: «Как воспрепятствовать потреблению сахара? Это теперь дело невозможное, я это сам видел во Франции: ни старания, ни настойчивость императора Наполеона не могут этому воспрепятствовать». Но и в этом Румянцев обещал принять меры, чтобы континентальная блокада не нарушалась.

Эти представления, разговоры, упреки повторялись не раз и не два. Отчеты о них чередуются в донесениях Коленкура с другими указаниями, с известиями о недовольстве среди торгового мира в России. «Сторонники Англии и коммерческий мир вообще — все сильно волнуются. Но правительство громко выражает намерение не менять (политику — *Е. Т.*) и показывает

в этом отношении твердость принципов, которым оно следовало со времени Тильзита»,— читаем мы в донесении от 20 апреля 1810 г. [46] Один раз Коленкур решается в донесении Наполеону (от 5 февраля 1810 г.) сделать открытие, что и торговля русская не страдает и помещики не страдают, а промышленность даже значительно возросла вследствие континентальной блокады [47]; но эта придворно успокоительная выходка больше в его донесениях не повторяется; по крайней мере он уже не говорит, что *торговля* не страдает. Но относительно процветания русской промышленности Коленкур остался того же мнения вплоть до конца своей миссии в России. И в этом отношении он был отчасти прав [48]. В марте 1811 г. он опять настаивает, что хотя русские и жалуются на дороговизну предметов роскоши, на падение курса, но что промышленность в России развивается: основалось много суконных, шелковых, прядильных фабрик; богатые помещики выписывают иностранных рабочих, которые обучают русских рабочих. Открылись также и свеклосахарные заводы, умножаются винокуренные и водочные заводы [49].

Но если допустить, что промышленность в России, как и во Франции, и в Саксонии, и в Швейцарии, и в герцогстве Берг, и в других местах, могла иметь выгоду от сокращения английского сбыта, то ни внешняя торговля в России, ни зависевший от этой торговли курс рубля все-таки не поправлялись. Власти в Париже ломали себе голову над тем, как бы избавить французских контрагентов России от неблагоприятных последствий этой финансовой конъюнктуры.

Французское правительство полагало вообще, что, вывозя из России натурой плату за французские ввозимые товары, можно «свести к нулю невыгоды» шаткого курса русского рубля. С другой стороны, главным потребителем русских товаров (прежде всего строительных материалов) являлось само же французское правительство [50], значит, оно и могло бы существенно помочь французским импортерам, уплачивая им, что приходится, франками. Весь вопрос сводился (в теории) к тому, как бы русские товары возможно было заполучить. Сухим путем перевозить их вследствие громоздкости и дороговизны путевых расходов было почти немыслимо. Тут большие надежды явились, когда ганзейские города и Голландия были присоединены Наполеоном к Империи [51], но эти надежды не исполнились. Как было сказано выше, французский флот в это время не строился, а потому и строевой лес, и пенька, и т. п. не были нужны в особенно больших количествах.

Было ли для Наполеона тайной, что континентальная блокада разоряет в России именно потребителя французских това-

ров? Нет, он это знал. Французское правительство отлично понимало [52], что Россия *должна* иметь сбыт своих продуктов, что без торговли с Англией ей не прожить, что если отнять у нее морскую торговлю, то почти никакой у нее и не останется, по крайней мере в таких размерах, чтобы сохранился курс рубля, чтобы избежать финансовых потрясений [53]. Что же делать? И вот министерство внутренних дел фантазирует на тему, как бы «отчасти заставить Россию забыть большую для нее пользу торговых сношений с Англией»; сделать же это можно так: пусть Франция закупит у России в больших количествах разные сырые продукты, особенно все, что нужно для судостроения, сделать это должно само государство за казенный счет.

Вообще, не желая бороться с причиной, потому что этой причиной расстройства русских экономических дел была именно континентальная блокада, т. е. основная пружина всей наполеоновской политики, французский император пытался бороться с последствиями, поскольку эти последствия вредили французским торговым интересам.

13 января 1808 г. Наполеон продиктовал раздраженную *Note*, которую велел направить разом в два своих министерства: внутренних дел и финансов [54]. Император рубил гордиев узел, требуя установления своеобразной меновой торговли с Россией. Именно, либо покупая в России товар («мачту»), за эту мачту покупатель будет платить в Париже франками [55]; или же кредиторы русских (например, «негоцианты Лиона и Парижа») будут покупать в России товары, нужные французской казне (за имеющиеся у них русские векселя), а французская казна будет уплачивать им в Париже [56].

Но положение все ухудшалось, и безнадежность его становилась особенно ясной еще и потому, что при всем желании Наполеон *не мог* сколько-нибудь вознаградить русских экспортеров, лишившихся английского сбыта.

Блокада французских портов англичанами сильно подорвала прежде всего русский импорт во Францию, ибо все главные статьи этого импорта были таковы, что вследствие громоздкости товаров (прежде всего строевой лес и т. п.), повторяю, немыслимо было перевозить их сухим путем: издержки за доставку до места были бы слишком огромны [57]. Значит, все эти проекты меновой торговли фактически должны были свестись к нулю.

Вот одна из причин, почему все эти планы нейтрализации для французской промышленности вредных последствий угнетенного состояния русского рынка так и остались планами.

Почти год прошел после Тильзита, а вся французская промышленность не могла извлечь сколько-нибудь ощутительных результатов из перемены, наступившей во франко-русских

отношениях. Во-первых, пошлина на шелковые товары ничуть не уменьшена; во-вторых, англичане, с которыми Россия якобы в войне, продолжают торговать во владениях императора Александра и даже платят будто бы пошлины в меньшем размере, чем французы. Таким образом, «неумолимые враги французской промышленности», англичане, по-прежнему не дают французам хода в России. Французские промышленники просят о давлении, которое может оказать Наполеон, чтобы отнять наконец у англичан русский рынок [58].

Но Эрфуртское свидание, имевшее видимость подкрепления франко-русского союза, на самом же деле бывшее началом охлаждения отношений между обоими императорами, не помогло делу, и жалобы на тайную торговлю России с англичанами учащаются.

И притом если можно было из Парижа следить за Кронштадтом и Ригой, за Архангельском и Петербургом, то уследить за Черным морем было труднее.

Очень сильно способствовавший расцвету Одессы транзит левантийского хлопка (через русскую Польшу на Вену) обогащал Одессу, но не делал хлопок дешевле для французов, ибо дорога была очень недешева и продолжительна (только от Вены до Парижа хлопок шел около 55 дней). За один только август 1808 г., по показанию современника, через Одессу прошло около 50 тысяч кип хлопка, а это было время уже неблагоприятное. Но в то же время французское правительство знало, что та же Одесса торгует, несмотря на русско-турецкую войну, и с Константинополем, и с Мальтой, т. е. с англичанами и там, и тут [59].

Дорога из Одессы через Броды на Вену и Саксонию вытеснила в годы континентальной блокады прежние пути, какими хлопок доставлялся саксонским бумагопрядильням [60].

О роли Одессы и прикарпатского местечка Броды как передаточных пунктов, через которые шли вообще колониальные товары в Вену и дальше распространялись по Германии, говорит также Кениг в своей (указанной во введении) книге о саксонской хлопчатобумажной промышленности [61]. Ришелье, как мы видели выше, отнюдь не желал разорять Одессу во имя континентальной блокады.

Но, впрочем, подозрительные взоры Наполеона были устремлены не столько на далекое Черноморье, сколько на Балтийское и отчасти Белое моря.

Между тем с конца 1809 г., после нового разгрома Австрии, после окончательного, казалось, и безусловного упрочения беспримерного могущества Наполеона, английская контрабанда стала в путях своих все более и более направляться к северу, к Балтийскому морю и Финскому заливу.

Что британские торговые пути должны будут по мере успехов Наполеона отодвигаться все севернее и севернее, что Северное и Балтийское моря должны будут неминуемо в этом смысле приобрести огромное значение, это было понято еще тогда, когда блокада не была даже и провозглашена и когда еще ни Австрия, ни Пруссия не подверглись разгрому. И английские авторы указывали не только на огромную выгоду для Англии, но и на большую еще выгоду для северных стран от таких сношений. Дорога в Швейцарию, Австрию, Италию, Турцию пойдет из Лондона через Петербург и Данциг, и Петербургу, и Данцигу она будет еще нужнее, чем Лондону. Такие мысли встречаются уже с 1804—1805 гг.[62] Но Данциг с 1806—1807 гг. был под пятой Наполеона, наполеоновские таможенные чиновники хозяйничали там, как дома. Англичанам оставалось устремить взоры свои на русское побережье.

В конце ноября 1809 г. французские негоцианты братья Raimbert, живущие в Петербурге (и запрошенные французским министром внутренних дел), констатируют, что французские товары нисколько не вытеснили английские на русском рынке, что англичане сбывают огромное количество ситцев и других текстильных товаров в России, что французские товары дороже английских, и сухой путь, которым они идут в Россию, еще более их удорожает [63].

И с каждым годом английский контрабандный ввоз в Россию усиливается, и сообразно с этим нарастает раздражение Наполеона.

Летом 1810 г. разнесся слух, что в Англии неурожай, что Англии грозит голод, что американского подвоза не будет. Французское правительство надеялось, что его северные «союзники» помогут ему особенно крутым исполнением предписаний блокады поставить Англию лицом к лицу с призраком голода [64]. Но никакого обострения мер со стороны русского правительства не последовало. И в следующем году сам Наполеон иначе посмотрел на вопрос о неурожае в Англии (ср. стр. 361).

Со всех сторон доносят французским министрам, а те докладывают Наполеону об истине, которую он и без них хорошо знает.

Существеннее всего, чтобы «Пруссия и Россия воспретили (англичанам — *Е. Т.*) доступ к своим берегам с той же суровостью, с какой это будет делаться относительно других берегов Балтийского моря под надзором Франции». Иначе контрабанда будет проникать в Германию «из глубины России» [65], и уже русские повозки привозят на лейпцигскую ярмарку английские колониальные продукты и английские фабрикаты.

Император Александр, которому Коленкур указал, что на последнюю (осеннюю 1810 г.) лейпцигскую ярмарку было

доставлено большое количество английских товаров на русских повозках, решительно это отрицал. Коленкур указывал, что колониальные товары стоят в России недорого, и это доказывает, что существует английский ввоз. Император возразил, что зато низкий курс русских денег доказывает, что Россия мало вывозит [66]. Коленкур решился даже полюбопытствовать, как именно в России будут удостоверяться, что привезенный товар — американский, а не английский. Император ответил, что всякий — хозяин у себя («que chacun était maître chez soi»), и дал понять, что это не дело Коленкура [67].

5 ноября 1810 г. министр иностранных дел (Шампаньи, герцог де Кадор) представил Наполеону доклад, в котором резюмировались ответы европейских держав касательно нейтральных судов и повышения (трианонским тарифом) пошлин на колониальные товары. Доклад был бы для Наполеона утешителен, если бы не одно многозначительное исключение. Наиболее решительно ответила, конечно, Россия, единственная страна на континенте, которая еще могла себе этот тон позволить. Русское правительство заявило, «что оно не может признать, что нейтральные не существуют; что американцы привозят колониальные товары, которые они собирают у себя; что возможно отличить товары английского происхождения от других; что Россия готова предпринять всякую меру, которая, действительно, может повредить Англии, но что меры, предлагаемые Наполеоном, вредят только самой России». Датский король ответил, что он повысит цены на колониальные товары, чтобы вообще воспрепятствовать торговле ими, но насчет нейтральных судов промолчал. Прусский король ввел запретительный тариф на колониальные товары, кроме сырья, нужного для мануфактур; притом были изъяты товары, ввезенные *до* опубликования нового тарифа; транзит был оставлен по-прежнему. Когда же Наполеон приказал своему послу Caillard'у повторить требование и в случае отказа выехать из Берлина, то король эдиктом от 28 октября 1810 г. приказал конфисковать «все колониальные продукты и английские товары всюду, где они найдутся», а те, которые будут потом освобождены, должны будут заплатить по новому тарифу. Австрия ничего пока не сделала и ничего не ответила ко времени представления императору этого доклада. Саксония, Бавария, Вюртемберг, все мелкие германские государства ответили, конечно, покорностью, но явно больше старались *обещать* полное повиновение, нежели немедленно его обнаружить соответствующими актами [68]. Во внешнем выражении полного повиновения со стороны Швейцарии, Неаполя, Иосифа, короля испанского, конечно, нельзя было сомневаться [69].

Император Александр настойчиво утверждал, что блокада в России строго исполняется. Наполеон этому не верил.

Конфискации английских или подозреваемых судов и контрабанды продолжались у русских берегов. Император Александр сам время от времени извещал об этом Коленкура. Коленкур доносил об этом в Париж. То император Александр сообщал ему о конфискованных по его приказу 45 судах [70], то указывал, что, *несмотря на поданное ему купцами прошение, он все же* утвердил приговор о конфискации товаров, признанных контрабандными, хотя эта мера и разоряла многие русские торговые дома [71]. По сведениям, передаваемым Коленкуром, в 1809—1810 гг. в северных русских портах в общем было конфисковано до 200 контрабандных судов и грузов. Но, по словам императора Александра, за один 1810 г. было конфисковано 170 судов [72] — и конфисковано *окончательно,* а не только задержано. Уже когда дело явно стало склоняться к войне, император Александр настаивал, что он всегда и неуклонно соблюдал блокаду [73].

Осенью 1810 г. Наполеон думал о снабжении Германии, России, Швейцарии колониальными припасами, которые бы шли транзитом из Франции: таким образом можно было бы побудить северные державы, раз уже они никак не могут обойтись без этих товаров, точнее соблюдать континентальную блокаду. Но министерство внутренних дел осмелилось представить императору соображения, «затрудняющие» этот план. Во-первых, на «порты прежней Франции» надежды нет никакой: если туда и проникнут колониальные товары, то перевозка их из Марселя или Бордо, или Нанта в Германию, а тем более в Россию обойдется очень дорого, и эти продукты смогут продаваться лишь по чрезмерным ценам. Если уж думать о транзите, то нужно надеяться на порты Амстердама и Антверпена и им даровать право транзитной торговли. Министр понимает хорошо, что Наполеону хотелось бы это право дать именно портам «прежней Франции», но он указывает, что сделать это было бы возможно, лишь искусственно устранив конкуренцию Антверпена и Амстердама (т. е. просто не дать им права транзита). Во-вторых, и это самое главное, даже транзит, идущий из Амстердама или Антверпена, мог бы снабжать разве только Швейцарию и самые близкие к Франции части Германии, ибо Северная Европа едва ли согласится получать эти товары иначе, как по Немецкому и Балтийскому морям (а Наполеон имел в виду даже не только их, а также всю толщу континента — от Северной Германии до границ Италии [74]). Конечно, министерство хорошо понимало, что *заставить* население Европы платить за эти идущие из Франции транзитом товары гораздо дороже, чем за привозимые морем (якобы нейтральные, а на деле английские), возможно лишь в том случае, если все северные правительства не за страх, а за совесть будут исполнять требования блокады и вообще обложат запретительной пошлиной *все*

привозимые в их порты с моря колониальные товары, даже *réputés neutres*, сказывающиеся нейтральными. Ожидать этого было по меньшей мере трудно. Да и тогда контрабанда тоже сразу не сдалась бы и при полной поддержке населения потребителей продолжала бы ввозить эти товары.

13 октября 1810 г. Наполеон приказывает Коленкуру «сильно настаивать» перед императором Александром относительно конфискации всех кораблей, привозящих колониальные товары. «Каким бы предлогом они (привозящие товары — *Е. Т.*) ни прикрывались, чтобы они ни делали, это — англичане». Александру эта операция может дать более 40 миллионов, а Англии будет нанесен сильный удар. Итак уже там торговый люд кричит о мире, тогда как еще шесть месяцев тому назад требовал войны [75].

23 октября Наполеон собственноручно и непосредственно пишет императору Александру. Он уверяет Александра, что англичане сильно страдают от оккупации Голландии, Мекленбурга, прусских портов; что в Лондоне — банкротства, мануфактуры в Англии стали, склады переполнены; что во Франкфурте и в Швейцарии он, Наполеон, конфисковал громадные количества колониальных товаров. И вот теперь речь идет о том, чтобы Александр не впустил в русские порты «шестьсот английских купеческих кораблей», которые скитаются по Балтийскому морю, потому что они не были впущены в Мекленбург и в Пруссию. Какими бы именами они ни прикрывались, они — англичане. Наполеон представляет дело так, что, если Александр их впустит, война с Англией будет продолжаться; если конфискует,— удар, нанесенный англичанам, будет так страшен, что они принуждены будут заключить мир [76].

Наполеону докладывали (в ноябре 1810 г.), что англичане, узнав, что колониальные товары арестованы в Лейпциге, в Ганновере, в Дрездене и других городах, что вместе с тем несколько их кораблей секвестровано в прусских портах, очень боятся, как бы и в *русских* владениях это не повторилось. В Лондоне ходят тревожные для англичан слухи, что в Кронштадт прибыла особая «комиссия, состоящая главным образом из французских агентов, с целью обеспечить выполнение континентальных декретов» (sic!) [77]. Вскоре после этого Наполеона обрадовали новыми известиями: Англия — в критическом положении, ее фонды все падают, металлические деньги исчезают из обращения, банкротства усиливаются, хлеб дошел до крайней дороговизны, колониальные товары пали на $^1/_2$ своей обычной стоимости; Англия, по мнению самих же английских купцов, не может выдержать такое состояние более чем в продолжение еще двух лет [78].

4 ноября Наполеон приказывает изготовить ноту для русского посла. Куракину необходимо «очень вежливо, очень мягко»

указать, что «если Россия хочет серьезно воспрепятствовать торговле колониальными товарами, то Англия раньше, чем через год, заключит мир». Но «нужно говорить откровенно»: «колониальные товары, которые появились на последней лейпцигской ярмарке, были туда привезены на 700 повозках из России; теперь вся торговля колониальными товарами идет через Россию». И опять повторяется указание на необходимость конфискации английских судов, под чьими бы флагами они ни шли. «Теперь нет нейтральных». «До тех пор, пока английские и колониальные товары будут приходить из России в Пруссию и Германию и их нужно будет арестовывать на границах, будет вполне очевидно, что Россия не делает того, что надлежит делать, чтобы причинить вред Англии». Так кончалась эта зловещая инструкция [79].

В таком духе и была составлена и отослана нота князю Куракину: тут только еще больше, чем в первоначальной инструкции, настаивалось на том, что все иностранные флаги «служат лишь маской для англичан»; прибавлено было конкретное указание, что англичане переправляют свои товары в Россию через Готеборг и Швецию [80]. Эта мысль, что всякий колониальный товар есть английский, становится своего рода навязчивой мыслью у Наполеона, в 1810—1811 гг. особенно. Он не только много раз к ней возвращается, но и часто в одном и том же письме на все лады ее повторяет [81].

При этих обстоятельствах если что-нибудь могло еще более раздражить и оскорбить императора Александра, русский земледельческий класс и русское купечество, то это был вопрос о лиценциях, необычайно обострившийся в 1810 г.

С 1809 г., а особенно с 1810 г., Наполеон стал все чаще выдавать *лиценции* разным лицам для вывоза французских товаров в Англию или куда они хотят с разрешением ввезти за это на ту же сумму колониальных товаров. Это прямое отступление в *свою* пользу от принципов континентальной блокады Наполеон ни перед кем из европейских государей и не думал оправдывать, ибо совершенно их не стеснялся. Но Александр был единственным монархом в Европе, с которым еще должно было объясняться, и Наполеон поясняет ему через Коленкура, что эти лиценции будто бы даются только для вывоза хлеба и вина, но не для ввоза колониальных продуктов. Но, во- первых, была сущая неправда, будто обладатели лиценций вывозят только хлеб и вино; напротив, они даже обязаны были вывозить французские шелковые материи. А во-вторых, даже если бы лиценции и давались Наполеоном только для вывоза хлеба и вина, то на каком же основании в таком случае Александр стал бы губить вывоз *русского* хлеба в ту же Англию, куда Наполеон позволял на пользу французам вывозить французский хлеб «в виде исключений»?

Русское правительство не удовлетворялось этими не вполне логичными объяснениями.

Первые сдержанные представления о лиценциях, выдаваемых Наполеоном, были сделаны Румянцевым Коленкуру в январе 1810 г., и Коленкур, сам еще ничего не зная и не будучи в курсе дела, ничего не мог ответить. Какова же линия поведения самой Франции? — недоуменно спрашивал Румянцев. «Мы, так сказать, в этом деле ваши ученики, и мы не хотим делать ни больше, ни меньше, чем вы»,— многозначительно прибавил русский министр [82], который не преминул заявить, что и беседу эту он ведет по приказу императора Александра.

В конце июня (20-го) 1810 г. у Коленкура был новый неприятный разговор о лиценциях с императором Александром на этот раз. Его величество, доносит Коленкур, сказал, что лиценции восстанавливают торговлю, но только с обязательной уплатой налога англичанам; что, несомненно, опыт прошлого заставляет императора Наполеона смягчить былые меры строгости; что только Россия теперь сохраняет принцип блокады во всей первоначальной суровости [83]. Коленкур пробовал возражать, что французы сбывают лишь продукты почвы, а русские доставляют англичанам военные средства; что даже и лиценциатам не дозволено ввозить во Францию английские товары и английские колониальные продукты. Но Александр указал, что англичане открыто говорят, что с некоторого времени французы ведут значительную торговлю с ними. В конце концов император заметил, что он говорит об этом как о предмете общего разговора [84].

Этот «разговор» повторился.

7 декабря 1810 г. Коленкур имел продолжительную беседу с императором Александром о континентальной блокаде. Посол настаивал на принципе, который громко провозгласил Наполеон: *всякий* колониальный товар есть товар английский и как таковой должен быть конфискован. Речь шла о том, чтобы воспретить американским судам являться в русские порты. Император заявил, что он с Англией — в открытой войне, что с ней никаких сношений нет; что Россия несет большие жертвы во имя этой системы; что русские не пользуются даже лиценциями, благодаря которым торговля процветает «в других местах» (ailleurs). «Будем говорить откровенно,— сказал Александр.— Какова для Франции цель принимаемых вами мер? Иметь одной выгоды торговли колониальными товарами, иметь монополию этой торговли. Я этому не противлюсь, я не мешаюсь в то, что происходит у других. Пусть так действуют и относительно меня. Почему бы я не имел права получать сахар от американцев, когда за ту или иную пошлину вы позволяете у себя и у других потреблять продукты ваших и даже чужих колоний?» [85]

Но Наполеона эти сообщения Коленкура о беседах с Александром ничуть не останавливали.

И чем дальше, тем более бесцеремонно Наполеон желал именно свои владения и свою казну избавить от потерь, которые влекла за собой им же установленная континентальная блокада для остальной Европы.

Летом 1811 г. создалось, по собственным словам Наполеона, следующее положение вещей. В Англии (в том году) нет хлеба; Германия и Польша завалены хлебом. Англичане скупают этот немецкий и польский хлеб, который и идет через Данциг и море в Англию. Прекратить это и бесполезно («если англичане не получат хлеба с Балтийского моря, они получат его из Америки»), и невозможно («наша бдительность была бы бессильна против того, на что окажется способной алчность»). А потому «нельзя ли дать заработать не Данцигу и прусской казне, а принадлежащим Франции ганзейским городам и, следовательно, французской казне»? Другими словами: нельзя ли направить этот континентальный хлеб в Англию через Гамбург, Бремен, Любек, обложив вывоз его известной пошлиной, заставив принять ту же пошлину Пруссию и Мекленбург? Император обращался к тому самому, что он не хотел позволить делать ни России, ни вообще континентальной Европе [86].

И русские землевладельцы не могли бы без раздражения отнестить к той таблице цен на хлебные злаки, которая была составлена 29 июня 1811 г. во французском министерстве иностранных дел на основании консульских донесений из разных пунктов Европы, если бы они знали эту таблицу; выходило, что хлеб дешевле всего в Петербурге и в Данциге (и в Петербурге дешевле, чем в Данциге, кроме ячменя, который несколько дороже). Во всех других городах Европы и именно в подвластных Наполеону — в Париже, Триесте, Милане — хлеб был в $1^1/_2$—2—3 раза дороже, а урожай в этом году (и в предшествующем) почти во всей Европе был прекрасный, и сам Наполеон признавал, что, например, Германия завалена хлебом. Между тем хлеб в Дрездене был в среднем в $1^1/_2$—$1^1/_3$ раза дороже русского, во Франкфурте — в 2—$2^1/_2$ раза дороже хлеба русского. И сам же Наполеон признавал, что так или иначе этот германский хлеб идет не на внутренний рынок, уже насыщенный, а в Англию. Русские землевладельцы, страдавшие от блокады, могли объяснять эту разницу тем, что русское правительство слишком покорно Наполеону, слишком соблюдает тильзитские условия, больше еще, чем трепещущие перед Наполеоном германские государи и чем сам Наполеон. Спора нет, что в разнице цен повинны были или могли быть и другие факторы, но *видимость* факта в 1811 г. была такова, что способна была жестоко раздражить и огорчить русское землевладение.

Вот «средние цены» (во франках и сантимах, по курсу) на хлебные злаки и овес (в квинталах), относящиеся к маю и июню 1811 г. Берем некоторые пункты континента — лондонские цены в таблице отсутствуют вовсе [87].

	Петербург	Париж	Бремен	Дрезден	Франкфурт	Берн	Триест	Венеция	Неаполь	Милан	Данциг
Пшеница	10.12	21.39	14.85	16.39	28.75	31.48	21.26	26.21	35.46	37.89	15.41
Ячмень	8.63	12.60	—	12.19	19.67	18.12	—	28.38	—	30.35	6.74
Рожь	9.65	14	11.27	14.51	20.80	20.88	—	—	17.68	—	11.02
Овес	7.65	15.59	9.29	12.53	—	12.34	16.57	13.92	22.15	13.66	11.79

В Европе знали, что блокада ссорит императоров, и с волнением ждали развязки, от которой зависели судьбы Европы. Английское правительство чутко следило за тем, как отражается континентальная блокада на русских делах. Император Александр съездил летом 1810 г. в Москву и Тверь,— и уже летят с острова Гельголанда в Лондон донесения: 1) о тяжком состоянии русских финансов и 2) что император поехал специально, чтобы повидаться с Растопчиным (врагом французского союза) [88].

Но в последние дни 1810 г. французскую торговлю в России постиг удар, вконец испортивший отношения между обоими императорами.

Еще весной 1810 г. торговое и финансовое положение России представлялось французскому послу Коленкуру в довольно неутешительном виде. Падение курса, недоверие к ассигнациям — все это наносит значительные убытки французским фирмам, торгующим с Россией. Поговаривают, по его донесению, о необходимости воспретить ввоз предметов роскоши и пишут об этом докладные записки. Коленкуру казалось, что лучше бы заключить с Россией особые соглашения, пока еще не предприняты общие меры, ибо ходят слухи о готовящихся запретительных законах [89]. То, чего он опасался, случилось: в декабре 1810 г. был издан запретительный указ.

Еще не зная хорошо содержания готового появиться указа, Коленкур за обедом у императора Александра высказался в том смысле, что запретительные меры в том виде, как они проектируются, «били бы союзников и друзей», а не только врагов, и даже врагов меньше, ибо колониальное сырье ввозилось бы в Россию, тогда как это товар «более или менее английский». Император возразил, что меры направлены против англичан, а что касается воспрещения фабрикатов, то вот уже

несколько лет, как Франция и Германия ничего не покупают у России, и торговый баланс склоняется слишком не в пользу России, что вызывает падение курса [90].

Но вот указ появился. Коленкур при всем своем оптимизме понял его значение. Он тотчас же имел свидание с Румянцевым и указал ему, что указ направлен больше всего именно против *французской* торговли; что он воспрещает ввоз сукон, шелка, предметов роскоши и что, дозволяя ввоз вин только морем, он фактически уничтожает и французскую винную торговлю в России, так как море — в руках англичан [91]. Румянцев возражал, указывая между прочим, что этот указ затрагивает не только Францию, но особенно «фабрики Пруссии, Силезии и Германии» (sic!), которые ввозят в Россию гораздо больше, чем Франция, и т. д. Французский посол жаловался еще, что указ вместе с тем допускает торговлю с Америкой, тогда как ясно, что это послужит только на пользу англичан, которые явятся под видом американцев. Румянцев возражал, возражал и император Александр, которому Коленкур повторил свои жалобы. И канцлер, и император указали, что они делают только то, что делает Наполеон, запретивший ввоз из России рыбьего жира, поташа и астраханского хлопка [92]. Беседа не привела ни к чему.

Удар был очень силен. Коленкур запросил французских купцов в Петербурге о возможных последствиях указа. Они заявили, что общая сумма ввоза в Россию из Франции равна 30 миллионам франков (посол, впрочем считает уже и эту цифру преувеличенной), что на $^1/_3$ этой суммы ввозится лионских шелковых товаров и эта значительнейшая отрасль французского импорта совсем уничтожается указом. Вообще же «французская торговля доведена до отчаяния и находится поистине в критическом положении» [93]. Не только по существу указ остался без перемен, несмотря на все представления Коленкура, но император даже не пожелал допустить изъятие в пользу французских товаров, уже находящихся в пути.

В сущности, манифест от 19 декабря [94] формально ничуть не нарушал принципов блокады; § 28 ясно об этом свидетельствует: «Товары, кои состоят в росписи дозволенных, но по происхождению их окажутся неприятельскими, и потому запрещенными, предаются конфискации». Но воспрещение и высокое обложение именно тех товаров, которые составляли значительнейшую часть французского импорта в Россию, уже само по себе было тяжелым ударом для Наполеона, а кроме того, французский император именно потому всегда и требовал воспрещения ввоза колониальных товаров, что совсем не верил в возможность установить неанглийское их происхождение. Значит, § 28 его ни в каком случае не мог удовлетворить [95].

Наполеон приказал сообщить в Россию через Коленкура, что он из-за указа о тарифе воевать не будет, но что он будет настороже против неблагожелательного духа, продиктовавшего этот акт. Чернышеву Наполеон сказал, что этот указ стоил ему, императору, 100 миллионов, так как он принял военные меры [96].

Ранней весной 1811 г. английское правительство получает новые, совсем утешительные для него сведения: разрыв между Францией и Россией неминуем, причина разрыва — континентальная система, и в ближайшем будущем русские порты откроются для англичан, ибо будут даны лиценции для ввоза колониальных товаров [97].

Колониальные товары в 1811 г. широкой волной хлынули в Россию, а из России через ее западную границу в Пруссию и оттуда в другие страны Европы. Трианонский тариф, так страшно затруднявший торговлю колониальными товарами в зависимых от Наполеона странах, этим самым давал России огромные выгоды, ставил ее в привилегированное положение.

Правда, в середине 1811 г. французский император прямо предложил прусскому правительству не пропускать в Пруссию через русскую границу никаких колониальных товаров. По требованию Наполеона прусское правительство воспретило ввоз каких бы то ни было колониальных товаров из России (эдикт был подписан Фридрихом-Вильгельмом 26 июня 1811 г.).

Насколько был действителен этот запрет, и даже если бы он был действителен, то не могла ли Россия все-таки сбывать колониальные товары через другие части своей колоссальной западной границы? Вот некоторые данные, дающие косвенный ответ на этот вопрос.

По исчислениям американского современника блокады — Pitkin'а [98], работавшего на основании официальных документов департамента казначейства Соединенных Штатов, в Россию было ввезено хлопка:

1809 г.	1810 г.	1811 г.
557 924 фунта	3 769 137 фунтов	9 255 404 фунта

При этом нужно заметить, что в том же 1811 г. не было страны на континенте Европы, которая получила бы столько американского хлопка (в Пруссию было ввезено 231 679 фунтов, в Испанию — 218 880 фунтов, в ганзейские города (посредством лиценций) — 1 836 288 фунтов). Россия сделалась, таким

образом, в 1811 г. главной поставщицей хлопка для европейских прядилен. Наполеон не мог этого не знать.

В библиотеке Ученого комитета министерства финансов в С.-Петербурге сохранились любопытные данные о цене хлопка (извлекаю их из «Санктпетербургского прейскуранта, издаваемого при Государственной Коммерц-Коллегии каждый вторник и пятницу»,— библиотека Ученого комитета министерства финансов, А. 830, годы 1809—1812). Беру цены летние, устанавливавшиеся в разгар навигации:

Стоимость пуда георгиевского и луизьянского хлопка			
в СПб. 22 июля 1810 г.	45—48	рублей	ассигнациями
То же 7 июля 1811 г. . .	25	»	»
То же 25 июля 1812 г. . .	25	»	»
То же 10 июля 1812 г. . .	24	»	»

Это были с 1811 г. цены, по дешевизне совершенно неслыханные в странах, подчиненных Наполеону и принявших трианонский тариф; и Наполеон, сравнивая петербургские цены на хлопок 1810 г. с ценами 1811 г., мог ясно удостовериться, что нажаты какие-то пружины, давшие широкий доступ колониальному сырью в Русскую империю.

Между тем к концу 1811 г. стали сказываться последствия и подводиться итоги убыткам, которые потерпела французская промышленность от декабрьского указа 1810 г.

Мануфактуры левого берега Рейна (особенно Roer'ского департамента) ежегодно отправляли (до французского завоевания) в Россию 50 тысяч штук сукна, и производство это кормило 5 тысяч рабочих, а выручалось от продажи 15 миллионов франков. Товары эти шли через Лейпциг и Броды в Москву, а оттуда отправлялись на Макарьевскую ярмарку, в Ирбит и в Кяхту. Часть их шла в Персию и в Китай. Указ императора Александра I воспретил этот транзит, и русские таможни не впускают уже товары, отправленные *до* издания указа. Префект во имя интересов всего департамента просит министерство иностранных дел и непосредственно самого Наполеона устроить так, чтобы русский указ прекратил свое действие к 1 января 1812 г. (доклад Наполеону помечен 1 ноября 1811 г.) [99].

А в это время учащались признаки явственного нарушения блокады с русской стороны.

Наполеону доставили в конце декабря 1810 г. подробнейшее донесение об аресте русского торгового судна «Св. Николай», задержанного в Травемюнде. Несмотря на запирательство капитана Рейнмюллера, из допроса экипажа оказалось, что «Св. Николай» поддерживал торговые сношения между Крон-

штадтом и Англией и даже плавал кое-где под охраной английского эскорта из трех кораблей [100].

Выдающиеся представители финансового и коммерческого мира Франции знали не хуже правительства (которое скрывало эти факты от общества), что между Россией и Англией ведется оживленная контрабандная торговля при некотором попустительстве со стороны русских властей, но они, не утратившие чувства экономической реальности, прекрасно понимали, что иначе и быть не может. Когда в 1811 г. тяжкий общий кризис постиг французскую торговлю и промышленность и сами власти удостоили пригласить кое-кого из коммерсантов и финансистов, чтобы узнать их мнение о причинах кризиса, то властям пришлось выслушать откровенное мнение о блокаде.

Относительно блокады «нет ни одной державы, которая, будучи по виду с нами, не была бы втайне против нас и сердцем на стороне Англии»,— вот что с убеждением сказал министру полиции банкир Лаффит в 1811 г. И при этом он указал именно на Россию, *самую сильную и наиболее затронутую* в своих интересах державу [101]. «Ничто не может заменить для нее английские фактории. Потери огромны, и там они падают на вельмож, а не на народ. Вельможи распоряжаются двором и армией, и один только факт позволит нам судить, каковы должны быть их стремления. До блокады рубль стоил [102] 3 франка, теперь он едва держится на 20 су».

Но Наполеон ничего не хотел слышать, ни с чем и ни с кем уже не желал считаться. Им овладела окончательно идея, которую он высказывал уже в 1810 г.: Англия — на краю гибели, еще некоторое усилие, и все клапаны, все выходы будут для нее закрыты, и она смирится.

1 апреля 1811 г. Коленкуру отправляется новая инструкция: Наполеон знает, что англичане посылают в Балтийское море новый караван торговых судов; что, конечно, контрабандисты будут стараться всеми способами завязать связи с континентом, но если понадобится, Наполеон обрубит своей саблей эти связи [103].

Отправляя Лористона в Россию, Наполеон изготовляет для него инструкцию (5 апреля 1811 г.). Положение натянутое, обе стороны давно не верят друг другу; Наполеон согласен на уступки и в польском вопросе, и в турецком, но всеми мерами нужно препятствовать английской торговле и указать в Петербурге, что малейшая *видимость* мира России с Англией будет сигналом к войне Наполеона с Россией [104]. Лористон должен через консулов следить за исполнением правил блокады.

Но все равно уже не могло быть и речи об изменении экономической политики России путем дипломатического давления [105].

А после сцены с Куракиным всей Европе стало ясно, что война — вопрос месяцев. Обе стороны усиленно готовились к вооруженному столкновению, которое между многими другими вопросами должно было разрешить и этот, один из наиболее важных и наиболее трудно разрешимых: окончательно ли освободится Россия от разорявших ее тисков континентальной блокады или же подчинится всецело требованиям Наполеона? И те же промышленники — именно левого берега Рейна (Кельна, Ахена, Штольберга и Крефельда), получив от префекта Рерского департамента известие о вступлении Наполеона в Москву и вопрос, чего бы, по их мнению, следовало потребовать от России, дали знать, что нужно потребовать уменьшения пошлин на французские фабрикаты, на французские вина, водки и т. д. Другие не успели высказаться: пришли новые вести — о гибели великой армии.

Значение континентальной блокады современниками понималось гораздо больше, чем потомством, и масса склонна была даже преувеличивать это значение, в утрированном стиле характеризовать его [106]. «Война с Россией не была предприятием из-за сахара и кофе, как сначала думал простой народ»,— так говорит о двенадцатом годе Фуше. Фраза будет несравненно ближе к истине, если вместо слов «сахар и кофе» напишем слова «континентальная блокада»; конечно, и в таком случае необходимы будут дополнения и оговорки, но что в России важные экономические интересы были абсолютно непримиримы с самым принципом континентальной блокады, *это* французский «простой народ», о котором говорит Фуше, по-видимому, чуял инстинктом, хотя и выражал это наивно или даже нелепо. Но, как сказано выше, история континентальной блокады в России, ее последствия в русской экономической жизни не составляют сейчас нашей темы; мы тут знакомились лишь с экономическими отношениями между Россией и Францией в царствование Наполеона, а с переходом Наполеона через Неман эти отношения оборвались еще более круто, чем в войну 1806—1807 гг., и уже не возобновлялись, пока Наполеон находился на французском престоле. Нечего и говорить, что война с Россией 1812—1814 гг. и несравненно больше еще война Наполеона с Европой в 1813—1814 гг. опять нанесли тяжкий удар французской промышленности, особенно производству предметов роскоши, шелковой промышленности, выделке мебели, винной торговле. Но пожар общеевропейской войны, бушевавший почти без перерыва до марта 1814 г., конечно, совершенно заглушил на этот раз жалобы разоряемых промышленников и негоциантов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ЭПОХУ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

Познакомившись с теми экономическими отношениями, которые создались между Империей и другими странами континента в эпоху полного (легального, если не фактического) изгнания английских фабрикатов из Европы, мы теперь должны обратиться к нашим документам с вопросом: к каким же конечным результатам привела континентальная блокада Францию? Рассмотрим, в каком состоянии оказались главные отрасли обрабатывающей промышленности в ту знаменательную эпоху, которую мы здесь исследуем, в каком положении были приморские города, как разразился страшный кризис 1811 г., как шла экономическая жизнь Империи в последние годы царствования Наполеона, 1812—1814.

Именно на эти вопросы наши документы дают часто весьма скупые, отрывочные, даже иногда неясные ответы. Но для читателя, ознакомившегося с первыми двумя частями моей книги, очень многое в этой третьей части будет даже по намеку, по вскользь оброненному в документе замечанию вполне понятно.

Глава XX

ХЛОПЧАТОБУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Хлопковый голод в эпоху Наполеона. 2. Общее состояние хлопчатобумажной промышленности. Периоды в истории ее развития после 1806 г. 3. Время 1806—1810 гг.

Как мы уже видели, эта отрасль текстильного производства находилась с 1806 г. под особым покровительством: запрещение ввоза каких бы то ни было бумажных материй в Империю было установлено еще декретом от 22 февраля 1806 г. Последующие мероприятия — континентальная блокада, изгнание всяких конкурентов из Италии — должны были еще расширить рынок сбыта для французских ситцев и бумажных тканей вообще. И действительно, хлопчатобумажное производство при Наполеоне окрепло и развилось, но далеко не в той мере, как этого могли ожидать (и *ожидали* в 1806—1807 гг.) промышленники. Одна коренная причина мешала полному расцвету: если континентальная блокада обеспечивала и расширяла рынок, то она же именно в *этой* области производства препятствовала проникновению во Францию необходимого сырья. Хлопок — заморский, колониальный товар — попал под самое серьезное подозрение, и Наполеон не переставал измышлять меры, которые бы сократили ввоз этого товара. Мы сначала посмотрим, что рассказывают документы о хлопковом голоде в царствование Наполеона, а затем перейдем к данным, касающимся развития хлопчатобумажной промышленности. Отмеченное внутреннее противоречие наполеоновской деятельности в области мер, касающихся хлопчатобумажного производства, выяснится для нас вполне.

1

Любопытно, что уже с первых дней новой эры в истории хлопчатобумажной промышленности, после декрета от 22 февраля, обнаруживалось живейшее беспокойство по вопросу о сырье.

Владельцы бумагопрядильных мануфактур департамента Сены подали императору тотчас же после выхода в свет декрета

от 22 февраля адрес. Этот адрес производит, однако, впечатление вынужденного, а не добровольного изъявления: они пишут, что *испуганы* декретом, облагающим хлопок, и вместе с тем льстят себя надеждой, что декрет избавит их от конкуренции. (Да и не писались при Империи никогда такие коротенькие адреса.) Во всяком случае они в адресе как бы подчеркивают, что запретительные пошлины на хлопок — для них удар, но что этот удар может быть компенсирован, *если* строго будут исполняться и те правила, которые ограждают французский рынок от иностранных фабрикатов [1].

До декрета от 22 февраля 1806 г. Франция покупала ежегодно хлопка приблизительно на 20 миллионов франков; в 1810 г. исчислялось, что она покупает на 42 865 000 франков (из Бразилии — на 12 миллионов, из Соединенных Штатов — на 14,4 миллиона франков, из Испании — на 2 580 000, из Неаполя — на 3 415 000, из стран Леванта — на 10,5 миллиона). Но хлопок (летом 1810 г.) истощается; что делать дальше? Пусть правительство об этом подумает, докладывали фабриканты: никакой закон не может прекратить потребление бумажных материй, следовательно, либо запретительные меры, препятствующие ввозу хлопка, будут отменены, либо контрабанда обогатится, ввозя то, что нужно [2]. Ознакомимся теперь с показаниями о ценах на хлопок. Показания эти очень часто не согласуются и противоречат одно другому; цены быстро и круто менялись.

Цена хлопка от 1 августа 1807 г. до 15 февраля 1808 г. почти *удвоилась* [3]. Особенно быстро пошло вздорожание колониальных продуктов весной 1808 г. В лионском промышленном районе, например, одно и то же количество хлопка (41 килограмм 875 граммов) стоило 1 апреля (1808 г.) от 325 до 330 франков, а 31 мая того же года — 580—590 франков. «Все парализовано» вследствие вздорожания хлопка, красящих веществ и т. п., жалуется Лионская торговая палата, и хуже всего, что становятся недоступны именно *эти* продукты. Без кофе, без сахара и без какао (потребление которых из-за дороговизны уменьшилось *вдвое* сравнительно с «обыкновенными временами») обойдется еще «всякий хороший француз», «размышляющий о том зле, которое от этого получается для разъяренных против нас врагов». Но вздорожание хлопка и красящих веществ грозит полной приостановкой бумагопрядилен, голодом для рабочих [4].

По декрету от 22 февраля 1806 г., с одной стороны, был воспрещен ввоз каких бы то ни было иностранных бумажных материй, а с другой стороны, при вывозе за границу сработанной материи экспортер получал 50 франков за 100 килограммов — это было *drawback*, возвращение $^5/_6$ пошлины, уплаченной за

ввоз во Францию 100 килограммов хлопка в сырье. И вспоминая впоследствии, в середине 1811 г., об этом золотом времени, бумагопрядильщики усматривали причину ощущающегося с начала 1811 г. упадка производства в том, что теперь за килограмм хлопка при ввозе приходится уплачивать от 2 франков 20 сантимов до 8 франков 80 сантимов, а drawback остался тот же, что и раньше,— 50 франков за 100 килограммов, или 50 сантимов за килограмм. Совет мануфактур не переставал добиваться увеличения вывозной премии [5].

15 сентября 1807 г. уже ощущался хлопковый голод, уже говорилось о том, что прядильни остановятся, если правительство не позволит «нейтральным» португальцам и американцам привозить хлопок [6].

В июне 1808 г. цена ½ килограмма хлопка (в сырье) стояла в департаменте l'Eure — 11 франков, а ½ килограмма пряжи — на mull-jenny — 13 франков 10 сантимов — 14 франков 10 сантимов, и дела почти не делались, ибо все «ожидали результатов событий в Португалии и Испании» [7].

В октябре 1809 г. в том же промышленном департаменте l'Eure хлопчатобумажная индустрия из-за недостатка хлопка прямо как бы уничтожилась [8].

Ниже приведена официально установленная таблица цен на хлопок в мае 1808 г. в главных городах Империи и картина вздорожания его за ½ года (т. е. с декабря 1807 г.) [9]. Почему-то в таблицу попало и Бордо, относительно которого констатируется лишь *полное отсутствие* хлопка (а до войны с Англией именно в Бордо делались громадные закупки хлопка).

½ килограмма хлопка в сырье обходилось фабрикантам департамента l'Eure в марте 1809 г. в среднем в 9 франков 50 сантимов, а то же количество (½ килограмма) пряжи, сделанной на mulle-jenny, обходилось там же и тогда же от 11 франков 50 сантимов до 12 франков 90 сантимов [10].

В Руане (в середине марта 1809 г.) цена на хлопок все возрастает, а цена бумажных материй остается та же, что раньше. Сделки происходят вялые, все обеспокоены политическими событиями, не знают, ждать ли войны или мира, и это тяжко отражается на делах; начались банкротства [11].

Но в этом случае, где интересы промышленности так радикально разошлись с требованиями континентальной блокады, Наполеон решительно отказался считаться с интересами промышленности.

Всякий хлопок, попадающий в Европу морским путем, есть хлопок английский, как бы его ни называли; нужно сделать невозможной продажу всякого хлопка не явно *европейского* происхождения; хлопководство в южной Франции, в Италии, в будущем в Испании только тогда будет поставлено как следует,

Стоимость ½ килограмма хлопка в франках и сантимах	В Париже		Бордо		В Марселе	
	в мае 1808 г.	с декабря 1807 г.	в мае 1808 г.	с декабря 1807 г.	в мае 1808 г.	с декабря 1807 г.
Сорта						
Пернамбуко . . .	12	4.60	Не было в продаже		Не было в продаже	
Луизьянский . .	9.50	4.40	То же		То же	
Левантийский (Смирнский) . .	7.50	3.70	То же		6.50	2.70

когда *никакого* иного хлопка допускаться не будет. Эти тезисы получили в 1810 г. в глазах наполеоновского правительства аксиоматический вид, и запретительные декреты от 5 августа и 12 сентября были именно последствием такого рода воззрений [12].

В среднем 100 фунтов левантийского хлопка стоили во Франции в 1805 г. 300 франков, а пошлины по декрету от 22 февраля 1806 г. на них лежало 60 франков. В апреле 1810 г. квинтал того же хлопка стоил около 800 франков, а пошлины на него равнялись 120 франков. Министр финансов, докладывая об этом Наполеону, успокаивал его тем исчислением, что, значит, в 1806 г. пошлина на хлопок равнялась 20%, а в 1810 г. равняется всего 15% («Le commerce conserve encore un bénéfice de 5% sur la première fixation»,— оптимистически умозаключал министр [13]). Но бумагопрядильным фабрикантам от этого, конечно, было не легче, и министр внутренних дел тоже вовсе не разделял оптимизма министра финансов.

И в это самое время, когда уже явно ощущался острый хлопковый голод, грянул гром: был подписан трианонский тариф, облагавший хлопок прямо запретительными пошлинами.

После трианонского тарифа 1810 г. низший сорт хлопка, стоивший прежде, в 1804—1805 гг., 4 франка 50 сантимов фунт, стал стоить более 11 франков фунт. В это самое время в Лондоне фунт хлопка обходился в 2 шиллинга 6 пенсов фунт. В 1812 г. для некоторых фабрикантов (в том числе для Ришар-Ленуара) стало ясно, что дороговизна сырья, невзирая ни на какие их усилия, разоряет их [14], и они даже стали подумывать о том, чтобы обратиться от бумагопрядильной промышленности к шерстяной [15].

Согласно трианонскому тарифу от 5 августа 1810 г., дополненному декретом от 12 сентября, хлопок был обложен колоссальной пошлиной, более нежели удесятеренной, например, сравнительно с тарифом 1806 г.

В Антверпене		В Генте		В Страсбурге		В Руане	
в мае 1808 г.	с декабря 1807 г.	в мае 1808 г.	с декабря 1807 г.	в мае 808 г.	с декабря 1 807 г.	в мае 1808 г.	с декабря 1807 г.
10.81	2.88	Не было в продаже		Не было в продаже		12.90	5.10
8.40	2.74	То же		То же		10	4.60
6.92	2.41	6.50	2	7	2.10	7.75	3.50

Вот какие пошлины уплачивались по трианонскому тарифу с каждого ввозимого квинтала хлопка:

Хлопок высших сортов (бразильский, кайенский, суринамский)	800 франков
Хлопок низших сортов (из Каролины, Виргинии, отчасти Георгии и всех стран вообще, кроме Леванта и Неаполя)	600 »
Левантийский хлопок, если он привезен сухим путем	200 »
Левантийский хлопок, если он привезен морем	400 »
Неаполитанский хлопок	180 »

И это еще было не все: как сказано мной выше, в главе о промышленном классе и его тенденциях в эпоху Империи, в течение наполеоновского царствования продолжал взиматься военный налог (le décime de la subvention de la guerre) в размере 10% с ввозной пошлины. Таким образом, нужно считать, что с этим налогом за квинтал высших сортов хлопка взималось не 800, а 880 франков, за низшие сорта — не 600, а 660 франков и т. д.

Вот цены на хлопок в некоторых городах Европы, установившиеся в первой половине 1811 г., в франках и сантимах за 100 фунтов, по очень неполным показаниям французских консулов [16]. Пропуски обозначены в подлиннике тире.

	Лондон 11 января	Бремен 15 июня	Лейпциг 1 июня	Франкфурт 1 июня	Базель 13 июня	Милан 15 июня	Триест 13 июня	Венеция 15 июня	Неаполь 10 июня	Париж 28 июня
Бразильский хлопок	230	—	828.39	—	—	—	—	—	—	1600—1640
Левантийский хлопок	128	961	577.59	655—720	696.12	755	508—785	800	437.66	900—920

Конечно, полной отчетливости сравнений мешает то обстоятельство, что сведения относятся к разным срокам: лондонские — к январю, остальные в приведенном извлечении — к июню 1811 г.

Наполеон, всецело поглощенный идеей блокады, уже за год до трианонского тарифа решил, если нужно, погубить даже им самим поощряемую до сих пор отрасль текстильной индустрии, так что его эти вопли о неслыханной дороговизне хлопка не смущали. Собственно, идеалом было бы *вовсе* воспретить ввоз хлопка и уничтожить всякую бумагопрядильную промышленность на континенте Европы, а пользоваться лишь таким сырьем, как шерсть, лен и шелк. Но самые ярые поклонники континентальной блокады с грустью сознавались, что этот идеал недостижим [17].

А раз уж этот идеал недостижим, то все-таки основная цель остается вполне ясной: лучше полное отсутствие заморского хлопка, чем риск проникновения английского хлопка. Эта мысль в выражениях, ничего не оставляющих желать в смысле ясности, высказывается в одном докладе, поданном Наполеону министром внутренних дел. Припоминая декрет от 5 августа 1810 г. об увеличении пошлины на хлопок, министр прямо подчеркивает, что целью декрета было развитие хлопководства во владениях Наполеона [18].

В Неаполе, в Риме, в Испании делались опыты разведения хлопка, поощрявшиеся Наполеоном. Уже в июле 1810 г. пошлина на неаполитанский хлопок была сбавлена до 60 франков за квинтал. Но дело с неаполитанским хлопководством вообще плохо шло. В 1810 г. был неурожай хлопка, а в те годы, когда и был урожай, все равно Неаполь давал лишь грубые сорта. *Первым* французским промышленным предприятием, которое решилось пользоваться (отчасти) и неаполитанским хлопком, был, по свидетельству министерства внутренних дел, торговый дом Ришар-Ленуара, который даже завел было свои плантации в Неаполитанском королевстве [19].

Пришлось приняться за разведение хлопковых плантаций и сестре Наполеона, правительнице Лукки и Пьомбино — Элизе Бачокки [20]; затевались аналогичные попытки и в Анконе и других местах Апеннинского полуострова. Не миновали эти опыты и Рима. В августе 1810 г. Ришар предлагал правительству завести в обширнейших размерах хлопководство на территории Agro romano, в бывшей Церковной области, если ему отведут на льготных условиях 1500 арпанов земли в этих римских владениях императора и дадут аванс на обзаведение. Он обязывался уже в 1812 г. собрать по 100 фунтов хлопка с каждого арпана или 150 тысяч фунтов со всего участка; в 1813 г. он обязывался собрать по 150 фунтов хлопка с арпана или

225 тысяч фунтов с участка[21]. Министерство внутренних дел очень сочувственно отнеслось к этому ходатайству[22], и Наполеон приказал отвести Ришар-Ленуару на льготных условиях землю и выдать аванс в 300 тысяч ливров.

В Риме хлопководство (по Exposé 1813 г.) дало до 100 тысяч фунтов (к 1813 г.); конечно, цифра эта столь ничтожна, что даже сам Монталиве признает это («les récoltes ne se sont pas encore élevées assez haut pour être comptées comme ressources dans la masse de nos besoins», стр. 39). Из Неаполя Франция получает в 1812 г. хлопка 3 миллиона фунтов в год. Испания «производит хлопок в изобилии». Турция доставляет «более грубый, но и менее дорогой хлопок». Вопроса о том, хватает ли всех этих определенных и неопределенных количеств континентального хлопка для удовлетворения нужд французской промышленности, министр предпочел не касаться.

Одновременно с попытками акклиматизации хлопка шли опыты замены его другими материалами, опыты, иногда довольно фантастические. Дело дошло до того, что некий Маттер, якобы изобретя способ заменять хлопок особенно изготовленными из льна нитями (которые он окрестил названием filoselle végétale), серьезно просил правительство воспретить особым декретом употребление хлопчатобумажных нитей для выделки свечных фитилей — все это во имя «политических обстоятельств, повелевающих употреблять продукты французской почвы» — и предлагал своей «филозелью» заменить в данном случае хлопок[23]. По ближайшем рассмотрении вся эта выдумка оказалась «шарлатанством»[24], а сам Маттер — беглым англичанином, сильно подозреваемым в контрабандной торговле[25]. Его просьба удовлетворена, конечно, не была, но огромная переписка, затеянная центральными и местными властями по этому поводу и тянувшаяся больше двух лет, показывает, до какой степени серьезно относилось правительство к подобным затеям.

В 1811—1812 г. в землях, подвластных Наполеону, сильно носились с идеей добывать «искусственный хлопок», например, из конопли[26]. Делались опыты, читались рефераты в местных «академиях» и земледельческих обществах и т. д.

Интересовался Наполеон и опытами фабриканта Субейрана по выделке материи из смеси хлопка и льна (tissus en lin cotonisé), но по ближайшем рассмотрении эти опыты оказались не заслуживающими особого внимания: и по цене, и по качеству эти материи никак не могли конкурировать с настоящими бумажными материями[27].

Более серьезную роль, чем все эти опыты с разведением хлопка в новых местах и с заменой хлопка, суждено было сыграть левантийскому хлопку, который *мог* доставляться и сухим путем.

На амьенских бумагопрядильнях левантийский хлопок стали употреблять лишь с июня 1808 г., и это потребовало много опытов и причинило фабрикантам много затруднений и неприятностей. Хлопок оказался таким коротким, пыльным, пряжа получилась такая тонкая и рвущаяся, что, по откровенному признанию префекта Соммы, этот хлопок можно было употреблять только вследствие невозможности достать другой. Что касается до неаполитанского хлопка (из Апулии, из Торре и Кастелламаре), то «хлопок из Апулии и Торре еще хуже всех сортов левантийского хлопка», а хлопок из Кастелламаре был бы хорош, если бы волокна были длиннее и крепче, но, кроме того, именно хлопка из Кастелламаре не хватает, его очень мало. До 1808 г. возможно еще было пользоваться бразильским хлопком; в самом начале 1808 г. еще можно было доставать луизьянский хлопок, стоивший дешевле даже неаполитанского (6 франков 75 сантимов — 7 франков килограмм, а неаполитанский — 7 франков 50 сантимов — 7 франков 60 сантимов) и бывший лучше. В это время левантийский хлопок служил лишь для выделки грубых сортов материи, а также для фабрикации свечных фитилей [28]. Но когда оборвалась легальная торговля с американцами, конечно, левантийский хлопок должен был начать играть очень крупную роль в экономической жизни Франции.

Бывало даже так, что прядильни данного города или промышленного округа выискивали человека, знающего Восток, и отправляли его в Турцию за левантийским хлопком [29]. Конечно, и тут были стеснения: не всякий левантийский хлопок мог легко дойти до Европы — из Египта, из Сирии хлопок доставлялся морем, а потому и попадал под подозрение.

В то самое время, как в Нормандии, в Пикардии, в центре, на Рейне останавливались бумагопрядильни, французский консул [30] доносил из Сен-Жан д'Акра, что «у Солимана-паши есть 20 000 квинталов хлопка», с которыми означенный паша не знает, что делать; и консул месяцами просил, чтобы паше позволили провезти этот хлопок во Францию и при этом позволили бы его кораблям по пути подвергнуться визитации англичан. Но принцип, положенный в основу миланского декрета, мешал этому.

Одним из существенных последствий изгнания заморского колониального хлопка было сильное понижение качества бумажных материй: фабрикант должен был покупать не то сырье, которое ему бы хотелось купить, а то, которое он находил на рынке [31]. Прежде французские бумагопрядильни не знали и знать не хотели грубый македонский хлопок, а теперь, в 1810 г., он был как бы «насильственно введен», и это вызвало падение качества вырабатываемых во Франции тканей [32].

15 марта 1811 г., в годину кризиса, килограмм хлопка в Руане стоил: сорт Пернамбуко — 18 франков 40 сантимов, луизьянский — 13 франков 50 сантимов, левантийский — 10 франков. (К концу 1811 г. можно отметить некоторое падение цен на хлопок, доходящее до 5—6 и временами до 10%, сравнительно с весенними ценами 1811 г.) Это некоторое понижение цен отчасти объясняется уже констатированным нами (в другой главе) явлением — широко развившейся в 1811 г. системой лиценций, повлекшей большой ввоз в Империю хлопка.

6 декабря 1811 г. Наполеон издал декрет, позволявший ввоз во Францию испанского хлопка (так называемого *motril*'я), который по длине и тонкости волокна, а также по крепости его не уступал лучшему американскому сорту, вывозившемуся прежде из Георгии. Но ввоз этого сырья из Испании был обусловлен одновременным вывозом из Франции в Испанию шелковых тканей на ту же цену. Это обстоятельство помогало шелковой промышленности, но вредило бумагопрядильной: продажа шелка в Испании была убыточна (уже из-за тарифа) и сильно удорожала испанский хлопок. В первые же месяцы обнаружились эти недочеты декрета от 6 декабря. Приходилось в явный для себя убыток покупать шелковые материи, вывозить их в Испанию, лишь бы раздобыть нужное количество хлопка [33].

И до конца своего царствования Наполеон не переставал зорко следить за ввозом хлопка во Францию не только из Америки, но и из Испании, и из Италии, и из стран Леванта.

Целый ряд докладов (министра финансов) и *специальных* декретов Наполеона относится к этим всякий раз строжайше индивидуальным разрешениям ввезти в Империю то или иное (иногда очень скромное) количество хлопка [34], индиго [35], кошенили [36].

В регистре, куда вписывались входящие в императорскую канцелярию бумаги и записывались резолюции Наполеона, мы встречаем постоянно просьбы то о разрешении ввезти 82 кипы хлопка, то 269, то 150 и т. д.; и эти просьбы пересылались императору в Смоленск, в Москву, потому что никто не смел, кроме него, решать подобные дела в окончательной инстанции. И *всегда* эти просьбы сопровождаются обязательством вывезти на ту же цену французские товары, половину (по крайней мере) шелковыми материями [37].

О том, какую роль в доставлении во Францию хлопка могли играть отношения между Империей и Соединенными Штатами, читатель уже прочел в главе, специально посвященной истории этих отношений. Здесь приведу лишь таблицу, специально относящуюся к ввозу хлопка из Соединенных Штатов во Францию от начала до конца правления Наполеона и в первые годы Реставрации [38].

Вот сведения о количестве хлопка, ввезенного из Северо-Американских Соединенных Штатов во Францию:

Год	*Фунтов*
1801	844 728
1802	1 907 849
1803	3 831 840
1804	5 946 848
1805	4 504 329
1806	7 082 118
1807	6 114 358
1808	2 087 450
1809, 1810, 1811	Нет сведений о непосредственном ввозе
1812	913 433
1813	10 200 348
1814	1 661 085[39]
1815	19 978 143
1816	18 024 567

Колоссальная цифра 1813 г. объясняется как широчайшей выдачей лицензий в этом году, так и постепенным ослаблением таможенной охраны, которым сопровождались военные успехи союзников. И все-таки в 1813 г. этот ввоз еще не успел повлиять на удешевление хлопка.

Как только Империя пала и ввозу хлопка уже не было препятствий, это сырье сейчас же появилось в колоссальных количествах на всех рынках.

Вот цены на хлопок низшего сорта и на хлопчатобумажную пряжу (в килограммах) в последние годы наполеоновского царствования и в первый год после падения Империи и уничтожения континентальной блокады (цены относятся к восточным департаментам) [40]:

Годы	Цена в франках и сантимах	
	хлопка	пряжи
1811	14.85	25.61
1812	13.68	25.68
1813	14.87	25.22
1814	6.89	14.02

Мы видим внезапное падение непомерно высокой цены на хлопок, едва только запретительная таможенная пошлина прекратилась (вместе с существованием Империи).

2

Теперь посмотрим, как отражался этот недостаток в дешевом и доступном сырье на общем положении хлопчатобумажной промышленности в эпоху Империи и каково было общее состояние этой промышленности в это время.

Нужно вообще различать в истории хлопчатобумажного производства во Франции после декрета от 22 февраля 1806 г. четыре периода: 1) быстрый рост, вызванный спросом на огромном внутреннем рынке, обеспеченном отныне от всякой легальной конкуренции, заметен в особенности в 1806—1807 гг. и в течение весенних месяцев 1808 г. 2) В половине 1808 г. наступает кризис, вызванный недостатком сырья; острота этого кризиса перестает ощущаться в 1809—1810 гг. 3) В ноябре 1810 г. надвигается новый кризис, на этот раз преимущественно кризис *сбыта*, хотя одновременно в некоторых местностях ощущается и вновь обострившийся недостаток сырья, вызванный трианонским тарифом. Кризис принимает в зимние месяцы 1811 г. размеры бедствия и заканчивается летом этого года. 4) Со второй половины 1811 г. до середины, или, может быть, точнее — до осени 1813 г.,— период сравнительно устойчивого положения хлопчатобумажной промышленности, без особо острой нужды в сырье и без ощутимых потрясений на рынке сбыта. Этот период кончается военными катастрофами, которые осенью 1813 и весной 1814 г. испытала Империя, с наплывом английских и иных иностранных товаров по мере сокращения и отступления таможенных линий, с начавшимися разорением и оккупацией французских областей и временным параличом торгово-промышленной жизни страны. В этой главе согласно вышеотмеченному плану будут рассмотрены судьбы хлопчатобумажной промышленности *до* кризиса 1811 г.

В обычном exposé, представленном министром внутренних дел Законодательному корпусу при открытии сессии 24 августа 1807 г., «спасительному декрету от 22 февраля 1806 г.» приписывается самая благодетельная роль. *До* этого момента «наши прядильни были под угрозой полного бездействия, магазины были завалены, мастерские — в упадке, тысячи рабочих — без занятий. Их голос был услышан главой государства», и теперь, в 1807 г., все поправилось [41].

Уже летом 1807 г. настойчиво отмечалось министерством внутренних дел, что в то время, как почти вся остальная промышленность во Франции страдает, хлопчатобумажное производство быстро идет в гору и кое-где дает работу всем свободным рабочим рукам [42]. Правительство прямо приписывало это декрету от 22 февраля 1807 г. [43]

Современники настаивали на заметном уменьшении сбыта продуктов шерстяного производства в пользу хлопчатобумажного и констатировали это уменьшение прежде всего в деревне [44].

В департаменте Соммы все текстильное производство, *кроме* хлопчатобумажного, было в упадке в 1807 г. Зато хлопчатобумажное дало заработок большому количеству ткачей [45]. Но хлопковый голод 1808 г. нанес серьезный удар этой быстро шедшей в гору отрасли текстильной промышленности.

1 января 1806 г. в департаменте Соммы существовало 12 бумагопрядилен с 18 342 веретенами, а к 1 января 1809 г.— 29 бумагопрядилен с 39 802 веретенами, так что увеличение за три года было, действительно, весьма значительным. Мало того: это увеличение прогрессировало всего быстрее именно в последние месяцы 1808 г. (за шесть месяцев, с мая до ноября 1808 г., увеличение на $^1/_6$ часть общего количества, бывшего до мая, за ноябрь и декабрь 1808 г.— на $^1/_{11}$ часть общего количества, бывшего до 1 ноября). Что же круто остановило этот быстрый рост? Прежде всего и больше всего дороговизна и недоступность хлопка [46].

Но очень опрометчиво было бы заключить, что сбыт бумажных материй прогрессировал параллельно с увеличением числа прядилен: ничего подобного не было. Напротив, сбыт падал в течение всего 1808 г. Чем же объясняется это странное на первый взгляд противоречие? Префект объясняет его тем, что с весны 1808 г. стали все более и более пользоваться левантийским хлопком, который, по существу своему, должен был обрабатываться почти исключительно mull-jennys, и эта обработка давала сравнительно очень мало материала, поступающего дальше на работу. Таким образом, даже считая, что в департаменте действовало 200 mull-jennys (на 29 мануфактурах) и что каждая mull-jenny обладала 200 веретен, то и в таком случае в месяц было бы выработано 14 тысяч килограммов (28,8 тысячи фунтов) *пряжи*, а из этого количества можно было бы выработать лишь 1920 штук бумажной материи (по 15 фунтов штука). Таким образом, в сбыт поступало меньше товара, чем в те времена, когда можно было работать не над левантийским хлопком, а над колониальным или американским. Вместе с тем качество всего производства значительно ухудшилось за 1808 г. [47]

Как отразились все эти обстоятельства на численности и положении рабочих? Самым злокачественным образом. Именно вследствие распространенности mull-jennys (из 29 мануфактур 27 имели эти машины) количество прядильщиков было незначительно сравнительно с количеством ткачей, а ткачи именно и оставались без дела ввиду скудного количества пряжи, получавшейся из левантийского хлопка и поступавшей в ткацкие.

В г. Амьене (с окрестностями), где сосредоточена была бумагопрядильная промышленность всего департамента Соммы, в этом производстве числилось к 1 января 1806 г. 20 348 рабочих (из них 2768 прядильщиков, 15 200 ткачей, 2380 человек, занятых прочими функциями бумаготкацкого дела). К 1 же января 1809 г. общее число рабочих было равно всего 4559 (2812 прядильщиков, 1290 ткачей, 201 человек, [занятых] остальными функциями, и 256 ткачей, занятых исключительно тканьем так называемых *calicots guinées* — эта отрасль производства в Амьене не существовала до 1806 г.). Число безработных (в бумагопрядильной индустрии) исчислялось к 1 января 1809 г. в 15 789 человек. Префект считает это состояние дел «плачевным», уменьшение числа рабочих — «ужасающим» [48].

В департаменте Нижней Сены (как в Руане и Руанском округе, так и во всех прочих округах) к 1 мая 1808 г. числилось в общей сложности 391 388 веретен (из них 349 384 на mull-jennys и 42 004 en continues). Из этого количества *работало* 1 мая 1808 г. 390 304 веретена, а 1 ноября 1809 г.— 109 519. Рабочих же работало: 1 мая 1808 г. 14 496 человек, а 1 ноября — 4358 человек. Так обстояло дело с пряжей хлопка. Что касается тканья, то 1 мая 1808 г. было в действии 72 978 станков и работало 105 814 ткачей, а 1 ноября действовало 34 916 станков и работало 49 610 человек [49]. Какова причина этого страшного упадка? Дороговизна хлопка, недоступность цен на окрашивающие вещества, без которых немыслимо, в частности, ситцевое производство [50]. Последствия (помимо указанного) — ухудшение производства, фабрика рассчитывает лишь на сбыт грубых и дешевых материй [51].

Там, где бумагопрядильная промышленность находится в совершенно распыленном состоянии, где она почти вся в руках кустарей, где даже и приблизительные цифры даются скудно, все равно подтверждается, что причиной жестокого кризиса является дороговизна сырья — хлопка. Так обстоит, например, дело в департаменте Роны, где в деревнях *десятки тысяч* заняты прядением хлопка: дела процветали еще около 1 мая 1808 г., ибо декрет о запрещении ввоза иностранных материй в высшей степени благотворно повлиял на эту отрасль индустрии, но к 1 ноября 1808 г. «можно утверждать, что производство сократилось наполовину» из-за дороговизны хлопка и сокращения сбыта [52].

Вообще зимой 1808 г. хлопчатобумажное производство в Труа, Сен-Кантене, Руане, Амьене сильно страдало от недостатка хлопка, и началась безработица, особенно в Амьене, который даже потребовал ассигнования сумм для устройства земляных работ (чтобы дать заработок безработным) [53].

В Северном департаменте к 1 мая 1808 г. в бумагопрядильном производстве числилось 133 032 веретена mull-jennys и 5232 en continue, а 1 ноября — 101 328 веретен mull-jennys и 3788 en continue. Рабочих же, занятых прядильным делом, 1 мая было 3384, а 1 ноября — 2134 человека [54].

Там же в *бумаготкацком* производстве 1 мая 1808 г. работало 8679 ткацких станков, а при них 11 556 ткачей, а 1 ноября 1808 г.— 4418 станков и при них 5125 человек. А это один из самых промышленных департаментов, где находятся города Лилль, Камбре, Туркуен, Рубе [55].

Уменьшение производства в департаменте Roer объясняется тоже «недостатком сырья, трудностью его достать и задержками в его получении», высокими пошлинами, требованием от продавцов хлопка «удостоверений в происхождении его», недостатком красящих веществ. Все это влечет за собой невозможность конкурировать с иностранными мануфактурами, которые более дешево покупают сырье [56].

Согласно исчислению (правда, весьма «приблизительному», по собственному признанию считавших), сделанному министерством мануфактур и торговли только в 1813 г., в департаменте Сены (т. е. г. Париже с окрестностями), в первой половине 1808 г. в хлопчатобумажных прядильнях работало 6779 рабочих, во второй половине того же года — 3976 человек, в 1810 г.— 7500 человек, в 1811 г.— 5700 человек, в 1812 г.— 7 тысяч человек [57].

Вот общие данные о числе рабочих (как прядильщиков, так и ткачей), занятых в хлопчатобумажном производстве в мае 1808 г. и в ноябре 1808 г. Эти цифры я беру из документа, который говорит не о всей Империи, а о тех 11 департаментах, где хлопчатобумажная промышленность развита больше всего. Привожу некоторые характерные данные [58] (см. табл. на стр. 383 — *Ред.)*.

Почти всеобщий (за вычетом немногих исключений) и крутой упадок производства сказывается в конце 1808 г. сравнительно с его началом и в промышленных, и в малопромышленных округах. Где была возможность прислать в Париж цифровые данные, там об этом упадке свидетельствуют цифры; где нельзя было, там свидетельствуют категорические уверения префектов: производство уменьшается (а кое-где и вовсе останавливается), безработица охватывает обширные районы (на севере и в центре особенно), машины, где они есть, стоят без дела, и все это потому, что нет хлопка.

Известия о бедствиях от хлопкового голода приходили отовсюду. В августе 1808 г. Наполеон побывал в Нанте и был *поражен* тем упадком, в котором находились бумагопрядильни *из-за недостатка и дороговизны сырья* [59]. Чтобы вообще спасти

Департамент	Округ	Число заведений	Число прядильщиков в мае 1808 г.	Число прядильщиков в ноябре 1808 г.	Число ткачей в мае 1808 г.	Число ткачей в ноябре 1808 г.
Côte d'or	Dijon	5	189	135	24	31
Escaut	Gand	6	1 523	752	567	443
Eure	Audenarde	4	1 121	730	1 537	1 049
	Pontaumer	4	292	48	25	—
	Louviers	16	1 405	715	651	107
	Evreux	1	750	380	150	48
	Andelys	4	650	290	85	30
	Bernay	1	680	400	4 000	2 500
Seine-Inférieure	Rouen	80	42 176	3 412	78 410	29 440
Aube	Troyes	5	287	327	3 050	3 051
Lys	Courtrai	8	635	385	621	620
Roer	Crevelt	28	1 357	440	2 648	1 550
Maine-et-Loire	Beaupréau	Не показано	3 160	2 080	600	600
Seine-et-Oise	Versailles	1	400	260	2 400	1 400
Bas-Rhin	Strassbourg	2	439	212	439	439
Nord	Cambrai	3	224	89	2 191	410
	Lille	64	3 000	1 885	8 153	4 552

как-нибудь нантскую промышленность, он (декретом от 11 августа 1808 г.) пообещал (и дал) казенные заказы и авансы тем фабрикантам, которые от бумагопрядильного производства перейдут к *шерстяному*; аванс должен был выдаваться по расчету 60 франков за каждого рабочего, который работает на данную мануфактуру. Эта мера привела к массовой замене бумагопрядилен шерстяными мануфактурами в г. Нанте (за одно только время с октября 1809 г. до конца апреля 1810 г. *тридцать девять* бумагопрядильщиков-предпринимателей этого города превратилось в суконщиков)[60]. Министр Монталиве льстиво поздравляет его величество со «счастливым успехом» его меры, но это поздравление могло бы быть сочтено за иронию, если вспомнить, что Наполеон с большим жаром относится именно к насаждению и укреплению бумагопрядильного дела во Франции.

Таким образом, сложные экономические последствия создавшегося положения вещей сказывались в весьма существенных вопросах иногда самым неожиданным образом. В эпоху расцвета наполеоновского владычества ощущается серьезный недостаток хлопка, и его не хватает на французские мануфактуры; притом правительство устанавливает тот любопытный факт, что не столько даже не хватает сырья для бумажной пряжи, сколько не хватает бумажной пряжи для тканья материй. При той организации производства, которая во Франции существовала, эти две операции: 1) пряжа и 2) ткацкий промысел, были в подавляющем большинстве случаев, как мы уже знаем, вовсе не сосредоточены в одном здании или даже в одном предприятии, а разбросаны в разных местах, даже так, что в одних местностях преобладала пряжа, а в других — ткацкий промысел, и читатель уже знает, что между представителями обеих категорий текстильного производства случились антагонистические отношения. Так было и теперь. Германские страны и Швейцария, находившиеся прямо или косвенно под наполеоновским игом, нуждались в 1808 г. и в хлопке, и в пряже, и притом еще больше, нежели Франция, так как или не имели вовсе береговой линии (Швейцария, Саксония, Бавария, Рейнский союз и т. д.), или имели береговую линию малую, и *поскольку в первые времена блокады* еще не наладился у них контрабандный английский ввоз, еще менее, чем Франция, могли снабжать себя хлопком. Но так как покупка сырья у французов была для остальной Европы немыслима, то эти страны стали в громадных количествах скупать французскую бумажную пряжу. Прядильщики ликовали, но ткачи во Франции оставались без работы. Французское правительство отлично понимало, что этот колоссальный сбыт пряжи за границу объясняется причинами искусственными, континентальной блока-

дой, тем, что по воле Наполеона Европа до поры, до времени лишена хлопка [61], а вовсе не чем-либо иным; оно понимало также, что, несмотря ни на что, во Францию же будут потом контрабандным путем ввезены бумажные материи, выделанные в Германии или Швейцарии, если вследствие вывоза пряжи остановятся французские ткацкие станки [62]. Поэтому решено было временно воспретить вывоз пряжи. Правда, могущественно развившаяся (особенно с 1809—1810 гг.) английская контрабандная торговля очень скоро пришла на помощь нуждавшимся в хлопке и в пряже саксонским и швейцарским ткачам.

Круто разошлись интересы ткачей и прядильщиков и в 1809 г., во время продолжавшегося хлопкового голода: ткачи молили правительство о разрешении ввоза иностранной пряжи, а прядильщики — о распространении этого запрещения на все сорта пряжи, откуда бы они ни ввозились [63].

Нужно сказать, что в самых промышленных департаментах ткачи очень жаловались, что французские бумагопрядильни *не могут* еще доставить им такую тонкую пряжу, которая нужна для фабрикации высших сортов материи; они не переставали жаловаться и просить избавить их от зависимости, от необходимости довольствоваться только теми сортами пряжи, какие умеют выделывать французские прядильщики [64]. Таким образом, мы видим, что спор, начавшийся перед лицом императора в феврале 1806 г., накануне издания запретительного декрета, и решенный в пользу прядильщиков, продолжался...

Иногда в 1808—1809 гг. подчеркивается даже, что в затруднениях, испытываемых бумагопрядильнями, виновато не столько вздорожание хлопка, сколько законодательство вообще, *мешающее* покупать его хотя бы за дорогую цену [65].

И все-таки зима 1808/1809 г. прошла для промышленности хлопчатобумажной легче, нежели того опасалось правительство; с весны 1809 г. жалобы на отсутствие хлопка становятся реже.

Можно сказать, что из-за одного только хлопкового голода кризисов более не было: в 1809 г. американцы, в 1810—1811 гг. лиценциаты несколько пополнили запасы хлопка, хотя все-таки страшное его вздорожание после трианонского тарифа с осени 1810 г. очень болезненно давало себя чувствовать. Но зато хлопчатобумажная промышленность испытала (как и другие отрасли производства) жестокий кризис *сбыта*, и именно зимой 1810/1811 г. Но об этом речь в особой главе, посвященной названному кризису.

Здесь пока скажу еще несколько слов о внешнем сбыте бумажных материй. Если внутренний рынок был упрочен еще декретом от 22 февраля 1806 г., то на рынке внешнем французам, как мы уже знаем, пришлось сталкиваться и с английской

контрабандой, и с победоносной саксонской, швейцарской, отчасти богемской конкуренцией.

Французское правительство не обманывало себя[66]. Единственная надежда на то, что «можно попытаться что-либо сделать», возлагается министром внутренних дел на то, что все-таки благодаря блокаде английские материи проникают в сильно уменьшенном количестве и что саксонские мануфактуры не *всему* немецкому спросу могут удовлетворить. Но чтобы иметь хотя тень надежды на успех, необходимы вывозные премии в усиленном размере. Уже в апреле 1806 г. была установлена как пошлина за ввоз хлопка в 60 франков за квинтал, так и вывозная премия — в 50 франков за квинтал вывозимых материй. Но помимо того, что, во-первых, значит, есть все же разница в 10 франков, нужно принять еще во внимание, что из квинтала хлопка не получается квинтала материи — при обработке нужно считать потерю в весе приблизительно в 10%; наконец, квинтал материи обложен еще военным налогом (le décime des subventions de guerre) в 6 франков. Следовательно, вывозная премия возвращала экспортеру материи лишь около $^2/_3$ тех пошлин, какие он уплатил при покупке сырья. Но затем в 1810 г. были введены трианонским тарифом усиленные пошлины на хлопок. За квинтал бразильского, кайенского, суринамского хлопка, как уже отмечено выше, уплачивается 800 франков пошлины (а с военной décime — 880 франков), за каролинский, виргинский, низший сорт хлопка Георгии и «всех других стран, кроме Неаполя и Леванта»,— 600 франков (с décime — 660 франков), за квинтал неаполитанского хлопка — 198 франков (с décime), за левантийский — 220 франков, если он доставлен по суше, и 440, если — по морю[67], прежних вывозных премий теперь уже было мало.

Решено было ради успешной борьбы за немецкий рынок против саксонской текстильной промышленности и английской контрабанды соответственно усилить вывозные премии и довести так называемый *drawback* — «возвращение» части уплаченной ввозной пошлины (на хлопок) — до $^2/_3$ этих новых пошлин 1810 г.

Летом 1811 г. Наполеон в принципе решил установить вывозную премию для бумажных материй французских мануфактур, которые вывозятся в Германию. Решено было при вывозе возвращать фабриканту сумму, равную той части пошлины, которая была уплачена за ввоз во Францию количества хлопка, необходимого для выделки данного количества вывозимых материй. Но министр внутренних дел предупреждает императора, что независимо от контрабандного проникновения английских тканей в Германию очень серьезная конкуренция грозит именно со стороны Саксонии[68].

Что там, где континентальная блокада *не* действует, французская хлопчатобумажная промышленность не может и мечтать о борьбе с английской, что «нелепо» и думать, например, о завоевании левантийских рынков,— это Наполеон высказал однажды (в 1811 г.) вполне определенно [69]. Но с тем бо́льшим упорством он стремился монополизировать те рынки, где его политическая мощь могла помочь ему это сделать.

Вот таблица [70], характеризующая представления наполеоновского правительства о сбыте французских бумажных материй на трех главных рынках: 1) в королевстве Италии, 2) в Германии, 3) в королевстве Неаполитанском (во франках):

	180 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.
Италия	1 459 000	7 932 000	6 283 600	7 012 400
Германия	55 600	1 180 400	1 180 800	3 050 200
Неаполь	280 000	122 700	402 500	906 200

К сожалению, о других рынках нет сведений. Нет возможности также дать себе ясный отчет, насколько вышеуказанные вывозные премии усилили сбыт французских бумажных материй на иностранных рынках после 1811 г. Впрочем, о хлопчатобумажной промышленности в 1811 и следующих годах речь будет в других главах.

Глава XXI

ШЕРСТЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА

Положение шерстяного производства в начале правления Наполеона. Крупные и мелкие предприниматели. Вопрос о сбыте. Сбыт внутренний и внешний. Вопрос о сырье. Получение иностранного сырья. Положение производства к концу Империи

Наполеон в начале своего правления застал шерстяную промышленность в таком же почти тяжелом положении, как и бумагопрядильную. Говорю «почти», так как суконщики имели сравнительно с владельцами бумагопрядильных мануфактур два больших преимущества. Во-первых, их поддерживали обширные и постоянные заказы военного ведомства; во-вторых, они не так нуждались в сырье. Но все-таки дела шли и тут очень тихо.

В 1800 г. лица, на обязанности которых лежала закупка сукон для обмундирования армии, констатировали общее весьма безотрадное положение этой отрасли промышленности в республике [1].

Правда, личные впечатления первого консула при посещении одного из главных районов суконного производства были гораздо лучше. Посетив в октябре 1802 г. Нормандию, Наполеон остался «очень доволен состоянием мануфактур Лувье и Ромильи» [2]. Однако этот радужный взгляд не разделялся промышленниками.

И хотя с водворением внутреннего порядка дела стали несколько поправляться, но все еще не настолько, чтобы заинтересованные, прежде всего фабриканты, могли чувствовать себя вполне хорошо. Чему приписывалось печальное положение вещей?

В сентябре 1802 г. в министерство внутренних дел был подан небольшой мемуар [3] (он не подписан и по архивной папке значится «анонимным»; судя по ответной бумаге министерства, на него там обратили внимание). Автор мемуара озаглавил его так: «Causes du dépérissement de la fabrique de Reims», и говорит именно о падении суконного производства в районе Шампани, но его соображения встречаются много раз и в современных ему заявлениях промышленников других районов [4].

Причинами упадка этой отрасли промышленности он считает: во-первых, спекуляции с шерстью, которую скупают тотчас же после стрижки и перепродают значительно дороже; во-вторых, злостные и многочисленные банкротства, страшно подрывающие цену на фабрикаты; в-третьих, воровство (les vols énormes) со стороны рабочих, которые теперь (1800 г.) без надзора и против которых хозяин бессилен; в-четвертых, возможность совместительства, легкость для каждого сделаться «фабрикантом», даже для кабатчика, который скупает у рабочих украденное ими у своих хозяев сукно; в-пятых, высокий процент на капитал: в-шестых, дороговизна рабочих рук, вызываемая дороговизной хлеба. Хлеб и съестные припасы так дороги, что рабочему, несмотря на высокую плату, еле хватает на пропитание, а совсем уже *не* хватает на одежду, так что «и это вредит потреблению», именно тому, которое нужно шерстяным фабрикантам. Мемуар кончается снова жалобой на безграничную свободу промышленности, на то, что «в Реймсе должно было бы быть 200 фабрикантов, а их там больше 1000», что и вредит сбыту.

Министерство ответило по пунктам на эти жалобы. Относительно первого пункта оно ответило, что указываемое зло «исчезнет само собой от пробуждения торговой деятельности». Относительно второго, третьего и четвертого пунктов было отвечено, что «новый торговый кодекс и новый закон об охране порядка в мануфактурах» помогут делу. Относительно высоты процента на капитал и дороговизны рабочих рук министерство объявило, что «оно не имеет прямых средств» бороться с этим явлением. Наконец, чтобы не было сомнений, что в пункте четвертом министерство усмотрело только жалобу на легкость сбыта краденых материй посторонним лицам, прикрывающимся патентом, министерская бумага кончается указанием, что какие бы то ни было искусственные стеснения и ограничения числа фабрикантов, даже путем повышения цены патента, «противны интересам промышленности» [5].

Нужно к слову сказать, что местные власти в эпоху Консульства тоже нередко подтверждали, что суконная промышленность страдает от кустарей.

Префект департамента Лозеры от имени владельцев шерстяных мануфактур своего департамента просит (в августе 1800 г.) об установлении строгого надзора за «маленькими фабрикантами», которые «в погоне за наживой» недобросовестно относятся к делу, плутуют при выделке ткани и т. д. Заинтересованы в этом надзоре не только потребители, но также и *скупщики* материи, выделываемой этими «маленькими фабрикантами» [6]. Но читатель знает уже из предшествующего изложения, что именно в области шерстяного производства

(как и полотняного) «маленькие фабриканты», мелкие, единичные производители, разбросанные по городам и особенно по деревням, играли огромную роль. Конечно, были и крупные фабриканты, но они были и здесь редким исключением; был и в этой области промышленности свой промышленный магнат, но у него рабочие в большинстве только получали заказ, а работали у себя на дому. Это был Терно.

В области шерстяной промышленности ту роль, которую в упомянутых других отраслях текстильного производства играли Оберкампф и Ришар, играл суконщик Терно, владелец нескольких громадных предприятий. Еще до революции он основал суконную мануфактуру в Седане, которая накануне революции давала работу более нежели 3 тысячам человек, а за революционный период сильно пала, так что к концу революции на ней работало лишь 15 станков. В 1800 г. Терно успел настолько поправить дела, что у него работало уже более 150 станков (он ставит себе это в большую заслугу на том основании, что «все шерстяные мануфактуры были, так сказать, уничтожены»). С этого времени его заведение заняло первое место во Франции в этой области производства. В 1807 г. оно давало работу «как в своих стенах, так и извне» 2400 рабочим. Второе заведение Терно было расположено в Сопоне (учреждено в 1802 г.), в Арденнских горах; оно давало работу 500 человекам. Третья его мануфактура (существующая с 1802 г.) в Энсивале, недалеко от Вервье, давала работу 1400 рабочим. Четвертая мануфактура, в Реймсе, учрежденная в 1799 г., давала в 1807 г. работу более нежели 3 тысячам человек. Пятая (тоже в Реймсе) давала работу 1800—2000 человек, шестая (там же) — 350—360 человекам. Седьмая (в Лувье), учрежденная в 1800 г., давала работу 700 человекам. Наконец, особое заведение для промывания шерсти, устроенное Терно в Отейле, давало работу 70 человекам. Кроме того, у Терно была (в Париже) особая мастерская специально для изготовления станков и механических приспособлений, которые потом отправлялись отчасти на его же мануфактуры, отчасти шли в продажу. Он хвалился, что эта мастерская выделывала инструменты «по образцу англичан».

Помимо этих чисто промышленных заведений, Терно обладал в Париже, Ливорно, Неаполе, Петербурге, Байонне, Байе (Bayeux) торговыми домами и складами, связанными со сбытом производимых сукон, шерстяных, фланелевых, кашемировых тканей и т. п.[7] Но, повторяю, Терно был исключением.

1. С точки зрения сбыта, владельцы шерстяных мануфактур при Наполеоне были поставлены в выгодные условия; да они на плохой сбыт обыкновенно и не особенно часто жаловались в эпоху 1800—1812 гг.

Например, Лионская торговая палата в ноябре 1808 г. жалуется вовсе не на дурной сбыт шерстяных товаров; напротив, на армию нужны такие огромные количества сукон, что шерсти не хватает, и можно опасаться, что ее вскоре уже не станет [8]. Если кто мог себя хорошо чувствовать вследствие установления континентальной блокады, так именно французские суконщики: внутренний рынок Империи, в значительной мере рынок Италии были за ними обеспечены; конечно, им вредила чувствительно контрабанда, но все же меньше, чем она вредила, например, французским бумагопрядильням и бумаготкацким мануфактурам. Сукна английские были и дороже, и провезти их контрабандой было труднее; разница в цене между английским товаром и французским не могла быть такой большой, потому в этой области и машинное производство не играло такой роли, и сырье у французов было в значительной степени свое, а привозное не обходилось им дороже, чем англичанам. Правда, они не могли завоевать среднеевропейский рынок, где им пришлось, как мы видели в своем месте, встретиться с конкуренцией более дешевого саксонского, бергского, швейцарского, богемского производства.

Но именно в этой области текстильной промышленности были такие отрасли фабрикации, которые в целых районах были рассчитаны только на заграничный сбыт. Шерстовязальное производство, судя по некоторым отзывам, оказывалось при Наполеоне чуть не единственным [9], которое работало почти *исключительно* на чужие земли — именно на страны Леванта, и промышленники просили правительство покровительствовать им во владениях турецкого султана: границы наполеоновских завоеваний вплотную придвинулись к Турции, и сбыт мог идти сухим путем. В начале 1812 г. шерстовязальные заведения в Марселе, выделывавшие главным образом шапки для сбыта в страны Леванта, давали работу от шести до семи тысяч рабочих. Шерсть доставлялась из завоеванных частей Испании, из Италии (Римской области и Апулии), отчасти потреблялась туземная — из Лангедока и Прованса; окрашивающие вещества доставлялись тоже отчасти из Прованса, отчасти из Голландии. Промышленники эти хвалились тем, что они *получают* все нужное из непосредственно подчиненных Наполеону или вассальных земель, а *работают* на чужие земли [10].

Другое показание, особенно характерное потому, что оно касается даже отсталых в промышленном отношении местностей: шерстяное производство в департаментах Обоих Севров, Eure, Hérault, Верхнего Рейна в 1807 г. стойко держится: оно удержало за собой внутренний рынок и отчасти завоевало *новый*. Департамент Верхнего Рейна стал с 1807 г. работать на Италию и Швейцарию; департамент Обоих Севров стал

работать на Италию и Испанию [11]. Я уж не говорю о Седанском районе, о районе Нормандском (Руан, Лувье): тонкие сукна этих районов имели постоянный сбыт не только на внутреннем рынке, но *даже* и в германских государствах, где из-за конкуренции более дешевых местных материй не сбывались простые сорта французских.

Бельгийские шерстопромышленники с восторгом говорили о запретительной таможенной политике Наполеона и его предшественников. Гентские суконщики и фабриканты шерстяных материй, объединявшиеся одним термином Wolle-Wevers, прямо заявляли правительству, что они были *задавлены* до запретительного закона от 10 брюмера V года. Они так и изображали историю суконной промышленности на своей родине: 1) с IX столетия до XVI — процветание; 2) с XVI столетия до закона от 10 брюмера V года — полный упадок, и не только вследствие неумелого хозяйничанья австрийского дома, но и вследствие всесокрушающей конкуренции англичан; наконец, 3) воскресение к новой жизни с 10 брюмера V года. И они в эпоху перед Амьенским миром очень тревожились, как бы этот благодетельный для них закон не был изменен, и умоляли правительство этого не делать [12]. Они (как и другие промышленники континента) не верили в возможность бороться против английской конкуренции, например, при помощи высоких «запретительных пошлин»: англичане пойдут на все жертвы, будут целый ряд лет торговать себе в убыток [13], лишь бы уничтожить соперников и отвоевать рынок в свое монопольное владение. Только прямое и безусловное запрещение английского ввоза может быть целесообразным.

Шерстяной промысел, которым Фландрия славилась не «в средние века», как пишет префект [14], а в XIV—XVI вв., к началу XIX столетия сильно пал. Выделывались (в департаменте Шельды) лишь грубые шерстяные ткани для местных нужд. Развились и ситцевые мануфактуры: в одном Генте их числилось (в 1810 г.) до восемнадцати.

Конечно, южные шерстопрядильни и шерстоткацкие заведения, работавшие преимущественно на Испанию, сильно страдали от разорившей Испанию длительной войны. В Монтобане и Монтобанском округе, где *некогда* (jadis) до 5 тысяч человек работало над выделкой кадисовых и других простых шерстяных сортов, к 1809 г. осталось не более половины этого числа [15]. Но в общем промышленники, занятые в этой отрасли, мало жаловались на плохой сбыт.

Во Франции часто в эти годы высказывалось убеждение, что *качества* французской суконной фабрикации настолько высоки, что ни одна страна не могла бы вступить с ней в конкуренцию, *если бы* возможно было легко и дешево получать нуж-

ное сырье. Только тогда рынок, откуда вытесняются континентальной блокадой англичане, не будет занят саксонскими, богемскими, моравскими, швейцарскими фабрикатами [16].

Это нас приводит к рассмотрению другого огромной важности вопроса, тревожившего французских суконщиков больше, чем вопрос о сбыте: вопроса о сырье.

2. Как сказано, этот вопрос тут не имел того грозного значения, как в хлопчатобумажной промышленности. Для широкого внутреннего потребления нужны были простые материи, а для простых материй хватало в общем туземной французской шерсти. Но для выделки тонких сукон (а именно тонкими сукнами можно было привлечь часть покупателей на тех рынках, где безнадежно было предлагать свои простые сорта) необходима была испанская шерсть, и *ничто* ее заменить не могло. Простую шерсть Франция прикупала из-за границы в небольших количествах, а испанскую — закупали *все* мануфактуры, сделавшие своей специальностью фабрикацию тонких сукон.

Считалось, что во Францию (перед революцией) ежегодно ввозилось 15 тысяч кип шерсти из Саксонии, Польши, Валахии, Италии, варварийских стран (Северной Африки) и 25 тысяч кип из одной только Испании [17]

Наполеон с самого начала своего правления обратил внимание на необходимость избавить Францию от этой зависимости. Он приказал завести на казенный счет овцеводство (мериносов), и эти bergeries Impériales существовали с 1805—1806 гг. в Трире, Арле, Нанте, Пюи-де-Дом, в Ландах, в департаменте Roer'а (в Перпиньяне такая bergerie была устроена еще в 1799 г.) [18]. Но эти меры могли лишь с годами принести ощутительные результаты, а пока необходима была испанская шерсть.

По утверждению и промышленников, и скотоводов, распространение мериносов во Франции стало играть сколько-нибудь заметную роль лишь около 1810 г.; до начала завоевания Испании Наполеоном разведение мериносов было почти неизвестно даже в южных департаментах [19].

Стада мериносов по 15 тысяч голов под военным эскортом гнались из Испании во Францию по прямому приказу Наполеона [20].

Наполеон продолжал требовать, чтобы были приняты меры для распространения племенных испанских мериносов в самой Франции и для полной акклиматизации мериносов [21]. Но наряду с этим он, как мы видели уже в главе, посвященной Испании, деятельно стремился сделать французских суконщиков монопольными покупателями испанской шерсти. Англичане отвечали на это соответственными мерами. Он их стремился вытеснить силой; они стремились перекупить шерсть, в которой нуждалась Франция.

С 1808—1809 гг. многообразная война между Францией и Англией приняла еще одну форму: англичане «на глазах у французов» скупали и испанскую, и саксонскую, и богемскую шерсть и ставили этим французскую шерстопромышленность в очень трудное положение. Они, правда, могли это делать лишь «контрабандой», но большого утешения в этом для французов не было [22]. Правда, Наполеон, как мы знаем, в 1808—1810 гг. отправил из Испании во Францию несколько больших партий шерсти, забранной в покоряемых областях; англичане к этому способу прибегать не могли, но они зато широко пользовались фактически открытыми границами в восставших провинциях, и вывоз шерсти в Англию непрерывно продолжался.

Кто был удачливее в этой войне за шерсть? Неполные (к сожалению) данные говорят нам, что Англия. В Руане, в Антверпене, в городах Французской империи эта шерсть оказывалась дороже, чем в Англии. В ноябре 1811 г. 1 килограмм высшего сорта испанской шерсти (из провинции Леон) стоил [23]: в Амстердаме от 17 до 18 франков, в Антверпене — 20—21 франк, в Лондоне — от 14 франков 40 сантимов до 17 франков 10 сантимов. Другой тонкий сорт (сеговийский): в Амстердаме — 15 франков — 15 франков 60 сантимов, в Антверпене — 15—16 франков, в Руане — 16—17 франков, в Лондоне — 10 франков 80 сантимов — 14 франков 60 сантимов. Третий (тоже тонкий) сорт испанской шерсти (из Сории): в Амстердаме — 13 франков 20 сантимов — 14 франков, в Антверпене — 12—14 франков, в Лондоне — 9 франков 80 сантимов — 12 франков 60 сантимов.

Ряд банкротств, разразившихся в конце 1810 и начале 1811 г. в провинции, тяжко отразился даже на самых промышленных районах; там, где шерстяная промышленность лишь недавно стала прививаться, банкротства ее почти вовсе уничтожили [24], и только с 1812 г. дела в таких местностях стали кое-как поправляться.

3. Наполеон, как мы видели, сознательно, в интересах не фиска, а французской промышленности, приказал продавать секвестрованную испанскую шерсть по низкой цене, с рассрочками, со всевозможными льготами [25]. Но ему все менее и менее нравилось, что все еще без испанской шерсти нельзя обойтись и что продолжается также прикупка немецких простых сортов.

Суконщиков удручало, в особенности в 1811 г., то обстоятельство, что сильное понижение цен на сукна и вообще шерстяные материи вовсе не сопровождалось соответствующим понижением цен на шерсть [26]. А в это время правительство готовилось нанести им новый удар.

В ноябре 1811 г. император запрашивает у министерства внутренних дел сведения по вопросу, не нужно ли было бы

обложить высокой пошлиной шерсть, получаемую из Саксонии, с целью поощрить «торговлю отечественной шерстью», но его отговаривали, указывая, между прочим, что цены на французскую шерсть крайне низки не потому, что ввозится саксонская, но вследствие сокращения потребления [27]: ведь страна только что успела пережить тяжкий экономический кризис. Тем не менее Наполеон сделал то, что собирался сделать.

Декретом от 29 ноября 1811 г. он обложил ввозимую мериносовую или смешанную шерсть пошлиной в 30 франков за квинтал, а простую шерсть — пошлиной в 10 франков за квинтал. По сведениям правительства, во Францию ввозилось в среднем ежегодно на 29 304 730 франков заграничной шерсти (эта средняя цифра была выведена из данных о ввозе за 1799—1809 гг.) [28].

Совет мануфактур (который *не* был предварительно спрошен об этой мере) после некоторых колебаний и выражений неуверенности в своем праве критики [29] высказался решительно против этой меры, хотя сознавал, что она имеет целью поощрить разведение мериносов во Франции и, следовательно, в *конечном* счете направлена к удешевлению сырья.

Протест раздался не только со стороны суконщиков, но и со стороны военного министра. Он решительно обратил внимание министра внутренних дел на то, что если этот налог пройдет, то очень затруднится экономное обмундирование войск. Он категорически утверждал, что без саксонской, богемской, франконской, венгерской, валашской шерсти, без шерсти «большей части» германских стран, без шерсти левантийской, североафриканской (особенно тунисской) *не могут* обойтись не только французские мануфактуры, но и генуэзские и пьемонтские (его-то интересовали также и эти североитальянские мануфактуры, так как в случае нужды они могли бы легче всего быть использованы для поставок). Военный министр предлагал обложить простую шерсть пошлиной не в 10 франков, а в 20 сантимов за квинтал (т. е. дать ей свободный пропуск в Империю) [30].

Эта политика неуклонно проводилась Наполеоном до конца Империи. Он был недоволен тем, что промышленники все-таки предпочитают шерсть испанских мериносов шерсти недавно заведенных французских.

В 1813 г. владельцы стад чистых мериносов, а также метисов обратились к правительству с жалобой, что тонкая шерсть, которую они поставляют, не находит себе сбыта. Правительство (в июле 1813 г.) обратилось к Главному совету мануфактур и к «совещательным палатам» городов Эльбефа, Лувье, Вервье, Седана, Ахена и Штольберга (где была развита суконная промышленность) с извещением, что оно намерено *утроить* пошлину

на ввозимую из-за границы тонкую шерсть, дабы поощрить национальное овцеводство. Промышленники энергично и с горечью протестовали против этого проекта довести пошлину на иностранную тонкую шерсть до 90 сантимов за килограмм. Прежде всего они объясняют упадок сбыта этого сырья тем, что мериносы разводятся в последние годы в громадных количествах и во Франции, и вне Франции; далее, само же правительство бросило на рынок огромное количество (20 тысяч кип) тонкой испанской шерсти, продаваемой на самых льготных условиях казной, и это не могло не подорвать сбыта частных овцеводов. Принципиально же нельзя покровительствовать «земледельческой промышленности за счет промышленности мануфактурной». Во Франции, если считать самые первые опыты, улучшение овцеводства производится всего лет пятнадцать, а в Австрии и Саксонии оно производится уже пятьдесят лет, и однако там за это время никто не думал о введении запретительных пошлин на ввозимую из-за границы шерсть. Теперь в среднем килограмм тонкой шерсти во Франции стоит 4 франка, и этого вполне достаточно, чтобы овцеводы не имели права роптать.

Уже и теперь существующий налог на тонкую иностранную шерсть лишил французские мануфактуры нужного им сырья, сильно ухудшил положение суконной промышленности (особенно на левом берегу Рейна) и только способствовал процветанию германских мануфактур. Новая пошлина так удорожит производство тонких сукон, что иностранные мануфактуры совершенно вытеснят французов на европейских рынках и на рынках Леванта, тем более что саксонские и испанские овцеводы, лишившись из-за этой новой пошлины сбыта во Франции, конечно, должны будут продавать тонкую мериносовую шерсть по более дешевой цене иностранным (*не*французским) фабрикантам, и иностранное производство сукон подешевеет. Не помогут и вывозные премии (draw-back), предлагаемые правительством, особенно в тех ничтожных размерах, в каких эти премии предлагаются, да и обязанность вывозить тонкие сукна только через определенные таможни (где будет организована выдача этого draw-back'а) очень неудобна и стеснительна для торговли.

Вообще же эта пошлина, по утверждению совета, угрожает не только процветанию, но и существованию такой значительной (совет даже пишет *главной*) отрасли французской индустрии, как суконное производство; особенно опасно делать такие рискованные шаги, когда и без того вследствие войны сокращается количество звонкой монеты и торговля испытывает «тревожный кризис». А суконная промышленность «в текущий момент — почти единственная во Франции, которая еще дер-

жится»; но это ничего не значит, «достаточно одной неправильной фискальной меры, и это счастливое ее положение сделается столь же плачевным, как положение наших бумагопрядилен»[31].

Но в это время суконщики стали ощущать другое зло, особенно обострившееся именно к концу Империи.

Шерстяная промышленность испытывала «громадные затруднения» в последние годы Империи не вследствие недостатка шерсти (которой, как мы видим, было достаточно), но вследствие скудости в окрашивающих материалах, подвоз которых так тесно был связан с погибшей колониальной и морской торговлей. Это лишало Францию возможности успешно конкурировать с Саксонией, где и шерсть была очень дешева, и рабочий труд был дешевле, и индиго и другие окрашивающие вещества стоили вдвое дешевле, чем во Франции, а часто *втрое* и *вчетверо*[32]. И это обстоятельство грозило опять-таки больше всего выделке тонких сукон, вывозного товара, качествами которого французы гордились.

Но война, опустошавшая Саксонию в 1813 г., Францию в 1814 г., все равно не позволила французским суконщикам сразиться с их среднеевропейскими конкурентами на франкфуртской и лейпцигской ярмарках в последний год наполеоновского царствования.

4. Мы уже видели, что вообще данные о заработной плате в текстильной промышленности весьма скудны, а потому и трудно в точности проверить, действительно ли во Франции труд был настолько уж дороже, нежели за границей. К сожалению, о размерах заработка рабочих в шерстопрядильном и шерстоткацком производстве наши документы почти всегда молчат. Они ограничиваются лишь жалобами на то, что в Швейцарии, в Саксонии, в Богемии этот труд дешевле, чем во Франции.

Что средний заработок в шерстяном, например, промысле в центральной Франции был очень незначителен, мы можем заключить из отдельных, очень характерных показаний. Например, даже *не* в эпоху кризиса, не в конце 1810 г. или начале 1811 г., а в конце 1811 г. и в 1812 г., когда время было, поскольку касается состояния промышленности, среднее, нормальное, заработок был так низок, что иногда в целых департаментах люди бросали работу и предавались бродяжничеству и нищенству. Не было никакого соответствия между ценой на предметы первой необходимости и заработком в текстильных промыслах, и горе было населению в тех департаментах, где текстильные промыслы были не подсобными, а существенно важными статьями бюджета[33].

В департаменте Устьев Шельды рабочий день вязальщика-шапочника оценивался (1812 г.) в 2 франка 50 сантимов[34]. Между тем это очень промышленный и торговый департамент;

в других местах, как можно судить, сравнивая оценку дня в иных отраслях производства, рабочий труд был дешевле. Но это вязальщик, который работает и поштучно, и поденно. А так как ткач работает почти исключительно поштучно и при этом сплошь и рядом на дому, то оценить размеры его заработка документы наши и не пытаются. В еще большей мере это нужно сказать о *пряхах и прядильщиках*.

Пряхи в департаменте Aveyron, «если их берут в работу поденно, что́ бывает редко, получают в день 40—50 сантимов» на хозяйском иждивении. А ткачей, которые бы работали поденно, тут *вовсе* не бывает, они получают поштучно, от 30 до 40 сантимов за метр [35]. Вот одно из редчайших показаний этого характера. Никаких широких обобщений на основании таких единичных показаний, по-моему, строить нельзя. При работе на дому, при широкой распространенности самостоятельной мелкой фабрикации вопрос о заработной плате во всех отраслях текстильной индустрии оставляется документами совершенно в тени; и особенно в производствах шерстяном и полотняном, где совсем редок был тип мануфактуры с рабочими, работающими в помещении заведения, и где машинное производство сводилось, в сущности, к нулю.

Закончу общими цифровыми выкладками, касающимися шерстяной промышленности.

По подсчетам, произведенным в 1806—1807 гг., 99 департаментов в Империи занимаются обработкой шерсти; общее число заведений, выделывающих шерстяные материи, равно 7455, общее число рабочих — 278 тысячам. Сумма, на которую ежегодно выделывается в Империи шерстяных материй, равна 163 112 068 франкам. В начале 1813 г. в своем отчете, составленном для публики (и главное для Европы), министр внутренних дел Монталиве утверждает, будто шерстяных материй выделывается в Империи на 370 миллионов франков, причем на эту фабрикацию идет туземного сырья на 123 миллиона, привозного, заграничного — на 31 миллион, так что «чистая прибыль» от фабрикации — 210 миллионов. За границу же французских сукон продается на 28 миллионов (для курьеза замечу, что в одной таблице, приложенной к *этому* же отчету [36] Монталиве, вывоз сукон показан в сумме 26 826 950 франков). Сведения 1806—1807 гг. явно и заведомо неполны, правда, но отчет Монталиве 1813 г. слишком уж, так сказать, «полон» и цифры его сильно преувеличены. Не забудем, что в этом же отчете он утверждал, будто у Франции (весной 1813 г.!) под ружьем *девятьсот тысяч* солдат. С другими цифрами он обращался, несомненно, с той же непринужденностью. Что касается до цифр первого документа, то нечего прибавлять, что здесь посчитаны только более или менее большие заведения и

их рабочие (министерство об этом прямо предупреждало императора). Не посчитана огромная масса кустарей и одиноких, маленьких самостоятельных мастерских. Но напрасно было бы думать, что разница в цифрах между первым документом и печатным *Exposé* 1813 г. происходит оттого, что в 1813 г. эти кустари и мелкие производители были приняты в расчет: они и в 1813 г. оставались вполне недоступными для какого бы то ни было учета. Констатируя громадное увеличение шерстяного производства во Франции сравнительно с дореволюционными годами, Монталиве признает, что, «несмотря на улучшение стад», приходится теперь (1813 г.) выписывать шерсти из-за границы на 31 миллион франков, а до революции выписывалось всего на 14 миллионов. Но вся привозная шерсть это — исключительно *тонкие* сорта [37]; простые сорта во Франции есть в изобилии.

Не придавая особого значения цифрам печатного отчета 1813 г., можно тем не менее признать (в согласии с единодушными отзывами и показаниями представителей торгово-промышленного мира), что шерстяное производство в самом деле находилось к концу Империи в гораздо более благоприятном положении, чем когда бы то ни было с самого торгового договора 1786 г. И континентальная блокада имела для французских *суконщиков гораздо больше светлых сторон, нежели темных.* Вполне логично, что они, бывшие главными хулителями договора 1786 г., оказались восторженными поклонниками континентальной блокады.

Глава XXII

ШЕЛКОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Города Франции, где было развито шелковое производство. Организация производства. Заботы о сырье. Эксплуатация пьемонтских и заальпийских департаментов. Сбыт. Падение сбыта. Заботы Наполеона о шелковой промышленности. Ходатайство Лионской торговой палаты. Роль лицензий в истории шелкового производства при Наполеоне. Шелковое производство к концу Империи

В области шелковой промышленности Франция и до блокады, и после блокады не знала, в сущности, серьезных конкурентов, так что в *этой* области блокада принесла единственно только вред, отгоняя таких тароватых и многочисленных покупателей, как англичане, разоряя ганзейские города, затрудняя и стесняя всю внутреннюю и внешнюю торговлю страны.

Производство шелковых материй сосредоточено было в Лионе с его пригородами, но существовало оно отчасти и в других городах: Ниме, Туре, Сент-Этьене, Париже. Конечно, подавляющее первенство принадлежало Лиону. Что касается организации производства в этой отрасли, то об этом уже было сказано. Здесь повторю лишь, что эта организация не претерпела ни малейших изменений при Империи сравнительно с революционным периодом: *marchand*, глава предприятия, давал материал и заказы нескольким *ouvriers-fabricants*, или *maîtres-ouvriers*, или, как они чаще стали называться при Наполеоне, *chefs d'atelier*, работавшим каждый у себя на дому. Каждый chef d'atelier уже от себя давал работу одному-двум-трем и больше рабочим (*les compagnons*). Правила от 22 жерминаля в точном смысле регулировали, собственно, отношения между *chefs d'atelier* и *compagnons*. Но вследствие хлопот Лионской торговой палаты, всецело поддерживавшей интересы купцов-предпринимателей, законоположения от 22 жерминаля были распространены и на отношении между *marchands-fabricants* и *chefs d'atelier*: воспрещено было какому-либо купцу давать, а хозяину получать заказ без предъявления удостоверения, что данный хозяин мастерской уже исполнил прежде взятый заказ. Сделано это было под предлогом «охраны собственности», т. е. товара, данного предыдущим заказчиком [1].

Машинное производство в этой отрасли производства сводится по-прежнему почти к нулю. В апреле 1806 г. во всей лионской шелковой промышленности действовало всего шесть станков Жаккара по точной справке, наведенной Лионской торговой палатой [2].

Рассмотрим, как обстояло дело: 1) с получением нужного сырья и 2) со сбытом товаров.

1. Собственно, первым городом Франции, где привилась шелковая промышленность, был Авиньон (там эта индустрия возникла в XIV столетии, во время пребывания папского двора), и первыми авиньонскими фабрикантами были выходцы из Генуи. При Людовике XI, в XV столетии, шелковая промышленность распространяется также в Туре, куда явился, при покровительстве короля, некий Франциск Калабриец, основавший в Туре мастерскую. XVI век, время внутренних войн и смут, был эпохой упадка этой только еще возникавшей промышленности, и воскресает она в Туре, Авиньоне, а потом и в Лионе лишь с царствования Генриха IV. Авиньон и Тур соперничали между собой до начала XVIII в. «Чума 1722—1723 гг., лишившая Авиньон тридцати тысяч жителей», нарушила равновесие в пользу Лиона и подкосила навсегда авиньонские шелковые мастерские; точно так же, хотя и без вмешательства чумы, пали эти предприятия в Туре. Зато возвысился в этом отношении, хотя и далеко не стал рядом с Лионом, город Ним. Кроме этих двух городов — Лиона и Нима — участвуют в этой отрасли производства Сент-Этьен, Сен-Шамон, Ганж, Виган, Сент-Ипполит и Париж в Империи и Генуя, Турин, Флоренция — в Италии [3].

Наполеон ничего не имел против того, чтобы Ним, или Тур, или любой другой город Империи соперничал с Лионом (и он это доказывал на деле), но с итальянскими городами дело обстояло иначе. Как быть с сырьем, с шелком? Индия, Китай и Персия, откуда прежде шла часть шелка, закрыты из-за войны с Англией. А в Европе шелковичный червь водится в Италии, Испании и на юге Франции. Но «самая замечательная страна Европы» в смысле шелководства — Пьемонт, который снабжает сырьем и Францию, и другие европейские страны. Там и больше шелка, чем сколько могут дать Прованс, Дофине, Лангедок, Турэнь, Виваре, и качество шелка лучшее.

Министерство внутренних дел еще при Директории (в сентябре 1797 г.) было того мнения, что во Франции в наихудшем случае имеется запас до 60 тысяч квинталов шелка-сырца, не использованного вследствие отсутствия потребителей; что «в среднем» во Франции сбор шелковичного кокона равен 30 тысячам квинталов в год, а так как с 1793 г. вывоз сырца был воспрещен, то, даже считая, что контрабандным путем

вывозилась *половина* ежегодного урожая, все равно за четыре года должна была составиться вышеозначенная огромная цифра [4].

Еще будучи первым консулом, Наполеон категорически высказался (в заседании Государственного совета) в том смысле, что вывоз шелка-сырца из Франции должен быть воспрещен вовсе; что же касается сырца, производимого Пьемонтом (уже тогда завоеванным), то пьемонтский сырец должен быть разрешен к вывозу *только* во Францию (и притом с вывозной пошлиной в 2 франка за фунт). Позволить вывоз пьемонтского сырца по южному направлению нельзя, чтобы не создать из Ливорно и Триеста соперников Лиону. В Лионе должно быть складочное место для этого вывозимого из Пьемонта сырца; и лишь то, что не нужно будет лионским фабрикантам, пусть из Лиона вывозится дальше, в другие страны. Вообще в этом «вечном споре» (как он выразился) между производителями сырца и фабрикантами генерал Бонапарт решительно стал на сторону последних [5]. В частности, там, где речь шла о различии интересов Франции и покоренной страны, он стал, не колеблясь, на сторону Франции. В конце концов решено было несколько расширить право вывоза пьемонтского сырца: он мог направляться не только в Лион, но и в Ниццу (т. е. тоже во Францию, но так, что удобнее было потом отправлять его в Испанию и Португалию).

Вопрос о дешевом сырье для шелковых мануфактур всегда очень интересовал императора. Так, в 1810 г. он запросил именно *по своей инициативе* совет по управлению торговлей и промышленностью: не следует ли запретить ввоз шелка-сырца из Италии в Германию, чтобы лионские мануфактуры не испытывали недостатка в сырье [6]?

В 1810 г. случился сильный недобор шелковых коконов. В среднем ежегодно собиралось в 24 департаментах 831 493 килограмма, а в 1810 г. было собрано 377 535 килограммов. Значит, недобор был равен 453 958 килограммам. Правда, министр не получил вовсе сведений из девяти департаментов (он затребовал справку от 33-х, где было хотя бы в ничтожных размерах шелководство), но эти дополнительные сведения не могли изменить значения факта. Нужно было доставать шелк. И вот министр и обращает внимание императора на то, что Италия [7] в этом же году имеет обильный выход коконов, произвела «на 740 000 килограммов больше, чем нужно для ее потребления», а потому беспокоиться нечего [8]: стоит лишь изъять от всякой вывозной пошлины шелк, «который вывозится из нашего Итальянского королевства через таможню в Верчелли и поступает на лионские фабрики» [9].

О том, как эксплуатировалось итальянское шелководство

ради доставления дешевого сырья французским промышленникам, было уже сказано в главе о торговле с Италией.

2. Обеспечить *сбыт* оказалось труднее в данном случае, чем заручиться дешевым сырьем.

Всемогущий император, правда, очень покровительствовал этому производству. Наполеон потребовал от министра внутренних дел в 1810 г. подробных сведений обо всем касающемся положения шелковой промышленности в Империи, и даже технических подробностей; он хотел отчетливо уяснить себе «этимологический смысл слова *organsin*» и т. п. [10]

Наполеон внимательнейшим образом следил, в частности, за лионской шелковой промышленностью, близко принимал к сердцу ее интересы, ее технические и торговые успехи и затруднения. Проектируя создать особую кафедру химии в Лионе, где как раз тогда (в 1808 г.) производились опыты новых способов окраски шелковых тканей, Наполеон написал министру внутренних дел: «....portez la plus grande attention sur les teintures de Lyon; vous savez que c'est une grande partie de nos richesses» [11].

Он требовал (особыми распоряжениями) обязательного ношения шелковых платьев при дворе; требовал того же и от дворов, зависимых от него. Так, 22 февраля 1806 г. он посылает сестре своей герцогине Элизе приказ допускать при дворе ее лишь шелковые и батистовые одежды, «чтобы благоприятствовать и дать сбыт произведениям французской промышленности» [12].

Существовало мнение, что вообще Наполеон стремился роскошью придворной жизни поддержать промышленность. Это мнение могло быть подкреплено в потомстве сомнительным показанием Флери де Шабулона, которое сам Наполеон успел еще опровергнуть. Когда Наполеон в 1815 г. вернулся с острова Эльбы, он, по свидетельству Флери де Шабулона, с насмешкой отозвался о скромности двора Людовика XVIII и, говоря о роскоши своего двора, будто бы объяснял ее желанием дать работу промышленности: «без роскоши нет промышленности» [13]. Однако Наполеон отрицал эти слова; по крайней мере, читая на острове Св. Елены записки Флери и делая свои пометки, он заключил всю страницу, где находятся между прочим и приведенные слова, в скобки и написал: «faux» [14].

Бесспорно, общее состояние шелковой промышленности при Наполеоне поправилось сравнительно с упадком в предшествовавший период.

По словам Шапталя (нигде не указывающего своих источников), лионская шелковая промышленность давала в 1789 г. работу 12 700 рабочим, в 1800 г.— 5800 рабочим, в 1812 г.— 15 506 рабочим [15].

Но тяжкие времена не раз возвращались. Бесконечные войны страшно угнетали торговлю предметами роскоши, в том числе и шелковыми материями. Иногда рабочие разбегались, нужно было с явной потерей для себя содержать оставшихся, лишь бы сохранить кадры опытных ткачей на лучшие времена. Иногда рабочих бывало так мало, что, например, лионская шелковая промышленность не могла без чужестранцев обойтись, так же как и некоторые другие отрасли производства; и именно благодаря этому обстоятельству Лионская торговая палата не могла всецело удовлетворять желаниям тех, которые полагали необходимым изгнать иностранцев-рабочих во имя сохранения секретов национального производства [16].

Эти опасения — растерять кадры обученных рабочих — были основательны; когда летом 1808 г. лионской шелковой промышленности неожиданно повезло и она получила очень выгодные заказы из-за границы, то оказалось, что нет достаточного количества нужных рабочих рук: есть всего 20 тысяч человек, а «некогда» было 40 тысяч. Нужно же немедленно по крайней мере еще 10 тысяч (кроме 20 тысяч имеющихся) [17].

Но что было делать в 1806 г.— в начале 1807 г., в 1811 г., в 1813—1814 гг., когда сбыт шелковых материй страшно падал под влиянием войн и континентальной блокады?

В другой связи, когда речь шла о торговле Франции с германскими странами, с ганзейскими городами, с Россией, были приведены документы, показывающие, как страшно боялись лионские промышленники конечного разорения среднеевропейских и северных рынков сбыта. Не мудрено, что Тильзитский мир был приветствован с восторгом.

Еще до битвы при Фридланде, решившей участь кампании 1807 г., лионская шелковая промышленность стала оживать. После битвы, давшей надежду на близкий мир, дела пошли так хорошо, что рабочие повысили требования относительно размеров заработной платы [18], а заключение Тильзитского мира еще более поправило лионские дела.

Шелковая промышленность всегда была во Франции весьма чутким барометром успехов или поражений французской внешней политики. В царствование Фридриха Великого в Пруссию были выписаны французские рабочие, и было положено начало прусского шелкового производства, а для поощрения его запрещен был ввоз шелковых материй из-за границы; подобное же запрещение действовало и в Австрии, и вот почему для лионского купечества, для лионских предпринимателей разделы Польши оказались таким страшным ударом: польский рынок сразу и сильно сократился. Не менее тяжким ударом был указ императрицы Екатерины (1793 г.), закрывший для француз-

ских товаров русский рынок и остальную часть польского (в областях, отошедших к России). Это воспрещение потом было снято, но войны 1805—1807 гг. опять повредили торговле. И именно поэтому для лионской шелковой промышленности Тильзитский мир был как бы призывом к новой жизни: во-первых, открывался громадный русский рынок, скупавший, по убеждению Лионской торговой палаты, в нормальное время на 25 миллионов франков шелковых материй двух только городов — Лиона и Сент-Этьена; во-вторых, герцогство Варшавское переходило во власть наполеоновского вассала — саксонского короля; в-третьих, после разгрома Пруссии можно было всего от нее требовать — свободного транзита через прусскую Силезию [19].

Как представляли себе вообще власти на основании собираемых ими сведений соотношение между размерами производства в городах Франции, занятых шелковой промышленностью?

В Авиньоне ткачей, занятых в шелковой промышленности, было в 1810 г.— 2500, в 1811 г.— 1635, в 1812 г.— 1778, в 1813 г.— 1768. Но рабочих, занятых другими главными функциями шелковой промышленности, в Авиньоне числилось [20], и эти цифры нужно удвоить (если в самом деле посчитать *всех* лиц, занятых в шелковом производстве, о которых префект давал особые сведения, почему-то внося их лишь в отдельные ведомости). *Всех* рабочих в этом производстве в Авиньоне оказывается: в 1810 г.— 5534 человека, в 1811 г.— 3122—3150 человек, в 1812 г.— 5098 человек; для 1813 г. этих общих цифр не дано [21].

В г. Ниме до революции числилось в шелковой промышленности до 4 тысяч станков *да еще столько же* «в остальном департаменте» (выражение весьма неточное, ибо тогда, *до* революции, не было департаментов; по смыслу последующего имеется в виду территория близ Нима, вошедшая потом в состав департамента Gard: округи — Gard-Alais, Anduze, St.-Jean du Gard St.-Hippolyte, Vigan, Ouissac, Sauve). Перед испанской войной (1808 г.) еще была налицо половина этого количества, не только потому, что еще существовал испанский сбыт, *но и потому, как сообщает префект, что приходили еще во Францию американские корабли.* В 1809—1810 гг. это количество уменьшилось, а с июля 1810 г. опять стало несколько возрастать.

Вот цифры работающих станков, занятых в нимской шелковой промышленности в 1810—1813 гг., по триместрам (число станков и ткачей совершенно совпадает — по одному на станок), а также цифры, касающиеся других категорий рабочих, занятых в этом производстве [22].

	Число станков и ткачей	Число прядильщиков и чесальщиков	Число прочих рабочих, занятых в шелковом производстве
1810			
1-й триместр	3575	1788	5564
2-й »	2680	1340	4020
3-й »	2680	1340	4020
4-й »	2680	1340	4020
1811			
1-й триместр	855	427	1283
2-й »	855	427	1283
3-й »	795	398	1192
4-й »	955	477	1433
1812			
1-й триместр	1300	650	1950
2-й »	2380	1190	3570
3-й »	3186	1593	4779
4-й »	3281	1640	4922
1813			
1-й триместр	3340	1670	5010
2-й »	3475	1737	5213
3-й »	3475	1737	5213
4-й »	3281	1640	4922

(Показания о последнем триместре 1813 г. более нежели сомнительны.)

Что же касается Лиона, то здесь в 1812 г. рабочих в этой отрасли производства было 14 072, в Сент-Этьене и Шомоне *вместе* — 15 453; из новых присоединенных владений это производство распространено во Флоренции (10 тысяч рабочих) и в Крефельде (5346 человек) [23]. Цифра, касающаяся Крефельда, преувеличена. По другим сведениям, в феврале 1812 г. в Кельне, Крефельде и Клеве работало над выделкой шелковых материй 4942 станка (при них 5950 рабочих), и правительство замечало быстрый и непрерывный рост этой индустрии в означенных своих немецких владениях [24]. Вообще же, напоминаю читателю, что статистика 1812—1813 гг. *особенно* недостоверна и даже часто фантастична.

А теперь, ознакомившись с тем, как в 1810—1813 гг. власти представляли себе «в цифрах» общее состояние шелковой про-

мышленности в Империи, перейдем к более достоверным и более любопытным показаниям о том, как на самом деле чувствовали себя шелкоделы в 1810—1813 гг.

В декабре 1810 г. Лионская торговая палата констатирует (согласно докладу Terret), что торговля и промышленность находятся в очень печальном состоянии. В частности, лионская индустрия *почти вовсе* прекратила работу; подавленность царит в тех кварталах, где живут удрученные бедственным положением вещей рабочие. Даже излишне-де производить подсчет и точно выяснять состояние этих рабочих, потому что с каждым днем положение вещей все ухудшается и ухудшается. Каковы же причины этого внезапного ухудшения положения вещей? [25] Во-первых, недобор сырца, а во-вторых, политика: меры, которые принимаются в Германии, «неутешительное состояние русских финансов».

В декабре 1810 г. в Париж была отправлена от Лионской торговой палаты депутация, которую принял сначала министр внутренних дел, затем Наполеон. Депутация констатировала, что из 14 тысяч станков, которые работали еще в сентябре 1810 г., *семь* тысяч теперь (в декабре) находятся в бездействии. Причины, указанные депутацией, сводились к пяти пунктам: 1) необычайное обесценение *русских* денег; 2) «несчастия, которые претерпела торговля в Германии»; 3) общее потрясение кредита; 4) повышение цен на сырец; 5) прекращение сбыта на парижском рынке.

Как же было помочь делу? Депутация почтительнейше просила императора о некоторых совершенно конкретных мерах к улучшению положения вещей: о заказах за счет правительства, о вывозных премиях в размере 5—6%; *о разрешении немцам ввозить во Францию колониальные товары с условием взамен вывозить на соответствующую сумму шелковые материи*; о том, чтобы его величество приказал закупить в России в значительном количестве все, что нужно для флота, чтобы таким образом посодействовать улучшению русского курса; наконец, о том, чтобы император усилил роскошь своего двора и этим поспособствовал сбыту шелковых материй.

Лионская депутация выяснила, между прочим, интересное обстоятельство: «Германия переполнена колониальными продуктами», которые ей некуда деть, так как она закупила их (у англичан, правдами и неправдами) в расчете именно на сбыт во Францию, а во Францию эти товары не допускают. Это ставит «первые торговые дома» германских стран в очень большое затруднение; вот лионцы и просят, чтобы император соблаговолил выдавать и для сухопутной торговли такие же «лиценции», какие выдает иногда для морской: этими лиценциями и пользовались бы немецкие купцы, чтобы привозить во Францию

колониальные продукты, а увозить французские фабрикаты. Немцы, русские, американцы — вот три народа, с которыми безусловно нужно затеять оживленные торговые сношения. Все три народа могут доставить Франции именно то, что ей нужно: немцы и американцы — колониальные товары, русские — строительный лес, пеньку, кожи, и могут скупать у нее фабрикаты (любопытно, что верноподданнически написанная лионская петиция даже не останавливается на том, что ведь немцы попали в поставщики колониальных продуктов *исключительно* вследствие английской контрабанды и нарушений континентальной блокады) [26].

Наполеон принял депутацию благосклонно и кое-что сделал в самом деле: он приказал морскому министру произвести в России закупки и устроить так, чтобы Франция заплатила шелком (Sa Majesté a donné l'ordre à M. le ministre de la marine de faire des achats en Russie et de les combiner de manière à les payer en soieries); он велел, чтобы торжественные костюмы и одеяния всех официальных лиц в администрации и суде Империи были шелковые; он позволил нескольким немецким франкфуртским фирмам (указанным депутацией) ввезти во Францию колониальные товары на вышеуказанных условиях.

Но все эти меры, за которые торговая палата весьма признательна его величеству, могут лишь временно помочь беде, но только мир, желанный и все отдаляющийся мир на самом деле оживит торговлю [27]. Пока английский рынок был закрыт и шла нескончаемая война, всякая попытка оживить торговлю шелком имела паллиативный характер.

Явным отступлением от духа и смысла континентальной блокады было, например, то *разрешение* франкфуртским купцам ввозить в Лион колониальные товары, о котором только что я упомянул; разрешение было в виде милости дано императором и обусловлено лишь тем, чтобы франкфуртцы всякий раз на соответствующую сумму вывозили из Лиона шелковых материй [28]. Это было распространение на сухопутную торговлю принципа лицензий.

Мы знаем уже, что так как англичане не допускали французских фабрикатов, то сплошь и рядом лиценциаты бросали этот обязательно «вывозимый» ими товар в море. Конечно, то обстоятельство, что шелковые материи бросались в воду владельцами лицензий, породило соответственные явления в шелковой промышленности: лионские и парижские мануфактуры повадились изготовлять специально для продажи владельцам лицензий самый дешевый и заведомо негодный товар, лишь бы он, однако, имел «богатую внешность»; обманутым оказывалось одно только правительство со своим стремлением соблюсти «торговый баланс»; владельцы лицензий по соглашению с

продавцами шелка покупали этот товар по половинной цене, а в книгах своих показывали полную цену. И правительство, разузнав об этом, стало уже беспокоиться не о том, что эти материи не ввозятся в Англию, а о том, что, чего доброго, они туда как-нибудь проникнут и опозорят там добрую славу французской шелковой промышленности [29].

К новому 1811 г., даже еще до того, как мог стать известным декабрьский указ Александра I, положение вещей касательно сбыта шелковых товаров представлялось весьма неутешительным: «самый важный рынок — русский» — закрыт. Он закрыт как неслыханным понижением курса рубля, как общим угнетением русских экономических дел из-за блокады, так и разорением Амстердама и Гамбурга (*les désastres* des places de Hambourg et d'Amsterdam), через посредство которых прежде заключались сделки с русскими купцами. Америка пока подает еще только надежды, заменить Россию она не может. Остаются Германия, Франция и Италия [30]. Но и тут чуть не все упования возлагаются на правительственные заказы, правительственную помощь.

Наполеон мог помочь *немедленно* лишь громадными казенными заказами. По свидетельству лионских промышленников, заказы на 2 миллиона франков, сделанные по приказу Наполеона в 1810 г., «были источником благоденствия» лионских мануфактур в течение трех лет.

После болезненного общего кризиса в зиму 1810—1811 гг. опять стало несколько легче. Во второй половине 1811 г.: 1) благодаря громадным заказам со стороны двора, 2) благодаря разрешению ввоза из Германии колониальных товаров, 3) *больше всего* вследствие некоторого временного возобновления морской торговли с Северо-Американскими Штатами дела лионской шелковой промышленности очень поправились. Это — что касается сбыта. А сырьем Лион был достаточно обеспечен: политика Наполеона относительно Италии делала Лион и вообще французские города, как сказано, монополистами при покупке итальянского сырца [31]. Это благоприятное положение держалось с небольшими колебаниями в 1812 г. и с начала 1813 г. стало изменяться к худшему. Страшная война 1813—1814 гг., опустошавшая сначала Среднюю Европу, а потом Францию, тяжко отразилась на лионских торговых делах.

Нашествие 1814 г. и падение Империи нанесли новый, тяжкий удар промышленности Лиона, а благими последствиями крушения континентальной блокады и окончания войны фабриканты еще не успели воспользоваться в 1814 и 1815 гг. и в эпоху Ста дней опять умоляли возвратившегося императора о новых милостях [32].

Общий ход дел в шелковой промышленности во всей Империи характеризуется такими цифрами, которые дает министр мануфактур и торговли:

	Станков в работе	Число рабочих
1-я половина 1810 г. . .	41 082	93 055
2-я » 1810 » . .	27 767	59 655
1-я » 1811 » . .	18 020	37 532
2-я » 1811 » . .	23 731	48 632
1-й триместр 1812 » . .	24 856	50 323

Но для нас интереснее замечания, которыми сопровождается эта цифровая картина (относящаяся к совокупности тех департаментов Империи, где вообще существует шелковая промышленность). Чем объясняется падение производства во вторую половину 1810 г.? «Прекращением сношений с Соединенными Штатами, утратой рынков сбыта в Греции и на Леванте вследствие войны, запрещением, сделанным в России» [33]. Дальше, в первую половину 1811 г., сбыт продолжает круто сокращаться: «...последствия войны последовательно закрыли все внешние рынки сбыта для шелковых фабрик». Но во вторую половину 1811 г. стали сказываться «отеческие меры помощи фабрикантам, предпринятые правительством», и сбыт несколько поднялся. Позволение ввозить из Германии колониальные товары в обмен на шелковые материи, лиценции и условия, на каких они давались (обязательный вывоз шелковых материй), восстановление торговых сношений с Америкой — все это подняло шелковую промышленность, и если общий итог второй половины 1811 г. хотя значительно лучше, чем в первой половине того же года, но все-таки не в ожидавшейся степени, *то только потому, что департаменты Генуэзский и Рерский не пользовались милостями* [34], оказанными Лиону и старофранцузским департаментам вообще, и итальянские и немецкие подданные Наполеона, занимающиеся шелковой индустрией, наглядно увидели, что император очень хорошо различает своих подданных по категориям. Наконец, хотя 1812 год открылся при благоприятных предзнаменованиях, судя по результатам первого триместра, но министерство отмечает, что не все обозначенные станки находились в «постоянном действии» и что сбыт в Германию уменьшился [35].

Таково было, или, вернее, таким *представлялось* императору положение вещей в шелковой промышленности накануне кро-

вопролитных войн 1813—1814 гг., нанесших именно этой отрасли производства новый, весьма тяжкий удар. Правда, даже представляя императору эти цифры, министерство делало обычную оговорку, что здесь посчитаны лишь «главные заведения», но в *данном* случае, при ничтожном участии деревни в шелковом производстве и при сравнительной сосредоточенности его в определенных городах, эта оговорка не настолько умаляет значение приводимых цифр, как тогда, когда речь идет о шерстяной, хлопчатобумажной и полотняной промышленности.

Что касается до сбыта французских шелковых материй за границей, то, по оптимистическим исчислениям министра Монталиве (в его Exposé 1813 г.), Франция вывозила в среднем (вывод сделан из цифр 1811 и 1812 гг.) шелковых товаров всех сортов ежегодно на 70 115 800 франков, тогда как за последние годы старого режима (1787—1789) она вывозила в среднем этих товаров всего на 30 981 200 франков [36].

О разорении 1813—1814 гг. останется сказать немногое в соответствующей главе.

Глава XXIII

ПОЛОТНЯНОЕ И КРУЖЕВНОЕ ПРОИЗВОДСТВА

По сведениям министерства внутренних дел в Империи существовало (в 1812 г.) 360 более или менее значительных ткацких мастерских, выделывавших полотна, с 45 091 рабочим и с годовым производством в 20 952 389 франков. Что касается кружев, то их выделывали 122 заведения с 53 253 рабочими, и общая сумма производства была равна 16 654 900 франкам [1]. Но если где эти цифры и подсчеты «более или менее значительных» заведений могут играть минимальную роль, то именно в данном случае, и гораздо более правы были те префекты, которые просто *отказывались* дать какие бы то ни было цифровые показания, потому что сосчитать крестьянок, прядущих лен, ткущих полотна, выделывающих кружева и продающих этот товар, не было *никакой* возможности. Полотняное и кружевное производство, действительно, *всецело* в руках кустарей, больше чем какая бы то ни было другая отрасль промышленности.

Как обстояло в этой отрасли дело с получением сырья и со сбытом товара?

1. Разумеется, ничего, подобного кризису, переживавшемуся хлопчатобумажной промышленностью из-за недостатка сырья, здесь быть не могло: льноводство было с незапамятных времен широчайше распространено во Франции, и на севере, и на востоке, и в центре. Но опрометчиво было бы сказать, что Франция для своих полотен вовсе не нуждалась в привозной пряже, а для пряжи вовсе не нуждалась в заграничном льне. Документы заставляют нас внести тут оговорку.

Полотняная промышленность, как и до революции и при революции, продолжает при Наполеоне пользоваться привозимой из-за границы льняной пряжей. И тут, «к несчастью, рабочий труд во Франции дороже вследствие вооружений и боль-

шей дороговизны жизни», а потому и пряжа во Франции дороже, чем за границей [2]. Лишь к концу Империи был возбужден вопрос о запретительной пошлине на эту пряжу. Но она была нужна прежде всего самим промышленникам, полотняным фабрикантам, и с *этой* точки зрения она в их глазах была скорее «сырьем», чем фабрикатом. Вопрос об обложении ее в совете мануфактур не мог поэтому особенно остро ставиться.

Но в общем ввоз из-за границы готовой льняной пряжи при Наполеоне стал сильно уменьшаться сравнительно с дореволюционными и первыми революционными временами (даже если и не вполне верить ничтожной цифре в 44 тысячи килограммов ежегодного импорта, которую дает Монталиве в докладе Наполеону) [3].

Была нужда и в заграничном льне, и в льняном семени для посева.

Бельгийская и северофранцузская полотняная промышленность, живо и непосредственно заинтересованная в процветании льноводства, нуждалась в семенах русского льна; но путешествие в Ригу и обратно было предприятием отважным, и приходилось, проведав, что в Риге есть эти семена, просить у правительства, чтобы оно дало лиценцию на ввоз этого продукта во Францию. А что он был очень нужен, показывают хлопоты (не увенчавшиеся успехом) со стороны промышленников г. Куртре, чтобы правительство назначило премию за ввоз русского льняного семени в Империю, ибо русский лен был тоньше и лучше местного, и невозможность добыть эти семена приравнивалась к *«общественному бедствию»* [4]. И тут война с Англией, отрезывая морской путь в Россию, тяжко отразилась на получении нужного французской промышленности сырья.

Бельгийские департаменты (и в частности департамент Шельды), где полотняное производство с давних пор достигло громадного распространения, нашли в Империи обширнейший рынок сбыта, и дальнейшее развитие производства задерживалось *единственно* недостатком льна, ибо одно и то же поле родило лен лишь один раз в пять-шесть лет [5].

2. Что касается сбыта, то французские полотна и кружева («старых департаментов») имели соперников лишь в бельгийцах. С этим соперничеством французам пришлось уже мириться. Бельгия слишком прочно и давно была присоединена, чтобы можно было агитировать в пользу отделения ее от Франции таможенной стеной. Но зато другие соперники были не опасны.

Высшие сорта полотен, батистовых и муслиновых материй удавались французским и бельгийским мануфактурам, действительно, настолько, что в этой области производства они весьма успешно соперничали во всей Европе с английскими. И власти торжественно благодарили владельцев этих мануфактур

именно за то, что даже «честолюбивая Англия не в состоянии представить столь совершенную работу» [6].

Конечно, ручной труд и ручная прялка царили еще безраздельно. Министр внутренних дел подробно доносил императору о результатах стараний механиков, ткачей и т. п. изобрести машину для пряжи льна, за что Наполеон обещал миллион франков вознаграждения [7]. Но старания эти успехом все не увенчивались. По поводу декрета от 7 мая 1810 г. (в котором обещана была эта премия в миллион франков изобретателю машины для пряжи льна) высказывались мнения, что не машинам суждено дать успех французской промышленности в борьбе ее против Англии; что качество французских полотен, производимых ручным трудом, *выше* качества английских товаров; что англичане завели машины только потому, что у них рабочих рук не хватало, а там, где население большое, машины не так нужны; напротив, машины вредны, так как отнимают заработок у нуждающегося народа, и т. д. К этим размышлениям, характерным для переходной поры, которую переживала французская индустрия, прибавлялись иной раз интересные показания: в 1810 г. в департаментах Морбиане и Côtes-du-Nord, славившихся своим полотняным производством, царит жестокий кризис: товаров масса, а сбыта нет вовсе; и не машины могут тут помочь, а другие средства, прежде всего *вывозные премии*, которые позволили бы французским товарам победоносно бороться с конкуренцией [8]. Наполеон жаждал изобретения льнопрядильной машины, чтобы получить надежду на «изгнание хлопка» из Европы и на замену его льном, но об этом дальше.

Сбыту мешала не конкуренция, а обеднение внешнего и внутреннего рынка, который должен был себе отказывать в тонких полотнах и кружевах, являвшихся предметами роскоши.

В департаментах Верхней Луары, Вогезов, Северном, во всей Бельгии полотняное производство и выделка кружев отличались колоссальной распространенностью, и все эти места ощущали недостаток в сбыте.

Кружевное производство в департаменте Верхней Луары составляет «*единственный* ресурс для половины нуждающегося населения департамента». Центр непосредственного сбыта — г. Puy, куда съезжаются коммивояжеры торговых фирм, и сумма ежегодного сбыта кружев равна (в 1811 г.) 2,5 миллионам франков (а до войны была больше «на $^1/_5$»). Но сами кружевницы зарабатывают в среднем «20—30 сантимов в день» [9].

Департамент Верхней Луары (особенно район Puy-en-Velay) сбывал до того времени, когда оборвалась морская торговля, массу кружев в колонии, в Северную Америку и т. д. Из-за войны и блокады весь сбыт кружев ограничился лишь север-

ными и западными департаментами Франции, Швейцарией и Италией. И этот упадок сбыта отражался на благосостоянии не только департамента Верхней Луары: кружевницы Верхней Луары пользовались для своей работы готовой пряжей, которая доставлялась из Фландрии и Голландии (особенно из Гаарлема) [10]. И тут отраженный удар падал на Голландию.

Преобладала эта отрасль промышленности и в Вогезах. Вот число рабочих в департаменте Вогезов: а) в начале революции, б) в первый год Консульства и в) в 1810 г.[11]

	1789 г.	1800 г.	1810 г.
Бумажные фабрики	333	523	566
Железоделательные мастерские	725	1 255	1 379
Стекольные заведения	172	218	202
Хлопчатобумажные мануфактуры	—	600	513
Бумагопрядильни, где работают машины	—	—	300
Кружевное производство	15 000	20 000	20 000
Производство музыкальных инструментов	250	200	200

Эта характерная таблица ясно показывает, до какой степени кружевное производство казалось (властям) преобладающим в департаменте.

Но в «замечаниях» префекта, относящихся уже к середине 1812 г., читаем, что главный промысел департамента — кружевное производство — находится в упадке и именно вследствие недостаточности заграничного сбыта. В 1789 г. кружев выделывалось в департаменте 2 миллиона метров, и из них 1,6 миллиона поступало на внутренний рынок, а 400 тысяч вывозилось за границу; в 1800 г. выделывалось меньше — 1,5 миллиона метров, и из них всего 37,5 тысяч метров вывозилось, остальное шло на внутренний рынок; наконец, в 1810 г. выделывается столько же (1,5 миллиона метров), а за границу идет всего 20 тысяч метров. Таким образом, хотя считается, что число работающих в этом промысле людей (всех крестьян и крестьянок деревень близ Миркура) увеличилось на 5 тысяч, но и работы стало меньше, и сбыт сократился. Что касается продажной стоимости, то префект считает, что в 1789 г. стоимость 2 миллионов метров кружев была равна 1 миллиону франков, а в 1810 г. стоимость 1,5 миллионов метров была равна 1,8 миллиона франков [12]. Деревни, занятые этим промыслом,

работали над кружевами около шести месяцев в году (когда не было полевых работ).

Конечно, кружевницы и деревенские пряхи не получали субсидий в годину кризиса: за них получали их «фабриканты», т. е. скупщики полотен и кружев. Фабрикант кружев в Шантильи — Вандессель дает работу 1200 человекам, но сбыта у него в апреле 1811 г. совершенно нет, склады полны непроданного товара, и он умоляет о помощи, о покупке части его товара за счет двора его величества [13].

Сбыт кружев и тонких полотен не особенно поправился и в 1812—1813 гг. Бельгийцы, более всего и ближе всего заинтересованные, не перестают на это жаловаться.

Бельгийская промышленность к концу царствования Наполеона страдала вдвойне: 1) кружевное производство круто сократилось из-за потери прежних рынков, недостаточно возмещенной приобретением новых, и 2) шелковая индустрия оказалась не в силах тягаться с лионской, которая отбивала у нее Бельгию и не делилась с ней французским сбытом [14].

Но бельгийцам все-таки был вполне открыт хоть и истощенный, но обширный (количественно) имперский рынок; а полотняное производство голландских и ганзейских департаментов, присоединенных в 1810—1811 гг., этим преимуществом отнюдь не пользовалось.

В конце 1811 г. полотняные фабриканты департамента Верхнего Эмса обратились через префекта к правительству с просьбой разрешить им беспошлинный ввоз полотна в департаменты «старой Франции», к которой их земля теперь присоединена. Они указывали при этом, что прежде они сбывали свои изделия в Англию, Голландию, Португалию, Испанию, Африку, Вест-Индию и Ост-Индию; что теперь «континентальная система... полагает предел рынкам сбыта» этих полотен, и они просят, чтобы им дали возможность воспользоваться правами «всех французов» и допустили бы их полотна в Империю, подданными которой они числятся. Совет мануфактур, со своей стороны, соглашался, чтобы только два наиболее грубых сорта полотна были допущены во Францию, но ни в каком случае не тонкие сорта, которые могли бы конкурировать с французскими. Да и грубые сорта все же нельзя *совершенно* освободить от пошлины, чтобы «сохранить хоть некоторое преимущество для ткацких мастерских старой Франции» [15].

Эти жалобы повторяются и в 1812 г. Опять повторяется, что г. Оснабрюк, как и весь департамент Верхнего Эмса, занимался еще до завоевания — и занимался в самых широких размерах — полотняным производством. Полотна он сбывал в Англию. Теперь этот путь наглухо закрыт. Но может ли департамент или, общее говоря, могут ли все немецкие департаменты пра-

вого берега Рейна сбывать свой товар в Империи? Ни в каком случае: Наполеон обложил их произведения огромной ввозной пошлиной, чтобы избавить старофранцузские департаменты от конкуренции. Отчасти вывоз полотна шел и в Голландию, но и туда нельзя теперь ввозить товары из «вновь присоединенных» департаментов, ибо и от Голландии они отгорожены таможенной стеной [16]. Полотняная индустрия департамента Верхнего Эмса была подорвана самым безжалостным образом, а ведь ею, даже по словам наполеоновского префекта, занималась *половина* населения департамента [17].

Тот упадок сбыта, на который жалуются лица, заинтересованные полотняным и кружевным производством, отмечался чаще всего относительно *внешней* торговли. Относительно внутреннего рынка сведений очень мало, и они весьма общи, неопределенны и отрывочны. Отмечается (настойчиво) сильное уменьшение выделки грубых холстов и парусины, шедшей прежде в приморские города. С упадком морской торговли, конечно, парусный холст уже не находил прежнего сбыта. Наконец, не раз повторяется утверждение, что полотна сильно вытесняются ситцами, более дешевыми и более доступными (это явление, впрочем, общее для всей Европы начала XIX столетия). Другими словами, замечалось явление, как раз противоположное тому, о чем мечтал Наполеон.

Глава XXIV

КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Кожевенное и дубильное дело было одной из немногих отраслей промышленности, которые развились еще при революции. За сбытом дело не стало и при Наполеоне: обмундирование и снабжение обувью войск давало колоссальные заказы кожевникам. Для дубления было очень благоприятно и то обстоятельство, что Франция — страна больших дубовых лесов [1]. Но без подвоза сырья — шкур из Америки — не могут чувствовать себя уверенно ни французские кожевенные заводы, ни большие бельгийские заведения этого рода; а подвоз из Америки затруднен правилами блокады и ее последствиями для нейтральных судов и, кроме того, существует налог также и на этот род сырья [2].

Кожевники считали начальной датой оскудения сырья берлинский декрет о континентальной блокаде. Дело в том, что туземного сырья им никогда не хватало и не могло хватить, и они получали нужное количество из Англии и из Южной Америки (особенно из Буэнос-Айреса). От начала континентальной блокады до марта 1810 г. этот подвоз в самом деле так сократился, что цена сыромятной кожи во Франции в среднем удвоилась: с 18 су за фунт цена ее возвысилась в начале 1810 г. до 36—39 су. Но, «к счастью, нашли большое количество кожи в Голландии», и со времени ее присоединения масса этого сырья хлынула во Францию. Кроме того, корабли, получившие лицензии, стали привозить это сырье и из Англии: в Англии его накопилось очень много, так как Англия лишена достаточного количества средств для дубления [3]. Но правительство поспешило обложить каждую ввозимую шкуру налогом в 5 франков, и начавшееся было удешевление сырья тотчас же приостановилось. Совет мануфактур всецело стал на сторону кожевников, хлопотавших об отмене этого декрета от 25 октября 1810 г.—

о пошлине в 5 франков[4]. Но в вопросе о сырье в этой отрасли производства император явственно стал на сторону скотоводов и *сельских хозяев*.

Декретами от 23 августа и 23 декабря 1811 г. была установлена высокая пошлина (30%) на ввозимую во Францию сыромятную кожу, и кожевники в Империи сильно это почувствовали[5].

Жестоко страдали от недостатка сырья бельгийские кожевники. Вся округа Люттиха занималась этим промыслом, и кожевники жаловались, что Франция не может дать им того, что они получали прежде из Америки и Англии[6]. Жаловались и дубильщики старофранцузских департаментов.

Присоединение Бельгии к Франции отозвалось существенно на интересах Франции и Португалии еще и потому, что бельгийские дубильни и кожевенные заводы в громадных количествах потребляли кожу, шедшую из Португалии[7] и прежде достававшуюся французам, которые могли не пропускать ее в Бельгию; теперь же, с уничтожением франко-бельгийской границы, ставить бельгийцам эти препятствия было уже трудно. Выписывать кожу из Португалии стало вовсе невозможно в конце концов вследствие упорной войны на Пиренейском полуострове; получать ее из Южной Америки можно было лишь случайно и всегда с риском.

В декабре 1810 г. Наполеон разрешил выдать гентскому кожевенному фабриканту Бавенсу лиценцию на привоз 11 тысяч квинталов кожи из Буэнос-Айреса, но с условием, чтобы эта же фирма вывезла из Империи на такую же сумму дубленой кожи[8]. Конечно, подобные условия страшно затрудняли добывание нужного сырья.

Что касается сбыта, то хотя в общем на эту сторону дела кожевники жалуются мало, но нужно заметить, что, собственно, старофранцузским департаментам мешали своей конкуренцией и Бельгия, и немецкие присоединенные департаменты левого берега Рейна.

Вот пример: кожаные изделия и кожа составляют одну из немногих статей на франкфуртской ярмарке, где Французская империя успешно конкурирует с великолепными немецкими кожевнями и дубильнями. Но какая именно часть Империи?—«Левый берег Рейна» и департамент l'Ourthe, т. е. сердце Бельгии[9].

Весь сбыт дубленой кожи и кожаных изделий *за границу* отчет министра внутренних дел Монталиве (1813 г.) оценивает в 11 839 900 франков в год. А по статистике 1807 г. в Империи числится 2362 кожевенных и дубильных заведения всякого рода с 10 556 рабочими, и выделывают они в год товара в общем на 62 698 055 франков. Ясно, что, по воззрениям правительства, кожевенно-дубильное производство участвовало в экспортной торговле лишь в очень незначительной степени.

Глава XXV

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Сырье. 2. Данные об общем положении металлургии к концу Империи. 3. Сбыт

1

В металлургии вопрос о сырье сводился главным образом не к вопросу о руде, а к заботам о топливе.

Руду можно было свободно доставать из-за границы, а кроме того, при общих скромных размерах этой отрасли производства в тогдашней Франции производство, например, металлической утвари, по мнению французских промышленников, было поставлено относительно природных условий в лучшие, а не в худшие условия, нежели английское: Англия добывала нужные ей материалы в Швеции, а Франция могла пользоваться превосходной рудой во Франш-Конте. Это показание характерно больше для скромного состояния французской металлургии в начале наполеоновского царствования, чем в смысле констатирования положительного факта большого обилия местной руды во Франции: для немногих возникавших тогда заведений, занятых выделкой металлических вещей, могло показаться достаточным и то заведомо ограниченное количество руды, которое возможно было найти во Франш-Конте [1].

Чего в самом деле часто оказывалось мало, это дешевого и доступного топлива.

Среди причин самого вздорожания топлива владельцы железоделательных и сталелитейных заведений часто отмечают: 1) хищническое истребление лесов крестьянами в первые годы революции; 2) реквизиции топлива в эпоху Конвента, когда лес рубили безоглядочно, нещадно для нужд военного ведомства (оружейных мастерских и т. д.) [2]. Промышленники и в этом деле взывали к императору, указывая на грозные размеры падения их промысла и умоляя принять меры против вздорожа-

ния лесов [3]. Жалобы на оскудение лесов — самый постоянный, самый упорный мотив во всех обращениях промышленников к правительству.

2

На металлургию правительство Наполеона смотрело как на еще совсем не окрепшую отрасль промышленности.

В 1800—1801 гг. говорили (и даже писали в газетах), что правительство намерено взяться за заведение железоделательных и сталелитейных мастерских в разных частях Франции, и правительство благодарило лиц, которые указывали ему благоприятные для этой цели местности (изобиловавшие топливом, окруженные лесами, не лишенные угольных копей и т. д.) [4].

Железоделательная и сталелитейная индустрия во Франции была и до революции в весьма убогом состоянии [5]; за время революции ее дела еще ухудшились: заводчики и в 1800 г., например, сент-этьенские, прямо *боялись*, что, когда наступит мир и облегчатся торговые сношения между европейскими странами, им не выдержать конкуренции немецких фабрик [6].

И сплошь и рядом металлурги и производители металлических изделий склонны были смотреть на себя как на пионеров.

Еще в 1800 г. жестяник и фабрикант кухонной утвари Mouclard просит субсидии для поддержания своего «*единственного*» во всей Франции заведения, выделывающего мало ржавеющую и не портящуюся от действия огня утварь, и министерство внутренних дел находит эти «опыты» Муклара настолько общественно важными, что помещает образчики, представленные просителем, в «Conservatoire des arts et métiers», так как они «заслуживают того, чтобы быть известными» [7].

Не мудрено, что промышленники не перестают просить Наполеона о полном воспрещении ввоза иностранного железа, чтобы сбыт для отечественного производства был обеспечен.

Железоделательная промышленность во Франции боялась мира со Швецией, мира с Россией, перспективы мира с Англией и свободы мореплавания: *шведское и сибирское* железо дешевле и лучше французского, и если оно свободно будет доставляться во Францию, то департаменты: Северный, Жемапп и Самбры-и-Мааса, поставляющие железо в порты — булонский, дюнкирхенский, антверпенский, остендский, тотчас же это почувствуют, а из этих портов шведское и русское железо пойдет внутрь страны, вытеснит и там железо французское, и железоделательное производство указанных департаментов погибнет совершенно. Они уже заблаговременно просят во избежание

«подобного несчастья» оградить их от иностранной конкуренции усиленными таможенными пошлинами [8].

Летом 1811 г. ахенские игольные фабриканты и промышленники департаментов Rœr и Мааса просят, чтобы был обложен запретительной пошлиной ввоз иголок из Берга. Совет мануфактур жаловался, что *единственно* только вследствие «иностранной конкуренции» игольное производство сократилось во Франции на 1/3 [9], ходатайствовал перед министром о повышении (до 4 франков за килограмм) пошлины на иголки, ввозимые из Берга, и встретил в этом полное сочувствие со стороны фабрикантов [10]. Таких ходатайств можно привести немало.

В названной мной в библиографическом обзоре книге Gras («Histoire de la Chambre consultative etc. de Saint-Etienne») говорится (стр. 78): «...le blocus continental décreté en 1806 amena, en fait, la prohibition des fers étrangers». Это неверно. Хозяева железоделательных заведений *домогались* этого, но не могли добиться от Наполеона. Император *не желал* сделать для французской металлургии то, что он сделал декретом от 22 февраля 1806 г. для хлопчатобумажной промышленности: интересы государства требовали дешевого и хорошего железа, дешевых и хороших металлических изделий, начиная с земледельческих орудий и кончая огнестрельным и холодным оружием. И до конца Империи ввоз иностранных металлических изделий не был запрещен.

Еще в 1810 г. штирийская металлургия снабжала серпами, косами и вообще земледельческими орудиями все прирейнские департаменты Французской империи [11]. С ней конкурировали фабрики Берга и Вестфалии на франкфуртской ярмарке, где производились огромные закупки [12], и оттуда эти товары направлялись в Империю.

Мало того. В образцовой (устроенной в министерство Шапталя) правительственной «Ecole des arts et métiers» в Шалоне существовала специальная мастерская для выделки клинков. С конца 1805 г. эта выделка была в явном упадке, и упадок длился годами (в 1805 г. было сработано 5948 штук, в 1806 г.— 4921, в 1807 г.— 2302). Объяснялось же это явление (по показанию помощника директора училища) главным образом «вздорожанием стали, особенно происходящей из Англии и наиболее ценимой для этой фабрикации» (клинков), а также «трудностью добыть сталь из Германии». Тут любопытно, помимо свидетельства об отсталости французского сталелитейного производства, еще прямое указание, что правительство, ожесточенно гнавшее все английские товары, умело делать исключения там, где ему это казалось необходимым, и дирекция казенного заведения жалуется министру в конце 1807 г.,

в разгаре континентальной блокады, на *вздорожание* английской стали [13].

Не было воспрещено к ввозу и обработанное железо.

С той отзывчивостью, которую наполеоновское правительство всегда обнаруживало во всех случаях, когда речь шла об ограждении интересов национальной индустрии, министерство внутренних дел готово было бы и тут повысить ввозную пошлину на шведское и русское железо (хотя уже и без того законом от 1 апреля 1806 г. эта пошлина была удвоена и доведена до 6 франков за квинтал железа, испытавшего хоть какую-либо обработку: ...qui ont subi *une première main d'œuvre*). Но в данном случае нужно было считаться и с тем, в состоянии ли Франция обойтись без шведского и русского железа? Пришлось навести справки, и оказалось, что без шведского и русского железа Франция обойтись *не в состоянии* [14].

Конечно, континентальная блокада сократила английскую конкуренцию и в этой области, но и континент был для французской металлургии слишком могучим соперником.

Английские промышленники, которые в 1810 г. давали показания в комитете палаты общин, утверждали, что бирмингемские металлические изделия превосходят по своим качествам все, что может в этой области выбросить на рынок континентальная металлургия, но на вопрос: где на континенте находятся главные фабрики металлических изделий?— они не назвали *ни одного* чисто французского города: Люттих, Опорто, Ахен, Триест — вот где, по мнению английских металлургов, нужно искать конкурентов (небольшие железоделательные заведения разбросаны всюду, «от Голландии до Триеста», но «главные фабрики» указаны именно здесь).

И в границах Империи бельгийские, немецкие, швейцарские департаменты шли впереди старофранцузских. Особенно сильна была Бельгия, имевшая обильное топливо — уголь.

На 16 копях Люттихского округа работало в 1810 г. около 2500 человек, извлекавших около 95,5 миллионов килограммов угля в год [15], и обработанное железо в Бельгии стоило (в 1810—1811 гг.) дешевле французского: 45—48 франков квинтал [16].

Железоделательная промышленность Люксембурга, Нёшато (Neufchâteau в Бельгийском Люксембурге), Бильбурга (во всех трех местах было 33, 14 и 7, итого 54 железоделательных заведения) испытала тяжкий удар и пошла на убыль именно с 1809 г., «когда голландские порты были закрыты» [17]. А между тем в этих 54 предприятиях еще в середине 1811 г., т. е. в тяжелые времена, работало в общем 735 человек, сжигалось древесного угля 51 790 940 килограммов, а каменного угля — 625 тысяч килограммов в год, выделывалось 15 577 520 килограммов железа.

Цены в других департаментах были дороже, нежели в Бельгии.

В департаменте Нижнего Рейна цена квинтала обработанного железа лучшего качества в 1810 г.— 54 франка. В Северном департаменте, где железоделательная промышленность была развита широко, квинтал (100 килограммов) «железа первого качества» (*обработанного*) стоил в 1810 г. 53 франка 50—55 сантимов, а до революции, в 1789 г., то же количество стоило 34 франка 50 сантимов — 36 франков. Вздорожание это объяснялось и здесь вздорожанием топлива, вызванным опустошением лесов крестьянами в эпоху революции, но также и увеличением спроса [18]. Что касается цены на рабочие руки, то (в 1811 г. в департаменте Orne, например) она была равна 2 франкам 50 сантимам в день для главной категории (forgerons) и 2 франкам 25 сантимам для второстепенной (manœuvres). В 1789 г. эти manœuvres там же получали всего 50—60 сантимов [19].

В департаменте Rœr в мае и июне 1812 г. металлургия (латунные фабрики) давала заработок 800 рабочим (в г. Штольберге) [20]. Игольное производство в Ахене и Борсете давало работу 4300 рабочим (3600 + 700), но фабриканты жаловались на иностранную конкуренцию не только на иностранных рынках, но и в самой Франции и Италии [21].

Оружейное дело, игольное и булавочное производство — вот те отрасли металлургической фабрикации, которые стояли в Империи сравнительно высоко: они были сосредоточены в Сент-Этьене, Шомоне, Рюгле и Легле.

В сент-этьенских оружейных мастерских (их было 15) работало в 1810 г. 587 человек, в первой половине 1811 г.— 398 человек, во второй половине 1811 г.— 484 человека, и еще фабриканты «как из гуманности, быть может, так и из расчета» распределяли работу между бо́льшим числом участников, чем это требовалось [22]. В январе 1812 г. число рабочих пало до 440, в феврале увеличилось до 460, в марте — до 520 и в апреле (когда кипели последние приготовления к русскому походу) — до 710, и эта цифра держалась еще и в последний триместр 1812 г. (октябрь—декабрь). В июле цифра рабочих сократилась до 650, в апреле 1813 г.— до 595, в июле 1813 г.— до 565 [23].

Что касается размеров производства, то в 1805 г. сент-этьенские мастерские дали за год 45 тысяч штук холодного и огнестрельного оружия, и производство это шло в гору; в 1813 г. оно уже выражалось цифрой 6500 штук *в месяц*. Охотничьи ружья и оружие с богатой отделкой (les armes de chasse, l'arme de luxe) выделывались в ничтожном количестве, гораздо меньше, чем в эпоху мира, из-за невозможности экспорта. Полу-

чали рабочие-оружейники 1 франк 75 сантимов — 3 франка в день [24].

В департаменте Коррез оружейное дело процветало, особенно в Тюлле, мастерские которого продавали правительству до 20 тысяч ружей в год [25].

Но и оружейное дело не было развито так, как это требовалось бы. Нужно, кстати, заметить, что когда Наполеону пришлось в 1813 г. обратиться за снабжением армии ружьями исключительно к Франции, к «старым департаментам», то французские оружейники не справились с задачей [26]. Мало того. Даже чтобы починить и привести в порядок старые ружья, потребовалось тогда же экстренно «всюду завести мастерские» [27].

Что касается выделки булавок и иголок, то *булавочные* мастерские были расположены в Rugles (департамент Eure), там их было 60 с 4100 рабочими; в Легле (департамент Orne) — 67 с 2210 рабочими и в Ахене (департамент Rœr) — одна с 250 рабочими. Министерство сознавалось, что есть еще кое-где (в Лиможе, Буа-ле-Дюке и других городах), но оно «не имело о них никаких сведений», утверждало, однако, что эти заведения ничтожны [28]. *Игольные* мануфактуры были в Шампаньоле (департамент Юры) — одна с 200 рабочими, в Vaels'е (Нижнем Маасе) — 6 с 2800 рабочими и в Ахене — 16 с 4500 рабочими. Были и еще мелкие мастерские, о которых министерство тоже ничего не знает, кроме того, что они маловажны [29]. Гвоздарных мастерских было в Империи 63 с 1330 рабочими, из них 23 с 590 рабочими в г. Morez (департамент Юры) [30].

Сталелитеен показано в Империи, по подсчетам 1811—1812 гг., 43 с 1800 рабочими (в департаменте Ourthe — 19 с 700 рабочими, в департаменте Isère — 12 с 500, в Седане — департамент Ardennes 11 с 500, в Амбуазе — департамент Эндры-и-Луары — одна с 100 рабочих). Но кроме этих внесенных в графу заведений министерство дает сведения и еще о некоторых: в департаменте Саары (100 рабочих), в департаменте Мозеля (50 рабочих), в департаменте Nièvre (5 заведений, но число рабочих не известно министерству). Есть заведения (о которых тоже ничего точного не известно министерству) также в департаменте Соны-и-Луары, Самбры-и-Мааса [31]. Отдельно посчитаны заведения по выработке стальной и латунной проволоки: их в Империи (более крупных) — 85, именно 30 в Легле (с 1300 рабочими) и 55 в Ахене (с 1510 рабочими). Есть и еще некоторые заведения этого рода в департаменте Ourthe и в г. Полиньи, но министерство о них не имеет сведений [32]. Оружейных мастерских — 167 с 1505 рабочими: в Париже — 143 с 378 рабочими, в Сент-Этьене и остальном департаменте Луары — 20 с 437 рабочими, в Люттихе — одна с 368 рабочи-

ми, в Клингентале (департамент Нижнего Рейна) — две с 200 рабочими и в Версале — одна с 122 рабочими (в Сент-Этьене — товара на 3 840 056 франков в год, в Париже — на 1 870 502 франка, в Люттихе — на 659 442 франка) [33]. Конечно, и тут неизбежная оговорка, что эти сведения неполны (есть еще некоторые заведения в департаменте Нижнего Рейна, в Арденнах, в Коррезе, в Северном, но сколько, какие — неизвестно).

Бронзовых мастерских в Империи 26, и *все* показаны в Париже. Министерство утверждает, что только в Париже эта отрасль промышленности «в самом деле значительна» [34]. Мастерских для обработки свинца в Империи указано 9 (с 813 рабочими), и, кроме того, министерство знает о существовании еще 27, но ничего более, кроме самого факта их существования, сообщить не в состоянии [35]. Специально для обработки меди есть 6 мастерских (с 780 рабочими), и это в лучшем случае: министерство «боится, как бы цифры этой таблицы не оказались слишком значительными» по сравнению с действительностью [36]. Обработкой цинка занято в Империи 24—25 заведений более нежели с 350 рабочими. Из них 11 заведений в департаменте Rœr, одно (самое большое, с 176 рабочими) в Люттихе [37].

Железоделательных заведений (вместе с рудниками, тоже почему-то здесь посчитанными) во Франции по тем же подсчетам было в общей сложности 1400, а общее число рабочих, занятых в этих заведениях,— 160 тысяч; товара же вырабатывалось на 108 миллионов франков в год. Больше всего эта отрасль производства распространена в лесистых департаментах: Nièvre (168 заведений с 16 092 рабочими), Верхней Марны (70 заведений с 10 085 рабочими), Саары (48 заведений с 7123 рабочими), des Forêts (в Бельгии — 78 заведений с 8762 рабочими), Арденнском (61 заведение с 6900 рабочими), Orne (52 заведения с 6250 рабочими), l'Ourthe (35 заведений с 6100 рабочими), Рерском (31 заведение с 4340 рабочими), Самбры-и-Мааса (45 заведений с 6524 рабочими), Верхней Соны (55 заведений с 6923 рабочими), Вогезов (38 заведений с 3809 рабочими), Dordogne (53 заведения с 4690 рабочими), Eure (14 заведений с 3130 рабочими), Изер (31 заведение с 3103 рабочими), Мозель (26 заведений с 3450 рабочими), Жемапп (6 заведений с 4900 рабочими), Ariège (50 заведений с 2675 рабочими), Côte d'Or (52 заведения с 5100 рабочими), Doire (45 заведений с 3542 рабочими), Stura (в Пьемонте — 24 заведения с 3036 рабочими) [38].

Отчет Монталиве (*Exposé* 1813 г.) дает сведения отдельно о ценности руды и о ценности обработанного железа: руды Франция добывает в год на 50 миллионов франков, а железоделательные заведения дают товаров на 70 миллионов франков

в год. Общая цифра выходит больше той, которую дает предшествующий подсчет (считающий общую ценность руды и товаров в 108 миллионов). Конечно, эти подсчеты я привожу здесь лишь для осведомления со взглядами правительства на развитие металлургии в Империи.

3

В общем железоделательные и сталелитейные мастерские не жаловались на сбыт с начала 1806 г. до конца 1809 г.; это, повидимому, был довольно благоприятный для них период. Но с 1810 г. сбыт стал уменьшаться, и в 1811 г. этот процесс продолжался. Фабриканты выражали правительству убеждение, что полное воспрещение ввоза иностранного железа может сразу помочь им в их положении [39]. Но, с одной стороны, эта отрасль промышленности была во Франции еще не особенно сильно развита и не могла удовлетворить большому спросу; с другой стороны, правительство само являлось одним из главных потребителей железа; с третьей стороны, английская контрабанда мало и неохотно провозила этот громоздкий и дешевый в конце концов товар, так что у Наполеона не было побудительных причин строго придерживаться в этом случае той политики, которую он проводил, например, касательно текстильной индустрии.

Кое-где нужно отметить частичные кризисы сбыта. В 1807—1808 гг. стал ощущаться кризис в железоделательных промыслах на севере Империи. В Люттихе и во всем департаменте l'Ourthe хозяева железоделательных и гвоздарных мастерских должны были распустить половину рабочих из-за сокращения сбыта, *исключительно* из-за невозможности сбывать по морю свой товар. Правительство обратило на это свое внимание, но хозяева ответили, что они и в будущем не усматривают никакого просвета, что и уцелевшие до сих пор заведения закроются, если не будет заключен «желанный мир» [40]. Безработных в этом промысле в одном департаменте Ourthe числилось (в первые месяцы 1808 г.) от 12 до 14 тысяч человек [41].

Кризис повторился в 1810—1811 гг., но в особой главе, посвященной кризису 1811 г., мы увидим, что металлургия все же пострадала в ту пору меньше, нежели многие другие отрасли промышленности.

Это явление — понижение сбыта железа в 1810—1811 гг. сравнительно с предшествующим временем — есть явление общее если не для всей Империи, то для старофранцузских департаментов (в прирейнских департаментах, отчасти и в бельгийских, где эта отрасль промышленности была гораздо более давней и прочнее поставленной, кризис не был так заметен). И не только понижение сбыта удручало железоделательные

мастерские, но и возраставшая весьма быстро дороговизна топлива [42]. Даже из самых лесистых департаментов приходят те же жалобы [43].

Во второй половине 1814 г., когда таможенный тариф еще не успел измениться, железоделательные мастерские департамента Сарты испытывали упадок, и префект, со слов промышленников, приписывал это «слишком скромной пошлине», которую уплачивают иностранцы, ввозящие во Францию свой железный товар. Выдержать конкуренцию французское железо было еще неспособно [44]. Эти жалобы идут и из других департаментов; они вызвали целую литературу брошюр в первые два года Реставрации. Но это уже выходит из рамок моего исследования.

Глава XXVI

ВОДОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

По (явно неполным) подсчетам министерства, в Империи (в 1811 г.) числилось 185 винокуренных и спиртоочистительных заводов, на которых работало в общем 781 человек, а товара вырабатывалось в год на 38 570 060 франков. Из старофранцузских департаментов больше всего занимались этим департаменты: Шаранты, Нижней Шаранты, Gard, Луарэ, Верхней Гаронны, Жер, Hérault; из новых — бельгийские и отчасти голландские. Впрочем, напрасно читатель будет искать в таблице [1] соответствующих цифровых сведений: бельгийцы по обыкновению скрыли и до курьеза уменьшили и число заведений, и число рабочих, и особенно сумму производства. Но первенствующая роль Бельгии в водочном производстве характеризуется много раз как факт, не подлежащий ни малейшему сомнению.

Следы какого бы то ни было влияния континентальной блокады на водочное производство в Империи чрезвычайно скудны. Конечно, сам Наполеон, например, знает, что одна из причин разорения Голландии — невозможность сбывать можжевельную водку англичанам (он даже склонен был облегчить *это* последствие блокады); страдали по той же причине и бельгийские заводчики; страдали из-за отсутствия сбыта по морю старофранцузские департаменты.

Департамент Ланд занят больше всего водочным производством (в нем 92 водочных завода), но сбыт (особенно в Америку, производившийся во время мира в больших количествах) сильно пал из-за войны с Англией [2]. Терпит участь горькую и весь юго-западный прибордоский район, сбывавший водки в Америку и в Гамбург.

Что касается нужного для водочного производства хлеба, то здесь были случаи (в 1802 и в 1812 гг. в особенности), когда местные или общие недороды вызывали запретительные меры.

Прежде всего, конечно, правительство и в 1802 г., и позже руководилось тем, чтобы водочные заводы своими закупками не повышали цен на хлеб в департаментах левого берега Рейна и бельгийских, где всегда стояли огромные гарнизоны. Военное ведомство должно иметь дешевый хлеб — такова была одна из аксиом наполеоновской политики. И инициатива закрытия водочных заводов в случае недорода исходила обыкновенно именно от военного министра [3]. И не раз, и не два военный министр нетерпеливо побуждал своего товарища, министра внутренних дел, принять меры [4].

Когда запрещена была водочная фабрикация в 1802 г., то это вызвало в Бельгии очень большие жалобы со стороны водочных заводчиков, доказывавших в своих петициях, мемуарах и т. д., что принадлежащие им заведения ни в каком случае не могут считаться причиной дороговизны хлеба [5]. И запрещение 1802 г., и запретительный декрет Наполеона от 1 февраля 1812 г. были причиной разорения целых городов (вроде Гассельта) и местечек Бельгии, кормившихся около этого промысла [6]. Не мудрено, что именно из Бельгии и левобережных прирейнских департаментов несутся горькие жалобы на эти меры.

Конечно, от этих запретов жестоко страдали именно такие департаменты, как, например, Jemappes, где (в 1802 г.) было 234 водочных завода, выделывавших 144 855 литров водки ежегодно [7], или Рерский департамент, где было (тогда же) 1323 водочных завода [8], или департамент Нижнего Мааса, где было 186 заводов покрупнее и около 1200 малых, где не было маленькой коммуны без водочного завода, «а в больших их было по 12—15», и где в общем продавали водки на 6 975 000 франков в год [9], или департамент Шельды с 320 водочными заводами, выделывавшими 81 276 гектолитров в год [10]. В департаменте Lys (в г. Брюгге и др.) было 129 больших и малых водочных заводов, и префект отмечал, что даже в годы хорошего урожая цены на хлеб здесь всегда держатся высокие: и местные (бельгийские и левобережные) заводы, и Голландия, где водочное производство было не менее широко развито, скупают хлеб. В департаменте Рейна-и-Мозеля — 142 завода [11]. В одном Антверпене — 45 заводов, а во всем департаменте Deux-Nèthes — 170 [12].

После неурожая 1811 г. повторилось то же самое.

1 февраля 1812 г. Наполеон воспретил водочное производство (винокурение из хлеба), а 30 ноября 1812 г. распоряжением министра мануфактур и торговли запрет был наложен и на производство водки из картофеля в департаментах бывшей Бельгии и левого берега Рейна.

К счастью для водочных заводчиков урожай 1812 г. оказался весьма удовлетворительным. Цена гектолитра ячменя в июле 1812 г. в среднем была равна 18 франкам 39 сантимам, а в июле

1813 г.— 12 франкам 84 сантимам. Только когда Наполеону представили этот вывод [13], он отменил запрещение, наложенное 1 февраля 1812 г. на водочное производство, и велел снять печати с водочных заводов [14]. Больше всего от этого перерыва в производстве пострадали департаменты, где оно шире всего было распространено (Рейна-и-Мозеля, Нижнего Рейна, Mont-Tonnerre, Нижнего Мааса, Жемапп, Dyle, Северный департамент, Deux-Nèthes, Шельды, Устьев Шельды, Устьев Рейна, Ourthe, Мозеля). Запрещение, касавшееся картофеля, еще некоторое время оставалось в силе.

В общем заграничный сбыт водок, даже по проникнутым официальным оптимизмом подсчетам министра внутренних дел Монталиве, сильно уменьшился при Империи сравнительно с дореволюционным периодом [15]. По этим подсчетам выходит, что Франция в 1789 г. вывезла водок на 19 577 000 франков, а в 1811 г.— на 15 334 100 франков, в 1812 г.— на 14 452 000 франков.

Глава XXVII

1. МЫЛОВАРЕНИЕ. [2. БУМАГА]

[1. Мыловарение]

Мыловарение принадлежало к числу таких отраслей производства, которые находились в течение всего царствования Наполеона в более или менее устойчивом положении. Это особенно бросается в глаза, если припомнить, какие жесточайшие потрясения испытали мыловары в эпоху революции, когда недостаток нужного сырья временами вовсе прекращал производство. Теперь, при Наполеоне, Апеннинский полуостров от Пьемонта до Апулии и Калабрии включительно был либо в непосредственной власти Наполеона, либо в тесной от него зависимости. Оливковое масло и пр. могло быть доставлено в Марсель в любой момент и в любом количестве. Конечно, по-прежнему главным местом производства оставался Марсель.

Марсельские мыловары, поддерживаемые местной торговой палатой, не переставали домогаться при Наполеоне восстановления цеховых правил и регламентов [1]. Эти ходатайства уважены не были, и производство никакого ущерба от этого не претерпело.

В 1811 г. марсельское мыловарение оказалось опять в цветущем состоянии: до революции, в годы, когда репутация этой отрасли марсельского производства стояла особенно высоко, в Марселе существовало (1789 г.) 65 мыловарен с 280 котлами в общей сложности; в 1811 г. там было 73 мыловарни с 330 котлами, и работало в этих мыловарнях около тысячи человек [2]. Но эта цифра (1 тысяча человек) относится *исключительно* к мыловарам-техникам, и в нее отнюдь не входят *все* рабочие, занятые при мыловаренном производстве. Я говорил уже об этой черте цифровых показаний, касающихся мыловарения, во втором томе своей книги «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Полное подтверждение необходимости иметь это

соображение в виду находим в другом документе (1811 г.)[3]. Если же сосчитать всех рабочих, которые кормились в Марселе при мыловарении, то их оказалось бы (в 1811 г.) не одна тысяча, а *десять* тысяч человек[4].

Статистика, собиравшаяся в 1812 г., дала относительно всего имперского мыловарения несколько сбивчивые результаты.

Число мыловаренных заводов в Империи первоначально было показано 82 с 1934 рабочими; но, по набранным министерством дополнительным справкам, оказалось, что в Марселе, где было показано 55 мыловарен, на самом деле их 73, а рабочих-мыловаров в том же городе 10 тысяч. Кроме того, министерство признает, что вовсе не внесены мыловарни, существующие в департаментах: Шельды, Жемапп и Северном[5]. Сообразно с этим министерство предлагает считать, что мыла выделывается в Империи не на 5 574 210 франков в год, а на 30 миллионов франков. На чем основана именно такая, а не иная поправка, мы не знаем[6].

Но что касается вывоза, участия мыловарения во внешней торговле, то даже официальный опубликованный обзор 1813 г. должен признать уменьшение сравнительно с дореволюционными временами: в 1788 г. мыла было вывезено за границу на 4 044 900 франков, в 1789 г.— на 3 749 000 франков, в 1811 г.,— на 1 544 200 франков, в 1812 г.— на 1 505 000 франков. Это уменьшение могло, впрочем, объясняться и тем, что некоторые рынки сбыта, считавшиеся в 1789 г. заграничными, теперь, в 1811—1812 гг., уже вошли в состав Империи и, конечно, не были приняты во внимание при подсчетах внешней торговли. А кроме того, сбыт наиболее дорогих, высших сортов мыла мог кое-где и сократиться, как сокращалось потребление предметов роскоши.

2. Бумага

Сведения об экономическом положении бумажных фабрик, о сбыте и влиянии блокады на это производство в высшей степени скудны и отрывочны (зато, как мы видели в главе о заработной плате, именно документы, касающиеся заработка на бумажных фабриках, особенно полны и словоохотливы).

Мы узнаем, например, что на юге страдали бумажные фабрики, привыкшие получать сырье дешевым морским путем. Южные фабрики временами стояли за неимением нужного им сырья, а правительство категорически воспрещало какие бы то ни было попытки путем каботажного плавания переправить куда следует груз тряпья: английские вооруженные бриги нападали даже на каботажные суда и отнимали груз; плавание

даже вдоль самого берега Франции, даже на ничтожном расстоянии было весьма опасно. Конечно, больше всего страдали от этого города южного побережья, где дорог было еще мало и где горная альпийская гряда заставляла волей-неволей либо предпринимать трудные и дорогие далекие объезды, либо рисковать при каботажной перевозке встретиться с англичанами [7].

Как и в революционные времена, из бумажных фабрик чуть не на первом месте стояли фабрики в Курталене и в Маре (обе в департаменте Сены-и-Марны). В первой было (цифры относятся к началу 1813 г.) 154 рабочих, во второй — 250 рабочих. Средняя ежедневная заработная плата была на первой фабрике 1 франк 50 сантимов в день, на второй — 1 франк 75 сантимов [8]. Женщины, тоже работавшие на бумажных фабриках, получали обыкновенно около 75 сантимов. Другие фабрики — поменьше, и разбросаны они по всей стране. Редки, впрочем, такие департаменты, как департамент Шаранты, где (в 1807 г.) «нет другой индустрии, кроме бумажных фабрик». Этих фабрик — 25, а работают на них 572 рабочих [9].

В общем, по подсчетам Exposé 1813 г., бумаги в Империи выделывается на 36 миллионов в год. Вывоз за границу оценен в сумму 3 587 800 франков в год [10].

Глава XXVIII

САХАРОВАРЕНИЕ

1. Тростниковый сахар. 2. Свеклосахарная промышленность

1

Конечно, континентальная блокада, изгоняя колониальное сырье, нанесла прежде всего жесточайший удар сахароварению. При старом режиме, в середине 1780-х годов, соперницами Франции в сахароваренном производстве были только Голландия и Англия. Эти три страны делили между собой значительную часть континентального рынка, и правительство сильно заинтересовано было вопросом, как бы сделать Францию победоносной в этой конкуренции [1]. Целый ряд мер (прежде всего — вывозные премии в виде возвращения при вывозе пошлины, заплаченной за ввезенное сырье) был пущен в ход с целью отвоевать у Голландии и Англии иностранный рынок [2].

При революции французское сахароварение потеряло внешние рынки, но оставался обширнейший внутренний рынок. Высчитывалось (и министерство внутренних дел считалось с этими цифрами), что ежегодное потребление сахара во Франции в 1803—1807 гг. было равно около 57 миллионов фунтов [3]. Удовлетворить запросам этого рынка становилось все труднее и труднее вследствие невозможности иметь обеспеченный подвоз сырья: преследование, которое воздвиг Наполеон на колониальные продукты, губило один сахарный завод за другим.

Сахаровары сначала все свое внимание обратили на обеспечение за собой этого оставшегося им внутреннего рынка и в 1803 г. требовали полного воспрещения ввоза всех сортов рафинированного сахара, указывая, что только вследствие несчастий революционного периода Франция потеряла эту отрасль индустрии и окончательно уступила ее англичанам [4]. Но вскоре оказалось, что опасность (и очень грозная) представляется с другой стороны: сырье становилось все реже и дороже и, неслыханно удорожая товар, сокращало производство.

С 1 января 1808 г. до января 1811 г. цена одного *фунта* сахара в среднем возросла с 2 франков 50 сантимов до 5 франков и больше [5]. Временами эта цена понижалась, временами повышалась. Особенно тяжелым стало положение после трианонского тарифа. Фунт того сорта сахара, который стоил в эпоху 1809—1812 гг. в Англии 6 пенсов или даже меньше, стоил во Франции в 10—12 раз дороже (считая на английские деньги — 5—6 шиллингов) [6].

Эти цены росли неудержимо, как и цены на кофе. Полкилограмма кофе стоило в мае 1808 г. в Париже от 5 франков 90 сантимов до 7 франков (смотря по сорту), в Бордо — 5 франков 60 сантимов — 5 франков 75 сантимов, в Марселе — 5 франков 55 сантимов — 6 франков 15 сантимов, в Антверпене — 5 франков 72 сантима — 6 франков 22 сантима, в Генте — 5 франков 65 сантимов — 6 франков 5 сантимов, в Страсбурге — 5 франков 50 сантимов — 6 франков, в Руане — 6 франков — 6 франков 20 сантимов (при этом нужно заметить, что высший сорт *moka* продавался только в Париже, Марселе, Антверпене и Страсбурге). Сахар (рафинированный) стоил в Париже 10 франков 20 сантимов килограмм, в Бордо — 8 франков 20 сантимов, в Марселе — 7 франков 71 сантим, в Антверпене — 8 франков 30 сантимов, в Генте — 8 франков 44 сантима, в Страсбурге — 9 франков, в Руане — 10 франков 80 сантимов. Оба продукта возросли в цене в ужасающей прогрессии, считая за полгода до мая 1808 г.: кофе — на 2 франка 5 сантимов — 2 франка 70 сантимов за *полкилограмма* — в Париже, на 1 франк 75 сантимов — в Бордо, на 1 франк 20 сантимов — 1 франк 50 сантимов — в Марселе, на 1 франк 53 сантима — 1 франк 64 сантима — в Антверпене, на 1 франк 55 сантимов — 1 франк 80 сантимов — в Генте, на 1 франк 50 сантимов — 1 франк 95 сантимов — в Страсбурге, на 2 франка 15 сантимов — 2 франка 25 сантимов — в Руане. Сахар за то же время возрос в цене на 4 франка 60 сантимов за *килограмм* — в Париже, на 2 франка 60 сантимов — в Бордо, на 1 франк 70 сантимов — в Марселе, на 2 франка 25 сантимов — в Антверпене, на 2 франка 50 сантимов — в Генте, на 3 франка 60 сантимов — в Страсбурге, на 5 франков — в Руане [7].

Декрет от 5 августа 1810 г. обложил сахар пошлиной в 300 франков за квинтал, а рафинадный сахар — в 450 франков за квинтал, и последствия не замедлили сказаться. *Килограмм* сахара в Париже (в 1811 г.) стоил в среднем 6 франков 50 сантимов — 6 франков 80 сантимов; килограмм рафинадного сахара — 9 франков 50 сантимов — 9 франков 80 сантимов [8], и повышение цены на этом не останавливалось.

Сахарные заводы закрывались один за другим. В 1811 г. в Империи оказалось всего немногим более 32 заводов с 910 ра-

бочими в общей сложности, а сахара выделывали они все на 10 153 000 франков. Префекты некоторых департаментов вовсе не сообщили числа заводов, ибо эти заводы *не работали постоянно,* но зависели всецело от подвоза сырья. Вот как распределялись показанные заводы [9].

Города	Число заводов	Число рабочих
Марсель	1	12
Гент	10	270
Нант	2	80
Орлеан	4	157
Ванлоо	1	15
Антверпен	6	260
Кельн	5	70
Гарфлер (департамент Нижней Сены)	1	5
Руан	2	41

2

Понимая, что покончить с привозом тростникового сахара возможно, лишь заменив его сырьем европейского происхождения, Наполеон горячо взялся за это дело.

Покровительство *свеклосахарной* промышленности являлось одним из существенных проявлений всей торговой и индустриальной политики Наполеона. Императорское правительство смотрело на эту отрасль производства как на один из краеугольных камней всей системы избавления континента от английской экономической суприматии. На возникновение и укрепление свеклосахарного производства был усвоен взгляд как на одно из славнейших исторических деяний Наполеона [10].

Еще в XVIII столетии сначала Маргграф, а потом Ашар (в 1799 г.) обратили внимание своими опытами и исследованиями на возможность извлекать сахар из свекловицы.

Уже в 1800 г. во Франции было обращено внимание на эту идею извлечения сахаристого вещества из свекловицы, и комиссия Института, которой поручено было дать отзыв об опытах Ашара, отозвалась о них весьма одобрительно (в комиссию вошли, между прочим, Шапталь, Дарсе, Фуркруа, Воклен, Пармантье и др.). Комиссия, между прочим, подчеркнула важное влияние, которое может оказать свекловичный сахар на экономическую жизнь Франции: с начала революции, уже десять лет кряду, сахар (тростниковый) не перестает повышаться

и повышаться в цене и порой становится доступен только богатым людям. Комиссия так и ставит вопрос, как впоследствии, уже в эпоху континентальной блокады, ставил его Наполеон. Нужно получить возможность без риска, без морского пути, во всякое время иметь сахар в произвольно большом количестве. Вот почему, раз опыты Ашара были признаны вполне доказательными, самой важной задачей комиссии было определить: отличается ли французская свекловица теми же качествами, как прусская, над которой Ашар производил свои опыты. Комиссия и разрешила экспериментальным путем этот вопрос в положительном смысле [11].

Еще в 1804 и 1805 гг. правительство весьма интересовалось опытами разведения сахарного тростника в южных французских департаментах; производились опыты, официальные экспертизы [12] и т. п. Из этого ничего не вышло.

Потом мысль о свекловичном сахаре временно была заслонена попытками извлечь в достаточном количестве сахар виноградный. В 1808 г. сильно носились с проектами получать сахар из виноградного сока [13]. Декретом от 18 июня 1810 г. была даже назначена премия в 100 тысяч франков за учреждение «заведения для выделки сахара из винограда», и уже в сентябре 1811 г. эта сумма была распределена между двумя промышленниками (Proust'ом и Foucque'ом) за указание рациональных способов выделки этого продукта [14].

18 июня 1810 г. Наполеон приказал, чтобы с 1 января 1811 г. во всех казенных закупках сироп и «виноградный сахар» заменили собой тростниковый, колониальный, и чтобы виноград, предназначенный для этой выделки, был изъят от всякого обложения [15].

Это увлечение виноградным сахаром продолжалось до конца 1810 г. Еще 22 августа 1810 г. Наполеон особым декретом признал «существенную важность» этой отрасли промышленности и ассигновал 200 тысяч франков в виде субсидии 12 заводам, где этот сахар должен был выделываться [16]. 1 октября того же года Наполеон приказал выдать особо 40 тысяч франков одному подобному заведению и прибавил при этом, что хотя виноградный сахар оказался дороже, чем предполагалось, но все же он дешевле сахара колониального [17].

С 1811 г. мысль о виноградном сахаре была совершенно вытеснена проектами свекловичного сахароварения.

25 марта 1811 г. появился декрет Наполеона, которым под свекловичные посевы отведено было 32 тысячи гектаров в Империи, причем префекты обязаны были позаботиться о том, чтобы уже в текущем году или, самое позднее, в следующем все земли, которые в каждом департаменте должны быть засеяны свекловицей, были в самом деле засеяны. Одновременно объ-

являлось, что с 1 января 1813 г. сахар (и заодно уже и индиго) будет вовсе воспрещен к ввозу и приравнен к английским товарам. Этим же декретом учреждались шесть школ и опытных заведений по свеклосахарному делу [18]. Каждый месяц отныне императору должны были представляться отчеты о том, как. в каком департаменте идет это дело, и префектам ставилось на вид, что правительство обращается к их усердию [19].

Весной 1811 г. префекты, по предложению министра внутренних дел, обратились к землевладельцам с воззванием, приглашая их производить посевы свекловицы [20]. При этом рассылались наставления, касающиеся выделки сахара [21], иногда министр даже за своей подписью (и тоже циркулярно) указывал префектам, как целесообразнее всего сажать свекловицу [22].

22 июля 1811 г. граф Монталиве даже особым циркуляром выразил префектам свое удовольствие по тому поводу, что почти всюду («кроме очень немногих департаментов») посевы свекловицы были произведены в надлежащих размерах [23].

Но в некоторых местах (в следующие годы) бывало и так, что свекловицы не хватало, и префекты, указывая министерству на «ослабление усердия» со стороны землевладельцев, испрашивали для земледельцев *премии* за известное количество свекловицы, проданное сахаровару [24]. Но тут интересы обрабатывающей промышленности оказались на первом месте.

Едва только принялись за выделку свекловичного сахара, как уже правительство при полном сочувствии совета мануфактур воспрещает вывоз за границу свекловичного сиропа. Совет мануфактур сам говорит, что торговля и земледелие от этого терпят убытки, но что же делать, если «новая ветвь промышленности нуждается в полном покровительстве со стороны правительства» [25]. Раздавались при обсуждении робкие голоса, что это может повредить именно успехам разведения свекловицы, но совет в конце концов *единогласно* высказался за полное воспрещение вывоза во имя интересов сахароварения [26].

Покровительство новой отрасли промышленности достигло удивительных размеров. В 1811 г. было постановлено, что за каждый килограмм (сверх квинтала) свекловичного сахара фабрикант получает 20 сантимов, за каждый килограмм рафинированного сорта — 30 сантимов; была ассигнована в распоряжение министра внутренних дел ежегодная сумма в 500 тысяч франков для выдачи авансов тем, которые захотят открыть свеклосахарный завод (и будут в глазах правительства заслуживать доверия) [27].

О каждом опыте (даже вовсе не решающего характера) Наполеону представлялись министром внутренних дел обстоятельные рапорты на 3—4 страницах большого канцелярского формата. (*И так было, заметим, не только в 1811—1812 гг., когда*

речь шла о свекловичном сахаре, но и в 1810-м, когда еще носились с неудачной (и брошенной) идеей виноградного сахара) [28].

Увлечение свеклосахарным производством породило в 1811—1813 гг. целую литературу: опыты производились за опытами. Делает опыты по выработке свекловичного сахара по поручению правительства генуэзский профессор Ландо [29]; доставляются в министерство переведенные еще в 1800 г. с немецкого соображения по этому предмету фрейбургского профессора химии Лампадиуса [30]. В 1811—1812 гг. появился ряд трактатов по свеклосахарному производству. Был переведен с немецкого трактат Achard'a (и разошелся в двух изданиях) [31]; вышел трактат Calvel'я [32], Huetdelacroix [33] и т. п. В газетах распускались слухи о том, как будто бы англичане обеспокоены французским сахароварением; что они хотели подкупить химика Achard'a, который делал первые опыты, чтобы он опубликовал, будто он убедился в невозможности заменить тростниковый сахар свекловичным, но благородный химик отказался [34] и т. д.

Наполеон живейшим образом интересовался укреплением и развитием сахарной промышленности во Франции; ему делались постоянные доклады о положении этой отрасли промышленности (и даже представлялись при докладах образчики сортов сахара, которые следует ввести, и т. д.) [35]. Он мечтал о быстром и всеевропейском распространении свеклосахарного производства. Тут, казалось ему, должно удаться то, что не удалось с хлопком: начисто уничтожить самую потребность в колониальном товаре. Ничем ему нельзя было так угодить, как известиями об успехах нового производства.

Вообще официальные круги весьма оптимистично относились к надеждам и попыткам обойтись без колониальных продуктов, заменить тростниковый сахар свекловичным, индиго — вайдой (isatis tinctoria) и т. д. В своей речи, прочитанной при открытии сессии Законодательного корпуса в 1811 г., министр внутренних дел даже изложил своеобразную теорию якобы совершающейся обратной эволюции, прямо противоположной той, какая происходила со времени появления колониальных товаров в Европе: сахар в свое время заменил мед, индиго заменило вайду, а ныне европейские продукты (виноград, свекловица, вайда) заменяют собой колониальные [36]. В последней главе этой книги мы увидим, что указанная теория окончательно укрепилась в 1813 г.

Опыты со свекловичным сахароварением энергично производились во всех зависимых от Наполеона странах. Уже весной 1811 г. в Вестфалии свеклосахарное производство сделало быстрые успехи, и король (Жером Бонапарт) прислал императору «голову очень хорошего свекловичного сахара» в доказательство своего усердия. Вестфальский король сообщил также, что

свекловичный сахар получил уже такое распространение в его стране, что рыночная цена его скоро будет такая, какая была на тростниковый сахар во времена дешевизны этого продукта [37].

Наполеон выражал в конце 1811 г. нетерпение по поводу слишком медленно развивающейся свеклосахарной промышленности; он опасался даже, что землевладельцы, которые принялись было возделывать свекловицу, могут разочароваться в своих ожиданиях и прекратить эту культуру [38]. В 1811 г. засеяно было свекловицей 6957 гектаров, собрано было 95 739 467 килограммов свекловицы, а выделано сахара во всей Империи было 1 395 868 килограммов [39]. В январе 1812 г. он изъявил намерение воспретить *вовсе* ввоз тростникового сахара, когда в Империи откроется 500 фабрик [40].

В конце 1811 г. Делессеру, открывшему свеклосахарный завод в Пасси, удалось существенно усовершенствовать способы, предложенные Ашаром. Через Шапталя, жившего тогда в отставке в своем имении Chanteloup, Делессер довел до сведения Наполеона об этом открытии, и император пришел в такое восхищение, что снял со своей груди орден Почетного легиона и дал его Делессеру при посещении завода последнего в январе 1812 г. [41]

Наполеон, впрочем, предвидел возможность возвращения впоследствии к тростниковому сахару и полагал, что лучше бы подумать, нельзя ли сделать свеклосахарную промышленность казенной монополией: тогда во всяком случае дело могло бы лишь окончиться потерей нескольких миллионов казной, но частные лица не оказались бы вовлеченными в невыгодную сделку. Не нравилось императору и то, что новый сахар продается по той же цене, как прежде тростниковый, а между тем казна не имеет дохода от ввозной пошлины, какой прежде имела. Это противоречило наполеоновскому принципу, согласно которому народ должен приносить жертвы *только* во имя интересов казны [42]. Император был недоволен и тем, что *пока* с засеянных свекловицей 1200 арпанов Империя получила всего 2 790 000 фунтов сахара вместо ожидавшихся к концу 1811 г. 7 200 000 фунтов [43].

Декретом от 15 января 1812 г. были учреждены четыре императорских сахароваренных завода: в Шатору, в Лилле, в Нанте и в Зауер-Швабенгейме. Там должны были в больших размерах применяться новые и весьма важные открытия в области техники сахароваренного дела. Сначала предполагалось оборудовать каждое из этих заведений настолько, чтобы оно могло вырабатывать 250 тысяч килограммов сахара в год, но потом было признано более экономным уменьшить эту цифру до 100 тысяч килограммов [44].

Годы 1811—1812 были в полном смысле слова временем опы-

тов и зондирования почвы в области свеклосахарного производства [45], и в торговом обороте появился сахар плохого качества, который отпугивал потребителя и в следующие годы [46].

Когда военнопленный лорд Блэйни спросил себе в Мюсидане (недалеко от Бордо) кофе, то ему сказали, что этот напиток, «некогда столь же необходимый во Франции, как чай в Англии», теперь (дело было 23 февраля 1811 г.) доступен только богатым. Еще прибавили, что народ принужден обходиться без сахара, потому что «хотя тешили себя надеждой извлечь сахар из винограда, из свекловицы и т. д., но в торговле этот сахар еще не появлялся» [47].

Заметно улучшаться техника свекловичного сахароварения начала лишь в 1813 г. [48]

Капиталы для свеклосахарной промышленности (даже в разоренных ганзейских департаментах) находились с меньшими трудностями, чем для других отраслей производства. В Смоленске 24 августа (12 августа старого стиля) Наполеон подписал декрет, утверждавший образование в Гамбурге акционерного общества для открытия сахарного завода [49]. В старофранцузских департаментах тоже в 1811—1813 гг. заводы открывались один за другим.

По свидетельству министра внутренних дел, за один только 1811 год в Империи возникло *сорок* сахароваренных заводов [50]. За счет правительства было учреждено пять школ для подготовки техников сахароваренного дела, создано 30 казенных стипендий для этих учеников [51]. С 1813 г. предполагалось *вовсе* воспретить ввоз тростникового сахара [52], чтобы этим путем поощрить свекловичную культуру в европейских владениях Наполеона.

Сахар обходится, по словам Монталиве, в 15 су фунт (фабриканту): столь усовершенствованными способами он теперь изготовляется [53]. Министр радуется тому, что с 1802 по 1808 г. Франция ежегодно покупала за границей на 52 миллиона франков сахара, а с 1809 по 1812 г. она покупала за границей лишь на 10—11 миллионов [54].

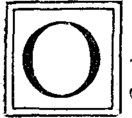
По ценам 1813 г., впрочем, еще очень мало заметна рыночная роль этого нового сахара. В августе 1813 г. килограмм сахара стоил в Марселе 8 франков 95 сантимов — 9 франков 80 сантимов [55]. Другими словами, удешевления сравнительно, например, с 1811 г. не заметно.

Свекловичному сахароварению принадлежало громадное будущее. Наполеон нетерпеливо предвосхищал пока еще это будущее, желая сделать и из свекловичного сахара оружие борьбы против англичан, но и в истории этого производства его царствование должно, по справедливости, занять выдающееся место.

О том, как обстояло дело со свекловичным сахароварением в последний год Империи, будет еще сказано в последней главе.

Глава XXIX

ПРИМОРСКИЕ ГОРОДА В ЭПОХУ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

Обозрение торгово-промышленного состояния Франции уже заставило нас там и сям говорить и о портовых городах в связи с анализом фактов, касавшихся тех или иных департаментов, где эти города находились.

Здесь мы только дополним общую картину несколькими штрихами, без которых она была бы неполна. Экономическая жизнь портовых городов может быть с известной точки зрения рассматриваема как нечто целостное: континентальная система неодинаково влияла, например, на департамент Нижней Сены, где находится город Гавр, и на департамент Жиронды, где находится Бордо, но одинаково влияла на города Гавр и Бордо.

Влияние это, конечно, было самое угнетающее. Исчезла морская торговля, прекратилось судостроение, порты опустели. Еще при Консульстве пытались жаловаться, когда после расторжения Амьенского мира на морскую торговлю посыпались всевозможные утеснения и обиды. Торговый мир очень жаловался после декрета от 1 мессидора XI года (20 июня 1803 г.) на притеснения, которым неосновательно подвергались все негоцианты, еще участвовавшие в морской торговле: то им не позволяли выгрузить товары на берег, пока они не докажут, что их корабль не заходил в Англию или ее колонии, то их груз конфискуют и месяцами держат в таможне и т. д. [1] После провозглашения блокады, особенно после миланского декрета, и жаловаться перестали.

Из коммерческих портов в первые годы правления Наполеона стал приобретать исключительное значение Антверпен.

Антверпен дал в 1803/1804 бюджетном году 6 миллионов франков таможенного дохода, в следующем году — 8 237 000

франков, тогда как все французские таможни в 1803/1804 г. дали 50 147 395 франков, а в следующем году — 55 412 242 франка. Но это процветание коммерческого порта длилось недолго: континентальная блокада прекратила кормившую Антверпен морскую торговлю [2]. И такова же была участь других портов Империи.

Префект Устьев Роны имел серьезное основание, давая отчет о марсельской навигации, говорить о положении навигации *национальной:* он констатирует (в июне 1806 г.), что национальная навигация сводится почти к нулю. Отдаленные рейсы не предпринимаются; каботаж идет лишь до Генуи и до ближайших испанских портов. Сырье, необходимое для индустрии, привозится нейтральными судами [3]. С сентября 1805 г. до июня 1806 г. в Марселе обанкротилось *39* торговых домов, и пассив их в общей сложности дошел до 8 миллионов франков. Промышленность находится как в Марселе, так и во всем департаменте в угнетенном состоянии. Винят в этом англичан, упорствующих в войне, и мечтают о мире [4]. Торговля с Левантом почти прекратилась, и это тоже тяжко угнетает промышленность. Шерстовязальные заведения, свечные заводы, фабрикация спиртных напитков — все это рассчитано на восточные страны и стоит теперь почти без дела. Держится лучше других мыловарение, традиционная марсельская индустрия, рассчитанная на внутренний рынок.

Без мира Марсель не может существовать сколько-нибудь сносно, морская торговля — главный нерв его жизни — замерла из-за войны с англичанами, а без торговли марсельская промышленность может только прозябать, влачить жалкое существование, не устают повторять коммерческие круги [5].

В виде некоторой компенсации марсельские судохозяева, марсельский торговый люд ждали от императора восстановления старых привилегий, точнее, монополии торговли с Левантом, которой город в ущерб всему югу Франции пользовался при старом режиме; они мечтали о возвращении ко временам Кольбера и обещали за это правительству «беспредельное доверие» [6]. Из их домогательств ничего не вышло.

В Марселе из-за войны с англичанами прекратилась торговля с Левантом в 1806 г., остановилась навигация, участились банкротства, царит безработица, но какое благоприятное обстоятельство усматривает префект, прежде всего имеющий в виду порядок, спокойствие и довольство режимом среди населения? Фактическое присоединение Неаполитанского королевства (воцарение Иосифа Бонапарта), ибо в Неаполь хлынула из Франции масса всевозможного люда в поисках счастья и добычи [7].

И нужно еще сказать, что положение Марселя среди других портовых городов было исключительное. Марсель, как было уже

сказано в другом месте, при Империи мог назваться уже не только торговым (как в XVIII в.), а торгово-промышленным городом, но все же *наибольшая* часть его рабочего населения кормилась не промышленностью, а портом, судостроением, грузовым делом, кормилась, словом, при морской торговле, и положение этих людей было еще безнадежнее, чем положение мануфактурных рабочих. Война с Англией начисто лишала их куска хлеба [8]. Это обстоятельство, впрочем, власти хорошо сознавали. Еще до поспешного собирания точных статистических справок о числе безработных помощник мэра, только что получивший запрос (в декабре 1812 г.), еще сам почти ничего ясно себе не представляющий (он думал, например [9], что в Марселе со всеми тремя округами департамента всего 1970 рабочих), тем не менее наперед предупреждает, что *наибольшая* часть рабочего населения Марселя *не принадлежит* к фабрикам и мануфактурам, а кормится около торговли и порта [10].

Что касается г. Марселя, то для него была составлена особая сводка, давшая такие результаты: на 231 промышленное заведение приходится «в обыкновенное время» 5001 рабочий, но в зиму 1812/1813 г. было занято из них на самом деле 1699 человек, а безработных предвиделось 3302 человека. Эти цифры так и размещены в особые три рубрики [11]. И здесь точно так же подавляющая масса заведений дает работу 2—3—4—5—6 рабочим, гораздо реже 8—10. Но есть и исключения: шерстовязальная мануфактура братьев Венсан дает работу 1200 рабочим, такое же заведение Ростана и Видаля дает («обыкновенно») работу также 1200 рабочим, такое же заведение Режиса — 350 рабочим, Мюсса — 230 рабочим, бумагопрядильня Мейрена — 200 рабочим, шерствовязальная мануфактура Боннфуа — 150 рабочим, esparterie (изделия из гальфы) Рейно — 100 рабочим. Больше нет ни одного заведения, где бы было более 100 человек, или 100 рабочих. Если сложить эти цифры, то окажется что в названных семи заведениях работает 3430 человек, а на все остальные 224 заведения приходится 1571 человек. Далее, в шляпной мастерской Вио де Мурш работает 90 человек, в коралловой мастерской Межи — 61 человек, в другой шляпной мастерской Вио де Мурш — 50 человек, в шерстяной мануфактуре Мателя — 60 человек, в бумажной мануфактуре Барбо — 65 человек, в заведении, вырабатывающем соду, Видаля — 63 человека и в таком же заведении Готье — 55 человек. Итого в этих семи заведениях второго порядка обыкновенно работает 444 человека, следовательно, если исключить и эти семь предприятий (из цифры 224 заведений), окажется, что на прочие 217 предприятий приходится 1127 человек. Чтобы получить еще более наглядную картину, исключим из 217 третью группу заведений, где работает от 20 до 50 человек; таких заведений — 14 [12],

и работает на них 368 человек. Получится вывод, что на 203 прочих предприятия приходилось 759 человек. Но даже мануфактуры, имевшие от 10 до 20 человек, были исключением: их всего 10, и работает на них в общей сложности 124 человека [13]. Следовательно, на 193 заведения, где было меньше 10 рабочих, приходится 635 человек в общей сложности. Этот факт, что из 231 промышленного заведения на 193 работало меньше 10 человек (в громадном большинстве случаев 2—3—4 человека), показывает ясно, что Марсель и к концу царствования Наполеона оставался городом очень мелкой, раздробленной промышленности. Факт этот тем более знаменателен, что, как сказано выше, при Наполеоне, вообще говоря, Марсель уже смело может считаться не торговым, а именно торгово-промышленным городом: в этом отношении его место в экономической жизни Франции было не то, какое было при революции и до революции, когда он являлся почти исключительно торговым центром.

Другим портом, где существовала и промышленная деятельность, был Дьепп. Часть (и значительная) рабочего населения Дьеппа с давних пор занималась выделкой вещей из дорогого экзотического дерева и слоновой кости; эта отрасль предметов роскоши имела большой сбыт во второй половине XVIII столетия во Франции и за ее пределами. Война с Англией и гибель колониальной торговли убили это производство [14].

Конечно, положение портов, где, кроме торговли, иной экономической деятельности не существовало, было еще хуже.

Город Нант «никогда не был и не мог быть по существу мануфактурным городом», так как портовые заработки и вообще дела, связанные с морской торговлей, «давали многочисленному населению достаточно занятий» [15]. Когда в 1811 г. собирались материалы для общеимперской промышленной статистики, то Нантская торговая палата даже пришла в недоумение и нашла, что это «непреодолимый» труд. Индустрия оказалась разбросанной в «тысячах рук» без общего центра и больше всего служащей удовлетворению только местного потребления. А так как континентальная блокада и война с Англией вконец разорили Нантский порт, то этим самым была разорена и промышленность города и всего департамента Нижней Луары.

Порты вроде Сеты в департаменте Hérault, существовавшие *исключительно* морской торговлей, дошли до полнейшего, безнадежного обнищания [16].

Бордо дошел тоже до полного упадка в царствование Наполеона. Вся торговля г. Бордо жесточайшим образом пострадала еще от войны 1806 г., от разорения и упадка торговой деятельности прямых его контрагентов — городов Любека, Штеттина, Магдебурга, Бремена, Гамбурга, Данцига и Кенигсберга. Именно сюда, в северную Германию, в ганзейские порты на-

правлялся громадный сбыт бордоских вин. Северонемецкие купцы, пишут бордосцы, известны своей честностью, но они теперь поставлены в такое положение, что не могут платить, а должны они бордоским купцам «миллионы» — des millions. Между тем, жалуются бордоские негоцианты, после потери колоний единственным рынком сбыта для всего департамента служил только этот приморский германский север [17].

От подозрительного отношения к нейтральным судам страдала тяжко вся торговля винами и спиртными напитками, шедшая через Бордо, и министерство внутренних дел почтительнейше докладывало об этом Наполеону, ибо падение бордоского сбыта на севере грозило разорением юго-запада Франции, особенно департамента Шаранты; а речь шла именно об эмбарго, наложенном на суда, пришедшие из Гамбурга, из Ростока и закупавшие вина и водки для северных стран [18].

В декабре 1811 г. сам Наполеон убедился, что Бордо находится в таком положении, что требует особых мер помощи, и император указал, что там необходимо «учредить мастерские» [19].

Погибал и Гавр. В ноябре и декабре 1806 г. гаврской торговле был нанесен тяжкий удар: англичане забрали в плен много купеческих судов [20]. Эта потеря не была возмещена в Гавре до конца Империи: судостроение почти вовсе прекратилось. Местоположение Гавра прямо лицом к лицу с могущественным морским неприятелем было самое тревожное, самое тяжелое.

Весной 1808 г. Наполеон, желая: 1) «содействовать торговле морских портов с французскими и испанскими колониями», 2) добывать нужные Франции колониальные продукты и 3) сбыть в колонии французское вино и хлеб, вознамерился было образовать в Бордо, Байонне и других портах акционерные компании, субсидируемые правительством (которое взяло бы 1/3 акций и снабдило суда экипажем), для постройки торгового флота и морских экспедиций в колонии [21]. Но план этот не привел ни к каким осязательным результатам. В июле 1808 г., правда, образовалось общество с капиталом в 3 миллиона франков, которое строило в Нанте, Ла-Рошели, Бордо суда для торговых сношений с колониями: эта торговля, несмотря на страшный риск, все-таки манила возможностью колоссальных выгод от каждого счастливого рейса [22] (этого рода судостроение в официальных бумагах называлось: les armements en aventuriers). До какой степени риск был велик, явствует из того, что страховые общества брали в 1808 г. в виде премии за один рейс из Франции в известное место 50% стоимости судна, а страховать *возвращение* во Францию не брались *ни за какие деньги* [23]. Никаких следов деятельности этой акционерной кампании в рассмотренных мной документах не оказалось.

Правительство могло предаваться мечтам об образовании

больших акционерных кампаний, снабженных капиталами, скупающих продукты французской промышленности и экспортирующих их за границу, в Европу, где «сжигаются английские товары» [24], но ни капиталов, ни уверенности в целесообразности подобного их помещения *не* являлось.

Правительство шло на всякие жертвы, чтобы оживить совсем замершее судостроение, особенно же чтобы поощрить сбыт товаров в колонии и привоз продуктов из колоний на французских судах, и однако потребности военного судостроения в связи с недостатком нужных рабочих рук заставляли его иногда прибегать к реквизициям рабочей силы, причем в приморских городах эта реквизиция, конечно, останавливала все частное судостроение и разоряла тех, кто уже начал строить [25].

О печальном положении завоеванных портов ганзейских, голландских, итальянских повторять тут не приходится. Прибавлю лишь несколько слов о Ливорно, включенном в состав Империи. О полнейшем падении всех отраслей производства как в Ливорно, так и во всем «департаменте Средиземного моря» в 1811—1812 гг. свидетельствуют все донесения властей. Уничтожение морской торговли — главная причина бедственного положения вещей [26]. Но другие итальянские департаменты Империи, более северные, более близкие к Франции и Швейцарии, несколько менее зависимые от морской торговли, например департамент Монтенотте [27], департамент Мон-Блан [28], не испытывали в 1812—1813 гг. критического состояния. Держалось относительно благополучно в 1812 г. и шелковое производство в Турине, единственная сколько-нибудь развитая отрасль промышленности департамента По [29]. Это обстоятельство особенно ярко оттеняется разорением Генуи и Ливорно.

Лицензии помогли из портовых городов главным образом Дюнкирхену, который и до лицензий, к слову сказать, благодаря контрабандной торговле не так страдал, как другие порты. Приморские города, восставая против отдельных злоупотреблений лицензиями, приписывали им в принципе очень большое значение. Когда в июле 1811 г. ощущалось падение английских ценностей (дошедшее до уменьшения ценности бумажных денег на 24%), то Дюнкирхенская торговая палата приписывала это отрадное для Наполеона явление как «общим мерам, исключающим из континента предметы великобританской торговли», так в частности лицензиям, выдаваемым французским правительством, а также развивающемуся при полном содействии правительства контрабандному сбыту французских товаров в Англию [30].

Но и лицензии не могли поднять павший дух торгового населения Бордо, Нанта, Марселя, Гавра. Только конец войны с Англией в 1814 г. открыл перед ними светлые горизонты.

Глава XXX

КРИЗИС 1810—1811 гг.

1. Кризисы 1806—1807 гг. 1808 г. Жалобы торгового мира в 1809 г. Начало кризиса 1810—1811 гг. Доклад торгового совета от 2 ноября 1810 г. Гнев Наполеона по поводу этого доклада. Причины кризиса 1810—1811 гг. Бедственное состояние промышленности весной 1811 г. Субсидии правительства. Положение предприятий Ришар-Ленуара. Бедствия в промышленных департаментах. Ослабление кризиса. 2. Анкета о кризисе и влиянии континентальной блокады в департаментах

1

В главах, посвященных состоянию отдельных частей промышленности, мы видели, что текстильная промышленность при Наполеоне, особенно с 1806 г., страдала ощутительнее от недостатка сырья, нежели от недостатка сбыта, за исключением шелковой промышленности, которая, как и производство всех предметов роскоши, ощущала в эту эпоху войн и всеевропейского обеднения именно недостаток сбыта.

С ноября 1810 г. до мая (приблизительно) 1811 г. вся Франция пережила, однако, длительный и очень жестокий кризис, который нужно признать прежде всего кризисом рынка, кризисом сбыта. Тут сыграло свою роль и вздорожание товара, обусловленное неслыханным вздорожанием сырья после трианонского тарифа и вовсе не сопровождавшееся соответственным повышением в оплате наемного труда; тут влияло и денежное истощение среднеевропейского рынка, обусловленное длительными и страшными войнами последних лет и, в частности, губительным действием континентальной блокады на Голландию и ганзейские города; тут подоспел и русский указ от 19 декабря 1810 г., прекративший сбыт французских шелковых материй на русском рынке; были и другие причины, о которых откровенно заявил Лаффит министру полиции герцогу Ровиго (именно в 1811 г. спросившему его о причинах кризиса): общая вечная тревога, неуверенность в завтрашнем дне, недостаток кредита, вызывавшийся этим настроением, и т. д. В эту бедственную осень и зиму 1811/1812 г. как будто внезапная судорога прошла по гигантскому телу наполеоновской Империи, и это случилось

именно тогда, когда держава находилась в зените славы и политического могущества.

Кризису 1810—1811 гг. предшествовали уже с 1807 г. некоторые моменты, когда правительство должно было приходить на помощь бедствовавшим предприятиям.

27 марта 1807 г. Наполеон издал (в императорской главной квартире в Остероде) декрет о вспомоществовании мануфактурам. Этим декретом было отпущено 6 миллионов франков для выдачи займов промышленникам, находящимся «вследствие обстоятельств и недостатка сбыта» в затруднительном положении. Залогом при этих займах должны были служить товары в таком количестве, чтобы их ценность была на $^1/_3$ больше выдаваемой суммы. Расходы по ссуде для должника не должны были превышать 2% годовых, и выдавались эти ссуды на один год. Только от префектов должно было зависеть заключение — благоприятное или неблагоприятное — о каждой отдельной просьбе ссуды, решал же вопрос окончательно министр внутренних дел [1]. Фабрикантам было поставлено при этом условие: содержать то же количество рабочих, что и до получения ссуды, в течение всего срока ее [2]. Из шести ассигнованных миллионов было в общем фактически выдано в ссуду 1 175 925 франков 25 фабрикантам для поддержания бедствующих промышленных предприятий. И какой бы из сохранившихся списков этих *manufactures en souffrance* мы ни взяли, в графе *couses de l'état de souffrance* неизбежно находим: «La guerre avec l'Angleterre», «la guerre maritime», «défaut d'exportation à l'étranger», «l'effet des circonstances politiques» и т. д. [3] По этим спискам, впрочем, нельзя составить себе сколько-нибудь *точного* понятия о действительных размерах переживавшегося торгово-промышленного застоя, так как правительство помогало *только* большим заведениям, а не «маленьким разбросанным мастерским», которые, однако, были в эту эпоху еще преобладающей формой промышленной организации [4].

Из ассигнованных денег лионские мануфактуры получили львиную долю — 1,4 миллиона франков. Кроме того, в этом году выдавалось по 500 тысяч франков в месяц заимообразно наиболее нуждающимся предприятиям. Целью Наполеона при этом было именно предупредить безработицу [5].

Интересно, что из 25 фабрикантов, получивших ссуду в 1807 г. на основании декрета от 27 марта, оказалось *девятнадцать* парижских и всего шесть провинциальных, и сообразно с этим подавляющее большинство — *не* текстильные промышленники, а мебельщики, бронзовщики, хозяева фарфоровых, стекольных, ювелирных, золотильных и тому подобных мастерских [6]. Эти промыслы, действительно, и в 1808, и в 1809 гг.

не испытали никакого заметного увеличения сбыта. А почему именно *парижские* фабриканты получили в большинстве помощь, об этом после всего сказанного об отношении Наполеона к безработице много распространяться не приходится. В общем фактически выданная сумма 1 175 925 франков не может считаться чрезмерной, если принять во внимание бюджет Империи в 1807 г. (760 миллионов франков доходов и 750 миллионов расходов).

Так как «обстоятельства оказались еще более прискорбными», то вернуть эти ссуды через год были в состоянии немногие: всего 5 человек (сумму в 150 тысяч франков). Из остальных 11 человек кое-что внесли (*в общем* 100 571 франк), а 9 ничего не внесли. Были даны и пропущены все отсрочки, и министерство стало продавать заложенные товары с публичного торга, а если продажа не покрывала ссуды, то против должников чинились иски. Разоряемые фабриканты горько жаловались и указывали, что император, желавший, чтобы рабочие не потеряли работу, своей цели достиг, а что они, фабриканты, разорены, ибо продавать свои товары они не продавали, а производства сокращать не могли, так как обязались не рассчитывать рабочих [7]. И министерство, докладывая об этом императору (уже в 1809 г., когда неисправные должники все еще просили отсрочки), соглашалось, что эти жалобы основательны [8].

Этим небольшим кризисом 1807 г. дело не ограничилось. В течение всего начала 1808 г. в промышленных центрах Франции царила тревога. Хлопок сильно дорожает и уже в середине февраля в Руане продается по 6 франков 10 сантимов — 6 франков 15 сантимов фунт; его хватит прядильням до конца мая, а потом они не знают, что будет; надеются получить хлопок, секвестрованный в Лиссабоне, но боятся, что лиссабонский хлопок может опоздать, и тогда получится перерыв в работе. Нет и красящих веществ, и до такой степени нет, что красильням угрожает *полное* прекращение деятельности. И вообще вся надежда, что «великие намерения монарха» как-нибудь выручат [9].

Часто префекты воздерживаются от указания на причины, вызвавшие в 1808 г. сокращение производства: они полагают, что рассуждать об этом — не их дело, а центрального правительства [10].

Министр внутренних дел обращал внимание Наполеона на грозящую из-за недостатка хлопка и кое-где уже наступившую безработицу, а также и на недостаток риса и вообще колониальных товаров. Он делал при этом характерную оговорку, что вопрос о последствиях безработицы, собственно, относится к ведению министра полиции, а не министерства внутренних дел [11].

Летом 1808 г. в г. Труа и зависящей от него в экономическом отношении округе было, по показанию префекта, по

крайней мере 10 тысяч безработных, причем кризис (закрытие фабрик) был вызван «внезапным и необыкновенным вздорожанием хлопка». Пришлось местным властям просить об открытии тех или иных казенных работ, а также об избавлении рабочих от «конкуренции арестантов», которых до сих пор для некоторых казенных работ употребляли [12]. К сожалению, не сохранилось той прокламации, которая была сорвана в Труа полицией и которую префект приписывает либо рабочему, либо человеку, желавшему надеть на себя такую личину. Судя по всему, эта прокламация тоже была вызвана гнетущей безработицей [13].

Вообще говоря, прядильщики хлопка страдали от недостатка сырья больше, чем ткачи: во-первых, ткачи *позже* начинали чувствовать этот недостаток, а за это время успевал подойти новый запас сырья и, значит, нужной им пряжи; во-вторых, пряжей занимались старики, женщины, дети — слабосильные существа, которые с бóльшим трудом могли найти подсобный заработок в полевых работах, нежели ткачи, взрослые мужчины. И для предпринимателей тоже было лучше все же прекратить или уменьшить ткацкую работу, чем прядение: ткацкие станки и дешево стоили, и не так портились от бездействия, как дорогие прядильные машины [14]. Вот почему пряжа производилась часто и тогда, когда сбыт ее ослабевал: пряли на будущее время. Кризис от недостатка *сбыта* давал себя чувствовать таким образом прядильщикам позже, чем ткачам. Недостаток *сырья*, напротив, ощущался прядильщиками, конечно, раньше, чем ткачами. Наконец, как правило, *ощущался* кризис прядильщиками более болезненно, чем ткачами, ставил их в более безвыходное положение. Таковы общие соображения, которые необходимо иметь в виду, когда мы говорим о кризисах хлопчатобумажной промышленности при Наполеоне. В 1809 г. жалуется больше торговый мир, нежели промышленный. Одна из самых значительных французских ярмарок, осенняя ярмарка в Бокере, совершенно не удалась в 1809 г. [15] Главной причиной в глазах купцов и властей являлись: продолжающаяся война, «положение континентальных держав», непрерывное крейсирование англичан вдоль западного побережья Франции. Плохо было в частности то, что не было «немцев», испанцев и американцев [16]: первых и вторых — из-за народной войны в Испании и войны 1809 г. с Австрией, а американцев — из-за слухов о разрыве с ними сношений да, несомненно, из-за стеснений, которым подвергалась разгрузка привозимых ими товаров во Францию.

Деловой мир не переставал по всякому поводу указывать правительству, что не может быть речи о расцвете торговой деятельности до общего замирения, и вместе с тем настолько

плохо верилось в близость этого желанного события, что даже в законодательные предположения, исходившие от коммерческих сфер, вводились особые различения относительно времени до «общего мира» и после наступления «общего мира». Парижская торговая палата в 1809 г. подает министру внутренних дел проект изменений, касающихся биржевых маклеров, и устанавливает число их для парижской биржи в 40 *до* мира и 60 *после* заключения «общего мира» [17].

Торговые сделки в 1809 г. уменьшились *более чем вдвое* сравнительно с недавним прошлым (с вантозом IX года), по показанию Парижской торговой палаты [18].

Промышленники бились над таким парадоксом: «Император — господин континента. Нет сомнения, что если бы французские ситцевые и другие мануфактуры могли снабжать его государства, то французская торговля шла бы так же хорошо, как английская, продукты наших мануфактур получили бы предпочтение уже вследствие возможности (для потребителя — *Е. Т.*) избегнуть риска контрабанды» [19]. И однако английская контрабанда, а не французские мануфактуры снабжает бумажными материями многие государства его величества. Они приписывали это дороговизне хлопка, т. е. той же континентальной блокаде, а уничтожение этой разорительной для них континентальной блокады они представляли себе с такой односторонностью: хлопок [20] будет ввозиться, а английские фабрикаты не будут.

В 1810 г. первым зловещим признаком надвигающегося кризиса был неуспех французского сбыта на лейпцигской ярмарке. Осенняя лейпцигская ярмарка 1810 г. для французов не удалась, между прочим, потому, что русские и польские покупатели не явились. А не явились они по весьма простой причине: нужные им английские товары (ввезенные, конечно, контрабандой) они получили в Кенигсберге, где этих товаров было очень много [21]. Конечно, в Кенигсберге эти товары были дешевле (прямо с корабля), и торговать ими подальше от наполеоновских шпионов все же было удобнее и безопаснее, чем на лейпцигской ярмарке.

В том же 1810 г. ярмарка в Бокере удалась еще меньше, чем в 1809 г. Половина привезенных сукон, почти столько же шелковых материй, три четверти всего количества металлических изделий остались непроданными. Полотняные материи шли по очень низким ценам, и то несколько менее половины осталось непроданным. Шерсть и хлопок, колониальные товары и пряности были распроданы быстро, потому что их было мало привезено на ярмарку [22].

Сбыт сократился в угрожающих размерах и на внутреннем рынке поздней осенью 1810 г.

В начале ноября 1810 г. Главный торговый совет решился высказаться несколько смелее и откровеннее, чем обыкновенно. Он признал, что «необычайные обстоятельства, в которых находится торговля», вынуждают его к этому, и, действительно, высказал несколько горьких истин: 1. Прежде всего он констатировал, что *нигде*, кроме Франции, правила, касающиеся континентальной блокады, *не* исполняются [23]; это приносит серьезный ущерб французской торговле и промышленности. Они, французские купцы и фабриканты, «парализованы», тогда как «соседние государства» процветают и в торгово-промышленном отношении проявляют большую активность. 2. Далее, французские промышленники закупают часть нужного им сырья за границей, а это сырье секвеструется (по подозрению в английском происхождении). При этих условиях капиталисты Парижа и Лиона, дававшие свои деньги промышленникам на эти расходы по закупке сырья, берут назад свои капиталы, лишают их кредита. 3. «Великие рынки» — Гамбург и Амстердам — близки к полной гибели, к совершенному разорению. Помимо общих причин, тут указывается и специальная: в обоих городах правительство требует уплаты всех пошлин по тяжелому тарифу от 5 августа 1810 г. на те товары, которые уже давно в этих городах находились, были ввезены туда задолго до указанного тарифа. Это вызовет «большие катастрофы», гибель самых богатых торговых домов. Кредит так подорван, что, например, Французский банк колеблется между желанием подать помощь торговле и промышленности и страхом за собственные капиталы. 4. «Совет может только приветствовать предначертания его величества, направленные к тому, чтобы закрыть обходные пути, какими пользовалась английская торговля, в ущерб Франции желая завладеть торговлей континентальной», но он «должен осмелиться представить», что *большей частью* эти меры, «исполняемые без умеренности и без изъятия», вредят не англичанам, а французской промышленности.

Совет домогается очень незначительных милостей: 1. Пусть будет дозволено промышленникам и торговцам уплатить причитающиеся с них пошлины в более долгий срок. 2. Пусть будет «открыт для Франции рынок» сырья, нужного для мануфактур, в тех городах, где взимаются все пошлины «таможнями его величества», причем если где-либо ценность этих товаров *меньше* суммы причитающихся пошлин, то пусть правительство отбирает в свою пользу хоть 40% общего их количества и за свой счет перевозит их во Францию и продает там. 3. Пусть будет устроен для испанского хлопка и для некоторых веществ, нужных промышленности, свободный транзит через владения Рейнского союза. 4. Пусть правительство не взыскивает *по новому тарифу за те товары, которые были ввезены*

в Голландию в 1809 г. американцами с временного разрешения голландского короля (Людовика Бонапарта). Этим будет успокоена амстердамская биржа.

Все это совет просит министра внутренних дел повергнуть на благоусмотрение его величества и опять оправдывается в своей смелости «кризисом», угрожающим всему обществу и могущим пойти лишь на пользу англичан и усилить их престиж [24].

Министр внутренних дел Монталиве, препровождая эту петицию Наполеону, со своей стороны подтвердил общую печальную характеристику положения дел, в частности растущее недоверие капитала к торговле и промышленности [25].

Наполеон разгневался не столько по поводу этих скромных требований совета, сколько по поводу общих рассуждений о блокаде; он указал, что (якобы) и без этих представлений с голландских товаров решено было не взыскивать пошлин по новому тарифу; что напрасно промышленники думают, будто они будут вовсе лишены рынков для закупки колониального сырья: нужно только ждать, «чтобы выяснилось положение Германии», и тогда там откроется желанный рынок. По поводу желаний, касавшихся транзита, он заявил, что и без того неанглийский хлопок пропускается свободно. Наконец, он согласился продлить срок уплаты пошлин до девяти месяцев.

Но более всего его раздражило указание на то, что континентальная блокада не приносит вреда англичанам. Странно, что нельзя коснуться Гамбурга, не давая этого почувствовать Парижу, ядовито замечает император, а можно нанести удар всей континентальной торговле, не нанося этим вреда англичанам [26]. Наполеон отлично знает, что, конечно, Франция тоже страдает от континентальной блокады, так же как Гамбург, как Голландия, но ведь не хочет же совет сделать отсюда вывод, что не следует причинять никакого зла англичанам только из страха, что эти потрясения отразятся на всей Европе [27]. Наполеону это кажется победоносным доведением до абсурда всех рассуждений совета. Он так раздражен, что ставит представителям французского торгового класса в пример их английских собратьев по профессии (le commerce anglais... est constamment occupé à appuyer les mesures du gouvernement, à faire valoir son crédit... etc.). Вообще он гневно требует, чтобы совет вполне искренно (avec sincérité) изложил полускрытые свои мысли... Нельзя сказать, чтобы прием, встреченный этими скромными представлениями совета, особенно мог расположить к откровенности.

Император решил тем не менее, что настала пора опять помочь субсидиями промышленности.

Наполеон приказал (19 декабря 1810 г.) дать заказы лионским фабрикантам для нужд императорского двора, разрешил

выдать ссуды под залог шелковых товаров, в принципе решил закупить в России на 3 миллиона франков (за счет казны) нужные для флота товары, причем уплата России была бы произведена шелковыми товарами лионского производства; наконец, он остановился на мысли непременно требовать от получающих лицензии судохозяев, чтобы половина вывозимого из Франции груза состояла именно из лионских шелковых материй [28].

Затем была организована выдача казенных ссуд под залог непроданного товара. Выдача займов под товары и устройство склада этих принимаемых под залог товаров не особенно облегчили положение промышленников; порицающие эту меру говорили, что она скомпрометирует Францию перед иностранцами, что будет казаться, будто французская торговля заложена в ломбарде [29]. Но даже и хвалившие это мероприятие считали, что, конечно, оно может иметь лишь паллиативное значение [30], не говоря уже о тех губительных последствиях, которые будет иметь для *кредита* любого промышленника его обращение к такого рода закладу товаров [31].

Но в это же время, в ноябре—декабре 1810 г., внезапные конфискации колониальных товаров, и именно в Германии, нередко поминались в качестве одной из главных причин начинающегося жестокого кризиса, торговой и биржевой паники во Франции [32].

Главный торговый совет опять указывает (в самом конце 1810 г.) как на одну из очень серьезных причин торгово-промышленного кризиса на следующее обстоятельство. Многие государства континента переживают финансовый кризис, так как их запасы звонкой монеты пошли на покрытие контрибуций, наложенных на них Наполеоном; правительства этих государств прибегли к банкирам местным и соседних держав, эти банкиры — к парижским банкирам, которые понадеялись на «приток денег к Парижу» и на обилие звонкой монеты во Франции. Но так как должники оказались в очень ненадежном и несчастном положении, то все это сильно поколебало кредит и распространило тревогу в деловом мире [33]. Другие причины — внезапное повышение тарифов (трианонским декретом), неустойчивость таможенного законодательства, привоз иностранных товаров владельцами лицензий, падение курса бумажных денег в Австрии, в России [34].

В декабре 1810 г. Наполеон потребовал сведений о лионской шелковой промышленности, и ему доложили: 1) что число станков, *вообще* работающих в Лионе и его предместьях, перед началом кризиса дошло до 14 тысяч, что при каждом станке работает по 4 человека, но что сейчас, в декабре 1810 г., половина станков стоит без работы; что не хватает на зиму

заказов на 12 миллионов франков, чтобы все станки могли работать [35].

Общая тревога усиливалась наступившей дороговизной хлеба. В Париже в декабре 1810 г. 4 фунта хлеба стоили 14 су (70 сантимов) [36].

Правящие власти иногда обвиняли в разразившемся в 1811 г. кризисе промышленников, которые повели дела в слишком грандиозном масштабе, не отвечавшем нуждам и истинным размерам потребления. А промышленники сваливали вину на правительство, которое само всеми мерами поощряло их к этому образу действий. Министерство внутренних дел доводило до сведения императора об этих толках и пересудах [37].

Начинался ропот. Конечно, ропот проявлялся еще сильнее, чем в том виде, как это представляли императору, и министр внутренних дел кое-где намекает, что он передает далеко не все [38].

Вспомоществования, ассигнованные в 1811 г. для поддержания промышленности, казенные работы, специально открытые для того, чтобы дать заработок рабочему классу,— все это ничуть не приободряло умы. Императору так об этом и докладывали. Особенно роптали именно коммерсанты; они говорили, что правительство, убивая торговлю высокими пошлинами и всяческими стеснениями, само вскоре почувствует на уменьшении государственных доходов все зло от искоренения торговли. Эти подслушанные речи, конечно, были смелее представлений и докладных записок торговых палат [39].

3 февраля 1811 г. уже высчитывалось, что «из 1700 французских бумагопрядилен всего осталось работающих 300» [40]. К началу 1811 г. в весьма критическом положении, несмотря на недавний заем у правительства в размере 500 тысяч франков, очутился владелец самых огромных хлопчатобумажных мануфактур, дававших перед самым началом кризиса работу *12 тысячам* с лишком рабочих,— Ришар-Ленуар [41]. Целыми десятками молили правительство о помощи более мелкие фабриканты [42], но вопрос о Ришаре имел в глазах правительства совершенно исключительное значение.

У Ришар-Ленуара было (перед кризисом 1811 г.) на всех его прядильнях 641 прядильная машина, из них: на парижской прядильне — 122 mull-jennys (по 180—324 веретена), в Шантильи — 14 mull-jennys (по 216 веретен), в Легле — 72 (от 156 до 216 веретен), в Séez'е — 105 (по 216 веретен), в Кане — 84 (по 216 веретен), в Aunay — 82 (по 216); кроме этих mull-jennys, у Ришара работали и небольшие машины («continues»): в Париже — 77 (по 60 веретен), в Легле — 50 (по 60 веретен) и в Aunay — 8 (по 60 веретен). На всех этих 641 «машине» (он дает общий подсчет, в который входят и большие mull-jennys

и маленькие *continues*) работало «около 3600 рабочих, мужчин, женщин и детей». В среднем в год эти прядильни Ришара потребляли 700 тысяч килограммов хлопка. Пряжа отчасти поступала прямо в продажу, отчасти же шла в ткацкие мастерские того же Ришара для переработки в бумажные материи. Его ткацкие были разбросаны главным образом в Нормандии и Пикардии. В Париже работало всего 120 ткацких станков, а в общем у него было в работе 6617 станков, из них (кроме 120 парижских) 2497 в Нормандии и 4000 в Пикардии. *Числилось* этих ткацких заведений у Ришара: в Париже — одно, в Нормандии — 12, в Пикардии — 34, но не следует думать, что все 6617 станков были распределены между 47 отдельными *зданиями*: часто попадается пояснение (à Chantilly et *environs*, à Alençon et *environs*, à Athis St. Honorine et *environs*), показывающее, что нельзя говорить об *одной* мастерской в Шантильи или Алансоне, или Атисе, хотя Ришар и считает, что у него в каждом из этих мест одно *établissement* (т. е. сдаточная контора в данном случае).

Около этих 6617 станков, кроме 6617 ткачей, работают еще 2205 человек, исполняющих разные сопряженные с ткацким делом функции, в общем же при ткацком деле у Ришара работает, таким образом, 8822 человека. Все эти ткацкие Ришара выделывают в год 80 тысяч кусков бумажных материй. Наконец, кроме прядилен и ткацких, у Ришара есть еще одна ситцевая мануфактура (в Шантильи), дающая работу 400 рабочим и выделывающая «более 20 тысяч штук» ситцевых материй.

Итого во всех заведениях Ришара работает:

Прядильщиков	3 600	человек
В ткацких мастерских	8 822	»
В ситцевой мануфактуре	400	»
Итого:	12 822	» [43]

Заведения Ришара в это время, в первой половине 1811 г., заняты были больше тканьем, нежели пряжей [44]: ткали пряжу, оставшуюся в складах.

Ришар подал (24 февраля 1811 г.) в министерство внутренних дел проект помощи погибающей, по его словам, хлопчатобумажной промышленности [45]: нужно, чтобы правительство разрешило хоть с 1 марта по 30 июня (1811 г.) каждому фабриканту, который вывезет за границу известное количество бумажных тканей, ввезти («в качестве поощрительной премии») во Францию *хлопок* в количестве, по весу равном тому, которое он вывез, да еще $^1/_4$ его, и притом этот ввозимый хлопок дол-

жен быть совершенно освобожден от пошлины. Если бы этот проект прошел, он, Ришар, взялся бы до 30 июня вывезти 200 тысяч килограммов бумажной материи и продать ее за границей по 40 франков за килограмм в наихудшем случае. Он бы мог тогда ввезти нужный ему хороший хлопок и сохранить всех своих рабочих [46].

Но разрешение это не было ему дано. Зато денежная помощь была ему оказана в широчайших размерах.

Скажем, к слову, о дальнейших судьбах этого долга Ришара казне. В 1811 г. (собственно, с декабря 1810 г.) Ришар получил из казны заимообразно 1,5 миллиона франков; кое-что он выплатил, кое-что ему было прощено, и королевским ордонансом 1816 г. его долг был низведен до 984 253 франков. С тех пор он успел (в марте и июне 1816 г.) получить из казны еще 300 тысяч франков, уплатил один раз 10 тысяч, другой раз 27 178 франков. А больше он ничего не платил, и министерство финансов не знало, что с ним делать: *несколько раз* затевалась переписка о продаже его заведений, но полиция доносила всякий раз, что рабочие останутся на улице и спокойствие может быть нарушено [47]. Одну прядильню Ришара (в департаменте Кальвадос) продали [48], но приступить к его заведениям, находящимся в центре беспокойного Сент-Антуанского предместья, не решались. Его долг был ему (в 1816 г.) рассрочен на 12 лет, но он не мог делать этих взносов. К началу 1822 г. Ришар был должен казне 1 257 000 франков, уплатить их он был решительно не в состоянии, и правительство (по собственному признанию) только потому не продавало принадлежащих Ришару мануфактур, что боялось нарушения «общественного спокойствия» со стороны рабочих, которые останутся без дела. Но в конце концов заведения были проданы, и Ришар, разоренный, отстранился от дел.

Конечно, не все могли в 1811 г. рассчитывать на такую неслыханную щедрость императора, как Ришар. Банкротства не прекращались в течение всей весны 1811 г.

Главный торговый совет формально установил в марте 1811 г. существование торгово-промышленного *кризиса* и много раз употреблял, говоря о переживаемом моменте, слова *la crise actuelle* [49].

4 марта 1811 г. Наполеон приказал министру финансов графу Молльену отпустить 1 миллион франков на вспомоществование амьенским фабрикантам (по 20 тысяч франков ежедневно, в течение 50 дней) и 2 миллиона на казенные закупки у фабрикантов Руана, Сен-Кантена и Гента. При этом он рекомендовал провести эти меры осторожно и без излишних разговоров [50]. Но эти мероприятия не могли иметь большого общего значения.

В самых промышленных округах, вроде Руана и Руанской области, обнаруживался в эту бедственную зиму полный упадок производства. Сначала погибали маленькие мастерские (petites fabriques isolées et disséminées dans les campagnes), погибала деревенская промышленность, затем кризис, продолжаясь и разрастаясь, губил и большие мануфактуры [51].

В заседании своем от 28 марта 1811 г. и совет мануфактур констатировал «подавленное и тревожное состояние торговли и мануфактур» [52].

11 апреля 1811 г. Наполеону докладывают, что тревога и неуверенность все возрастают, что капиталы продолжают исчезать из промышленности и торговли [53]. Самые солидные и большие торговые и промышленные предприятия находятся под угрозой банкротства [54].

19 апреля 1811 г. министру внутренних дел доносят, что рабочие *в большей части* промыслов — без работы, что много рабочих эмигрирует [55].

Агенты министерства внутренних дел откровенно доносили ему еще в начале кризиса зимы 1810/1811 г. и весны 1811 г., что, по общему мнению, помочь бедствию трудно, если продолжать следовать по пути все той же фискальной политики; что пошлина в 40% (на сырье) убила и французскую, и иностранную (континентальную) торговлю, что таможни парализуют движение торгового оборота [56]. Тут настойчиво проводится мысль, что и *после* уплаты этих 40% таможни мешают так или иначе купцу пользоваться своим товаром (le privent... de ce que lui reste de la marchandise,— довольно зло замечает доклад [57]).

Был в 1811 г. и объективный признак упадка торгово-промышленной деятельности и беспокойства за будущее: капиталы все приливали и приливали во Французский банк, так что это стало обременительно, по расчетам финансовой администрации [58].

О сокращении сбыта в кустарных промыслах можно заключать по отдельным известиям: ими правительство интересовалось гораздо меньше, чем большими заведениями.

В департаменте Aude, в двух промышленных округах которого «в прежнее время» работало 50 тысяч человек в шерстяном производстве, теперь, в 1811 г., работает всего 8—9 тысяч, но и тогда, и теперь все эти работы «производятся обыкновенно зимой», когда «рабочие» не заняты земледелием [59].

Положение промышленной округи, тяготевшей к Руану, в начале 1811 г. «ухудшается с каждым днем». Прежде всего погибает мелкое, разбросанное по деревням производство, но префект полагает, что *эти* рабочие (рабочие-крестьяне) еще могут найти себе другой заработок, но кризис так затянулся, что гибель грозит и «большим руанским мастерским», а тут уже

рабочим нечем будет заняться, кроме бродяжничества и нищенства. Правительству пришлось думать о пособии фабрикантам и о помощи рабочим [60]. В середине марта 1811 г. казна сделала в Руане огромные закупки бумажных материй, и только это «подняло дух» хозяев прядильных и ткацких заведений [61]; но, конечно, эта мера да и вообще все субсидии имели лишь чисто паллиативный характер, если даже, как утверждал министр финансов Молльен, в 1811 г. было в общем выдано казной нуждающимся фабрикантам около 13 миллионов франков.

В своем месте я уже привел показание Шапталя об общей цифре пожертвований Наполеона за все время его царствования. Эта цифра кажется слишком большой, если сопоставить ее с показанием Молльена, относящимся к самому бедственному периоду — 1810—1811 гг. Во всяком случае казна была очень щедра в 1811 г.

Зато найти частного кредитора становилось все труднее.

Капиталисты, особенно в такие времена, как кризис 1811 г., считали риском, *авантюрой* помещение денег в торговые предприятия [62]. Доклады министру о положении вещей на бирже и в торговых кругах за зиму 1810/1811 г. и весну 1811 г. прямо пестрят известиями о банкротствах очень крупных торговых и промышленных фирм [63]. Даже под самые верные обеспечения денег нельзя найти [64]. Уже в начале февраля в Руане, например, говорили, что «скоро можно будет насчитать лишь небольшое число лиц необанкротившихся» [65].

Положение торговли и промышленности очень тяжелое; нет уверенности в будущем; мануфактурам и торговле угрожает гибель, читаем в докладной записке управляющего Французским банком от 7 мая 1811 г. [66]. Он прямо объясняет это печальное положение тем, что покоренные Наполеоном страны так разорены, что потребление французских товаров неминуемо должно было сократиться, и до покорения их, оказывается, французская торговля имела там больше сбыта, чем после покорения. Так было с Испанией, Голландией, германскими странами [67]. Нечего и говорить о приморских городах и департаментах, разоренных потерей колоний и прекращением морской торговли [68]. Даже те хлопчатобумажные мануфактуры, которые стойко держались еще в 1807—1809 гг., теперь, в 1811 г., находятся в упадке, рассчитывают рабочих; хлопок и редок, и дорог, и обложен огромной пошлиной. В Лионе *вдруг* (после декабрьского указа 1810 г.) прекратились заказы из России, столь важные для шелкового производства; заказы из Германии также прекратились; внутренний рынок для шелкового производства тоже оскудел. Голодают за почти полным отсутствием дела рабочие парижские, занятые выделкой предметов роскоши. Несколько лучше держатся шерстяные мануфактуры. Заметно оскудели

средства потребителя и вне, и внутри страны; упадок обрабатывающей промышленности повлек за собой и отсутствие сбыта продуктов земледельческого труда и скотоводства, т. е. сырья. А что потребление заметно сократилось, это управляющий Французским банком считает фактом бесспорным и бросающимся в глаза [69]

Кризис 1811 г. представлялся правительству и обществу прежде всего как кризис *потребления*. Ощущение надвинувшегося бедствия было живым и всеобщим [70]. «Нет дел. Биржа имела сегодня еще более мрачный вид, чем вчера» [71],— подобные извещения то и дело мелькают в ежедневных рапортах министру внутренних дел.

Еще в конце 1810 г. и начале 1811 г. банкротства во Франции стали *ежедневным* явлением [72]; это продолжалось и весной 1811 г. [73].

Урожай 1811 г. оказался, вопреки ожиданиям, очень плохим почти всюду, кроме Пикардии и некоторых центральных департаментов; но его последствия стали сказываться лишь с сентября [74], а особенно с октября, так что *этот* кризис не вполне совпал с кульминационным моментом кризиса промышленного.

Вообще вторая половина 1811 г. была несколько лучше. Перелом и улучшение произошли летом; но, конечно, это еще не давало права правительству быть особенно оптимистичным.

Речь министра внутренних дел в заседании 29 июня 1811 г. при открытии сессии Законодательного корпуса проникнута официальным оптимизмом; в успехах «континентальной системы» он вполне убежден. Уже и сейчас Англии плохо, а стоит блокаде продержаться еще десять лет, и средства англичан будут истощены [75]. Что касается Франции, то ей от блокады нет никакого ущерба, напротив, французская торговля и промышленность имеют теперь рынок более чем в 60 миллионов потребителей. А что морской торговли нет, так это не беда: «Мы уже десять лет без морской торговли, и мы еще будем без морской торговли» [76]. «Математически доказано» [77], что Англия, ежегодно делающая заем в 800 миллионов, обанкротится через десять лет. Англии нужно тратить в год 2 миллиарда, и она прибегает к займам, а Французская империя тратит в год 900 миллионов, которые сполна покрываются прямыми и косвенными налогами. Мир с Англией немыслим: «Подобный мир был бы западней, поставленной нашей торговле, он был бы полезен лишь Англии, которая нашла бы вновь рынок для своей торговли и изменила бы континентальную систему».

И несмотря на кризис, правительство продолжало неуклонно разорять торговый люд самыми крутыми мероприятиями, направленными против английской контрабанды.

Крахи следовали непрерывно во всех промышленных и торговых департаментах Франции, но Наполеон, деятельно поддерживая казенными субсидиями падающие фирмы, в то же время ни в малейшей степени не смягчал драконовских мер касательно соблюдения блокады. Именно в этом бедственном 1811 г. он довел до банкротства ряд торговых домов, которые были уличены в скупке контрабанды в Бельгии: они должны были уплатить огромные штрафы, и многие из-за этого и погибли; между тем англичане, которым давным-давно было уплачено этими же несчастными скупщиками, конечно, нисколько в данном случае не пострадали. Даже верный наполеоновский министр полиции со сдержанным осуждением говорит об этом в своих записках [78].

Летняя ярмарка 1811 г. в Бокере была сильно подкошена драконовскими мерами правительства. «*Целая улица*» этой ярмарки, где продавались колониальные товары, была конфискована, как выражается автор бумаги, доводящей об этом до сведения таможенного управления. Пряности, сахар, окрашивающие вещества — все было конфисковано, купцы доведены до банкротства. Директор таможен почувствовал все же некоторую потребность отклонить от себя на этот раз ответственность и свалил все на префектов, которые слишком усердствуют [79].

Осенью 1811 г. стало явственно замечаться некоторое улучшение в общем положении французской промышленности. В июне 1811 г. в Лионе работало всего 5630 станков (в шелковой промышленности), в сентябре — уже 6279, а в ноябре — уже 8 тысяч, и была надежда, что если явятся в декабре американцы, то работа в Лионе закипит еще больше. Серьезное улучшение замечалось также в сбыте бумажных материй — ситцев, байки, а также в сбыте полотен в Нормандии и Пикардии с осени 1811 г. Недурно дело идет, по-видимому, на шерстяных мануфактурах; особенно процветают те из них, которые получили заказы от военного ведомства [80]. Но уже в конце декабря пришлось просить императора опять о казенных заказах для поддержания останавливающейся лионской шелковой промышленности и докладывать ему о печальном положении руанских мануфактур [81].

Декретом от 25 декабря 1811 г. был ассигнован 1 миллион франков на помощь нуждающемуся населению городов: Парижа, Гавра, Дьеппа, Ренна, Анжера, Бреста, Шербурга, Тулона, Рошфора, Лориана, Тура, Тулузы, Аяччио, Труа и Реймса; из этих денег Париж получил 400 тысяч (а 2 июля 1812 г. Парижу — уже не из этого фонда — было ассигновано еще 260 тысяч). Ассигнованные суммы поступали в распоряжение префектов (парижские ассигновки — в распоряжение префекта Сены) [82].

Характерно, что если исключить Париж, Тур, Тулузу, Анжер, Труа и Реймс, то окажется, что именно портовые города дольше всего страдали от последствий кризиса 1811 г.: именно им, как мы видим, пришлось помогать декретом от 25 декабря 1811 г. После того, что сказано было выше об общем положении приморских городов при Наполеоне, это читателя не удивит: портовые города были разорены морской войной задолго до 1811 г., и не мудрено, что им оказалось особенно трудно ликвидировать последствия кризиса этого года. Мы и дальше увидим подтверждение этого факта.

Этот кризис имел громадное значение именно потому, что болезненно круто вскрыл основное противоречие наполеоновской политики: блокада, сама по себе бывшая для Наполеона средством, понемногу превратилась *фактически* в *цель*. На виду была одна мысль: если нужно, пусть разоряется вся торговля и часть промышленности, но континентальная блокада *должна* исполняться неукоснительно. Другое рассуждение: блокада нужна затем, чтобы покончить с Англией, провозглашалось в официальных бумагах, подчеркивалось в наполеоновской переписке, но как могло оно возбуждать особый энтузиазм, особую готовность к жертвам, если сам император, выдавая лицензии, как бы расписывался в *невозможности* покончить с Англией путем блокады? И оставалось терпеть и дороговизну хлопка, убивавшую французскую конкуренцию на континенте, и разорение торговли, и полное уничтожение экономической деятельности портовых городов. Часть промышленного мира покорялась императору в 1809, 1810, 1811 гг. уже больше за страх, нежели за совесть, не так, как в эпоху Консульства, когда глава государства приветствовался как гегемон, который поведет Францию к небывалому экономическому процветанию; не так даже, как после 22 февраля 1806 г., после декрета о воспрещении ввоза бумажных материй во Францию.

Теперь даже те промышленники, которые всеми силами отстаивали принцип полного изгнания англичан с континента, убеждались растерянно и со страхом, что оружие оказалось обоюдоострым. И как раз, когда *они* стали в этом убеждаться, император начал обнаруживать все бóльшую склонность считать себя непогрешимым и, не считаясь с робкими, умоляющими голосами вчерашних союзников, не останавливаясь, шел по намеченному пути. Что *торговый* мир против блокады, он это знал давно, как мы видели, и с гневом отказывался обращать на это внимание; что многие *промышленники* разоряются, это он сознал как важное и повсеместное явление именно в кризис 1810—1811 гг. Но что их отчасти разоряет та же блокада, которая сначала подняла их благосостояние, это он отка-

зывался признать, вернее, с этим он отказывался считаться. Впрочем, миновал кризис, и грозное предостережение было забыто.

2

Теперь от этого общего очерка кризиса 1810—1811 гг. обратимся к показаниям, касающимся того, как кризис отразился на отдельных департаментах, на отдельных районах Империи.

Картина кризиса в главных чертах своих ясна уже из вышеприведенных фактов. Но для полноты впечатления я познакомлю читателя с результатами анкеты, произведенной правительством летом и осенью 1811 г., т. е. тотчас после того, как окончился самый острый период бедствия. Характерно, что анкета коснулась не только определения приблизительных размеров кризиса, но и вопроса о значении континентальной системы.

Наполеон приказал (министру *полиции*) произвести опрос администрации департаментов с целью узнать мнения торгово-промышленных кругов на местах относительно кризиса, а также относительно общего значения континентальной блокады для экономической жизни Империи. Ответили не все департаменты; ответы эти весьма кратки (иногда даже до лаконизма) [83]. Вопросов было поставлено два: 1) какое значение для торговли имели меры, осуществившие блокаду, и получила ли торговля большее распространение и 2) каково состояние мануфактур и больше ли число рабочих в 1811 г., нежели оно было в 1810 году? При всей краткости ответов, документы этой анкеты весьма интересны (и совсем неизвестны: я никогда не встречал ни ссылки на них, ни даже упоминания о них). Характерно, что далеко не все департаменты (из тех, которые вообще прислали ответ) решились высказать свое мнение о значении «запретительных мер» для торговли и промышленности, а предпочли просто указать, что в 1811 г. дела идут хуже, нежели в предыдущем, т. е. ответили на второй вопрос, промолчав на первый. Некоторые дипломатично высказали, что «в будущем» эти меры могут оказаться полезными. Разумеется, историк не должен забывать, что за все время существования блокады не было столь неблагоприятного момента для оценки ее последствий, как именно 1811 год. Вот почему вообще результаты этой анкеты более интересны для истории кризиса 1811 г., нежели для истории континентальной блокады в целом.

Показания изложены в нескольких строчках и отличаются самым общим характером: в одной-двух фразах излагается (уже, конечно, канцелярией министра полиции) содержание

ответа, пришедшего из того или иного департамента (самые ответы отсутствуют).

Рассмотрим же по районам, какие отзывы о блокаде и кризисе дала Франция (или, точнее, местная администрация на основании отзывов торговых и совещательных палат, так как именно эти учреждения должны были давать местной администрации материал для подобных ответов центральному правительству). В конце мы увидим, что на основании этой картины можно прийти к некоторым не лишенным интереса выводам. К сожалению, повторяю, далеко не все департаменты прислали ответ.

1. Северный район.

(Сведения о департаменте Нижней Сены нам известны из докладов, представлявшихся императору с самого начала кризиса: общий застой в делах, страшная безработица, приостановка деятельности хлопчатобумажных мануфактур из-за недостатка сырья, уменьшение сбыта в остальных отраслях текстильной промышленности.) В департаменте Соммы «ждали, что эти меры (т. е. блокада — *Е. Т.*) произведут счастливое действие на мануфактуры департамента, но этого не случилось. Мануфактуры — в полном бездействии». Департамент полон безработных, недостаток сбыта остановил производство. Департамент Côtes du Nord, «более земледельческий, чем мануфактурный, не испытал благоприятного влияния» блокады. Полотняное производство, здесь существовавшее, пришло в упадок. Из Ламаншского департамента пишут об отчаянном положении как бумагопрядилен, так и других промышленных заведений. В департаменте Уазы полагают, что «эти меры» (блокада) благоприятны для торговли и что торговля ощутит эти выгоды, когда будут открыты новые каналы. А пока мануфактуры слабо действуют, число рабочих значительно уменьшилось. В департаменте l'Aisne влияние блокады признается благотворным до конца 1810 г., но с того времени «все переменилось»: мануфактуры Сен-Кантена, прежде не поспевавшие удовлетворять спрос, теперь в застое. Причины — отсутствие рынков, дороговизна и скудость сырья; из 10 796 человек пришлось рассчитать 2500 человек. В Кальвадосе эти меры «не имели большого влияния», но все-таки имели некоторое: ситценабивная фабрика в Bayeux «процветает». Но зато бумагопрядильни уменьшили работу наполовину. Из остальных отраслей промышленности кружевное производство, дающее работу 50 тысячам людей («всякого возраста и пола»), уменьшилось вследствие недостаточности сбыта; шерстяное производство держится, *так как* имеет заказы от военного ведомства. Вообще же «этот департамент более земледельческий, нежели мануфактурный».

2. Северо-западный и западный районы

В департаменте Финистер «мануфактур нет», торговля же чрезвычайно стеснена этими мерами, ибо департамент «морской» [84].

В Ille-et-Vilaine блокада имела лишь «очень слабое влияние» на торговлю (в департаменте вообще промышленность не развита). Два промышленных заведения (которые будто бы только и существуют в департаменте) — оба стоят без работы: одно совсем не имеет работы, а другое вскоре лишится ее [85]. В департаменте Вандеи, «чисто земледельческом, блокада не имела никакого влияния» [86]. В департаменте Maine-et-Loire запретительная система «могла бы расширить» торговлю, которую ведет здесь г. Шоле, но главные рынки сбыта продуктов этого департамента, «испанские колонии и Португалия», теперь закрыты, а это «помешало счастливому влиянию», которое могла бы иметь блокада. Но железоделательное производство в цветущем состоянии. Из департамента Обоих Севров (в Вандее) шлют только весть об упадке кожевенного производства,— о блокаде и об ее влиянии ни слова. В департаменте Dordogne «нет ни фабрик, ни мануфактур», кроме нескольких кузниц да завода для выделки сахара из виноградного сиропа. Число рабочих в кузницах «значительно уменьшилось» из-за торгового застоя. В департаменте Шаранты блокада не имела хороших последствий, так как закрыла морские пути торговли. В департаменте Lot-et-Garonne, «земледельческом по существу» (essentiellement agricole), блокада влияния не оказала. Но во всяком случае «немногие мануфактуры, имевшиеся в этом департаменте, в упадке». Бумагопрядильни вследствие недостатка хлопка, металлургические мастерские, а также мастерские, выделывающие парусину, «ждут заказов от министров — военного и морского». В департаменте Жиронды, «непромышленном», влияние блокады «не чувствуется». Но зато весьма чувствуется прекращение судоходства: число рабочих, работающих по постройке судов, доходило в 1790 г. до 10 700 человек, теперь это число пало до 1128 человек.

3. Восточный район

В департаменте Верхней Марны больших мануфактур нет, и хотя повторяется обычное в этой анкете заявление: *le commerce en général languit, et la confiance se perd*, но тут же отмечается, что рабочие, занятые на заводах ножевых изделий, в дубильных, шляпных, ткацких, вязальных, перчаточных мастерских, при постройке речных судов, имеют достаточно работы, и число их не меньше, чем было в 1810 г. В департаменте Саара в 1811 г. нет никаких перемен сравнительно с 1810 г. О блокаде — ни слова. В департаменте Рейна-и-Мозеля «различные фабрики растут с каждым днем»; только производство

табачных изделий страдает, и те, которые этим до сих пор занимались, теперь «принялись за возделывание свекловицы». В департаменте Верхней Соны железоделательное производство не уменьшилось; о других отраслях промышленности не говорится ничего. В департаменте Mont-Tonnerre континентальная система повлекла за собой «усовершенствование фабрик». Но в другой графе говорится только, что кузницы и дубильни держатся, «так как работают только на потребление» (ne travaillant que pour les besoins de la consommation). Эта неясная фраза хочет выразить ту мысль, что кузницы и дубильни работают на местного потребителя. Как обстоит дело с другими заведениями — неизвестно. В департаменте Вогезов железоделательные мастерские, кузницы, жестяное производство процветают; бумагопрядильни, кружевное производство, бумажные мастерские страдают; дубильни — «в обычном состоянии». Вообще же число рабочих во всех этих заведениях почти такое же, как в 1810 г. В департаменте Meurthe блокада повлияла хорошо на состояние фабрик. Они увеличились в 1809—1810 гг. Теперь (в 1811 г.) их дела идут тише вследствие недостатка сырья. Особенно страдают бумагопрядильни. В департаменте Isère «сначала эти меры произвели вредное действие», но теперь «доверие начинает возрождаться, капиталы появляются вновь, и все предсказывает счастливое будущее торговле». Полотняные мануфактуры, дававшие в 1804 г. работу 2670 человекам, теперь дают работу 4930 рабочим. Другие производства (суконное, сталелитейное, перчаточное, стекольное, шелковое, бумажное) только упоминаются, но об их увеличении или уменьшении ничего не говорится. В департаменте Верхнего Рейна «запретительная система имела самое благоприятное влияние на фабрики департамента», и если сейчас (в 1811 г.) они в упадке, то не по вине этой системы [87]. «Мануфактуры с 1802 г. до 1810 г. достигли наибольшего процветания», но теперь их деятельность «почти уничтожена». Из 59 418 рабочих, числившихся здесь, 44 400 работало на бумагопрядильнях; теперь из этих 44 тысяч — 40 тысяч без работы. Департамент Doubs — по преимуществу земледельческий, и никакого иного ответа на запрос он не дал. В департаменте Mont-Blanc констатируется *польза* от блокады, особенно для дубилен и металлургии. Что касается бумагопрядилен, то они «были бы в более цветущем состоянии», если бы не было столь трудно добывать хлопок. В департаменте Марны торговля не усилилась вследствие континентальной системы. Число рабочих мануфактурных уменьшилось сравнительно с 1810 г. на $^1/_5$ прежнего количества. В департаменте Самбры-и-Мааса «фабрики и мануфактуры находятся в состоянии, внушающем тревогу хозяевам и рабочим, кроме ножевой мануфактуры в Намюре, которая процветает». Число

рабочих в кузницах, стекольных заведениях, бумагопрядильнях уменьшилось на $^2/_3$. В департаменте Мааса «из-за недостатка кредита, застоя в торговле, дороговизны сырья» в хлопчатобумажных мануфактурах и мастерских бумажных изделий в 1811 г. занято рабочих на $^1/_3$ меньше того числа, какое было в 1810 г. В департаменте Мозеля торговля «не только не страдает, но возросла»; жестяные мастерские и стекольные заводы извлекают большие выгоды из принятых мер. Рабочие не уменьшились в количестве, и все заняты [88]. В Арденском департаменте процветает только оружейный завод в Шарлевилле: он «значительно увеличился со времен революции». Но суконное производство, которым славился департамент, не в блестящем положении: суконные мануфактуры в Ретеле, дававшие еще в 1810 г. работу 20 тысячам человек, теперь сохранили лишь половину этого числа рабочих; седанские сукноделы давали работу к 1 января 1811 г. 7781 человеку; теперь эта цифра сократилась на $^1/_4$.

4. Южный район

В Авейроне «еще не заметны» благие последствия этих мер; деятельность мануфактур уменьшилась вследствие недостатка спроса. В Верхних Альпах население по бедности своей и раньше не покупало английских товаров, так что влияние запретительных мер равно нулю [89]. Что касается туземной промышленности, то дубильни, бумажные фабрики и производство грубых шерстяных материй почти в том же состоянии, как в 1810 г. Но бумагопрядильни «значительно уменьшили число рабочих» вследствие вздорожания хлопка и недостаточности рынков. В департаменте Ariège континентальная система не имела никакого влияния, «так как английские товары неизвестны» в этом департаменте. Суконные мануфактуры уменьшили производство, правда, но вследствие «недостатка денег и рынков сбыта». А 45 железоделательных заведений, существующих здесь, действуют не меньше, чем в 1810 г., и дают работу тому же числу рабочих. Из департамента Дромы пишут, что блокада «не произвела пока всего добра, которого можно было ждать от нее, но надеются на лучшие результаты в будущем». Пока же многочисленные шелковые и вязальные мануфактуры и сукнодельни в упадке. «Приписывают это редкости звонкой монеты, дороговизне припасов и дешевизне фабрикатов». В Варе «уже давно» торговля почти равна нулю, и блокада «не произвела никакого счастливого влияния». Прежде знаменитые парфюмерные мастерские, дававшие работу 500 рабочим, теперь имеют лишь 80 рабочих. Дубильни пришли в упадок, шляпные мастерские также. В департаменте Тарна и Гаронны промышленное производство пало, «большинство фабрикантов закрыло свои мастерские, и все уменьшили число рабочих». В департа-

менте Hérault «все фабрики и особенно суконные страдают; несмотря на низкие цены (фабрикатов — *Е. Т.*), нет покупателей». Торговая палата Монпелье и совещательные палаты других городов «надеялись на самые счастливые результаты» блокады (и даже благодарят его величество), но надежды не оправдались: нет кредита, оскудевает наличность [90]. В департаменте Нижних Альп, где производятся лишь грубые шерстяные материи и полотна исключительно для местного потребления, блокада не имела никакого влияния: все осталось «совершенно в одном и том же состоянии от времени революции». В департаменте Устьев Роны «самые значительные заводы — мыловаренные» (марсельское мыловарение). Они находятся в упадке, «так как их сбыт был главным образом в колониях». В департаменте Aude главное производство — суконное — в застое, но это объясняется «не мерами, принятыми против английских товаров, но прекращением сношений с левантийскими портами и особенно испанской войной». В департаменте Lozère континентальная блокада «расширила бы торговый оборот», *если бы* шерстяные материи, выделываемые в Mende'e, могли по-прежнему сбываться в Испании («leur débouché ordinaire»). Но так как это теперь невозможно, то производство «значительно сократилось». В департаменте Морских Альп запретительные меры не имели влияния, так как торговля сводится там к «обмену» сырьем, а мануфактурное производство крайне незначительно; это производство осталось здесь без перемен. В департаменте Тарн «благодаря» блокаде завелась «фабрика», вырабатывающая «индиго» (из растения вайды, *isatis tinctoria, «l'indigo des feuilles du pastel»*). Что касается до существовавших прежде заведений, то некоторые страдают, а другие «значительно увеличились». В департаменте Cantal нет никаких мануфактур, и никакого действия блокады не отмечено. В департаменте Ardèche континентальная система «не имела благоприятного влияния». В этом департаменте есть шерстяное, шелковое и писчебумажное производство, но оно в застое, так как главный рынок сбыта — Лион — уже не делает закупок. Большое число рабочих лишено работы.

5. Юго-западный район

В Верхних Пиренеях блокада «не расширила торговли» (департамент «населен земледельцами и пастухами»). В чисто земледельческом департаменте Gers невозможно учесть влияние континентальной блокады. Департамент торгует хлебом, винами, водками, скотом [91]. В совершенно не промышленном департаменте Восточных Пиренеев блокада не вызвала «ни уменьшения, ни увеличения размеров торговли». Вообще в департаменте существует лишь производство грубых шерстяных материй, это производство уменьшилось сравнительно с 1810 г.

В департаменте Ланд континентальная система не имела никакого влияния, так как здесь нет никакой промышленности [92].

6. Центральный район

В департаменте Роны (г. Лион) «не сомневаются в выгодном влиянии этих мер на национальные фабрики». Но другая графа сообщает, что шелковые мануфактуры в 1810 г. давали работу 14 694 станкам, а теперь дают работу всего 2400—2600; причина: отсутствие заказов из-за границы. В департаменте Aube со времени опубликования этих мер торговля сократилась, но «не вследствие этих мер, так как английские товары мало распространены в этом департаменте, но вследствие недостатка во внутреннем сбыте и вследствие нынешних обстоятельств, изгнавших кредит и звонкую монету» [93]. Главное производство тут — хлопчатобумажное; вредят ему «недостаток сбыта и дороговизна сырья». В общем число рабочих в департаменте сократилось на $^1/_3$. В [департаменте] Сены-и-Уазы блокада «имела только влияние в смысле лишений, которые испытывают потребители вследствие дороговизны колониальных товаров». Вообще же мануфактуры держатся, «если не считать тех, которым необходимо колониальное сырье». В департаменте Orne сильно страдают мануфактуры Ришар-Ленуара: число рабочих уменьшилось наполовину сравнительно с 1810 г. Континентальная блокада здесь «прямо повредила фабрикам, потребляющим хлопок, и косвенно почти всем остальным» (par le contre-coup opéré dans le crédit et la fortune des négociants et manufacturiers). В департаменте Шер мануфактур, собственно, нет, торговля состоит главным образом в вывозе сырья, и вообще благодаря «центральному положению его департамента» последствия блокады мало ощутимы. В департаменте Соны-и-Луары есть лишь одна значительная мастерская (хрустальных изделий, в Монсени). Она не испытала перемен. В Loiret число рабочих вязальных и прядильных мануфактур уменьшилось. Причина — машины. Остановились и сахарные заводы из-за недостатка сырья. В департаменте Йонны блокада тоже не имела значения, так как департамент занят виноделием и лесоторговлей, а «мануфактур нет» [94]. В Eure-et-Loir мануфактур вообще мало, а теперь (1811 г.) они в полном бездействии. В департаменте Ньевра существуют чугуноплавильные заведения (с доменными печами), кузницы, стекольные мастерские, фаянсовые, мастерские глиняных изделий, и все эти предприятия в общей сложности давали работу «4632 отцам семейств». Почти столько же людей занималось сплавкой леса в Париж. «Почти полное прекращение торговли почти уничтожило эти заведения, и бóльшая часть рабочих — без работы». Два «почти» мало смягчают безотрадную картину; в департаменте много банкротств, вызванных торговым застоем. В департаменте Коррез

самое развитое производство — оружейное; «оно зависит от правительства и не претерпело никаких изменений». Есть в департаменте *одна* довольно значительная бумагопрядильня, и той грозит закрытие. В департаменте Верхней Вьенны число рабочих в общем уменьшилось более, нежели вдвое, производство в тяжелом состоянии за отсутствием рынков. В департаменте Loir-et-Cher почти «в бездействии» находятся как суконные фабрики (в Ромартене и Сен-Дье), так и бумагопрядильни (Вандомского округа). «Первые страдают от недостатка сбыта, вторые — от недостатка сырья». Многочисленное население — без работы, и «предстоящая зима» внушает опасения. В департаменте Puy-de-Dôme запретительные меры не произвели никакого действия. В департаменте Вьенны, тоже земледельческом, никакого влияния блокада не имела [95]. В департаменте Allier, чисто земледельческом, запретительная система не имела никакого влияния. Есть там одна «прекрасная кузница», которая не испытала никаких перемен. В департаменте Creuse были ковровые мануфактуры, имевшие значительный сбыт за границей и внутри государства; там работало до 1000 рабочих. Теперь вследствие недостатка сбыта эти заведения в упадке, и много рабочих без работы. Больше ничего о местном производстве не говорится. В департаменте Верхней Луары запретительные меры не имели благоприятного влияния для торговли. Главные производства в департаменте — кружевное, ленточное и полотняное. Они — в упадке за недостатком сбыта. В департаменте Эндры-и-Луары число мануфактурных рабочих меньше, нежели в 1810 г. Причина — недостаток сбыта, недостаток кредита. В частности, отмечено тяжелое положение мануфактур, вырабатывающих простые шерстяные материи. В департаменте Луары бóльшая часть мануфактур и фабрик стоит без работы; рабочих на $^1/_3$ меньше, чем в 1810 г. В департаменте Сарты производство полотен, ситцев, бумажных тканей — в полном упадке, и его состояние «внушает большую тревогу относительно будущего».

7. Бельгийские департаменты

Из департамента Dyle (главный город Брюссель) пришел сначала ответ в одну строку, чрезвычайно неопределенный: «Les manufactures sont d'une importance médiocre dans ce département». Во-первых, это не совсем так, а во-вторых, любопытно было бы знать, как блокада отразилась на этих мануфактурах. Но я уже отметил (во введении), что фабриканты этого департамента были очень скрытны в своих показаниях [96]. И действительно: анкета еще не была закончена, как пришел и другой ответ (очевидно, по повторному требованию). Во втором ответе в департаменте Dyle констатируется неблагоприятное влияние этих мер. В 1808 г. мануфактурной работой здесь было занято

15 715 человек, а в 1811 г.— 9362 человека. Разница — в 6353 человека. Больше всего пострадало кружевное производство. Главные причины торгового застоя: недостаток рынков сбыта, недостаток кредита. В департаменте Deux Nèthes блокада сначала оживила надежды мануфактуристов, «тем не менее торговля не увеличилась». Недостаток как хлопка, так и индиго и других красящих веществ повлек за собой разорение мануфактур. Из четырех больших ситцевых мануфактур уцелела одна, главная, сократив число рабочих на 200 человек (до 1811 г. на ней работало 1300); три другие закрылись. В департаменте Шельды «фабрики некоторое время извлекали большую выгоду из запретительной системы, но теперь они в состоянии застоя...». «Недостаток сбыта и сырья приносит большой ущерб мануфактурам и принудил рассчитать более половины всего количества рабочих». В департаменте Ourthe «насчитывается 50 613 рабочих, занятых главным образом в шерстяном производстве, в сталелитейных мастерских и в копях». Сколько именно занято в копях, а сколько — в обрабатывающей промышленности, не говорится. Производство страдает от недостатка сбыта, происходят многочисленные банкротства. В департаменте Нижнего Мааса блокада имела мало влияния, так как вообще там «торговля весьма ограничена». Рафинадный сахарный завод совсем пал; суконодельни, дубильни и пр. не испытали изменений с 1810 г. В департаменте Jemappes отмечается следующее: континентальная система «оказалась выгодной для производств, которые потребляли местное сырье». Что касается бумагопрядилен, сахарных заводов, то они не работают. Фаянсовые и железоделательные мастерские процветают. Выделка роскошных ковров (tapis de luxe) в упадке. В департаменте des Forêts есть три десятка мастерских (всяких), и они меньше работают в 1811 г., нежели в 1810 г.

8. Из прирейнских немецких департаментов откликнулся один — Рерский

В Рерском департаменте отмечены лишь последствия для суконных мануфактур русского (декабрьского 1810 г.) манифеста о торговле, так вредно отразившегося на французском сбыте; отмечено сокращение числа рабочих как по этой причине, так и вследствие «большого числа недавно распространившихся машин».

9. Пьемонтские и заальпийские департаменты

Из департамента Сезии, самого промышленного во всем бывшем Пьемонте, приходит следующий политичный ответ: французские товары нашли себе больше сбыта за границей и внутри страны. Но промышленность департамента ничего не выиграла вследствие затруднений, которым подверглись сно-

шения с королевством Италией. В этом департаменте есть шерстяные, шелковые, кожевенно-дубильные заведения, писчебумажные мастерские, мастерские для выделки серпов. Производство сильно страдает, запретительные меры, направленные против Англии, *«вопреки надеждам»*, не принесли пользы; общий застой и малая доступность сырья — причины тяжелого состояния промышленности. В департаменте Doire производство — в том же положении, как и в 1810 г., и блокада вообще никак не отразилась на положении торговли. Впрочем, департамент вообще находится в стороне от торговых путей. В департаменте По отмечены, с одной стороны, губительные последствия континентальной блокады для шелкового производства, а с другой стороны, благоприятные последствия для металлургии, дубилен, прядилен, писчебумажных фабрик. Но прирост числа рабочих в этих заведениях *не* уравновешивает уменьшения числа рабочих, которые были заняты в шелковой промышленности [97]. В департаменте Liamone влияние блокады было «счастливым»: здесь прежде «видели одни лишь английские мануфактурные товары», а теперь получили сбыт французские. Что касается до местного, департаментского производства, то здесь существует лишь несколько маленьких мастерских, не испытавших в 1811 г. никакого изменения сравнительно с 1810 г. В департаменте Маренго, чисто земледельческом, блокада не имела никакого влияния [98]. В департаменте Монтенотте блокада «ни в хорошую, ни в дурную сторону» никакого влияния не оказала. Общее число мануфактурных рабочих в департаменте было в 1810 г. равно 12 020 человекам, а в 1811 г.— 11 871 человеку [99]. В департаменте Апеннин «продукты английских мануфактур тотчас после запрещения были заменены продуктами национальных мануфактур». Шелковые мануфактуры, существующие в департаменте, значительно страдают, полотняное производство держится. В департаменте Симплонском торговли и промышленности нет, а потому и запретительная система не имела никакого влияния. В департаменте Ombrone мануфактуры вообще незначительны. В 1810 г. они давали работу 1200 рабочим, и положение дел теперь, в 1811 г., не изменилось, ибо эти мануфактуры вырабатывают лишь грубые шерстяные материи для местного потребления [100]. Департамент Arno «не почувствовал потерь и лишений, которые в других местах были следствием запретительной системы». Это читаем в одной графе. А из другой узнаем, что *6 тысяч* рабочих, занятых в шелковом производстве, остались без работы, но это произошло «вследствие неурожая прошлого года». Далее: «Больше 15 тысяч рабочих было рассчитано в бумагопрядильнях и ткацких города Прато», так как Греция и Турция уже не покупают товары, здесь выделываемые. Суконные и полотняные

мануфактуры держатся. В Римском департаменте производство «не уменьшилось и не увеличилось» сравнительно с 1810 г., и вообще промышленность здесь «не такого рода, чтобы запретительная система могла способствовать ее развитию» (мы, впрочем, из других источников знаем уже, что вся эта римская «промышленность» была ничтожна). В департаменте Средиземного моря континентальная система разорила самые богатые торговые дома, ибо главным образом эта область прежде торговала с англичанами [101]. Мануфактуры находятся в самом жалком состоянии, мыловарни, дубильни, текстильные заведения, мастерские, обрабатывающие кораллы и алебастр, стоят без дела...

На основании этой анкеты возможно прийти к следующим заключениям: 1) Департаменты земледельческие почти вовсе не ощущали непосредственных последствий блокады, ни хороших, ни дурных. Там, где была развита деревенская и притом работавшая только на местного потребителя промышленность, эта промышленность не испытывала особых колебаний даже в годину кризиса 1811 г. 2) Из отраслей текстильной промышленности в промышленных департаментах *относительно* меньше пострадали суконное производство и выделка грубых шерстяных материй, что объясняется не только наличностью дешевого сырья, но и казенными заказами (от военного ведомства), *отчасти*, *местами*, компенсировавшими сокращение сбыта в частные руки. Больше пострадало полотняное производство, еще больше бумагопрядильное и бумаготкацкое: здесь гнетущее влияние оказали не меньше, нежели недостаток сбыта, недостаток сырья, страшное вздорожание хлопка. Это явление повсеместное. 3) Тяжелое угнетение испытывают те отрасли текстильной промышленности, которые относятся уже к производствам предметов роскоши: кружевное и шелковое производства. Сокращение сбыта — главная причина кризиса в данном случае. 4) Без особых перемен и потрясений продолжает существовать кожевенно-дубильное производство. 5) В сравнительно удовлетворительном (местами даже процветающем) состоянии находятся металлургические промыслы. 6) Совсем пришли в упадок сахарно-рафинадные заводы за полным отсутствием сырья (тростникового сахара из колоний). 7) В числе причин тяжелого состояния целого ряда отраслей в некоторых департаментах прямо называют континентальную блокаду, в других — «недостаток кредита» и вообще упоминают лишь о ближайших причинах (недостаток сбыта, дороговизна сырья и т. п.), не углубляясь дальше в этот щекотливый вопрос. Характерны неоднократные признания в *разочаровании* блокадой,

которая, «*несмотря на возложенные на нее надежды*», не оправдала ожиданий и не помогла, а повредила торговле и промышленности (или таким-то отраслям промышленности). В этих заявлениях тонут единичные благоприятные отзывы о блокаде (из департаментов: Мозеля, отчасти Тарна, Рейна-и-Мозеля, Верхнего Рейна). Говоря вообще о рынках сбыта и об их сокращении, огромное большинство ответов не входит в дальнейшие подробности относительно именно *внешних* рынков. Лишь в единичных случаях указывается на испанские дела, лишившие французов сбыта в Испании и Португалии (департамент Maine-et-Loire), на декабрьский указ 1810 г. императора Александра, сокративший сбыт в России (департамент Rœr), на утрату колоний (департамент Устьев Роны). В двух случаях (департаменты Rœr и Loiret) сокращение числа рабочих (на прядильных и *вязальных* мануфактурах) объясняется введением машин. Это нужно отметить как интересный факт, указывающий на успехи, которые в эти годы сделало машинное производство в Империи, хотя, памятуя о редкости подобных указаний, не следует, конечно, торопиться с обобщениями.

Но, повторяю, по этой анкете постановить окончательный приговор о блокаде и ее значении в истории французской промышленности мог бы лишь тот исследователь, который уже наперед решил бы безусловно признать за этой мерой исключительно вредные для промышленности последствия. Сплошь и рядом документы, упоминая о 1810 г., заставляют нас пожалеть, что анкета была произведена не в 1810 г. и не в первой половине 1812 г., не в более или менее нормальное, так сказать, а в исключительное время, в тяжкую годину кризиса. Зато общую картину бедствия 1811 г. эти документальные показания заканчивают очень ярко.

Глава XXXI

ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ИМПЕРИИ

1. Ликвидация кризиса 1811 г. Подсчеты 1812—1813 гг. Показания Монталиве о торговом балансе. 2. Теория об изгнании колониальных товаров из Европы. Свекловичное сахароварение, добывание индиго из вайды в 1812—1813 гг. Цель миллионной награды за изобретение льнопрядильной машины. Результаты усилий правительства в осуществлении своей теории. 3. Контрабанда в 1813—1814 гг. Связь ее с фактическим уничтожением континентальной блокады в Северной и Центральной Европе. 4. Бедственное положение французской промышленности в последние месяцы Империи

1

В этой последней главе мне осталось досказать немногое. В конце 1811, в 1812 г. министерство внутренних дел и вновь учрежденное министерство мануфактур и торговли занимались общими подсчетами, исчислениями числа промышленных заведений, рабочих, суммы оборотов в разных отраслях производства и т. п. В частности, министерство торговли требовало от префектов также «триместриальных» ведомостей о положении промышленности в их департаментах. Эти триместриальные отчеты 1812—1813 гг., как было уже указано во введении, часто были весьма неточны и произвольны, нередко цифры просто механически списывались с предыдущих (что замечало само начальство) и т. п.; общие исчисления, особенно же опубликованные в феврале 1813 г. министром Монталиве, грешат казенным оптимизмом, часто фантастичностью, но все же я хочу ознакомить читателя с главными *выводами*, которые были сделаны центральной властью в эти последние времена Империи касательно состояния важнейших отраслей промышленности. Глава эта и с ней вся книга закончится некоторыми характерными показаниями о «контрабанде» 1813 и начала 1814 г., точнее об явных симптомах крушения континентальной блокады не только в освобождающейся от Наполеона Европе, но и в еще повинующейся ему Франции.

Перед войной 1812 г., несмотря на пережитый весной 1811 г. общий кризис, положение вещей рисовалось властям в чрезвычайно отрадном виде.

В конце 1811 г. министр внутренних дел представил Наполеону общий обзор состояния промышленности во Франции (*без* Голландии и *без* ганзейских городов, как он оговаривается). Он, как всегда, предупреждает императора о «недостаточности средств», которыми располагал для собирания сколько-нибудь точной статистики, с ударением говорит о многих ошибках в показаниях, о неполноте присланного местными властями материала и, кроме того, делает в высшей степени важную оговорку, что в его подсчеты *не* вошли «маленькие мастерские», а только заведения более или менее значительные. Все это было бы очень неясно, если бы мы не знали, что в эту эпоху слова «les petits ateliers» обозначали обыкновенно «мастерскую» одинокого производителя, работающего на дому за собственный счет и продающего товар на рынке. Если же он получал заказ от фабриканта, то хотя и работал на дому, он уже считался в числе рабочих такой-то мануфактуры. Мастерская же, где работали хоть 2—3 наемных рабочих, обозначалась очень редко словом «le petit atelier», а называлась обыкновенно «une petite usine». Но все-таки точного представления о том, что автор доклада считает *petits ateliers*, он нам не дает [1]. Этих промышленных заведений «более или менее значительных» оказалось 81 718, а рабочих, которые для этих заведений работают,— 1 747 108. Сумма, на которую вырабатывалось товаров всеми этими заведениями, была равна 1 962 130 613 франкам.

Монталиве обращает внимание Наполеона еще на следующее: до блокады в первые годы царствования Наполеона (но не указано, когда именно) был произведен Шампаньи (герцогом де Кадором) подсчет рабочих, работающих в промышленных предприятиях, и их оказалось «всякого пола и возраста» 1 052 782, а промышленных заведений 55 247. Сумма, на которую вырабатывалось товаров ежегодно, была равна 1 026 711 233 [франкам].

	По подсчету герцога де Кадора	По подсчету Монталиве (конец 1811 г.)
Число промышленных заведений . .	55 247	81 718
Число рабочих	1 052 782	1 747 108
Сумма, на которую вырабатывалось товаров [во франках]	1 026 711 233	1 962 130 613

Конечно, я привожу эти цифры больше для характеристики того представления, которое имело наполеоновское правительство об обрабатывающей промышленности, об ее эволюции после пяти лет блокады. Более точных и полных цифр никто не имел ни тогда, ни, конечно, впоследствии, когда исчезли некоторые материалы, на основании которых сначала герцог де Кадор, а затем Монталиве производили свои подсчеты; но это, как мы видели, вовсе не значит, что приводимые цифры сколько-нибудь точны и полны [2].

Окончательно восстановилось (после кризиса 1811 г.) вполне нормальное положение вещей, по уверениям министра торговли и мануфактур, в конце 1811 г. По крайней мере в докладе, поданном Наполеону 14 февраля 1812 г., содержится прямое утверждение, что с ноября 1811 г., когда в последний раз подавался общий доклад о промышленности (министром внутренних дел), положение вещей «замечательно улучшилось». *Почти все* мануфактуры возобновили работу [3]; в частности, шелковое производство подвигается «быстрыми шагами» к былому благополучию. Так, в ноябре 1811 г. в Лионе работало 8 тысяч станков, а теперь (в феврале 1812 г.) работает 9615. Правда, даже префект департамента Роны пишет, что это благополучие не продержится, но министр «имеет основания думать, что в этих опасениях есть преувеличения». Столь же хорошие известия будто бы идут и из других местностей, где существует шелковое производство. Так, в октябре 1811 г. в г. Турине работало всего 499 станков, а к 1 января 1812 г. уже было 609; во Флоренции в октябре 1811 г. было 1250 станков, а за последний триместр число это увеличилось на 56. В департаменте Hérault в июле 1811 г. работал 881 станок, теперь — 907. В Кельне, Клеве, Крефельде было в сентябре 1811 г. 4337 станков, теперь — 4342. В г. Ниме работает 955 станков — на 135 больше, нежели было в конце 1811 г., и т. д. Только в одном Авиньоне заметно уменьшение, да и то незначительное: в августе 1811 г. там работало 1228 станков, теперь работает 1150.

Вот общий подсчет, сделанный только за девять месяцев 1812 г. министерством мануфактур и торговли и относящийся к шелковой промышленности *всей* Империи [4]:

	Число станков	Число рабочих
1-й триместр 1812 г. . .	24 469	48 659
2-й » 1812 г. . .	25 615	54 399
3-й » 1812 г. . .	27 302	59 549

Шерстяное производство «*процветает*» в 1812—1813 гг., так уверяли Наполеона все докладчики. Жалоб особых, действи-

тельно, за эти годы нет со стороны шерстобитов и суконщиков. Но не могу не обратить внимание читателя на один документ, показывающий, что в 1813 г., когда в общем промышленность осталась почти в стационарном положении сравнительно с 1812 г. и с последними месяцами 1811 г., именно шерстяное производство в некоторых местах, особенно в южном районе, страдало от «чрезмерной дороговизны шерсти» [5], что было обусловлено окончательным вытеснением французов из Испании.

Состояние хлопчатобумажной промышленности, говорит министр, не улучшилось, но, правда, и не ухудшилось, по крайней мере «в городах, где она главным образом и существует»: в Руане, Лилле, Рубе, Тараре, Амьене и Сен-Кантене. Что касается кожевенного производства, то оно процветает; оно, впрочем, по мнению министра, и от кризиса 1811 г. меньше пострадало, чем производства шелковое и хлопчатобумажное [6].

Довольно оптимистична относительно хлопчатобумажной промышленности была общая сводка, представленная Наполеону в начале 1813 г. и имевшая целью представить в цифрах успехи этой отрасли производства.

Вот эта сводка, сделанная в министерстве мануфактур и торговли в 1813 г. [7]:

Годы	Число рабочих	Количество пряжи в килограммах	Количество изготовленной бумажной материи
1789	70 075	3 851 000	1 378 380
1810	264 755	14 651 567	5 243 911
1811	187 211	8 764 492	4 456 599
1812	198 633	7 032 420	5 564 955

Конечно, ни полным, ни точным этот подсчет мы не назовем; но, как и в других случаях, где дело касается статистики эпохи революции и Империи, тут интереснее соотношения между цифрами, чем самые цифры.

Эта сводка дополнялась не менее оптимистическими размышлениями министра Монталиве в его отчете.

Хлопчатобумажная промышленность оказывается в 1812 г. в весьма отрадном, по оценке Монталиве, положении. До революции хлопка во Францию ввозилось ежегодно на 24 миллиона франков в год; с 1800 г. по 1806 г.— на 48 миллионов франков в год, а после февральского декрета 1806 г. о воспрещении ввоза из-за границы бумажной пряжи и бумажных материй эта отрасль промышленности так возросла, что Франция в 1807—1812 гг. в среднем потребляет хлопка на 55 миллионов франков ежегодно. В общем хлопчатобумажных материй в Империи вырабатывается теперь (в 1812 г.) на 290 миллионов франков, вывозится за границу на 17 миллионов франков [8].

Все это, казалось бы, весьма отрадно, а между тем министр (к возможному удивлению *малоосведомленного* читателя) выражает некоторое глухое недовольство, что в данной отрасли производства нельзя обойтись без сырья, «привозимого извне» [9]. Но лица, близко стоявшие к делу, не должны были особенно удивляться: они не могли не понимать, что с того момента, как Наполеон окончательно решил ускорить разорение Англии уничтожением колониальной торговли, не только английской, но и всякой иной, с того момента, как он стал мечтать об «изгнании хлопка», в экономической политике Империи, по крайней мере поскольку дело касалось хлопчатобумажной промышленности, водворилось некоторое внутреннее противоречие: признавать успехи хлопчатобумажных мануфактур значило признавать успехи торговли колониальными товарами, *то есть* «замаскированной английской торговли».

Нечего поэтому удивляться и новому кризису хлопкового голода, постигшему Францию в 1813 г., вскоре после всех этих оптимистических всеподданнейших докладов и таблиц.

По-видимому, начало обострения нового кризиса бумагопрядильной промышленности, разразившегося в 1813 г., следует отнести к началу апреля. По крайней мере этот вывод можно было бы сделать из слов докладчика совета мануфактур Gueroult, сказанных им в заседании 30 сентября 1813 г., где он говорит о кризисе, длящемся уже шесть месяцев [10]. Есть, впрочем, указания и на более раннее начало кризиса; уже с конца 1812 г. опять стало не хватать хлопка, опять хлопок в угрожающих размерах стал повышаться в цене.

Жалобы на отсутствие хлопка (и жалобы повсеместные) не прекращаются в течение 1813 г. (говорю о первых $^{3}/_{4}$ года, конечно, а не о последних месяцах перед вторжением неприятеля, когда вообще торгово-промышленная жизнь была парализована) [11].

Впрочем, официальный оптимизм оставался несокрушимым до самой Лейпцигской битвы.

В осеннем отчете того же 1813 г. констатируется большое процветание («еще большее», нежели в начале 1813 г.) в области суконной промышленности, а также полотняной, так как эти два производства рассчитаны на внутренний рынок. Но вот хлопчатобумажное производство находится не в таком благоприятном положении из-за недостатка сырья. Что же касается шелкового производства, то оно, если не считать Флоренцию, в хорошем положении. Впрочем, и хлопчатобумажные мануфактуры оказываются не в особенно дурном состоянии: одни сократились, другие увеличились [12].

О том, как смотрело правительство в начале 1813 г. на положение металлургии, кожевенного, писчебумажного произ-

водства и т. п., мы уже знаем из соответствующих глав, где даются и общие сведения из Exposé Монталиве. Насколько можно доверять триместриальным отчетам, общее состояние этих отраслей промышленности до осени 1813 г. было почти стационарным сравнительно с 1812 г. Лишь в декабре 1813 г. торгово-промышленную жизнь Империи, теснимую со всех сторон, стал охватывать паралич, миновавший лишь после отречения Наполеона и общего замирения.

Я упоминал о триместриальных отчетах префектов: со второй половины 1813 г. они становятся все путанее и сомнительнее. Общей сводки этим цифровым показаниям за последние месяцы Империи никогда уже сделано не было, да и слишком мало надежна была бы такая сводка: совсем уж не до статистики было и местной, и центральной администрации Французской империи в 1813 г. Пожалуй, подобная сводка была бы еще менее достоверна, нежели те «итоги итогов», которые дает Монталиве в феврале 1813 г. в своем Exposé. Этими общими заключениями министра я и закончу настоящий параграф последней главы.

Вообще, по исчислениям Монталиве, земледелие дает Империи ежегодно продуктов на 5 миллиардов 31 миллион; обрабатывающая промышленность «увеличивает ценность» сырья, поступающего на мануфактуры, заводы, мастерские и т. д., на 1 миллиард 300 миллионов. (*Товаров* мануфактурных Империя производит на 1 962 130 613 франков, но из этой суммы Монталиве вычитает ценность сырья, которое посчитано в доходе от земледелия). Наконец, «новую промышленность» (т. е. свекловичное сахароварение, добывание индиго из вайды и т. п.) он оптимистично оценивает в 65 миллионов франков и для эффекта считает ее отдельно [13]. Не менее сомнительны и исчисления касательно ремесл, которые дают «окончательную отделку» товару, перед тем как он поступает на рынок [14].

Эти общие весьма радужные показания и лестные для Империи исчисления дополнены были (тем же Монталиве) к началу 1813 г. еще такими цифрами «торгового баланса»:

Годы	Вывоз товаров из Франции в чужие земли	Ввоз товаров во Францию из чужих земель
	во франках	
1788	365 000 000	290 000 000
1810	376 000 000	336 000 000
1811	328 000 000	298 000 000
1812	383 000 000	257 000 000

Перевес суммы вывоза над суммой ввоза:

В 1788 г.	75 000 000	франков
» 1810 »	40 000 000	»
» 1811 »	30 000 000	»
» 1812 »	126 000 000	»

При этом еще подчеркивалось (в Exposé 1813 г.), что вывозится из Франции больше всего именно не сырья, но фабрикатов; указывалось также, что относительно крупная цифра вывоза за 1788 г. объясняется тем обстоятельством, что в дореволюционные времена *внешними* рынками считались (и были на самом деле) многие страны, которые теперь, в 1810—1812 гг., стали рынками «внутренними», так как были завоеваны и присоединены к Империи; иначе-де баланс был бы в еще большей степени «лестным» для эпохи Наполеона.

2

Итак, по всем показаниям, *общее* положение промышленной деятельности в Империи было в 1812 г. и в первой половине 1813 г. удовлетворительным, тяжелые последствия кризиса 1811 г. были более или менее ликвидированы; со второй половины 1813 г., особенно же с конца 1813 г., начинается постепенно охватывающий Империю паралич торгово-промышленной деятельности, усиливающийся все более и более по мере успехов неприятельского вторжения.

Такова общая картина положения вещей в последние времена Наполеона. Но эта картина была бы неполна, если бы мы не обратили внимания на две характерные черты этих последних лет Империи: 1) на деятельнейшие стремления правительства убить колониальную торговлю, сделав *ненужными* колониальные товары; 2) на громадное развитие контрабандного ввоза в Империю в 1813—1814 гг.— явление, стоявшее в прямой связи с крушением континентальной блокады в постепенно освобождавшейся в 1813 г. Европе. Обе эти черты находятся между собой отчасти в причинной зависимости: неудача попыток Наполеона заменить колониальное сырье европейскими суррогатами неминуемо должна была повлечь за собой стремление со стороны французского населения воспользоваться колониальными товарами, необычайно подешевевшими и доступными в Центральной Европе в это время, в медовый месяц освобождения германских стран от континентальной блокады.

Поскольку дело шло о контрабандном получении колониального сырья, постольку и французские промышленники пользовались весьма охотно контрабандным ввозом, но поскольку контрабанда ввозила и английские фабрикаты, представители французской промышленности вопили о разорении.

Чем больше расшатывалось владычество Наполеона в Центральной Европе, тем более беспощадными становились принимаемые им меры для поддержки континентальной блокады. Декретом от 8 мая 1813 г. он велел конфисковать *все* колониальные продукты по всей территории 31-й и 32-й военным дивизиям и немедленно свезти их в Антверпен и в Кельн [15]. Великое герцогство Берг, департамент Липпе, некоторые части Голландии прежде всего пострадали от этого распоряжения. Даже беспощадный исполнитель наполеоновских приказов де Сюсси обращает внимание императора на то, что, может быть, его величество разрешил бы не конфисковать хоть хлопок, ибо иначе остановятся сразу мануфактуры, и «бóльшая часть населения великого герцогства немедленно будет лишена работы и всяких средств существования, из чего могут произойти печальные последствия» [16].

Вообще же в эти годы Наполеон не только не приостановил преследований, воздвигнутых им против колониальных товаров, а напротив, усилил до последней степени эти гонения. Именно в 1811—1812 гг. во французских правящих кругах окончательно созрела теория, согласно которой Наполеону будто бы суждено изменить судьбы мировой торговли, уничтожить значение колониального подвоза, дать Европе возможность обойтись собственными средствами для удовлетворения всех надобностей потребления. Эта теория нашла себе выражение в том апологетическом отчете, который был представлен министром Монталиве Законодательному корпусу 25 февраля 1813 г. [17] В этот краткий промежуток между бедственной для Империи войной 1812 г. и предстоящей еще более бедственной войной 1813 г. Монталиве как бы торопился усыпить тревогу общества официальной ложью, казенным оптимизмом. Если мы в этой главе обращались кое-где к этому отчету, то это отнюдь не значит, что придаем особую веру его показаниям: мы только считаемся с последним по времени общим изображением состояния французской промышленности, предназначенным властями для публики [18].

Во всяком случае, теория о возможности «изгнания колониального сырья» нашла себе в отчете полное выражение. И, конечно, не предметы непосредственного потребления — чай, кофе, какао — занимали больше всего помыслы императорского правительства, император здесь ограничивался советами «не

пить» чай и кофе, а именно сырье, нужное для мануфактур, и в первую очередь сахар, индиго, хлопок.

О попытках заменить тростниковый сахар свекловичным мы уже говорили; мы видели, что эта замена еще далеко не сделалась совершившимся фактом к моменту падения Империи. Осенью 1813 г. Наполеону было доложено министром торговли, что свеклосахарное производство не дало того, чего ждали: вместо 3 миллионов килограммов получилось всего 1 150 000 килограммов. Причины неудачи следующие: 1) неудовлетворительная культура свекловицы, объясняемая невежественностью землевладельцев; 2) неумелые способы фабрикации; 3) долгая и суровая зима. Из 334 разрешений на открытие свеклосахарных заводов, выданных в 1812 г., на самом деле были использованы лишь 158, только 158 свеклосахарных заводов было открыто. Все эти заводы произвели «2 300 000 фунтов» (1 150 000 килограммов), и фунт свекловичного сахара на рынке стоит 2 франка 50 сантимов, и уже это — результат, по словам министра, немаловажный [19].

Что касается индиго, то из всех окрашивающих веществ экзотического происхождения именно индиго оказывалось гнетуще необходимым, именно его отсутствие озабочивало правительство больше всего. Уже в конце июля 1810 г. граф Шапталь предложил назначить премию за изготовление вещества, которое заменяло бы индиго и могло бы быть изготовлено из произведений французской почвы [20]. Суррогат индиго думали найти в экстракте из *вайды* (isatis tinctoria, по-французски: *pastel*).

Наполеон собственноручно писал Евгению Богарне, рекомендуя вице-королю Италии брошюру о замене индиго экстрактом из вайды, требуя, чтобы он распространял эту брошюру в Италии и сообщил Наполеону, на какое количество семян этого растения можно рассчитывать (в Италии) [21].

В 1811 г. не перестают производиться эти опыты извлечения суррогата индиго из вайды и т. п., и министерство с живейшим участием относится к этим опытам [22]. Наполеону также представлялись в натуре при посредстве министерства внутренних дел, а также и полиции куски синей материи, выкрашенной в доморощенное индиго (которое начало изготовляться из «дикой травы» близ Страсбурга) [23].

Но все эти опыты мало помогали делу, хотя правительственный отчет (Монталиве) и тут оптимистичен.

Монталиве со вниманием отнесся к вопросу о «замене индиго» в своей *Exposé* 1813 г. Индиго стоит, по справедливому определению министра, «на первом месте» среди окрашивающих веществ. *Некогда* Франция покупала его ежегодно на 9,5 миллионов франков, а с 1802 по 1807 г.— на 18 миллионов;

с 1808 г. она покупает его на 6—7 миллионов. «И наши красильщики страдали бы, если бы не избыток предшествующих лет». Все это — чистейшая (и сознательная) официальная ложь: сослагательное наклонение нужно заменить изъявительным; не только красильщики, но и *все текстильные мануфактуры* вопили о недостатке индиго в течение всего наполеоновского царствования. Дабы возместить недостаток индиго, были произведены опыты (продолжает министр) «нашими ученейшими химиками» — Бертолле, Вокленом, Шапталем, Роаром — и достигли уменья извлекать существенную часть индиго из вайды (et l'on est parvenu à extraire du pastel la propre fécule de l'indigo). Уже есть «несколько мануфактур», занятых этим, и это домашнее индиго обходится в 10 франков фунт — столько же, сколько стоило в 1790 г. (т. е. до войны с англичанами) привозное, колониальное.

Индиго потребляется во Франции на 12 миллионов франков в год, и министр не говорит, сколько из этой суммы нужно считать на колониальное, а сколько — на «новое индиго». Судя по заявлениям промышленников, без колониального, «настоящего» индиго обойтись было совсем невозможно.

Декретом от 14 января 1813 г. Наполеон повелел открыть три заведения для извлечения «туземного индиго» из вайды; эти заведения «les indigoteries impériales» были открыты в Турине, Тулузе и Флоренции. Это были и заводы, и в то же время учебные заведения, рассадники для подготовления специалистов-техников. Кроме того, на казенный счет были изданы и рассылались министерством торговли трактаты Жобера и Пюиморена («Об извлечении индиго из вайды») по всем департаментам, «где эти трактаты могли быть полезны». Не довольствуясь этим, министр давал субсидии в размерах от 6 до 10 тысяч франков лицам, желающим открыть подобные «indigoteries». В общем за 1813 год открылось 41 заведение, но они были, по-видимому, очень уж ничтожны, так как, если считать даже вместе с тремя императорскими *indigoteries*, все эти заведения в общей сложности, как думает министр, вырабатывают за год всего 6 тысяч килограммов индиго. А если еще присчитать большое заведение некоего Прейра (близ Рима), на которое министр возлагает большие надежды, то получится в общей сложности 6,5 тысяч килограммов за год. Результат более нежели скромный, но министр утешает императора тем соображением, что слишком еще ново это дело [24].

Наконец, вопрос о замене колониального хлопка европейским и в 1812—1814 гг. ничуть не подвинулся к благоприятному разрешению; отсутствие хлопка во Франции особенно стало заметно с момента присоединения Австрии к коалиции в 1813 г.: угрожаемое положение Иллирии и Италии

было таково, что подвоз левантийского хлопка стал почти невозможен.

Император, как мы уже знаем, обещал именно тогда, когда отчаялся в возможности всецело заменить колониальный хлопок европейским или левантийским, *миллион* франков тому, кто изобретет льнопрядильную машину. Каков был смысл этой неслыханной *миллионной* награды? Почему Наполеону так понадобился возможно быстрый расцвет полотняной промышленности, возможно скорейшее и большее удешевление полотняных товаров? Потому, что он, отчаявшись в возможности всецело (или хоть в малой степени) заменить заморский хлопок континентальным, задумал *вовсе* изгнать хлопок из Европы, стереть с лица земли всю хлопчатобумажную промышленность, которую сам же насаждал с таким упорством. Именно *так* объяснил он свои намерения Ласказу на о. Св. Елены, вспоминая об обещанной им миллионной награде за изобретение льнопрядильной машины [25].

Но эта мечта так и осталась мечтой, машина тогда изобретена не была, лен не «изгнал» хлопок из Европы... Невольно вспоминается горькое слово, услышанное Наполеоном еще в конце 1811 г.; вот, по воззрению представителей французской торговли, каковы общие результаты таможенной войны между Англией и Францией: постановления английского кабинета (о воспрещении ввоза французских провенансов) *вчетверо* понизили рыночную цену французских товаров, а декреты Наполеона вчетверо же повысили ценность колониальных продуктов [26].

Закончу общим приговором, произнесенным заинтересованными лицами по поводу всех этих попыток искусственными мерами «изгнать» колониальное сырье.

«Нужно заявить откровенно, потому что настоятельно необходимо, чтобы правительство прониклось этой истиной»: если по-прежнему «экзотическое сырье» будет обложено так, как оно обложено теперь, то лучше уж отказаться от всяких отраслей промышленной деятельности, где необходимо это сырье. «Все жертвы, которые принесло правительство для этих мануфактур, будут потеряны, и они напрасно будут делать усилия бороться против иностранной конкуренции; даже таможни не будут в состоянии помешать контрабанде, и она почти единственно и станет удовлетворять внутреннему потреблению». «Правительство, которое *все* делает для мануфактур» одной рукой, губит их другой рукой, отнимая у них сырье. Таков конечный вывод совета мануфактур [27]. И никакой вайдой, никакой свекловицей, никакими льнопрядильными машинами нельзя возместить отсутствие нужного для обрабатывающей промышленности экзотического сырья.

Правда, и свеклосахарной промышленности, и суррогатам индиго суждена была великая будущность, но не Наполеону суждено было дождаться осуществления мечты.

Насколько Франция явственно для всех нуждалась в конце 1813 г. в колониальных товарах, ясно, например, из того, что *русский* посланник в Лондоне «сильно настаивал», чтобы было воспрещено английским правительством ввозить во Францию эти товары [28]; не Англии, а *Франции* оказывалось теперь наиболее вредным точное исполнение предначертаний французского императора.

3

Итак, грандиозная теория об изменении судеб мировой торговли, об «изгнании колониальных товаров» из Европы на практике не дала почти ничего. И, как уже сказано в начале второго параграфа этой главы, подешевевшие в 1813 г. в Европе колониальные продукты стали в громадном количестве ввозиться в Империю. Вместе с ним ввозились и английские *фабрикаты.*

По мере постепенного отступления французских таможенных линий от морских берегов в 1813 г. английский ввоз в Европу становился все больше и английские фабрикаты — все дешевле на европейских рынках. И со всех сторон — с Рейна и Эльбы, от Пиренеев и Альп — в Империю хлынула контрабанда в неслыханных дотоле размерах. Все те огромные запасы английских изделий, которые, несмотря ни на какие ухищрения контрабандистов, нельзя было все же целиком переправлять на континент в 1806—1812 гг., теперь, в 1813 г., свободно ввозились с побережья Немецкого и Балтийского морей.

20 марта 1813 г. в Бреславле Фридрих-Вильгельм III подписал эдикт, отменявший континентальную блокаду в Пруссии, и блокада фактически рухнула во всей Германии, даже в странах, формально не порвавших пока еще связей с Наполеоном. Отсюда английские фабрикаты, продававшиеся по ничтожной цене, проникали неудержимо во Францию.

О «сильной заминке» в сбыте французских бумажных материй совет мануфактур докладывал министру еще 18 марта 1813 г., прося его о тщательном ограждении (путем выдачи особых удостоверений французским фабрикантам) от конкуренции контрабандистов [29].

На колоссальную, «необузданную» контрабанду, *явственно* вытесняющую «в Париже и главных городах» национальные бумажные материи, жалуются фабриканты [30] уже в апреле 1813 г. и не перестают при этом указывать: 1) на то, что невоз-

можность бороться с контрабандой обусловлена большей дешевизной предлагаемых ею товаров и 2) что эта дешевизна в свою очередь объясняется дешевизной *за границей* сырья, т. е. хлопка, на котором не лежит таких огромных пошлин, как во Франции [31].

Вместе с английскими фабрикатами усиленно ввозятся во Францию и континентальные. От саксонской и от швейцарской контрабанды французская бумагопрядильная промышленность страдала уже в начале 1813 г. «*не меньше, чем от английской*», и именно вследствие дороговизны сырья во Франции, а не от недостатка машин,— на это жалоб не слышно. Напротив, рабочие и мастера в этой отрасли промышленности достигали большого совершенства, но сокращение сбыта, закрытие мануфактур уже в начале 1813 г. заставляет их «покидать родину и устраиваться вне таможенной линии» [32].

Дерзость контрабандистов такова, заявил при полном и единодушном сочувствии совета мануфактур владелец самых больших бумагопрядилен во Франции Ришар, что бумагопрядильная промышленность *близка к полной гибели.* Уже 11 мануфактур в Сент-Антуанском предместье в Париже закрылись. Сам он, Ришар, некоторые свои прядильни закрыл вовсе, а другие свои бумагопрядильни обратил в шерстопрядильни.

Нечего и говорить о близких к границе промышленных городах, вроде Страсбурга. Никогда промышленность не переживала такого бедственного состояния, как теперь, пишут оттуда (в середине октября 1813 г.). Мануфактуры увольняют по $^5/_6$ числа своих рабочих. «Если бы война была единственной причиной отсутствия продажи, можно было бы утешаться надеждой на мир, который когда-нибудь наступит; но нас в этой стране уничтожает контрабанда, она никогда не производилась с таким бесстыдством, так как цена сырья дает иностранцам слишком благоприятный шанс». Страсбургские фабриканты посылают своих коммивояжеров в Швейцарию, на юг Франции и в Италию, а там им показывают с фактурой в руках, что в тех местах уже распространены тонкие бумажные материи, которые на 25% в продаже дешевле, чем во сколько они обходятся в Страсбурге самому фабриканту. Конечно, эта материя доставляется контрабандой [33]. В самом Страсбурге ежегодно продается на 400 тысяч франков бумажных материй, но из них французское производство не поставляет и на 3 тысячи: все остальное поставляет контрабанда.

Господствующим мнением среди промышленников (по крайней мере громко ими выражаемым даже в несчастный 1813 год) было, что война ведется главным образом затем, чтобы уничтожить английскую монополию [34], но что «все жертвы будут напрасны», если позволить иностранной конкуренции

«постепенно уничтожать» французские бумагопрядильни, а тем самым и все мануфактуры вообще, ибо эта ветвь промышленности так важна и поглотила столько капиталов, что ее упадок отзовется тяжкими последствиями на всей индустрии вообще [35].

В октябре и ноябре 1813 г. совет мануфактур не перестает жаловаться на сильное падение сбыта в текстильной промышленности. Не только тонкие сорта бумажных материй не идут, но быстро прогрессирует и оскудение мануфактур, занятых выделкой более грубых сортов. Жалуется Париж, жалуется Страсбург, жалуется Руан. «Вскоре тридцать тысяч рабочих будет выброшено на мостовую»,— докладывают совету руанские фабриканты. Совет снова и снова приписывает этот кризис тому, что вместе с приближением врагов к границам, с их успехами в Германии, в Испании и Италии во Францию хлынула такая контрабанда, которой раньше не было [36]. Совет не перестает молить правительство, чтобы поскорее были введены правила строгого контроля происхождения всех товаров, обращающихся на внутреннем рынке.

Конечно, чем более после Лейпцигской битвы приближалась война к границам Франции, тем шире распространялась контрабанда, тем смелее становились ее приемы. В ноябре 1813 г. контрабанда уже стала кое-где ввозиться под охраной вооруженных отрядов, которые сражались с таможенными [37]. Министр торговли вполне был согласен с советом мануфактур, что контрабанда грозит *существованию* французских мануфактур, и именно занятых текстильной промышленностью, прядильных и ткацких [38].

Сбыт для контрабанды был так выгоден, что покрывал и расходы за страховку (в 50% стоимости товара), и расходы по грандиозно организованному подкупу таможенных чинов. Кому принадлежат колоссальнейшие состояния в Страсбурге, составленные за последние десять лет?— горестно вопрошают местные фабриканты в 1813 г. и, не колеблясь, отвечают: «таможенным чиновникам и контрабандистам», и они настаивают, что меры репрессии, пущенные в ход правительством для борьбы с таможенными злоупотреблениями, ни к чему не привели [39].

Что делать против природы экономических отношений? Промышленники несчетное число раз жалуются правительству на то, что контрабанда портит им дела, губит французскую индустрию. Министр торговли и мануфактур отвечает, что он принял все меры, что провинившиеся таможенные чиновники уже сидят в тюрьме, что обострение мер борьбы против контрабанды повлияло очень сильно, и премия, взимаемая страхователями контрабанды, идущей из Германии во Францию, возвыси-

лась до 50% стоимости товара, и все-таки, добавляет министр, «кажется, что, несмотря на столь большую премию, те, которые производят эту торговлю, имеют еще преимущество над французскими фабрикантами в 25%» [40], т. е. их товары все-таки дешевле французских на 25%.

Наконец, в ноябре 1813 г. министр торговли и мануфактур официально уведомил совет мануфактур о грозящем нашествии врагов. «Император хочет мира, но мира прочного, почетного...» Министр настаивал, что ведь император и воевал затем, чтобы «добиться свободы морей» и создать процветание торговли и промышленности, и он не сомневается, что промышленники первые пожалеют о победе Англии, если она эту победу одержит [41].

Совет мануфактур ответил патриотическим адресом, в котором особенно подчеркивал то, какие гибельные последствия будет иметь мир, а особенно *торговый договор* с Англией, если Англия будет диктовать условия. Французская промышленность погибла безвозвратно, если это несчастие случится. Они просят министра верить искренности их чувств, потому что для них этот вопрос есть вопрос существования [42]. И они тут же непосредственно обращаются к самому больному для них вопросу последних лет: к тому, что делать с контрабандой? «Пусть будет нам позволено, однако, заметить вашему превосходительству, что наше мужество, наша преданность будут бессильны, если контрабанда, несмотря на энергичные усилия вашего превосходительства, будет продолжать предлагать по ничтожной цене французским потребителям, единственным, так сказать, какие нам остались, товары того же рода, какие выходят из наших фабрик» [43].

В декабре 1813 г. руанские промышленники жалуются, что торговля стала, дела — в упадке, масса рабочих — без дела, и намереваются прислать депутацию с просьбой оградить их от контрабанды, губящей промышленность [44]. Главный совет мануфактур выслушивает новые и новые предложения и доклады о борьбе с растущей и заливающей Францию волной контрабанды. Что эта контрабанда — совсем особая, что на этот раз Европа сразу оказалась заполненной колоссальными количествами неслыханно дешевых английских провенансов, владельцы которых так долго ждали своего часа, что блокада фактически уничтожилась даже не с мартовского эдикта Фридриха-Вильгельма, а с того момента, как русские показались в Пруссии и Иорк перешел на их сторону,— это ни для кого не было тайной.

Но только за 48 часов до перехода неприятеля через Рейн французский император признал, что континентальная блокада вне Франции *перестала* существовать. Только 30 декабря 1813 г.

Наполеон разрешил не сжигать захватываемые на рейнской границе товары, а лишь отправлять их обратно в Германию, «куда англичане теперь ввозят все свои товары без всяких препятствий» [45].

4

В последние месяцы существования Империи с ввозом иностранных товаров бороться было уже невозможно: они ввозились открыто и открыто распространялись в январе, феврале, марте 1814 г. во всех департаментах, откуда отступала наполеоновская армия. Да и помимо контрабанды общий паралич по мере успехов вторжения, как уже сказано, охватывал торгово-промышленную жизнь страны. Падало шелковое, бумагопрядильное, шерстяное, сталелитейное производства; бедствуют торговые города, промышленные районы.

Конечно, и в Лионе, и в Туре, и в Ниме, и в других местах, где было шелковое производство, последние месяцы Империи были временем полного упадка торгово-промышленной деятельности [46]. Иначе и быть не могло.

Наполеон вел войну в сердце Саксонии, Лейпциг был в состоянии осады, и таким образом этот центр всего североевропейского сбыта французского шелка был совершенно парализован; но для этой же войны император накладывал чрезвычайные налоги на все свои германские владения, в том числе на Гамбург; и гамбургские купцы, торговавшие шелком, грозили своим лионским контрагентам банкротством в том случае, если не воспоследует хоть какое-либо облегчение возложенного на них непосильного бремени. Лионские купцы бросались хлопотать и о Лейпциге, и о Гамбурге [47], но императору, отступавшему перед соединенной Европой и обливавшему кровью каждую пядь уступаемой земли, было в это время не до торгово-промышленных вопросов.

В октябре и ноябре 1813 г. Лион переживал болезненный кризис не только из-за недостатка сбыта, но и от отсутствия шелка-сырца: в Италии принц Евгений Богарне должен был отступить перед австрийцами; английский флот крейсировал по всему Средиземному побережью, а без южных стран Лион запастись сырцом не мог [48]. Эти бедствия переживались шелковой промышленностью до конца войны 1814 г.

Едва Людовик XVIII воцарился окончательно, как уже лионские шелковые фабриканты обращаются к нему через местную торговую палату с просьбой о покровительстве этой отрасли промышленности и в частности. о том, чтобы придворным лицам нового двора было приказано одеваться в шелковые костюмы [49] по примеру двора в эпоху Империи.

Конец 1813 г. был также временем полной остановки промышленной жизни на обоих берегах Рейна: страны, занятые неприятелем, не заказывали и не платили, парижский финансовый мир был в панике, ниоткуда никакой поддержки нельзя было ждать. Но все-таки мануфактуры старались (и энергично побуждались к тому начальством) сохранить хоть часть контингента рабочих [50].

Промышленная жизнь в таком огромном индустриальном районе, как департамент Нижней Сены, *совершенно замерла* за время нашествия 1814 г., хотя оно очень мало, в сущности, *непосредственно* затронуло эту территорию [51].

Бедствовало, как сказано, и рабочее население столицы.

(Сейчас же после падения Империи новым правительством были открыты в Париже общественные работы с благотворительной целью, ибо, по словам роялиста-современника, «после солдат более всего в Париже, конечно, нужно заботиться о рабочих-безработных» [52].)

В декабре 1813 г. Наполеон приказал собрать совещание из министров полиции, внутренних дел и торговли для выработки мер помощи «главным мануфактурным и фабричным городам Империи». Совещание сделало императору доклад, из которого мы узнаем о печальном положении ряда промышленных центров и портовых городов Империи. Стали дела в Амьене, и большое безработное население города голодает, необходимо открыть общественные работы. В Бресте — безработица, которая даже может «внушать опасения», если всю зиму не будет в городе работы. В Бордо — брожение и тревога, нужно сильно пополнить сумму, которую обнищавший город может ассигновать на благотворительность. В Марселе — голодовка и нужда (в 1813 г.) такие же, как в 1812 г.; префект очень просит ассигновать и теперь 100 тысяч франков на помощь голодающим (эта сумма была ассигнована и в истекшем 1812 г.). В Париже безработных — около 20 тысяч (префект, впрочем, *не* считает здесь каменщиков, портных, шапочников и сапожников, как оговаривается доклад; почему? — неизвестно; только относительно каменщиков сделана оговорка, что они зимой уходят из Парижа). Безработных в столице больше всего среди бумагопрядильщиков и ювелиров. Руан находится в весьма тяжелом положении. Не говоря уже о безработных, даже те счастливцы, которые еще числятся состоящими на мануфактурах, получают от хозяев лишь неполную плату и заняты не каждый день. А городские финансы истощены, разорены — город своими средствами помочь рабочим не в состоянии. Город был вследствие недостатка в хлопке в состоянии не особенно благополучном уже в 1812 г. и тоже получил от императора 100 тысяч франков для безработных; хорошо бы и теперь, в 1813 г.,

повторить эту выдачу. Тулон тоже страдает от безработицы, и его население (подобно населению Бреста) «может стать беспокоящим». Это еще не все нуждающиеся города, где мануфактуры стоят без работы, а рабочие голодают, есть еще много других (*beaucoup d'autres*) в их положении; но, к сожалению, доклад их не называет. (Из городов, не принадлежащих к старым департаментам, доклад называет лишь Флоренцию и Гент.) Два средства, рекомендуемые совещанием,— ассигновка вспомоществований и открытие общественных работ,— конечно, менее интересны в этом документе, нежели констатирование жестокого промышленного кризиса в последние месяцы наполеоновского владычества [53]. Конец 1813 и начало 1814 г. были временем тяжких бедствий, пережитых французским торгово-промышленным классом и французскими рабочими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постараюсь в немногих словах напомнить главнейшие выводы, к которым приводит рассмотрение материалов, привлеченных мною к исследованию.

1. В момент, когда генерал Бонапарт овладел верховной властью, французская обрабатывающая промышленность переживала бедственные времена. С 1801—1802 гг., с временного замирения, на которое воюющие державы согласились в Люневилле и Амьене, торговля, а с ней и промышленность начинают оживать. Установление прочного внутреннего порядка во Франции, издание гражданского и торгового кодексов еще более способствуют оживлению торгово-промышленной деятельности. Размеры этого улучшения даже в приблизительных цифровых данных установить *нельзя*, так как сами власти оказывались бессильны это сделать, и, сравнивая впоследствии цифры 1811—1812 гг. с цифрами, касающимися предшествующих эпох, правительство охотно берет данные, относящиеся к 1787—1789 гг., и, за редкими исключениями, обходит молчанием 1799—1804 гг.

2. Амьенский мир вносит большое волнение в среду французских коммерсантов и промышленников. При этом обнаруживаются определенное разногласие во мнениях и антагонизм в стремлениях между торговцами и промышленниками. Торговцы стоят за мир с Англией, за его укрепление, промышленники боятся этого мира, опасаются, что за политическим миром последует торговый трактат и им придется бороться на внутреннем французском рынке с могучей английской конкуренцией. Призрак возобновления трактата 1786 г. пугает и раздражает их.

3. Первый консул решительно становится на сторону промышленников. Основная идея Наполеона заключается

в убеждении, что промышленность для государства важнее, нежели торговля, что интересы промышленников и интересы государства совпадают, а интересы торговли и интересы государства очень часто расходятся; что промышленность, по существу, национальна, связана с почвой, а торговля по природе своей космополитична; что учение о свободе торговли есть вредная химера легкомысленных мечтателей и «сектантов», вроде физиократов. Руководящей мыслью всей экономической политики Наполеона становится последовательный и самый суровый протекционизм. В кратковременный промежуток Амьенского мира Наполеон стремится при *политическом* примирении с Англией все же продолжать *таможенную* войну против нее.

4. Вследствие того, что английская техника сделала больше всего успехов именно в области бумагопрядильного производства, английская пряжа и английские бумажные материи в огромных количествах ввозились на континент и продавались здесь по весьма дешевой цене; из Средней Европы эти товары под видом неанглийских провенансов проникали во Францию, уплачивая даже и высокие пошлины, и все-таки оказывались дешевле французских товаров. С другой стороны, ввоз бумажных материй из Саксонии, Силезии и Швейцарии также давал себя весьма сильно чувствовать. Потому Наполеон издает декрет от 22 февраля 1806 г., безусловно воспрещающий ввоз во Францию каких бы то ни было бумажных тканей.

5. Этот декрет оказал непосредственно весьма важное влияние на хлопчатобумажную промышленность во Франции: в первые же годы после него замечается большое усиление спроса, возникают десятки новых мануфактур, усиливается машинное производство пряжи, mull-jennys делаются обычным явлением в промышленных департаментах. Опасения владельцев ситцевых и бумаготкацких мануфактур, высказывавшиеся перед февральским декретом 1806 г., что французские прядильни не будут в состоянии снабжать их необходимым количеством пряжи, оказываются в общем неосновательными. Но некоторые заграничные сорта тонкой пряжи все-таки до такой степени оказываются необходимыми, что и после декрета 1806 г. они с соблюдением известных условий ввозятся в Империю.

В 1809 г. все эти поблажки окончательно прекращаются.

6. Остальные отрасли обрабатывающей промышленности во Франции в конце 1806 и начале 1807 г. оказываются в смысле организации производства в общем в том же состоянии, в каком они были в конце старого режима и в начале революционного периода: по-прежнему огромную роль играет домашняя промышленность, по-прежнему существеннейшее значение имеет деятельность деревни, по-прежнему в самых промышленных де-

партаментах производством заправляют сплошь и рядом не столько фабриканты и заводчики в теперешнем смысле слова, сколько купцы-заказчики, предприниматели, либо скупающие готовый товар у мелких производителей, либо дающие этим мелким производителям материал и орудия производства и раздающие им определенные заказы. Изменения этого стародавнего уклада замечаются больше всего именно в бумагопрядильном деле, где, как сказано, в наполеоновскую эпоху развивается весьма заметно машинное производство; но даже и здесь распыленное состояние промышленной деятельности еще очень далеко от исчезновения. При этом, невзирая на существование единичных крупнейших предпринимателей, вроде Ришара (в бумагопрядильном производстве), Оберкампфа (в ситценабивном) и Терно (в суконном), необходимо констатировать неоднократные жалобы на отсутствие во Франции свободных капиталов, на невозможность успешно конкурировать с Англией, между прочим именно вследствие недостатка торгового и промышленного капитала. Наиболее прочно поставленной, широко развитой отраслью производства во Франции в момент провозглашения континентальной блокады оказывается шерстяное производство; стародавнее шелковое производство переживает тяжелый кризис.

7. Континентальная блокада с самого обнародования декрета от 21 ноября 1806 г. является, в глазах Наполеона, одним из важнейших его дел, великой мыслью царствования. Он смотрит на нее как на средство достигнуть в одно и то же время двух целей: a) разорить Англию настолько, чтобы британский кабинет запросил мира, и b) избавить французскую промышленность от конкуренции англичан на рынках континента, поскольку континент уже попал или попадет в будущем в сферу влияния французского императора. В первые годы блокады, приблизительно до 1810 г., Наполеону эти две задачи представляются совпадающими, ничуть не противоречащими одна другой. Когда же начинает обнаруживаться, что континентальная блокада вредно отзывается на некоторых отраслях французской промышленности, либо лишая их нужного сырья (хлопка, индиго), либо сокращая их сбыт, Наполеон все-таки продолжает упорно держаться прежней политики, утверждая, что необходимо крепиться, переносить лишения еще несколько лет, чтобы одолеть врага.

8. Для осуществления правил блокады Наполеон организует в колоссальных размерах таможенную охрану, милитаризует таможенную службу, отделяет от действующей армии даже в разгар опаснейших войн (1809 г., 1812 г.) очень большие отряды с целью помочь таможням охранять границы Империи.

9. Невзирая на эти усилия, английская контрабанда в громадных количествах проникает в Европу. Этому ввозу сильно помогает общее сочувствие *потребителей*, соучастие населения не только покоренных Наполеоном иностранных земель, но и *самой* Франции. В особенности широко распространяется контрабандный ввоз именно колониальных товаров.

10. Императорское правительство не перестает заботиться о том, чтобы французская промышленность извлекла возможно бо́льшие выгоды из политического преобладания Наполеона в Европе; эти усилия правительства всецело поддерживаются стремлениями и запросами промышленников.

11. И промышленный класс, и правительство строго различают интересы «*старой* Франции», «*старых* департаментов» от интересов вновь завоеванных частей Империи; на первом плане *всегда* стоят интересы «старой Франции», интересы же завоеванных частей Империи беспощадно попираются на каждом шагу, если это выгодно «старой Франции». Так, воспрещается вывоз шелка-сырца и шелковой пряжи из пьемонтских и заальпийских департаментов куда бы то ни было за границу, чтобы обеспечить за Лионом, Нимом, Туром, Сент-Этьеном дешевый шелк и дешевую пряжу; так, формально слившиеся с Империей ганзейские и голландские департаменты подвергаются всяческим стеснениям, когда пытаются воспользоваться внутренним имперским рынком.

12. Точно так же на все хоть формально и не присоединенные к Империи, но зависимые от Наполеона страны и французский промышленный класс, и правительство смотрят с точки зрения самой беззастенчивой экономической эксплуатации. Их усилия направлены к достижению трех основных целей: a) к ограждению имперского рынка от проникновения фабрикатов из этих зависимых или полузависимых стран; b) к изгнанию каких бы то ни было конкурентов французской промышленности в этих странах; c) к обеспечению за французской промышленностью возможности стать монопольным скупщиком сырья, производимого этими странами.

a) Что касается первой цели, то она должна была достигаться запретительными ставками или полным воспрещением ввоза из Берга, из Швейцарии, из Саксонии и т. п. мануфактурных товаров, выделываемых в этих странах. Можно сказать, что в эпоху континентальной блокады шерстяные, шелковые, кожаные фабрикаты, предметы роскоши и т. п. так же мало могли (легальным путем) проникнуть в Империю Наполеона, как и товары хлопчатобумажные. Исключением были товары сталелитейные, без ввоза которых Франция не могла обойтись.

b) Что касается второй цели, то она должна была достигаться не только применением к Италии, к Испании, к Неапо-

литанскому королевству тех же мер протекционистской политики, какие применялись к Империи (причем, конечно, для французского ввоза граница должна была быть широко раскрыта), но также борьбой против каких бы то ни было попыток этих стран выбиться из тисков и обзавестись собственной своей промышленностью.

c) Наконец, третья цель достигалась прямыми *запрещениями* сбывать то или иное сырье, нужное для французских мануфактур, куда бы то ни было, кроме Франции. Так бывало с шелком Италийского королевства, так пытались проделать и с испанской шерстью, которая конфисковывалась, если ее продавали нефранцузу, под предлогом, что на деле за покупателем будто бы стоит англичанин.

13. Документы показывают нам, что не все эти цели достигались в одинаковой степени. Прежде всего зависимые Берг и Швейцария, «союзная» Саксония, Силезия в раздавленной Пруссии, Богемия в побежденной Австрии оказались упорными и могущественными конкурентами Франции в области промышленной деятельности. Нечего было французам и мечтать, конечно, бороться с ними за обладание местными рынками. Перечисленные страны отбивали у французов клиентов во всей Средней и Северной Европе, их фабрикаты сбывались в огромных количествах на двух центральных ярмарках — франкфуртской и лейпцигской, получивших в эпоху Наполеона всеевропейское значение. Мало того, контрабандный ввоз фабрикатов из этих стран в *Империю* очень сильно беспокоил французских промышленников и озабочивал правительство. Успешность этого контрабандного ввоза, а также победы среднеевропейских конкурентов над французами на иностранных рынках объясняются, по неоднократно встречающимся отзывам представителей французского промышленного мира, относительной дешевизной рабочего труда в Швейцарии, в Берге, в Саксонии сравнительно с Францией. Но рассмотрение фактических данных при всей их скудости приводит нас к заключению, что средняя заработная плата во Франции хотя и была (чаще всего — в полтора раза, гораздо реже — в два раза) выше, нежели в указанных странах, но этим *одним* не может быть объяснена столь значительная дешевизна нефранцузских фабрикатов: ведь эта дешевизна доходила до того, что, невзирая на *огромные* страховые премии, уплачиваемые перевозчиками контрабанды, эти товары *все-таки* оказывались дешевле местных, французских. Для объяснения этого факта необходимо главным образом принять к соображению и другое обстоятельство: так как континентальная блокада нигде не соблюдалась так строго, как во Французской империи, т. е. странах, непосредственно принадлежащих Наполеону и им управляемых, то, естественно, колониальное

сырье, необходимое для заводов и мануфактур (и прежде всего хлопок, окрашивающие вещества, сахар), было несравненно доступнее и дешевле в Саксонии, Силезии, Богемии, *даже* в Берге и Швейцарии, нежели во Франции.

14. Наполеон с 1809 г., а особенно с 1810—1811 гг., начинает практиковать систему лицензий; он при этом стремится, с одной стороны, облегчить получение необходимого колониального сырья Францией, с другой стороны,— посодействовать усилению сбыта французских товаров, особенно шелковых, с третьей стороны,— дать доход казне; в конце концов третий мотив начинает играть преобладающую роль, и, например, в 1813 г. правительство намечает в смете, что таможни *должны* дать 150—160 миллионов дохода, и сообразно с этим выдаются лицензии в колоссальном количестве. Лицензии в глазах Европы, в глазах общества, даже в глазах некоторых сановников и сотрудников Наполеона были явным и вопиющим нарушением основных принципов континентальной блокады, нарушением, посредством которого французский император желает только себя, только свою казну избавить от тяжкого бремени, возложенного им на своих вассалов и союзников. В частности, лицензии очень сильно портят отношения между Наполеоном и Александром I и немало способствуют упрочению того умонастроения в Петербурге, при котором стало возможно издание декабрьского указа 1810 г.

15. К 1810—1811 гг. обнаруживается окончательно, что не только все усилия монополизировать рынки даже слабых экономически стран не вполне удаются французскому правительству вследствие конкуренции и деятельного контрабандного ввоза, но что и вообще сами эти рынки оказываются разоренными, истощенными, безнадежно слабосильными. Италия утратила (и прежде небольшую) свою платежную и покупательную способность; торговые, но не промышленные ганзейские города, торговая, но не промышленная Голландия были прежде очень важными скупщиками и распространителями французских товаров, теперь они доведены вследствие уничтожения морской торговли до полного упадка, до совершенного обнищания. Герцогство Варшавское разоряется прекращением сбыта через Данциг, Испания, даже в той части своей, которая подчинялась правительству Иосифа Бонапарта, оказывается не упроченным, а *утерянным* рынком для французов, потому что страна совсем разорена непрекращающейся долголетней, неслыханно яростной народной войной против поработителей, не говоря уже о том, что английский контрабандный ввоз мог совершаться и совершался здесь в широких размерах; он шел из Португалии, из Андалузии, отовсюду, где только французская военная сила не могла держаться, в те части полуострова, которые «считались»

замиренными; королевство Неаполитанское с его огромной береговой линией тоже нельзя оберечь от контрабандного ввоза, да оно и не может при общей своей бедности служить сколько-нибудь обширным рынком для сбыта французских провенансов; Иллирийские провинции сами по себе тоже не были сколько-нибудь значительным рынком сбыта, а могли бы быть важны разве в качестве дороги к странам Леванта, но сам Наполеон признает, что нельзя и думать тягаться в странах Леванта с огромным английским импортом, который по Средиземному и Черному морям, по Архипелагу и Эгейскому морю беспрепятственно распространяется по всем странам Леванта.

16. По всем этим разнообразным и очень разнохарактерным причинам сбыт французских товаров не идет ни в Средней, ни в Южной Европе, ни в зависимых, ни в полузависимых от Наполеона странах столь успешно, как это было бы желательно французским промышленникам и императорскому правительству и как можно было бы ожидать. И чем больше выясняются все эти затруднения и препятствия, тем больше промышленный класс Франции начинает мечтать об экономическом завоевании русского рынка, о вытеснении оттуда англичан, но и здесь эти надежды оказываются тщетными: а) английская контрабанда не перестает проникать через Кронштадт, Балтийское побережье, Одессу; b) бессильная прекратить английский сбыт в России, континентальная система оказывается достаточно сильной, чтобы значительно затруднить продажу русского товара (по большей части громоздкого сырья) англичанам, особенно в те годы (1807—1809), когда русское правительство стремилось к тому, чтобы избежать каких бы то ни было упреков «союзника». Упадок русского сбыта в Англию ничуть не вознаграждается сбытом русских товаров во Франции, так как, во-первых, русский строевой лес, пеньку, смолу и т. п. невозможно перевозить во Францию сухим путем без чудовищного вздорожания этих тяжелых и громоздких товаров, морской же путь закрыт вследствие войны с Англией, а во-вторых, французы в эти годы почти не строят ни военных, ни торговых судов, и им эти русские товары оказываются ненужными. Отмеченные условия способствуют неслыханному падению русского курса и понижению покупательной способности именно в тех слоях русского общества, которые всегда были главными потребителями французских провенансов (предметов роскоши, шелковых материй, кружев, вин). Таким образом, еще до декабрьского указа 1810 г. оказывается, что русскому рынку не суждено вознаградить представителей французской промышленности за те разочарования, которые они испытали в Средней и Южной Европе. Декабрьский указ 1810 г., бывший со стороны императора Александра I прежде всего тем, что дипломаты называют «*репрессалиями*»,

ответом на бесцеремонное пользование Наполеона лицензиями, а также на давно уже беспокоившие русское правительство политические шаги французского императора, имел пагубное значение для французского сбыта в России; этот указ нанес французской торговле в России тяжкий, окончательно ее погубивший удар. Декабрьский указ 1810 г. в самом деле был «началом конца» франко-русского мира и союза.

17. Так обстояло дело с вопросом о *сбыте* французских фабрикатов. Что же касается вопроса о *сырье*, то здесь нужно отметить следующее: a) Единственным сырьем, в самом деле монополизированным Империей Наполеона, был *шелк-сырец*, так как он водится (в Европе) именно в тех странах, которые принадлежали Наполеону, и так как, где бы он ни водился, в пьемонтских департаментах Империи или в королевстве Италии, все равно нужные количества по дешевой цене *всегда* были обеспечены, как сказано, за французскими шелковыми мануфактурами. b) Был момент (1808—1809 гг.), когда испанская драгоценная мериносовая *шерсть* была если не в монопольном владении у французов (так как сбыт в Англию и в эти годы происходил), то во всяком случае более доступна французским суконщикам, чем их континентальным конкурентам. Да и в 1810—1812 гг. (*до* битвы при Саламанке) эта тонкая, незаменимая шерсть была всегда вполне доступна французам. Что касается других сортов, попроще, то французские шерстобиты и суконщики в этом отношении не были поставлены *в общем* хуже саксонцев или богемцев, не говоря уже о Силезии, хотя кое-когда во Франции и делались заявления, будто бы за границей шерсть дешевле. У нас есть, с другой стороны, показания о полнейшей доступности и изобилии шерсти в департаментах, где выделка шерстяных домотканных материй была главной статьей широко развитой деревенской промышленности. c) Полотняная промышленность в отношении обеспеченности сырьем была поставлена несколько хуже суконной; *в общем* льна, правда, хватало, но, как мы видели в своем месте, бывали случаи, когда отсутствие драгоценных семян *русского* льна приравнивалось к «общественному бедствию» (calamité publique), а получить этот русский лен было очень трудно из-за прекращения морской торговли. d) Хлопчатобумажная промышленность была поставлена в отношении обеспеченности сырьем хуже всех других из-за трудности добывать хлопок, из-за решительной невозможности заменить колониальный хлопок европейским или левантийским. Акклиматизация хлопка на Апеннинском полуострове дала ничтожные результаты, левантийский хлопок должен был идти через Иллирийские провинции (и *эта* их роль была в глазах Наполеона важнее, нежели их значение как дороги для французских фабрикатов, идущих в страны Леванта); но, во-

первых, левантийский хлопок был грубее, хуже колониального, заморского, а во-вторых, путь из Иллирии во Францию был труден, долог и опасен и обходился гораздо дороже морского. Наполеон знал хорошо, что уже в середине 1808 г. французская промышленность пережила острый хлопковый голод, и все-таки с 1810 г. он окончательно становится на путь самого решительного преследования колониальных товаров. Трианонский тариф был мерой, которая все же еще предусматривала возможность *легального* появления заморского хлопка в Империи; но последовавший около того же времени разрыв сношений с американцами, главными поставщиками заморских сортов хлопка, разрыв, так вредно отразившийся в то же время на сбыте французских шелковых материй, фактически *лишил* французскую хлопчатобумажную промышленность возможности получать колониальный хлопок, единственно пригодный для выделки высших сортов бумажных материй, разве только через посредство контрабандной торговли. e) Страдало от недостатка сырья и кожевенное производство, и притом отчасти тоже вследствие «морской войны», так как нельзя было получать, как прежде, нужную сырую кожу из Южной Америки, отчасти же вследствие войны в Испании, так как оттуда (и из Португалии) прежде тоже получались большие партии нужного для этого производства сырья. f) В отчаянном положении оказалось сахароварение, пока единственным сырьем был тростниковый сахар. g) От недостатка колониальных товаров, кроме хлопчатобумажной промышленности, страдали, поскольку нуждались в окрашивающих веществах, и все другие отрасли текстильной промышленности. h) Металлургия (как и до, и после рассматриваемого периода) нуждалась и в заграничной руде, и в заграничном полуобработанном железе для дальнейшей выделки, но нужные количества получала беспрепятственно, так как правительство отдавало себе ясный отчет, что Франция не в силах обойтись собственными средствами в этой области производства. i) Мыловарение, писчебумажное производство в сырье обыкновенно тогда нужды не испытывали, хотя есть указания, что на юге в 1805 г. англичане мешали перевозке нужного тряпья морем.

18. При этих условиях внешнего сбыта и получения сырья главным рынком для *всех* отраслей промышленности являлся рынок внутренний, имперский. Насколько можно судить по рассмотренным нами данным, общее положение главных отраслей французской промышленности можно охарактеризовать так: a) Шелковое производство в эпоху континентальной блокады очень серьезно страдало от недостатка сбыта, от прекращения морской торговли, от разорения ряда европейских стран войнами; оно страдало несмотря на деятельную поддержку со стороны императора, выражавшуюся в казенных заказах, субсидиях, вы-

годных для шелковой промышленности условиях лицензиатной торговли. Периодами сравнительно сносными были 1807—1809 гг. (до разрыва сношений с Северо-Американскими Штатами), 1812 г., а также начало 1813 г. b) Шерстяное производство держалось в общем стойко, и его представители считали себя в выигрыше от установления континентальной блокады; это производство чрезвычайно окрепло и развилось за время наполеоновского царствования. c) Полотняное производство в общем тоже держалось, но все же далеко не так, как шерстяное; спрос временами сильно падал, могущественная конкуренция бумажных материй (простых ситцев в особенности) очень давала себя чувствовать. Только с 1810 г., особенно со времени трианонского тарифа, среди полотняных фабрикантов оживляется надежда на то, что хлопчатобумажная промышленность уничтожится за недостатком нужного ей сырья и полотна опять отвоюют прежнее свое место на рынке, откуда они были вытеснены ситцами. В несомненном упадке находится, в частности, кружевное производство (как и все производства, занятые выделкой предметов роскоши). d) Общее положение хлопчатобумажной промышленности характеризуется: быстрым подъемом после декрета от 22 февраля 1806 г., кризисом под влиянием хлопкового голода в 1808 г., улучшением положения в 1809 г. и первой половине 1810 г., новым чрезвычайно тяжелым кризисом, начинающимся в конце 1810 г., обусловленным как трианонским тарифом и неслыханным вздорожанием хлопка, так и падением сбыта, и продолжающимся до лета 1811 г.; затем некоторым, но все еще слабым улучшением во второй половине 1811 г. и в 1812 г. e) Кожевенно-дубильное производство принадлежит в общем к числу тех отраслей промышленности, которые скорее выиграли, нежели проиграли от установления блокады. f) Делало успехи и крепко держалось в эпоху блокады и то производство, которое, в сущности, еще в годы революции находилось в младенчестве — металлургическое. Но, повторяю, Франция еще не могла удовлетворить всем своим потребностям, не выписывая из-за границы не только руду и железо, но даже и фабрикаты (сельскохозяйственные орудия и т. п.). g) Такие отрасли промышленности, как мыловарение, писчебумажное производство, в отношении сбыта не испытали на себе никаких уследимых последствий от континентальной блокады.

19. Тяжкий общий кризис, постигший французскую промышленность в начале 1811 г., отразился наиболее неблагоприятно на тех отраслях промышленности, которые и без того испытывали уже давнишнее недомогание, давнишнее ненормальное состояние: он поразил больше всего шелковую и бумагопрядильную промышленность, в меньшей степени — шерстя-

ное производство, в еще меньшей степени — кожевенное и сталелитейное. Смягчающе повлияло здесь и то обстоятельство, что последние три отрасли производства и в 1809, и в 1810, и в 1811 гг. пользовались огромными заказами со стороны военного ведомства — заказами, с которыми не могли сравниться милостивые императорские субсидии и придворные заказы лионским шелковым мануфактурам. Из непромышленных районов континентальная блокада больше всего и тяжелее всего сказывалась на чисто торговых приморских городах, которые дошли в большинстве случаев до глубокого упадка и явственного обнищания, а меньше всего блокада отразилась на чисто земледельческих департаментах. Полное отсутствие сколько-нибудь учитываемого влияния блокады в земледельческих департаментах сказывается именно в годину кризиса 1811 г. Что касается виноделия, то оно страдало от прекращения сбыта в колонии, в Англию, в ганзейские города, в Россию (после декабрьского указа 1810 г.). Земледельческие продукты находили себе достаточный сбыт на внутреннем рынке, а когда Наполеон решил, что «все равно» Англия получит нужный ей хлеб откуда-нибудь, то он постарался устроить так, чтобы она получила именно *французский* хлеб в огромном количестве (в 1811 г., в разгар строгостей, направленных к повсеместному поддержанию принципа континентальной блокады!).

20. Вторая половина 1811 г. и весь 1812 г. были в общем временем улучшения в положении французской промышленности, временем отдыха после бедствия 1811 г. Это улучшение продолжается и в начале 1813 г., хотя биржевая паника, тревожные слухи о внешних делах Империи, наконец, яростная война с последней коалицией не дают возможности и времени деловому миру учесть это промышленное улучшение. Эти же последние годы наполеоновского царствования (с конца 1813 г. вплоть до отречения Наполеона торгово-промышленная жизнь *замирает*) отмечены вполне определенным стремлением правительства ускорить осуществление плана, обрисовавшегося в общих чертах еще в 1810 г., в год объявления миллионной награды за изобретение льнопрядильной машины, в год трианонского тарифа; этот план полного изгнания колониальных товаров, замены их европейскими продуктами, план, изложенный министром внутренних дел в феврале 1813 г. в официальном обращении к Законодательному корпусу, начинает как бы осуществляться как усиленным покровительством свекловичному сахароварению, так и открытием заведений для извлечения суррогата индиго из вайды. Но хотя свекловичному сахароварению и принадлежала огромная роль в будущем, не теперь, не в трагическом 1813 г., суждено было этим попыткам привести к определенному результату. Наполеон радовался каждому успеху

свекловичного сахароварения, где бы этот успех ни проявлялся, во Франции или Пруссии, или в другой стране; он приказывал переводить на *все европейские языки* объявление о миллионной награде за изобретение льнопрядильной машины, полагая, что, кто бы и где бы ее ни изобрел, все равно это изобретение может подкосить хлопчатобумажное производство, а потому избавит Европу от необходимости покупать хлопок и этим нанесет тяжкий удар англичанам, сделает *не нужной* Европе английскую контрабанду. Он думал противопоставить Англии Европу, а в это же время Европа вставала на него, соединялась с Англией, разбивала таможенные кордоны, раскрывала порты англичанам, ликующими кликами и приветствиями встречала первые открытые, легальные, а не контрабандные высадки англичан и выгрузку английских товаров! Из всех соображений Наполеона и его правительства, связанных с континентальной блокадой, самым утопическим было именно это: изменить судьбы мировой торговли, повернуть историю к доколумбовским временам, и однако эта утопия была *логическим* выводом из всей политики Наполеона с момента провозглашения берлинского декрета от 21 ноября 1806 г. Монталиве составлял свое *Exposé*, точно излагая мысли Наполеона, в конце 1812 г., когда еще сам не знал о гибели великой армии; он издал этот отчет в начале февраля 1813 г., когда еще мог тешить если не себя, то своих читателей уверением, будто у императора под ружьем *«девятьсот тысяч»* человек! Эта утопия созревала в 1810—1812 гг., в годы беспримерного могущества, но выявилась, раскрылась она окончательно слишком поздно: как раз тогда, когда континентальная блокада доживала последние дни...

Таковы общие выводы, подробное обоснование которых я старался дать в своей книге. Читатель понимает после всего сказанного мной о *статистике* этой эпохи, почему я воздержался от подражания манере некоторых историков давать именно в выводах, в подведении итогов цифровые показания, «торговые балансы» и т. п. Для осведомления о тех или иных мнениях правительства я приводил в своей книге, в тексте и в приложениях много цифровых показаний, но, зная хорошо им цену, в частности не доверяя фантастическим выкладкам именно «торгового баланса», я, конечно, не мог позволить себе давать вперемежку с общими выводами, к которым я пришел и которые считаю обоснованными, эти заведомо сомнительные исчисления, которым, как мы видели, не верили сами их авторы.

Кроме данных в заключении выводов, в разных главах книги сделано немало и других, более частных. К некоторым из них

мне придется вернуться в другой связи, если только мне суждено когда-нибудь исполнить еще хоть малую часть из намеченных дальнейших работ, касающихся исследования континентальной блокады и ее экономического значения в других странах Европы.

Грандиозен был замысел Наполеона, вернее, грандиозны были развитие и углубление им замысла, который в главных чертах достался ему в наследие от предшественников; грандиозны были средства, пущенные им в ход и только ему одному доступные; огромны были усилия и жертвы, которых требовала затеянная экономическая война. Замысел не удался, но длительная попытка его реализации имела ряд очень серьезных последствий как для Франции, так и для всей Европы. И в данном случае тоже Наполеон пытался *сделать* то, о чем по условиям времени, по средствам, которыми они располагали, могли только *мечтать* впоследствии другие противники английской экономической суприматии. Со своеобразным поздним «раскаянием» иногда говорили (и говорят), например, в современной Германии о неудавшейся мысли Наполеона противопоставить Англии европейский континент как нечто целое, изгнать английскую торговлю изо всех европейских рынков и этим нанести неприступному врагу решительный удар; об этой любопытной тенденции в современной германской публицистике и популярной исторической литературе я уже упоминал.

Конечно, теперь даже начало, даже первые шаги к осуществлению подобной задачи совершенно невозможны, невообразимы даже условия, при которых подобные первые шаги могли бы быть сделаны, и едва ли упомянутые публицисты этого не понимают. Но все-таки их воображение охотно обращается к сказочным усилиям смертельного врага Англии, т. е. именно к той странице его эпопеи, о которой много говорили, но которую еще нужно всесторонне исследовать, чтобы ее вполне понять.

Во всяком случае, *начать* новое исследование этого многостороннего явления, имевшего общеевропейское значение, методологически правильнее всего было именно с Французской империи, откуда шла инициатива и где все будущее, политические судьбы страны тесными узами с самого начала, с декрета от 21 ноября 1806 г., связались с судьбами континентальной блокады. В частности, без изучения судеб блокады во Франции трудно понять очень многое в политических настроениях представителей французского торгового капитала, а также представителей промышленности в критический 1814 год, в эпоху Ста дней 1815 г., да и в первые годы Реставрации, годы ликвидации континентальной блокады.

Комментарии

Предисловие.—Введение

[1] Конечно, я *не* включил сюда те труды, которые имеют чисто местное значение и никакого отношения к *французской* экономической истории не имеют. К слову замечу, что подавляющее большинство их касается чисто внешней истории блокады в той или иной местности и даже для местной экономической истории значения особого *не* имеет.

[2] Кроме текста (стр. 1—361) [в работе Lumbroso] есть приложения (стр. 362—514), содержащие перепечатки из известного издания *Parliamentary Debates* и еще некоторые перепечатки, а также библиографию.

[3] Например: Adolphus. *The political state of the British Empire;* Aulard (статья в т. VIII.— Lavisse et Rambaud. *Histoire générale*); Babeau. *La vie rurale dans l'ancienne France;* его же.— *La France et Paris sous le Directoire;* Barton. *Napoleon and other poems; Biographical anecdotes of the founders;* Bouvet. *Combat de l'«Arétuse» et de l'«Amélia»*; Wordsworth. *Poetical Works;* Troude. *Batailles navales de la France;* Morris. *Diary and letters;* Hannay. *The life of Nelson; Jervis. The gallican church and the revolution;* письма Юниуса (XVIII в.); книга Hallam'а (почему-то в немецком переводе) *Die Geschichte der Verfassung von England von Heinrich VII bis Georg II,* fortgesetzt von Ruder, учебник Гардинера (*A. Student's history of England*); автобиография Бриссо; Карлейль (*The french revolution*) и т. д., и т. д., без конца.

[4] О книге Cerenoill'я *Le système continental et la Suisse* уместно будет сказать в той работе, которая специально займется пересмотром вопроса о влиянии блокады на Швейцарию. Более общего интереса она не имеет.

[5] Брошюра Schmitter'а *Die Wirkungen der Kontinente-Sperre auf Frankfurt a/M* и около $1^1/_2$ десятка немецких брошюр и статей с не менее заманчивыми названиями не дали мне *ровно ничего.* Считаю лишним даже пересчитывать их.

[6] Pour bien connaître le commerce d'une nation, il ne faut choisir ni ces époques désastreuses où la guerre ferme la plupart des débouchés à la consommation, ni ces temps malheureux de crises politiques qui rompant les liens sociaux établissent la défiance, menacent les propriétés et paralysent l'industrie. Ainsi pour apprécier le commerce français, je n'irai point consulter ces années où le fabricant ne travaillait que par contrainte, où nos vaisseaux étaient repoussés de toutes les mers; *ni cette époque plus*

récente où la victoire nous avait asservi des nations nombreuses qui recevaient nos lois: durant ces deux crises tout était forcé (Chaptal. *De l'industrie française*, t. I, стр. 1—2). Подчеркнутые мной слова и относятся к интересующей нас здесь эпохе.

[7] Нужно заметить, что в соответствующих частях коллективного труда по истории Франции, публикуемого под редакцией Жореса, вопрос о блокаде и об экономическом состоянии Франции при Наполеоне затронут авторами (Brousse'ом и Turot) довольно общо и бегло. Об этих авторах речь будет идти в особой работе, которую я предполагаю посвятить истории рабочего класса при Консульстве и Империи, так как о рабочих они высказывают более самостоятельные суждения. К архивам они обращались, но весьма мало и довольно случайно.

[8] Ср., например, хотя бы книгу Broc'a. *La vie en France sous le premier Empire* (Paris, 1895).

[9] Ср., например, интересное (в других отношениях) исследование Gustave de Hautecloque. *Le Pas-de-Calais sous l'administration préfectorale du baron de La Chaise 1803—1815.* (в *Mémoires de l'Académie d'Arras*, 2-я серия, тт. 23, 24, 25 и 26).

[10] Gentz F. *Authentische Darstellung des Verhältnisses zwischen England und Spanien.* St.-Petersburg, 1806.

[11] Seelig G. *Die geschichtliche Entwicklung der hamburgischen Bürgerschaft und die hamburgischen Notabelen.* Hamburg, 1900, стр. 103.

[12] Ср. Döberl M. *Bayern und die deutsche Erhebung wider Napoleon I. Abhandlungen der histor. Klasse der Königl. bayerisch. Akademie d. Wissensch.* Bd. II. München, 1897, стр. 347: ...jede einzelne Wirtschaft fast in Mitleidenschaft gezogen durch die Kontinentalsperre... (и дальше о самой Kontinentalsperre — ничего).

[13] Собственно, эпохе Консульства и Империи посвящены стр. 63—237.

[14] Архив департамента Устьев Роны. M. 14—3, циркуляр префекта. Marseille, le 26 mai 1812. Sa Majesté attachant la plus grande importance à la perfection de la statistique industrielle et manufacturière, je suis persuadé que vous ferez touts vos efforts pour concourir etc., etc.

[15] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. Paris, le 30 janvier 1806. *Le ministre de l'Intérieur à M. le préfet des Bouches du Rhône.* Bureau des arts et manufactures, № 974.

[16] Ср. циркуляр министра (коим она предписывалась). Нац. арх. F^{12} 1562. Paris, le 30 janvier 1806. Там же — ответы и пустые листы, присланные вместо ответов.

[17] Там же.

[18] Архив департамента Устьев Роны M. 14—4. *Le Ministre des manufactures et du commerce, comte de l'Empire, à M. le préfet.* Paris, le 21 février 1812: Ces états mensuels ne sont point parvenus exactement, et je me suis vu par là dans l'impossibilité de présenter à Sa Majesté pour janvier 1812 un travail aussi complet que je l'aurais désiré etc., etc.

[19] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. Paris, le 11 décembre 1810. *Le ministre de l'Intérieur, comte de l'Empire, à M. le préfet du département.*

[20] См. образцы эти, например, в архиве департамента Устьев Роны, в связке, M. 14—3, год 1812.

[21] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—4. *Etat de situation des tanneries* etc. (9 octobre 1812).

[22] Нац. арх. F^{12} 1589. Ср. его письмо префекту департамента Вьенны (23 février 1813): J'ai reçu, M. le préfet... les états de situation des fabriques pendant le 4-me trimestre de 1812. Ces états sont absolument semblables à ceux du précedent trimestre, qui déjà, n'avaient présenté aucune différence avec ceux du 2-me trimestre; je suis étonné de cette

conformité et je crains que les renseignements que vous vous êtes procurés ne manquent d'exactitude...

[23] Нац. арх. F^{12} 1567. Département des Forêts.— Ce département est peut-être la partie de la France la moins connue.

[24] Ср., например, размышления префекта департамента Mayenne: «le nombre des métiers des divers ouvriers est compté à raison du total de la fabrication et de ce que peut faire dans l'année l'ouvrier qui s'occupe journellement». Чувствуя, что подобный образ действий очень сильно нуждается в оправданиях, префект прибавляет: «autrement il eût été impossible de fixer le nombre des fileuses et des tisserands» (Нац. арх. F^{12} 1580 (Mayenne 1812). Laval, le 29 mai 1813).

[25] Нац. арх. F^{12} 1567. Département de la Moselle. *Etat de la population manufacturière* etc. (Fait et certifié par nous, préfet du départ. de la Moselle... à Metz, le 11 mai 1807. Подписано: Vaublac).

[26] Par apperçu, d'une manière éloignée (Нац. арх. F^{12} 1563, Loire-Inférieure. Графа: Observations).

[27] Aujourd'hui ce débouché est nul, il est de toute impossibilité de soutenir la concurrence des tissus étrangers (Нац. арх. F^{12} 1563. Montbrison, le 24 février 1806. *Etat des fabriques de tissus etc. dans le dép. de la Loire*).

[28] Tableau est véritablement mal fait et n'est pas conforme au modèle remis à l'expéditionnaire (надпись по поводу донесений префекта Кальвадоса). (Нац. арх. F^{12} 1572. *Pièces relatives aux renseignements demandes sur les fabriques*).

[29] Нац. арх. F^{12} 1602 (переписка 1812 г.).

[30] Нац. арх. F^{12} 1577. Département de l'Herault. *Etat de situation de métiers à soye existant dans le département pendant l'an 1814* (Резолюция под бумагой префекта, наискось карандашом).

[31] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. *Etat de situation des fabriques de savon* (1810—1811). Графа: Observations.

[32] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—4. Письмо мэра г. Марселя барона Сен-Жозефа префекту Устьев Роны от 9 октября 1812 г.: Les difficultés que je rencontre à ce sujet vont toujours croissant. Les fabricants se font la plus grande peine de faire connaître les détails qui mettent au jour travail et qui par cette raison intéressent leur industrie, leur fortune et leur crédit... ils ne peuvent me donner que des informations extrêmement incertaines.

[33] Там же.

[34] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—5. Marseille, le 3 février 1813. *Le chevalier de l'Empire, premier adjoint* etc. *à Monsieur le comte de l'Empire, conseiller d'Etat, préfet:* ...au surplus vous reconnaîtrez sans doute, monsieur le Comte, que les détails de tous ces renseignements exigent beaucoup de recherches et que dans une commune aussi grande et aussi peuplée que Marseille il est sinon impossible, au moins bien difficile de se les procurer, *encore ne peut on pas toujours compter sur leur exactitude.*

[35] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2 (30 сентября 1811): Vous concevez, Monsieur le préfet, qu'il ne faut pas ici se jeter dans les détails trop étendus, dant l'immensité éloignerait du but qu'on veut atteindre etc.

[36] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—4. *Etat de situation des filatures de coton* etc. *1812:* Il y a divers marchands de coton qui font filer au rouet, chez des particuliers; et l'on ne peut pas évaluer même par approximation les personnes occupées à ce travail, ni la quantité de coton qu'ils employent.

[37] Нац. арх. F^{12} 1567 (1807). Alpes Basses. Laine-cadis.

[38] Нац. арх. F[12] 1557. Alpes Maritimes. Laines. Draps. (показание относится к 1800 г., но переслано в 1807 г. в ответ на анкету, очевидно как не потерявшее силу).

[39] Нац. арх. F[12] 1567. Corrèze.

[40] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—4. *Etat de situation* etc. *pendant le 4-me trimestre 1812*. Графа: Observations. Indépendamment des ouvriers, mentionnés ci-contre, cette fabrication occupe grande quantité de femmes... qui ne sont point employées dans l'intérieur des fabriques et travaillent chez elles. Leur nombre ne peut pas être determiné.

[41] Вот что пишет Генеральному совету Устьев Роны секретарь префектуры 20 октября 1807 г., представляя ему некоторые статистические данные (Архив департамента Устьев Роны, № 1): Si je n'avais voulu que justifier les faits, que j'avance, par des preuves, il m'eût été facile d'en présenter d'officielles, et de me faire pardonner mes erreurs en citant les documents qui m'ont été fournis par les différentes administrations municipales, ce que je pouvais considérer comme authentiques; *mais soit insouciance, soit crainte de présenter le tableau exact des revenus de leurs communes, la plus grande partie des maires n'ont donné que des renseignements absolument faux.*

[42] Нац. арх. F[12] 194. Séance du 27 septembre 1811: ...il est évident... que c'est par une erreur de copiste qu'à la fin du premier paragraphe de son mémoire on trouve que le nombre des personnes interessées aux fabriques de bouchons peut être évalué à cinq cents vingt cinq mille six cents individus. Il faut donc... les réduire à vingt cinq mille six cents etc.

[43] Эти *Observations* снабжены припиской, сделанной характерным безобразным почерком де Сюсси (Нац. арх. AF. IV, 1243, № 328).

[44] Нац. арх. F[12] 534. *Mémoire du comité commercial français de St. Pétersbourg*. St. Pétersbourg, le 20 février — 3 mars 1808.

[45] Нац. арх. F[12] 534. *Note sur le commerce de Russie.*

[46] Нац. арх. AF. IV. 1061. Paris le 26 novembre 1810. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi, protecteur de la Conféderation du Rhin* (№ 104).

[47] Нац. арх. AF. IV. 1060. *Mémoire sur l'état actuel du commerce* (7 mai 1811): on a trop consideré la Balance du commerce, comme le thermomètre d'une prospérité qu'on a cherché à prouver par les tableaux d'importation et d'exportation dont les évaluations plus que douteuses n'ont donné que les résultats imaginaires.

[48] Ср. *Quarterly Review*, 1812, XIII, стр. 15: But we are told that the custome-house books are false and unworthy the least attention; that nobody is interested in their being correct; none responsible for any errors they may contain.

[49] Les fabricants se montrent toujours disposés à diminuer leurs produits... (Albi, le 14 décembre 1813. Префект департамента Тарн министру).

[50] Там же.

[51] Ср., например, письмо префекта Рерского департамента генерала Ламета министру внутренних дел (Aix-la Chapelle, le 25 juin 1807): Je ne puis les (цифры.— *E. T.*) donner comme rigoureusement exactes: l'intérêt, la méfiance et la jalousie des fabricants les engagent trop souvent à donner des déclarations incomplètes, et il serait hasardeux de vouloir les rectifier par des calculs dont les bases sont toujours incertaines... je puis affirmer que si les évaluations de produits s'écartent de la vérité c'est en général parce qu'elles sont trop faibles et qu'il y en a très peu qu'on puisse suspecter d'exagération...

[52] Вот что пишет префект Самбры-и-Мааса: Il est impossible de faire connaître les produits exacts de la plupart des manufactures ou fabriques; c'est un secret que les propriétaires ne voudront jamais communiquer soit par défiance, soit pour ne point divulguer la situation de leurs affaires (Нац.

арх. F[12] 1568, le 14 février 1807. *Etat indicatif du nombre... des manufactures* etc. *Sambre-et-Meuse*).

[53] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. Marseille, le 15 mars 1806. *La Chambre de commerce de Marseille à Monsieur Thibaudeau, Conseiller d'Etat, Préfet etc.*

[54] Считаю нужным привести выражения подлинника: ...nous avons su que dans plusieurs manufactures et fabriques nos demandes, malgré que nous les ayons faites avec la plus grande circonspection, ont excité une sorte de réserve et l'appréhension très voisines de la crainte et de la méfiance. Vous voyez, Monsieur, que ce sentiment perce et se fait jour à travers les réponses entortillées et ambigues que nous venons de vous faire connaître. Les entrepreneurs que nous avons consultés sur la situation de leur industrie se sont mutuellement interrogés sur les motifs qui pouvaient porter le gouvernement à vouloir la connaître aussi exactement, non seulement dans l'instant actuel mais encore à une époque éloignée de deux ans... On ne commande pas à la crainte... (Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. *La chambre de commerce de Marseille à M. Thibaudeau*. 15 mars 1806).

[55] Нац. арх. F[12] 1621—A. Turin, le 10 septembre 1813. *Le général Alexandre Lameth, préfet du dép. du Pô à S. E. le ministre de l'Intérieur.* (Этот картон битком набит ответными письмами и объяснениями префектов по поводу циркуляров, требующих от них статистических данных.)

[56] Нац. арх. F[12] 1574. Département de la Dyle. Orfévrerie 1812. Bruxelles, le 16 octobre 1812.

[57] Нац. арх. F[12] 1584. Creveld, le 17 février 1813 (Les membres de la chambre consultative du commerce des arrondissements de Creveld et Clèves).

[58] Нац. арх. F[12] 1563. Tissus de coton. *Etat des fabriques* etc. *de Deux-Nèthes*. Anvers, le 24 février 1806: Il est impossible d'obtenir de ces fabricants des renseignements exacts et véridiques, soit méfiance, soit mauvaise volonté, soit crainte et souvenir des réquisitions... ils cachent autant que possible les résultats de leurs opérations aux yeux de l'administration.

[59] Ср. показание префекта департамента Dyle. Bruxelles, le 12 mai 1809 (A Son Excellence le ministre de l'Intérieur) и доклад Брюссельской торговой палаты префекту Дильского департамента (Bruxelles, le 29 avril 1809): ...il est possible que beaucoup de fabricants n'aiment pas à faire connaître l'étendue plus ou moins grande de leurs moyens et de leur ressources. Nous ne pouvons donc estimer que par approximation la quantité des produits de leurs fabriques (Нац. арх. F[12] 1561).

[60] Нац. арх. F[12] 1569. Rouen, le 25 janvier 1809. *Les membres composant la Chambre de commerce de Rouen à Son Excellence le ministre de l'intérieur:* C'est bien avec raison que Votre Excellence... désigne notre département comme le plus manufacturier de l'Empire. Mais c'est aussi de l'immense quantité des matériaux que nait la difficulté ou plutôt l'impossibilité de les rassembler, de les classer, de les décrire avec l'exactitude requise.

[61] *Я* нашел эти оговорки на обложке другого документа и в картоне совсем иной серии, где ему вовсе быть не надлежало: этот документ, тоже без даты, дающий те же рубрики и слагаемые, из которых составились цифры печатаемой сводки, находится в картоне AF. IV. 1318 (Intérieur. Sans date. Tableau № 1, Aperçu d'une — industrielle de la France. (Пропущенное слово залито чернилами.— *Е. Т.*).

[62] Вот что писал (уже в начале 1818 г.) префект Северного департамента о статистике последних лет Империи: Il a été fourni pour 1812, 1813, 1814, 1815 — une statistique industrielle et manufacturière; mais ce travail malgré le temps et les soins qu'il exige ne donne pas des résultats

ni précis ni satisfaisants, on ne doit pas trop s'y arrêter car les fabricants et manufacturiers ne donnent jamais des renseignements exacts... (Нац. арх. F[12] 1581. Lille, le 12 janvier 1818. Fabriques et manufactures).

[63] Нац. арх. F[12] 1582. Beauvais, le 31 décembre 1812 (префект Уазы министру): ...les principaux manufacturiers et fabricants se refusent à donner ces détails parce qu'ils ne veulent pas, disent ils, qu'on puisse pénétrer le secret de leurs affaires.

[64] Нац. арх. F[12] 1582. Alençon, le 9 septembre 1813 (префект министру): ...les chefs de ces établissements se sont formellement refusés de donner à messieurs les souspréfets les renseignements qui doivent servir de base à mon travail général. Il parait que ces individus craignent l'établissements de quelques nouveaux droits sur les branches d'industrie auxquelles ils se livrent...

[65] Нац. арх. F[12] 1586. Amiens, le 24 août 1813 (префект Соммы министру мануфактур и торговли).

[66] Нац. арх. F[12] 1586. *Etat de situation des fabriques... de coton pendant le 1 trimestre 1813.* Графа: Observations. Amiens, le 9 mars 1813 (префект министру) и т. д. Особенно характерно донесение секретаря префектуры префекту: Amiens, le 9 mai 1812.

[67] Нац. арх. F[12] 1587. Spoleto, le 25 janvier 1813 (префект Тразименского департамента министру).

[68] Нац. арх. F[12] 1592. *Etat des papeteries* (1812). Графа: Observations.

[69] Il est extrêmement difficile d'obtenir des renseignements sur la situation des fabriques. Ces que s'est procurés l'ancienne administration ou sont incomplets, ou présentent des contradictions. La nouvelle n'a pas été plus heureuse bien qu'elle ait crée un bureau spécial pour cet objet... Les manufacturiers et les chefs d'ateliers répugnent singulièrement à répondre aux questions.... S'ils répondent, ils ne le font qu'en exagérant ou en diminuant, *en sorte qu'il est impossible de compter sur la vérité de leurs déclarations...* Le zèle de l'administration est aujourd'hui comme autrefois impuissant. (*Essai sur l'administration de l'agriculture, du commerce, des manufactures* etc. Paris, 1818, стр. 104). По мнению Коста, мыслимы лишь приблизительные расчеты. Число рабочих достовернее числа товаров.

[70] Нац. арх. F[12] 1621—B. Substances animales. Draps, tricots, grosses étoffes. Графа: Observations.

[71] См. примечания к общему подсчету бумагопрядилен (Нац. арх. F[12] 1621—B. Substances végétales. Filatures de coton. Observations). Подобные же замечания и относительно шелкового производства: Нац. арх. F[12] 1621—B. Etoffes de soie, gazes, crêpes.

[72] Нац. арх. F[12] 1570. Paris, le 17 janvier 1816. *Rapport présenté à Son Excellence le ministre secrétaire d'Etat au Département de l'Intérieur.*

[73] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. Paris, le 11 décembre 1810. *Le ministre de l'Intérieur, comte de l'Empire, à Monsieur le préfet du dép. des Bouches-du-Rhône:* Notre industrie manufacturière est parvenue à un haut dégré de prospérité; c'est un fait avoué et reconnu par tous les hommes éclairés et impartiaux. Il m'a paru qu'il serait utile et intéressant de présenter... le tableau comparatif de l'état ancien et actuel des principales fabriques de l'Empire... sous le rapport... des débouchés qui leur sont ouverts...

[74] Там же, стр. 2 документа, четвертая строка сверху.

[75] *Mes souvenirs sur Napoléon,* par le C-te Chaptal, publiés par son arrière-petit fils le V-te Chaptal. *La vie et l's uvre de Chaptal mémoires personnels,* redigés par lui même. Pariœ, 1893, стр. 100—101.

[76] Ср. Yriarte Ch. *Biographie de Richard-Lenoir.* Paris, 1862; Travers J. *Vie de Richard-Lenoir.* Paris, 1863 и т. п. Книжка Travers'a — самая большая (86 стр.) из этих коммеморативных брошюр.

[77] *Mémoires de M. Richard-Lenoir,* ancien négociant, manufacturier et chef de la 8-e légion de la garde Nationale de Paris. Paris, 1837.

[78] Архив Лионской торговой палаты, Proc. Verb. 186, заседание 10 апреля 1806 г.

[79] Вот его подлинные слова: Il est bon de mettre dans les journaux une note sur les foires de Leipzig et de Francfort, en la rédigeant dans les termes les plus favorables à notre commerce, et en donnant des renseignements aux commerçants. Наполеон — Шампаньи. Bayonne, le 1 juin 1808 (*Correspondance*, t. XVII, стр. 253, № 14037).

[80] Британский музей, № 8247, b. 23. *Apperçu sur le commerce, l'industrie, les arts et les manufactures du Piémont,* par Joseph Grassi. Turin.

[81] На экземпляре Британского музея, бывшем у меня в руках, имеется сделанная выцветшими чернилами следующая надпись на русском языке: «Сочинение сие писано со всею справедливостью современного историка: все поличины (sic), все замыслы бонапартовы обнаружены во всех их видах и обстоятельствах; положение обеих европейских держав объяснено» и т. д. и т. д. (Британский музей, № 8052, к. 2).— Памфлет Шлегеля переплетен с семью другими в один том, и остальные памфлеты также попали в музей от русских владельцев и, явственно, в том же 1813 и ближайших годах.

[82] *Tagebuch einer der Kultur und Industrie gewidmeten Reise.* Von Philipp Andreas Nemmich, der Rechte Licentiat in Hamburg, (всего вышло 8 томиков).

[83] Эта литература перепечатана (издателем Шейбле) в 1849 г.: *Der Volkswitz der Deutschen über den gestürzten Bonaparte, seine Familie und seine Anhänger. Zusammengestellt aus den 1813 und 1814 erschienenen Flugschriften.* Stuttgart, 1849. Особенно любопытны тома 6, 7 и 8.

[84] Гаагская королевская библиотека. Pamflett, № 23538: Vergelijking van de afschudding van het spaansche juk... met die van het fransche in 1813, door Mr. Jacobus Schetema (te Amsterdam 1813), стр. 17. Waar was eenige veiligheid bij het bestaan van de fransche politie? Het *slowo i delo* bij de Russen... was bij ans als het ware weder ingevoerd И дальше (об аресте и бесследном исчезновении): de gevangenneming volgde en men hoorde dan sontijds niet meer van den beschuldigden.

[85] Vous devez comprendre que je ne me sépare pas de mes prédecesseurs, et que depuis Clovis jusqu'au comité de salut public je me tiens solidaire de tout et que le mal qu'on dit de gaité de cœur contre les gouvernements qui m'ont précédé je le tiens comme dit dans l'intention de m'offenser (Наполеон — Людовику, королю голландскому. Trianon, le 21 décembre 1809. Изд. Rocquain, стр. 229).

[86] Ср., например, брошюру Reimarus'а (неподписанную): *Klagen der Völker des Continents von Europa die Handelssperre betreffend.* Ihren Fürsten dargestellt. 1809 (Берлинская королевская библиотека, *Flugschr.*, 1809, № 1). Он просит германских государей, «заступников за народы» пред Наполеоном: ...Fürsten, Vorsprechen eurer Unterthanen! die ihr Elend sieht und die Klagen höret... Ihr werdet von allen Seiten her das Flehen der Völker vor den Tron und zu den Ohren S-r Majestät des Kaisers Napoleon bringen...

[87] Вот характерное признание редакции *Annual Register'а* (за 1811 г.): Of the state of the vast empire now incorporated under the name of France, we possess no other information than such as is communicated by papers under the immediate control of a despotic government... (стр. 127).

[88] Французское издание (с характерными примечаниями переводчика) вышло в 1815 г. *Relation d'un voyage forcé en Espagne et en France dans les années 1810 à 1814,* par le général-major lord Blayney, t. 1—2. Paris, 1815.

[89] *Les Anglais en France après la paix d'Amiens.* Impressions de voyage de Sir John Carr. Etude, traduction et notes par Albert Babeau. Paris, 1898.

[90] Нац. библ. Lb[44] 530. *Effets du blocus continental sur le commerce, les finances, le crédit, et la prospérité des isles britanniques,* par S. F. D.' Ivernois (1810). Сочинение написано, собственно, в 1809 г.

[91] Ср. Record Office. F. O. 27—71. *Précis du voyage fait en France,* par M. Hevenôt (описание относится к марту 1804 г.): ...le deffaut d'industrie et de commerce qui sont absolument nuls achève de combler la ruine générale, et l'on peut assurer que le désordre est tel à cet égard qu'une guerre civile et même très prochaine paraît inévitable.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

[1] Нац. арх. AF. IV. 1060. *Rapport à Sa Majesté Impériale* etc. (Messidor, an XII):... on peut espérer et se flatter même que pour peu que les circonstances la favorisent elle étendra un jour ses débouchés au dehors et deviendra la branche la plus solide et la plus féconde du commerce national.

[2] *Le mémorial de Sainte-Hélène,* t. II. Paris, 1894, стр. 621: Les douanes que les économistes blâmaient ne devaient point être un objet de fisc, il est vrai; mais elles devaient être la garantie et les soutiens d'un peuple.

[3] Там же. L'industrie ou les manufactures et le commerce intérieur ont fait sous moi des progrès immenses.

[4] Sur la Banque de France. *Rapport fait à la Chambre de Commerce par une commission spéciale.* Paris, 1806. Подписано: Au nom et par ordre de la Commission spéciale Dupont de Nemours. (Нац. библ. Inventaire V-37406).

[5] *Note pour le ministre de l'Intérieur.* Paris, le 26 mars 1806 (*Correspondance,* t. XII, стр. 218—219, № 10020): Cet écrivain, ayant des principes superficiels et faux sur l'administration, et appartenant à une secte dont les opinions exagérées ne peuvent que donner une direction vicieuse aux esprits...

[6] Нац. арх. F[12] 1628—1635. An X (доклад министру, не подписан): Je crois avoir déja dit que l'on se trompe quand on pense pouvoir faire des Français une nation commerçante: le caractère, les habitudes, la forme même du gouvernement sont autant d'obstacles, et peut-être faut-il y ajouter la position géographique du pays et la nature de ses productions. Laboureurs et soldats les Français ne sont et ne seront jamais marchands, ce serait un mal qu'ils le fussent...

[7] Chaptal. *Mes souvenirs sur Napoléon,* стр. 278; Il ajoutait que le commerçant, avec le secours de deux ou trois commis, faisait pour un million d'affaires, et que manufacturier nourissait cinq à six cents familles en opérant avec une somme égale.

[8] Chaptal. *Mes souvenirs sur Napoléon,* стр. 274; Napoléon n'éstimait point les commerçants. Il disait que le commerce dessèche l'âme, par une âpreté constante de gain, et il ajoutait que le commerçant n'a ni foi ni patrie.

[9] Там же, стр. 275.

[10] Там же, стр. 278, 290.

[11] Нац. арх. F[12] 618—5. Bruges, le 4 août 1807. *Le président et membres composant la Chambre de commerce de la ville de Bruges... à son Excellence le ministre de l'Intérieur:* Et comme l'observe fort bien monsieur Davillier, nous estimons aussi que les jeunes gens qui se destinent au

commerce ne doivent pas être des argumentateurs et qu'une école de ce genre ne doit pas être une arène de controverse sur les questions d'économie politique sur lesquelles l'opinion des gens instruits n'est pas encore fixée.

[12] Нац. арх. F^{12} 502. 11 avril. *Esprit du Commerce:* Depuis le 24 mars que le conseil général du commerce et une députation de la ville de Lille ont été admis devant l'Empereur, on ne parle que de la théorie du commerce. A tout propos on entend citer Lock, Montesquieu, Smith etc. (même le 3-me livre de Thélémaque): jamais dans le commerce en France on n'a fait autant preuve d'érudition.

[13] Вот слова, записанные в протоколе заседания, где Наполеон их высказал: Nous savons très bien que si l'on mettait à la délibération de la plupart des commerçants la question de savoir ce qu'il convient de faire pour le commerce de France, la réponse serait: *point de douanes et liberté absolue* (подчеркнуто в рукописи)... l'empereur ...s'applaudit d'avoir des principes tout opposés... Le premier intérêt de la France est l'agriculture, le deuxième est l'industrie manufacturière et le 3-me est le commerce dans ce sens qu'il fait partie de l'exploitation de l'un et de l'autre etc., etc. (Нац. арх. AF. IV. 1241, № 342, 2 novembre 1810).

[14] Нац. арх. F^{12} 1611. Florence, le 1 juin 1812 (префект Арно министру внутренних дел): Les commerçants pensent rarement aux avantages de leur patrie dans leurs spéculations, ils la voyent en quelque sorte là où les bénéfices peuvent être plus considérables. Il importerait peu à quelques uns d'entre eux de ruiner les manufactures de Florence ou de Lyon, s'ils trouveroient leur avantage à soutenir celles de Londres ou de Pétersbourg.

[15] Нац. арх. AF.IV. 1241, № 342: Nous sommes fâchés par l'opinion que nous voudrions avoir de ses lumières et de son patriotisme qu'il ait fait une telle observation. Elle n'aurait pas été faite par le conseil des manufactures qui est plus essentiellement attaché à l'intérêt du sol français.

[16] *Le mémorial de Sainte-Hélène*, t. II, стр. 622; Cependant quel pas n'avions nous pas fait, quelle rectitude d'idées n'avait pas repandue la seule classification graduelle que j'avais consacrée — de l'agriculture, de l'industrie et du commerce: objets distincts et d'une graduation si réélle et si grande. 1) L'agriculture, l'âme, la base première de l'empire; 2) l'industrie: l'aisance, le bonheur de la population, 3) le commerce extérieur: la surabondance, le bon emploi des deux autres.

[17] Нац. арх. AF.IV. 1241. Séance du 17 septembre 1810.

[18] Нац. арх. F^{12} 512, № 1246. Paris, ce 11 mai 1815. *A M. le Comte Chaptal, directeur général du commerce* (подписано: Carnot).

[19] Нац. арх. F^{12} 1565. Paris, le 16 mai 1815. *Ministère de la guerre à S. E. le ministre de l'Intérieur:* ...il semble au premier abord qu'il serait contre les principes de la politique et de l'économie d'enrichir l'étranger à nos dépenses et d'aller chercher hors de France des concurrents à nos fabriques... Cependant, comme il ne s'agit que d'une mesure momentanée...

[20] Там же. Paris, le 20 juin 1815 (Шапталь министру внутренних дел): ...quelqu'impérieuses que soient les circonstances, elles ne me paraissent point devoir fléchir les principes. Un tel exemple ne manquerait point de provoquer de toutes parts des plaintes fondées...

[21] Chaptal. *Mes souvenirs sur Napoléon*, стр. 279, 280, 281—282.

[22] Там же, стр. 287.

[23] Эти слова я нашел в копии одного его письма, писанного из Тильзита к Камбасересу (по поводу торговли с Левантом; нам еще придется с этим документом встретиться): Нац. арх. F^{12} 507. *Extrait d'une lettre de Sa Majesté l'Empereur et Roi à Son Altesse Sérénissime le prince Archi-Chancelier.* Tilsitt, le 22 juin 1807: Dire qi'il est préférable

d'employer des machines c'est à dire que le soleil donne plus de lumière qu'une bougie.

[24] *Correspondence,* t. XXIII, стр. 134—135, № 18396. Palais de Saint-Cloud, le 30 décembre 1811: Ainsi d'un côté le peuple est obligé de payer le sucre cher, de l'autre le profit n'en est point au trésor; ce qui est toujours contraire au principe que tous les sacrifices que supporte le peuple doivent être pour le trésor.

[25] Нац. арх. AF.IV. 1243. Séance du 20 janvier 1812 (протокол заседания Совета по управлению торговлей и мануфактурами).

[26] Нац. арх. AF.IV. 909, № 38. *Note dictée par Sa Majesté à la séance du Conseil des Ministres du 30 juillet 1807.*

[27] *Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoléon I écrits à Sainte-Hélène sous sa dictée,* ed. par D. Lacroix, t. IV, стр. 217: En Russie nos pertes furent considérables, mais non pas telles qu'on se l'imagine... l'armée impériale... comptait à peine 140.000 parlant français. La campagne de 1812, en Russie, coûta 50.000 hommes à l'ancienne France.

[28] Нац. арх. AF.IV. 1242. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi,* № 339 (подписано: de Sussy).

[29] Нац. арх. F^{12} 190, № 84. 24 ventôse, an XIII. *Avis du Conseil de commerce sur la réclamation des fabricants d'épingles etc.*

[30] Нац. арх. AF.IV. 910. Tilsitt, le 8 juillet 1807 (приказ Талейрану): Envoyer par un courrier extraordinaire à l'archi-chancelier le traité de paix avec la Russie et la Prusse, lui dire que j'ai donné l'ordre qu'il assemblât le Sénat, qu'il fasse publier les traités et les fasse imprimer, qui je n'ai pas voulu tarder plus longtemps à en donner connaissance parce que les rélations de commerce en souffrent.

[31] Нац. арх. AF.IV. 1241. Séance du 9 juillet 1810.

[32] Нац. арх. AF.IV. 909. *Note dictée par l'Empereur.* Du 16 novembre 1809.

[33] Вот что, например, писал в 1806 г. министр внутренних дел Шампаньи в ответ на просьбу одного марсельского фабриканта о субсидии: Si le S-r Sonolet sollicite des encouragements pécuniaires je ne dois pas vous laisser ignorer que le gouvernement les refuse à tous les manufacturiers qui cultivent une branche d'industrie connue. Il abandonne ces manufacturiers à leurs propres forces, bien persuadé qu'ils trouveront dans leur exploitation les moyens de se soutenir. Il réserve ses recompenses pour ceux qui aggrandissent le domaine des arts soit en faisant des découvertes nouvelles, soit en perfectionnant des procédés déjà en usage ou en important des fabrications qui nous manquent. (Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. *Le ministre de l'Intérieur à Monsieur le conseiller d'Etat, préfet du dép. des Bouches-du-Rhône*).

[34] Chaptal. *Mes souvenirs sur Napoléon,* стр. 286.

[35] Там же, стр. 287: Napoléon m'a dit plusieurs fois qu'il craignait les insurrections des peuples, lorsqu'elles étaient amenées par le manque de travail, tandis qu'il n'avait jamais redouté les insurrections politiques parce qu'alors on peut mitrailler sans pitié, et qu'avec douze cents hommes bien conduits et quatre pièces de canon, il ferait rentrer tout Paris dans ses boutiques, comme il l'avait fait le 13 vendemiaire.

[36] Там же, стр. 284—285: L'ouvrier manque de travail, il est alors à la merci de tous les intrigants; on peut le soulever, je crains ces insursections fondées sur un manque de pain; je craindrais moins une bataille contre deux cent mille hommes.

[37] *Mémoires sur le consulat (1799—1804),* par un ancien conseiller d'Etat [Thibaudeau]. Paris, 1827, стр. 345—346: ...il faut aborder franchement la question du rétablissement des maîtrises et jurandes ou de la liberté de l'industrie... Je n'ai point d'opinion faite sur cette question, mais je penche pour la liberté.

[38] *Correspondance*, t. XIII, стр. 590, № 11329: Je n'ai pas entendu perdre neuf millions dans cette opération, mais remplacer un impôt par un autre (Наполеон Годену. Posen, le 30 novembre 1806).

[39] *Le mémorial de Sainte-Hélène*, t. II, стр. 624: Ce qui prouve qu'en administration, comme à la guerre, pour réussir, il faut mettre du caractère.

[40] *Rapport de la section de l'intérieur.* Citoyen Rœderer, rapporteur. Mars 1802: ...les taxes des douanes sont bien moins un revenu public qu'une police commerciale et diplomatique (*Oœvres de Rœderer*, t. VII. Paris, 1858, стр. 228). Там же: Présentation du projet de loi concernant les douanes. 14 mai 1802, стр. 227.

[41] Нац. арх. F[12] * 194. 58 Séance du 18 juillet 1811: Les efforts généreux de Sa Majesté tendent à conquérir le sceptre de l'industrie en portant les grandes fabrications au plus haut point de prospérité. Un de premiers éléments de cette prospérité est la stabilité des règlements et des lois qui les régissent. Des changements annuels porteraient à ces établissements les plus dangeureuses atteintes... il est donc permis de se demander s'il est indispensable de changer après quelques mois le décret impérial du 10 octobre 1810 etc.

[42] Нац. арх. AF.IV. 1061. Paris, le 11 février 1811. *Le ministre de l'Intérieur, comte de l'Empire aux messieurs composant la Chambre de commerce.*

[43] *Note pour le ministre de l'Intérieur.* Paris, le 26 mars 1806 (подписано: Napoléon): Le ministre est invité à faire connaître aux chambres de commerce qu'elles ne doivent rien imprimer... sans une autorisation préalable du ministre de l'Intérieur.

Elles doivent savoir que la voie la plus inconvenante et la plus inefficace de faire parvenir à Sa Majesté ou des vues, ou des représentations, est celle de l'impression. Une chose imprimée, par cela même qu'elle est un appel à l'opinion, n'en est un à l'autorité (*Correspondance*, t. XII, стр. 218, № 10020).

[44] Архив Лионской торговой палаты, Procès-verb. 60, заседание 17 октября 1811 г.: On lit la lettre de S. E. le Ministre de l'Intérieur, elle annonce à la Chambre que les messageries ayant déjà organisé leur service par la route de Wesel, pour les relations avec les villes anséatiques, les expeditions des produits des fabriques françaises devront décidement adopter cette même voie et abandonner la route d'Allemagne pratiquée jusqu'à ce jour pour toutes les marchandises à la même destination.

[45] *Mémoires du duc de Rovigo*, t. III. Paris, 1828, стр. 74—77.

[46] Нац. арх. F[12] 502. Commerce. 27 décembre 1810: «Moins de versatilité dans la législation des douanes, liberté toute entière pour le commerce licite et fixité dans les résolutions fiscales, en sorte que commerce n'ait point à craindre avec le préjudice de celles du jour d'en voir arriver de nouvelles contraires à ses spéculations le lendemain et le commerce s'aidera lui-même», voilà le vœu que forment surtout les négociants de toutes parties.

[47] Qui sait, c'est peut-être un grand homme embrassé, (показание Desmarest в его записках. См. *Quinze ans de haute police sous le consulat et l'empire*, par P. M. Desmarest. Ed. annotée par Leonce Grasillier. Paris, 1900, стр. 77).

[48] О нем см. мою книгу «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», ч. II. passim. (Наст. изд., т. II.— *Ред.*).

[49] Bourienne. *Mémoires*, t. II, стр. 530.

[50] Во французских народных картинках до сих пор попадается олеография, изображающая Наполеона у Оберкампфа (мне случилось тоже видеть ее в одной нормандской деревушке); об этих картинках ср. Lacroix, в *Intermédiaire des chercheurs*, 1901, стр. 97. Было предание, что эту фразу император сказал Ришару, но в 1901 г. в *Intermédiaire des cher-*

cheurs Albert Faure напечатал запись факта из семейного архива Оберкампфа. Вот слова императора из этой записи: «Vous et moi nous faisons une bonne guerre aux Anglais; vous par votre industrie, et moi par mes armes», *puis il avait ajouté, comme par réflexion:* «c'est encore vous qui faites la meilleure» (подчеркнутые слова прибавляет от себя документ).

[51] Décision. Saint-Cloud, 28 juin 1806 (подписано: Napoléon). *Correspondance*, t. XII, стр. 497, № 10422.

[52] См. Paris, le 25 mars 1806. *Le ministre de l'Intérieur à M. le préfet.* Архив департамента Роны (в Лионе), 14-M. Exposition des produits de l'industrie française.

Императорский декрет о выставке помечен: 15 février 1806. Au palais des Tuileries.

[53] *A Cambrai il y a cent ans. Notes et souvenirs d'un cambresien (1800—1822).* [Boules de Lesdam]. Cambrai, 1910, стр. 142.

[54] *Die Lehren des handelspolitischen Geschichte der civilisierten Staaten Europa's* etc. (перепеч. 1877 г. из *Das nation. System der politischen Oekonomie)*, стр. 55: Man erstaunt, mit welchem Scharfsinn dieser grosse Geist ohne die Systeme der politischen Oekonomie studiert zu haben die Natur und die Wichtigkeit der Manufakturkraft zu würdigen verstand. Wohl ihm und Frankreich, dass er sie nicht studierte.

Глава II

[1] Архив Лионской торговой палаты. Procès-Verbaux, 93, заседание 11 ventôse, an XIII.

[2] Нац. арх. AF. IV. 1012. *Mission du cit. Lecuée* (Industrie, manufactures, commerce): L'établissement des chambres de commerce n'est demandé que par les négociants d'Orléans. Le préfet de la Seine les regarde comme contraires à l'intérêt public, les autres préfets comme inutiles.

[3] Нац. арх. F^{12} 190, 17 ventôse, an XIII. *Avis du Conseil Général de commerce sur la proposition que fait la chambre de Montpellier* etc.

[4] Нац. арх. F^{12} 1568. Amiens, le 24 février 1807. Chambres consultatives. *Le préfet du dép. de la Somme à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[5] Нац. арх. F^{12} 618 (№ 11).

[6] Архив департамента Устьев Роны, M. 14-2. Paris, le 7 juillet 1810. *Le ministre de l'Intérieur, comte de l'Empire à Monsieur le préfet des Bouches-du-Rhône.*

[7] Совет, собственно, собирался еще семь раз (до отречения императора), но расходился «за отсутствием дел». Все протоколы вписаны в регистр F^{12} * 194, хранящийся в Национальном архиве.

[8] Нац. арх. AF. IV. 1318, № 124. Paris, 25 novembre 1811. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi* (подпись: Gueroult): ...il devient indispensable d'examiner si c'est le cas de faire l'application du principe de Smith et autres publicistes qui avancent, que les intérêts du producteur doivent être subordonnés à ceux du consommateur. Exprimé d'une manière aussi générale ce principê serait suivi d'effets bien désastreux... Comme on aurait pu abuser auprès de Votre Majesté du principe de Smith qui ne regarde pas le cas en question, je me suis empressé d'en prévenir les mauvais effets... la doctrine de cet auteur célèbre... ne sera jamais d'une application possible tant que les nations n'auront pas proclamé unanimement la liberté indéfinie du commerce etc., etc.

[9] Нац. арх. AF. IV. 1812. *Mémoire de P. Wrede,* le 17 novembre 1806.

[10] Нац. арх. F^{12} 1614. *Mémoire des tisserands en laine, wollewevers, de la commune de Gand... présenté au préfet du dép. de l'Escaut* etc. (21 brumaire, an X): Il est de fait que le gouvernement autrichien avait coutume de renvoyer les réclamations en faveur des fabriques à l'avis des chambres

de commerce. Ces chambres étaient composées de négociants: les négociants qui avaient des magasins de marchandises anglaises et autres, et qui dans un fabricant ne pouvaient voir qu'un rival ou qu'un ennemi...

[11] Нац. арх. F[12] * 194, 167 séance, du 11 novembre 1813. Отношение министра торговли, прочтенное в заседании совета мануфактур: Les chambres consultatives des manufactures ou les conseils de prud'hommes des villes de Lille, Cambrai, Valenciennes, Roubaux, St. Quentin, Roanne, Tarare et Mulhausen pensent que les mesures proposées sont nécessaires. Les chambres de commerce de Rouen, Amiens, Gand et Lille qu'il a fallu consulter à défaut d'établissement des chambres de manufactures dans ces villes émettent une opinion entièrement contraire mais comme elles sont en grande partie composées de négociants elles ont moins d'intérêt à la question etc.

[12] Там же.

[13] Нац. арх. F[12] * 194. 159 séance, du 16 septembre 1813.

[14] Нац. арх. F[12] 194. 161 séance, du 30 septembre 1813 (протоколы совета мануфактур): C'est ici le lieu, sans doute, de faire sentir l'inconvenance des réponses anti-sociales que le commerce a faites de toutes parts contre le régime prohibitif que doit si efficacement protéger le succès de nos manufactures... n'aurait-on pas lieu d'être étonné que l'opinion du commerce de France soit si opposée à la prospérité de l'industrie française, s'il n'était, depuis longtemps, démontré que, par tout pays, ce qu'on entend par le *commerce* est un corps indépendant et cosmopolite qui, pouvant à son gré transporter partout ses capitaux, n'a d'affection particulière pour aucun pays. Ce serait donc une grande erreur si l'opinion d'une classe d'hommes, dont l'intérêt doit être souvent en opposition avec l'amour de la patrie, pouvait avoir quelque poids dans les décisions que le gouvernement se propose de prendre...

[15] Там же: ...les établissements d'industrie qui tiennent autant au fonds que l'agriculture même avec cet avantage, par dessus, qu'elle décuple et centuple, par le salaire et les façons, la valeur des produits bruts qu'elle en reçoit.

[16] Нац. арх. F[12] * 194. 153 séance, du 5 août 1813.

[17] Ср. Нац. арх. F[12] * 191. Séance du 5 messidor, an X: La France est divisée en deux classes; la classe agricole et la classe industrieuse; la première est la plus considérable, sans doute, mais la seconde est écrasée si vous ne songez point à garantir son industrie.

[18] Нац. арх. AF. IV. 1060. Paris, le 4 octobre 1806 (доклад Наполеону).

[19] Нац. арх. AF. IV. 1060, № 147, 4 octobre 1809: ...annoncer la libre entrée des draps fins à Vienne en payant un droit très modique et sans qu'il y ait réciprocité pour l'introduction des draps d'Autriche en France...

[20] Архив Лионской торговой палаты, Procès-Verbaux des délibérations, 181 (заседание 13 марта 1806 г.).

[21] Нац. арх. F[12] 194. 153 séance, du 5 août 1813.

[22] Нац. арх. F[12] *, 194. 131 séance, du 1 mars 1813.

[23] Нац. арх. F[12] * 194. 131 séance, du 1 mars 1813: A son avènement au pouvoir, les manufactures en France étaient à peu près anéanties.

[24] Привожу текст: la liberté absolue de l'entrée des matières premières et de la sortie des marchandises fabriqués; la prohibition ou l'imposition à la sortie de ce qui est matière première indigène et à l'entrée de ce qui est marchandise fabriquée, quand nous ajoutons que si l'on dévie de ce principe, il faut au moins, admettre le *drawback*, ou restitution du droit en faveur des marchandises ouvrées avec les matières premières qui auraient été frappées d'un droit d'entrée. Нац. Арх. F[12]* 194. 131 séance, du 1 mars 1813.

[25] Нац. арх. AF. IV. 1318. Докладная записка Сен-кантенской совещательной палаты 7 мая 1810 г.

[26] Нац. арх. F[12] 1466. Paris, 2 messidor, an IX. *Le ministre au C. Poizat:* ...le premier Consul m'a renvoyé, citoyen, la pétition... vous n'avez pas be-

soin d'autorisation, citoyen, pour former en Corse un établissement industriel. Tout citoyen français a par la constitution le droit d'exercer ses talents, etc.

[27] Архив Лионской торговой палаты. Procès-Verbaux, 55, заседание 9 мессидора XII года.

[28] *Mémoires sur le consulat (1799—1804).* Par un ancien conseiller d'Etat [Thibaudeau]. Paris, 1827, стр. 343—344.

[29] Нац. арх. F[12] 502 (dossier № 25).

[30] Нац. арх. F[12] 502. Bureau des arts et manufactures. *Rapport, présenté au Ministre de l'Intérieur* (подписано: Costaz, le chef du Bureau des arts et manufactures).

[31] Blanc de Volx. *Etat commercial de la France,* t. III. Paris, 1803, стр. 244, 261.

[32] Вот подлинные слова Наполеона, приводимые Тибодо: Le premier Consul: Quand il y a un acte écrit ou des obligations civiles importantes, cela doit regarder les tribunaux; mais pour le courant et les choses de bon ordre et de détail, il faut les attribuer aux maires, c'est une affaire de police; les juges de paix ne sont pas assez à la portée des parties, ni assez expéditifs... Je ne connais pas de bonne police là ou le maire n'a pas le droit de condamner à la prison pour trois jours et à une amende de 12 à 15 francs... Le préfet de police fait tous les jours des choses arbitraires, mais cela ne peut être autrement. *(Mémoires sur le consulat (1799—1804).* Par un ancien conseiller d'état, стр. 345).

[33] Нац. арх. F[12] 1560. Paris, le 26 juin 1815 (из префектуры полиции министру внутренних дел). Там же, Paris, le 20 juin 1815. *A M. le comte Chaptal, ministre d'Etat, directeur général du commerce* (черновик).

[34] Архив Лионской торговой палаты, Procès-Verbaux, 90, заседание 18 pluviôse, an XIII.

[35] Нац. арх. F[12] 513. Lyon, le 25 frimaire, an XIV. *Le préfet du départ. du Rhône à Son Excellence le ministre de l'Intérieur:* ...l'administration n'hésiterait pas sans doute à approuver et encourager même tout projet qui se renfermerait dans un but si louable; mais s'il était possible qu'il amenât dans son exécution des atteintes à l'ordre public et à l'intérêt des fabriques et manufactures on doit le repousser. Les sociétés proposées nécessiteront des réunions: il en naîtra des associations et coalitions contre les maîtres. Le désordre et l'augmentation du prix de travail en seront inévitablement la suite...

[36] Ср. архив Лионской торговой палаты, Procès-Verbaux, 135, заседание 13 thermidor, an XIII.

[37] Нац. арх. F[12] 503. *Statistique des manufactures, fabriques, arts et métiers de la ville et faubourgs de Lyon...* par J. G. Deglise, citoyen de Lyon, en l'an douze.

[38] Там же: Aussi voit-on dans cet éternel désordre un plus grand nombre des malheureux qui regrettent avec raison la police des arts et métiers qui les régissait en 1789...

[39] Ср. брошюру Abeille. *Reflexions sur l'entrepôt de Marseille,* вышедшую в 1805 г. (brumaire, an XIII), стр. 12: Au dedans se trouvent des fabriques à savon, dont l'exploitation est de plus de vingt millions. La sagesse des règlements anciens permettait de braver tous les concurrents étrangers...

[40] Нац. арх. AF. IV. 1241. Séance 2 juillet 1810 (заседание Conseil d'administration du commerce et des manufactures).

[41] Архив департамента Устьев Роны, M. 14-2. *Etat de situation des fabriques et manufactures de draps et autres étoffes de laine de toute espèce* etc. (1810—1811). Observations (помечено: Tarascon, le 26 décembre 1811).

[42] Архив департамента Устьев Роны, M. 14-2. *Etat de situation des fabriques* etc. Fait à Aix le 3 janvier 1812.

[43] Нац. арх. F[12] 507. *Extrait d'une lettre de Sa Majesté l'Empereur et Roi à Son Altesse Sérénissime le Prince Archichancelier.* Tilsitt, le 22 juin 1807.

[44] Архив Лионской торговой палаты. Procès-Verbaux, 101, заседание 14 germinal, an XIII.

[45] См. архив Лионской торговой палаты, Procès Verbaux 103, заседание 12 флореаля XIII года (там же текст декрета).

[46] Нац. арх. AF. IV. 1060. № 95 (18 mai 1808). *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (Отчет об исполнении Лионской торговой палатой приказания императора касательно шелковых материй для Сен-Клу).

[47] В рукописи явная описка: le traité de commerce de 1784 (Нац. арх. AF. IV. 1318. Paris, 25 novembre 1811. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi;* подписано: Gueroult).

[48] Архив Лионской торговой палаты. Procès-Verbaux, 55, заседание 9 мессидора XII года: ...la conscription militaire qui éloigne des manufactures tous les jeunes sujets.

[49] Там же.

[50] Нац. арх. AF. IV. 1060. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi.* Lyon, ce 11 décembre 1806 (петиция Лионской торговой палаты): ... Votre Majesté marche à grands pas vers le but qu'Elle poursuit sans relâche; Elle forcera enfin les perturbateurs du monde à cette paix générale qui est le vœu le plus cher à son cœur; parceque comme Elle l'a dit même, elle (la paix.— *Е. Т.*) est le besoin le plus pressant de l'Europe.

[51] (Заседание Лионской торговой палаты 28 фримера XIV года. Архив Лионской торговой палаты, Procès-Verbaux, 154). ...les traités de paix qu'ameneront bientôt les succès étonnants de nos armées seront sans doute suivis de quelques traités de commerce et que l'importance des rapports de nos manufactures avec l'Allemagne, la Russie et la Pologne exigent des stipulations etc.

[52] Архив Лионской торговой палаты, Procès-Verbaux des délibérations, 14, заседание 13 prairial, an XI — адрес первому консулу: ...la chambre de commerce... espère que de nouveaux succés... rameneront bientôt la tranquillité, fruit précieux d'une paix glorieuse et durable en comblant le désir de l'humanité et le bonheur du commerce national.

[53] Архив Лионской торговой палаты, 139, заседание 25 ноября 1813 г.: S. E. le ministre des manufactures et de commerce, par sa lettre du 23 novembre, en retraçant à la Chambre les événements funestes et imprévues qui dans l'espace de quelques semaines ont changé l'état de la France, lui représenta les dangers auxquels le commerce français serait exposé si des mesures vigoureuses n'étaient pas prises pour arrêter le progrès de puissances coalisées et reconquérir la paix que nous leur avons tant de fois et si généreusement offert.

[54] Нац. арх. AF. IV. 1318. *Rapport à Sa Majesté* etc. (министерство мануфактур и торговли). 25 novembre 1812.

Глава III

[1] Нац. библ. Lb[43] 40. *Cahier de réformes ou vœux d'un ami d'ordre.* Paris, an VIII. Подписывая брошюру, автор прибавляет: «En signant cet écrit je sais à quoi je m'expose»,— настолько смелым казался тогда его тон.

[2] Это состояние превосходно выражено в одном (неподписанном) документе — докладе, поданном министру внутренних дел в 1802 г. (Нац. арх. F[12] 1628—1635, an X): Plus on étudie notre état actuel, plus on se convainc qu'aujourd'hui en général la nation, flétrie par de longs malheurs, découragée par de funestes expériences est devenue insensible à presque tous les événements publics. Elle semble dire à celui qui la gouverne: *arrangez tout et laissez-moi en repos* (подчеркнуто в рукописи).

[3] Stourm R. *Les finances du consulat.* Paris, 1902, стр. 355.

[4] Нац. арх. AF. IV. 1328. *De la récolte des bleds.* 30 novembre 1801.

[5] *De l'état de la France à la fin de l'an VIII,* par le Cit. Blanc de Hauterive, chef de la division des relations extérieures. 2 éd. Paris, (brumaire, an IX — octobre 1800), стр. 282—283 (Нац. библ. Lb[33] 112).

[6] Blanc de Volx. *Etat commercial de la France* etc., t. I. Paris, 1803, стр. 229.

[7] См., например Архив департамента Устьев Роны, M. 14-1834 (184). Paris, le 22 ventôse, an X (13 марта 1802 г.). *Le ministre de l'Intérieur au citoyen Charles Lacroix, préfet:* Le gouvernement protégera la fabrique de tout son pouvoir: il continuera à écarter toute concurrence qui pourrait leur nuire etc. Самое письмо вызвано следующим: «...je vois avec peine, citoyen préfet, que le commerce a conçu des craintes sur la possibilité de l'introduction des produits des fabriques étrangères...» etc.

[8] Нац. библ. Lb[43] 217. *Dernières vues de politique et de finance, offertes à la Nation Française par M. Necker,* an X — 1802, стр. 454—455.

[9] Ср. письмо Dejan'a (ministre extraordinaire à Gênes) Шапталю, министру внутренних дел, 24 messidor, an IX: ...il s'agit de rappeller en France des négociants, des fabricants instruits, accrédités, industrieux, dont les riches capitaux sont nécessaires pour raviver l'industrie nationale.

Ср. также письмо префекта Северного департамента министру внутренних дел (14 messidor, an IX): ...la seconde cause est la disparition des capitaux... Ces capitaux existent encore en grande partie; dans ce moment ils servent à alimenter l'industrie dans les pays étrangers...

[10] Mollien. *Mémoire d'un ministre du trésor public,* t. I (1780—1815). Paris, 1845, стр. 336.

[11] Ср.: La puissance de l'Angleterre repose essentiellement sur la prospérité de son commerce. Diminuer cette prospérité, affaiblir ce commerce, établissant une rivalité utile et en entrant en concurrence dans tous les marchés, c'est faire à la Grande-Bretagne la guerre la plus sensible; c'est celle que lui a faite le grand Colbert; c'est celle que vous ferez avec plus de succès encore (Нац. арх. AF. IV. 1060. Grenoble, le 25 nivôse, an XI. Perou — Первому консулу).

[12] Нац. арх. AF. IV. 1318, № 4. *Rapport présenté aux consuls de la République par le ministre de l'Intérieur.* Floréal, an IX (подписано: Chaptal).

[13] Нац. арх. F[12] 613. Paris, le fructidor, an VIII. (Rapport etc. etc. aux Consuls).

[14] Ср. мемуар, представленный Beugnot префекту Нижней Сены (Нац. арх. F[12] 612, copie du mémoire, présenté au citoyen Beugnot... par Accard, à Rouen): Lorsque le premier consul de la République française a fixé par son arrêté du trois fructidor an neuf..., le seul motif a été sûrement d'en espérer un bon résultat et d'empêcher par là l'introduction et la circulation des marchandises anglaises.

[15] «basins, piqués, mousselinettes, toiles, draps et velours de coton».

[16] Ср. Нац. арх. дела в картоне F[12] 612, passim.

[17] Архив департамента Устьев Роны. M. 14—1834: ...mesures que je vous prescris et qui sont réclamées tout-à-la-fois par la politique nationale et par l'intérêt de notre industrie, trop longtemps victime de la cupidité étrangère (циркуляр министра внутренних дел префектам, от 15 вандемьера X года).

[18] Нац. арх. F[12] 613. Paris, le 8 floréal, an X. (Preféсture de police. Rapport).

[19] Нац. арх. F[12] 613. *Au citoyen Bonaparte, premier consul* (26 pluviôse, an X. Подписано: Tabard, vérificateur expert de l'administration des douanes).

[20] Нац. арх. AF. IV. 1012. C. Industrie, manufactures, commerce (mission du conseiller d'état Lacuée): Tels sont les renseignements réunis sur-

l'état passé et actuel du commerce, des manufactures et de l'industrie; pour les porter au plus haut dégré de prospérité qu'ils puissent atteindre, le seul moyen efficace serait, on le répète, la paix générale. Sans commerce maritime toutes ces forces de la prospérité ne pourront toujours que languir... Le gouvernement est au moment de former des traités d'alliance et de commerce avec diverses puissances; il sera plus prévoyant que ne l'était l'ancien gouvernement...

[21]. Chaptal. *De l'industrie française,* t. II. Paris, 1819, стр. 425: Le fabricant anglais, couvert de ses avances, riche de ses capitaux, peut faire des sacrifices pour étouffer une industrie rivale, le fabricant français n'a rient à lui opposer, si la législation ne le protège.

[22] *Loi du 10 brumaire an V de la République française:* Pour un gouvernement qui évalue les hommes en schelins, une défaite n'est qu'une mauvaise operation de finance qu'il répere aisement. Le coup le plus sensible, qu'on puisse lui porter n'est point de battre ses armées, mais de détruire son commerce et d'attaquer son industrie.

[23] Привожу важнейшие статьи этого декрета 1796 г., без знания которого нельзя изучать историю идеи континентальной блокады.

[24] Ср. *Nécessité de la paix et moyens de la rendre durable;* dedié au général Bonaparte par J. T. Bruguière, стр. 80. Paris, prairial, an VIII. (Нац. библ. Lb[43] 91): Alors le peuple poussé par la misère, isolé du reste du monde par le défaut de communications, eût puni l'usurpation de son roi et la roche Tarpeïenne eût fait justice de ses ministres...

[25] Там же, стр. 81: Cependant que les Anglais ne se trompent pas, leur ruine... est réele et l'époque n'est pas éloignée ou le squelette de leur fortune publique etc., etc.

[26] Нац. библ. Lb[43] 92: *Aurons-nous la paix?* Paris, стр. 23—24: ...ajouter les mesures à prendre pour empêcher, s'il est possible, qu'aucun objet, sans exception, provenant des manufactures anglaises, soit introduit en France... Comment nos manufactures pourraient-elles reprendre l'activité... si nous trouvons dans les magasins français toutes les marchandises anglaises? etc.

[27] *Etat de la France à la fin de l'an VIII.* Paris, brumaire, an IX — octobre 1800, стр. 146 и 149. (Нац. библ. Lb[43] 112).

[28] Там же, стр. 197.

[29] Там же, стр. 279.

[30] *Situation de la France et de l'Angleterre à la fin du 18 siècle,* t. II, par le cit. Fonvielle. Paris, Octobre 1800, стр. 193. L'Europe a besoin de renoncer promptemant aux faux systèmes qui l'ont vieillie, usée en deux siècles au plus. Ses peuples ont besoin de repos, ses gouvernements de sagesse... il faut qu'elle renonce à cet appareil militaire dont la permanence au milieu de la paix semble annoncer que la paix n'est qu'une trève passagère...

[31] Ср. брошюру *La première et la seconde année du consulat de Bonaparte,* стр. 30 (Нац. библ. Lb[43] 2).

[32] Hauterive. *De l'état de la France à la fin de l'an VIII,* стр. 208 и 215. (Нац. библ. Lb[43] 112).

[33] *Correspondance,* t. VII, стр. 53—54, № 5423. Paris, 10 ventôse, an IX (1 mars 1801).

[34] *Le mémorial de Sainte-Hélène,* t. II, стр. 623.

[35] Нац. библ. Lb[43] 210. *Le bon sens d'un manufacturier ou convient-il à la France de faire un traité de commerce avec l'Angleterre.* Rouen, an X: ...l'enthousiasme a été général parmi les Anglais... Chez nous, excepté dans les places maritimes, elle a été accueillie avec un phlegme.

[36] Там же, стр. 11 и сл.

[37] Там же, стр. 14: Un temps viendra ou nous sortirons de cet état précaire qui fait dépendre notre existence industrielle de notre isolement; mais c'est du temps seul que nous devons attendre notre entière indépendance.

[38] См. Нац. арх. AF. IV. 1060. Paris, le 22 prairial, an X. *Rapport présenté au premier Consul... par le ministre de l'Intérieur.*

[39] Британский музей, № 292, к. 28. *Letters to the R. H. Lord Hawkesbury and to the R. H. Henry Addington on the peace with Buonaparte*, by William Cobbet. London, January 1802, стр. 173—174.

[40] Британский музей, № 1250, е. 19. *Letters on the modern history and political aspect of Europe*, by J. Bigland. London, 1804, стр. 97.

[41] Они даже выражения употребляли при этом самые точные: La rigoureuse exactitude avec laquelle le service des douanes se fera, ne contribuera pas peu à rendre cette mesure efficace. Ce service exige une aussi active surveillance que la police même de Paris. *La police est une petite guerre, le service des douanes en doit faire une autre.* Нац. библ. Lb[43] 210. *Le bon sens d'un manufacturier*, стр. 37.

[42] Там же.

[43] Нац. арх. AF. IV. 1292. *Notes sur les douanes*, № 12 (copie d'un rapport de Coquebert-Montbret adressé au 1-r Consul, an 1802): Les marchandises anglaises sont exclues par les lois, mais le sont-elles par le fait? Il n'est aucun de nous qui n'ait la conviction intime du contraire. Empêcher d'entrer des marchandises anglaises dont tout le monde veut, serait une entreprise impossible...

[44] Nous au contraire, ne voulons que des marchandises d'Angleterre; ses mousselines, ses percales, ses étoffes de coton, ses casimirs, ses faïences, ses aciers, sa mercerie, sa quincaillerie, sa bonneterie remplissent nos magasins et nous oublions qu'alimentant ainsi l'industrie d'une puissance rivale, nous détruisons la nôtre. (*Considérations sur l'organisation sociale... de la France et de l'Angleterre*, t. II. Paris, an X — 1802, стр. 149 — примечание). Нац. библ. Lb[43] 218.

[45] См. прим. 43.

[46] Нац. библ. Lb[43] 154. *Du traité de Lunéville*, par Felix Beaujour. Paris, an IX — 1801, стр. 4.

[47] Нац. библ. Lb[43] 209. *Du traité d'Amiens*, par Felix Beaujour. Paris, an X — 1802, стр. 17.

[48] Там же, стр. 20.

[49] Нац. арх. AF. IV. 1060. *Rapport à Sa Majesté Impériale sur les effets de l'arrêté du 6 brumaire.* Messidor, an XII: ...il excitait les plus fortes réclamations surtout de la part d'un grand nombre de manufacturiers...

[50] Там же: ...il est de fait que, de ce moment, l'industrie française n'a rien à craindre de la rivalité étrangère pour la consommation intérieure.

[51] Blanc de Volx. *Etat commercial de la France*, t. I. Paris, 1803, стр. 249 и сл.

[52] Нац. библ. Lb[43] 210. *Le bon sens d'un manufacturier ou convient-il à la France faire un traité de commerce avec l'Angleterre.* Rouen, an X.

[53] Нац. арх. AF. IV. 1060. Paris, le 22 prairial, an X. *Rapport présenté au premier Consul de la République par le ministre de l'Intérieur.* Sur le Commerce.

[54] Ср. *Un hiver à Paris sous le Consulat (1802—1803).* D'après les lettres de J. F. Reinhardt. Paris, 1896, стр. 386: Le gouvernement paraît disposé à cacher à la nation l'imminence de cette guerre (1 mars 1803).

[55] *England and Napoléon in 1803*, being despatches of lord Whithworth and others, ed. for the Royal Historical Society by O. Browning. London, 1887, стр. 254 (нота, 23 флореаля XI года): Aujourd'hui la convenance de l'Angleterre exige une garantie contre la France, et l'Angleterre garde Malte... Demain la convenance de l'Angleterre demandera une garantie contre les progrès de l'industrie française, et on proposera un tarif de commerce pour arrêter les progrès de notre industrie. Si nous réparons nos ports... si par quelque encouragement nous relevons nos manufactures etc.,

on demandera que nos ports soient dégradés... que nos manufactures soient ruinées.

[56] Нац. библ. Lb[43] 237. *Réflexions d'un Français sur la conduite que vient de tenir l'Angleterre,* par T. chef de brigade du génie. Paris, floréal, an II — juin 1803: Français, réunissons nous, la guerre que nous allons soutenir n'est pas le fruit d'un caprice, ni d'un calcul d'ambition ou de vaine gloire... Un gouvernement ambitieux veut nous dicter des lois, il commande et nous limite même le temps qu'il nous donne pour lui obéir... il faut fermer nos ports, détruire nos métiers, étouffer notre industrie: à ce titre il voudra bien faire un nouveau traité.

[57] См. печатную прокламацию *Le préfet du département du Gard, commissaire délégué du gouvernement... au maire de la ville de Beaucaire:...* les progrès rapides de nos manufactures et la renaissance de notre commerce sont évidemment le véritable motif de la guerre injuste que le gouvernement britannique ose nous déclarer. Il a senti que la paix avait retabli la confiance; que nos capitaux se dirigeaient avec abondance vers l'industrie; que les mécaniques qui facilitent le travail se perfectionnaient et se multipliaient tous les jours... l'industrie de cette isle avide et orgueilleuse ne pourrait bientôt plus soutenir la concurrence de l'industrie française. C'est donc notre industrie que nous avons à défendre etc., etc. (Nismes, le 10 messidor de l'an XI — 29 июня 1803 г.).

[58] Архив Лионской торговой палаты, Procès-verbaux des délibérations, 14 (заседание 13 prairial, an XI): Le commerce commençait à renaître à l'ombre de l'olivier; une nation rivale, jalouse de nos succès, se propose d'attenuer vos bienfaits en troublant le repos nécessaire à l'industrie française. Votre modération, votre sagesse ont arrêté pendant quelque temps les efforts de nos ennemis naturels; mais l'honneur national ne vous a pas permis de sacrifier même au bonheur de la France les justes ressentiments qu'une politique mensongère ne pouvait pas donner vainement au vainqueur et au pacificateur de l'Europe.

[59] Британский музей, № 8135-a-38. *An adress to the mechanics, artificers, manufacturers and labourers of England on the subject of the threatened invasion (1803):* There is opinion... it is most prevalent amongst those whose lot is to gain their daily subsistance by the sweat of their brows... that men... would be in no worse position in the conquest of this country should take place, than they are at present.

[60] Там же, стр. 10.

[61] Наполеон — контрадмиралу Депре, морскому министру. Saint-Cloud, 1 prairial, an XI (21 mai 1803). *Correspondance,* t. VIII, стр. 321, № 6758.

[62] Наполеон — Марескальки, министру иностранных дел Италийской республики. Paris, 2 prairial, an XI (22 mai 1803). *Correspondance,* t. VIII, стр. 322, № 6759.

[63] Наполеон — генералу Мортье, Bruges, 22 messidor, an XI (11 juillet, 1803). *Correspondance,* t. VIII, стр. 398, № 6904.

[64] Наполеон — генералу Бертье. Bruxelles, 10 thermidor, an XI (29 juillet 1803). *Correspondance,* t. VIII, стр. 427, № 6959.

Глава IV

[1] Нац. арх. AF. IV. 1060. Mémoire № 77. *Améliorations pour l'agriculture, les manufactures, la marine et le commerce au retour de la Paix* (Nantes, le 8 nivôse, an VIII).

[2] Нац. арх. F[12] * 192-A. Séances du 4 complém., an XI и 3 vendemiaire, an XII.

[3] Нац. арх. AF. IV, 1060. Note (№ 38).

[4] Нац. арх. F[12] * 191. Séance du 18 messidor, an X. Ср. также заседание 9 messidor'a, 5 messidor'a.

[5] Нац. арх. F[12] * 191. Séance du mardi 5 prairial, an X: Puisque les Anglais l'emportent pour le prix et la qualité des cotons filés et qu'ils nous cèdent pour la confection des étoffes, pourquoi les cotons filés ne seraient-ils pas traités comme une matière première tout aussi nécessaire aux besoins de nos manufactures que les soies que nous tirons de l'étranger? ...Le conseil a loué les vues de ce rapport... etc.

[6] Там же:... si cette branche nous échappe, le peuple reprendra ses anciennes habitudes de filer le chanvre et la laine, et le commerce des draps et des toiles nous dédommagera de la perte d'une industrie que j'ose appeller exotique et qui resiste aux soins qu'on prend pour l'acclimater.

[7] Там же.

[8] Нац. арх. AF. IV. 1318. *Mémoire présenté à Sa Majesté l'Empereur et Roi 8 janvier 1806:...* a peine ce décret était-il connu à Londres, que le commerce anglais reduisait dans la même proportion le prix de ses toiles et nous faisait perdre tout le fruit des mesures que Votre Majesté *venait* de prendre en notre faveur.

[9] Британский музей, № 8228, d. 59. *Commerce defended...*, by James Mill. Esq. London, 1808, стр. 140:... it is evident, therefore, that supposing France to become a manufacturing country... Там же, стр. 143: the sphere of French commerce, when her commerce begins, is totally different from the British...

[10] Ср. *Aperçu des Etats-Unis au commencement du XIX siècle, depuis 1800 jusqu'en 1810,* par le Chevalier Felix de Beaujour. Paris, 1814. (Нац. библ. Lb. 23), стр. 189.

[11] Нац. арх. F[12] 1563. Mende, le 17 février l'an 1806 (префект министру):... ces entrepreneurs n'employent point des machines mécaniques, tout se file au rouet, ils n'ont pas non plus des ouvriers chez eux, ils livrent le coton à filer aux particuliers chez lesquels il est filé par les fémmes et les enfants. Le nombre des individus qui s'occupent à filer du coton... n'est pas connu (Dép. de la Lozère.)

[12] Нац. арх. F[12] 1563. Filatures de coton. *Etat des filatures etc. dans le département de la Lys* (nombre des assortim. de mécaniques, an X — janvier 1806).

[13] Le nouveau système de filature n'est pas encore connu à Angers (Нац. арх. F[12] 1563. *Etat de filat. Maine-et-Loire.* 6 mars 1806. Observations. Там же. Meuse-Inférieure (24 février 1806).

[14] Нац. арх. F[12] 1564. *Etat des fabriques de tissus de coton etc. dans le département de l'Ourthe* (Liège, le 19 février 1806).

[15] Нац. арх. F[12] 1563. Deux-Nèthes. Anvers, le 24 février 1806. Il n'existe point d'atteliers de filature de coton dans la ville d'Anvers... plus de 3000 individus de la dernière classe sont spécialement occupés à la filature de coton, mais chacun chez eux.

[16] Нац. арх. F[12] 1563. Marne, le 8 mars 1806. *Etat des filatures de coton.*

[17] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. *La chambre de commerce de Marseille à Monsieur Thibaudeau... préfet* (Marseille, le 15 mars 1806).

[18] Ср. Нац. арх. F[12] 1564. Arras, le 21 février 1806 (префект департамента Па-де-Кале министру).

[19] Нац. арх. F[12] 1564, Département du Rhône (Lyon, 13 mars 1806): ...leur nombre a diminué en proportion de l'accroissement des mécaniques.

[20] Нац. арх. F[12] 1564. *Etat des filatures de coton.*— Seine-Inférieure (№ 1). Rouen, le 10 février 1806.

[21] Там же. Observations.

[22] Это только *ткачи*, но далеко не все рабочие, занятые в бумаготкацком промысле: Le nombre serait double, si on y faisait entrer les

trameuses, bobineuses et autres ouvriers accessoires. (Нац. арх. F12 1564; № 2. Tissus de coton. Seine-Inférieure.—Observations). Сколько хозяев,— даже приблизительных указаний здесь нет. Просто сказано (в графе «noms des entrepreneurs»): ... la trop grande multiplicité empêche de donner le nom des fabricants,— и потом повторено слово: *divers*.

[23] Там же: Tous les fabricants s'accordent sur la possibilité de fabriquer dans le département au moins 550.000 pièces de toiles de coton.. aussitôt que la prohibition aura écarté les tissus étrangers.

[24] Нац. арх. F12 1564. № 4. *Manufactures de toiles peintes.* (Seine-Inférieure, 10 février 1806).

[25] Нац. арх. F12 1564. № 1. *Etat des filatures de coton etc.* Seine.

[26] Нац. арх. F12 1564. Seine, № 2. Tissus de coton.

[27] Нац. арх. F12 1564. № 4. Manufactures des toiles peintes.— Seine.

[28] Нац. арх. F12 1564. Seine-et-Oise. Manufactures de toiles peintes (31 mars 1806).

[29] Нац. арх. F12 1568. Préfecture du départ. de Seine-et-Oise. *Rapport sur les manufactures etc.* (Versailles, le 10 avril 1807).

[30] Нац. арх. F12 1564. Amiens, le 24 avril 1806 (префект Соммы министру внутренних дел).

[31] Там же.

[32] Нац. арх. F12 1564. *Etat des établissements etc. ... existant dans le département de la Somme* (при бумаге от 24 апреля 1806 г.: цифры относятся к 1805 году, до начала войны с Третьей коалицией).

[33] Нац. арх. F12 1564. Préfecture du Nord, № 2. Tissus de coton: ...nous osons assurer qu'elle reprendra bientôt son ancienne activité surtout si le gouvernement véritablement éclairé sur l'intérêt des fabriques nationales... prohibe à l'entrée de l'empire toute espèce de filet de tissus étrangers.

[34] Там же, № 4. *Etat des manufactures des toiles peintes du département du Nord.*

[35] Нац. арх. F12 1564. Filature de coton (Lille, le 10 mars 1806).

[36] Нац. арх. F12 1564. 24 février de l'an 1806. № 2. Tissus de coton (Yonne).

[37] Нац. арх. F12 1564. *Etat des manufactures etc.* Vaucluze. (9 avril 1806).

[38] Нац. арх. F12 1564. Trèves, le 21 février 1806 (le préfet au département de la Sarre министру внутренних дел).

[39] Там же. Au Mans, le 7 juillet 1806. *Etat des fabriques de tissus de coton* etc. ... *dans le département de la Sarthe.*

[40] Нац. арх. F12 1564. Mâcon, le 21 mars 1806 (и вложенные *états* департамента № 1 и 2).

[41] Нац. арх. F12 1564. *Etat des filatures de coton...* Vosges. Observations. Там же: Epinal, le 4 avril 1806 (префект министру).

[42] Нац. арх. F12 1564. 5 mars 1806, Melun. *Etat des fabriques de tissus de coton.* (Filatures de coton).

[43] Там же. Sambre-et-Meuse. Filatures de coton.

[44] Там же. Fabriques de tissus de coton... Sambre-et-Meuse.

[45] Там же. Vesoul, le 28 mars 1806 (и вложенные в бумагу *états*).

[46] Нац. арх. F12 1564. Limoges, le 24 février (и приложенные *états*).

[47] Там же. Filatures de coton (Bas-Rhin).

[48] Там же, Clermont-Ferrand, le 2 avril 1806.

[49] Там же, Oloron, le 24 février 1806.

[50] Там же, Tarbes, le 24 février 1806.

[51] Там же, Perpignan, le 11 mars 1806.

[52] Там же, Draguignan, le 28 février 1806.

[53] Там же, Tissus de coton. Filatures de coton (1 mars 1806) Préfecture de la Sesia.

[54] Там же, Département du Var. № 2. Tissus de coton.

[55] Нац. арх. F[12] 1564. Nevers, 25 février 1806.

[56] Там же, 3 mars, an 1806. *Le préfet du département de la Vendée à S. E. le ministre de l'Intérieur.*

[57] Там же, Potiers, 11 février 1806 (префект министру).

[58] Там же, le 7 février 1806. Département de Deux-Sèvres.

[59] Выражение Мартена, префекта Восточных Пиренеев: ...il n'y existe aucun établissement de ce genre; j'ai l'honneur de vous renvoyer quatre tableaux négatifs (Нац. арх. F[12] 1564. Perpignan, le 11 mars 1806).

[60] Нац. арх. F[12] 1564. A. Rouen, le 10 février 1806, № 4. Manufactures de toiles peintes. Observations: Le moment paraît donc extrêmement favorable pour prohiber entièrement les toiles de l'Inde et si l'on ne se décidait pas pour la prohibition, il serait bien impossible que les fabriques de tissure pussent se soutenir à côté d'une concurrence qui peut sacrifier tout ce qu'il faudra, pour les faire succomber. Avant que les Anglais eussent autant baissé les prix pour écraser nos fabriques de tissure, on imprimait beaucoup...

[61] Нац. арх. AF. IV. 1318. *Mémoire présenté à Sa Majesté,* 8 janvier 1806: Sire, nous supplions Votre Majesté de décreter dans le plus bref delai la prohibition absolue de tous cotons filés, toiles peintes, tissus de tout genre, en tout coton et fil de coton, et nominativement des toiles de coton blanches et nankins de l'Inde. 2, de joindre à ce décret les mesures de surveillance et d'exécution qu'il vous plaira ordonner dans votre sagesse et des dispositions pénales assez rigoureuses pour comprimer la fraude.

[62] Нац. арх. AF. IV. 1318. *Mémoire présenté à Sa Majesté,* 8 janvier 1806.

[63] Архив Лионской торговой палаты, 149 (заседание 14 frimaire, XIV года). M. Rubichon ходатайствует о «prohibition absolue» для «toutes les toiles de coton en blanc, importées de l'Angleterre». Палата — присоединяется. См. там же, 159.

[64] *Considérations à l'appui du mémoire présenté à Sa Majesté l'Empereur par les fileurs et tisseurs du département du Rhône et par les fileurs et tisseurs du département de la Drôme* (Crest, 17 février 1806; см. приложения): ...a présent que ses éclatantes victoires l'ont rendu arbitre des destinées des états du continent qu'il exige pour condition essentielle de la paix qu'il leur accorde, que tous les ports du continent soient fermés aux Anglais...

[65] *Considérations à l'appui du mémoire présenté à Sa Majesté l'Empereur par les fileurs et tisseurs du département du Rhône et par les fileurs et tisseurs du département de la Drôme.* Fait à Crest, le 17 février 1806 (см. приложения).

[66] Нац. арх. F[12] 1562. *Mémoire en faveur de la prohibition des files et tissus de coton étrangers* etc. Fait à Crest le 1 mars 1806. Daby, membre de la Chambre de commerce de Crest (примечание: l'auteur n'a plus depuis quelques années ni filature, ni fabrique). Он — сторонник запретительной системы, но весьма беспристрастен в изложении чужих взглядов.

[67] Там же.

[68] Нац. арх. F[12] 616—617. 1) *Aux citoyens membres composant la Chambre de commerce de Bruxelles.* Bruxelles, 25 messidor, an XI. 2) *A Napoléon Banaparte, premier consul de la République française* etc. *la Chambre de commerce de Bruxelles* (на полях: env. le 27 fructidor).

[69] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—2. Marseille, le 15 mars 1806, *La Chambre de commerce de Marseille à Monsieur Thibaudeau... préfet.*

[70] Архив Лионской торговой палаты, Procès-Verbaux, 6, заседание 5 жерминаля XI года: Ils demandent à être autorisés à faire importer de la Suisse des cotons filés superfins propres à la fabrication des mousselines et ils exposent que les filatures de France ne peuvent en fournir dans les numéros nécessaires à cette fabrication...

[71] Там же, 16 заседание 18 мессидора XI года.

[72] Нац. арх. F[12] 1563. *Etat des fabriques* etc. *du département l'Escaut*. Observations (10 février 1806).

[73] Вот какой урок получил префект Нижней Сены от министра внутренних дел Шампаньи, когда он предложил было образовать единую совещательную палату для представителей разных родов текстильной индустрии: Dans votre plan, au contraire, chaque chambre consultative devrait embrasser plusieurs genres d'industrie. Ainsi, vous ne proposez pour Rouen qu'une seule chambre consultative, quoique cette ville renferme plusieurs genres de fabrication essentiellement distinctes. La filature du coton, par exemple, et la fabrication des tissus, quoique leurs opérations soient étroitement liées, ont souvent des intérêts opposés, et la discussion qui s'est élevée sur l'introduction des tissus étrangers en a offert un grand exemple. (Нац. арх. F[12] 1568, 12 décembre 1806. *A Monsieur Savoy-Rollin, préfet de la Seine-Inférieure).*

[74] Ср. Наполеон — Кретэ, министру внутренних дел (*Correspondance*, t. XVII, стр. 206, № 13994). Bayonne, 26 mai 1803: ... ministre des finances m'avait déjà prévenu qu'il avait pris, de concert avec vous, des mesures pour empêcher l'exportation des cotons filés. J'ai approuvé cette mesure, qui m'a paru fort sage et nécessaire dans ces circonstances... il reste à savoir s'il ne faudrait pas même prohiber celle des toiles de coton, afin de s'opposer autant que possible à leur excessif renchérissement et de nous conserver en France cette précieuse ressource...

[75] Описание всего разговора см. в *Mémoires de M. Richard-Lenoir,* t. I. Paris, 1837, стр. 307—318. О двойной фамилии Richard-Lenoir, принятой Ришаром после смерти компаньона, см. во введении.

[76] О заседании Государственного совета см. также т. I, стр. 318—321.

[77] *Le mémorial de Sainte-Hélène,* t. II, стр. 624; Je proposai au Conseil d'état d'en prohiber l'importation; on y pâlit. Je fis venir Oberkampf; je causai longtemps avec lui, j'en obtins, que cela occasionnerait une secousse, sans doute, mais qu'au bout d'un an ou deux de constance ce serait une conquête dont nous recueillerions d'immenses avantages. Alors je lançai mon décret en dépit de tous, ce fut un vrai coup d'état...

[78] Нац. арх. F[12] 1564. Alençon, le 7 février 1806. *Le préfet du département de l'Orne... à Son Excellence Monseigneur le ministre de l'Intérieur.*

[79] Архив Лионской торговой палаты, Procès. Verbaux, 193, заседание 8 мая 1806 г.

[80] Нац. арх. F[12] 1566. Lyon, le 3 avril 1806. *Le préfet du département du Rhône à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[81] Нац. арх. F[12] 1566. Bruxelles, le 5 avril 1806 (префект министру): ...aujourd'hui les masses prodigieuses de tissus des Indes qui sont dans l'empire pourront facilement alimenter pendant 15 mois au moins les manufactures d'impression.

[82] Нац. арх. F[12] 1566. Amiens, le 31 mars 1806 (префект Соммы министру): Cette baisse ne doit pas être considerée comme un effet du décret: elle est due entièrement à la stagnation du commerce.

[83] Там же.

[84] Нац. арх. AF. IV. 1060. № 51. *Rapport à Sa Majesté. Compte rendu à Sa Majesté des effets produits par le décret du 22 février 1806 (22 may* 1807).

Глава V

[1] Нац. библ. Lb[43] 218. *Considérations sur l'organisation sociale... de la France et de l'Angleterre,* t. II, стр. 171.

[2] Нац. арх. F[12] 1429. Протокол обыска: L'an dix de la République française, le douze frimaire, sur les onze heures du matin.

[3] Нац. арх. F^{12} 1565. *Observations de la Chambre de commerce de Rouen.* (№ 739) 6 pluviôse (an XII).

[4] Там же, 3 ventôse, an XII. *Le ministre à la Chambre de Rouen* (министр в полном восторге от доклада руанской палаты): ...j'aurai désiré que ce travail eut la plus grande publicité, afin de désabuser ceux qui portent jusqu'à l'exagération la manie réglementaire...

[5] Нац. арх. AF. IV. 1061. Paris, le février (число не проставлено,— черновик) 1811. *Rapport à Sa Majesté* (министра внутренних дел).

[6] Нац. арх. F^{12} 1559. Etablissements de Mr. Richard et Lenoir-Dufresne.

[7] Нац. арх. AF. IV. 1061. Paris, le 7 janvier 1811. *Rapport à Sa Majésté l'Empereur et Roi* etc.

[8] Je refuse absolument ces mesures. Il n'est pas juste que je donne un privilège exclusif et que je fais supporter des charges à mon Royaume d'Italie pour le bien de la contrebande... (резолюция положена 9 января 1811 г.).

[9] Нац. арх. AF. IV. 1061, № 37, art. I: Indépendamment des permis que notre ministre de l'Intérieur accorde aux fabricants de coton... il pourra en accorder aux négociants commissionnaires notoirement connus pour expédier des marchandises de la même espèce dans notre Royaume d'Italie.

[10] Стереотип ответа: Cet exposé vous convaincra sans doute. Monseigneur, que le département de Mont-Tonnerre n'est point susceptible de participer aux bienfaits de la nouvelle institution des chambres consultatives des arts et manufactures et que je ne puis que répondre négativement à Votre circulaire du 22 novembre (Нац. арх. F^{12} 1567, префект департамента Mont-Tonnerre — министру внутренних дел. Mayence, le 4 décembre 1806).

[11] Нац. арх. F^{12} 1561. Nantes, le 28 septembre 1809. *Les membres composants la Chambre de commerce de Nantes à Monsieur Deceller... préfet du département de la Loire-Inférieure:* Le travail de ces dernières manufactures est entièrement concentré dans leur local, sauf le blanchissage. Les ouvriers y sont payés par journées tariffées d'après l'âge, le sexe et la capacité.

[12] Нац. арх. F^{12} 1574. Evreux, le 15 janvier 1813. *Le préfet du département de l'Eure à Son Excellence le ministre des manufactures et du commerce:* La fabrique de draps et autres étoffes de laine a repris un peu... Les fabricants font établir beaucoup de machines à filer la laine et les gens de la campagne qui étaient occupés à filer à la main sont réduits à chercher une autre espèce de travail.

[13] Нац. арх. F^{12} 1584. Département de la Roer (I trimestre 1813). Графа: Observations.

[14] Нац. арх. AF. IV. 1060 (Intérieur 1807). *Résumé des prémiers renseignements etc.* Somme. La fabrication des étoffes mélangés qui s'est établie dans ce département est dans les mains de la classe ouvrière qui n'a ni capitaux, ni magasins et qui employe toutes sortes de moyens pour vendre plus facilement et au jour le jour les étoffes fabriquées. Les prêts ne sont point applicables ici, quoiqu'il y ait souffrance.

[15] Там же, Mayenne.

[16] Нац. арх. F^{12} 1567. ... ses fabriques sont disséminées dans la campagne.

[17] Ср. Chapuisat (цит. во введении), стр. 141.

[18] Нац. арх. F^{12} 506. *Statistique industrielle. Escaut: fil, coton et laine.* Les tisserands en général dispersés ne travaillent que pour leur propre compte. Il n'y a pas dans tout le département trois métiers de ce genre réunis dans un même local...

[19] Там же: ...la plupart des ouvrières travaillent au sein de leur famille sans être réunies au grand atelier....

[20] Нац. арх. F^{12} 1615. *Tableau de la situation des principales fabriques de la ville de Bruges, au 1 janvier 1812.*

[21] Нац. арх. F^{12} 1615. Le 6 janvier 1812. *Rapport à l'Empereur* (министра внутренних дел; черновик).

[22] Нац. арх. F^{12} 1571. Départ. de l'Aube (premier semestre 1811. Observations).

[23] Там же.

[24] Нац. арх. F^{12} 1561. Département de la Seine-Inférieure. Filature (29 mai 1809).

[25] Нац. арх. F^{12} 1580. Lozère (1810—1812). Графа «Observations»: Il n'existe réellement dans le département aucune fabrique ou manufacture: la fabrication considérable qui fait sa principale richesse, est disséminée sur toute sa surface; il y a peu de familles qui n'ayent un métier à tisser et qui n'employent pas tout le temps qui lui laissent les travaux agricoles à ce genre d'industrie... les habitants de la campagne qui fabriquent la majeure partie des étoffes de laine, se livrent *entièrement* pendant l'été aux travaux de l'agriculture...

[26] Нац. арх. F^{12} 1567. Mende, le 5 décembre 1806. *Le préfet du département de la Lozère à S. E. le ministre de l'Intérieur:* ... ces étoffes ne se fabriquent pas dans des établissements, dirigés par des maîtres et des chefs; mais dans des atteliers disséminés chez les cultivateurs et les habitans du département qui en font leur principal métier et qui après avoir fabriqué ces étoffes les portent à Mende et les vendent aux négociants...

[27] Там же.

[28] Нац. арх. F^{12} 1578. Département de Jemappes (2-e trimestre 1812). Toiles et autres tissus de chanvre et de lin (графа: Observations).

[29] Стереотипная фраза: Ces fabriques ont éprouvé une diminution marquée dans leur travail. Elle provient en grande partie de ce que les fileurs s'occupent pendant la belle saison de la culture des terres (Нац. арх. F^{12} 1572. Bouches du Rhin. An 1813, 2-me trimestre. Fabriques de fils retors).

[30] Там же. Bois le Duc, le 25 mai 1813...: les causes de ce relentissement dans l'activité de ces fabriques sont: La saison; jamais pendant l'hiver les opérations des fabriques de drap ne sont aussi suivies...

[31] Нац. арх. F^{12} 1576. Haute Garonne. *Etat de situation des fabriques et manufactures de draps et autres étoffes de laine* etc. (1810—1811).

[32] Нац. арх. F^{12} 1570. *Etat de situation* etc. *1, 2, 3 trimestre 1813.* Observations. Départ. de l'Ardèche: Les tisserands sont tellement disséminés dans le département qu'il est difficile pour ne pas dire impossible de saisir les fils de cette branche d'industrie.

[33] Нац. арх. F^{12} 1624. Ems-Supérieur. Osnabrück, 1 novembre 1812 (подписано: Keverberg).

[34] Нац. арх. F^{12} 1583. *Etat statistique de la fabrique de Lyon en 1810.*

[35] Нац. арх. F^{12} 1579. Loire (St. Etienne). 1810, 1811, 1812, 1813.

Глава VI

[1] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—3. Expédié à Monsieur le Préfet, le 19 novembre 1812. *Statistique industrielle et manufacturière.* (Но не все рабочие, занятые выделкой оливкового масла, получали 3 франка в день: низшие категории получали от 18 до 36 франков в *месяц*; ср. Архив департамента Устьев Роны, M. 14—3. Aubagne, le 5 septembre 1812).

[2] Нац. арх. F^{12} 1622. l'Aube, № 76.

[3] Там же. Observations.

[4] Там же, № 116 (drapiers).

[5] Там же, № 121.

[6] Там же, № 112 (filatures de laine).

[7] Нац. арх. F^{12} 1627. Zuyderzée, 1811. *Statistique industrielle et manufacturière.*
[8] Нац. арх. F^{12} 1622. Bouches de l'Issel, 1811, № 116, 117, 112.
[9] Нац. арх. F^{12} 1622. Там же, № 77.
[10] Там же, № 73.
[11] Нац. арх. F^{12} 1622. Bouches de la Meuse, 1 janvier 1812, № 16.
[12] Там же, № 76.
[13] Нац. арх. F^{12} 1622. Année 1811. Département de l'Ain. Tableau № 70.
[14] Там же, № 73.
[15] Там же, № 74.
[16] Там же, №№ 76, 79, 124, 133.
[17] Там же, № 116.
[18] Там же, № 121.
[19] Там же, № 127.
[20] Ср. Нац. арх. F^{12} 1607— Moselle, Meuse, la Manche и другие департаменты.
[21] Нац. арх. F^{12} 1607. Arrondissement de Briey. *Questions adressées à M. Rurange.* У него в 1789 г. было 500 рабочих, в 1811 г.— 430; в 1789 г. плата была 8 франков в неделю, в 1811 г.— 12 франков (это одно из исключительных по величине заведений в данной отрасли промышленности).
[22] Нац. арх. F^{12} 1622. Département de l'Ain. Année 1811, № 25.
[23] Там же, № 31 (cloutiers).
[24] Там же, № 33.
[25] Там же, № 34.
[26] Нац. арх. F^{12} 1623. Bouches du Rhin. Ordre 5, № 32. Графа: Middelprejs der betalde daglonen.
[27] Нац. арх. F^{12} 1623. Bouches du Rhin. *Tableau récapitulatif* (5 décembre 1812).
[28] Нац. арх. F^{12} 1609. *Questions adressées aux maîtres des forges du département du Haut-Rhin.* (Ответы помечены: Colmar, le 15 juin 1812).
[29] Нац. арх. F^{12} 1609. Rhin-et-Moselle. Forges (juin 1812).
[30] Нац. арх. F^{12} 1609. Roer. Forges.
[31] Нац. арх. F^{12} 1609. Haute-Saône. Forges (ср. округ Vesoul).
[32] Там же. *Questions adressées à M. Marc Falatien, maître de forges à Beaujeu, arrondissement de Grous.*
[33] Нац. арх. F^{12} 1609. *Questions adressées à M. Olinet* (Autun, arrondissement d'Autun).
[34] Нац. арх. F^{12} 1609. Sarre. Forges. 19 tableaux. Réponses faites par 19 maîtres de forges du département.
[35] Нац. арх. F^{12} 1623. Bouches de la Meuse (1 janvier 1812), №№ 16 и 24.
[36] Нац. арх. F^{12} 1605. Dordogne. *Observations critiques du préfet* (Perigeux, le 3 novembre 1812).
[37] Нац. арх. F^{12} 1605. Ethouars (Dordogne). *Observations critiques du préfet:* ...le prix de la main d'œuvre est évalué en bloc à 9000 fr., ce qui ne donne aucun éclaircissement sur les éléments de cette dépense.
[38] Нац. арх. F^{12} 1589. Vienne. (Coutellerie, 1810). Observations: ...le travail ne se fait pas en manufacture, chaque ouvrier ébauche et finit son couteau, dans le moment actuel un bon ouvrier en travaillant quinze heures par jour gagne à peine un franc.
[39] Ср. цены в 1811 г. в департаменте l'Ain (Нац. арх. F^{12} 1622) и цены в департаменте l'Aube в 1811 г. (Нац. арх. F^{12} 1622).
[40] Нац. арх. F^{12} 1622. Bouches de l'Escaut (1811), № 46.
[41] Нац. арх. F^{12} 1622. Bouches de l'Issel (1811), № 92.
[42] Нац. арх. F^{12} 1623. Dordogne, 1811. Tableau № 97.
[43] Нац. арх. F^{12} 1624. Tanneries (31 octobre 1812). Tableau № 107.

[44] Нац. арх. F^{12} 1624. Frise, № 107. Année 1811.
[45] Нац. арх. F^{12} 1596. Marne (tanneries), 1811.
[46] Там же, la Mayenne (tanneries), 1811.
[47] Там же, Meuse (tanneries), 1813. (Bar sur Ornain, le 15 novembre 1813).
[48] Там же, Mont-Blanc (tanneries), 1813.
[49] Там же, Département de Morbihan (Vannes, le 27 février 1813).
[50] Там же, Lille, le 31 août 1812. Nord (tanneries).
[51] Там же, Oise. (23 août 1812).
[52] Там же, Deux-Nèthes. Tanneries. (Anvers, le 10 avril 1812).
[53] Нац. арх. F^{12} 1595. (Bruges, le 27 février 1812).
[54] Нац. арх. F^{12} 1597. Département de Puy-de-Dôme (4 trimestre 1812). Papeteries.
[55] Нац. арх. F^{12} 1597. Pau, le 5 juillet. Département des Basses Pyrénées (префект министру).
[56] Нац. арх. F^{12} 1622. Département de l'Ain. Année 1811. Tableau № 80.
[57] Нац. арх. F^{12} 1622. l'Aube, № 80.
[58] Нац. арх. F^{12} 1622. Bouches de l'Issel (1811), № 80.
[59] Нац. арх. F^{12} 1597. *Tableau des papeteries du département de l'Orne* (сопроводительное письмо префекта — 21 septembre 1812).
[60] Там же, Alençon (le 7 septembre 1813). *Etat de situation des papeteries* etc. *pendant le 3-e trimestre de 1813.*
[61] Нац. арх. F^{12} 1597. *Etat des renseignements sur situation des papeteries* (Pas-de-Calais). 15 novembre 1811 там же, *Etat* etc. (за 1813 г.).
[62] Нац. арх. F^{12} 1597. Turin, le 10 mai 1813 (префект министру мануфактур и торговли).
[63] Нац. арх. F^{12} 1597. Bas-Rhin (papeteries), I trimestre 1813.
[64] Нац. арх. F^{12} 1597. Haut-Rhin (papeteries) le 8 octobre 1812. Женщины зарабатывают около 70 сантимов в день.
[65] Нац. арх. F^{12} 1600. Vendée. Papetries (префект министру 25 янв. 1812).
[66] Нац. арх. F^{12} 1600. Poitiers, le 5 juin 1812. Préfecture de la Vienne (префект министру мануфактур и торговли).
[67] Нац. арх. F^{12} 1600. Département de la Haute Vienne (le deuxième trimestre 1813) (fait à Limoges le 4 août 1813).
[68] Нац. арх. F^{12} 1600. Yonne. Papeteries (Auxerre, le 1 septembre 1812, префект министру мануфактур и торговли).
[69] Нац. арх. F^{12} 1627. Département de Seine-et-Marne. Année 1811. Tableau № 80.
[70] Нац. арх. F^{12} 1627. Issel-Supérieur. Année 1811. Papeteries.
[71] Нац. арх. F^{12} 1596. Marne. *Réponses aux questions* etc. Renseignements sur les papeteries (1811).
[72] Нац. арх. F^{12} 1596. Haute Marne (papeteries).
[73] Нац. арх. F^{12} 1596. Département de la Mediterranée (Livourne, le 11 janvier 1814). Papeteries.
[74] Нац. арх. F^{12} 1596. Meurthe. Papeteries (Nancy, le 3 février 1812).
[75] Нац. арх. F^{12} 1596. Maestricht, le 17 novembre 1813.
[76] Нац. арх. F^{12} 1596. Mont-Blanc (Chambery, le 11 septembre 1813).
[77] Там же, Morbihan. Papeteries.
[78] Нац. арх. F^{12} 1598. *Etat de situation des papeteries pendant le 2 trimestre de 1813* (à Trèves, le 10 août 1813).
[79] Нац. арх. F^{12} 1596. Oise, le 29 août 1812. Papeteries.
[80] Нац. арх. F^{12} 1596. Metz, le 6 décembre 1813.
[81] Нац. арх. F^{12} 1595. Département du Loiret (arrondissement d'Orléans). (Orléans, le 21 mars 1812).
[82] Нац. арх. F^{12} 1595. Département de la Manche. Papeteries (1810).
[83] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—4. *Le ministre des manufactures et du commerce... à M. le préfet...* 21 septembre 1812.

[84] Нац. арх. F^{12} 1623, № 16 (Bouches de la Meuse).
[85] Там же, № 80.
[86] Нац. арх. F^{12} 1623. Bouches du Rhin. *Tableau récapitulatif* (le 5 décembre 1812).
[87] Нац. арх. F^{12} 1623. Dordogne. Papeteries..
[88] Нац. арх. F^{12} 1610. *Tableau concernant la situation des papeteries du département du Zuyderzée* (Amsterdam, le 24 mars 1812).
[89] Там же, Amsterdam, le 23 juillet 1813.
[90] Нац. арх. F^{12} 1627. Zuyderzée. Papeteries. Année 1811. (Тут выведена средняя величина заработной платы всего департамента).

Глава VII

[1] Нац. арх. F^{12} 1568. (1807).
[2] Нац. арх. F^{12} 1568. Seine-Inférieure (1807).
[3] Нац. арх. 1561. Département de la Somme. Filatures de coton et tissage des étoffes de coton.
[4] Нац. арх. F^{12} 1568. Amiens, 29 novembre 1806 (префект департамента Соммы министру внутренних дел): ...il est encore circonstance que je ne dois pas omettre: c'est que les filateurs et les tisseurs en laine et en coton ne forment pas deux classes distinctes d'ouvriers. Ils se livrent tous alternativement à l'une ou l'autre manipulation selon que l'exigent les demandes...
[5] Там же: ...en général ils sont fileurs et tisseurs tout à la fois... mais ils ne peuvent être classés. Cette industrie n'est unlle part concentrée dans des villes, elle est au contraire répandue dans toutes les campagnes, les villes ne sont que les dépôts.
[6] Нац. арх. F^{12} 1568. Alençon, le 29 novembre 1806 (префект министру внутренних дел).
[7] Там же, Orne. Toileries.
[8] Нац. арх. F^{12} 1568. Nord. Fabriques de toiles. Observations: ...le cultivateur est en même temps tisserand; chacun a chez lui 1, 2 ou 3 métiers sur lesquels il occupe lui et ses domestiques en hiver.
[9] Нац. арх. F^{12} 1568 (Oise). Laines, lin et coton.
[10] Нац. арх. F^{12} 1567. *Mémoire sur l'industrie du département de la Manche.* (1807). Dentelles.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Нац. арх. F^{12} 1567. Aisne. (Fil, coton, laine et soie). 1807.
[14] Нац. арх. F^{12} 1568. Le 5 juin 1807 (префект министру внутренних дел).
[15] Нац. арх. F^{12} 1569. Caen, le 4 septembre 1809. *Le maire de la ville de Caen à Son Exellence le ministre de l'Intérieur.*
[16] Нац. арх. F^{12} 1567. Morlaix, le 12 juillet 1807. *A. M. le sous-préfet de Morlaix* (от Chambre consultative des arts).
[17] Нац. арх. F^{12} 1567. Mayenne. Laval, le 6 mars 1807, le 13 décembre 1806 (префект министру).
[18] Там же, 1807, lin-toiles, fil de coton.
[19] Нац. арх. F^{12} 1567. Angers, le 26 novembre 1806. *Le préfet du département de Maine-et-Loire à Son Excellence* etc.
[20] Нац. арх. F^{12} 1567. *Etat des fabriques et manufactures* (10 juin 1807).
[21] Нац. арх. F^{12} 1567. Ille-et-Vilaine. *Situation en 1807.*
[22] Нац. арх. F^{12} 1567. Nantes, le 2 févier 1807 (префект Нижней Луары министру внутренних дел).
[23] Там же.
[24] Нац. арх. F^{12} 1568. (Niort, le 23 décembre 1806. *Le préfet du département des Deux-Sèvres à Son Excellence le ministre de l'Intérieur).*

[25] Нац. арх. F[12] 1567. Vannes, le 2 mars 1807. *Le général, conseiller d'Etat, préfet à Son Excellence le ministre de l'Intérieur:* Ces établissements ne peuvent être considérés comme manufactures, car ce sont des pères de famille qui achètent des laines du pays et les font travailler ou les travaillent eux-mêmes isolement, à leur compte sans aucune liaison entr'eux...

[26] Нац. арх. F[12] 1568. Le 2 mars 1807 (префект Вандеи министру внутренних дел).

[27] Нац. арх. F[12] 1567. Jemappes, 1807. Coton.

[28] Там же. Observations (*Etat des fabriques ou manufactures* etc).

[29] Нац. арх. F[12] 1567. Bar-sur-Ornain, le 19 juin 1807. *Le préfet du département de la Meuse... à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[30] Нац. арх. F[12] 1568. *Etat indicatif du nombre, de l'espèce... des manufactures ou fabriques...* (Namur, le 15 février 1807. Redigé par nous, préfet du département de Sambre-et-Meuse).

[31] Нац. арх. F[12] 1567. Mont-Tonnerre. Laines. Coton. 1807.

[32] Там же: En effet il n'existe pas dans le même endroit deux ateliers de la même espèce et encore le petit nombre qui en est disséminé dans quantité des communes n'offre-t-il qu'une réunion de quelques ouvriers, dont l'ensemble ne peut être qualifié de manufacture dans l'acception ordinaire de la chose.

[33] Нац. арх. F[12] 1567. Lettre du 30 décembre (1806): Les autres branches d'industrie de ce département sont absolument isolées les unes des autres et d'une faible importance.

[34] Там же, Nancy, le 25 février 1807 (префект Мерты министру внутренних дел).

[35] Там же. Meurthe. Coton.

[36] Нац. арх. F[12] 1567. Département de la Moselle (Metz, le 11 mai 1807).

[37] Нац. арх. F[12] 1568. Département des Vosges. Еще за 1804 г. показывали цифру в 911 человек (см. там же, Vosges, ann. de l'an XI. Coton. Кружевниц по тем же данным в 1804 г. было 6 тысяч человек).

[38] Нац. арх. F[12] 1568. Département de la Sarre (A Trèves, le 28 décembre 1806).

[39] Нац. арх. F[12] 1567. Chalons, le 28 janvier 1807. *Le préfet du département de la Marne à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[40] Там же, Chalons, le 24 février 1807 (*Le préfet* etc. *à Son Excellence* etc.).

[41] Нац. арх. F[12] 1567. Département de la Haute Marne. *Etat indicatif* (10 juin 1807). Там же, дополнительное письмо префекта о числе хозяев и рабочих в Лангре.

[42] Нац. арх. F[12] 1568. *Situation en 1807, Saône (Haute).* 1) Toileries, 2) tissus de coton, 3) laines et draperies, 4) tableau... d'exploit de substances minérales.

[43] Нац. арх. F[12] 1567. (1807). Jura. Etoffes de laine. Coton.

[44] Нац. арх. F[12] 1567. Isère (1807). Там же: lainages avant la guerre.

[45] Нац. арх. F[12] 1567. Doubs.

[46] Нац. арх. F[12] 1567. Chambery, le 20 février 1807 (префект министру).

[47] Нац. арх. F[12] 1567. Mont-Blanc. Laines (1807).

[48] Нац. арх. F[12] 1567. *Résultat des renseignements fournis par les sous-préfets et la Chambre de commerce sur l'industrie manufact. de ce département. Département de Gard* (31 mars 1807): ...non compris les dévideuses, ovaleuses, couturiers etc. (в рукописи *etc. E. T.*).

[49] Там же, Gard, Soyeries. 1807.

[50] Нац. арх. F[12] 1567. (1806 г.). Ardèche. Laines.

[51] Там же. Privas, ce 3 février 1807. *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[52] Нужно заметить, что есть документ 1809 г., что в департаменте Тарн шерстяным производством занято 12 470 рабочих. Увеличилось ли их число с 1807 г. или мы имеем дело и тут с установленной нами полной произвольностью «статистики»,— не известно. Нац. арх. F[12] 1568. *Situation au 1 mai 1809 des fabriques de lainage, existantes dans le département de Tarn* (fait à Albi, le 12 juin 1809).

[53] Там же: ...il n'y a point des fabricants à titre en fait de toiles de fil... mais bien une infinité de familles qui s'occupent de la fabrique de toiles... chacune de ces familles forme un atelier de fabrique.

[54] Нац. арх. F[12] 1567. Hérault. 1807. Coton.

[55] Там же, laine.

[56] Там же, soye.

[57] Там же. *Etat des villes ou il peut être établi des chambres syndicales.* Observations (9 juillet 1807).

[58] Нац. арх. F[12] 1567. Toulouse, le 6 mars 1807. *Le préfet du département de H-te Garonne à S. E. Monseigneur le Ministre de l'Intérieur.*

[59] Нац. арх. F[12] 1567. Drôme (1807): ...les métiers sont isolés et disséminés dans les montagnes.

[60] Нац. арх. F[12] 1568. Draguignan, le 5 février 1807. *Le préfet du département de Var à S. E. le ministre de l'Intérieur.*

[61] Нац. арх. F[12] 1567. Hautes-Alpes (Coton). 1806.

[62] Нац .арх. F[12] 1563. *Etat des manufactures du département de la Gironde* (Bordeaux, le 19 février 1806). Графа: Observations.

[63] Нац. арх. F[12] 1567. *Etat et aperçu des fabriques tant de la ville de Bordeaux, que de la totalité du 5-me arrondissement du département.* Префект в сопроводительной бумаге поясняет: ...il n'existe hors des limites du 5-me arrondissement aucune autre fabrique du genre de celles qu'indique le tableau (см. там же, Bordeaux, le 12 juin 1807. *Le préfet de la Gironde à Son Excellence le ministre de l'Intérieur).*

[64] Нац арх. F[12] 1578. Mont de Morson, le 25 novembre 1811. *Préfecture des Landes. A Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[65] Нац. арх. F[12] 1567. Lot-et-Garonne. *Tableau des villes* etc. (Agen, le 7 février 1807).

[66] Нац. арх. F[12] 1567. *Etat des manufactures et fabriques du département de Lot* etc. Fait à Cahors, le 7 mars 1807.

[67] Нац. арх. F[12] 1568. *Tableau indiquant le nombre des manufactures* etc. (dossier: Pyrénées-Hautes).

[68] Нац. арх. F[12] 1568. Tarbes, le 5 février 1807 (префект министру внутренних дел).

[69] Нац. арх. F[12] 1568. Pérpignan, le 7 avril 1807. *Le général de brigade, préfet du département des Pyrénées Orientales à Son Excellence* etc.: On ne fabrique pas de toiles pour le commerce: il y a quelques métiers épars dans différentes communes ou l'on fabrique des toiles communes pour l'usage de la classe peu aisée. Le particulier fournit le fil au tisserand et celui-ci fait la toile moyennant le prix convenu.

[70] Там же.

[71] Нац. арх. F[12] 1567. Auch, le 30 janvier 1807. *Le préfet du département du Gers à S. E. le ministre de l'Intérieur.*

[72] Нац. арх. F[12] 1568. Département des Basses-Pyrénées. *Tableau de l'organisation actuelle des chambres consultatives.* etc. Pau, le 30 septembre 1807.

[73] Нац. библ. Lb[43] 218. *Considérations sur l'organisation sociale... de la France et de l'Angleterre,* t. II, стр. 165.

[74] Нац. арх. AF. IV. 1060. Письмо Шампаньи к Наполеону от 14 мая 1807 г. (№ 55): ...c'est de leur travail que s'alimentent les trois quarts des magasins ou boutiques de Paris...

[75] Нац. арх. F^{12} 1569. Paris, le 22 août 1807 (префект полиции главному секретарю министра внутренних дел Degerando).

[76] Нац. библ. Lb^{43} 218. *Considérations sur l'organisation sociale... de la France et de l'Angleterre,* t. II, стр. 161.

[77] Архив Лионской торговой палаты, Procès-Verbaux, 55 (9 messidor, an XII): La situation de la fabrique de Lyon est dans doute allarmante et devient telle que si le Gouvernement ne prend pas en considération les demandes que nous lui ferons à cet égard, elle se détruira et la plus belle manufacture de France disparaîtra d'une ville, dont elle fit la splendeur et qui influait sensiblement sur le bonheur et la prospérité de la France entière.

[78] Нац. арх. AF. IV. 1060. Петиция Лионской торговой палаты (11 décembre 1806. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi*).

[79] Там же.

[80] Tireurs d'or, guimpiers etc. Нац. арх. F^{12} 1568. Lyon, le 2 février 1807 (префект Роны министру внутренних дел).

[81] Нац. арх. F^{12} 1567. Indre-et-Loire. Du 26 décembre (1806).

[82] Нац. арх. F^{12} 1567. Loire. Montfrison, le 20 février 1807 г. *(depuis un an). Le préfet du département de la Loire à S. E. Monseigneur le ministre.*

[83] Там же.

[84] Нац. арх. F^{12} 1568. *Le colonel préfet du département de la Sarthe à S. E. le ministre de l'Intérieur,* le Mans, le 5 mars 1807: nous n'avons à proprement parler que quelques fabriques... disséminées et en ce genre sept à huit chefs de fabriques pour les villes principales, ayant chacun trois à quatre ouvriers et dans les campagnes, un ou deux ouvriers sans compagnons...

[85] Нац. арх. F^{12} 1567. (1807). Eure.

[86] Там же.

[87] Там же. Loir-et-Cher. Lainage avant la guerre.

[88] Там же, laines, 1807.

[89] Там же. Eure-et-Loir. Etamines à Nogent.

[90] Там же. Indre. 1807. Laines. (Там же: Situation en l'an IX.)

[91] Там же. Département de l'Indre. *Rapport sur le projet d'établir des chambres syndicales* etc. (Chateauroux, le 10 mars 1807).

[92] Цифры эти относятся ко времени *avant la guerre* (Нац. арх. F^{12} 1568. Etoffes à laine fabriquées à Nièvre).

[93] Там же. 1807. Seine-et-Marne. 1) Coton, 2) Lainages avant la guerre, 3) Melun, le 27 janvier 1807. *(Le préfet* etc. *à Son Excell. le ministre de l'Intérieur).*

[94] Там же. Puy-de-Dôme. Situation en 1806.

[95] Нац. арх. F^{12} 1567. Département de la Haute-Loire. *Tableau des principaux genres d'industrie* etc. (10 juin 1807).

[96] Нац. арх. F^{12} 1568. Préfecteure de l'Yonne. *Tableau indiquant par apperçu* etc. (Подписано: Certifié véritable. Le préfet le l'Yonne). *До войны* числилось 1977 человек.

[97] Нац. арх. F^{12} 1568. Limoges, le 18 décembre 1806. 1) Префект министру внутренних дел; 2) Etats des fabriques etc. 18 juin 1807.

[98] Нац. арх. F^{12} 1567. Orléans, le 18 décembre 1806 (префект департамента Loiret министру внутренних дел).

[99] Так и ответил, а ровно никаких сведений иного характера и не дал префект департамента в 1807 г. (Нац. арх. F^{12} 1568. *Le préfet de Saône-et-Loire... Son Excellence le ministre de l'Intérieur,* le 25 janvier 1807, Mâcon).

[100] Нац. арх. F^{12} 1569. Guéret, le 13 janvier 1809 (префект министру). 7 février 1809 (префект министру).

[101] Нац. арх. F^{12} 1567. Creuse. Tapis.

[102] Нац. арх. F^{12} 1568. Poitiers, le 27 janvier 1807 (префект департамента Вьенны министру внутренних дел).

[103] Нац. арх. F^{12} 1567. *Situation en 1807*. Allier. Lin et chanvre: Les toiles... sont presque toutes pour l'usage exclusif des personnes qui en ont fourni les matières.

[104] Нац. арх. F^{12} 1568. *Tableau des manufactures et fabriques* etc. *Département des Deux-Nèthes* (Anvers, le 17 janvier 1807).

[105] Нац. арх. F^{12} 1567. Escaut. Fileurs, tisseurs, imprimeurs de coton, 1807.

[106] Нац. арх. F^{12} 1567. Dyle. Chambres consultatives.

[107] Нац. арх. F^{12} 1567. *Tableau des diverses espèces principales* etc. *Département de Lys* (7 février 1807): Il n'existe point de ces fabriques proprement dites dans le département, les toiles se tissent dans les campagnes par les manœuvres qui pendant l'hiver ne trouvent point d'occupation chez les cultivateurs. Les uns travaillent pour leur propre compte et portent leur toile écrue aux marchés, les autres travaillent pour les marchands ou pour les habitants qui leur fournissent le fil nécessaire, et les payent à raison du prix par mètre.

[108] Нац. арх. F^{12} 1568. Liège, le 11 décembre 1806. *Le préfet à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[109] Нац. арх. F^{12} 1568. Département de la Roer. *Tableau des communes dans lesquelles il y a lieu d'établir des chambres consultatives de manufactures* (24 juin 1807).

[110] Нац. арх. F^{12} 1566. *Mémoire sur les manufactures de soieries de Creveld et autres dans le département de la Roer.* (Présenté au ministre de l'Intérieur le 7 floréal, an X).

[111] Нац. арх. F^{12} 1618. *Procès-verbal de la distribution des prix... pour l'encouragement des fabriques et manufactures du département de la Roer*, le 2 août 1807.

[112] Нац. арх. F^{12} 1518. Aix-la-Chapelle, le 25 juin 1807. *Le général Alex. Lameth, préfet du département de la Roer à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[113] Нац. арх. F^{12} 1568. *Etat des fabriques* etc. *du département de Rhin-et-Moselle.* Fait à Coblentz le 21 janvier 1807: Il m'a été impossible de recueillir des renseignements positifs sur le nombre des tisserands en lin du département. Il est peut-être impossible de le fixer d'une manière certaine car bien de paysans ont chez eux des métiers et ils travaillent pendant l'hiver. (Число же станков префект гадательно определяет в 600).

[114] Там же.

[115] Нац. арх. F^{12} 1568. Strassbourg, le 22 janvier 1807 (префект департамента Нижнего Рейна министру внутренних дел).

[116] Нац. арх. F^{12} 1568. *Etat des diverses branches de l'industrie du département du Haut-Rhin* etc. (подпись: le préfet du département du Haut-Rhin, le 17 janvier 1807. Felix de Mortel).

[117] Нац. арх. F^{12} 1566. Turin, ce 22 floréal, an XI. *La chambre de commerce à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[118] Там же. Turin, ce 5 fructidor, an XII. *La Chambre de commerce à Sa Majesté Napoléon, Empereur des français* (23 августа 1804 г.).

[119] Нац. арх. F^{12} 1612. Soies. Pô. Les fabricants de Lyon, voyant que la matière première est triple comparativement à la consommation n'achètent rien pour lasser la patience du fileur et profiter du monopole qu'ils ont organisé... toutes les classes de commerce sont genées... la désolation générale...

[120] Конечно, и тут сам префект за точность не ручается и попутно рисует типичную картину кустарного быта: ...il ne serait guère possible d'évaluer avec quelque précision le nombre d'ouvriers, que ces différentes manufactures occupent; la plupart d'entr'eux sont cultivateurs en même

temps qu'ils sont tisserands, ils travaillent dans leurs métiers respectifs pendant l'hiver et le temps pluvieux; les femmes pendant les intervalles que les soins de leur ménage leur laissent loisibles, les enfants, filles, garçons, en gardant leurs troupeaux; dans plusieurs communes les hommes occupent les longues soirées de l'hiver à filer, et vont ensuite debiter leur fil de chanvre sur les marchés des environs de Bielle etc. (Нац. арх. F[12] 1568. *Rapport sur l'industrie manufacturière du département de la Sesia*, le 4 février 1807).

[121] Нац. арх. F[12] 1613. *Extrait des notes de Sa Majesté de l'Empereur au ministre de l'Intérieur, pendant son voyage en Italie en l'an XIII:* Monsieur Champagny, je lis dans un de vos rapports que l'arrondissement de Bielle a perdu une manufacture qu'il avait. Ce fait excite toute ma sollicitude, ce canton s'est toujours distingué par son bon esprit, mon intention est faire quelque chose pour retablir cette manufacture (Milan, le 24 floréal).

[122] Нац. арх. F[12] 619 (№ 3). *Mémoire sur les manufactures de drap de la 27-e Division militaire, ci-devant Piémont.* Начальник края Журдан поддержал их петицию, и первый консул приказал было дать им кое-какой заказ от военного ведомства, но у них уже не оказалось средств его выполнить (ср. Там же, Turin, le 26 brumaire, an XI).

[123] Нац. арх. F[12] 1613. Paris, le 24 brumaire, an XIV (1806). *Rapport présenté au ministre de l'intérieur* (Bureau des arts et manufactures): En défendre l'importation, ce serait s'exposer à manquer des instruments de ce genre absolument nécessaires aux travaux de l'agriculture. Nous n'en fabriquons qu'une petite quantité, et ils n'ont point le degré de perfection désirable.

[124] Нац. арх. F[12] 1567. (1806). Gênes.

[125] Нац. арх. F[12] 1567. Département de Montenotte. *Tableau des villes ou il serait utile d'établir des syndicats ou des chambres consultatives* etc. (Savone, le 11 mars 1807).

[126] Нац. арх. F[12] 1568. Stura. *Situation en l'an XIII.* Soie. Laine.

[127] Нац. арх. F[12] 1567. Liamone (1806).

[128] Нац. арх. F[12] 1568. Turin, le 21 février 1807. *La chambre de commerce à M. le préfet du département du Pô.*

[129] Нац. арх. F[12] 1568. Parme et Plaisance. Soies (rapport de 1806).

[130] *Du commerce français dans l'état actuel de l'Europe.* Paris, 1806, стр. 155—156.

[131] *Exposé de la situation de l'Empire* (1813), отчет министра внутренних дел Montalivet, прочитанный в Законодательном корпусе: ...cette amélioration vient surtout de la réunion du Piémont et des départements au delà des Alpes à la France: ils entrent pour la moitié dans la récolte totale de nos soies...

[132] Нац. арх. F[12] 1567. Genève, le 6 mars 1807. *Le préfet du département du Léman à Son Excellence* etc. Цифровых данных префект не добыл никаких.

[133] Chambre de commerce de Genève. *Rapport sur l'état du commerce et de l'industrie dans le département du Léman.* Décembre 1807. «En effet, comment soutenir la concurrence des fabricants de la principauté de Neufchâtel»,— скорбно спрашивает, приводя эти соображения, Женевская торговая палата.

[134] Нац. арх. F[12] 1563. *Etat des manufactures de toiles peintes du département de Léman* (25 février 1806).

[135] Нац. арх. F[12] 1578. Département du Léman. Genève, le 23 décembre 1811 (префект министру внутренних дел). Этот документ остался неизвестным Шапюиза так же, как некоторые другие, прямо относящиеся к Женеве в эпоху Наполеона и цитируемые мной в других местах.

Глава VIII

[1] Британский музей, 8010. с. 38, № 3. *Que deviendra le monde si l'Angleterre succombe dans sa lutte contre la France.* Traduit de l'allemand, avec des notes par M. J. Weiller. Paris, juin 1806 (примечания, не только одобренные наполеоновской цензурой, но явно официозной инспирации), стр. 30, примечания: Les difficultés d'anéantir la marine d'Angleterre ont du paraître telles qu'elles sont à l'Empereur des Français. Ce motif a pu lui faire essayer d'obtenir ce résultat par des moyens indirects, mais non moins propres d'atteindre ce but... Napoléon a préferé de mettre le continent dans ses intérêts, de créer un système fédératif qui assure la chute du commerce de l'Angleterre, en lui fermant tous les débouchés... Ce système est infaillible, il conduit aux mêmes résultats qu'aurait offerts la guerre faute au commerce anglais par des corsaires, sans coûter la vie à personne...

[2] *Mémoires, documents*... laissés par le prince de Metternich, t. I. Paris, 1880, стр. 290: Le système de conquêtes de Napoléon était d'ailleurs d'un caractère tout particulier. La domination universelle à laquelle il visait n'avait pas pour objet de concentrer dans ses mains le gouvernement direct d'une masse énorme de pays, mais d'établir une suprematie centrale sur les états de l'Europe...

[3] К слову замечу, что в мемуарах Мармона *и именно там, где речь идет о блокаде,* есть место, поразительно подтверждающее слова Меттерниха. *Mémoires de duc de Raguse...,* t. III, стр. 366: L'orgueil a toujours été un des traits les plus marquants du caractère de Napoléon; aussi tous les actes qui mettaient sa puissance en relief lui causaient de grandes jouissances. Cet action constante qu'il exerca pendant quelque temps sur tous les points de l'Europe, à l'occasion du système continental a eu pour lui un grand charme et une grande séduction, indépendamment des calculs de la politique...

[4] Вот текст важнейших статей: Art. I. Les îles britanniques sont déclarés en état de blocus. Art. II. Tout commerce et toute correspondance avec les îles britanniques sont interdits. En conséquence les lettres et paquets adressés ou en Angleterre, ou à un Anglais, ou écrits en langue anglaise n'auront pas cours aux postes et seront saisis. Art. III. Tout individu sujet de l'Angleterre, de quelque état et condition qu'il soit, qui sera trouvé dans les pays occupés par nos troupes ou par celles de nos alliés, sera fait prisonnier de guerre. Art. IV. Tout magasin, toute marchandise, toute propriété, de quelque nature qu'elle puisse être, appartenant à un sujet de l'Angleterre sera déclaré de bonne prise. Art. VII. Aucun bâtiment venant directement de l'Angleterre ou des colonies anglaises ou y ayant été depuis la publication du présent décret, ne sera reçu dans aucun port. Art. VIII. Tout bâtiment qui, au moyen d'une fausse déclaration, entreviendra à la disposition ci-dessus sera saisi, et le navire, et la cargaison seront confisqués comme s'ils étaient propriété anglaise.

[5] Message au Senat. Berlin, le 19 novembre 1806. *Correspondance*, t. XIII, стр. 553, № 11281: Nous avons mis les îles britanniques en état de blocus, et nous avons ordonné contre elles des dispositions qui répugnaient à notre cœur. Il nous en a coûté de faire dépendre les intérêts des particuliers de la querelle des rois et de revenir, après tant d'années de civilisation, aux principes qui caractérisent la barbarie des premiers âges des nations; mais nous avons été contraint, pour le bien de nos peuples et de nos alliés à opposer à l'ennemi commun les mêmes armes dont il se servait contre nous.

[6] Там же, стр. 554: Nous sommes dans un des ces instants importants pour la destinée des nations.

[7] *Le mémorial de Sainte-Hélène,* t. II, стр. 625: Le systeme continental

lui-même dans son étendue et sa rigueur n'était, dans mes opinions, qu'une mesure de guerre et de circonstance. La souffrance et l'anéantissement du commerce extérieur, sous mon règne, étaient dans la force des choses, dans les accidents du temps. Un moment de paix l'eût ramené aussitôt à son niveau naturel.

[8] Наполеон — Талейрану. Berlin, le 21 novembre 1806 (*Correspondance*, t. XIII, стр. 554—555, № 11282).

[9] Наполеон — Маршалу Мортье. Posen, le 2 décembre 1806. (Там же, t. XIV, стр. 15—16, № 11355).

[10] *Mémoires d'un ministre du trésor public*, t. III. Paris, 1845, стр. 288.

[11] Там же, стр. 289.

[12] Наполеон — Дежану. Fontainebleau, le 6 septembre 1807 (*Correspondance*, t. XVI, стр. 68, № 13220): De quel droit ouvrez vous la porte d'Amsterdam aux Anglais?

[13] Наполеон — Евгению (Богарне). Fontainebleau, le 26 septembre 1807. (Там же, стр. 51, № 13187).

[14] Наполеон — Евгению. Fontainebleau, le 29 septembre 1807: Guerre sans relâche aux marchandises anglaises; c'est le moyen d'arriver à la paix. (Там же, стр. 57, № 13195).

[15] Нац. арх. AF. IV. 910. 31 octobre 1807. Наполеон к Шампаньи: ...écrivez à mes ministres.... que des ordres rigoureux viennent d'être renouvellés de fermer toute communication avec l'Angleterre pour l'empêcher de distiller son poison sur le continent...

[16] *Lettres inédites de Napoléon*, t. I, стр. 123, Наполеон — Годену, 13 ноября 1807.

[17] Наполеон — Евгению. Fontainebleau, le 13 novembre 1807 (*Correspondance*, t. XVI, стр. 160, № 13356).

[18] Я пользовался экземпляром Британского музея: № 8247, b. 58.

[19] Там же, стр. 199: The arms of the powers non neutral added to those of the present confederates, if so monstruous a coalition could be imagined, would add something no doubt to our immediate dangers; but acquiescence in the present abuses must... ultimately insure our ruin.

[20] *Quarterly Review*, 1812, vol. XIII, стр. 9: The principle of the orders in council was this. Our enemy says there shall be no trade with England. We have a right to say in return — there shall be none with our enemy.

[21] Ср. Adams. *History of the United States*, vol. II, стр. 103.

[22] Вот важнейшие статьи миланского декрета: Art. I. Tout bâtiment de quelque nation qu'il soit, qui aura souffert la visite d'un vaisseau anglais ou se sera soumis à un voyage en Angleterre ou aura payé une imposition quelconque au gouvernement anglais est par cela seul déclaré dénaturalisé, a perdu la garantie de son pavillon et est devenu propriété anglaise. Art. II. Soit que les dits bâtiments ainsi dénaturalisés par les mesures arbitraires du gouvernement anglais entrent dans nos ports ou dans ceux de nos alliés, soit qu'ils tombent au pouvoir de nos vaisseaux de guerre ou de nos corsaires, ils sont déclarés de bonne prise. Art. III. Les îles britanniques sont déclarés en état de blocus sur mer, comme sur terre. Tout bâtiment de quelque nature qu'il soit, quelque soit son chargement expédié des ports d'Angleterre ou des colonies anglaises ou de pays occupés par les troupes anglaises ou allant en Angleterre ou dans les colonies anglaises ou dans des pays occupés par des troupes anglaises est de bonne priese, comme contrevenant au présent décret; il sera capturé par nos vaisseaux de guerre ou par nos corsaires et adjugé au capteur.

[23] Нац. арх. AF. IV—1061. № 42. Au Palais de Milan, le 23 novembre 1807.

[24] Нац. арх. AF. 10—1060. Intérieur, 1807. *Copie d'une lettre de Sa Majesté datée de Milan le 17 décembre 1807:* «Monsieur Cretet, vous trouverez ci-joint un Décret relatif à l'Angleterre. Avant de le publier, vous écrirez

une circulaire à toutes les chambres de commerce pour leur faire sentir les conséquences funestes qu'aurait pour avenir cette nouvelle législation de l'Angleterre, si elle était passée sous silence; qu'il vaut mieux s'interdire tout commerce, n'importe pendant combien de temps, que de le faire au profit et sous la législation anglaise. Enfin, vous les exciterez à la course qui dans l'arbitraire que les Anglais ont établi, est notre seul moyen d'approvisionnement. Sur ce, je prie Dieu, qu'il vous ait en sa sainte garde». Signé: Napoléon.

[25] Нац. арх. AF. IV — 1060. № 65. *Extrait du régistre des délibérations de la Chambre de commerce de Marseille.* Bureau du 30 décembre 1807.

[26] Нац. арх. AF. IV. 909. *Note dictée par l'Empereur dans le Conseil du 18 mai 1815:* Cependant cette décision n'est point une chose simple et, en la préjugeant, on dit au commerce de France qu'il n'aura pas de commerce avec les neutres, ce qu'il est au moins inutile de dire... ce qui produirait l'effet opposé aux vues de M. Chaptal... Le projet de M. Chaptal décide (la question.— *E. T.*) d'une manière désesperante pour le commerce...

[27] *Observations faites dans le conseil d'administration de l'Intérieur*, Palais des Tuileries, le 14 février 1808 (*Correspondance,* t. XVI, стр. 327, № 13559).

[28] Архив французского министерства иностранных дел, Angleterre (серия Mémoires et documents, № 11). *Réflexions sur un système combiné de prohibition et de concurrence comme moyen unique d'embarasser le commerce anglais:* On a pu se convaincre par les discussions qui ont eu lieu au mois d'avril dernier dans différentes assemblées de négociants de Londres à l'occasion de la révocation des ordres de conseil du 11 novembre 1807, que le commerce anglais sait parfaitement sa position sous ce rapport, qu'il est intimement persuadé qu'il ne doit ses bénéfices actuels qu'à l'interdiction générale de la navigation des neutres.

[29] Нац. арх. AF. 1318 (56). Mars 1810. *Rapport à Sa Majesté* (подписано: votre directeur général des douanes le comte Collin de Sussy).

[30] Наполеон — Крете. Bayonne, le 27 mai 1808. (*Correspondance,* t. XVII, стр. 215, № 14001): Il ne faut pas non plus que le bâtiment ait été visité par les Anglais; leur visite aurait dénationalisé mon pavillon, et le bâtiment qui se présenterait dans mes ports avec cette tâche, certes, n'y serait pas reconnu.

[31] Вот что докладывал Наполеону директор таможен в сентябре 1808 г.: ...ainsi tout commerce des neutres avec la Russie, le Danemark, les villes anséatiques, la Hollande et l'Italie est subordonné aux caprices du cabinet de St. James. Mais ce commerce est utile à ces pays dont il est le seul débouché. (Нац. арх. AF. IV—1318. № 24. *Rapport à l'Empereur).*

[32] Наполеон — генералу Жюно. Bayonne, le 10 mai 1808 (*Correspondance,* t. XVII, стр. 86, № 13843): Vous avez à Lisbonne des directeurs des douanes françaises, qui vous mettront au fait de la législation actuelle, de cette partie de notre législation qui fait le plus grand mal à l'Angleterre, qui fait du tort à la France, qui en fait encore plus à la Hollande, mais qu'elle souffre parce qu'elle en sent la nécessité, et dont le seul Portugal ne se ressent pas encore que vous êtes dans l'ignorance du grand but de ces mesures. Par là vous rendez la conquête du Portugal inutile, et ce n'est que pour cela que je l'ai conquis.

[33] Наполеон — графу Шампаньи. Schönbrunn, le 19 août 1809 (*Correspondance,* t. XIX, стр. 369, № 15684): ...mais le commerce ne peut être rétabli, puisque ce serait établir le commerce anglais.

[34] Наполеон — Годену, министру финансов. Saint-Cloud, le 29 mars 1808. *Correspondance,* t. XVI, стр. 453—454, № 13697.

[35] Нац. арх. AF. IV—1060. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi,* le 11 décembre 1806. Петиция Лионской торговой палаты: Il était temps sans doute d'enlever à cette odieuse ennemie l'influence dont elle a fait un si

cruel usage; Votre Majesté a voulu la separer du continent; Elle ne l'a pu qu'en brisant la chaîne qui unit toutes les nations commerçantes; Elle a gémi des maux que cet acte de Sa Puissance — nécessaire, mais terrible,— allait produire; pussent-ils retomber tous un jour sur ceux dont les insolentes provocations l'ont arraché à sa longue patience.

[36] Нац. арх. AF. IV—1060, № 130, 131; 128—129 (20 января 1808 г. и 27 января 1808 г.).

[37] Нац. арх. AF. IV—1318, № 15: ...cercle vicieux dans lequel nous nous sommes enfoncés... qu'on ne se dissimule pas les suites inévitables des choses, la tyrannie des Anglais leur fournit journellement de quoi l'allimenter, mais ce que nous en imitions diminue véritablement nos propres ressources et rendrait à la longue la levée des impôts difficile... leur gouvernement est parvenu à persuader à la nation que la guerre leur est nécessaire, qu'elle les enrichit... mais en France cette perspective de guerre perpétuelle est un tourment au présent et à l'avenir...

[38] Архив французского министерства иностранных дел. Angleterre, № 11 (серия Mémoires et documents). Octobre 1809. *Observations sur les inconvénients qu'entraine la suspension du commerce des états neutres avec la France...*

[39] Нац. арх. F^{12} 549—550. *Mémoire sur l'état du commerce par suite des mesures ordonnées par le gouvernement* etc. ...(La non-exécution des décrets de Berlin et de Milan partout ailleurs qu'en France...)

[40] *Record office,* F. O. 36,5. Heligoland, 10 may 1810. Nicholas — лорду Уэлсли.

[41] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 15 avril 1810. *Rapport à Sa Majesté* (Ministère de l'Intérieur).

[42] Ср. *Décret de la Convention Nationale,* du 27 jour du 1 mois de l'an second etc., art. 1 (между прочим, о разрешении ввоза шерсти из Испании и Англии).

[43] *Correspondance,* t. XXI, стр. 22, № 16764. Наполеон — Шампаньи, герцогу де Кадор. Trianon, le 6 août 1810.

[44] Там же, стр. 25, № 16768. Наполеон — Шампаньи. Trianon, le 7 août 1810.

[45] Там же, стр. 75, № 16843. Наполеон — Шампаньи, герцогу де Кадор. Saint-Cloud, le 29 août 1810.

[46] Там же, стр. 82—83, № 16857. Наполеон — военному министру генералу Кларку. Saint-Cloud, le 2 septembre 1810.

[47] Там же, стр. 85—86, № 16859. Наполеон — маршалу Даву, князю Экмюльскому. Saint-Cloud, le 2 septembre 1810.

[48] Наполеон — генералу Кларку. Saint-Cloud, le 2 septembre 1810 (*Correspondance,* t. XXI, стр. 82, № 16857: Faites leur bien comprendre que nous faisons par là une guerre ruineuse au commerce anglais; que nous y réussissons partout; ce qui produit déjà beaucoup de tort en Angleterre.

[49] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, le 19 septembre 1810. (*Correspondance,* t. XXI, стр. 134, № 16930): L'Angleterre est réellement aux abois.

[50] *Record Office,* F. O. 36, № 5. Heligoland, 27 october 1810 (Nicholas — лорду Уэлсли): At Hamburg this measure has produced the utmost mercantile distress, the discount has risen from $2^1/_2$ — to 9%. It is calculated by some that this tax in the Hans towns alone will produce to the french governement 30 millions of francs.

[51] Вот что он писал 3 октября 1810 г. вестфальскому королю, приказывая ему ввести новый тариф в его владениях: «Ce sera aussi un grand bien sous d'autres rapports, puisque les correspondants des négociants anglais ne pourront pas les payer, et que, les denrées coloniales devenant plus chères, la consommation en diminuera. Elles seront ainsi attaquées et chassées à la fois du continent». Наполеон — Жерому, королю Вестфалии. Fontainebleau, le 3 octobre 1810. (*Correspondance,* t. XXI, стр. 167, № 16983).

[52] Нац. арх. AF. IV—1318. *Réflexions sur la nécessité de la promulgation d'une loi générale sur le mode du libre transit et circulation des denrées coloniales* (Février 1811).

[53] Нац. арх. AF. IV—1318. Costanizza, le 4 septembre 1811. *A. S. E. le ministre secrétaire d'Etat* (Подписано: Bertrand): Pourra-t-on-avoir chez soi du sucre pour sa consommation? Et alors on est bien près de l'abus.

[54] Запись сделана под диктовку Наполеона, но средактирована в третьем лице: ...et c'est parce que ces pays ne sont pas sous la main de Sa Majesté, et que les princes suivent moins bien le système continental *(Note sur le blocus continental, dictée en conseil du commerce* etc. Palais de Saint-Cloud, le 13 janvier 1812. *Correspondance,* t. XXIII, стр. 167, № 18431).

[55] Hasse (цит. во введении), стр. 420.

[56] См. ниже, доклад Монталиве Наполеону.

[57] *Lettres inédites,* t. II, стр. 454 (Наполеон — Бернадотту. Paris, le 8 août 1811).

[58] Наполеон — маршалу Даву. Paris, le 19 janvier 1812. (*Correspondance,* t. XXIII, стр. 182—183, № 18447).

[59] Наполеон — маршалу Даву. Paris, le 28 janvier 1812. (*Correspondance,* t. XXIII, стр. 194, № 18461).

[60] Нац. арх. F^{12} 534. Mayence, le 26 août 1806. *La chambre de commerce à Monsieur Jeanbon St. André préfet du Département du Mont-Tonnerre.*

[61] Нац. арх. F^{12} 1569. Strassbourg, le 10 mai 1811. *Le maire de la ville de Strassbourg à S. E. le ministre de l'Intérieur:* Telle était la situation heureuse de cette place, lorsqu'un nombre de ses maisons se trouva atteint des dispositions relatives aux marchandises coloniales, que dictèrent des considérations de haute politique devant lesquelles toutes les vues étroites d'intérêt individuel durent s'éclipser.

[62] Нац. арх. F^{12} 1569. Strassbourg, le 10 mai 1811 (мэр Страсбурга министру внутренних дел): ...dès lors tous les produits de la France meridionale, de l'Espagne et même d'une partie occidentale de l'Italie au lieu de la voie maritime, se dirigèrent entièrement par ce part sur l'Allemagne et pays du Nord; ceux de ces pays pour la France n'eurent pas d'autre route, y compris les cotons du Levant, amenés par l'Autriche.

[63] Нац. арх. F^{12} 514. *Ministre de l'Intér. Nouvelles anglaises,* 1-й листок: Le jour où on a connu à Londres le décret impérial sur les marchandises anglaises, la plus grande consternation a regnée à la bourse; on évaluait à un milliard la perte qu'allait éprouver le commerce anglais; il ne se fit aucune affaire en bourse. La ville de Londres était dans la plus grande agitation, on y était effrayé du nombre de banqueroutes qu'on calculait déjà. On disait que l'Empereur avait enfin trouvé le défaut de la cuirasse.

[64] Нац. арх. AF. IV—1060. 1810, № 7. *Notice sur les mesures adoptées par le gouvernement pour le rétablissement de la Balance du Commerce.*

[65] Нац. арх. AF. IV—1061. 2 octobre 1810. Монталиве Наполеону (записка): Sire, les nouvelles d'Angleterre font connaître plusieurs banqueroutes importantes... L'énergie de mesures prises par Votre Majesté contre le commerce britannique produit ces résultats... Cependant la personne que j'ai envoyée en Allemagne pour observer ce qui se passe aux foires de Francfort et Leipzick m'écrit que si l'on a vu peu de marchandises anglaises à Francfort, il en paraît beaucoup plus à Leipzick, surtout en marchandises fabriquées... les denrées coloniales abondent en Allemagne... elles y arrivent de la Baltique... les Russes et les Polonais les amènent par des chariots... etc.

[66] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 19 novembre 1810, № 85.

[67] Нац. арх. AF. IV—1061. 31 octobre 1810 (копия письма из Лондона).

[68] Нац. арх. F^{12} 514. Saint-Malo, le 18 février 1811. *Le maire de la ville de Saint-Malo à Son Excellence, Monseigneur le comte Montalivet, ministre de l'Intérieur.*

[69] Нац. арх. F^{12} 514. Nouvelles du 13 février 1811.

[70] Нац. арх. F^{12} 514. Nottes (sic), вложено в донесение мэра Сен-Мало министру внутренних дел графу Монталиве (Saint-Malo, le 4 juin 1811).

[71] Архив французского министерства иностранных дел, Angleterre. № 11 (серия Mémoires et documents). *Mémoire sur l'état des finances et du crédit public de l'Angleterre:*... on ne doit pas s'étonner si on a souvent présagé sa chute. La guerre de l'indépendance de l'Amérique n'a pas eu d'autre but: on croyait déjà la banqueroute de l'Angleterre inévitable: les événements ont prouvé qu'on s'était trompé. Peut être que si on eut mieux connu le secret de ses forces, ou aurait employé des armes plus meurtrières.

[72] «Now, master Boney, we shall see which will hold out the longest, my wall against you. Aye, Aye, I can see you. I have left a peep hole. I believe you will soon be glad to change your soupe maigre for my roast beef» (разговор между Джоном Булем и Бонапартом. Ноябрь 1807 г.). Ср. John Ashton. *English caricature and satire on Napoléon I*, t. II. London, 1884, стр. 76. «*Master Boney*» — популярная в эпоху блокады в Англии шутливая кличка Наполеона (сокр. *Bonaparte*).

[73] Нац. арх. AF. IV—1469. *Journaux anglais. Extraits et traductions* (2-me continuation des depositions etc. 1810).

[74] Нац. арх. AF. IV—1060. *Observations sur l'exportation des laines d'Espagne en Angleterre* (Ternaux l'ainé): La consommation générale sera toujours la même... l'introduction (des machines) lente jusqu'à present, prendrait subitement la marche la plus rapide et suffirait bientôt à tout.

[75] Нац. арх. AF. IV—1241, № 11. Paris, le 11 juin 1810.

[76] *Lettres inédites*, t. II, стр. 154 (Наполеон — Бернадотту, Paris, le 8 août 1811): Cet état des choses est tel que je ne sais si le commerce français aurait beaucoup à gagner par la paix avec l'Angleterre.

[77] Этот разговор изложен в документе, купленном Lumbroso на одном аукционе автографов и напечатанном в приложении к его книге, о которой я говорю во введении (цит. соч., стр. 455—458). Весь разговор от первой строки до последней и по форме и по содержанию являет все признаки подлинности.

[78] Нац. арх. F^{12} 1569. Strassbourg, le 10 mai 1811. *Le maire de la ville de Strassbourg à Son Excellence le ministre de l'Intérieur:* D'un côté les mesures prohibitives des marchandises de manufacture anglaise, donnèrent naissance et firent prospérer dans cette cité plusieurs manufactures de toiles de coton, percales etc. On vit même s'élever pendant quelque temps des raffineries de sucre, mais qui cesserènt au moment de la hausse trop considérable et de la trop grande rareté du sucre brut.

[79] Там же. D'autre part l'interruption totale de toute communication maritime assigna à cette place un rôle majeur dans le commerce du continent et en fit bientôt le principal entrepôt entre tous les pays du nord-est et du sud-ouest de l'Europe.

[80] Там же:... la renaissance subite de la guerre avec l'Angleterre fit tort à quelques branches du commerce de Strassbourg, par exemple à celui de la garance... (Об отсутствии сахара в сырье — см. предпоследнее примечание).

[81] Нац. арх. AF. IV—1060. *Observations sur le commerce d'exportation de l'Angleterre et sur les moyens d'empêcher l'introduction des marchandises de ses fabriques en France.*

[82] Там же.

[83] Mollien. *Mémoires d'un ministre du trésor public*, t. III. Paris, 1845, стр. 290.

[84] Вот в каких выражениях писали о наполеоновской таможне при Реставрации: La régie des douanes, dirigée alors par le génie de l'homme qui s'était emparé de l'autorité souveraine, favorisait ses vastes projets d'oppression. Les nombreux employés de cette administration, organisés militairement, n'offraient plus que le spectacle d'une armée auxiliaire (Нац. арх., F[12] 501, № 12).

[85] Boucher de Pertes (воспоминания, названные во введении), t. I, стр. 138: «De toutes les administrations c'était, sous le rapport du personnel, la mieux composée...» И дальше: «Financièrement parlant une belle carrière m'y était ouverte...»

[86] Нац. арх. AF. IV—129?, № 18. *Rapport sur la comparaison de ce que coûterait une compagnie d'infanterie de 140 hommes ou un détachement d'employés des douanes de pareille force* (5 mars 1813).

[87] Нац. арх. F[12] 502. *Rapport à Sa Majesté* (novembre 1809).

[88] Нац. арх. AF. IV—1293. Декрет от 25 января 1811 г. Собственно, эта сумма была отпущена с запозданием, за 1809 г.

[89] Голландский Гос. архив. Папка Directeurs des douanes 1810—1812. 20 septembre 1810. *A Son Altesse Sérénissime... Lieutenant général de Sa Majesté Empereur et Roi:* La dépense d'un employé est le véritable thermomètre de sa moralité et dans tous les temps j'ai eu le plus grand soin de le consulter. J'ose assurer Votre Altesse que j'ai plusieurs fois recommandé aux chefs de services d'exercer à cet égard la plus grande surveillance.

[90] Ср. документы и переписку по этому делу в картоне AF. IV—1293, № 63. 9 avril 1808. *Discussion entre le directeur des douanes et le commissaire général d'Anvers.*

[91] Нац. арх. F[12] 534. Rouen, le 1 juillet 1807. *A son Excellence le Ministre de l'Intérieur* (жалоба руанских промышленников на действия таможни): Cette prohibition en portant un coup funeste à nos implacables ennemis ne sera véritablement un bienfait pour nos manufactures nationales que lorsque celles-ci n'éprouveront aucuns obstacles à l'exportation de leurs produits.

[92] Нац. арх. F[12] 1565. Ministère de l'Intérieur. Conseil général de commerce. Paris, le 23 frimaire, an XIII (мнение директора таможен): ...il ne paraît pas convenable en général de laisser former de grandes fabriques ou manufactures dans le rayon des douanes, parce qu'elles peuvent devenir des entrepôts de márchandises importées en fraude.

[93] Нац. арх. F[12]* 194. 119 séance, du 17 décembre 1812.

[94] Нац. арх. F[12] 535. Berne, le 2 juin 1811. Доклад Catineau Laroche'а министру внутренних дел: «...lorsque le 15 avril il fut question entre J. de Camozzi et moi de faire entrer à Zutra sur le lac Majeur, il ne voulut d'abord s'en charger que jusqu'à Bellinzona... J'insistai... etc. J'avais appris tout ce que je croyais utile de savoir et il me parut inutile de prolonger mon séjour...» Как бы в объяснение этого образа действий он жалуется министру: «...les Suisses en général sont méfiants et en France la sévérité de la législation a rendu très circonspect: une conversation sur la contrebande y est presque toujours brusquement rempue...»

[95] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 18 novembre 1812. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* etc. (подписано: de Sussy).

[96] Нац. арх. F[12] 507 (№ 24). *A Son Excellence Monseigneur le Ministre de l'Intérieur.* Paris, le 14 mars 1808 (Gilet).

[97] Гамбургский Гос. архив. Cl. I. Lit. Pb. Vol. 8, Fasc. 22a (Blatt 241. Colquhoun — синдику 7 july 1807): They assert that Francfort on the Main, and all the countries round about it, and Switzerland and the towns above it, although they have had many contributions and confiscations, have notwithstanding been regular in their remittances and have not withheld a shilling from their British creditors. Hanover, Oldenburg,

Westphalia and Brunswick and all the Duke's of Berg dominions together with Holland have acted in the same fair and honorable manner.

[98] Нац. арх. AF. IV—1060. Denrées coloniales. 1 juin 1808. *Note pour Sa Majesté.*

[99] Нац. арх. AF. IV—1060. Marseille, le 11 juin 1808. Signé: Thibaudeau (доклад министру внутренних дел).

[100] *Mémoires du duc de Rovigo,* t. III, Paris, 1828, стр. 75.

[101] Нац. арх. F[12] 616—617. Consulats. *Reinseignements sur le commerce. Tableau des prix des denrées coloniales* etc. (29 juin 1811).

[102] Нац. арх. AF. IV—1061, №№ 50—57. Montalivet — Наполеону.

[103] Там же: ...ainsi malgré des privations l'exportation du numéraire n'est pas moindre et bien qu'il reste à l'Angleterre plus de denrées invendues, son commerce recueille à peu près les mêmes sommes...

[104] Там же.

[105] Sire, Votre Majesté paraît avoir conçu pour le bien de ses sujets, pour la gloire de son empire, pour la conquête de la paix, un de ces vastes projets dont les conséquences étonnent d'abord et paraissent ensuite non seulement probables mais en quelque sorte certaines... etc. (1-я страница рукописи).

[106] Там же, 13-я страница рукописи.

[107] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Sa Majesté* etc., le 1 avril 1811: Restent les consommations de luxe, telles que celles du café et du thé...

[108] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 25 novembre. *Rapport à Sa Majesté.*

[109] Нац. арх. AF. IV—1061. 2 juillet 1810. *Rapport à Sa Majesté:* Les sucres et les cafés doivent être interdits, parce qu'on ne peut point s'assurer de leur origine.

[110] Там же.

[111] Нац. арх. AF. IV—1994. *Rapport du ministre des finances à Sa Majesté l'Empereur et Roi.* 4 avril 1810.

[112] Наполеон — Годену, министру финансов. Laeken, le 15 mai 1810. *Correspondance,* t. XX, стр. 352, № 16470.

[113] *Record office,* C. O. 118, № 1. Memorandum respecting Helgoland. March the 5th 1808.

[114] Нац. арх. AF. IV—1061. *Note pour Sa Majesté,* le 19 août 1811. Notice sur l'île d'Helgoland: L'Helgoland alimente la Hollande et une partie de l'Allemagne en denrées coloniales. De là elles passent et se répandent par tout le continent.

[115] Там же.

[116] Нац. арх. AF. IV—910. Saint-Cloud, le 1 août 1811. Наполеон — герцогу Бассано.

[117] Нац. арх. AF. IV—1241, № 342.

[118] Нац. арх. AF. IV. 1061, № 91. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur* (сентябрь и октябрь 1810). ...Cette déviation des relations commerciales a été tout à notre préjudice,— с грустью замечает автор доклада.

[119] Rambaud. J. *Naples sous Joseph Bonaparte.* Paris, 1911, стр. 441.

[120] Нац. арх. F[12] * 194. 114 séance, du 14 novembre 1812.

[121] Нац. арх. AF. IV—1062. Lyon, le 13 décembre 1810. La Chambre (de commerce) a fait une adresse de remerciement à Sa Majesté pour ses nouvelles bontés, elle y a réuni l'expression de sa reconnaissance pour le décret du 19 octobre qui ordonne que les marchandises anglaises soient brûlées et qui sans doute doit assurer la prospérité de nos fabriques.

[122] Нац. арх. AF. IV—1242. Séance du 11 février 1811 (заседание совета по управлению торговлей и мануфактурами): Sa Majesté fait ensuite connaître qu'elle est informée qu'il y a de nouvelles plaintes sur la contrebande et qu'on observe que le décret qui ordonne le brûlement des

marchandises anglaises peut avoir nui à l'exactitude et ralenti le zèle des employés... etc.

[123] Нац. арх. AF. IV—1242, № 98. Paris, le 3 décembre 1810. *Note pour Sa Majesté.*

[124] Нац. арх. AF. IV—1061, № 48—53. Mars 1811.

[125] Bourienne. *Mémoires,* t. IV, стр. 170.

[126] Там же, стр. 171 и дальше: Il faut avoir été témoin comme je l'ai été de tant de vexations, de tant de misères causées par le déplorable système continentale, pour concevoir combien ses auteurs ont fait de mal à l'Europe, causé de haine, amassé de vengeances et contribué à la chute de Napoléon (стр. 172).

[127] Наполеон — Годену. Saint-Cloud, le 25 juillet 1810. (*Correspondance,* t. XX, стр. 537, № 16718): Je suis instruit que les denrées coloniales entrent en foule en France. Il faut renforcer la ligne...

[128] Наполеон — Шампаньи. Saint-Cloud, le 25 juillet 1810. (*Correspondance,* t. XX, стр. 535, № 16713): Vous devez écrire et récrire, et suivre ces affaires, afin d'arriver à ce résultat.

[129] Bourienne. *Mémoires,* t. IV, стр. 392.

[130] Нац. арх. AF. IV—1060. *Mémoire sur l'état actuel du commerce* etc.: ...la contrebande a filtré sur toutes les frontières; son activité a trompé tous les surveillants ou les a toujours endormis, elle a porté une dangereuse atteinte à la morale du commerce: elle a entretenu la corruption la plus funeste et la cupidité la plus insatiable par les succès scandaleux; elle a provoqué des mesures repressives dont la sévérité a jeté partout l'épouvante.

[131] Там же.

[132] Ср. Bourienne. *Mémoires,* t. IV, стр. 527.

Глава IX

[1] Нац. арх. F[12] 502, dossier 31. Paris, le novembre 1809. *Rapport à Sa Majesté* (министра внутренних дел): Enfin la mesure qui pouvait le plus contribuer à alléger pour le commerce français et pous notre agriculture la situation pénible qui résulte de l'interruption des communications maritimes a été provoqué par le ministère de l'Intérieur. Les licences accordées par Votre Majesté pour favoriser l'écoulement de nos vins, de nos eaux-de-vie et de nos grains, ainsi que l'importation des chanvres, fers, aciers et drogues-médicinales, ont donné lieu... etc., etc.

[2] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, le 19 septembre 1810 (*Correspondance,* t. XXI, стр. 134, № 16930): Ici, il faut vous redire ce que vous aurez déjà compris, savoir ce que c'est qu'une licence. Une licence est une permission, accordée à un bâtiment, qui remplit les conditions exigées par ladite licence, d'importer et d'exporter telle espèce de marchandises spécifiées dans cette licence. Pour ces bâtiments, les décrets de Berlin et de Milan sont nuls et non avenus... Mes licences sont un privilège tacite de s'affranchir de mes décrets, en se conformant aux règles prescrites par lesdites licences.

[3] Нац. арх. AF. IV—1318, № 15. Докладная записка, не подписанная в копии, министру внутренних дел: La mesure des licences place dans une situation tout-à-fait nouvelle le commerce et la politique non seulement de la France, mais de toute l'Europe. Elle ouvre sans doute une petite porte à l'écoulement partiel de nos denrées, mais elle favorise encore plus le commerce anglais... une autre considération non moins importante est que l'admission des licences est une reconnaissance tacite du signe et de la forme donnés par les Anglais à cet empire absolu qu'ils exercent sur toutes les mers...

[4] Нац. арх. AF. IV—1241, № 11. Paris, le 11 juin 1810.

[5] Bourienne. *Mémoires,* t. IV, стр. 167.
[6] Наполеон — Шампаньи. Paris, le 8 février 1810. (*Correspondance,* t. XX, стр. 193, № 16224).
[7] Took. *A history of prices and the state of the circulation from 1793 to 1837,* vol. I. London, 1838, стр. 373.
[8] *Correspondance,* t. XXIII, стр. 169, № 18431. Palais de Saint-Cloud, le 13 janvier 1812: ...l'Angleterre... éprouvera plus de mal par le dépit et désappointement de voir l'activité de nos manufactures, le produit de nos douanes plus grands que par l'effet du système continental.
[9] Там же: Sa Majesté considère ceci non comme un changement de système, mais comme sa suite. Le système a été la guerre, le résultat est la victoire.
Au fait, avons-nous dit que nous ne recevrions plus de sucre, de café, d'indigo? Non, car nous sommes contentés d'y établir un droit. C'était à l'Angleterre à nous en fournir... (№ 18431).
[10] Там же: ...*mais nous avons dit que nous ne recevrions ces denrées* que contre les produits du sol français, avec un droit très considérable; que nous ne les laisserions arriver que sur nos bâtimens et avec nos licences... (№ 18431).
[11] Там же.
[12] Нац. арх. AF. IV—909. *Dictées de l'Empereur...* Douanes. Commerce Extérieur. Licences, 1810 (8-e dossier): ...on peut objecter à la vérité que ce sera procurer un débouché aux magasins anglais, mais ce débouché ne s'ouvrira qu'autant qu'on le voudra et dans la proportion qu'on voudra.
[13] Там же: Les décrets... ont eu principalement pour but d'empêcher les Anglais de répandre leur pavillon sur l'univers et de prélever un octroi sur les consommations du continent. Leur objet n'était pas d'empêcher le continent de recevoir les denrées coloniales dont il a besoin...
[14] Там же: On pourrait ensuite mettre sur le sucre et le café un droit très haut de manière à en restreindre la consommation.
[15] *Correspondance,* t. XXI, стр. 53, № 16810. Наполеон — князю Лебрену. Saint-Cloud, le 20 août 1810.
[16] Нац. арх. AF. IV—1328, № 86. *Minute de décret Imperial; Rapport sur les licences,* Paris, le 8 août 1810.
[17] Нац. арх. AF. IV—1061. Dunkerque, ce 6 avril 1811. *Le maire de la ville de Dunkerque* etc. *à Son Excellence le comte Montalivet, Ministre de l'Intérieur.* Eh, quel effet produit un semblable privilège, source de gains aussi énormes qu'assurés et cela dans un moment où le commerce écrasé par tant de pertes voit son industrie entièrement paralysée et ses propriétés maritimes sans emploi et exposées à un dépérissement total! Quel spectacle dans une semlable crise que l'arrivée journalière de vaisseaux richement chargés exempts de toutes les conditions imposées par les décrets de Sa Majesté.— Там же и донесение мэра министру полиции (№ 67).
[18] Там же. Dunkerque, le 10 avril 1811. Мэр Дюнкирхена — министру внутренних дел (№ 68).
[19] Наполеон — Фуше. Schönbrunn, le 29 septembre 1809. (*Correspondance,* t. XIX, стр. 535, № 15881): Je reconnais toujours dans vos actes la même marche: vous n'avez pas assez de légalité dans la tête.
[20] Наполеон — Фуше. Paris, le 29 novembre 1809. (Там же, t. XX, стр. 48): ...il me revient de tous côtés qu'il se commet des abus énormes sur les côtes par les agents de police, qui s'érigent en régulateurs de la navigation.
[21] Там же.
[22] Наполеон — графу Коллену де Сюсси. Ostende, le 23 septembre 1811. *Lettres inédites,* t. II, стр. 162.
[23] Наполеон — графу Коллену де Сюсси. Saint-Cloud, le 20 novembre 1811. (Correspondance, t. XXIII, стр. 28, № 18277).

[24] Нац. арх. F^{12}, 549—550. Paris, le 8 septembre 1811 (министр внутренних дел Наполеону): Je supplie Votre Majesté de peser ces considérations et dans tous les cas d'autoriser les smugglers de Dunkerque à porter en Angleterre des organsins, leurs opérations reprendront une grande activité à la faveur des nuits qui vont se prolonger...

[25] Там же: Cette espèce de commerce est de tous les moments, les débouchés qu'il procure ont de l'importance...

[26] Наполеон — Шампаньи. Bayonne, le 8 juillet 1808. *Correspondance*, t. XVII, стр. 356—357, № 14166.

[27] Ср. Нац. арх. F^{12} 514. *Copie de la lettre écrite le 25 octobre 1811 à M. le duc de Rovigo, ministre de la police générale* (от префекта Северного департамента): ...lorsque Sa Majesté le 21 du mois dernier traversa le département du Nord... elle m'exprima... son mécontentement sur la trop grande liberté dont jouissaient les smogglers dans le port et la ville de Dunkerque... Sa Majesté répéta à plusieurs reprises que c'était aux autorités locales à surveiller ces gens... et que si cette surveillance ne s'exerçait pas, la ville de Dunkerque serait exposée à voir le commerce des smogglers passer dans d'autres ports...

[28] Там же.

[29] Нац. арх. AF. IV—1243, № 136. Note. Urgent. (21 novembre 1811).

[30] Там же, на полях.

[31] Там же, Paris, le 2 décembre 1811. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi.*

[32] Нац. арх. F^{12} 508. Paris, de 3 décembre 1809. *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur* (Cuïllot): ...il est notoire qu'il existe à Londres, depuis des années, des bureaux publics de contrefaçon: des licences, passeports des navires, acquits à caution et congés des douanes, certificats d'origine, passeports d'individus et de tous autres papiers et diplômes que le gouvernement français accorde aux individus et aux bâtiments etc.

[33] Нац. арх. AF. IV—1061, № 47. 11 août 1810. Доклад Montalivet Наполеону.

[34] Нац. арх. AF. IV—1061, № 139. *Rapport à Sa Majesté* (9 décembre 1811). Первые слова доклада не оставляют сомнения в *инициативе* императора: Votre Majesté m'a ordonné d'écrire en Hollande pour y faire sonder quelques négociants sur l'idée d'exporter des soies contre des sucres et des cafés que l'on tirerait de Londres.

[35] Нац. арх. AF. IV—1061, № 148. *Rapport à Sa Majesté.* 23 novembre 1811.

[36] Нац. арх. AF. IV—1243. Paris, le 1 juillet 1811. *Rapport à Sa Majesté* (министра внутренних дел).

[37] Там же, Paris, le 8 juillet 1811. *Rapport à Sa Majesté.*

[38] *Notes dictées en conseil du commerce et des manufactures.* Saint-Cloud, le 25 novembre 1811 (*Correspondance*, t. XXIII, стр. 36—39, № 18290).

[39] Bourienne. *Mémoires,* t. IV, стр. 166. Et personne ne s'est trouvé,— восклицает он,— qui ait eu la conscience de dire à l'Empereur que l'Angleterre vendait au continent, mais qu'elle ne lui achetait presque rien.

[40] Нац. арх. F^{12}* 194. 92 séance, du 2 juillet 1812: Le conseil est généralement d'avis que tout doit engager le gouvernement à favoriser autant qu'il sera en lui, le commerce national avec les Etats-Unis d'Amérique, tandis que celui qui se fait directement avec l'Angleterre ne donne guère lieu qu'à exportations fictives, d'une évaluation exagerée et qui, jettées à la mer pendant le trajet, laissent presque tout le poids de la balance commerciale au préjudice de la France...

[41] *Mémoires de Richard-Lenoir,* t. I. Paris, 1837, стр. 387—388.

[42] Нац. арх. AF. IV—1811. Conseil du commerce. 46-e séance du 29 avril 1811.

[43] ...ce serait plus d'argent qui entrerait en France et au lieu de n'exporter que deux tiers d'une cargaison, puisque le tiers en soie est jeté à la mer, on exporterait une cargaison tout entière (слова, продиктованные Наполеоном, см. Нац. арх. AF. IV—1243. Séance du 30 décembre 1812 — протокол conseil d'administration du commerce et des manufactures).

[44] *Mémoires du duc de Rovigo*, t. III. Paris, 1828, стр. 74: «Le génie lui même, monseigneur, doit s'arrêter devant la force des choses; les *licences* déposent contre la vérité du système.... Ainsi déjà le blocus a été détruit par les licences...»; стр. 75: «Ce système des licences ne peut tromper personne».

[45] *Mémoires du marechal duc de Raguse*, t. III. Paris, 1857, стр. 364: ...des licences, autre scandale, autre infamie.

[46] Там же: Du jour où l'Empereur, par action du despotisme le plus violent exercé sur tous les princes de l'Europe eut dérogé à son système par des exceptions à son profit il transforma une idée grande en une misérable spéculation financière fait aux dépens de ses propres alliés. Aucune raison politique ne justifiant plus alors la mesure la plus tyrannique qui fût jamais, elle mettait le comble à l'humiliation de tous les souverains de l'Europe... L'injustice était entre les individus, entre les villes, elle était partout... ce temps d'aberration et de folie...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава X

[1] Наполеон — Крете. Fontainebleau, le 26 septembre 1807 (*Correspondance*, t. XVI, стр. 50, № 13184).

[2] Архив департамента Устьев Роны, М. 14—1834. *Observations de la Chambre de commerce de Marseille sur le décret impérial du 3 mai 1807 etc.*

[3] Там же (4-я страница рукописи): Les deux chambres de Gênes et de Marseille — étant respectivement indépendantes, l'une et l'autre pouvant avoir une manière différente et même opposée de juger de l'état des échelles, il pourra arriver que le nombre d'établissement que celle de Marseille, par exemple, regardera comme ne pouvant être augmenté sans danger, n'inspirera pas une pareille crainte à la chambre de commerce de Gênes...

[4] Исключение допускалось для Лигурийской республики, но никаких выводов отсюда не делалось.

[5] Нац. арх. AF. IV — 1060. Ministère de l'Intérieur. Liberté. Egalité. *Vues générales sur les rapports de commerce de la France avec tous les Etats d'Italie* (10-й год республики).

[6] Нац. арх. F^{12} 620—621. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (février 1807): On a fait depuis quelques années et particulièrement à Milan des efforts pour perfectionner l'industrie...; mais il est reconnu que le caractère des habitants de l'ancien Milanais se prête peu aux travaux des manufactures.

[7] Там же: ...ce pays, d'ailleurs, est trop riche de son sol, pour que jamais les divers genres de fabrication puissent y prendre un grand essor.

[8] Нац. арх. F^{12} 534. *Mémoire sur le commerce de Lyon avec le Royaume d'Italie.* Envoyé par la Chambre de Commerce de Lyon: Le peu d'attachement, je peux dire l'antipathie que ses habitants ont en général pour les Français; le désir ardent, l'impatience qu'ils ont d'être indépendants et de se passer d'eux sont des stimulans puissants etc.

[9] Нац. арх. F^{12} 1611. Paris, le 24 novembre 1809. *Rapport, présenté au Ministre de l'Intérieur* (подписано: Chef du bureau des arts et manufactu-

res Costaz): ...il est à craindre qu'il n'en résulte tôt ou tard un déplacement d'industrie. Ce déplacement aurait de graves inconvénients pour les habitants de certaines parties de notre ancien territoire. Sans établir aucune distinction entre les anciens Français et les nouveaux, il ne convient peut-être pas de développer et d'étendre l'industrie de ceux-ci en restreignant l'industrie de ceux-la... etc.

[10] Раньше ассигнованные на нужды Рима декретом от 24 июля 1810 г.

[11] Нац. арх. F^{12} 1612. Paris, le 21 septembre 1811. *Rapport présenté au Ministre de l'Intérieur* (резолюция — в кавычках приведена в бумаге): C'est une question de savoir s'il convient d'encourager l'établissement des filatures à Rome et, en général, en Italie; mais ce n'en est point une d'encourager la culture du coton, du pastel et des plantes qui donnent la soude. Je désire donc que les cinq cents mille francs soient spécialement déstinés à cet effet.

[12] Там же.

[13] Нац. арх. F^{12} 1614. Paris, le 29 décembre 1812. *Le Ministre des Manufactures et du Commerce... à M. Lievin Bauwens:* ...je ne puis vous accorder l'autorisation que vous me demandez: l'exportation des machines est défendue, et Sa Majesté veut que cette prohibition soit sévèrement maintenue.

[14] Нац. арх. F^{12} 501. *Mémoire sur les relations commerciales de la France avec le Royaume d'Italie* (подписано: les membres composant la chambre de commerce d'Amiens. Amiens, le 30 juillet 1806): ...ces inquiétudes sont fondées; quand la France envoye si peu et que l'Italie reçoit tant nous devons croire que si les Allemands et les Suisses ont la préférence sur les Français, ils la doivent aux avantages qu'ils reçoivent des Anglais pour faire parvenir leur marchandise en Italie au préjudice de semblables marchandises provenant des fabriques de France.

[15] Нац. арх. AF IV—1060, № 82. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi:* Cependant, Sire, le Royaume d'Italie a peu de manufactures et même peu d'industrie, riche de son sol il est surtout appellé à être un état agricole, il sera longtemps éloigné de pouvoir trouver dans ses fabriques de quoi suffire à sa consommation...

[16] Тот же картон и та же связка, № 83. *Rapport à Sa Majesté,* 5 août 1807.

[17] Нац. арх. F^{12} 501, пачка Commerce avec l'Italie: Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, désirant faire jouir ses peuples de France et d'Italie de tous les avantages qui peuvent résulter de l'intimité des liens qui les réunissent et voulant à cet effet que les principales bases de leurs relations commerciales soient déterminées par un traité fait entre les deux Etats. Elle a nommé pour ses ministres plenipotentiaires, savoir: En sa qualité d'Empereur des Français Son Excellence M. Emmanuel Cretet... Et en sa qualité de Roi d'Italie Son Excellence M. Ferdinand Marescalchi... etc.

[18] Nemmich. *Tagebuch einer der Kultur und Industrie gewidmeten Reise,* Bd. VII. Tübingen, 1810, стр. 8: Der sonst unermessliche Verkehr zwischen England und Italien ist ganz abgebrochen. Was Deutschland und die Schweiz betrifft, so sind die Einfuhren ihrer Fabrikate Italien grössten theils untersagt... Es bleibt dem Lande, keine Wahl weder der Güte, noch der vortheilhafteren Preise, übrig; es muss das meiste seines Bedarfes, gleichviel, wie es befriedigt wird, von Frankreich annehmen.

[19] Нац. арх. F^{12} 549—553. *Rapport des commissions réunies des conseils de commerce et des manufactures.*

[20] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, le 26 août 1810. (*Correspondance,* t. XXI, стр. 65—66, № 16829): Il faut que les douanes d'Italie soient mises sur le pied ce celles de France; sans cela je ne vous cache pas que je réuni-

rai le royaume d'Italie. La seule considération des douanes m'a obligé à réunir la Hollande.

[21] Нац. арх. AF. IV—1318. Paris, le 21 octobre 1812. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* etc. (№ 134).

[22] Наполеон — графу Монталиве. Fontainebleau, le 15 novembre 1810. (*Correspondance*, t. XXI, стр. 275, № 17134: J'attache de l'importance à cette mesure pour que les manufactures d'Italie ne chôment pas et qu'elles ne soient pas forcées de recourir à la Suisse.

[23] Там же, стр. 277, № 17138. Наполеон — Евгению: Il faut tirer vos cotons de France et ne pas penser à les tirer d'ailleurs.

[24] Нац. арх. AF. IV—1241. Paris, le 30 septembre 1810. *Rapport à Sa Majesté.*

[25] Нац. арх. AF. IV—1061. 17 septembre 1810. *Note pour Sa Majesté.*

[26] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Sa Majesté, le 18 novembre 1811* (№ 111): ...nous encouragerons les habitants de ces royaumes à établir chez eux des filatures, des fabriques, des usines... ils cesseront d'être les tributaires de notre industrie.

[27] *Correspondance*, t. XIX, стр. 575, № 15941.

[28] Нац. арх. F^{12} 549—550. *Mémoire sur un projet de traité de commerce avec le royaume de Naples:* ...mais ce qu'il y a singulier c'est que le tarif du 24 février 1810 fait encore und différence dans les droits d'entrée sur les draps provenant des fabriques de la Belgique comme si elles n'étaient pas françaises.

[29] Наполеон — Шампаньи. Paris, le 2 avril 1811. (*Correspondance*, t. XXII, стр. 8, № 17546).

[30] Нац. арх. F^{12} 549—550. Пачка № 4. Italie et Royaume de Naples. *Mémoire sur un projet de traité de commerce avec le Royaume de Naples.* Без подписи и без даты (во всяком случае не раньше второй половины 1810 г. и не позже конца 1811). Этот любопытный документ остался не известен Rambaud, хотя он касается эпохи не только Мюрата, но и Иосифа.

[31] Нац. арх. F^{12} 1612. Rome, le 6 novembre 1810. Префект Рима министру внутренних дел (*Commerce et manufactures,* мемуар, приложенный к письму.

[32] Нац. арх. F^{12} 1612. Paris, le 21 novembre 1811. Police générale. *Duc de Rovigo à S. E. le ministre de l'Intérieur:* Je pense donc que dans l'état de misère et d'agitation sourde ou se trouve la classe du peuple dans les anciens Etats Romains le gouvernement ne doit négliger aucun moyen de soutenir une manufacture qui peut assurer du travail et des ressources...

[33] Там же.

[34] Нац. арх. F^{12} 1612. Conseil général des fabriques et manufactures. *Extrait du procès-verbal de la séance du 25 janvier 1811.*

[35] Замечу однако, что, присоединив Рим и Церковную область, Наполеон воспретил оттуда вывозить шерсть куда бы то ни было, кроме Империи. Королевство Италийское очень от этого пострадало, особенно суконная промышленность на севере полуострова.

[36] Нац. арх. F^{12} 1612. Police générale. Paris, le 8 novembre 1810 (signé: duc de Rovigo): ...dans ces départements le produit des vers à soie a été presque nul.

[37] Нац. арх. AF. IV—1291. Séance du 17 septembre 1810.

[38] Нац. арх. AF. IV—1241, № 205. *Rapporto à Sua Maestà l'imperatore de francesi, re d'Italia* etc. Settembre 1810: Non si sa poi comprendere, come per favorire le fabbriche francesi si vogliano esenti dal nuovo dazio italiano le sete que dar regno sortono per la Francia... se Vostra Maestà vuol prediliggere la Francia sugli altri paesi, pare que basti lasciar le cose nello stato attuale ...etc.

[39] *Correspondance*, t. XXIII, стр. 167, № 18431. Note sur le blocus continental.

[40] Нац. арх. AF. IV—910. 28 février 1810. Наполеон — герцогу де Кадор (Шампаньи).

[41] Нац. арх. F[12] 620—621. a) Demandes faites par M. M. les députés du commerce du Royaume d'Italie. b) Paris, le 21 septembre 1810. Aldini министру внутренних дел графу Montalivet.

[42] Нац. арх. F[12] 620—621. a) Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi. b) Extrait du procès-verbal de la séance du 11 octobre 1810.— Conseil des fabriques et manufactures.

[43] Pecchio. *Saggio Storico* etc. (см. введение), 1826, стр. 38, приложение (prospetto sommario).

[44] Там же.

[45] Ср. цифры французского ввоза в Италию, приводимые Darmstädter'ом (цит. во введении статьи *Vierteljahrsschrift*, Bd. III, стр. 130):

В 1810 г. ...	63	миллионов	франков	(45% общего ввоза)
» 1811 г. ...	70,4	»	»	(55% » »)
» 1812 г. ...	75,5	»	»	(54% » »)
» 1813 г. ...	56,8	»	»	(54% » »)

К этим цифрам, конечно, тоже нужно относиться с величайшей осторожностью (особенно к процентным исчислениям). Из имеющихся у меня материалов, которые будут использованы для специального исследования об экономической жизни Италии в эпоху континентальной блокады, явствует, что определения «общего ввоза» в Италию, пожалуй, еще более фантастичны и произвольны, чем цифры, касающиеся именно имперского ввоза в Италию.

Глава XI

[1] Нац. арх. F[12] 549—550. *Résumé des articles provenant des manufactures du Duché de Berg.*

[2] Ср. статью Redlich'a (см. введение). *Beiträge zur Geschichte Niederrheins*, Bd. XVII, стр. 193.

[3] Нац. арх. F[12] 1561. Département de la Roer. *Etat des fabriques de tissus de coton du département de la Roer au 1 mai et au 1 novembre 1808.* Графа: Observations.

[4] Нац. арх. F[12] 1561. Colmar, le 29 avril 1809. *Le baron de l'Empire... préfet du dép. du Haut-Rhin à Son Excellence:* ...depuis quelques années les ateliers de tissage et de filature se sont multipliés avec une rapidité étonnante, une grande partie de l'industrie de la Suisse a passé sur le territoire de mon département. Il doit principalement cette prospérité à la prohibition des tissus étrangers.

[5] Нац. арх. F[12] 549—550. *Rapport à l'Empereur et Roi sur les fabriques du Grand-Duché de Berg.*

[6] Les fabriques qui pourraient combattre avec avantage cette opposition, préfèrent de retirer leur demande; elles le font par respect pour Votre Majesté, par dévouement au système de guerre qu'Elle a embrassé.

[7] Там же: ...le Grand Duché a des douanes comme la France, dirigées sur les mêmes principes, animées du même zèle...

[8] Нац. арх. AF. IV—1061. Grand Duché de Berg. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi,* du 22 août 1811 (подписано: Rœderer).

[9] Нац. арх. F[12] 549—550. *Rapport à l'Empereur et Roi sur les fabriques du Grand-Duché de Berg:* Or, que faudrait-il penser, quels seraient donc les vices secrets des fabriques françaises si elles ne pouvaient soutenir la concurrence de celles du Grand Duché, étant exemptes d'un charge de 10% dont celles-ci seraient grevées et étant dispensées des frais de transport?...

[10] Нац. арх. AF. IV—1061. Grand Duché de Berg. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi*, du 22 août 1811: Votre Majesté trouvera-t-elle que ce soit une témérité de demander pour indemnité de la libre entrée en France à la charge de dix pour cent de la valeur, leur *entre-ouvrir* (подчеркнуто в рукописи.— *Е. Т.*) la France à la condition onéreuse, les dédommagera-t-il du libre accès d'un pays contigu, ouvert sans restriction? Ce que demandent les fabriques ce n'est point d'acquérir un nouveau débouché s'est de récuperer celui qu'elles viennent de perdre. Elles sont loin de prétendre à la prospérité; elles ne s'occupent que de leur existence.

[11] Там же.

[12] Нац. арх. AF. IV—1061. Gr. Duché de Berg. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi*, du 22 août 1811: Enfin, Sire, il semble naturel de penser que les fabriques françaises qui se croient en droit de regarder comme étrangers deux états qui appartiennent à Votre Majesté, le Royaume d'Italie et le Grand Duché de Berg, ne doivent pas exercer sur les consommateurs de l'un et sur les fabriques de l'autre des rigueurs qu'elles ne pourraient solliciter sur les relations de deux états absolument étrangers. Certainement ce n'est pas parce que ces deux états sont comme la France sous Votre paternité, parce qu'ils la chérissent qu'ils doivent être plus mal traités que les autres états de l'Europe.

[13] Нац. арх. F[12] 1618. La Chambre de commerce à Son Excellence le ministre de l'Intérieur. Cologne, le 3 octobre 1810.

[14] Нац. арх. AF. IV—1061, № 107. Префект департамента Roer Наполеону (ноябрь 1811 г.).

[15] Нац. арх. F[12] 192А, 39 séance, du 5 avril 1811: Les commissions ont su apprécier l'intérêt tout particulier que devait inspirer cette population industrieuse, et cet intérêt même leur a fait désirer de pouvoir méditer à loisir, les convenances réciproques des nouvelles relations qui sont proposées, elles ont du craindre que dans l'état actuel de stagnation de nos manufactures, de nouveaux concurrents admis ne portassent le découragement à son comble...

[16] Там же.

[17] Нац. арх. F[12*] 194. 79 séance du 20 février 1812: ...si les fabriques françaises ne peuvent rivaliser sur leur propre foyer avec les fabriques du Grand Duché, à plus forte raison elles ne soutiendront pas leur concurrence dans les pays étrangers.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, ce 16 mai 1813, де Сюсси — Наполеону (№ 36).

[21] Нац. арх. F[12] 507 (33). *Requête présentée à Sa Majesté Louis XVIII, roi de France et de Navarre* (16 janvier 1815).

Глава XII

[1] Ср. A. Wohlwill. *Reinhard als französischer Gesandter in Hamburg... in den Jahren 1795—1797*, стр. 50.

[2] Берлинская Королевская Библиотека. S. p. 416. *Essai sur l'importance commerciale et politique des trois villes anséatiques...* par F. Saalfeld. Hamburg, 1810, стр. 128: Telles sont les villes anséatiques de Lubeck, de Hamburg et de Bremen... inséparables comme elles ont été jusqu'à présent... Unies entre elles par le souvenir des grandes actions à jamais mémorables de leurs ayeux... ces trois villes sont aujourd'hui encore plus puissamment liées entre elles par les mêmes intérêts. Régardées depuis des siècles dans la politique comme un seul corps, compris sous le même nom, le commerce en a fait un corps vraiment inséparable... toutes les trois n'existent pour ainsi dire que l'une par l'autre.

[3] Там же, стр. 82—83.

[4] Британский музей 8073 a. a. a. 9 (аноним). *Hamburg's Besetzung durch die Dänen* etc. [1801]: Hamburg war während des ganzen Revolutionskrieges der Franken eine der merkwürdigsten, wirkendsten und thätigsten Städte des Erdbodens... (и дальше, стр. 5): Die Lage des Krieges, besonders des wichtigen Bruches zwischen England und Frankreich öffnete den Hamburgern eine weite Fläche für ihren Spekulationsgeist und sie wussten ihn so glücklich zu benutzen, dass sie theils mit Frankreich in die Wichtigsten Handels — Negotiationen sich einliessen, theils auch England seine Bedürfnisse so reichlich mittheilten, dass diese Nationen oft eifersüchtig auf einander in Ansehnung dieser Handlesstadt wurden.

[5] Там же.

[6] Гамбургская торговая библиотека, J. 519. Büsch J. G. *Geschichtliche Beurtheilung der in der Handlung Hamburg's im Nachjahr 1799 entstandenen grossen Verwirrung*. Hamburg, in October 1799, стр. 15: Es ist gewiss, dass in den Jahren 1792 bis Ende 1797 manche Handlungshäuser zu einem Vermögen gelangten, von dessen geschwinder Erwerbung sonst nie ein Beispiel erhört war.

[7] Берлинская королевская библиотека. Sp. 1570. *Hamburgs bestes Glück nicht von Aussen.* Von einem Hamburger. Im Junius 1801, стр. 19: ...solange dieses von dem monarchischen Bürger zu Malmaison oder einem andern Flagellum Dei ganz cassiert ist.

[8] «*Freyer Handel immerdar!*» Hamburg, 1806, стр. 21.

[9] Гамбургский архив, Cl. I. Lit. Pb. Vol. 8d, fasc. 17, vol. 14. *Briefe von Colquhoun* (1806). Secret and confidential (см. приложения).

[10] Там же.

[11] Гамбургский гос. архив. A. 1. Lit. Pb. V 8, fasc. 17. *Acta, die Aufhebung der zweiten Elbblock. Howick-Thornton* (25 сентября 1806 г.); Thornton — сенату г. Гамбурга (4 октября 1806 г.), сенат — Торнтону (6 октября 1806 г.): C'est avec la plus vive joie que le sénat a appris... la détermination de Sa Majesté de faire lever le blocus des fleuves entre l'Elbe et l'Elms... Plus cette magnanime détermination aura des suites heureuses pour cette ville, plus elle augmentera la profonde vénération dont le sénat est pénetré envers Sa Majesté Britannique.

[12] Нац. арх. AF. IV—1060. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi,* 11 décembre 1806 (петиция Лионской торговой палаты).

[13] Гамбургский гос. архив, Cl. VII, Lit. Kc, № 8, Vz. Acta (1716—1813): Les soussignés négociants de la ville de Lyon s'empressent à certifier que la maison de MM. Magnus Lewin Samuel et C° de Hambourg entretient depuis un grand nombre d'années des relations suivies avec notre ville, qu'elle a constamment contribué par le commerce très étendu qu'elle fait en soieries de nos manufactures, à leur prospérité et que sous ce rapport elle à les droits les plus incontestables à la protection et à la bienveillance de notre gouvernement, dont nous implorons une sauvegarde en sa faveur. Lyon, le 14 novembre 1806. Gaillard, Brolemann, Michel, Terret, Bellada, Tardy, Mestrallet, Bouillet, Picquet, Guillot, Deschamps, Philipon, Reval, Mollière, Reverdy, Chappius, Napolus, Bissardon, Richambourg, Pagès, Malié, Razuret.— Le Maire de la ville de Lyon certifie les signatures apposées ci-dessus, à Lyon le 15 novembre 1806. M. Pernon. Le préfet du dép. du Rhône atteste la sincérité de la signature ci-dessus de M. Pernon. A Lyon, le 15 novembre 1806. Pour le préfet en tournée le secrétaire général de la préfecture. P. Laylier.

[14] Гамбургский гос. архив, Cl. I, Lit. Pb. Vol. 8-f., fasc. Gd. Publicandum Hamburg, den 27 November (1806): 1. Alle Bürger und Einwohner dieser Stadt müssen innerhalb acht und vierzig Stunden eine genaue Angabe aller Kolonialwaren machen, welche aus den englischen Kolonien kommen oder Engländern oder englischen Interthanen zugehören. 2. Alle Korrespondenz mit England hört gänzlich auf. 3. Kein Engländer darf nach

Hamburg kommen oder sich in Hamburg aufhalten. 4. Keine englische Post und kein englisches Felleisen darf nach Hamburg kommen oder durchgehen. 5. Kein Schiff, welches aus England kommt oder dort eingelaufen ist, soll in den Hafen zu Hamburg eingelassen werden.

[15] Hitzigrath (см. введение), стр. 28.

[16] Гамбургская торговая библиотека. J. 519—7. *Hamburg's jetzige merkantilische Lage und Wirkungskreis der Darlehen-Anstalten.* Deutschland, 1807, стр. 10 и др.

[17] Там же, стр. 13: ...bis gebietende Ursachen, die unseren Augen verborgen sind, die wir also auch überhaupt nicht beurteilen können, S-e Majestät Napoleon den Einzigen veranlassten, Hamburg militärisch besetzen zu lassen...

[18] Нац. арх. F[1] E. 57—60. *Sur le commerce des villes de Bremen, Lubeck et Hamburg:* Comme l'intention de S. M. l'Empereur et Roi est sans doute que ces villes ne cessent pas d'être utiles à la France et de germer au moins l'espérance de le redevenir dans la suite: comme d'un autre côté le système de guerre commerciale, adoptée contre l'Angleterre exclut pendant la durée de la guerre certaines branches de commerce, il s'agit de discuter les moyens, de combiner ces différents principes.

[19] Bourienne. *Mémoires,* t. IV, стр. 129—131.

[20] Гамбургский гос. архив. Cl. I. Lit. Pb. Vol. 8, fasc. 22a, Blatt 144. Confidentiel. *To the right hon. George Canning His Majesty's principal Secretary of State for the foreign department... the memorial of Patrick Colquhoun* (31 march 1807): ...the free and independent cities of Hamburg, Bremen and Lubeck from the opulence of their merchants and their extensive connection in every part of Europe have been enabled to promote the sale of colonial produce, East India's goods and british manufactures to the extent of nearly ten millions sterling annually, upon an average for the last twelve years in spite of every obstruction opposed to this trade by the common Enemy...

[21] Гамбургский гос. архив. Cl. I. Lit. Pb. Vol. 8, fasc. 22-a, Bl. 186 (петиция Каннингу). *To the right hon. George Canning:* ...the memorial of the undersignet merchants of London, trading to the north of Germany: ...stimulated also by the upright and noble conduct of the merchants of Hamburgh and Bremen, who not withstanding the severe interdictions of the french and even at the hazard of their lives and the loss of their whole property, have not only continued to make regular remittances to your memorialists in payement of their debts dues to these and many others in the country, but have also found means to cover great quantities of British property, which must have otherwise been confiscated (London, the 23 april 1807).

[22] Это можно подметить чуть не с самого начала занятия ганзейских городов французскими войсками (ср. корреспонденцию из Гамбурга в (*Journal de l'Empire,* 4 décembre 1806): ...nos spéculateurs ne forment plus qu'un vœu, c'est que les mêmes mesures soient adoptées par les gouvernements neutres qui nous avoisinent, car une interruption de commerce, n'est qu'un malheur très leger, mais un déplacement de commerce est un malheur réel.

[23] *Hamburgische Neue Zeitung* (текст на французском и немецком языках): (195 Stück, 3 December 1807; Extrait des minutes de la Secrétairerie d'État. Au palais de Fontainebleau, le 13 novembre, 1807, art. 3: Tous les bâtiments qui après avoir touché en Angleterre, par quelque motif que ce soit, arriveront à l'embouchure de l'Elbe et du Weser, seront saisis et confisqués, ainsi que les cargaisons sans exception, ni distinction de denrées et marchandises.

[24] Нац. арх. AF. IV—1241, № 345 (4 novembre 1810). Доклад Шампаньи — Наполеону.

Гамбургская торговая библиотека. J. 231. 1) Grohman J. C. *Hamburgs Schicksale unter Davoust und meine Auswanderung.* Gotha, 1814; 2) Krüger H. *Davoust's Gewaltthätigkeiten;* 3) *Warhafte und treue Darstellung der ... Schicksale und Leiden* etc. Bremen, 1814; 4) *Davoustiana oder Marshall Davoust's... Ungerechtigkeiten und Schandthaten;* 5) *Leben und Thaten des Tyrannen Davoust.* Teutschland 1814; 6) *Marschall Wuth.* Hamburg, 1814 и т. д.

[26] *Correspondance du maréchal Davout,* t. III. Paris, 1885, стр. 133. Даву — Фриану, 10 novembre 1810: ...il y a longtemps que les Anglais eussent été forcés à la paix si tous les agens qui été chargés de mettre en exécution les ordres de notre souverain eussent été fidèles.

[27] Depuis Cromwell les Anglais se sont fait un jeu de ruiner notre commerce maritime... Il faut profiter de notre puissance sur le continent pour user de represailles; il n'y a que ce moyen de les faire renoncer à jamais à leurs injustices maritimes.

[28] Гамбургская торговая библиотека: J. 231. *Leben und Thaten des Tyrannen Davoust.* Teutschland, 1814, стр. 50: Wie er vorher jedem teutschen Gedanken aufgepasst hatte, so lauerte er jetzt den englischen Kaffe— und Zuckersäcken auf, und ein Stück Kalmuck, Battist oder eine englische Hosenschnalle machten so verdächtig als die Lesung teutscher Journale.

[29] Нац. арх. AF. IV—1242. 27-e conseil du commerce et des manufactures (протокол заседания 17 декабря 1810 г.): Le ministre des relations extérieures écrira en même temps au prince d'Ecmuhl pour exprimer le mécontentement que Sa Majesté a éprouvé lorsqu'elle a vu que le général Compans... s'est laissé abuser au point d'adopter des mesures si contraires aux intérêts de Sa Majesté.

[30] Гамбургская торговая библиотека. H. 519. Manuscript. Ansichten des Continentalkrieges gegen England.— Ansichten des Decrets von 2 October 1810: Die Confiscierung des Eigenthums des Einzelnen scheint mir nicht, auch ist es gewiss nicht die Willens-Meinung Kaisers Napoleon; oft ist von dem französischen Gouvernement erwähnt, es respectiere das Eigenthum...

[31] Нац. арх. AF. IV—1061. 12 novembre 1810. *Saisies de marchandises anglaises et de denrées coloniales.* Note pour Sa Majesté.

[32] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 19 novembre 1810. Монталиве — Наполеону.

[33] См. выше.

[34] Нац. арх. F[12] * 192-A. 36 séance, du 18 mars 1811.

[35] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 18 mars 1811. *Rapport à Sa Majestè l'Empereur et Roi* etc.

[36] Нац. арх. AF. IV—1241. Paris, le 17 juillet 1810 (№ 73—74).

[37] См. выше.

[38] Нац. арх. F[1] E. 57—60. Procès-verbal de la 7 séance (приложение 10): Sur une correspondance innocente avec l'Angleterre à l'éffet de pouvoir liquider ses comptes et en retirer les capitaux: les rapports commerciaux avec l'Angleterre avaient été si inopinément interrompues dans les trois départements anséatiques qu'à l'époque de la réunion bien des affaires n'avaient pas encore été liquidées et n'avaient pu l'être... L'incertitude sur l'admissibilité d'une correspondance, innocente, cependant est tellement grande, que la crainte d'agir contre la volonté du Souverain a retenu bien des personnes à se hazarder... etc.

[39] Ср. *Annual Register,* 1811 (vol. 53, Chronicle, 45): «A number of respectable merchants at Hamburg have been imprisoned for no other reason than their having had letters addressed to them from England». Дальше идет выдержка из письма одного гамбургского купца: «...many of your intimate friends are now in prison, for which they are indebted to the merchants of London, who continue to correspond with them against their wishes and advice».

[40] Нац. арх. F[1] E. 57—60. *Compte-rendu des opérations de la commission des députés* etc.: La commission s'en rapporte à la haute sagesse et à la bienveillance de Votre Majesté. Elle suppose d'ailleurs que les faveurs qu'elle sollicite seraient accompagnées de conditions tendant à préserver de tout atteinte le système continental». См. там же и протоколы заседаний (ср. особенно пачку 5-me séance, pièce № 7. Conservation d'un transit).

[41] Нац. арх. F[1] E. 57—60. 5-e séance (протоколы pièce № 7): ...ils ne peuvent en même temps garder le silence sur la grossièreté avec laquelle les préposés se conduisent souvent en fouillant même des personnes du sexe. Les dames les plus distinguées par leur éducation et par leur rang ne sont point exemptes d'entrer dans les corps de garde des douanes. Elles y sont fouillées, à la vérité par des femmes, mais en présence des employés et avec des circonstances aussi humiliantes que contraires aux bonnes mœurs...

[42] Берлинская Королевская библиотека. Sp. 1635. *The Year of liberation. A journal of the defence of Hamburgh,* vol. I, стр. 280—297.

[43] Гамбургская торговая библиотека. J. 231. *Hamburgs Schicksale unter Davoust und meine Auswanderung.* Gotha, 1814, стр. 45: «Die Russen, die Befreier kommen!», so erscholl es von Tage zu Tage.

[44] Нац. арх. F[12] 507. Paris, le 12 février 1813. *Aux préfets des départements... Ems Supérieur, Bouches du Weser, Bouches de l'Elbe:* ...je crois devoir vous prévenir... que rien n'est changé au système continental, ni dans les relations avec l'Angleterre. Les lois de prohibition et les mesures relatives à ce système doivent en conséquence continuer à être exécutés avec la même vigueur. Je vous engage à tenir la main avec la plus grande exactitude.

[45] Нац. арх. AF. IV—1062. Hamburg, le 27 février 1813. Le directeur des douanes (доклад министру торговли).

[46] Нац. арх. AF. IV—1062. Brême, le 4 mars 1813. *Le préfet du département des Bouches du Weser à Son Excellence M. le comte Lauriston:* Déjà la fraude marche la tête levée tout le long des côtes. Les magasins se remplissent de contrebande. Les navires fraudeurs quittent impunément nos côtes et nos ports, se jettent au milieu de nos ennemis...

[47] Нац. арх. AF. IV—1062. Brême, le 29 mars 1813. Le directeur des douanes (министру торговли де Сюсси). Подписано: Bonnet.

[48] Commandant B a z e r i e s. *Les chiffres de Napoléon pendant la compagne de 1813.*— 23—28; Valdheim, le 7 mai 1813. A Monsieur le maréchal prince d'Eckmuhl: N'oubliez pas surtout les maisons de Hambourg qui se sont mal comportées et dont les intentions sont mauvaises. Il faut déplacer les propriétés, sans quoi on ne serait jamais sûr de ce pays.

[49] Гамбургский гос. архив. Cl. VII, Lit. Kc, № 8, v. 3, Lyon, le 25 juin 1813. Les soussignés négociants de la ville de Lyon etc.; там же доклад Самуэля.

[50] Ср. Baron d'A v o u t. *La défense de Hambourg en 1813—1814,* стр. 29.

[51] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 3 septembre 1813. *Rapport à Sa Majesté* (подписано: de Sussy).

[52] Британский музей. 8133 f. 2. *Considerations on the relative state of Great Britain in May 1813.* London. Printed for J. Hatchard. 1813.

Глава XIII

[1] Нац. арх. AF. IV—1241. 16 juillet 1810. *Note relative aux déclarations à exiger.*

[2] Вот показание современника: Auf allen Handels-Plätzen des Kontinents wimmelte es damals von Spekulanten, welche alle Kolonialwaaren aufgekauft und die Preise derselben auf eine unerhörte Höhe getrieben haben, in der unbezweifelten Voraussetzung, dass dies die Reste der Artikeln wären, die der eurapäischen Kultur zum Bedürfniss geworden sind...

Und doch, wir kurz hat dieser Wahn gedauert! Nicht einmal so lange, bis der Mangel wirklich eingetreten wäre... (Берлинская королевская библиотека. Sb. 8828. Wayna. *Bemerkungen über einen Vorschlag Oesterreichs See-Handel betreffend.* Leipzig, 1816, стр. 12).

[3] Берлинская королевская библиотека. *Flugschr.,* 1813, № 16. *Ein Wort zu rechter Zeit eines Oesterreichers...* стр. 5: Geht in das nördliche Deutschland, nach Holland, nach Italien. Fragt einmahl nach den Mauthgesetzen! Denkt... wenn ihr einer Untersuchung eines Heeres von Mauthbedienten unterwerfen müsstet die zur Aufrechthaltung des Continentalsystems den Krieg mit England in den Taschen der Bürger führen.

[4] Ср. Hallwich H., *Firma Franz Leitenberger.* Prag, 1893, стр. 102—103.

[5] Там же, стр. 107.

[6] Нац. арх. AF. IV—1060, № 147. 4 octobre 1809: ...la dépréciation du papier de Banque de Vienne effraye les calculs de nos négociants; ils éprouvent pour l'Autriche la même répugnance que pour la Russie où le rouble est considérablement avili.

[7] Там же: ...pour nos draps, la perfection des laines de l'Autriche et l'amélioration des manufactures de ce pays...

[8] Randel A. F. *Annalen der Staatskräfte von Europa... in tabellarischen Uebersichten. Berlin,* 1792—1805.

[9] Mamroth (см. введение), стр. 4, 20 и др.

[10] Ср. таблицу у Mamroth'а, стр. 323.

[11] Ср. таблицу у Mamroth'а, стр. 332.

[12] Нац. арх. AF. IV—1060, pièce № 81. Paris, le 5 août 1807. *Rapport à Sa Májesté l'Empereur et Roi:* «...nos draps pourront y obtenir chaque jour un débouché plus étendu, nos tissus de coton pourront bientôt y pénétrer». И раньше: «...les intérêts commerciaux de la France et de l'Allemagne ne sont presque opposés sur aucun point».

[13] Там же: Le mélange et l'extrême division des territoires ne permettaient guère jusqu'à ce jour aux petits états de l'Allemagne de se créer un système des douanes semblable á celui des grandes puissances. Il importe à pourvoir à ce qu'aujourd'hui ces états arrondis, étendus ne s'enveloppent pas d'une ligne de douanes qui sous prétexte de protéger leur propre commerce repoussent le nôtre.

[14] Там же.

[15] Там же: La jouissance de ce libre passage au travers des états de la confédération du Rhin est pour le commerce français d'une haute importance... dans les temps même où les communications maritimes n'étaient pas gênées; les étoffes de Lyon, les modes de Paris, en général tous les objets de luxe et de prix se dirigeaient par terre au travers de l'Allemagne pour la destination de la Pologne et de la Russie... La Prusse seule en gênant leur passage les forçait de prendre la mer... Aujourd'hui que la France ne peut plus faire usage de la voie de mer, notre commerce avec la Pologne et la Russie court les risques d'être anéanti, s'il était au pouvoir des états d'Allemagne d'entraver le transit par les douanes et les péages.

[16] Нац. арх. AF. IV—1242, № 456 (Шампаньи, герцог де Кадор Наполеону).

[17] Там же. *Rapport à Sa Majesté* etc., Paris, le 6 mai 1811.

[18] Резолюция Наполеона помечена: Saint-Cloud, le mai 1811. Число не указано. Резолюция — на полях доклада Монталиве (см. предыдущее примечание).

[19] Нац. арх. F[12] 501. *A Monsieur Degerando, secrétaire général du ministre de l'Intérieur* (10 pluviôse, an XIII): Par quelle fatalité faut-il que Francfort étrangère au traité de navigation..., étrangère à la France dont elle ne pouvait rien réclamer et dont elle s'est montrée presque constamment l'ennemie déclarée... etc.

[20] Нац. арх. F[12] 506. *Pour M. de Gerando*. 8 septembre 1807: Les affaires du commerce sont en général dans une très grande stagnation et l'on n'a point encore senti les heureux effets que l'on espérait de la paix continentale. L'état de misère des peuples qui nous entourent ne leur permet pas de reprendre avec nous des rapports suivis et de faire dans nos manufactures des commandes un peu importantes — aussi il n'y a que celles formées sur les objets de première nécessité qui travaillent avec activité.

[21] Архив Лионской торговой палаты, 22, заседание 13 ноября 1806 г.

[22] Ср. Aubry. *Le ravitaillement des armées de Frédéric le Grand et de Napoléon*. Paris, 1894, стр. 40—41.

[23] Вот как дипломатично выражена эта рискованная по тому времени мысль: La ville de Leipzig, quoique soumise à la souveraineté de l'Electeur de Saxe, jouit de privilèges qui lui sont propres et est régie par de fort bons règlements municipaux, et c'est à la précieuse sécurité qui résulte de cet avantage autant et plus qu'au génie commerçant de ses habitants et à sa position géographique, qu'elle doit la grande et non interrompue fréquentation de ses deux foires annuelles... Il serait donc très important pour le commerce de France... que cette combinaison d'intérêts commerciaux ne reçut point d'atteinte par des modifications que Vos victoires pourront apporter à l'organisation de l'Allemagne et particulièrement au mode d'existence de Leipzig, afin que sous le sceau de Votre puissance et de Votre protection cette ville libre puisse continuer à ce livrer à un commerce etc. Нац. арх. AF. IV—1060. Lyon, le 13 novembre 1806. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi* (петиция Лионской торговой палаты).

[24] Gras. *Histoire de la Chambre consultative des arts et manufactures de Saint-Etienne*, стр. 25.

[25] Нац. арх. AF. IV—1060. Доклад Шампаньи Наполеону, 12 декабря 1806 г.: ...ils implorent la clémence de Votre Majesté en faveur de ces places qui fournissent des débouchés avantageux à nos vins et à nos eaux-de-vie.

[26] Нац. арх. AF. IV—1060. Genève, le 10 novembre 1806.

[27] Нац. арх. AF. IV—1061, № 91. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur sur la mission qu'il m'avait confiée pour les foires de Francfort et de Leipzig de Septembre et Octobre 1810:* Foire de Leipzig. Un théâtre plus vaste s'ouvre ici à toutes les spéculations commerciales; et cette foire peut être regardée comme le grand marché du nord de l'Europe, surtout pour les objets manufacturés. C'est là que viennent s'approvisionner de tous les produits de ce genre que leur industrie ne sait pas créer ou dont leur climat refuse les éléments, les Allemands du centre de l'Allemagne et des bords de la Baltique, les Russes, les Polonais et même les Grecs des provinces qui bordent le Danube...

[28] Нац. арх. F[12] 535. Brunswick, le 9 août 1811. Доклад Ленуара.

[29] Там же.

[30] Нац. арх. F[12] 534. *De l'établissement d'une compagnie du Nord* (19 février 1808): ...il n'est pas inutile de remarquer ici combien dans ces derniers temps, le commerce a eu de tendance à devenir direct. Nous avons vu en effet toutes les foires du Nord et du Midi, si fameuses autrefois, se reduire presque à rien, par la marche directe que le commerce a prise. Leipzig seul s'est soutenu et il ne l'a du qu'à la guerre. On peut prédire qu'au bout de quelques années de la paix continentale, sa foire sera déserte comme les autres.

[31] Reyer C. *Ansichten*... Dresden, 1811, стр. 131 (Берлинская королевская библиотека. Sk. 9790): Dorthinaus, nicht nach Frankreich wünscht es den Vertrieb unserer Manufakturen und Fabrikate eingeleitet zu sehen. Es öffnet uns die Ostsee...

[32] Ср. инструкцию одному такому соглядатаю Lenoir'у, отправленному летом 1811 г. в Брауншвейг, Франкфурт и Лейпциг (Нац. арх. F[12]

535, 4. Paris, le 31 juillet 1811. *Instruction pour M. Lenoir;* ср. (в том же картоне) инструкцию министра внутренних дел агенту, посылаемому в Швейцарию (Catineau Laroche и др.).

[33] Нац. арх. F[12] 622 (№ 11). Paris, le 21 mars 1810. *Rapport présenté au ministre de l'Intérieur* (подписанно: Costaz).

[34] Там же, в той же пачке (№ 11). *Mission de M. de Serres en Allemagne.*

[35] Там же: ...elles ont disparu, comme un éclair, dès la première semaine...

[36] Нац. арх. F[12] 507. *Apperçu de la foire de Francfort.* Du mois de septembre 1807: Les fabricants, les marchands en gros et en général la classe industrieuse a cueilli les premiers fruits de la paix continentale; ils ont déjà l'heureux résultat des entraves mises à l'introduction et à la circulation des productions de l'industrie anglaise...

[37] Там же.

[38] Там же: Les cotonnades fabriquées en Suisse avec les fils anglais ont eu la plus grands vogue ...etc.

[39] Нац. арх. AF. IV—1061. *Réponse du Conseil Général de Commerce aux observations faites par Sa Majesté 12 novembre 1810:* ...il est digne de l'attention de Sa Majesté de considérer qu'il est essentiellement dans la nature du commerce de calculer sur l'état des choses, du moment où il conçoit ses spéculations, que souvent il ne peut prévoir les révolutions que la politique des Souverains peut produire sur le mouvement commercial... Francfort, Leipsick, Hambourg étaient — il n'y a guère — d'opulentes places de commerce... des relations multipliées avec la France en résultaient... Rien ne pouvoit faire pressentir la situation actuelle de ces places étrangères... et cependant les mesures que y sont déployées, ménacent leur existence commerciale et par conséquent portent aussi sur le commerce français.

[40] Нац. арх. F[12] 509—510. *Bulletin de Francfort du 30 avril 1810.*

[41] Нац. арх. F[12] 616—617. *Renseignements venus de la Suisse sous la date du 7 juillet 1810.*

[42] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur* etc. Сентябрь и октябрь 1810 г.: C'est là une véritable guerre qui menace d'une grande décadence le commerce anglais parce qu'elle assurera son exclusion absolue du continent, lors même que les mesures prohibitives auraient cessé.

[43] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à son Excellence le ministre de l'Intérieuer.* Сентябрь и октябрь 1810 г.: ...On ne saurait ne pas regretter de voir arrêter ce mouvement général d'industrie manufacturière qui s'est manifesté dans toute l'Allemagne et dont les résultats devaient être si funestes à nos ennemis.

[44] Там же: ...mais je ne saurais trop le redire; on n'aura rien fait, on aura même nui aux ventes si avantageuses pour la France, qui se font de nos étoffes aux foires de Leipsick si on ne s'assure pas que les marchandises anglaises n'arriveront pas sur le territoire russe, où les acheteurs polonais et grecs se seraient bientôt dirigés.

[45] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur sur la mission qu'il m'avait confiée pour les foires de Francfort et de Leipzig de septembre et octobre 1810.*

[46] Там же.

[47] Нац. арх. F[12] 616—617. Renseignements etc. 1810. Principautés de Salm-Salm et de Salm-Kirbourg. Графа: Concurrence.

[48] Bein (см. введение), t. II, стр. 209.

[49] Там же, t. II, стр. 208.

[50] Ср. любопытную статью Paul Markus. *Meissen während der Napoleonischen Kriege, Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Meissen,* Bd. III, 1894, стр. 182.

[51] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Son Excellence sur la mission qu'il m'avait confiée pour les foires de Francfort et de Leipzig de septembre et octobre 1810.*

[52] Архив департамента Устьев Роны. М. 14—2. *Mémoire sur les raffineries de souffre* (1811).

[53] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur sur la mission qu'il m'avait confiée pour les foires de Francfort et de Leipzig de septembre et octobre 1810.*

[54] Там же.

[55] Не просто сильными, а именно победоносными: ...elle (la bijouterie française.— *E. T.*) échoue contre la bijouterie de Neufchatel, Pfortzheim etc.

[56] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Son Excellence* etc. Сентябрь и октябрь 1810 г.

[57] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur sur la mission qu'il m'avait confiée* etc. Сентябрь и октябрь 1810 г.: ...les Anglais ne livrent rien sans avoir été payés d'avance, de sorte que tous les malheurs que ce commerce éprouve aujourd'hui frappent d'abord sur les négociants du continent.

[58] Нац. арх. AF. IV—1318, № 62. Докладная записка chambre consultative Сен-Кантена министру внутренних дел (7 мая 1810 г.).

[59] Там же.

[60] Нац. арх. AF. IV—1242. Paris, le 21 janvier 1811. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (министра внутренних дел Montalivet).

[61] Нац. арх. AF. IV—1242. Séance du 4 mars 1811 (совет по управлению торговли и мануфактур).

[62] Ср. Darmstädter. *Das Grossherzogtum Frankfurt.* Frankfurt a/M., 1911, стр. 314—315.

[63] Нац. арх. AF. IV—1318. Francfort, le 16 février 1811. *A Son Excellence le duc de Cadore* (от Bacher): Il était bien permis, Monseigneur, aux cinq militaires qui composent la majorité de la commission... de ne pas avoir l'habitude des affaires de commerce et de n'être pas exercé aux rubriques entortillés de comptabilité mercantile... et dès lors il ne faut pas s'étonner s'il y a souvent eu des longueurs, de l'incertitude et quelquefois de la confusion dans les opérations.

[64] Там же: ...il a été comprimé et reduit au silence... il n'a jamais osé émettre son opinion... etc.

[65] Наполеон — Шампаньи. Fontainebleau, le 4 novembre 1810. *Correspondance,* t. XXI, стр. 251—252, № 17098.

[66] Ср. Нац. арх. AF. IV—1242. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi.* Paris, le 9 décembre 1810 (доклад главного директора таможен де Сюсси).

[67] Наполеон — Шампаньи. Paris, le 25 mars 1811. (*Correspondance,* t. XXI, стр. 510, № 17517): ...l'indépendance de Mecklenbourg est entre les mains du duc; que les *mezzo termine* et les protestations ne peuvent pas me tromper... s'est donc au duc à organiser ses douanes et à prendre des mesures pour réussir; s'il réussit, il restera indépendant, s'il ne réussit pas, je me chargerai du soin de garder son pays et je le réunirai... je ne suis obligé à aucun ménagement envers personne, puisque les Anglais n'en ont sur mer avec qui que ce soit.

[68] Там же.

[69] Нац. арх. F^{12} 535. *Copie par extrait d'une note transmise par M. le duc de Bassano* etc. Там же об этом письме записка Montalivet (15 avril 1811).

[70] Нац. арх. F^{12} 535. Brunswick, le 9 août 1811. Доклад Лепуара.

[71] Нац. арх. F^{12} 535. Francfort, le 25 septembre 1811. Доклад Лепуара графу Maret: On n'aime pas trop les Français, mais on hait cordialement les Russes et il semble qu'on ne serait pas fâché de voir entamer une guerre

dont le théâtre serait si loin et dont le résultat serait d'assurer pour longtemps le repos de l'Europe continentale.

[72] Показание *Commerzdeputation.*— Hasse (см. во введении), стр. 423.

Глава XIV

[1] Нац. арх. AF. IV—910. *Ordres, lettres et copies de lettres de l'Empereur.* An VIII—1800. № 21. Paris, 7 thermidor, an VIII. Кончается письмо так: «Le citoyen Talleyrand sent qu'il faut que rien de tout cela ne soit dit officiellement, mais très confidentiellement». Подписано: B.

[2] Голландский Гос. архив. Консульские донесения, Frankryk XXIV (Gregorie — комиссар батавской республики — Фан дер Глаасу, 2 августа 1800 г.: ...il est clair qu'Anvers doit devenir un marché très général sous peu... et écraser Amsterdam et Rotterdam. Obtenir que l'Escaut soit fermé... est pour ainsi dire la chose impossible, mais on arrive au même but en faisant supprimer l'entrepôt et le transit à Anvers...

[3] Вот характерное начало одного обращения Антверпенской торговой палаты к министру внутренних дел: ...l'Angleterre s'approprie le commerce par la force et la Hollande par la ruse, la France doit avoir constamment l'œil ouvert sur les entreprises de l'une et sur les artifices de l'autre etc. Нац. арх. F[12] 619. Anvers, le 22 ventôse, an X (1802).

[4] Нац. арх. F[12] 619. *Mémoire de la Chambre de commerce d'Anvers* (renvoyé par le Premier Consul au ministre de l'Intérieur le 1 thermidor).

[5] Нац. арх. F[12] 619. Anvers, le 3 floréal, an XI (1803). *Les membres composant la Chambre de commerce d'Anvers au Ministre de l'Intérieur:* ...elle (la ville d'Anvers.— *E. T.*) aussi a lutté contre la concurrence hollandaise, et comme nous avons souvent eu l'honneur de vous l'exposer dans diverses lettres et mémoires, nous ne pourrons jamais la vaincre, si les consommateurs étrangers trouvent à se fournir en Hollande des marchandises qu'il nous est défendu de leur vendre...

[6] Наполеон — Талейрану. Milan, le 30 floréal, an XIII (20 mai 1805). *Correspondance,* t. X, стр. 530, № 8764.

[7] Архив Гаагской королевской библиотеки, 132. D. 39. La Haye, le 15 février 1806. *Le Grand Pensionnaire à Monsieur le vice-admiral Verhueell, ministre de la marine:* ...quant aux avantages pour le commerce, il serait deplacé de s'en promettre aucune espèce de perfection aussi longtemps que le système fiscal et notions sur les vrais intérêts du commerce pour la France, que dirigent à cet égard l'Empereur, restent tels qu'ils sont.

[8] *Le mémorial de Sainte-Hélène,* t. II, стр. 621: La Hollande, sans productions, sans manufactures, n'ayant qu'un commerce d'entrepôt et de commission ne devait connaître ni entrâves, ni barrière.

[9] Там же: La France au contraire, riche en productions, en industrie de toute sorte devait sans cesse être en garde contre les importations d'une rivale qui lui demeurait encore supérieure...

[10] *Lettres inédites,* t. I, стр. 82—83. Наполеон — Людовику, Posen, le 15 décembre 1806.

[11] Там же, стр. 127. Наполеон — Людовику, Milan, le 25 novembre 1807.

[12] *Documents historiques et réflexions sur le gouvernement de la Hollande,* t. I, par Louis Bonaparte, ex-roi de Hollande. Paris, 1820, стр. 195.

[13] Там же, t. II, стр. 188—189: Le tableau de l'Europe était fort singulier à cette époque: les deux partis s'acharnaient à l'envi contre l'industrie, la moralité et l'existence des peuples et des individus. Comme tout spectateur impartial devait sourire de pitié au spectacle de ces jeux cruels et sanglants et de cette rivalité dans le mal! Tous les principes foulés aux pieds, les sentiments de la nature oubliés, une fureur aveugle et animale semblait seule animer les deux partis.

[14] Chad G. W. *A narrative of the late revolution in Holland.* London,

1814, стр. 33: ...it is difficult, if not impossible to calculate the extent of the evils thus inflicted upon Holland.

[15] Там же.

[16] Нац. арх. F[12] 534. Paris, le 10 septembre, 1806. *Rapport du ministre de l'Intérieur à Sa Majesté Impériale:* Depuis que les manufactures de la Hollande sont déchues de leur ancienne splendeur et que l'industrie de ce pays, c'est dirigé presqu'exclusivement sur le commerce maritime, la Hollande n'a plus à redouter l'introduction de nos objets fabriqués.

[17] Нац. арх. AF. IV—1801. *Du Commerce des Hollandais* (22 septembre 1806).

[18] Нац. арх. AF. IV—1801. Archives du cabinet de l'ex-roi de Hollande Louis Bonaparte. *Mémoire sur les rélations manufacturières du Royaume de Hollande:* Le premier... est sans contredit l'empire de Russie... débit, cependant qui a presqu'entièrement été aboli par le changement de costume de la nation entière opéré par l'Empereur Pierre I que changeant l'habillement de parade de Russes, toujours jusque là des étoffes de soie en des habits courts et des draps...

[19] Наполеон — Шампаньи. Paris, le 24 août 1807. *Correspondance,* t. XV, стр. 177, № 13065.

[20] Нац. арх. F[12] 1614. Gand, le 5 septembre 1807. Département de l'Escaut (префект — министру внутренних дел). Там же: Bureau Consultatif, Séance du 19 septembre 1807.

[21] Там же (префект — министру): Eh bien, Monseigneur, tout négociant de Gand qui veut écrire en Angleterre, envoye la correspondance à Rotterdam, d'où chaque jour, à la connaissance de tout le monde aussi publiquement, qu'en temps de paix, il part régulièrement des barques et même des navires considérables pour l'Angleterre...

[22] Наполеон — Людовику-Наполеону, королю Голландии. Fontainebleau, le 29 septembre 1807. *Correspondance,* t. XVI, стр. 57, № 13196: On n'est point roi quand on ne sait pas se faire obéir chez soi.

[23] Наполеон — Годену, министру финансов. Fontainebleau, le 3 octobre 1807. *Correspondance,* t. XVI, стр. 63, № 13209.

[24] Наполеон — Людовику-Наполеону. Fontainebleau, le 9 octobre 1807. Там же, стр. 78, № 13234.

[25] Наполеон — Шампаньи. Fontainebleau, le 9 octobre 1807. Там же, стр. 76, № 13230.

[26] Décision, Fontainebleau, le 11 novembre 1807. Там же, стр. 155, № 13347.

[27] Нац. арх. AF (№ 125). *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi,* le 27 avril 1808 (подписано: Cretet): Je pourrais ajouter que l'intérêt de l'argent et l'abondance des capitaux fournissent aux Hollandais un moyen de multiplier plus facilement leurs expéditions... etc.

[28] Нац. арх. F[12] 507: Le fait de la décadence des manufactures du royaume est constant, et il est vraisemblable que la défense dont on se plaint peut être regardée comme une des causes qui l'ont accélérée, mais je ne puis pas également penser que cette prohibition ne soit pas un avantage pour nos manufactures par cela même qu'elle nuit aux manufactures étrangères et laisse ainsi les nôtres sans concurrence. (Renvoyé à monsieur Champagny, ministre de l'Intérieur, par ordre de l'Empereur. Osterode, le 30 mars 1807. Бумага препровождена была раньше из Гааги Талейрану 5 марта 1807 г.).

[29] Нац. арх. AF. IV—910. 9 octobre 1807. Наполеон — Шампаньи.

[30] Вот главные пункты: II. L'arrivée dans nos ports est défendue à tous vaisseaux quels qu'ils soient chargés d'autres marchandises que de celles qui ne peuvent être fournies par l'Angleterre, comme bois de construction, mâts et autres productions du Nord. III. Tous bâtiments chargés en tout ou en partie de denrées et marchandises coloniales qu'on peut

supposer venir de l'Angleterre, seront arrêtés à leur entrée dans nos ports...

[31] Наполеон — Шампаньи, министру иностранных дел. Paris, le 13 janvier 1808. *Correspondance*, t. XVI, стр. 248, № 13454.

[32] Наполеон — Шампаньи, министру иностранных дел. Paris, le 2 février 1808. Там же, стр. 301, № 13516.

[33] Наполеон — Людовику. Château de Marrac, le 3 avril 1808. Там же, стр. 473, № 13718.

[34] Наполеон — Людовику. Château de Marrac, de 3 avril 1808. Там же.

[35] Наполеон — Людовику. Erfurt, le 12 octobre 1808. *Correspondance*. t. XVII, стр. 548, № 14374.

[36] Нац. арх. F[12] 619. *Relations extérieures de commerce. Douanes impériales:* La décision Impériale du 17 juillet s'oppose à l'introduction de toutes productions coloniales venant de la Hollande par quelques voies qu'elles aient été importées en ce pays, de quelques actes qu'elles soient accompagnées...

[37] *Lettres inédites*, t. I, стр. 325—326. Наполеон — Годену (Schoenbrunn, le 17 juillet 1809); Наполеон — Людовику (Schoenbrunn, le 17 juillet 1809).

[38] Там же, стр. 365. Наполеон — Людовику. Schoenbrunn, le 21 septembre 1809: ...vous savez bien que tout ce que vous faites est contre mon opinion... Je regrette toujours de vous avoir donné un royaume, où vous n'avez profité du palladium de mon nom que pour être utile à nos ennemis et faire tout le mal possible au système et à la France.

[39] Нац. арх. F[12] 622 (Paris, le 22 décembre 1809), № 3: ...plus on réfléchit, plus on se convaincra que le commerce de contrebande est pour la France un fléau plus funeste que la peste.

[40] *Lettres inédites*, t. I, стр. 374. Наполеон — Шампаньи, novembre 1809 (числа нет).

[41] Людовик — Наполеону. Trianon, le 17 décembre 1809 (изд. Rocquain. Paris, 1875, указ. во введении), стр. 227.

[42] Наполеон — Людовику. 21 décembre 1809 (изд. Rocquain), стр. 229: Votre Majesté en montant sur le trône de Hollande a oublié qu'elle était française... et a même tendu tous les ressorts de sa raison, tourmenté la delicatesse de sa conscience pour se persuader qu'elle était hollandaise... Votre Majesté a fait plus; elle a profité du moment où j'avais des embarras sur le continent pour laisser renouer les relations de la Hollande avec l'Angleterre, violer les lois du blocus, seul moyen de nuire efficacement à cette puissance.

[43] Наполеон — Шампаньи, герцогу де Кадору. Paris, le 6 janvier 1810: ...dites-lui que je ne puis laisser cette nation l'auxiliaire de l'Angleterre... insistez sur la nécessité de recourir à toute la puissance que Dieu m'a donnée pour faire du mal à l'Angleterre et pour nuire à son commerce dans l'alliance qu'il a contractée avec le commerce de Hollande (*Correspondance*, t. XX, стр. 101—102, № 16113).

[44] Наполеон — Шампаньи, герцогу де Кадору. Paris, le 12 janvier 1810 (*Correspondance*, t. XX, стр. 121, № 16133): ...et que, si l'Angleterre voulait éviter la confusion de la Hollande, elle pourrait le faire en entamant les négociantions et faisant une démarche quelconque...

[45] Наполеон — генералу Кларку. Paris, le 18 janvier 1810 (*Correspondance*, t. XX, стр. 130, № 16145).

[46] Наполеон — Шампаньи. Там же, стр. 132.

[47] Голландский гос. арх. Frankryk, XXVII. *Champagny duc de Cadore à Son Excellence M. le Baron de Roëll, ministre des affaires étrangères de Sa Majesté le roi de Hollande:* Sa Majesté Impériale se propose de rappeler auprès d'Elle le prince de son sang qu'elle a placé sur le trône de Hollande. Le premier devoir d'un prince français, placé dans la ligne de l'hérédité du

trône Impérial est envers ce trône. Quand ils sont en opposition avec celui-là, tous les autres doivent se taire.— Фраза построена запутанно, но мысль вполне ясна. Людовик должен понять, что если интерес Голландии сталкивается с интересами Франции, то он, Людовик, должен помнить, что он прежде всего французский принц, а потом уже голландский король.

[48] Там же: ...pour faire rentrer la Hollande dans le système du continent et pour arracher définitivement ses ports et ces côtes à l'administration qui a rendu les ports de la Hollande les principaux entrepôts et la plupart des négociants hollandais les fauteurs et les agents du commerce de l'Angleterre...

[49] Там же (другой экземпляр того же документа — в Нац. арх. F[12] 619): Le succès de ces grandes mesures dépendait surtout de leur exécution en Hollande. La Hollande y mit au contraire un obstacle: elle a continué à faire le commerce avec l'Angleterre.

[50] Там же: Sans armée, sans douanes, on pourrait presque dire sans amis et alliés, les Hollandais sont une réunion de commerçants uniquement animés par l'intérêt de leur commerce et forment une riche, utile et respectable compagnie, mais non une nation.

[51] Вот как писал французский министр иностранных дел голландскому: Mais cette exécution même que obligeait de fermer les ports de la Hollande au commerce anglais blessait les intérêts mercantiles du peuple hollandais et contrariait ses anciennes habitudes. Première source de l'opposition secrète qui commenca à exister entre la France et les Hollandais. Des lors Sa Majesté entrevit avec douleur que le Roi de Hollande allait se trouver placé entre ses premiers et ses plus imprescriptibles devoirs,— ses devoirs envers le trône Impérial, et l'opinion mercantile de la nation hollandaise.

[52] Наполеон — генералу Кларку. Paris, le 27 janvier 1810 (*Correspondance*, t. XX, стр. 145, № 16173): Vous ferez connaître secrètement au maréchal Oudinot, que mon intention est en réalité de faire prendre possession militaire et, après, possession civile.

[53] Там же.

[54] Наполеон — Шампаньи. Paris, le 12 février 1810. Там же, стр. 203, № 16243.

[55] Наполеон — Коллену де Сюсси, Saint-Cloud, le 19 juin 1810. Там же, стр. 419, № 16570.

[56] Архив Гаагской королевской библиотеки. (Handschr. Saal.) 132. D. 39. *Concept tractat en vorenstaande*. Depeesche etc. Art. II: Aucun magasin d'objets prohibés en France et donnant lieu à la contrebande ne pourra être établi dans un rayon de... lieux de la ligne des douanes françaises et en cas de contravention un pareil magasin pourra être saisi même sur le territoire hollandais. На полях *(Remarques du Roi):* avec le concours des autorités du pays qui auront d'avance ordre de s'y prêter. Je prie aussi de déterminer le rayon d'une lieue.

[57] Наполеон — президенту (голландской) правительственной комиссии в Амстердаме. Rambouillet, le 9 juillet 1810. (*Correspondance*, t. XX, стр. 453, № 16621).

[58] Декреты от 21 июня и 9 июля 1810 г.

[59] Нац. арх. F[12]* A. 192 bis, 78 séance du 4 juillet 1812.

[60] Au Palais Impérial de Rambouillet, le 9 juillet 1810. Napoléon etc.: Art. I. La Hollande est réunie à l'Empire. Art. X. Les denrées coloniales qui se trouvent actuellement en Hollande resteront à leurs propriétaires, moyennant un droit de 50% de la valeur de ces marchandises.

[61] Наполеон — Лебрену. Paris, le 28 novembre 1810. (*Correspondance*, t. XXI, стр. 295, № 17173).

[62] Нац. арх. AF. IV—1318. Ministère des finances. *Rapport à l'Empereur* (№ 114).

[63] On *prétendait* dans le temps...— Подчеркнутое мной слово имеет такой оттенок, как будто лично Молльен и не совсем склонен верить, но, приведя все то, что говорили, он не высказывает ни слова сомнения. Mollien. *Mémoires d'un ministre du trésor public*, t. III, стр. 214—215.

[64] Голландский гос. архив, картон Autorités en Hollande. 1810—1812 (Directeurs des douanes), le 30 juillet 1812. *A Son Altesse Sérénissime Monseigneur le prince architrésorier:* ...les plaintes qui ont été portées à Votre Altesse par la ville d'Alkmaar contre les préposés des douanes françaises qui d'après l'exposé de ses magistrats inquiétaient tellement la circulation intérieure des grains que les marchés en deviennent déserts et que les approvisionnements sont prêts à manquer.

[65] Нац. арх. AF. IV—1241. 27 août 1810. *Note pour Sa Majesté* (ministère de l'Intérieur), № 127.

[66] Там же. Paris, ce 3 septembre 1810. *Note pour Sa Majesté.*

[67] Нац. арх. AF. IV—1241. Заседание совета по управлению торговлей и мануфактурами. 10 сентября 1810 г.

[68] Нац. арх. F[12] 1560. Empire français. *Extrait des régistres des arrêtés de la préfecture du Zuydersée* (Amsterdam, le 31 janvier 1812): art. I. Tout individu qui voudra exercer un commerce, une industrie, un métier ou une profession quelconque n'a besoin que de se munir d'une patente; art. II. Muni de la patente il ne sera pas tenu de se soumettre à des règles ou à des droits qu'ont établi des corporations qui ont pu exister avant l'introduction de la contribution des patentes...

Письмо амстердамского мэра к префекту департамента Зюйдерзее, там же (Amsterdam, le 4 février 1812).

[69] Нац. арх. F[12] 1560. Ministère des finances. Paris, le 19 septembre 1812. *A S. E. le comte de Montalivet, ministre de l'Intérieur:* En effet, établissement des patentes qui a servi de motif à cette mesure, peut très bien ce concilier avec la conservation des corporations d'arts et métiers, dont les membres peuvent être assujétis au payement de cette contribution sans préjudice aux statuts qui les ont réunis en corps... Il me semble au surplus, que les inconvénients qui sont résultés en France de l'entière abolition d'une institution dont il eût peut-être convenable de détruire seulement les abus, peuvent faire douter s'il entrerait dans les intentions de Sa Majesté de supprimer les corporations existantes dans l'ancienne Hollande...

[70] Наполеон — маршалу Даву. Fontainebleau, le 28 septembre 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 151—152, № 16960.

[71] Наполеон — генералу Кларку. Fontainebleau, le 29 septembre 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 158, № 16966: Faites bien connaître au général Rapp qu'il doit surveiller sévèrement ces désordres... que je m'occupe beaucoup des affaires de commerce, et que je veux qu'on exécute strictement mes ordres.

[72] Нац. арх. AF. IV—910. (без даты. Кончается обычной формулой: Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait en Sa sainte garde).

[73] Chad G. W. *A narrative of the late revolution in Holland.* London. 1814, стр. 32.

[74] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 2 décembre 1811. *Note à Sa Majesté* (Монталиве).

[75] Нац. арх. F[12]* 192 bis, 76 séance du 14 mars 1812 (протоколы Conseil général de commerce).

[76] Нац. арх. AF. IV — 1062. *Rapport à Sa Majesté,* le 15 septembre 1813 (Ministère des manufactures et du commerce).

[77] Нац. арх. F[12] 619. *Mémoire sur les chantiers, fabriques et métiers* etc. (Département du Zuydersée. Renvoyé au ministère de l'Intérieur le 20 octobre 1811).

[78] Нац. арх. F[12] 1589. (Zuydersée). Schiedam, le 18 septembre 1811 (подписано мэром города Heckemann'ом).

[79] Там же. *Mémoire sur le commerce et les fabriques de la ville de Delft* (11 mars 1812).

[80] Там же. *Mémoire d'observations* etc. (11 mars 1812).

[81] Нац. арх. F[12] 1589. *Mémoire sur le commerce... de la ville de Leide* (мэр — су-префекту, 14 сентября 1811 г.).

[82] Нац. арх. F[12] 1600. Amsterdam, le 10 mai 1812 (префект-министру мануфактур и торговли): Amsterdam, le 24 mars 1812 (префект-министру). *Tableau concernant la situation des papeteries du département de Zuydersée.*

[83] Нац. арх. F[12] 1560. Paris, le 16 octobre 1811 (Redille et Loffet— министру внутренних дел): ...plus de 50 certificats pour l'obtention desquels il y aurait une perte de temps considérable, des frais, courses, ennuis et démarches rebutantes. Mais plus encore, impossibilité physique de la part d'une multitude des petits fabricants dont beaucoup ne savent pas écrire leurs noms et d'autres sont inconnus à leur municipalité.

Глава XV

[1] *Correspondance*, t. VII, стр. 150, №№ 5569—5570. Первый консул — генералу Бертье. Paris, le 27 floréal, an IX (17 мая 1801).

[2] Нац. арх. AF. IV—910 (9 mars 1806). Наполеон — генералу Удино (копия, сделанная в 1817 г. при Реставрации) (ср. *Correspondance*, t. XII, стр. 172, № 9951): Vous vous rendrez à Neufchatel et vous prendrez possession en mon nom de cette principauté.. .Vous aurez soin de ne rien changer aux douanes qui séparent Neufchâtel de la France.

[3] Наполеон — Талейрану. La Malmaison, le 12 avril 1806. (*Correspondance*, t. XII, стр. 277, № 10088).

[4] Наполеон — Талейрану. Saint-Cloud, le 20 avril 1806. Там же, стр. 295, № 10113.

[5] Наполеон — Евгению. Fontainebleau, le 6 octobre 1810 (*Correspondance*, t. XXI, стр. 191, № 17007): Il faut que généraux que vous enverrez... ne fassent point de sottises.

[6] Нац. арх. F[12]* 194. 131 séance du 1 mars 1813 (заседание совета мануфактур): Ainsi lorsque la France prodigue le sang et les trésors de ses peuples pour obtenir la liberté des mers, et pour arracher à l'Angleterre le monopole manufacturier qui a rendu toutes les nations ses tributaires, ce sont les étrangers, qui déjà profitent de l'interdiction, plus ou moins exacte, qui répousse du continent les produits des fabriques anglaises... etc., etc.... Il est impossible de réfléchir à cet ordre des choses sans frémir...

[7] Там же: En vain... ces deux peuples feindraient-ils de grever autant que nous, de droits le coton... etc.

[8] Там же.

[9] Нац. арх. AF. IV—1242. Empire Français. Administration provisoire du Département le Simplon (13 décembre 1810).

[10] Nemmich. *Tagebuch einer der Kultur und Industrie gewidmeten Reise*, Bd. VIII. Stuttgart und Tübingen, 1811, стр. 68.

[11] Нац. арх. F[12] 507. Tarare, le 11 avril 1807. *La chambre consultative du département du Rhône à Son Excellence le ministre de l'Intérieur:* ...ce qu'il y a de sûr, c'est que notre alliée a si bien abusé de cette faveur que ses mousselines ont reflué d'Italie en France. Ce royaume en est encore si abondamment pourvu qu'il nous est impossible de nous y procurer presque le moindre débit de nos tissus.

[12] Нац. арх. F[12] 535. Донесение агента Catineau Laroche'а министру внутренних дел. Berne, le 2 juin 1811: Dans les temps qui ont précédé ce décret, les mécaniques ne suffisaient pas toujours pour la filature: on y suppléait par des travaux de nuit et, en outre, on faisait quelquefois usage des fils d'Angleterre etc... A l'époque qui précéda le traité de com-

merce entre la France et le Royaume d'Italie les manufactures de tissus de coton étaient parvenus en Suisse à un degré d'activité qu'elles n'avaient jamais obtenu.— Декрет от 10 октября оказал еще худшее действие на швейцарскую промышленность, чем франко-италийский договор.

[13] Там же.

[14] Нац. арх. AF. IV — 1061. *Réponse du Conseil Général de commerce aux observations faites par Sa Majesté* (Paris, le 12 novembre 1810). Некоторые сорта *тонкой* заграничной пряжи были обложены очень высоким тарифом, ввоз их разрешен был *только* через определенные таможни, но все же до 22 декабря 1809 г. этот ввоз происходил отчасти.

[15] Нац. арх. F[12] 616—617. *Renseignements... extraits de la correspondance avec Francfort* (графа: Concurrence).

[16] Нац. арх. F[12] 509—510, № 15. *Bulletin de Francfort.* Резолюция императора на обложке: Renvoyé au ministre de l'Intérieur pour me faire un rapport à cet objet au conseil de lundi prochain et me faire connaître d'où vient la prospérité des manufactures de Neufchatel et de Suisse et les mesures à prendre pour donner l'avantage aux nôtres. St.-Cloud, le 26 juin 1810. Под резолюцией буква *N* с характерным наполеоновским росчерком.

[17] Нац. арх. AF. IV—1062. *Réponse aux questions de Sa Majesté. Note à Sa Majesté. Paris,* le 2 juillet 1810: ...l'introduction frauduleuse qui ce fait de ces matières par toute la côte septentrionale de l'Allemagne penètre avec moins de peine en Suisse, que dans l'Empire.

[18] Там же.

[19] Ср. Nemmich. *Reise durch die Schweiz* etc., стр. 74. (Британский музей, № 10195, a, 20).

[20] Нац. арх. F[12] 509—510. *Bulletin de Francfort* du 30 avril 1810.

[21] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur sur la mission qu'il m'avait confiée pour les foires de Francfort et Leipzick de septembre et octobre 1810:* La concurrence des fabriques de Suisse, d'Autriche et de la Prusse est peut-être en ce moment plus dangereuse pour la France et l'Italie que celle des manufactures anglaises, parce qu'elles nous disputent le continent.

[22] Нац. арх. F[12] 535. Paris, le 8 février 1811. ***Champagny, duc de Cadore** à S. E. le ministre de l'Intérieur.*

[23] Нац. арх. F[12]* 194. 83 séance du 16 mars 1812.

[24] Нац. арх. F[12]* 194. 83 séance du 16 mars 1812.

Глава XVI

[1] Ср. *Mémoire sur la nécessité de faire un traité de commerce avec l'Espagne.* (Нац. арх. F[12] 619, № 1778 г.): Les motifs pour y déterminer cette puissance sont: 1. la conviction qu'elle ne peut dans l'état actuel des choses, fournir à la consommation de tous ses états; 2. Qu'obligée d'en partager le commerce avec d'autres nations, la France doit avoir une préférence marquée. Indépendemment des liens du sang qui unissent les souverains des deux états, l'Espagne, voulant conserver ses colonies... etc., etc. Эта рукопись осталась не известной Girard'у, автору статьи *Une négociation commerciale entre la France et l'Espagne en 1782,* помещенной в *Revue historiques,* novembre — décembre 1912).

[2] Нац. арх. F[12] 1559. Oloron, le 15 thermidor, an IX: ...si le gouvernement prend en considération ces représentations pour en présenter l'objet à celui de l'Espagne, il est à espérer que des motifs respectifs d'intérêt politique feront lever la prohibition de l'importation des bas.

[3] Ср., например, Bourgoing J. F. *Tableau de l'Espagne moderne* (особенно т. I), 3 éd. Paris, 1803. Bourgoing был полномочным послом Франции при мадридском дворе, а потом чрезвычайным послом в Швеции.

[4] Нац. арх. F^{12} 501. Gand, le 29 avril 1809. Префект Шельды — министру внутренних дел.

[5] Там же. *A Monsieur le préfet du département de l'Escaut,* le 4 mai 1809.

[6] Там же. Gand, le 10 juillet 1809. *A Son Excellence le duc de Friar, Ambassadeur de Sa Majesté Catholique à Paris.*

[7] Нац. арх. F^{12*} 190. *Avis sur la nouvelle réclamation des fabricants de mouchoirs* etc. (21 nivôse, № 51).

[8] Нац. арх. Mars 1807. Porté au 31. *A Son Excellence Monsieur de Beauharnay, ambassadeur près Sa Majesté Catholique* (от Champagny).

[9] Нац. арх. AF. IV — 1060. Paris, le 5 août 1807. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (№ 67).

[10] Нац. арх. AF. IV—1060. 31 mai 1808 (№ 120). *Note pour Sa Majesté.* Cotons achetés en Espagne.

[11] Нац. арх. AF. IV—1060. Paris, le 27 avril 1808 (№ 125). *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi.*

[12] Нац. арх. F^{12} 501 (начинается: *Sire;* на полях: j'ai remis ce rapport à S. M. 1809. Cette copie est pour mon cabinet. Пачка № 17): ...tout fait donc un devoir au prince qui gouverne cette nation et à elle même une nécessité de se prêter aux arrangements qu'il plaira à Votre Majesté de demander pour le commerce français...

[13] Нац. арх. F^{12} 501 (1809. *Traité de commerce avec l'Espagne*): ...il s'offre à la pensée un premier moyen — s'est de regarder les provinces et population d'Espagne, comme provinces et population de la France... Cette réunion... exclurait implicitement de leur commerce les autres nations de l'Europe et de l'univers.

[14] Там же: Les Anglais pénétreront par là en France, le gouvernement espagnol n'aura jamais assez d'intérêt à se défendre contre les introductions frauduleuses des Anglais.

[15] Ср. Нац. арх. F^{12} 620—621, № 5. Commerce avec l'Espagne: a) герцог Бассано — министру внутренних дел (Paris, le 12 juin 1810). b) Шампаньи — министру внутренних дел (Paris, le 30 juin 1810). c) *Observations sur le projet d'un nouveau tarif de douanes en Espagne.*

[16] Нац. арх. F^{12} 192 bis. 67 séance, du 3 janvier 1812.

[17] Нац. арх. AF. IV — 1061. Paris, le 25 juin 1810. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi, Protecteur de la Confédération du Rhin.*

[18] Там же.

[19] Нац. арх. F^{12} 1506. Paris, le vendémiaire, an V. *Rapport présenté au Ministre de l'Intérieur* (4-м отделением министерства): Au surplus les seules laines dont les fabriques françaises ayent besoin, ce sont celles d'Espagne, aussi le gouvernement n'a pas un grand intérêt à attirer en France les laines de la partie de l'Italie occupée par les troupes françaises.

[20] Нац. арх. AF. IV — 1060. *Observations sur l'exportation des laines d'Espagne en Angleterre...* (Ternaux l'aîné): On ne peut pas se dissimuler que le premier effet de la mesure proposée (т. е. полное прекращение продажи испанской шерсти англичанам.— *E. T.*) sera de faire baisser le prix des laines... On peut faire contre le projet deux objections... la première résulte de la perte qu'éprouveront les propriétaires de laines espagnoles, si les plus forts consommateurs de cette matière première, les Anglais, n'en tirent plus.

[21] Нац. арх. AF. IV — 1060. *Projet d'un traité de commerce entre la France et l'Espagne* (1800). Audembron, négociant de Lyon (...«insultante erreur» etc.).

[22] *Journal du comte P. L. Rœderer, ministre et conseiller d'Etat. Notes intimes et politique d'un familier des Tuileries.* Paris, 1909, стр. 50: Mon cher, elle (l'Angleterre.— *E. T.*), ne doit pas la (la paix.— *E. T.*), vouloir parce que nous sommes maîtres du monde. L'Espagne est à nous...

[23] Нац. арх. F[12] 501. *Le traité de commerce avec l'Espagne* (доклад министра внутренних дел Наполеону, 1809).

[24] Там же.

[25] В общем французы исчисляли ежегодную английскую прибыль от сбыта этих сукон, изготовляемых из испанской шерсти, в 59,2 миллиона франков.

[26] Ср. Нац. арх. AF. IV — 1060. *Observations sur l'exportation des laines d'Espagne en Angleterre,* par Monsieur Ternaux l'aîné, manufacturier à Sedan, Louviers, Ensival et Reims:.. mais cette prohibition qui de la part du gouvernement n'était que de forme a toujours cédé à l'intérêt mal entendu des propriétaires de laine, elle a toujours était ouvertement éludée, toujours les laines ont été embarquées sous des destinations simulées pour des pays neutres et elles ont abordé sans difficulté en Angleterre... Déjà des fabricants anglais se sont arrangés... etc., etc.

[27] Там же.

[28] Ср. Берлинская королевская библиотека. Q. t. 6374. Wagener J. D. *Merkantilische Notizen über Spanien.* Hamburg, 1810, стр. 44; Was sind englische Manufakturen trotz der herrlichen Wolle, die diese Nation selbst ziehet, ohne die so feine spanische Wolle?

[29] Bourgoing J. F. *Tableau de l'Espagne moderne*, t. I, стр. 100.

[30] Наполеон — Крете, министру внутренних дел. Bayonne, le 1 juin 1808. *Correspondance,* t. XVII, стр. 254, № 14039.

[31] Нац. арх. AF. IV — 1060. Laines et soieries de France. *Note pour Sa Majesté.* Paris, le 6 juin 1808: ...ils (les Anglais.— *E. T.*) avaient accountumé les Espagnols à des prix élévés et à être payés d'avance. Notre commerce ne peut leur fournir autant d'avantages.

[32] Нац. арх. AF. IV — 1060. *Instruction du Ministre de l'Intérieur aux commissaires chargés de la vente des laines d'Espagne à Bayonne* (12 décembre 1808). Там же и другие документы, касающиеся этой продажи.

[33] Нац. арх. AF. IV—1060, № 105 (6 декабря 1808 г.): ...j'ai découvert parmi les commerçants en laine divers motifs d'inquiétude... on leur mande d'Espagne que les laines saisies n'excéderont pas 3 à 4000 balles, c'est-à-dire de 9 à 10.000 quintaux (министр внутренних дел — Наполеону).

[34] Нац. арх. AF. IV — 909. Ventes des laines d'Espagne. *Note dictée par l'Empereur,* le 26 février 1810: ...que ce n'est pas le commerce qu'on veut faire mais qu'on a pour but principal l'avantage des manufactures.

[35] Нац. арх. AF. IV — 1060. *Propositions aux gouvernements français et espagnol...* etc., стр. 2 (подписано: Orieult de Grandmare, propriétaire des filatures de Pontaudemer): La conquête de l'Espagne ouvre aux Français toutes les ressources dont ils ont besoin pour assurer l'indépendance de leurs fabriques etc.

[36] Нац. арх. AF. IV — 1061. Paris, le 18 mars 1811. *Rapport à Sa Majesté* etc. (№ 56).

[37] Нац. арх. F[12]* 194. 69 séance du 21 novembre 1811.

[38] Там же.

[39] Нац. арх. AF. IV — 1062. *Rapport à Sa Majesté,* le 16 février 1813 (де Сюсси).

[40] Нац. арх. AF. IV — 1062. Paris, le 13 janvier 1813. *Rapport à Sa Majesté* (де Сюсси).

[41] Нац. арх. F[12]* 198, № 614. *Demande d'admission de 192 balles de motril* etc. Approuvé aux Tuileries, le 23 décembre 1813; № 514 (2 octobre 1813), № 815 (2 octobre 1813) и мн. др.

[42] Нац. арх. F[12] 514. Paris, le 17 avril 1812. *Le ministre des manufactures et du commerce... à Son Excellence Monsieur le Comte de Montalivet, ministre de l'Intérieur* (№ 30).

[43] Julliany. Цит. соч., t. III, стр. 307.

[44] Нац. арх. F^{12} 534. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (dossier № 9. Commerce avec le Portugal.

[45] Нац. арх. F^{12} 534. *La balance du commerce entre la France et le Portugal.*

[46] Нац. арх. F^{12} 507. Sedan, le 18 avril 1807. *Les membres composant la Chambre consultative de commerce, arts et manufactures à Sedan* (министру внутренних дел).

[47] Там же. Mezières, le 24 avril 1807. *Le préfet du département des Ardennes... à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[48] Нац. арх. F^{12} 513. *Ternaux frères... à Son Excellence le Ministre de l'Intérieur.*

Глава XVII

[1] Нац. арх. AF. IV — 1060. *Projet de traité d'Amitié, de Commerce et de Navigation entre la République française et celle des Etats-Unis de l'Amerique* (1800). Observations préliminaires: ..l'Amérique septentrionale, connue sous le nom des Etats-Unis, est bien loin d'être ce qu'elle doit être un jour, même sous peu d'années...

[2] Там же.

[3] Нац. арх. AF. IV — 1242. Paris, le 4 mars 1811. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi:* ...j'aurai l'honneur de remarquer qu'en général ces sortes de permission ne s'accordent pas; mais la demande est modique, et si elle était plus considérable, il y avait peut-être encore des motifs d'exception en faveur des Etats-Unis, parce que la propagation des merinos y apporterait un coup dangereux à l'industrie de l'Angleterre en accélérant en Amérique les progrès des manufactures de draps.

[4] Pitkin T. *A statistical view of the commerce of the United States of America.* Hartford, 1816, табл. 1 и 2.

[5] Нац. арх. AF. IV—1060. *A Sa Majesté* etc. 11 décembre 1806. Петиция Лионской торговой палаты: Nous tremblons encore que les Anglais n'interdisent aux neutres l'entrée de ceux de nos ports qui étaient restés libres jusqu'à ce jour... etc., etc.

[6] Нац. арх. AF. IV—1060. *Rapport à Sa Majesté, l'Empereur et Roi,* le 18 juin 1807 (№ 45).

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Нац. арх. AF. IV—1060 (Intérieur, 1807). *Résumé des premiers renseignements recueillis sur l'application du décret du 27 mars* etc. Gard: Les fabriques y souffrent moins cette année que l'année dernière etc., etc... ayant trouvé un débouché en Amérique. Il ne demande aucun secours.

[10] Голландский гос. архив. Консульские донесения, Frankryk, XXII (бордосский консул — министру иностранных дел в Гааге, от 28 октября 1807 г.).

[11] Нац. арх. AF. IV—1060. Письмо Шампаньи — Наполеону, от 13 марта 1807 г.

[12] Нац. арх. AF. IV—1060 le 18 juin 1807 (№ 44). Письмо Шампаньи— Наполеону (*не* доклад).

[13] Нац. арх. AF. IV—1060. Письмо Шампаньи — Наполеону от 5 июля 1807 (№ 87).

[14] Наполеон — Годену, министру финансов. Bayonne, le 17 avril 1808. *Correspondance,* t. XVII, стр. 16, № 13753.

[15] Наполеон — генералу Жюно. Bayonne, le 19 avril 1808: *Vous violez la loi du blocus* etc. Там же, стр. 25, № 13764.

[16] Наполеон — Шампаньи. Bayonne, le 5 mai 1808. Там же, стр. 60, № 13810.

[17] Наполеон — Жюно. Bayonne, le 10 mai 1808. Там же, стр. 85—86, № 13843.

[18] Наполеон — Шампаньи. Bayonne, le 11 juillet. Там же, стр. 364—365, № 14177.

[19] Baasch (см. введение), стр. 90—91.

[20] An act to interdict the commercial intercourse between the United States and Great Britain and France, and their dependencies and for other purposes. March 1, 1809. J. B. Varnum, speaker of the House of representatives. J. N. Milledge, president of the Senate, pro tempore. Approved: Ch. Jefferson.

[21] Нац. арх. F[12] 619. *Lettre du Ministre des relations extérieures à M. le général Armstrong*. Altembourg, le 22 août 1809 (это письмо было 6 октября напечатано в *Moniteur*): L'Angleterre a mis la France en état de blocus; l'Empereur par son décret de Berlin déclare les isles Britanniques en état de blocus. La première mesure éloignait les bâtiments neutres de la France; la seconde leur interdisait l'Angleterre. Par ses ordres du conseil du 11 novembre 1807 l'Angleterre a mis un octroi sur les bâtiments neutres et les a assujettis à passer dans ses ports avant que de se rendre à sa destination. Par décret du 17 décembre de la même année l'Empereur a declaré dénationalisés les bâtiments dont le pavillon aurait été violé, degradé, foulé aux pieds.

[22] Парижская торговая палата — министру полиции и внутренних дел. Paris, le 19 juillet 1809 (Нац. арх. AF. IV—1060, № 158).

[23] Нац. арх. AF. IV—909. Bâtiments américains. *Note dictée par l'Empereur*. Du 21 décembre 1809.

[24] *Correspondance*, t. XX. стр. 78. Князю Невшательскому. Trianon, le 19 décembre 1809 (№ 16072).

[25] Там же, стр. 51. Наполеон — Шампаньи. Paris, le 25 novembre 1809, № 16025.

[26] Там же, стр. 109—111, № 16127. Наполеон — Шампаньи. Paris, le 10 janvier 1810.

[27] Наполеон — Евгению. Paris, le 24 février 1810. Там же, стр. 241, № 16290.

[28] Наполеон — Шампаньи. Saint-Cloud, le 25 juillet 1810. Там же, стр. 595, № 16713.

[29] См. доклад Монталиве императору по этому поводу, от 23 июня 1810 г. Нац. арх. AF. IV—1061, № 38—43.

[30] Нац. арх. AF. IV—1318, № 62. Докладная записка Chambre consultative Сен-Кантена министру внутренних дел (от 7 мая 1810 г.): Sa Majesté a du se porter à des mesures de représailles et de sequestre qui ont définitivement banni les Américains de nos ports et la matière première en cotons qui nous venait naguère si abondamment sur leurs vaisseaux s'est trouvée ainsi... exclue de notre territoire...

[31] Нац. арх. AF. IV—1241, № 295. Séance du lundi 22 octobre 1810 (протоколы совета по управлению торговлей и мануфактурами).

[32] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 12 novembre 1810. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi*.

[33] Там же.

[34] 34 Congress. 1 session. House of Representatives. Flagg E., Superintendent. *Report of the commercial relations of the United States with all foreign nations*, vol. I. Washington, 1856, стр. 123.

[35] Там же.

[36] Pitkin T. *A statistical view of the commerce of the United States* etc. Hartford, 1816.

Глава XVIII

[1] Нац. арх. F[12] 507. Paris, le 29 avril 1807. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (министра внутренних дел).

[2] Нац. арх. F[12] 507. Milan, le 13 décembre 1807 (Champagny — министру внутренних дел).

[3] Нац. арх. F12 507. *La Chambre de commerce de Marseille à Monseigneur Cretet, ministre de l'Intérieur* (26 janvier 1808).

[4] Там же.

[5] Нац. арх. F12 534. Bayonne, le 13 mai 1808. Шампаньи — министру внутренних дел: ...les facilités de transit que nous obtiendrions dans le royaume d'Italie tendraient particulièrement à relever notre commerce en Bosnie, à établir quelques relations de ce genre entre la Dalmatie et l'Albanie et à ouvrir de proche en proche une nouvelle route avec Salonique, principal marché de la Turquie d'Europe. Ces résultats ne s'obtiendront peut-être que lentement; mais ce sera entrer dans les vues de sagesse et de prévoyance de Sa Majesté — que de les avoir preparées.

[6] Нац. арх. F12 507. 18 février 1808. *A Son Excellence Monseigneur le ministre de l'Intérieur.*

[7] Нац. арх. F12 534. *Travail relatif au traité de commerce entre le Royaume d'Italie et la Bavière.*

[8] Нац. арх. AF. IV—1293, № 109. *Rapport du ministre des finances à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (28 mars 1810).

[9] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 12 novembre 1810. *Rapport à Sa Majesté.*

[10] Наполеон — генералу Кларку, военному министру. Saint-Cloud, le 9 septembre 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 97, № 16883.

[11] Наполеон — Годену, министру финансов. Saint-Cloud, le 9 septembre 1810. Там же, стр. 97—98, № 16884.

[12] Наполеон — Годену, министру финансов. Saint-Cloud, le 9 septembre 1810. Там же, стр. 98, № 16885.

[13] Нац. арх. F12* 192-А. 33 séance du 5 mars 1811.

[14] Там же.

[15] Там же. 22 séance du 9 janvier 1811.

[16] Нац. арх. F12 549—553. 3 mai 1811. *Extrait des minutes de la secrétairerie d'état.*

[17] Нац. арх. AF. IV—1243. Séance du 20 janvier 1812 (conseil d'administration du commerce et des manufactures).

[18] Берлинская королевская библиотека. S. d. 11616. *Skizzen des physischmoralischen Zustandes Dalmatiens und der Buchten von Kattaro.* Berlin, 1811, стр. 61 (автор — долго служивший в Далмации офицер Rödlich).

[19] Нац. арх. AF. IV—1062. *Commerce des provinces illyriennes, 6 mai 1812. Note pour Sa Majesté:* ...la jalousie du commerce autrichien, pour tâcher de détourner les relations commerciales qu'il voit avec peine s'établir par les provinces illyriennes.

Глава XIX

[1] Кроме цитируемого ниже прейскуранта.

[2] Ср. Нац. арх. AF. IV—1318, № 7. *Mémoire sur le commerce du Nord présenté au Premier Consul, par le citoyen Ozenne* etc. (21 brumaire, an X — 1801).

[3] Нац. арх. AF. IV—1060 (№ 48—55). *Notice sur le commerce de la Mer Noire* (1802 г.): Ce but — le désespoir de nos éternels rivaux et ennemis.

[4] Нац. арх. AF. IV—1060. *Etat des navires (Tableau... du port de St. Pétersbourg en l'année 1802).*

[5] Там же. *Tableau de l'exportation du port de St. Pétersbourg en l'année 1802.* Нечего говорить, что эти цифры неточны: не приводятся сведения о торговле России с другими нациями.

[6] Вот что писал в 1803 г. Blanc de Volx:... si Paul nous a fait la guerre, c'est que la révolution et les crimes qu'elle enfanta l'avaient aigri... si son jeune successeur a rétabli l'ancienne harmonie s'est qu'il a cru qu'il était

plus utile a ses peuples d'épargner leur sang et de ressusciter l'industrie... (*Etat commercial de la France*, t. II, стр. 106).

[7] Нац. арх. AF. IV—1060. *Notes sur les principaux ports commerçants de la Mer Noire* (1804): ...Odessa dont on soupçonnait à peine existence il y a huit ans... a reçu dans son port en 1802 plus de trois cents vaisseaux et en 1803 près de 400.

[8] Там же. *Mémoire sur le commerce de la Mer Noire* (AF. IV—1060).

[9] Архив Лионской торговой палаты. Procès-verbaux des délibérations, 186 (заседание от 3 апреля 1806 г.).

[10] Нац. арх. AF. IV—1060. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi*, le 11 décembre 1806 (петиция Лионской торговой палаты).

[11] Нац. арх. F^{12} 513 (AF. IV—1060). Lyon, le 11 décembre 1806. *La Chambre de commerce de Lyon à S. E. Monseigneur de Champagny, ministre de l'Intérieur.*

[12] Нац. арх. F^{12} 513. Lyon, le 21 novembre 1806. *La Chambre de commerce de Lyon à S. E. Monseigneur le ministre de l'Intérieur.*

[13] Dubois J. B. *Du commerce français dans l'état actuel de l'Europe.* Paris, 1806, стр. 354.

[14] Нац. арх. AF IV—1060. Доклад Шампаньи — Наполеону, от 8 декабря 1806 г.

[15] Нац. арх. F^{12} 513 AF. IV—1060. *A Sa Majesté* etc., 11 décembre 1806 (петиция Лионской торговой палаты).

[16] Конечно, эти цифры весьма проблематичны. Дальше увидим, что в 1808 г. французское правительство определяло общую сумму французского ввоза в Россию в 45 миллионов франков, а в 1810 г. Коленкур уже считал цифру в 30 миллионов «преувеличенной». Что сбыт в Россию 1810 г. сократился сравнительно с 1808 г., это стоит вне сомнений; но чтобы в 1806 г. он был *вдвое* больше, чем в 1808 г.,— маловероятно.

[17] Вел. кн. Николай Михайлович. Дипломат. сношения России и Франции, т. I, стр. 113: Les querelles des douanes amènent des coups de canon.

[18] Нац. арх. F^{12} 534. *De l'établissement d'une compagnie du Nord.* 19 février 1808: ...les conquêtes des Russes qui en envahissant des contrées nouvelles ne feront que le soumettre à notre industrie...

[19] Нац. арх. F^{12} 513. Lyon, le 20 août 1807. *La Chambre de commerce de Lyon à S. E. le ministre de l'Intérieur.*

[20] Нац. арх. F^{12} 549—550. Paris, le 27 mars 1810. *Rapport présenté au ministre de l'Intérieur:* ...l'immense diminution dans le commerce de la dernière époque tient à deux causes majeures, celle de l'état de guerre d'une part et de l'autre à la disparition presque totale de nos produits coloniaux dont nous approvisionnions autrefois tout le nord de l'Europe.

[21] Нац. арх. F^{12} 616—617. *Renseignements sur le commerce du duché de Varsovie*, extraits de la correspondance de M. de Serra (1810).

[22] Ср. Zolfowski. *Die Finanzen des Herzogtums Warschau*, Bd. II. Posen, 1892, приложение: Handelsbillanz im Etatsjahre 1808—1809.

[23] Нац. арх. F^{12} 502. *Considérations sur l'état présent de l'industrie française* etc. Paris, le 7 octobre 1807. Du Fougerail — министру внутренних дел.

[24] Там же.

[25] Нац. арх. F^{12} 534. *Projet et plan d'une factorerie française* etc. 28 mars 1808 (подписано: E. Millot): Un grand événement occupe aujord' hui l'Europe commerçante,— la fédération des deux plus grands empires de l'Univers, l'Union de Napoléon et Alexandre... la circonstance qui éloigne soit pour longtemps, soit même momentanement les Anglais des principales places du continent européen. Mais pour remplacer des négociants aussi habiles, des manufacturiers aussi intelligents, des capitalistes aussi riches, il faut des efforts qui surpassent la puissance de nos anciennes maisons...

[26] Ср. Chaptal. *Mes souvenirs sur Napoléon.*

[27] Нац. арх. F[12] 534. Fontainebleau, le 3 octobre 1807. Шампаньи — Крете: C'est d'ailleurs une faculté que Sa Majesté l'Empereur et Roi tient pour très précieuse à laquelle il ne voudrait pas renoncer.

[28] Нац. арх. F[12] 534. *Mémoire du comité commercial français de St.-Pétersbourg.* St.-Pétersbourg, le 20 février — 3 mars 1808.

[29] Там же.

[30] Нац. арх. F[12] 534. *La Chambre de commerce de Paris à S. E. le ministre de l'Intérieur* (6 octobre 1807).

[31] Это было им нужно потому, что первогильдейским купцам легко было вступить между собой в соглашение насчет цены, которую они предложат французам. Нац. арх. F[12] 534. *Analyse des mémoires* etc. (1808): Les négociants étrangers ne peuvent vendre qu'à ceux de la 1-re Guilde, ce qui établit nécessairement un monopole, le nombre de ces marchands étant peu considérable, il leur est facile de s'entendre pour faire le roi aux étrangers. Ср. там же: *Mémoire du comité commercial français de St.-Pétersbourg* (20 février — 3 mars 1808).

[32] Там же. *Mémoire du comité* etc. Например, чтобы уважалась торговая тайна: ...il serait également essentiel pour la sûreté des négociants français en Russie d'établir en principe qu'on ne pourra obliger aucun d'entr'eux à produire à qui que ce soit ses livres, si ce n'est pour faire preuve en justice ou en cas des faillites...

[33] Там же.

[34] Нац. арх. AF. IV—909. *Note pour LL. EE. les ministres de l'Intérieur et du trésor public, dictée par Sa Majesté, 13 janvier 1808.*

[35] Голландский гос. архив. Консульские донесения, **Frankryk,** № XXIV. Nantes, le 29 février 1808 (консул van Steynen — министру иностранных дел Голландии): Depuis la dernière paix d'Amiens aucune introduction n'est faite icy en articles du nord, nécessaires à la marine, il n'en existe pas un brin de chanvre, soit de Russie, soit de Pologne...

[36] Вел. кн. Николай Михайлович. Цит. соч., т. V, стр. 230—231. Коленкур — Шампаньи, от 12 декабря 1810.

[37] Ср. Нац. арх. F[12] 502. *Notice sur le commerce des ports de St.-Pétersbourg, Riga et Arkhangel pendant la navigation de 1808:* Depuis la guerre maritime déclarée à l'Angleterre par la Russie, jusque vers la fin du mois de juillet dernier, la navigation pour les ports russes situés sur la mer Baltique était restée dans la nullité la plus absolue... Les places de Riga, St.-Pétersbourg, Arkhangel languissaient dans une inaction totale, et les productions russes étaient tombés à des prix très modiques...

[38] Британский музей, № 8026, d. 25. *Principles on negociation and substance of the late ouvertures and pending discussions between England, France and Russia.* London, 1808, стр. 24: ...some proof of the persevering good will of His Imperial Majesty.

[39] Там же, стр. 55.

[40] Британский музей, № 8135, d. 33. *The state of Britain abroad and home,* by an Englishman of no party. London, 1808, стр. 6: ...the commerce of England has no doubts everly suffered; yet the peculiar construction of the Muscovite governement (in which the trading nobles who are more than fellow-sufferers with ourselves take so considerable a share) renders it highly probable that, in the course of natural events their infatuated young prince will not live to see the final subversion of his trone, nor the destruction of his hereditary rights; but that either the thunders of accumulated wrath from those of delegated authority, or the eqally dreaded portent of one indiscriminating convulsion of the whole enormous system of his policy, will grant him the quick apotheosis of a Paul I or the lingering martyrdom of a Louis XVI.

[41] Нац. арх. F[12] 534 (1808). *Réponse aux questions suivantes:..*

4. A quelle cause attribue-t-on principalement la baisse excessive qu'éprouve en ce moment le change de St.-Pétersfourg? La cause de la baisse qu'éprouve le change de la Russie est attribuée à la stagnation complète dans les rapports commerciaux... Le seul moyen de restaurer le change de Russie est la paix maritime ou un débouché equivalent à celui du temps de paix... l'Angleterre seule exporte environ pour 32 millions (из 40 миллионов общего русского экспорта; эти цифры характерны для воззрений коммерческого мира на важность для России торговых сношений с Англией).

[42] Нац. арх. AF. IV—1060. Paris, le 13 janvier 1808. *Rapport à Sa Majesté.* Commerce de Russie.

[43] Вел. кн. Николай Михайлович. Цит. соч., т. II, стр. 231. Коленкур — Шампаньи, от 16 июля 1808 г.

[44] Там же, т. IV, стр. 359. Коленкур — Шампаньи, от 18 апреля 1810 г.

[45] Там же, т. IV, стр. 360.

[46] Там же, т. IV, стр. 366. Коленкур — Шампаньи, от 20 апреля 1810 г. Les partisans de l'Angleterre et le commerce en général s'agitent toujours beaucoup. Mais le gouvernement annonce hautement la détermination de ne pas changer, et montre sous ce rapport une fermeté des principes qu'il a suivie depuis Tilsitt.

[47] Там же, т. IV, стр. 271. Коленкур—Наполеону, от 5 февраля 1810 г.

[48] Ср. мнение М. И. Туган-Барановского в сборнике «Отечественная война». М., 1912.

[49] Вел. кн. Николай Михайлович. Цит. соч., т. V, стр. 370. Коленкур — Шампаньи, от 21 марта 1811.

[50] Нац. арх. F^{12} 549—550. Ministère de l'Intérieur. *Note du vice-président sur le travail relatif au renouvellement du traité avec la Russie:* Le principal consommateur des productions du territoire russe en France est le gouvernement. Les munitions navales peuvent être un objet bien important...

[51] Там же: ...mais la réunion des villes anséatiques et de la Hollande doit diminuer de beaucoup les empêchements.

[52] Вот что докладывал министр внутренних дел Крете — Наполеону еще в январе 1808 г.: Il ne faut pas se dissimuler que la position de la Russie, privée de l'écoulement des produits de son sol, serait peu supportable (Нац. арх. AF. IV—1060. *Rapport à Sa Majesté,* le 13 janvier 1808).

[53] Там же: Aujourd'hui on pourrait dire qu'il n'existe plus de change en Russie. Ses vastes exportations par mer étant suspendues, il n'y a plus de matière à former des lettres de change; car le change n'est qu'un moyen d'acquitter la valeur des objets du commerce.

[54] Нац. арх. F^{12} 534. *Note pour LL. EE. les ministres de l'Intérieur et du trésor public, dictée par Sa Majesté dans la séance du 13 janvier 1808:* Toutes les affaires de banquiers et de change me mettent dans une position désagréable avec les étrangers sans atteindre mon but.

[55] Там же: Ainsi, en achetant un mât, il dirait: je veux le payer à Paris et je ne le payerai que six francs. Il est clair que l'état du papier en Russie deviendrait indifférent dans cette transaction.

[56] Там же.

[57] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 4 mars 1811. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* etc. (№ 44—45).

[58] Нац. арх. F^{12} 534. *La Chambre consultative des arts et manufactures de la ville de St.-Etienne à Son Excellence Monseigneur le Ministre de l'Intérieur,* le 24 mai 1808: ...il appartient aux victoires de Sa Majesté Impériale qui ont arraché le gouvernement russe à l'influence anglaise d'arracher à cette même influence la consommation d'un aussi vaste empire...

[59] Нац. арх. F^{12} 502. *Notice sur le commerce d'Odessa pendant l'été de 1808.*

[60] Bein. *Die Industrie des sächsischen Voigtenlandes*, Bd. II, стр. 153.
[61] Koenig. Цит. соч., стр. 233.
[62] Британский музей, № 30, е. 8. *European commerce shewing new and secure channels of trade with the continent of Europe...* by Jepson Oddy, London, 1805, стр. VI: While Great Britain is engaged in a contest with an implacable foe, who aims at the annihilation of her political existence by the ruin of her commerce, it must afford the highest satisfaction... to know that... there are new, wide and secure channels... the trade with the northern Powers is more beneficial to them than to Great Britain.
[63] Нац. арх. F[12] 502. Monseigneur etc., подписано: Les frères Raimbert, St.-Pétersbourg, le 14—28 novembre 1809 (адресовано Montalivet, министру внутренних дел).
[64] Нац. арх. AF. IV—1241. Paris, le 17 juillet 1810: ...si notre rivale enfin est menacée d'une disette il semblerait tout naturel de lui fermer tous les ports, il semblerait utile à la cause générale que tout ce qui est alliée à la France, les Suédois, les Danois, les Russes, tous les peuples de la mer du Nord et de la Baltique se concertassent entre eux pour priver la Grande Bretagne de ses moyens d'existence (министр внутренних дел — Наполеону).
[65] Нац. арх. AF. IV—1061 (№ 91). *Rapport à Son Excellence* etc. (сентябрь и октябрь 1810 г.).
[66] Проф. И. И. Кауфман в своем исследовании «Серебряный рубль в России» (СПб., 1910, стр. 192) делает такое замечание: «...любопытно, что как раз во время вторжения Наполеона в Россию этот баланс особенно улучшился... Как раз перед вторжением Наполеона иностранный спрос на товары русского экспорта очень усилился, и это вызвало усиленное сосредоточение в русских портах колониальных и английских товаров». Это мимолетное улучшение курса относится к последним месяцам перед войной.
[67] Вел. кн. Николай Михайлович. Цит. соч., т. V, стр. 229. Коленкур — Наполеону, от 8 декабря 1810 г.
[68] Нац. арх. AF. IV—1318, № 100. *Rapport contenant un précis des demandes faites aux Puissances continentales* etc. Подписано: Le ministre des relations extérieures Champagny, duc de Cadore.
[69] Хотя и тут были опоздания; ср. там же, № 102.
[70] Вел. кн. Николай Михайлович. Цит. соч., т. V, стр. 49. Коленкур — Шампаньи, от 29 июня 1810 г.
[71] Там же, т. V, стр. 174. Коленкур — Наполеону, от 24 октября 1810 г.
[72] Там же, т. V, стр. 272.
[73] Там же, т. V, стр. 296: Certes ce ne sera pas moi qui manquerai en rien aux traités, qui dérogerai au système continental. Si l'empereur Napoléon vient sur mes frontières, s'il veut par conséquent la guerre, il la fera, mais sans avoir un grief contre la Russie. Son premier coup de canon me trouvera aussi fidèlement dans le système, aussi éloigné de l'Angleterre que je l'ai été depuis trois ans. Je vous en donne ma parole, Général.
[74] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Sa Majesté.* Paris, le 24 septembre 1810: Les peuples du Nord et de l'Est, c'est-à-dire partie de Danemarc, la Norvège, la Suède et la Russie s'approvisionnent par la Baltique et les autres mers qui baignent leurs côtes. Outre que la voie de terre est impraticable pour quelques uns de ces états, trop longue et trop coûteuse pour d'autres, en passant par la France, Votre Majesté seule peut connaître jusqu'à quel point il est possible de compter que les droits et la surveillance y maintiendront le prix au niveau de nôtre. Mais en suivant la côte depuis la frontière de la Hollande jusqu'à Hambourg, en allant de là à Lubeck et en cotoyant de nouveau la mer jusqu'au Dantzig, tous les pays situés au sud de cette ligne jusqu'aux confins de l'Italie peuvent être censés que

Votre Majesté a eu en vue en s'occupant du transit des denrées coloniales en France.

[75] Наполеон — Шампаньи. Fontainebleau, le 13 octobre 1810. *Correspondance,* t. XXI, стр. 214—215, № 17040.

[76] Наполеон — Александру I. Fontainebleau, le 23 octobre 1810. *Correspondance,* t. XXI, стр. 234, № 17071: Si elle (Votre Majesté.— *E. T.*) les admet, la guerre dure encore; si elle les séquestre et confisque leur chargement ...le contre-coup qui frappera l'Angleterre sera terrible... Il dépend de Votre Majesté d'avoir la paix ou de faire durer la guerre. La paix est et doit être son désir. Votre Majesté est certaine que nous y arrivons si elle confisque ces six cents bâtiments ou leur chargement.

[77] Нац. арх. F[12] 514. Ministère de l'Intérieur. Nouvelles anglaises, 2-й листок.

[78] Там же, 3-й листок.

[79] Наполеон — Шампаньи. Fontainebleau, le 4 novembre 1810. *Correspondance,* t. XXI, стр. 252—253, № 17099.

[80] *Note du duc de Cadore au prince Kourakine.* Paris, le 2 décembre 1810. *Correspondance,* t. XXI, стр. 297—299.

[81] Ср. его письмо к Даву. Saint-Cloud, le 5 juillet 1811. *Correspondance,* t. XXII, стр. 308, № 17892.

[82] Вел. кн. Николай Михайлович. Цит. соч., т. IV, стр. 257, Коленкур — Шампаньи, от 19 января 1810 г.: Nous ne sommes, pour ainsi dire, dans cette affaire que vos disciples... et nous ne voulons faire ni plus ni moins que vous.

[83] Там же, т. V, стр. 50—51. Коленкур — Шампаньи, от 29 июня 1810 г. (разговор был 20 июня): ...et Sa Majesté mit en avant que c'était la Russie qui conservait seule le principe primitif et exerçait une rigueur égale à l'égard des Russes et des étrangers.

[84] Там же: ...l'Empereur termina en disant qu'il ne me parlait de cela que comme d'un objet de conversation générale...

[85] Там же, т. V, стр. 225. Коленкур—Наполеону, от 8 декабря 1810 г.: Parlons franchement... Quel est pour la France le but des mesures que vous prenez? — C'est d'avoir seule les bénéfices du commerce des denrées coloniales, d'en avoir le monopole. Je ne m'y oppose pas, je ne me mêle pas de ce qui ce passe chez les autres. Qu'on agisse donc de même envers moi! Pourquoi n'aurais-je pas le droit de recevoir des sucres des Américains, quand pour un droit quelconque vous laissez consommer chez vous et chez les autres les denrées des vos colonies et même des celles des autres?

[86] Нац. арх. AF. IV—1242. Séance du 24 juin 1811 (протокол заседания совета по управлению торговлей и мануфактурами, начиная от слов: Sa Majesté fait à ce objet les observations et prescrit les dispositions suivantes etc.

Наиболее характерная фраза Наполеона здесь такова: «Si les Anglais n'en tirent point de la Baltique, ils en tireront d'Amérique. D'ailleurs, il serait impossible d'empêcher la Prusse et la Pologne d'en exporter» (речь идет о хлебе).

[87] Нац. арх. F[12] 616—617. Consulats. Renseignements sur le commerce. *Tableau des prix des grains* (29 juin 1811).

[88] *Record Office,* F. O. 36, № 5. Heligoland, 2 july 1810. Nicholas— лорду Уэлсли: ...the late journey of the emperor to Twer and Moscow as well as the present are attributed to His Majesty wish to withdraw himself from the influence of the persons who now surround him and to consult count Rastopchin who is reported to have gained the secret confidence of the emperor.

[89] Вел. кн. Николай Михайлович. Цит. соч., т. V, стр. 2—3. Коленкур — Шампаньи, от 26 мая 1810 г.

[90] Там же, т. V, стр. 261. Коленкур — Наполеону, от 5 января 1811 г.

[91] Там же, т. V, стр. 262. Коленкур — Шампаньи, от 16 января 1811 г.

[92] Там же, т. V, стр. 271.

[93] Там же, стр. 270: ...le commerce français est donc reduit au désespoir et dans une position vraiment critique.

[94] Полный свод законов Российской Империи, т. XXXI, стр. 486, № 24464. Манифест от 19 декабря 1810 г.: Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе.

[95] Шелковые материи запрещались вовсе, на французские вина налагалась громадная пошлина (80 рублей за оксофт в 18 ведер, см. «Книга тарифов П. С. З. Р. И.», XLV (1810 г.).

[96] *Lettres inédites de Napoléon*, t. II, стр. 116—117. Наполеон — Шампаньи. Paris, le 3 mars 1811: ...je ne ferai point la guerre pour la raison de l'oukase et du tarif... mais... je me tiendrai en mesure contre les effets du mauvais esprit qui a dicté cet acte... J'ai dit moi-même à M. de Czernitschef que depuis que j'ai eu connaissance de l'oukase, j'ai levé la conscription et que cet acte me coûterait 100 millions cette année.

[97] *Record Office*, F. O. 36, № 5. Heligoland, 7 march 1811. Nicholas — лорду Уэлсли: Mylord... I yesterday received two letters from the continent... These letters speak with considerable confidence of the misunderstandings which is said to have taken place between the french and russian governments relative to the new tariff and the Continental Commercial System. The mercantile letters from Petersburg represent a rupture between the two posers as inevitable and hold out hopes that licenses will shortly be granted for the importation of Britisch colonial produce.

[98] Pitkin T. *A statistical view of the commerce of the United States...* Hartford, 1816.

[99] Нац. арх. AF. IV—1061, № 106. Wesel, le premier novembre 1811.

[100] Нац. арх. AF. IV—1242. *Rapport à Sa Majesté.* Paris, le 31 décembre 1810.

[101] La Russie surtout, la plus forte et la plus lézée.. *(Mémoires du duc de Rovigo*, t. III, стр. 74).— Дальнейшие суждения Лаффита вполне подтверждают мысль, высказанную К. А. Военским в его интересном этюде «Причины войны 1812 года» (о потерях, испытанных больше всего именно дворянством).

[102] Там же.

[103] Наполеон — Шампаньи. Paris, le 1 avril 1811. *Correspondance*, t. XXII, стр. 3—4, № 17538: ...que sans doute les contrebandiers... chercheraient de toute manière à nouer une trame avec le continent, mais que cette trame je la couperais avec mon épée si cela devenait nécessaire.

[104] Нац. арх. AF. IV—910 (1811 год). 5 avril. Наполеон — герцогу де Кадору: Quant à l'Angleterre il faut par insinuation et par tous les moyens possibles empêcher le commerce anglais, avoir à ce sujet des correspondances suivies avec nos consuls et instruire de tout ce qui est relatif à ce point. Il est probable que la moindre apparence d'une paix avec l'Angleterre sera le signal de la guerre...

[105] Нужно отметить, что Александр I и в вопросе о блокаде проявляет те основные черты своего ума и характера, которые так прекрасно выяснены в последнее время новейшими историками (А. А. Кизеветтером и вел. кн. Николаем Михайловичем). В частности, должно отметить, что и здесь Румянцев и другие являлись простыми исполнителями воли государя.

[106] Ср. *Mémoires de Joseph Fouché*, t. II, стр. 90: La guerre de Russie n'a pas été une guerre entreprise pour de sucre et du café, *comme l'a d'abord cru le vulgaire...*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава XX

[1] Нац. арх. AF. IV—1060, № 39. 28 février 1806. *A Sa Majesté l'Empereur et Roi* (les fileurs du département de la Seine et environs).

[2] Нац. арх. AF. IV—1060. Paris, le 17 juin 1810. *Du commerce de coton:* Et cependant quel serait le résultat d'un système aussi désastreux? ...La contrebande pourvoirait à un goût, à une consommation qu'aucune loi ne saurait empêcher. La contrebande s'enrichirait et le commerce régulier serait anéanti...

[3] Нац. арх. F^{12} 508. *A Monsieur Degerando, secrétaire général du ministre de l'Intérieur* (16 février 1808).

[4] Нац. арх. F^{12} 508. Lyon, le 3 juin 1808. *La Chambre de commerce de Lyon à Son Excellence Monseigneur le Ministre de l'Intérieur.*

[5] Нац. арх. F^{12*} 194. 57 séance du 13 juillet 1811.

[6] Нац. арх. F^{12} 506 (15 septembre 1807): Les manufactures de coton qui doivent leur renaissance, ou plutôt leur création au bienfaisant décret de Sa Majesté, prohibant les tissus de coton étrangers conçoivent les plus vives inquiétudes et craignent d'être obligé de cesser bientôt leurs travaux, si la rupture de la neutralité des Portugais et des Américains vient empêcher les arrivages des cotons en laine...

[7] Нац. арх. F^{12} 1569. Département de l'Eure, *Bulletin contenant le prix commun des cotons en laine et filés aux mull-jennys etc. ...pendant le mois de juin 1808.*

[8] Нац. арх. F^{12} 1569. Evreux, le 5 octobre 1809. *Le préfet du département de l'Eure à Son Excellence le ministre de l'Intérieur:* Cette branche d'industrie, Monseigneur, est pour ainsi dire nulle en ce moment...

[9] Нац. арх. F^{12} 1554. *Cours des dénrées dans les principales places de l'Empire* (mai 1808).

[10] Нац. арх. F^{12} 1569. Département de l'Eure. *Bulletin contenant le prix commun des cotons en laine et filés aux mull-jennys* etc. *...pendant le mois de mars 1809.*

[11] Нац. арх. F^{12} 1569. Rouen, le 13 mars 1809. Префект Нижней Сены — министру внутренних дел: Chacun essaye de déviner les événements politiques: chacun se forme une opinion sur les intentions des puissances de l'Europe...

[12] Если бы читателю захотелось еще услышать этот силлогизм, то можно привести следующие слова из доклада министра внутренних дел Наполеону, от 1 апреля 1811 г.: ...le développement de beaucoup de branches de l'industrie française ne peut s'opérer complétement que par l'effet de la permanence de certains droits, tels que ceux qui pèsent sur les sucres, les indigos, la cochenille. La culture du coton en France ne peut non plus se propager rapidement qu'à la faveur de la surcharge qui pèsera sur les cotons des colonies. (Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* etc. le 1 avril 1811, № 58).

[13] Нац. арх. AF. IV—1061. 20 avril 1810. *Rapport du Ministre des finances à Sa Majesté* (*до* декрета от 22 февраля 1806 пошлина на хлопок равнялась всего одному франку).

[14] *Mémoires de M. Richard-Lenoir*, t. I. Paris, 1837, стр. 393.

[15] Там же.

[16] Нац. арх. F^{12} 616—617. Consulats. Renseignements sur le commerce. *Tableau des prix des denrées coloniales sur diverses places de l'Europe d'après les dernières côtes parvenues à la division des consulats.* 29 juin 1811.

[17] Нац. арх. F^{12} 622 (1809), № 3: Je conçois qu'il vaudra mieux ne consommer que laine, le lin et la soie, productions de notre sol, et que le coton fût partout proscrit sur le continent, puisque nous ne possedons pas des colonies, mais comme nous ne sommes pas maîtres de régler les modes...

[18] Нац. арх. AF. IV—1061. *Rapport à Sa Majesté.* Paris, le 1 juillet 1811, № 79—80: Il s'agissait principalement de diminuer en France la consommation des cotons étrangers dans la vue d'en encourager la culture chez nous...

[19] Нац. арх. F[12] 616—617. Ministère de l'Intérieur. Copie (пачка № 3, 1810—1811).

[20] Нац. арх. F[12] 511-A. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur.* Paris, le 2 juin 1808.

[21] Нац. арх. IV—1241, № 104: Je, soussigné etc.

[22] Там же, Paris, le 13 août 1810. *Rapport à Sa Majesté.*

[23] Нац. арх. F[12] 1615. 15 janvier 1808. *A MM. les présidents et membres composant la Chambre de commerce consultative:* Les circonstances politiques commandant impérieusement l'usage des productions du sol français...

[24] Нац. арх. F[12] 1615. Paris, le 20 août 1810. *Rapport, présenté au ministre de l'Intérieuer.*

[25] Там же.

[26] Британский музей, № 8247, b. 23. *Apperçu sur le commerce* etc. ...*du Piémont,* par Grassi (около 1812 г.): C'est dans des manufactures semblables qu'on peut introduire le coton artificiel, c'est à dire le chanvre artistement travaillé à façon de coton. Depuis que la guerre a fait hausser le prix de cette denrée, la fabrication du coton artificiel est devenue l'objet des spéculations de plusieurs manufacturiers de l'intérieur, de la Suisse et de l'Italie.

[27] Нац. арх. AF. IV—1242. Paris, le 14 janvier 1811. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* etc. (подписано: Montalivet).

[28] Нац. арх. F[12] 1561. Département de la Somme, filatures des cotons etc. (Fait à Amiens, le 14 mai 1809. Доклад префекта Соммы министру внутренних дел).

[29] Так, в 1808 г. был командирован некий Peretié (Нац. арх. F[12] 549—550. *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur.* Paris, le 31 mai 1808). Его командировали: *plusieurs chefs d'ateliers de filatures et maisons de commerce de Paris et de villes environnantes.*

[30] Нац. арх. F[12] 616—617. *Extrait de la correspondance du Consul de St. Jean d'Acre,* 10 avril: «Soliman Pacha ne sachant plus où mettre son coton, désire d'en expédier une quantité en France». Там же, 9 mai: «Soliman Pacha qui a dans ses magasins environ 20.000 quintaux décimaux de coton dont il ne sait que faire... m'a prié de réitérer à Votre Excellence la prière» etc.

[31] Нац. арх. AF. IV—1318. Докладная записка Сен-Кантенской совещательной палаты, от 7 мая 1810 г.: ...la rareté des cotons oblige le manufacturier à se pourvoir non laines qu'il voudrait avoir et dont il a besoin, mais de celles qu'il trouve sur la place. Il est résulté de cet état de choses un nouveau système de fabrication.

[32] Там же: ...les cotons de Macédoine... autrefois rebutés, non sans motif, et maintenant au premier rang... La qualité des toiles s'en ressentent...

[33] Нац. арх. F[12]* 194. 76 séance du 6 février 1812.

[34] Ср. Нац. арх. AF. IV—1293, №№ 210—211, 229—231, 217—219, 212—213 и т. п. (это номера документов картона; номера дел: 82, 70, 72, 76, 75, 70).

[35] Там же, № 220—221 (номер *дела* 73).

[36] Там же, № 223—228 (номер *дела* 74).

[37] Ср. Нац. арх. F[12]* 198. *Rapports à Sa Majesté.* 1812—1813. On propose d'autoriser l'admission de 82 balles de coton de Brésil sous condition d'exporter la contre-valeur en marchandises françaises dont moitié au moins en soieries. Approuvé à Moscou, 5 octobre (1812); Demande d'admission de 269 balles coton motril pour M-r Lesseps à charge d'en exporter la contre-

valeur en soieries. Approuvé à Moscou, 5 octobre (1812); там же о ввозе 33 кип хлопка (Барраденом и Ториком), approuvé à Moscou, 20 septembre 1812, etc., etc.

[38] 34 Congress, 1 session, House of Representatives. *Report of the commercial relations of the United States with all foreign nations,* vol. I. Washington, 1856, стр. 123.

[39] Цифра явно неточная; но вообще цифровые данные за 1814 г. очень сомнительны.

[40] *Extrait des bulletins de la Société industrielle de Mulhouse.* Notes pour servir à l'histoire de l'industrie cotonnière dans les départements de l'Est, par M. E. Dollfus, lues dans les séances des 26 novembre et 31 décembre 1856, стр. 26.

[41] *Exposé de la situation de l'Empire présenté par le ministre de l'Intérieur,* le 24 août 1807. (*Correspondance,* t. XV, стр. 644).

[42] Нац. арх. AF. IV—1060. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi.* Paris, le 18 juin 1807 (подписано Champagny): Pendant que presque toutes les branches d'industrie languissent la fabrication des fils et tissus de coton a repris un rapide essor; non seulement elle a réparé ses pertes mais elle a pris un accroissement assez sensible pour occuper dans quelques contrées *tous* les bras oisifs.

[43] Там же.

[44] Ср. *Observations sur la situation actuelle de nos relations commerciales avec les Américains.* Нац. арх. F[12] 502 (1809 г.): Les fabriques des étoffes légères en laine telles que les serges, les étamines... sont presque toutes anéanties parce que les femmes des campagnes les ont quitté pour les étoffes de coton.

[45] Нац. арх. AF. IV—1060. *Résumé des premiers renseignements* etc. Somme: D'ailleurs un grand nombre des tisserands se sont portés sur le tissage du coton; et la filature ainsi que le tissage du blanc ont repris toute leur activité.

[46] On peut avancer que cette augmentation serait plus forte de plusieurs milliers de broches dans la commune d'Amiens seulement, si la hausse du prix des cotons n'eût pas arrêté les projets de beaucoup de fabricants.

[47] Нац. арх. F[12] 1561. Département de la Somme. Filatures des cotons etc. (le 14 mai 1809). *Changements arrivés dans la qualité des tissus* etc.

[48] Нац. арх. F[12] 1561. Département de la Somme. Filatures des cotons et tissage des étoffes de coton. (Fait à Amiens, le 14 mai 1809).

[49] Нац. арх. F[12] 1561. Rouen, le 29 mai 1809. Situation de l'industrie... relative à l'emploi du coton. Tissage. В небольшом реферате Ritter'a, прочитанном на недавнем праздновании тысячелетия Нормандии *La Chambre de commerce de Rouen et la politique économique du premier empire,* к сожалению, не находим ни этих цифр, ни других показаний о количестве рабочих в департаменте.

[50] Нац. арх. F[12] 1561. Письмо префекта Нижней Сены министру внутренних дел, Rouen, le 29 mai 1809: ...on apperçoit que l'excessive cherté des matières premières est la cause principale de la stagnation de l'industrie manufacturière...

[51] Там же.

[52] Нац. арх. F[12] 1561. Département du Rhône: Les fabriques n'y sont pas réunies en de vastes ateliers mais elles sont disséminées entre les mains de presque autant de personnes qu'il y a d'habitant... Le décret de prohibition des tissus étrangers avait donné une activité étonnante à toute cette multitude de petits ateliers; ils étaient extrêmement florissants au 1 mai 1808, mais la cherté subite des matières premières et le défaut de consommation ont opéré depuis cette époque une diminution... etc., etc.

[53] Нац. арх. AF. IV—1060, № 89. 27 décembre 1808. Шампаньи — Наполеону.

[54] Нац. арх. F[12] 1561. Département du Nord. *Filatures de coton au 1 mai et au 1 novembre 1808.*

[55] Нац. арх. F[12] 1561. Département du Nord. *Fabriques de tissus de coton aux 1 mai et 1 novembre 1808.*

[56] Ср. Нац. арх. F[12] 1561. Département de Roer. *Etat des fabriques de tissus de coton au 1 mai et 1 novembre 1808.* Графа: Observations.

[57] Нац. арх. F[12] 1602. *Situation des fabriques et manufactures de coton de l'Empire* etc. Département de la Seine.

[58] Direction de statistique. *Etat comparatif des filatures et fabriques de tissus de coton en mai et novembre 1808 dans quelques départements de la France.*

[59] Нац. арх. AF. IV—1318. Paris, le 20 juin 1810. *Rapport à Sa Majesté:* Lorsqu'au mois d'août 1808, Votre Majesté visita la ville de Nantes, frappée de l'état de langueur dans lequel se trouvaient les manufactures de coton, par la rareté et le haut prix de cette matière... etc., etc.

[60] Там же.

[61] Нац. арх. AF. IV—1060. Paris, le 18 mai 1808. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi:* Les fabricants de tissus de l'Allemagne et de la Suisse privés maintenant de cotons qu'ils tiraient d'Angleterre... se rejettent sur les cotons filés en France...

[62] Там же: ...ateliers de tissage... auraient tout ensemble à lutter et contre l'extrême cherté des fils et contre les tissus étrangers.

[63] Нац. арх. F[12] 1561. 29 avril 1809 (префект Верхнего Рейна министру внутренних дел): «La question sur la prohibition des fils de coton étrangers occupe diversement mon département: les tisseurs font des vœux pour l'introduction... de leur côté les fileurs réclament la protection du gouvernement... — Дело в том, что и после декрета, от 22 февраля 1806 г. для некоторых сортов иностранной пряжи допускались изъятия.

[64] Нац. арх. F[12] 1561. Colmar, le 29 avril 1809 г. (префект Верхнего Рейна — министру внутренних дел): ...les tisseurs... voient dans la prohibition une entrave à l'alimentation et au perfectionnement de leurs ateliers; les filatures françaises, disent-ils, ne peuvent encore fournir à tous nos besoins, surtout en fils fins...

[65] Нац. арх. F[12] 1561. Bruges, le 13 mai 1809. Префект департамента Lys—министру внутренних дел: Votre Excellence remarquera que les établissements de filature sont déchus d'un tiers dans le court intervalle du 1 mai au 1 novembre; on doit en attribuer la cause non seulement au renchérissement des matières premières, mais plus encore aux difficultés que les fabricants ont de se les procurer.

[66] Нац. арх. AF. IV—1060, № 160. Крете — Наполеону, от 19 января 1809 г.: Elles (les villes manufacturières — *E. T.*) souffrent mais non d'une manière intolérable.

[67] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 1 juillet 1811. *Rapport à Sa Majesté* etc. (№№ 79—80).

[68] Нац. арх. AF. IV — 1061. Paris, le 1 juillet 1811. *Rapport à Sa Majesté* etc. (№ 79).

[69] Дело было на заседании совета по управлению торговлей и мануфактурами (conseil d'administration du commerce et des manufactures) в Сен-Клу 19 августа 1811 г. (протокол в Нац. арх. AF. IV—1243, № 70): Mais pourquoi les manufactures de coton plaindraient-elles? pensent-elles avoir l'espérance de lutter avec l'Angleterre dans les marchés du Levant? Cela serait absurde.

[70] Нац. арх. AF IV—1061, № 112. *Relevé des valeurs des exportations de cotonnades pour les royaumes d'Italie, d'Allemagne et de Naples.*

Глава XXI

[1] Ср. Нац. арх. F^{12} 1391 (9 prairial, an IX). *Le c. Gabriel Damemme, membre du directoire de l'habillement et l'équippement des troupes au ministre de l'Intérieur.*

[2] Наполеон — Камбасересу, Rouen, le 8 brumaire, an XI (30 octobre 1802). *Correspondance*, t. VIII, стр. 80.

[3] Нац. арх. F^{12} 1391. *Causes du déperissement de la fabrique de Reims.*

[4] Нац. арх. F^{12} 623—624. Commerce (départements Ardennes, Aude, Calvados, Tarn etc.).

[5] Нац. арх. F^{12} 1391. Ministère de l'Intérieur. Section des arts et manufactures (подписано: Degerando, Bardet, Hennebert).

[6] Нац. арх. F^{12} 1565. Mende, le 21 fructidor, an VIII. *Le préfet du département de la Lozère au ministre de l'Intérieur.*

[7] Нац. арх. F^{12} 618 (№ 21). *Précis à Messieurs composant le Jury établi par le décret Impérial du 24 fructidor, an XII*—1807. Etablissements Ternaux, 1807.

[8] Нац. арх. F^{12} 509—510. Lyon, le 15 novembre 1808 (торговая палата министру внутренних дел).

[9] Архив департамента Устьев Роны, M. 14—4. Fabrication de bonnets de laine, façon de Tunis. Графа «Observations»: Elle (la fabrication de bonnets de laine.—*E. T.*) ne travaille que pour un peuple étranger... c'est peut être la seule manufacture en France, dont les produits ne trouvent de consommateurs que dans l'étranger...

[10] Архив департамента Устьев Роны. M. 14—4. Fabrication de bonnets de laine, façon de Tunis.

[11] Нац. арх. AF. IV—1060. *Résumé des premiers renseignements recueillis sur l'application du décret du 25 mars 1807.*

[12] Нац. арх. F^{12} 1614. *Mémoire de tisserands en laine, wollewevers, de la commune de Gand... présenté au préfet du département de l'Escaut, pour remettre aux Consuls de la République* etc. (21 brumaire, an X).

[13] Там же.

[14] Он говорит относительно департамента Шельды «le moyen âge»; относительно же департамента Dyl'я более правильно: «au XIII-e et XIV-e siècles» (Нац. арх. F^{12} 506. Dyle. Fil, coton, laine et soie).

[15] Нац. арх. F^{12} 1569. Département de Tarn-et-Garonne (Moutauban, le 23 août 1809).

[16] Нац. арх. F^{12} 616—617. *Renseignements donnés par le chargé d'affaires de France à Francfort sous la date du 16 juillet 1810.*

[17] Нац. арх. F^{12} 1569. *Programme des prix proposés par le ministre de l'Intérieur* etc. (an IX).

[18] Нац. арх. F^{12} 620—621. a) *Nouveau Rapport du ministre de l'Intérieur... sur les bergeries Impériales* etc. (№ 28906); b) *Observations particulières de M. de Gerando sur les bergeries Impériales.*

[19] Ср. Нац. арх. F^{12} 1573. Département de la Dordogne. *Etat de situation des fabriques et manufactures de draps... pendant le 1 trimestre de 1810, le 2 sem. de la même année et le 1 sem. de 1811.* Графа «Observations»:... les mérinos presque innconus jusqu'à ce jour sont recherchés...

[20] Нац. арх. AF. IV—1242. Séance du 24 juin 1811. (№ 466).

[21] Нац. арх. AF IV—1241. Заседание совета по управлению торговлей и мануфактурами от 27 августа 1810 г.: Sa Majesté s'arrête particulièrement à la culture des laines et à l'utilité de la multiplication des mérinos ...la quantité des mérinos importeé d'Espagne doit être seulement considérée sous le rapport du nombre des beliers... etc.

[22] Нац. арх. F^{12} 622. *Mémoire sur le commerce de France et de* ***Russie*** *relativement à la draperie* (par M. Ternaux, 1809).

[23] Нац. арх. F^{12} 620—621. *Tableau comparatif de la valeur* ***des laines*** (novembre 1811).

[24] Нац. арх. F^{12} 1586. Département des Deux-Sèvres. a) *Etat de situation* etc. *des fabriques et manufactures de draps* (1811); b) Niort le 12 mars 1812 (префект — министру); c) Niort, le 30 décembre 1811 (торговая палата — мэру Ніора — о бедственном состоянии дубильно-кожевенного производства).

[25] Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 15 avril 1810. *Rapport à Sa Majesté* etc. (министра внутренних дел Монталиве): Je n'ignore pas, Sire, que Votre Majesté a toujours attaché peu d'importance à ce que ces ventes donnassent un produit plus ou moins élévé, mais que ce qui la touchait essentiellement, était l'intérêt de nos manufactures...

[26] Нац. арх. F^{12} 1579. Loir-et-Cher. *Etat* etc. *des fabriques et manufactures de draps et autre étoffes de laine de toute espèce pendant le 1810—1811.*

[27] ...le rallentissement dans la consommation. Нац. арх. AF. IV—1061. Paris, le 25 novembre 1811. *Rapport à Sa Majesté* etc. (министра внутренних дел).

[28] Нац. арх. F^{12} 620—621. *Evaluation de Son Excellence le ministre de l'Intérieur. Laines importées et exportées.*

[29] Ср. заседание от 9 января 1812 г. (Нац. арх. F^{12*} 194): Quoique Son Excellence ait bien voulu nous dire que nous pouvions nous occuper de tout ce qui tendait à la plus grande prospérité du commerce et des manufactures et lui adresser les résultats de nos opinions, mon avis est que dans cette circonstance particulière nous devons lui demander s'il nous autorise à disculer sur un décret, rendu par Sa Majesté...

[30] Нац. арх. F^{12} 511—A. Administration de la Guerre. *Copie de la lettre écrite le 5 décembre 1811 par Son Excellence le Ministre Directeur à Son Excellence le Ministre de l'Intérieur.*

[31] Нац. арх. F^{12*} 194, 165 séance du 28 octobre 1813.

[32] Нац. арх. F^{12*} 194, 131 séance du 1 mars 1813.

[33] Ср. показание префекта Луары (Orléans, le 13 juillet 1812. *Manufactures en laine... 1811—1812.* Нац. арх. F^{12} 1580): La rareté des subsistances et leur haut prix ont établi dans le plus grand nombre des familles une disproportion désolante entre les frais de nourriture et les salaires journaliers. Un très grand nombre des chefs et individus de ces familles ont préféré le vagabondage et la ressource de mendier à un travail assidu, mais peu lucratif. Les manufactures ont été abandonnées par les ouvriers en grande partie.

[34] Нац. арх. F^{12} 1622. (Bouches de l'Escaut). 1812.

[35] Нац. арх. F^{12} 1571. Département de l'Aveyron. *Réponse aux questions faites par Son Excellence* (22 mai 1812).

[36] Exposé etc. *Tableau comparatif des balances de commerce des années 1787... avec celles des années 1811 et 1812* (№ 59).

[37] *Exposé,* стр. 3.

Глава XXII

[1] Нац. арх. F^{12*} 190, Заседание Conseil général de Commerce, le 25 brumaire, an XIII.

[2] Архив Лионской торговой палаты. Procès-verbaux, 190, заседание 24 апреля 1806 г. О станке Жаккара и об его освидетельствовании см. в приложениях — Архив Торговой палаты, 29 frimaire, an XIII.

[3] Нац. арх. F^{12} 1602. *Rapport à Sa Majesté,* le 10 septembre 1810.

[4] Нац. арх. F^{12} 1566. 4-me Division. Paris, le vendémiaire, an V. *Rapport présenté au ministre de l'Intérieur.*

[5] *Mémoires sur le Consulat (1799—1804),* par un ancien conseiller d'Etat, стр. 347 (Мемуары Тибодо): C'est une discussion éternelle entre les planteurs de mûriers et les fabricants de soie.

[6] Нац. арх. AF. IV—1241. Séance du 9 juillet 1810.

[7] *Королевство* в точном смысле слова (департаменты Арно, По, Сезии, Маренго, Апеннинский, Римский входили в состав *Империи* и посчитаны в числе имперских 24 департаментов, давших сведения о шелководстве в 1810 г).

[8] Нац. арх. F^{12} 1602. *Rapport à Sa Majesté,* le 10 septembre 1810.

[9] Там же. *Projet de décret Impérial,* art. 4.

[10] Нац. арх. F^{12} 1602. *Rapport à Sa Majesté,* le 10 septembre 1810 (sur la série de questions faites par Sa Majesté au sujet de la soie et des tissus dont cette matière est le principe. Кстати: министр внутренних дел сознался императору, что этимологическое происхождение слова *l'organsin* он не мог найти. Обозначает же это слово шелковую пряжу, «дважды побывавшую на сучильном станке»).

[11] Наполеон — Крете. Bayonne, le 27 mai 1808. *Correspondance,* t. XVII, стр. 214—215, № 14000.

[12] Наполеон — Элизе Бачокки. Paris, le 22 février 1806. *Correspondance,* t. XII, стр. 87, № 9870.

[13] *Mémoires de Fleury de Chaboulon...* avec annotations manuscrites de Napoléon, publiées par L. Cornet, t. I. Paris, 1901, стр. 190: Ma cour, il est vrai, était superbe, j'aimais le luxe non pour moi, un frac de soldat me suffit, je l'aimais parce qu'il fait vivre nos ateliers; sans luxe point d'industrie (слова, якобы сказанные Наполеоном 17 марта 1815 г. в Оксерре).

[14] Там же, t. II. *Notes manuscrites du tome premier,* к стр. 190 (Notes marginales écrites au crayon par Napoléon I à Sainte-Hélène sur un exemplaire des *Mémoires* etc., par Fleury de Chaboulon. Imprimé à Londres en 1819).

[15] *De l'industrie française,* t. II. Paris, 1819, стр. 116.

[16] Архив Лионской торговой палаты. Procès-verbaux, 6 (заседание 3 июля 1806 г.).

[17] Нац. арх. AF. IV—1060. Laines et soieries. *Notes pour Sa Majesté l'Empereur et Roi.* Paris, le 6 juin 1808.

[18] Нац. арх. F^{12} 507. Lyon, le 23 juillet 1807 (префект Роны — министру внутренних дел).

[19] Нац. арх. F^{12} 534. Lyon, le 20 août 1807. *La Chambre de commerce de Lyon à Son Excellence le Ministre de l'Intérieur.*

[20] Нац. арх. F^{12} 1588. *Etat* etc. *dans la fabrique d'étoffes de soie d'Avignon* (1810, 1811, 1812, 1813).

[21] Нац. арх. F^{12} 1588. *Etat des métiers battants* etc. Интересно, что префект как бы оправдывается, что он в этих второго рода ведомостях дает общие цифры: ...nous n'avons pas cru devoir borner le nombre des ouvriers employés à ceux seulement qui travaillent sur le métier et qu'on appelle tisseurs (Avignon, le 14 août 1811).

[22] Нац. арх. F^{12} 1575. Gard (1810—1813. Etoffes de soie).

[23] Нац. арх. F^{12} 1602. *Situation des fabriques de soie de l'Empire en 1789, 1800 et 1812.*

[24] Нац. арх. AF. IV—1602, № 23. *Note pour Sa Majesté* (ministère des manufactures et du commerce).

[25] В подлиннике сильнее: ...ce passage subit *de l'état de prospérité* à celui-ci... (Архив Лионской торговой палаты, 25 заседание 6 декабря 1810 г.).

[26] Нац. арх. AF. IV—1062. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur par les députés de Lyon sur l'état et la situation de la fabrique d'étoffes de soie de cette ville* (18 декабря 1810 г.).

[27] Архив Лионской торговой палаты, III—34, заседание 31 января 1811 г., отчет депутации, стр. 34: La réunion de ces divers moyens nous paraît propre à soutenir au moins la fabrique jusqu'au moment, où le

rétablissement libre et complet de *toutes* les relations commerciales qui doit être le résultat des hautes conceptions de Sa Majesté lui permettra de prendre tout son essor.

[28] Архив Лионской торговой палаты, 31 (Procès-verbaux). Заседание 24 января 1811 г.

[29] Нац. арх. AF. IV—1062. *Observations sur une note relative aux licences* (janvier 1813): Des manufacturiers de Lyon et de Paris se sont industriés à faire des étoffes d'une riche apparence et de la moindre valeur qu'il leur a été possible pour les exportations par licences. On pourrait même dire que quelques-uns se sont surpassés dans cette espèce de dégradation et de fausse apparence. Il y a lieu de craindre que ces fabrications que l'on pourrait qualifier de frauduleuses, ne deviennent funestes aux véritable intérêts de l'industrie manufacturière. Si ces marchandises sont jetées à la mer il n'en résulte que la conséquence d'un travail sans fruit... mais si ces étoffes étaient portées dans les marchés étrangers, elles ne pourraient qu'y décrier nos manufactures et leur faire perdre leur bonne réputation.

[30] Нац. арх. AF. IV—1061 *Observations sur les commissions à donner par le gouvernement aux fabriques de Lyon* (2 janvier 1811).

[31] Нац. арх. F[12] 1583. Paris, le 4 novembre 1811. *L'Auditeur au Conseil d'Etat* (доклад); влияние торговли с американцами, успевшими за 1811 г.— и то не весь, а до начала ноября — сделать заказов на 5 миллионов франков, отмечено особенно: ...de toutes les mesures adoptées par Sa Majesté l'influence la plus grande et la plus marquée est certainement l'admission des bâtiments des Etats-Unis et la délivrance des permis américains.

[32] Ср. Нац. арх. F[12] 1583. (3 avril 1815), № 442.

[33] Нац. арх. F[12] 1602. *Rapport général sur la situation des fabriques et manufactures de soieries en France.*

[34] Там же.

[35] Там же.— Отметим, что в этом общем подсчете министр считает, что в Империи шелковой промышленностью занимаются 13 департаментов. Он здесь посчитал два департамента (Сезию и Зюйдерзее), пропущенные в документе *Etat général* (1812 г.), печатаемом в приложении.

[36] *Exposé* etc., tableau № 59.

Глава XXIII

[1] Нац. арх. F[12] 1628—1635. Produits annuels, № 11.

[2] Нац. арх. F[12]* 194. 116 séance du 26 novembre 1812.

[3] Нац. арх. AF. IV—1061. *Note pour Sa Majesté...* Paris, le 31 juillet 1811: Il est d'ailleurs démontré que nous pouvons nous passer des importations étrangères parce que nos fileteries (Sic!— *E. T.*) de Rouen, Lille, Bailleul et Tournay suffisent à nos besoins...

[4] Нац. арх. F[12] 1615. *La Chambre consultative du commerce et des manufactures de Courtray à Son Excellence le ministre des manufactures et commerce.* Courtray, le 16 mars 1812: ...la culture de cette graine... a malheureusement dégénerée depuis trois ou quatre ans au point de menacer une ruine totale; le motif en est que la communication par mer avec la Russie étant interceptée, l'on n'a pas pu se procurer la graine de lin de Riga... pour obvier à cet inconvénient ou plutôt à cette calamité publique... etc., etc.

[5] Нац. арх. F[12] 1614. Gand, le 16 mai 1810. *A Son Excellence le Ministre de l'Intérieur, comte de l'Empire* (от Гентской торговой палаты): ...elle ne peut être étendue au delà d'un certain degré, parce qu'il est de fait que le même champ ne peut produire le lin que tous les cinq à six années...

[6] Ср. *A Cambrai il y a cent ans. Notes et souvenirs d'un Cambrésien 1800—1822.* [Bouly de Lesdam]. Cambrai, 1910, стр. 15—16.

[7] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 8 août 1810. *Rapport à Sa Majesté.*

[8] Ср. *Quelques réflexions sur la filature du lin, communiquées à M. le préfet de la Moselle le 19 juillet et lues à l'Assemblée de la Société d'agriculture, sciences et arts...* le 10 août 1810 (A Metz. Печатный экземпляр — в картоне F^{12} 514).

[9] Нац. арх. F^{12} 1569. Au Puy, le 15 janvier 1811 (префект — министру внутренних дел).

[10] Нац. арх F^{12} 1625. Haute Loire (1811). Tableau № 67. Règne minéral. Dentelles.

[11] Нац. арх. F^{12} 1627. *Tableau général des manufactures et fabriques du département des Vosges* (Epinal, le 7 juillet 1812).

[12] Там же.

[13] Нац. арх. AF. IV—1062. 15 avril 1811. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi.*

[14] Ср. Нац. арх. F^{12} 1616. Anvers, le 25 février 1812. *Le préfet du département des Deux Nèthes à S. E. le ministre des manufactures et du commerce.*

[15] Нац. арх. F^{12*} 194. Séance du 26 décembre 1811.

[16] Нац. арх. F^{12} 1620. Osnabrück, le 12 juillet 1812. Префект Верхнего Эмса — министру мануфактур и торговли: Ce qu'il y a de plus important c'est le vœu des commerçants comme de tous les habitants d'être assimilés aux autres sujets de Sa Majesté et de vouloir tomber la barrière qui les sépare de l'ancienne France et des départements de la Hollande... l'ancien débouché vers l'Angleterre leur est fermé depuis longtemps, et doit l'être pour remplir les grandes vues de l'Empereur... la fabrication languit au grand préjudice de la classe ouvrière...

[17] Нац. арх. F^{12} 1620. *Discours prononcé à Osnabruck le 12 mai 1812... par le chevalier de Keverberg, préfet,* etc.

Глава XXIV

[1] Но в последние годы царствования Наполеона учащаются жалобы и на недостаток дубовых лесов (ср. Нац. арх. F^{12} 1596. *Le préfet de la Haute Marne... à Son Excellence, le ministre de l'Intérieur.* Chaumont, le 29 janvier 1812).

[2] Нац. арх. F^{12*} 194. 131 séance du 1 mars 1813.

[3] Нац. арх. F^{12*} 194. 56 séance du 11 juillet 1811.

[4] Там же.

[5] Нац. арх. F^{12*} 194. 74 séance du 9 février 1812. Доклад Salleron'a.

[6] Нац. арх. AF. IV—1242. Paris, le 29 juillet 1811. *Rapport à Sa Majesté* (министра внутренних дел).

[7] Нац. арх. AF. IV—1060, № 68. Paris, le 5 août 1807. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi* (см. 6-me Observation).

[8] Нац. арх. AF. IV—1242. Paris, le 3 décembre 1810. *Rapport à Sa Majesté* (министра внутренних дел). Там же: *Projet de décret* (№ 114).

[9] Нац. арх. F^{12} 509—510. *Bulletin de Francfort* du 30 avril 1810: Parmi les genres d'industrie dont la rive gauche du Rhin est en droit de s'enorgueillir il faut distinguer les fabricants de cuir du département de l'Ourthe.

Глава XXV

[1] Нац. арх. F^{12} 514. *Mémoire sur l'Etablissement de la manufacture de vernis sur métaux* (1805).

[2] Нац. арх. F^{12} 1606. Forge de la Caillaudière (département de l'Indre),

1811. Observations № 21. То же объяснение дают и в департаменте Isère (Grenoble, 2 décembre 1811, префект — министру).

[3] Там же: De deux choses l'une: ou il faut que le prix des bois baisse en proportion de celui des fers, pour que le maître de forge trouve un bénéfice à sa fabrication, ou il faut que la fabrication cesse... C'est à Sa Majesté qui ne veut que le bonheur de ses peuples et à son gouvernement à juger ce qui est plus avantageux à ses sujets... etc.

[4] Ср. Нац. арх. F^{12} 1305-A. 7 ventôse, an IX *(Au premier Consul)* и там же: 2 germinal, an IX. Bureau des arts et manufactures (к Thierry).

[5] Ср. мою книгу «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», ч. II, passim.

[6] Нац. арх. F^{12} 1568. Loire. Clinquaillerie: Les fabriques d'Allemagne qui n'ont pas manqué de profiter de la longue stagnation de celle de Saint-Etienne, vont présenter une concurrence dangereuse au moment de la reprise des relations extérieures de commerce.

[7] Нац. арх. F^{12} 1307. Paris, le 25 pluviôse, an IX. Bureau des arts et métiers. *Rapport présenté au ministre de l'Intérieur.*

[8] Нац. арх. F^{12} 507. a) без названия: Lorsque tout annonce une paix générale... etc. b) *A Leurs Excellences les ministres des finances et des relations extérieures;* c) Fontainebleau, le 28 octobre 1807 (министр иностранных дел — министру внутренних дел).

[9] Там же, Séance du 20 juin 1811.

[10] Нац. арх. F^{12*} 194. 59 séance du 25 juillet 1811.

[11] Нац. арх. F^{12} 509—510. *Bulletin de Francfort* du 30 avril 1810. Foire de Pâques. La Stirie se maintient en possession de la supériorité qui lui est dévolue à juste titre pour les fabrications des faux, faucilles de même que pour les autres outils et instruments à l'usage des gens de la campagne. Elle fournit tous les départements de la France, qui avoisinent le Rhin.

[12] Там же.

[13] Нац. арх. F^{12} 1565. Châlons, le 21 décembre 1807. *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur* (école de Châlons).

[14] Нац. арх. F^{12} 507. Paris, le 22 octobre 1807 (директор таможен — министру внутренних дел); там же, Paris, le 28 octobre 1807 (министр внутренних дел — директору таможен); там же, *Etat des fers importés pendant l'année 1806.*

[15] Нац. арх. F^{12} 1608. Département de l'Ourthe. *Etat de situation des houillières de l'arrondissement de Liège* (1810—1811).

[16] Нац. арх. F^{12} 1608. Département de l'Ourthe. *Questions adressées à Monsieur Hibert* etc. ... *maître des forges.*

[17] Нац. арх. F^{12} 1614. Département des Forêts. Pièce № 2. *Recapitulation de toutes les usines du département.*

[18] Нац. арх. F^{12} 1608. *Questions adressées à M. Basmont* etc. Département de l'Orne. Alençon.

[19] Там же.

[20] Нац. арх. F^{12} 1584. Département de la Rœr. *Tableau de la situation des fabriques aux mois de mai et de juin 1812* (dressé le 26 juillet 1812).

[21] Там же. Fabriques d'aiguilles (1812): Cette fabrication languit toujours par rapport aux fabriques étrangères lesquelles, outre qu'elles pourvoient le nord et la Turquie, rendent dans l'Empire français même et dans l'Italie beaucoup plus d'aiguilles que nos fabriques indigènes.

[22] Нац. арх. F^{12} 1565. *Etat de situation de la fabrique d'armes de commerce de St. Etienne 1810—1811* (Observations): ...le fabricant autant par humanité peût-être que par le calcul se détermine à repartir à divers individus une tâche qui pourrait être remplie par un seul.

[23] Там же, 1812—1813.

[24] Gras. Цит. соч, стр. 55—56.

[25] Нац. арх. F^{12} 1572. Corrèze. Renseignements (1810, 1811, начало 1812 гг.).

[26] *Mémoires du duc de Rovigo,* écrits de sa main etc. t. IV, Seconde partie. Paris, 1828, стр. 146. L'on avait très peu travaillé des lors; les fusils entre autres choses manquaient totalement.

[27] Там же.

[28] Нац. арх. F^{12} 1621-B. Epingles (№ 22).

[29] Там же. Aiguilles (№ 21).

[30] Там же. Clouteries (№ 23).

[31] Там же. Aciéreries. Substances minérales (№ 17).

[32] Там же. Substances minérales (№ 20).

[33] Там же. Armurerie (№ 2).

[34] Там же. Substances minérales. Bronze.

[35] Там же. Substances minérales, № 2. Plomb.

[36] Там же. Substances minérales, № 3. Cuivre (Observation).

[37] Там же. Substances minérales, № 4. (Общее число рабочих явственно неполно).

[38] Там же. Substances minérales. Mines, usines à fer et fer en arres.

[39] Ср. Нац. арх. F^{12} 1604. Dijon. Bèze et Licey (Réponses). 15 octobre 1811.

[40] Нац. арх. F^{12} 1565 (2 марта 1808 г.). Préfecture de l'Ourthe: ...la stagnation qui a déjà plongé la moitié des ouvriers dans la plus affreuse misère est uniquement occasionnée par l'impossibilité d'expédier sur mer, et ils ne peuvent malheureusement ...dissimuler que cet état des choses empirera ...l'écoulement ...est d'autant plus anéanti que tous les spéculateurs ne pouvant prévoir l'époque de la paix si désirée...

[41] Там же.

[42] Нац. арх. F^{12} 1605. Evreux, le 23 décembre 1811. *Le préfet du département de l'Eure à Son Excellence le ministre de l'Intérieur:* Il y a dans les produits des forges et fourneaux une diminution considérable qui est occasionnée non seulement par le défaut de débouchés et d'exportation, mais encore par le prix auquel les bois sont élevés depuis trois ans.

[43] Например, из департамента des Forêts (Нац. арх. F^{12} 1605. Forges et fourneaux. *Questions adressées à M. Gerloche, maître des forges à Biourgne* (arrondissement de Neuf-Château, département des Forêts).

[44] Нац. арх. F^{12} 1610. Sarthe. *Etat de situation de hauts fourneaux* etc. (1814): Les fers étrangers paient de trop modiques droits pour leur introduction. Les fers de France ne peuvent plus alors soutenir la concurrence et les maîtres des forges de ce département sont à la veille de cesser toute fabrication (Observation générale).

Глава XXVI

[1] Нац. арх. F^{12} 1621-B. Substances végétales. 1811. Distilleries. Brûleries.

[2] Нац. арх. F^{12} 1567. *Tableau de l'industrie du département des Landes* (1807).

[3] Нац. арх. F^{12} 1636. Paris, le 5 frimaire, an X. *Le ministre de la Guerre au ministre de l'Intérieur.*

[4] Ср. Нац. арх. F^{12} 1636. Département de la Guerre. Paris, le 23 ventôse, an X (1802): *Le ministre de la Guerre au ministre de l'Intérieur,* № 2666: ...je suis informé.. que depuis Mayence jusqu'a Strassbourg il s'opère des enlèvements considérables de grains pour la distillation des eaux-de-vie qui occaisionnent une progression effrayante des grains.. etc.

[5] Документы 1802 г. по этому вопросу см. Нац. арх. в картоне F^{12} 1637. An X—1812. Amidonneries, genièvreries, distilleries, brasseries.

[6] Там же, пачка Distilleries et Brasseries. 1812, passim.

[7] Нац. арх. F^{12} 1636. Département de Jemappes. Observations (certifié par moi, préfet de Jemappes, Garnier. Mons, 3 germinal, an dix).

[8] Нац. арх. F^{12} 1636. Aix-la-Chapelle, le 19 ventôse, an X. *Le préfet du département de la Rœr au ministre de l'Intérieur.*

[9] Нац. арх. F^{12} 1636. Département de la Meuse-Inférieure. Maestricht, le 13 ventôse, an X. *Le préfet au ministre de l'Intérieur.*

[10] Нац. арх. F^{12} 1636. Gand, le 15 ventôse, an X. *Le préfet du département de l'Escaut au ministre de l'Intérieur.*

[11] Нац. арх. F^{12} 1636. Coblentz, le 23 pluviôse, an X (префект департамента Rhin-et-Moselle — министру).

[12] Нац. арх. F^{12} 1636. Anvers, le 8 pluviôse, an X. Département des Deux-Nèthes.

[13] Сделанный министерством мануфактур и торговли (Нац. арх. F^{12} 1638, 4-me Division, bureau des subsistances).

[14] Нац. арх. F^{12} 1638. *Au quartier Impérial de Dresde,* le 27 septembre 1813.

[15] *Exposé* etc. (1813). Tableau № 591.

лава XXVII

[1] Архив департамента Устьев Роны. M. 14—2. 15 mars 1806. La Chambre de commerce de Marseille à M. Thibaudeau.

[2] Архив департамента Устьев Роны. M. 14—2. *Notice de l'état de la fabrication du savon à Marseille* etc. (апрель 1811 г.).

[3] Архив департамента Bouches-du-Rhône. M. 14—2. *Etat de situation des fabriques de savon pendant le 1 semestre 1810, le 2-me semestre de la même année, et le 1 trimestre 1811):* On n'a mentionné au nombre des ouvriers employés que ceux qui sont uniquement savonniers; si l'on rattache à cette fabrication des portefaix, charretiers, tonnelliers, jaugeurs, péseurs, chaudronniers, pompiers, forgerons, maçons etc. dont elle employe journellement les bras, on ne craint pas d'assurer qu'elle alimente près de 10.000 artisans.

[4] См. предыдущее примечание.

[5] Нац. арх. F^{12} 1621-B. Substances végétales, № 63. Savonneries.

[6] Там же. Observations.

[7] Архив департамента Устьев Роны. M. 14—2. *Le ministre de l'Intérieur à Monsieur Thibaudeau... préfet...* le 5 pluviôse, an XIII (25 января 1805 г.): ...plus d'une fois ils (les Anglais.— *E. T.*) ont fait enlever par des bricks armés les bâtiments qui avaient surpris des permissions de faire cette sorte des cabotages...

[8] Нац. арх. F^{12} 1599. Etat de situation des papeteries pendant le 2-me trimestre de 1813 (A Melun, le 11 août 1813, подписано: Guyardin). Département de Seine-et-Marne.

[9] Нац. арх. F^{12} 1567. Département de la Charente. Chambres consultatives.

[10] *Exposé* (1813), tableau № 60. Exportations.

Глава XXVIII

[1] Ср. Нац. арх. F^{12} 503. a) *Travail sur les sucres raffinés;* b) *Observations sur un mémoire de Londres qui nous a été remis le 23 septembre 1786;* c) *Causes de notre désavantage dans le commerce de nos rafinés chez l'étranger, moyen de le réparer* etc.

[2] *Arrêt du Conseil* 25 мая 1786; *Arrêt du conseil* 14 мая 1784 и др.

[3] Нац. арх. F^{12} 1640. *Résultats pour la France de l'invention du sucre des raisins et de celui des betteraves.* Pour Son Excellence Monseigneur le Comte de Montalivet. Genève, le 20 janvier 1811.

[4] Нац. арх. AF. IV—1060, № 35.

[5] Нац. арх. F^{12} 1640. *Résultats pour la France de l'invention du sucre des raisins* etc. Genève, le 20 janvier 1811.

[6] Tooke. *A history of prices and the state of the circulation from 1793 to 1837*, vol. I. London, 1838, стр. 375.

[7] Нац. арх. F^{12} 1554. *Cours des denrées dans les principales places de l'Empire pendant le mois de mai 1808.*

[8] Нац. арх. AF. IV—1318. De Sussy — Наполеону (№ 115).

[9] Нац. арх. F^{12} 1621-B. Substances végétales. Raffineries du sucre. Примечание гласит, что министерство не получило сведений из кое-каких департаментов.

[10] См. в высшей степени характерный доклад Монталиве Наполеону (Нац. арх. AF. IV—1242. Paris, le 25 mars 1811. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi*, № 394).

[11] Этот вывод поставлен *первым* в заключениях доклада (Rapport fait à la classe des sciences mathématiques et physiques, dans sa séance du 6 messidor, an VIII, par la commission chargée de répéter les expériences de M. Achard, стр. 36). Доклад — печатный. Я пользовался экземпляром, находящимся в Национальном архиве в картоне F^{12} 1565 (в Национальной библиотеке я его не нашел).

[12] Нац. арх. F^{12} 514. Paris, le 6 pluviôse, an XIII (26 janvier 1805). Cossigny к Dégérando; там же: *Mémoire succint sur l'établissement des sucreries en France* (1 messidor, an XII); там же: *Procès-verbal des expériences, faites à Paris* etc. (11 prairial, an XII).

[13] Нац. арх. F^{12} 1640. Paris, ce 20 avril 1808. Cadet de Vaux — министру внутренних дел; там же, министр внутренних дел — Proust'y, Paris, le 11 janvier 1808; там же, министр — префекту Нижней Сены, 25 января 1808 г.; там же, министр внутренних дел — Brun-Condamine'y, 30 января 1808 г.; там же, Poggi — министру внутренних дел, 10 августа 1808 и целый ряд других бумаг.

[14] Нац. арх. AF. IV—1062, № 43. *Rapport à Sa Majésté l'Empereur et Roi.* Ministère de l'Intérieur. 2-e Division.

[15] Нац. арх. AF. IV—1241, № 181: *Les raisins ou moût destinés à être convertis en syrop ou sucre de raisin* ne seront pas sujets au droit d'octroi etc.

[16] Нац. арх. F^{12} 1640. Au Palais Impérial de St.-Cloud, le 22 août 1810.

[17] Нац. арх. F^{12} 1640. *Extrait du procès-verbal de la 16 séance du Conseil de commerce.* Fontainebleau, le 1 octobre 1810.

[18] Нац. арх. F^{12} 1640. Décret Impérial. Au Palais des Tuileries, le 25 mars 1811.

[19] Там же. Циркуляр Монталиве (Paris, le 28 mars 1811).

[20] Нац. арх. F^{12} 1640. Liège, le 23 mars 1811. *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[21] Нац. арх. F^{12} 1640. Montpellier, le 9 avril 1811.

[22] Там же. Циркуляр от 23 апреля 1811 г. (№ 36).

[23] Нац. арх. F^{12} 1640, № 44. *Le ministre de l'Intérieur Comte de l'Empire à M. le préfet* etc. (Paris, le 22 juillet 1811).

[24] Нац. арх. F^{12} 1640. Paris, le 28 février 1813. *Rapport présenté au ministre de l'Intérieur;* там же, Melun, le 25 novembre 1812. *Le préfet du département de Seine et Marne à S. E. le ministre de l'Intérieur.*

[25] Нац. арх. F^{12*} 194. 83 séance du 16 mars 1812.

[26] Нац. арх. F^{12} 194. 82 séance du 12 mars 1812.— Принципиально вопрос был решен в этом заседании, 12 марта. В следующем обсуждались и формулировались детали проекта декрета.

[27] Нац. арх. AF. IV—1242, № 395 (Séance du 25 mars 1811).

[28] Нац. арх. F^{12} 1565. Ministère de l'Intérieur. Paris, le 18 juin 1810. *Note pour Sa Majesté* (на полях: le ministre rend compte à Sa Majesté d'une expérience très satisfaisante... sur le sucre concret du raisin...)

[29] Нац. арх. F^{12} 1640. *Deuxième mémoire sur l'extraction du sucre de betteraves par V. Lando* etc.

[30] Там же. *Essais faits en petit et en grand sur le moyens d'extraire le sucre* etc. par G. A. Lampadius.

[31] *Instruction sur la culture et la récolte des betteraves...* par C. F. Achard... ouvrage traduit de l'Allemand par M. Copin. Paris, 1812 (изд. 2).

[32] *De la betterave et de sa culture.* Paris, 1811. Нац. библ. Sz. 1148.

[33] *Notice sur la betterave.* Paris, 1812.

[34] Ср. *Journal de la Loire,* № 273. Lundi, le 20 avril 1812, первый столбец.

[35] Ср. Нац. арх. AF. IV—1062. *Note pour Sa Majesté l'Empereur et Roi,* le 21 janvier 1811.

[36] Нац. библ. Lb^{12} 549-A. *Rapport de Son Excellence le ministre de l'Intérieur* etc. *...fait dans le séance du Corps Législatif du 29 juin 1811,* стр. 4: Le sucre a détruit l'usage du miel, l'indigo celui du pastel. Les progrès de la chimie opèrent dans ce moment une révolution en sens inverse: elle est parvenue à tirer le sucre des raisins, de l'érable, et de la betterave. Le pastel... reprend à son tour le dessus...

[37] Нац. арх. F^{12} 1565. Paris, le 17 mai 1811: Sire... (на полях: le ministre met sous les yeux de Sa Majesté un pain de sucre de betteraves, fabriqué en Westphalie).

[38] Нац. арх. AF. IV—1243. 67 conseil du commerce. Séance du 30 décembre 1811.

[39] Там же.

[40] Там же. Séance du 6 janvier 1812.

[41] Ср. Chaptal. *Mes souvenirs sur Napoléon.* La vie et l'œuvre de Chaptal. Paris, 1893, стр. 119.

[42] *Correspondance,* t. XXIII, стр. 134—135, № 18396. Palais de Saint-Cloud, le 30 décembre 1811: Ainsi, d'un côté le peuple est obligé de payer le sucre cher, de l'autre le profit n'en est point au trésor; ce qui est toujours contraire au principe que tous les sacrifices que supporte le peuple doivent être pour le trésor.

[43] Там же, стр. 134.

[44] Нац. арх. F^{12} 1565. Paris, le 27 avril 1812. *Rapport à Sa Majesté* (ministère des manufactures et du commerce).

[45] Вот что сообщал правительственный эксперт Mulot главному директору мануфактур и торговли 8 августа 1814 г. уже при Реставрации (Нац. арх. F^{12} 1640. Paris, le 8 août 1814. *A Monsieur le directeur général des manufactures et du commerce. Mémoire sur la fabrication du sucre de betteraves):* Les années 1811 et 1812 virent naître et mourir une foule de procédés, tous tendant à extraire avec plus ou moins d'avantage le sucre contenu dans la betterave. Chaque entrepreneur suivit alors une méthode particulière... Les opérations de ces deux années furent donc très peu satisfaisantes, du sucre de mauvaise qualité fut versé dans le commerce, et c'est à de tels produits qu'on doit cette malheureuse prévention sur le sucre indigène... etc.

[46] Там же.

[47] *Relation d'un voyage forcé en Espagne et en France, dans les années 1810 à 1814,* par le général-major lord Blayney etc. T. I. Paris, 1815, стр. 395.

[48] Нац. арх. F^{12} 1640. Paris, le 8 août 1814. Mulot — главному директору мануфактур и торговли.

[49] Нац. арх. F^{12*} 198. Conseil d'Etat. *Décret signé à Smolensk,* le 24 août 1812.

[50] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 13 janvier 1812 (*Rapport à Sa Majesté*).

[51] Там же. *Minute de décret Impérial.*

[52] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 6 janvier 1812. *Rapport sur les questions générales posées par Sa Majesté relativement au régime de la culture de la betterave* etc. ...il serait bien à désirer, conformément au vœu de Votre Majesté que dès 1813 on pût prohiber le sucre de cannes...

[53] *Exposé de la situation de l'Empire,* стр. 34.

[54] Там же, стр. 36.

[55] Архив департамента Устьев Роны. М. 14—192. *Etat commercial de la place de Marseille* (1813).

Глава XXIX

[1] На все эти *inconvénients désastreux et sans nombre* жалуется, между прочим, Марсельская торговая палата (Архив департамента Устьев Роны. М. 14—188, Marseille, le 11 thermidor, an XI); см. там же письмо палаты префекту Тибодо (от 13 термидора).

[2] Ср. Briavoine. *De l'industrie en Belgique,* t. I, стр. 139—140.

[3] Архив департамента Устьев Роны, № 1. Conseil général (1806—1808), графа: *Industrie.*

[4] Там же, графа: *Esprit public.*

[5] Архив департамента Устьев Роны, М. 14—2. *La Chambre de commerce de Marseille à M. Thibaudeau* (15 mars 1806).

[6] Архив департамента Устьев Роны. М. 14—2. La Chambre de commerce de Marseille à Monsieur Thibaudeau, 15 mars 1806: Si Marseille recouvrait son ancienne franchise, si le commerce du Levant était rétabli sur ses premières bases posées par M. Colbert dans l'Edit de Mars 1669, appelé l'Edit du Port Franc... etc., etc.

[7] Архив департамента Устьев Роны, № 1, Conseil général, 1806 (графа: *Esprit public*): L'avènement de Son Altesse Impériale le prince Joseph au trône de Naples a été pour les Marseillais un sujet de félicitations et un motif d'espérance pour plusieurs. Une foule d'individus de tout rang et de tout sexe vont chercher fortune dans ces riches contrées sous les auspices d'un prince si justement objet de la vénération publique.

[8] Вот что читаем в донесении помощника марсельского мэра префекту департамента Устьев Роны от 17 сентября 1812 г. (Архив департамента Устьев Роны, М. 14—5); J'ai l'honneur de vous observer, Monsieur le Comte, que la plus grande partie de la population de cette commune se compose, en outre, d'un grand nombre d'ouvriers appartenant à différentes professions relatives au commerce et à la marine ainsi que de journaliers sans emploi fixe. Cette partie, la plus considérable de la population, est indépendante de celle employée dans les manufactures; et son industrie continue d'être paralysée par la stagnation du commerce maritime et le manque du travail lui rendra la saison rigoureuse infinement pénible.

[9] Их оказалось, когда была произведена даже явно неполная и неточная сводка, 5001 человек в г. Марселе, а в остальном департаменте — 2508 человек. При этом нужно заметить, что цифра 2508 показывает лиц, *в самом деле* работающих зимой 1812/13 г., а сколько их числилось в *обыкновенное* время во всем департаменте, мы не знаем (относительно Марселя данная цифра 5001 показывает лиц *ordinairement* attachés à l'industrie), а помощник мэра, указывая наобум 1970 человек, имел в виду именно *обыкновенно* работающих; для зимы 1812 г. он допускал цифру 1500 человек, точно так же вполне произвольную.

[10] Архив департамента Устьев Роны, М. 14—5. Marseille, le 17 septembre. *Le chevalier de l'Empire* etc. *à Monsieur le comte de l'Empire, Conseiller d'Etat et préfet.*

[11] Архив департамента Устьев Роны, М. 14—5. *Etat des fabriques et manufactures existantes dans la commune de Marseille, indicatif du nombre d'ouvriers employés dans chacune d'elles.* Хотя эта сводка (составленная

помощником мэра г. Марселя) помечена уже 9 февраля 1813 г., но рубрики еще озаглавлены в *будущем* времени: «Nombre d'ouvriers qui seront employés cet hiver», «Nombre d'ouvriers présumés devoir rester sans emploi cet hiver». Первая рубрика озаглавлена так: «Ordinairement attachés à chaque établissement».

[12] Бумажная мануфактура Капеля — 45 человек, шляпная мастерская Барбье — 45 человек, шерстяная мануфактура Фука — 36 человек, вязальная мастерская Велена — 28 человек, вязальная мануфактура Бонома — 25 человек, дубильня Балиста — 25 человек, esparterie Мартена — 24 человека, дубильня Гавоти — 20 человек, soude artificielle Мишеля — 20 человек, Карль — 20 человек, шерстяная мануфактура Тасси — 20 человек, шерстяная мануфактура Домерна — 20 человек, мыловарня Бонпарделя — 20 человек, мыловарня Ришара — 20 человек, итого в 14 заведениях — 368 человек.

[13] Жилли (soude) — 15 человек, Берне (обои) — 15 человек, (Ж. Бат.), Румье (дубильня) — 15 человек, Корвелль (soude) — 14 человек, Ру (мыловарня) — 12 человек, (Лоран) Румье (дубильня) — 12 человек, Онора (вязальная мануфактура) — 11 человек, Паетре (шерстяная мануфактура) — 10 человек, Пайен (мыловарня) — 10 человек, Мартен (soude) — 10 человек, итого в 10 заведениях — 124 человека.

[14] Нац. арх. AF. IV—1060. Ville de Dieppe. *A Son Excellence de ministre de l'Intérieur*, 10 décembre 1810.

[15] Нац. арх. F[12] 1614. Nantes, le 25 octobre 1811 (Нантская торговая палата — префекту Нижней Луары): ...la ville de Nantes n'a jamais été ni pu être essentiellement manufacturière... parce que les travaux maritimes, plus lucratifs, fournissaient des occupations suffisantes à sa nombreuse population.

[16] Нац. арх. F[12] 501. Cette, le 28 janvier 1807. *Le maire de la ville et port de Cette à S. E. Monseigneur le ministre de l'Intérieur.*

[17] Нац. арх. F[12] 507: 1) *A Messieurs de la Chambre de Commerce de Bordeaux* (3 décembre 1806); 2) *Les membres composant la Chambre de commerce de Bordeaux à Son Excellence le ministre de l'Intérieur* (Bordeaux, le 6 décembre 1806).

[18] Нац. арх. AF. IV—1060. Le 7 septembre 1808. *Note pour Sa Majesté l'Empereur et Roi.*

[19] *Lettres inédites*, publ. par L. De Brotonne, стр. 385. Наполеон — Монталиве. Saint-Cloud, 25 novembre 1811.

[20] Ср. Нац. арх. AF. IV—1318. *Adresse votée par la Chambre de Commerce du Havre*, 15 décembre 1806.

[21] Ср. Наполеон — Крете, министру внутренних дел. Bayonne, le 15 avril 1808. (*Correspondance*, t. XVII, стр. 1, № 13745). В этом письме подробно развивается упомянутый план.

[22] Нац. арх. AF. IV—1060, № 115. *Fonvielle aîné et C-ie à Son Excellence Moseigneur Cretet, ministre de l'Intérieur.*

[23] Нац. арх. AF. IV—1060, № 117. Armements en aventuriers. *Note pour Sa Majesté, l'Empereur et Roi* (3 июля 1808 г.).

[24] Нац. арх. F[12] 502. Доклад министра внутренних дел Наполеону, от 26 января 1811 г.

[25] См. жалобу Нантской торговой палаты от 2 июля 1808 г. *Copie de la lettre des membres composant la Chambre de commerce de Nantes à Son Excellence le Ministre de l'Intérieur*, du deux juillet 1808. (Нац. арх. AF. IV—1060, № 113). Нужно, впрочем, заметить, что, начиная с 1809 г., военный флот почти уже не строился.

[26] Нац. арх. F[12] 1581. Livourne, le 28 octobre 1812. *Le préfet de la Méditerranée à M. le ministre des manufactures et du commerce* (и другие бумаги той же пачки).

[27] Там же. Savone, le 20 septembre 1812 (префект — министру).

[28] Нац. арх. F[12] 1581. Chambery, le 13 janvier 1813 (префект — министру) и там же: le 23 février 1813 (министр — префекту).

[29] Нац. арх. F[12] 1582. Turin, le 14 septembre 1812 (генерал Ламет, префект По — министру). Turin, le 14 octobre 1812 (от префекта — к министру) и др. в той же пачке.

[30] Нац. арх. AF. IV—1061, № 87. *Note pour Sa Majesté.* (На полях: Influence du commerce interlope, par navires smogglers sur la dépréciation du papier en Angleterre. 22 juillet 1811).

Глава XXX

[1] Нац. арх. F[12] 1559. En Notre camp Impérial d'Osterode, le 27 mars 1807.

[2] Там же, 8 octobre 1809. *Notice concernant les prêts accordés aux fabricants* etc.

[3] Ср. Нац. арх. AF. IV—1060. *Etat de Prêts sur consignation aux manufactures en souffrance.*

[4] Нац. арх. AF. IV—1060, № 54. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi,* le 18 juin 1807: Les autres annoncent que ce genre des secours ne pourroient être appliqués convenablement aux fabriques souffrantes, enfin parce qu'au lieu de grands établissements, elles n'offrent que de petits ateliers dispersés.

[5] Наполеон — Шампаньи. Osterode, le 27 mars 1807 (*Correspondance,* t. XIV, стр. 550, № 12187): Mon but n'est pas d'empêcher tel négociant de faire banqueroute, les finances de l'Etat n'y suffiraient pas, mais d'empêcher telle manufacture de se fermer.

[6] Нац. арх. F[12] 1559. *Prêts accordés aux fabricants et manufacturiers en exécution des décrets de 27 mars et 11 mai 1807* (Etat de situation au 8 octobre 1809).

[7] Там же, 8 octobre 1809. *Notice* etc.: Et voici les motifs qu'ils font valoir à l'appui de leurs réclamations: «L'empereur, disent-ils, est venu généreusement à notre secours au moment ou nous allions fermer nos ateliers; mais qu'en est-il résulte? nous avons strictement observé la condition qui nous a été imposée d'entretenir le même nombre d'ouvriers. Il s'en est suivi un double encombrement de nos magasins, parce que nous ne vendons rien, et de plus nous sommes chargés de poids de notre dette envers le gouvernement. Sa Majesté voulait donner du travail à la classe ouvrière. Elle a atteint ce but, mais les fabricants sont ruinés.

[8] Там же. Ce raisonnement est assez bien fondé.

[9] Нац. арх. F[12] 507. Rouen, le 15 février 1808. *Le préfet du département de la Seine-Inférieure à Son Excellence le ministre de l'Intérieur.*

[10] Ср. доклад префекта департамента l'Eure — министру внутренних дел. (Нац. арх. F[12] 1561, Evreux, le 6 mai 1809). Je m'abstiendrai de faire aucune réflexion sur les résultats du tableau que j'ai l'honneur de vous transmettre... C'est au gouvernement qu'il appartient de prendre une détermination d'après l'exposé exact des circonstances actuelles.

[11] Нац. арх. AF. IV—1060, № 91. Paris, le 18 juin 1808. Крете — Наполеону.

[12] Там же, № 32. Copie. Troyes, le 15 juin 1808. Рапорт префекта департамента Aube министру внутренних дел (подписано: le préfet de l'Aube, Bruslé).

[13] Там же. Рассказав о прокламации, префект говорит: ...*il est de fait* que le renchérissement du coton a suspendu la filature... etc. Подчеркнутые тут мной слова являются как бы прямо относящимися к содержанию прокламации.

[14] Ср. Нац. арх. F[12] 502. *Bulletin sur les cotons,* may — juin 1808. Observations: Dans ces circonstances les filatures auront plus à souffrir que les ateliers de tissage. Ceux-ci peuvent suspendre et même cesser leurs

travaux sans éprouver un préjudice notable: les métiers à tisser coûtent peu et ne se déteriorent pas dans l'inaction; pour les filatures, au contraire, les machines coûtent beaucoup et elles dépérissent dans le repos. D'un autre côté, les filatures de coton employent en majeure partie des êtres faibles, moins propres que les tisserands au travail des moissons, qu'on ne peut laisser chômer et à qui il faut nécessairement fournir de l'ouvrage si on veut les conserver.

[15] Нац. арх. AF. IV—1060, № 135. Paris, le 6 novembre 1809. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi, protecteur de la Confédération du Rhin* (доклад Montalivet): En definitif la foire de 1809 doit compter comme l'une des plus mauvaises qui ayent eu lieu depuis longtemps.

[16] Там же.

[17] Там же. *Chambre de commerce de Paris, le 21 juillet 1809 à Son Excellence Monseigneur le Ministre* etc.

[18] Там же. *Chambre de commerce de Paris, le 21 juillet 1809 à Son Excellence Monseigneur le Ministre.*

[19] Там же. Du commerce des cotons, 17 juin 1810.

[20] Там же: La prohibition absolue et sous les peines les plus sevères des objets fabriqués est d'ailleurs indispensable.

[21] Нац. арх. AF. IV—1061, № 75. 15 octobre 1810. Монталиве — Наполеону.

[22] Нац. арх. AF. IV—1062. 29 octobre 1810. *Note pour Sa Majesté. Résultat général des opérations de la foire de Beaucaire.*

[23] Нац. арх. AF. 1241, № 340. *Copie de la délibération du Conseil général de commerce en date du 2 novembre 1810:* La non-exécution des décrets de Berlin et de Milan partout ailleurs qu'en France avait porté un préjudice considérable au commerce et à l'industrie française...

[24] Там же: ...(le conseil) n'a pas pu se dissimuler que nos ennemis apercevant cette crise qui menace de s'étendre sur toutes les classes de la société pourraient penser qu'ils ont aussi reconquis sur nous tous les avantages que nous avions eu l'espoir de leur arracher, que l'opinion changerait encore une fois en leur faveur et leur ferait trouver de nouvelles ressources dont nous nous serions privés.

[25] Нац. арх. AF. IV—1241. Paris, le 5 novembre, an 1810. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi, protecteur de la Confédération du Rhin:* ...le discrédit et la méfiance gagnent de tous côtés et l'on remarque avec appréhension que l'argent se resserre et que les capitaux des particuliers sont redemandés aux maisons de banque dans le moment où ces secours deviendraient le plus indispensables...

[26] Нац. арх. AF. IV—1241, № 342 (черновик без заглавия, начинающийся словами: S. M. ayant pris lecture etc. ...a dicté les observations suivantes etc.): Il serait en effet singulier que quand on ne peut toucher à ce qui regarde Hambourg sans que Paris s'en ressente, on ait pu frapper tout le commerce du continent et toutes les marchandises, toutes les denrées du commerce anglais qui en étaient l'aliment, sans faire du mal à l'Angleterre...

[27] Там же: On comprend en effet que si le commerce de l'Allemagne et de la Hollande se trouve ruiné il ne tiendra pas les engagements qu'il a contracté avec des Français. C'est ainsi que le commerce des différents pays est solidarisé; qu'une secousse qu'il éprouve d'un côté se fait sentir de l'autre; cela est vrai, mais veut-on en tirer cette conséquence qu'il ne faut faire aucun mal au commerce anglais parce que les secousses qu'éprouverait le commerce anglais se ferait sentir dans toute l'Europe?

[28] *Correspondance*, t. XXI, стр. 326—327, № 17227, Note.

[29] Нац. арх. F^{12} 502. 31 décembre 1810: ...on croit qu'aux yeux des étrangers ce serait paraître mettre le commerce de France au Mont de piété.

[30] Там же, 22 décembre: C'est sans doute un moyen prompt et la conception en est simple. Mais au fond, les prêts ne seront que palliatifs.

[31] Там же.

[32] Нац. арх. F[12] 620—621. *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur.* Martin.— Paris, le 11 novembre 1810: Il est vrai que le sequestre mis sur les marchandises dans les principales villes d'Allemagne, les nouveaux droits imposés et l'incertitude sur le sort qu'éprouveront les marchandises sequestrées paralysent des valeurs considérables etc.

[33] Нац. арх. F[12]* [194] 19 séance, du 21 décembre 1810: ...banquiers de Paris qui ont cru pouvoir, sans risque, faciliter ces opérations...

[34] См. Нац. арх. F[12] 620—621. *A Son Excellence le Ministre de l'Intérieur de l'Empire.* Paris, le 22 décembre 1810.

[35] Нац. арх. F[12] 506. 19 décembre 1810, № 13. (Rapport — черновик, начинающийся: Sire, je mets sous les yeux de Votre Majesté etc.).

[36] Нац. арх. AF. IV—909. *Note dictée par l'Empereur* (12 décembre 1810).

[37] Нац. арх. F[12] 502. 4 mai (1811): On prétend que l'administration impute au commerce les désastres dont il gémit et qu'elle dit: l'exagération des entreprises en est la cause... On n'a point proportionné la fabrication à la consommation... Et le commerce répond: le gouvernement lui même a provoqué l'essor qu'il reproche au commerce. Il ne devrait mériter aucun reproche d'avoir suivi l'impulsion avec confiance...

[38] Нац. арх. F[12] 502. 19 avril: On porte beaucoup plus loin les réflexions; mais il deviendrait absurde aussi de les répéter toutes. Ce qui vient d'en être dit n'est que pour donner une idée de l'extravagance et de la folie que le changement de position de chacun insinue dans toutes les têtes.

[39] Там же. 11 mai (1811) (cabinet de l'empereur): ...on dit ...les revenues publiques de toute nature diminuent et doivent diminuer encore davantage; le gouvernement lui-même n'aura plus les moyens de payer, quant il aura fait des Français seulement un peuple de cultivateurs, d'employés, de manœuvres et de soldats.

[40] Там же, доклад от 3 февраля.

[41] Нац. арх. AF. IV—1062 (1 февраля 1811 г.). *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur, comte de l'Empire.*— Министр, поддерживая просьбу перед Наполеоном, обращал внимание именно на то, что заведение Ришара дает заработок 12 тысячам человек (Там же, Paris, le 4 février 1811. Rapport à Sa Majesté).

[42] Там же. *Note pour Sa Majesté* (март 1811 г.) со списком фабрикантов, просящих о помощи. (Ср. там же, *Rapport à S. M.,* 4 марта 1811 г. и мн. др.

[43] Ришар для большей наглядности сам и итог подвел.— Нац. арх. F[12] 1559. 1. *Etablissements de tissage de Mr. Richard et Lenoir Dufresne.* 2. *Etat des mécaniques en activité dans les divers établissements de Mr. Richard et Lenoir Dufresne.*

[44] Нац. арх. F[12] 1559 (прошение Ришара). *A Son Excellence le ministre de l'Intérieur, comte de l'Empire* (Paris, le 11 juin 1811).

[45] Он очень мрачно смотрит на переживаемый момент: L'industrie cotonnière souffre, les fabriques sont encombrées, la plupart des établissements ferment, ceux qui conservent encore quelqu'activité finiront par succomber, le commerce est menacé de perdre une source de prospérité; trois cents individus — l'industrie qui les nourrit, le gouvernement — les droits considérables qu'il perçoit sur l'entrée des cotons en laine (Нац. арх. F[12] 1559. *Mémoire proposé par Richard fabricant pour rendre à l'industrie cotonnière toute son activité).*

[46] Там же.

[47] Нац. арх. F[12] 1559. Ministère des finances (министру внутренних дел). Paris, le 2 février 1822: Ce moyen a été plusieurs foit employé mais les poursuites ont toujours été paralysées par les instances soit du ministère de la police générale, soit du ministère de Votre Excellence, sur le motif que la possession du Sr. Richard entraînerait la fermeture de ses ateliers, compromettrait l'existence de nombreux ouvriers de faub. St. Antoine et, par suite, la tranquillité publique.

[48] Там же.

[49] Ср. Нац. арх. F[12]* 192—A. 34 séance du 8 mars 1811, и сл.

[50] *Correspondance*, t. XXI, стр. 434—435, № 17416. Наполеон — графу Молльену. Paris, le 4 mars 1811.

[51] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 25 février 1811. *Note pour Sa Majesté.*

[52] Нац. арх. F[12]* 149. Séance du 28 mars 1811.

[53] Нац. арх. F[12] 502. 11 avril. Fabriques: Le discrédit, la méfiance vont toujours en croissant. Tous les jours on retire les capitaux des mains des fabriques et du commerce...

[54] Там же.

[55] Там же, 19 avril: Les ouvriers de la plupart des professions se plaignent d'être sans ouvrage... On assure que grand nombre d'ouvriers émigrent tous les jours.

[56] Там же, 20 décembre (1810 г): Les remèdes à apporter aux malheurs du commerce sont difficiles à concilier avec la fiscalité et le système que l'administration juge d'une sage politique... Le droit de 40% a dépouillé indistinctement le commerce français comme le commerce étranger... les douanes ont paralysé la circulation des marchandises.

[57] Там же.

[58] Нац. арх. AF. IV — 1060. *Mémoire sur l'état actuel du commerce.* Vital-Roux, le 7 mai 1811: Cette exubérance du capital de la Banque si onéreuse à ses intérêts, peut-être été plus encore aux intérêts du commerce; en réunissant ainsi un capital disproportionné on l'a détourné de sa véritable destination.

[59] Нац. арх. F[12] 1571. Département de l'Aude. Etat (1810—1811). Observations.

[60] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 25 février 1811. *Note pour Sa Majesté. Aperçu de la situation commerciale de Rouen.*

[61] Нац. арх. F[12] 502, доклад 18 mars. *Achats extraordinaires de cotonnades à Rouen.*

[62] Нац. арх. F[12] 502. *Notes sur la crise 1811:* 4 mai. Les capitalistes ne considèrent plus aujourd'hui le placement de fonds dans le commerce que comme placement à l'aventure.—9 марта, 18 марта, 11 апреля, 18 февраля, 11 февраля, 1 февраля, 31 января, 26 января, банкр. 24 января, 21 января, 19 декабря, 17 декабря, 22 декабря, 20 декабря, 31 декабря, 12 января, 13 января, 17 января, 18 января.

[63] Ср. там же, доклады от 23 апреля, 4 мая, 19 апреля, 16 апреля, 18 апреля.

[64] Там же, доклад от 19 апреля: On ne trouve nulle part à emprunter même sur les meilleures hypothèques.

[65] Там же, доклад от 11 февраля.

[66] Нац. арх. AF. IV—1060. *Mémoire sur l'état actuel du commerce et sur les moyens de rétablir la confiance et le crédit.*

[67] Там же: ...en privant l'ennemi de ses ressources on l'a obligé à reduire ses dépenses. Lorsque la paix a été faite on n'a pas pris garde que les exportations ne pouvaient être les mêmes et on a fait des commandes et des expéditions que ne le permettaient les moyens de consommation.

[68] Там же.

[69] Там же: Les esprits les moins observateurs ne peuvent s'empêcher de remarquer la diminution sensible et progressive de la consommation; elle a lieu dans toutes les classes de la société: chacun cherche à réduire ses dépenses soit par la nécessité qui y oblige soit par un sentiment de prévoyance et d'isolement qui se fait remarquer partout.

[70] Нац. арх. F^{12} 503. 12 février: La consommation des objets de première nécessité diminue sensiblement, ainsi que celle des objets de luxe. On est *malheureux* (подчеркнуто в рукописи.— *E. T.*) ce sentiment est exprimé partout, dans les boutiques du quartier St. Denis comme ailleurs.

[71] Там же, 21 janvier.

[72] Нац. арх. AF. IV—1060. *Réflexions sur la situation du commerce* (17 janvier 1811).

[73] Там же. *Mémoire sur l'état actuel de commerce* (Vital-Roux), 7 mai 1811.

[74] Ср. *Mémoires du chancelier Pasquier,* t. I. Paris, 1893, стр. 500.

[75] Нац. библ. Lb^{11} 549—A. *Rapport de Son Excellence le ministre de l'Intérieur.* etc., стр. 7: Le système continental, qui se suit avec la plus grande constance, sape la base des finances de l'Angleterre... ses colonies sont sans débouchés pour leurs productions, la plupart de ses fabriques sont fermées... Et le système continental ne fait que de naître! Suivi pendant dis ans il suffirait seul pour détruire les ressources de l'Angleterre.

[76] Там же.

[77] Там же: ...il est, en effet, mathématiquement démontré...

[78] *Mémoires du duc de Rovigo,* t. III. Paris, 1828, стр. 70.

[79] Нац. арх. F^{12} 514. Cabinet 676. 3 août 1811: ...il en a rejeté la faute sur les préfets qui mal interprétaient ou bien exagéraient leurs instructions.

[80] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 18 novembre 1811. *Note à Sa Majesté* (№ 50).

[81] Там же, №№ 51—64.

[82] Нац. арх. AF. IV—1292. Paris, le 17 juillet 1812. *A Monsieur le comte Daru* (от министра мануфактур и торговли).

[83] Нац. арх. AF. IV—1062, № 67 (1 Etat), № 68 (2 Etat), № 69 (3 Etat). 1811. Сопроводительное письмо Савари Наполеону (при первом докладе): Sire, j'ai l'honneur de soumettre à Votre Majesté un premier état de renseignements sur la situation du commerce et des manufactures dans cinquante trois départements. A mesure que d'autres informations me parviendront, je m'empresserai de les mettre sous les yeux de Votre Majesté. Je suis... etc.— Подписано: le duc de Rovigo (точной даты нет в письме).

[84] Нац. арх. AF. IV—1062. Finistère: Dans un département presque intièrement maritime, nul doute que ces mesures ne gênent singulièrement le commerce, mais il supporte ses revers avec une constante résignation.

[85] Это указание анкеты не согласуется с другими показаниями о департаменте. Слова: «il n'y avait que deux ateliers dans le département» слишком пессимистичны.

[86] Опять стереотипная фраза (AF. IV—1062, № 67). Vendée: Le département étant purement agricole, ces mesures n'y ont produit aucune influence.

[87] Там же, Haut-Rhin. ...et leur état retrograde tient à des causes étrangères à ce système.

[88] Там же, Moselle: Le commerce loin de souffrir de ces mesures a acquis de l'accroissement; les fabriques de fer blanc et des verreries y trouvent un grand avantage. Les ouvriers des diverses manufactures de ce

département sont plus occupés que jamais, et le nombre n'en a pas diminué.

[89] Там же, № 69. Hautes-Alpes: La pauvreté de pays en exclut la consommation des marchandises prohibées et l'influence des mesures prohibitives y a été nulle.

[90] Там же, № 69, Hérault: La Chambre de commerce de Montpellier et les chambres consultatives des autres villes ont témoigné à Sa Majesté toute leur reconnaissance pour le bienfait dont ils espéraient les résultats les plus heureux. Le commerce n'a cependant pas pris plus d'extension. Le numéraire est resserré et la confiance nulle.

[91] Там же, Gers: N'ayant point de commerce dans ce département où tout est purement agricole, on n'a pu y calculer l'influence de ces résolutions. Il n'y a dans ce département ni manufactures, ni fabriques, ni banqueroutes, on n'y fait d'autre commerce que celui des grains, des vins, des eaux-de-vie et des bestiaux et on n'y peut pas compter un seul individu qu'on puisse appeler négociant.

[92] Там же, № 67. Landes: Le pays ne possédant ni manufactures, ni fabriques, ces mesures n'ont produit aucune influence sur le commerce.

[93] Там же, № 69. Aube.

[94] Там же, № 67. Yonne.

[95] Там же, № 67, Vienne: Influence nulle: ce département n'ayant ni manufactures, ni fabriques.

[96] Ср. также Нац. арх. F^{12} 1561. Bruxelles, le 12 avril 1809 (торговая палата — префекту): ...il est possible que beaucoup de fabricants n'aiment pas à faire connaître l'étendue plus ou moins grande de leurs moyens etc.

[97] Нац. арх. AF. IV—1062, № 68. Pô: Si par suite du système prohibitif les manufactures de soie sont presque anéantis, celles de fer et d'acier, les tanneries, papeteries etc. prennent une nouvelle activité. Le nombre d'ouvriers dans les manufactures de fer et d'acier d'étoffes de coton, de papier et dans les tanneries est supérieur à celui qui existait en 1810; mais il ne fait pas compensation avec le nombre d'ouvriers sans travail par la stagnation des fabriques de soieries.

[98] Там же, № 67. Marengo: Elles n'ont eu aucune influence dans un département agricole et où il n'y a aucune manufacture (стереотипная фраза).

[99] Там же, № 69, Montenotte: Ce que prouve que ces établissements se ressentent peu de la crise générale du commerce.

[100] Как и всюду, эти обстоятельства ставятся в причинную связь: ...comme elles ne fabriquent que des étoffes grossières pour la consommation des habitans, elles n'éprouvent point de variation (там же, Ombrone).

[101] Там же, № 68, Mediterrannée: Le commerce de ce pays ayant particulièrement lieu avec les Anglais, le système, adopté contre ces insulaires y a ruiné les plus fortes maisons et le commerce ne peut plus s'y soutenir dans l'état florissant ou il était jadis.

Глава XXXI

[1] Вот его слова: Votre Majesté verra dans le travail que je n'y ai porté que les établissements de quelqu'importance, les manufactures et les fabriques proprement dites et non les petits ateliers... (Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 25 novembre 1811. *Rapport à Sa Majesté*).

[2] Причем пусть читатель заметит, что Монталиве, ничуть не обольщаясь насчет точности своих цифр, все же считает их более достоверными, чем цифры герцога де Кадора: Toutefois, malgré l'insuffisance des moyens que j'ai à ma disposition, la description industrielle de la France

a fait des progrès depuis l'époque où M. le duc de Cadore... a remis un travail de statistique générale (Там же).

[3] Нац. арх. F^{12} 1621—A. *Rapport à l'Empereur.* 14 février 1812.

[4] Нац. арх. F^{12} 1602. Année 1812. *Etat général des métiers en activité et des ouvriers occupés dans les fabriques de soie de l'Empire pendant les trois premiers trimestre de l'an 1812.*

[5] Нац. арх. F^{12} 1588. 7 mai 1813. *Examen de l'état de situation des fabriques de laine et de coton pendant le 1 trimestre de 1813.*

[6] Там же.— Это мнение совпадает с теми данными, которые я привел в главе о кризисе 1811 г.

[7] Нац. арх. F^{12} 1602. *Situation des fabriques et manufactures de coton en 1789, 1810, 1811 et 1812.*

[8] *Exposé,* стр. 24—25.

[9] Там же, cotonnades: L'industrie qui s'exerce sur les matières premières venues du dehors est moins utile sans doute: mais si des circonstances que le fabricant ne peut maîtriser font entrer dans notre consommation des objets manufacturés avec ces matières, alors l'industrie remédie en partie à cet inconvénient.

[10] Нац. арх. F^{12*} 194.—161 séance du 30 septembre 1813.

[11] Ср. Нац. арх. F^{12} 1579. Loir-et-Cher (Coton, 2 et 3 trimestre 1813).

[12] Нац. арх. F^{12} 1621—A. 1812—1813. *Note à Sa Majesté sur la situation de l'industrie* etc.

[13] *Exposé,* стр. 42. Recapitulation des deux premiers chapitres.

Nous avons trouvè que les produits bruts de notre agriculture et de notre sol étaient de	5.031.000.000	fr.
Que la main d'œuvre et la première fabrication accroissent d'abord ces produits bruts de	1.300.000.000	»
Que les produits de notre nouvelle industrie sont de	65.000.000	»
En tout:	6.396.000.000	fr.

[14] Mais ces matières premières n'ont pas été toutes manufacturées encore; celles qui l'ont été, ne sont pas elles mêmes au point où elles doivent arriver pour être livrées à nos usages, à nos consommations journalières: le blé n'est pas devenu du pain, les étoffes ne sont pas devenues vêtements, et la dernière main d'œuvre qui doit compléter la valeur définitive de toutes les valeurs déjà crées est au moins du dixième de ces valeurs ou de 639.600.000.

A la valeur totale 7.035.600.000.

[15] Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 25 mai 1813, № 18, *Rapport à Sa Majesté,* 4 juin 1813 (№ 19).

[16] Там же, le 25 mai 1813. De Sussy — Наполеону (№ 18).

[17] *Exposé de la situation de l'Empire présenté au corps Législatif, dans sa séance du 25 février 1813,* par S. Exc. le compte de Montalivet. Paris, 1813, стр. 34 и сл. Nouvelle industrie: ...une révolution plus importante encore, une révolution qui doit changer bientôt toutes les relations commerciales établies depuis la découverte de deux Indes, se prépare. L'énergie, une sorte d'audace dans les résolutions sont aussi nécessaires en administration qu'en politique. Remplacer dans nos consommations le sucre, l'indigo, la cochenille des colonies; trouver dans le midi de l'Europe les cotons et chez nous la soude qui alimentent nos manufactures, paraissaient choses impossibles. Nous avons voulu fortement et l'impossibilité a disparu devant nos efforts. Dès cette année les manufactures du sucre que l'on extrait de betterave nous donneront 7 millions de livres pesant de cette

matière. Elle est preparée dans 334 manufactures qui presques toutes sont actuellement en activité... Depuis l'extrême cherté du sucre on en consomme beaucoup moins. Les sept millions de livres que l'on fabrique en ce moment peuvent être considérés comme la moitié au moins de nos besoins actuels...— Но все — в будущем: — Lorsque la difficulté de se procurer du sucre et sa cherté seront moindres... les choses reprendront leur équilibre.— А посему можно считать, что сахарная промышленность в будущем, 1814 г. («on peut compter»), даст на 30 миллионов франков товара.

[18] По поводу этого *Exposé* 1813 г. Foville сказал: ...on peut en effet le trouver optimiste... Evidemment l'Empereur aimait mieux entendre la statistique dire du bien de lui que du mal (см. журнал *Feuilles d'histoire,* 1 mars 1912, № 3, стр. 231).

[19] Нац. арх. F^{12} 1621.—A. *Note à Sa Majesté sur la situation de l'industrie* etc. *1812—1813.*

[20] Нац. арх. AF. IV—1241. Séance du 25 juin 1810 (протокол conseil d'administration du commerce et des manufactures).

[21] *Correspondance,* t. XXI, стр. 237. № 17078. Fontainebleau, le 25 octobre 1810. Наполеон — Евгению.

[22] Нац. арх. F^{12} 511—A. Roard — министру внутренних дел, от 21 ноября 1811 г. (там же пометка министра).

[23] Один такой кусок сохранился в Национальном архиве при сопроводительной бумаге герцога Ровиго Наполеону: Нац. арх. AF. IV—1062. Paris, le 13 septembre 1811. Бумага за № 45, а кусок материи — в том же картоне под № 46.

[24] Нац. арх. F^{12} 1621—A. *Note à Sa Majesté sur la situation de l'industrie* etc. *1812—1813:* Cette fabrication est peu considérable à la vérité, mais ce résultat ne doit pas surprendre si l'on réfléchit que l'art d'extraire l'indigo vient seulement d'être fixé et que les particuliers n'ont pas voulu former des établissements, de crainte de se constituer dans les dépenses dont ils n'auraient pas été remboursés par une industrie, dont les avantages n'étaient pas connus d'une manière positive.

[25] *Le mémorial de Sainte-Hélène,* t. II, стр. 624—625: Si j'avais pu réussir à faire filer le lin comme le coton,— et j'avais offert un million pour prix de l'invention, que j'aurais obtenu indubitablement sans nos malheureuses circonstances,— j'en serais venu à prohiber le coton, si je n'eusse pu le naturaliser sur le continent.

[26] Нац. арх. AF. IV—1318, № 124. Paris, le 25 novembre 1811. (Gueroult — Наполеону).

[27] Нац. арх. F^{12*} 194. 131 séance du 1 mars 1813.

[28] Нац. арх. AF. IV—1062, № 29 (1813): Les nouvelles récentes de Londres annoncent ...que l'ambassadeur de Russie insiste fortement pour que l'exportation des denrées coloniales à destination de la France soit défendue.

[29] Нац. арх. F^{12*} 194. 134 séance du 18 mars 1813.

[30] Они употребляют более сильные выражения: Les fraudeurs ne connaissent plus aucun frein. A Paris et dans les principales villes de l'Empire, les divers magasins où sont exposés en vente des tissus fins de coton de tout genre n'en offrent guères d'autres que ceux qui ont évidemment une origine étrangère. (Там же, 139 séance du 22 avril 1813).

[31] Там же.

[32] Там же, 131 séance du 1 mars 1813.

[33] Там же, 164 séance du 21 octobre 1813.

[34] Там же, 160 séance du 23 septembre 1813: La guerre actuelle ... a pour principal motif la repression du monopole anglais.

[35] Там же: Une branche aussi importante... ne peut languir sans qu'il en résulte un discrédit général et une penurie très préjudiciables à tous les autres genres de manufactures.

36 Нац. арх., F12* 194. 166 séance du 4 novembre 1813: Dans des circonstances où l'irruption de nos ennemis vers le Rhin, l'Italie et l'Espagne va jeter dans l'Empire une énorme quantité de marchandises prohibées...

37 Нац. арх. F12* 194. 167 séance du 11 novembre 1813 (отношение министра торговли, прочтенное в заседании совета мануфактур).

38 Там же.

39 Там же, 164 séance du 21 octobre 1813: Pour arrêter la clameur publique on a changé quelques douaniers à la douane d'ici qui étaient les grands faiseurs; ceci n'a pas produit tout l'effet qu'on en attendait... ils ont laissé une grande queue et cela va de même (письмо Malaperta'a в совет мануфактур).

40 Там же, 167 séance du 11 novembre 1813.

41 Там же, 169 séance du 25 novembre 1813: L'empereur a fait la guerre pour conquérir la liberté des mers, pour la prospérité du commerce et de l'industrie française. Qui mieux que vous, messieurs, peut apprécier et démontrer à vos concitoyens quels seraient les fâcheux résultats de l'ambition de l'Angleterre si elle pourrait la satisfaire!

42 Там же: Le bésoin de conserver notre existence manufacturière, Monseigneur, est le meilleur garant de la sincérité de nos pensées.

43 Там же.

44 Там же, 172 séance du 23 décembre 1813.

45 Нац. арх. F12* 198, № 625. (Approuvé au Tuileries 30 décembre 1813).

46 Ср. Tout commerce, toute industrie ont été suspendues pendant toute la durée de ce trimestre (Нац. арх. F12 1575. Département de Gard. Observations). 1814. 1 trimestre.

47 Архив Лионской торговой палаты, 127 (заседание от 15 июля 1813 г.).

48 Нац. арх. F12 511—A. *Le préfet du département du Rhône à S. E. M. le comte de Montalivet, ministre de l'Intérieur.* Lyon, 14 novembre 1813.

49 Архив Лионской торговой палаты. 155 Procès-Verbaux (заседание от 21 апреля 1814 г.).

50 Нац. арх. F12 1618. Rœr. Borcette, le 3 décembre 1813 (письмо мэра префекту Rœr'a).

51 Нац. арх. F12 1585. Département de la Seine Inférieure. *Etat de situation etc. 1814.* Графа *Observations:* L'industrie était restée dans une nullité absolue, pendant le 1 trimestre... Mull-jennies — toutes furent inactives pendant le premier trimestre. Continues — même observation.

52 *Royauté ou Empire.* La France en 1814, d'après les rapports inédits du comte Anglès. Paris, Firmin-Didot, s. a., стр. 13.

53 Нац. арх. AF. IV—1062. Décembre 1813. *Compte-rendu sur les moyens de venir au secours des principales villes manufacturières de l'Empire* (эти города в тексте названы еще так: villes manufacturières et de fabrique de l'Empire).

Приложения

Всюду соблюдено правописание подлинных рукописей.

I

Нац. арх.

F^{12} 616—617. 1803 г.

A Napoléon Bonaparte, Premier Consul de la République française et Président la République italienne.

La Chambre de Commerce de la Ville de la Bruxelles.

Citoyen premier Consul et Président.

Nous prenons la respectueuse liberté de vous présenter une réclamation qui nous a été adressée par les fabricans de toiles peintes et imprimées de notre place; ladite réclamation tendante à obtenir la continuation d'entrée en exemption de certificats d'origine, des toiles de coton blanches des Indes, destinées à l'impression.

En vous transmettant cette demande, citoyen premier Consul, et en l'appuïant près de vous, de toutes nos forces, nous remplissons à la fois des devoirs bien sacrés envers nos concitoyens et envers le gouvernement de la République: envers nos concitoyens, puisque nous réclamons pour la subsistance de plus de 50.000 individus de ce païs, qui sont menacés de se trouver réduits au désespoir et à la misère; envers le gouvernement, parceque le principal but de notre institution est de lui faire conoitre les causes, qui arrêtent le progrès du Commerce, ou nuisent à la prospérité des manufactures nationales.

Sous ce rapport rien ne peut être plus digne de votre attention.

Les imprimeries de coton de nos départements, celles du Haut-Rhin, de Seine et Oise et autres de l'intérieur sont parvenues depuis quelques années, au point de rivaliser, de surpasser même en quelques articles, les manufactures du même genre établies en Suisse et en Angleterre; elles exportent une partie de leurs produits à l'étranger et en fournissent une grande quantité dans l'Intérieur; Elles occupent dans la cidevant Belgique seule plus de 15.000 ouvriers, et entretiennent conséquemment plus de 50 mille individus en comptant les femmes et les enfants, partout elles payent de gros salaires, et font vivre dans l'aisance un grand nombre de personnes.

Cependant il est impossible que ces manufactures continuent leur fabrication à moins qu'on ne leur assure les moyens de se procurer les matières essentiellement premières, dont elles commencent déjà à éprouver une grande pénurie. Or si le gouvernement n'exempte pas les toiles de coton blanches des Indes destinées à l'impression, des formalités requises par l'arrêté du 1-er Messidor il est certain que bientot nous en

serons entièrement privés, et qu'ainsi nos imprimeries tomberont dans un état de stagnation complette.

Il n'est pas difficile à calculer Citoyen premier Consul! combien les suites d'un pareil evènement, seroient désastreuses pour notre païs, puisqu'outre les préjudices qu'il feroit éprouver au fabricant, il priveroit plusieurs milliers d'individus de tout moyen d'existence, ou les forceroit au moins à en chercher ailleurs; de sorte que nous perdrions en peu de temps et nos débouchés à l'étranger et les moyens de rétablir nos fabriques, pendant que les revenus publics éprouveroient une diminution sensible et proportionnée, pour le département des Rouanes à la somme considérable que produisoient annuellement les droits d'entrée sur les articles en question.

Nous osons donc vous supplier, au nom du bien public, citoyen premier Consul, de vouloir bien rendre aux toiles de coton blanches des Indes, destinées à l'impression, l'exemption de représentation de certificat d'origine, de laquelle elles jouissoient en vertu des loix des 19 pluviose an 5 et 9 floréal an 7. Cette mesure est indispensable au maintien des fabriques et à la prospérité du commerce national; nous avons droit d'en attendre ce bienfait du Génie Restaurateur de la France et de ses sources de prospérités.

Salut et profond respect

Vice présidt.
Romberg secrétaire.

II

Архив Лионской торговой палаты 1805 г.
Procès-Verbaux des délibérations, 1802—1815, 82—83

Протокол заседания 20 фримера XIII года (1806)

Доклад комиссии, рассматривавшей станок Жаккара

Les avantages que peut procurer à la manufacture d'étoffes de soie la nouvelle mécanique de M. Jacquard ont été justement appréciés par les fabricants que vous avez invités à en faire l'examen hier en notre présence. Ce nouveau métier réunit dans sa simplicité, l'économie, l'exactitude et la regularité de la fabrication; il peut être regardé comme le point de perfection le plus exact du mécanisme des étoffes façonnées et brochées... La chambre de commerce, sentinelle vigilante sans cesse occupeé de trouver les moyens de faire fructifier le commerce et les manufactures, se plait à accorder le temoignage le plus flatteur et le plus authentique à des decouvertes utiles, et le travail de M. Jacquard en est digne à tous égards, mais là se borne toute sa puissance,— n'ayant aucuns fonds à sa disposition, n'ayant aucune autorité administrative, ses moyens de récompenser et propager le resultat des travaux des artistes lui manquent absolument.

А посему Комиссия предлагает сначала выдать Жаккару 1200 ливров, *если удастся еще один опыт,* а затем ходатайствовать пред властями о субсидии и помощи ему.

III

Архив Лионской торговой палаты (Июль, 1805 г.)
Proces-Verbaux des délibérations, 135.

Заседание 13 термидора XIII года.

On lit une lettre des messieurs les fabricants chapelliers et une copie du mémoire qu'ils présenteront à Monsieur le commissaire général de

police au mois de ventôse; elles ont pour objet d'engager la chambre à faire ce qui dépendra d'elle pour obtenir la prompte publication de l'ordonnance de M. le commissaire général du 11 flor. dernier, sur la police concernant les ouvriers, qui lui est attribuée par la loi du 22 germinal an 11.

Dans l'un et l'autre écrit ils exposent que le licence, l'insubordination règnent parmi les ourviers qu'une coalition, contre les chefs d'ateliers, organisée par quelqu'uns et dont gemissent ceux d'entre eux qui respectent leurs devoirs et qui se trouvent violemment enveloppés par elle tendent evidemment à la ruine de leurs fabriques, si elles n'étaient bientôt réprimées. Le rêmède qu'ils trouvent à ces maux est la publication de l'ordonnance de M. le commissaire général du 11 floréal; ils la demandent avec les plus vives instances.— Aprés cette lecture une deputation de M-rs les fabricants chapeliers, composée de MM. Chambry, Millhon, Pordon, Buret — est introduite. Chacun d'eux expose alternativement à l'assemblée en termes plus forts encore que ceux employés dans leur lettre..., les maux auxquels sont livrés leurs fabriques par l'insubordination de leurs ouvriers qui ne craignent pas d'abandonner leurs ateliers dans le moment où les commissions pressent; de travailler une heure de moins par jour qu'ils ne doivent, et font la loi pour le prix de leurs journées. Ils la prient de concourir avec eux à la plus prompte publication de l'ordonnance de M. le commissaire général de police.

Торговая палата постановила исполнить желание хозяев и просить полицию о соответствующем распоряжении.

IV

Архив Лионской торговой палаты
Procès-Verbaux des délibérations, 93 (1805)

Адрес Наполеону I, поданный при его проезде через Лион

Sire,

A la tête des armées Votre présence fut toujours le présage de la victoire; elle ramène parmi nous le bonheur et de vastes espérances. Nous osons les fonder sur la bienveillance de Votre Majesté, sur le souvenir de nos malheurs et surtout sur l'intérêt qu'ils ont su lui inspirer. Hésiterions-nous à nous y livrer lorsque Votre Majesté a daigné ne pas les éloigner, lorsque d'un seul mot elle peut rendre à la France un commerce annuel de cinquante à soixante millions; et son antique splendeur à une ville infortunée, si longtemps l'objet de la jalousie de nos rivaux? Nos vœux sollicitaient depuis longtemps la même faveur que François I avait accordée à nos pères; il jeta le premier les fondements de la prospérité de notre ville, l'expérience justifia la sagesse de ses vues; il favorisa par toutes sortes de moyens le passage en franchise par Lyon des marchandises étrangères allant à l'étranger. Nos richesses s'accrurent, la vue des magnifiques brocarts fabriqués en Italie nous porta à les imiter. D'abord émules des italiens, bientôt nous ne connûmes plus de concurrents.

Attendions nous moins du héros qui fixât et sut aggrandir les destinées de la France, lorsque reclamant auprès de lui le commerce de nos pères, nous sollicitons la même faveur dont jouissent depuis deux ans nombre de villes maritimes moins à portée que nous d'approvisionner de denrées coloniales et de marchandises de Levant — la Suisse et l'Allemagne?

Negligérions-nous les avantages que nous offrent notre position, nos habitudes et nos relations pour contribuer à la prosperité de la France

et à la nôtre? Moins empressés à les faire valoir, nous mériterions se que nous aurions le plus à redouter, le blâme de Votre Majesté elle-même. Loin de nous la crainte de voir ce nouvel établissement affaiblir l'eclat et l'activité de nos manufactures. Un accroissement de population, l'augmentation des fonds circulants sur la place, la reconstruction de nos édifices, l'abord d'un plus grand nombre d'étrangers peuvent-ils nuire à la prospérité de nos manufactures? Peut-on appréhender leur decadence, des causes mêmes qui tendent à les en retirer?

Le demande d'un entrepôt fixe déjà l'attention des maisons etrangères qui nous avoisinent, plusieurs n'attendent que la décision de Votre Majesté pour venir se fixer parmi nous. On peut en citer qui déjà cherchent à prendre des mesures pour leur prochain établissement.

Telles sont, Sire, les principales considérations que la chambre de commerce de Lyon soumet aux lumières de Votre Majesté Impériale, tels sont les vœux qu'elle forme pour le bonheur de ses concitoyens. Heureuse d'en être un instant l'organe auprès de Votre Majesté, elle apprécie encore plus l'honneur de vous offrir l'hommage du profond respect avec lequel nous sommes.

Der Votre Majesté les très humbles et très fidèles sujets.

V

(17 февраля 1806 г.)

Considérations à l'appui du mémoire présenté à Sa Majesté l'Empereur par les fileurs et tisseurs du Département du Rhône et par les fileurs et tisseurs du Département de la Drôme.

Lorsque l'art de la filature étoit dans l'enfance parmi nous, lorsque un prejugé mal entendu s'opposoit à la propagation des moyens industriels qui en diminuant les fraix de main d'œuvre donnoient une grande perfection au travail; ont étoit forcé d'avoir recours au commerce de l'Inde pour se procurer les toilles de coton nécéssaires à la consommation de nos manufactures d'indiennes;

Ce commerce faisoit sortir annuellement de France des sommes considérables en argent qui ne rentroient plus oû au moins qu'en très petite-partie, puisque les objets d'exportation se reduisoient à peu de chose;

Il est vrai que la compagnie oû des negociants français faisoient par cette importation des bénéfices qui diminuoient d'autant la somme des espèces exportées outre que c'étoit une école pour notre marine; les établissements que nous avions sur la côte de Coromandel et de Malabar offroient de grandes ressources pour le commerce de la Chine es du Japon;

Mais à present que nos établissements dans cette partie du globe n'existent plus; à présent que les anglais ont mis en leur pouvoir toute la presque'ile de l'Inde; nous n'avons plus de compagnie, ni commerçants français qui puissent faire ce commerce directement, et c'est des anglais seuls que nous pouvons nous procurer les toiles de coton qui se consomment chez nous, pour lesquelles seulement nous leurs payons la somme annuelle de 70 à 80 millions!!!

Pour nous exonerer d'un si enorme tribut, il fallut recourir à l'établissement des filatures et tissures sur notre propre sol; et depuis quelques années que le gouvernement, par des sages réglemens, et la prohibition sur certaint objets fabriqués, tels que basins, piquets velours etc. les avait encouragés, ont avait vu s'éléver des fabriques dans ce genre dans toutes les parties de la France.

Le gouvernement Anglais n'a pû voir ces établissements de sang froid; avec le commerce exclusif en Europe des cotons filés et de leurs tissus, l'Angleterre gagne annuellement de sommes énormes et soutire tout l'ar-

gent du continent, qui sert ensuite à corrompre les ministres des diverses puissances et à entretenir la guerre et la discorde; ensorte qu'en dernier resultat c'est nous qui fournissons une partie des subsides qu'elle accorde aux puissances qui nous font la guerre;

Il est donc urgent de faire cesser un ordre de chose aussi ruineux, et la mesure que prendra l'empereur des français, ne peut être ni trop prompte, ni trop forte; car le mal est à son comble.—

Beaucoup de chefs d'ateliers, espérant que par une prohibition absolue, les fils et tissus étrangers ne pourroient faire concurence aux leurs, avoient augmenté le nombre de leurs metiers; à Paris, à Roüen, les ateliers ne s'occupoient que de la construction des nouvelles machines pour la filature, et dans les départements, plusieurs établissements dans ce genre s'étoient formé, oû étoient prets à l'être, lorsque tout à coup ce genre d'industrie s'est trouvé frappé d'une paralysie totale:

Dans le Midy, dans le Département de la Drôme entre autre, les filatures de coton commençoient à s'y propager, au point que dans la seule ville de Crest — dont la population excède tout au plus quatre mille âmes, plus de cinq cents individus etoient occupés à ce genre d'industrie. Messieurs Daly et C° y avoient même formé un établissement de tissures en toiles de coton composé de cinquante métiers, mais ne pouvant soutenir la concurrence étrangère ils se sont vu forcés de l'abandonner;

Ces filatures alimentoient les fabriques de Montpellier qui offroient un double avantage à la France; par leurs teintures en rouge qui comsommoient les huiles, et d'avancer d'autres productions de notre sol;

Les tissus et les filés en couleurs de ces deux villes s'exportaient dans les iles et en Espagne, débouchés entièrement perdus pour nous, l'Espagne en a entièrement prohibé l'entrée et la consommation de nos colonies est reduite à peu de chose;

Remarquons, néanmoins, que l'Angleterre ne cesse d'introduire ses filés et tissus en coton dans le Portugal et de là en Espagne, ensorte que bientôt nos toiles de Flandre et de Voyron y auront très peu de consommation par la preferance qu'on y accorde aux kalicots et perkales anglaises pour chemises et autres;

Les fabriques de Lyon et de Nîsmes emploient beaucoup de coton filé, melanges avec de la soie; et font ainsi des étofes qui ont cours dans le nord de l'Europe; mais les filés anglaises s'y présentent encore en concurence, et les bas prix leurs obtient la préférence;

C'est cotons filés audessous du N 60 quoique prohibés, ne parviennent pas moins, on ne sait comment, dans le cœur de la France; sans doute à la faveur de ceux qui sont d'une finisse supérieure et toujours par une maneuvre coupable;

L'arrété de S. M. l'Empereur de jour complementaire an 13, en augmentant les droits d'entrée sur les fils et tissus en coton, ne remediera pas au mal que font aux nôtres ceux venant de l'Angleterre, parceque les primes que le gouvernement anglais accorde au commerce sur les exportations, et les gros bénéfices qu'il fait sur tout ce qu'il tire de l'Inde, lui permettront de baisser les prix de ces objets au point de les livrer au dessous de ceux de nos fabriques:

Craint-on qu'une prohibitions totale prive nos fabriques d'indiennes des toiles nécéssaires pour leurs consomations? on ne le pense pas; des miliers de metiers sont prets à se monter; pour peu que la consomation de leurs tissus soit assurée à Nîsmes, à Montpellier et à Avignon, on est sûr que plus de trois mille ouvriers qui ne font rien, se livrairoient à ce genre d'industrie, auquels ils sont si familliers est qui est si facile à enseigner que dans 40 à 45 jours ils pourroient dresser la même quantité d'apprenifs; sans compter que l'emploi de la navette volante pour les tissus de grandes largeurs, reduit le nombre des tisseurs de moitié; sans

compter encore que les filés, provenant de nouvelles machines, ont plus de prix et l'ouvrier fait un tiers de plus d'ouvrage;

Ainsi l'on peut affirmer que les fabriques de France seroient bientôt à même de fournir les quantités des tissus nécéssaires à celles d'indiennes et même au delà;

Ajoutons à toutes ces considérations que non seulement la France s'allegeroit d'un tribut enorme envers son ennemi implacable en cessant d'importer ses fils et tissus en coton, mais même l'on verroit bientôt d'autres états imiter son exemple et appauvrir d'autant cette puissance ambitieuse et jalouse qui ne cesse de méditer la ruine des autres états pour s'emparer du commerce du monde;

Ainsi le héros qui gouverne la France ajoutera beaucoup à sa gloire, il aplanira une partie des obstacles qui s'opposent à ses grands desseins — contre ces audacieux insulaires, s'il parvient à affranchir la France du tribut annuel qu'elle est forcée de lui fournir, que dis-je? à présent que ses éclatantes victoires l'on rendu l'arbitre des destinées des états du continent, qu'il exige pour condition essentielle de la paix qu'il leur accorde, que tout les ports du continent soient fermés aux Anglais, et bientôt la superbe Albion renoncera à l'acte de navigation inventé par Cromwell, et conformant ses principes à ceux que la justice et l'humanité prescrivent à toutes les nations policées, elle se bornera à jouïr des avantages de sa position, de son industrie et de sa civilisation, sans s'opposer à ce que les autres nations ûsent du même privilège;

En exigeant une pareille mesure de la part des autres états de l'Europe, l'Empereur ne feroit que leur bien; puisqu'ils n'en est aucun qui ne soit également tributaire de l'Angleterre, tant pour les objets en question, que pour une infinité d'autres; et alors cella tourneroit l'industrie de leur population de ce coté, et pourroit, en attendant qu'elle eût atteint la perfection nécéssaire, fournir un débouché à l'excédent de nos filés;

A cet effet les fileurs et tisseurs soussignés déposent aux pieds du trône leurs respectueuses observations avec la confiance que la premier regard de l'Empereur, après avoir reglé le sort de ses illustres compagnons, se portera sur la partie industrieuse de ses peuples, qui en faisant des vœux pour la conservation de sa précieuse personne, ne cesse de concourir *par ses laborieux travaux, au soulagement de la classe indigente et la* prosperité du commerce et l'agriculture.

Fait à Crest le 17-e février 1806.

(следуют подписи).

Vû pour legalisation des signatures des fileurs et tisseurs de Crest qui ont signé cy dernier.

Fait en mairie à Crest le 19 février 1806.

Bellier.

VI

Нац. арх.

AF. IV—1060, pièce n° 39.

28 février 1806.

A Sa Majesté l'Empereur et Roi.

Sire!

Votre Majesté à bien voulu prendre en considération les réclamations des fileurs et tisseurs français, et déjà Votre décret du 22 février ranime nos esperances, daignez, Sire, en agréer l'hommage de notre respectueuse reconnaissance.

Oui, Sire, tout effrayés que nous soyons du droit imposé à l'introduction des cotons en laine, nous osons nous flatter, que l'exécution stricte et sévère, des intentions salutaires du décret, en debarassant l'industrie fran-

çaise du monopole de nos ennemis, rendra à nos ateliers toute l'activité possible, et nous donnera les moyens de fournir aux manufactures de toiles peintes, des belles qualités, à des prix modérés, en quantité suffissante et même au dela de leurs besoins pour les amener à regarder ainsi que nous, le décret du 22 février comme un nouveau et important bienfait de Votre Majésté.

Nous sommes, Sire, avec le plus profond respect, de Votre Majesté Impériale et Royale.

Les fidèles serviteurs et sujets, Les fileurs du

Département de la Seine et environs.

Paris, le 28 février 1806.

(13 подписей)

VII

Гамбургский гос. архив
1806 г.

Пачка: Aus der Akte Cl. I Lit. Pb. Vol. 8 d. Fasc. 17. Vol. 14: betr. Briefe von Colquhoun, kurz vor und seit Erneuerung der Blockade, 1806.

Secret and Confidential.

Observations
on the facilities afforded by the merchants of Hamburgh in the purchase of British manufactures, East India goods and colonial produce during the late and the present war
and
on the advantages which will result to Great Britain and Ireland from the removal of the blockade of the river Elbe.

The free imperial city of Hamburgh has been for centuries past a great enterpot for merchandize intended for the consumption of the North of Europe; but it was not until the invasion of Holland by France during the last war, that this city became the center of exchange, and the grand depot of the chief part of the colonial produce, East India goods and British manufactures, destined for the consumption of all Europe.

The excellent constitution of the Bank of Hamburgh afforded great facilities to her merchants, and enabled them, with the assistance of their own extensive capitals, to establish a chain of correspondence with every commercial town in the different kingdoms and states in Europe, not even excepting Turkey, and from their connections thus formed, they have been accustomed for the last twelve years, to receive regular orders for merchandize of every description, chiefly imported from Great Britain, which notwithstanding every difficulty, which was opposed to their exertions, they circulated in *Germany, France, Spain, Italy, Austria, Hungary, Poland and the Turkish dominions*, in so much that for a succession of years their imports alone from Great Britain exceeded *eight millions Sterl. annually*.

After a certain period the chain of connection became so perfectly systematized, and their friends and correspondents were so numerous in every city, town, and village in Europe, that they were enabled by their assistance, stimulated by personal interest, to counteract all the exertions of the French governement, for the purpose of preventing the introduction of Britisch manufactures and other goods into the different countries. Where prohibitory edicts were attempted to be enforced, local influence obtained certificates in every quarter for a triffle, and thus did British manufactures and colonial produce and East India goods find their way to the remotest purchaser in spite of every obstacle.

In addition to this, the same chain of extensive connections enabled

the Hambourgh merchants, while the ports of Italy were shut against the British trade, to bring over land the raw silks, and other valuable commodities from that, and other countries, necessary for the manufactures of England, in so much that during the most calamitous period of the last war the supplies of every raw material usually furnished to this country from every interdicted port of Europe, were procured in sufficient quantities through the medium of Hamburgh. And even during the unfortunate blockade of the Elbe, which took place soon after the commencement of the present war, which so much crippled the trade of the North of Europe, it was chiefly through the medium of the merchants of Hamburgh that British goods found their way to the various purchasers and consumers on the continent, since the Danish port of Toningen afforded no facilities of this nature, and it became necessary to transport the goods to Hamburgh at a great expence by land carriage through Holstein, and ultimately in small craft which navigated on the Danish side of the Elbe from Toningen to Hamburgh in consequence of a relaxation of the blockade with respect to such vessels. In all cases it became necessary that the goods should be deposited in Hamburgh, for the purpose of being assorted, previous to their being sent in transit to their various destinations in different parts of Europe.

The departure of the French army from Hanover in October 1805 produced a total removal of the blockade, upon which the trade began to resume its former vigour, and was progressively increasing to a great and beneficial extent, notwithstanding the efforts of the French government to prevent it, when the unjust assumption of the sovereignty of Hanover on the part of Prussia, and the subsequent proclamation of that power prohibiting the introduction of British goods produced a recent order from this government for resuming once more the blockade of the Elbe.

It is here to be observed that the order of the Prussian government simply states

«that the ports of the North Sea, as well as the rivers
«emplying themselves therein, shall be shut against
«British commerce *the same as when occupied by the*
«French troops.

In order therefore to ascertain the true import of this edict, it becomes necessary to inquire, what were the nature and extent of the obstructions offered by the French during the period they occupied Hanover?

It will be found that no instance occured, when the French government attempted to *seize, examine or interrupt* any vessel passing up the Elbe, altho'it is certainly true, that within that period three ships were seized by the French soldiery at Cuxhaven, and condemned *en militaire:* but this outrage had not the sanction of the French government, although it afterwards (when the spoil was divided among the soldiers, and could not be recovered) shamefully connived at what had been done.

It is further to be observed, that as the Prussian government profess to follow only the system, which was practiced by France, that in conformity to the conduct of that power they will not presume to disturb neutral vessels passing and repassing upon the Elbe to, and from Hamburgh, in as much as it was never done by the model, which Prussia professes to follow, and therefore it can scarcely admit a doubt, that such neutrals will be permitted to navigate to, and from Hamburgh without molestation; neither is it to be supposed that the edict of Prussia will be carried into execution, in the manner *it imports*, as it has been extorted from that power by France, and has been unwillingly acceded to: and still less is it to be excepted, that any rigid regulations will be established with respect to the transit of British goods through the dominions of Prussia, in as much as that country requires regular supplies of colonial, and East India goods

and British manufactures, which have become indispensibly necessary for the comfort and convenience of the people.

But admitting that a system equally rigid should prevail, as that, which France established, still as British goods *then* found their way through the exertions of the Hamburgh merchants into the interior of Europe, it follows of course, that nothing that Prussia can do, will prevent it, provided they pass through the same chain of connections. Besides as the Prussian edict refers only to the rule *established by France,* and as that *rule* extended only to the territory (namely Hanover) then in their possession, it can not be fairly construed, as applying to any of the other countries under the government of Prussia. If however it should be found even to extend to the whole of the Prussian dominions, it will not be effectual, if the mode of conveyance remains with the Hamburgh merchants.

This however cannot be effected, unless the blockade of the Elbe is withdrawn. This river is claimed by no belligerent or even neutral power. It is completely free, and Hamburgh being aslo a free city, *is a neutral state in amity with Great Britain.*

During the period when the French occupied Hanover, no attempt was made to disturb the commerce, or the commercial proceedings of the city of Hamburgh. Its neutrality in all instances was respected, and as the strongest assurances have been recently given by the French government, that no attempts will be made or suffered, whereby its liberties or independence shall be disturbed, it is expected that it will remain in statu quo, and that its freedom of trade will be preserved.

Admitting this to be the case, it should seem for the reasons already assigned, to be of the greatest importance, that the trade with Hamburgh should not be interrupted. With Holland although an enemies country, an intercourse by neutral vessels has been courted by the policy of Great Britain, and it has always been accounted a wise policy. The same principle applies to Hamburgh in a tenfold degree, because of the great additional vent, which through this medium will be afforded for *British manufactures, colonial produce and East India goods. Besides* Hamburgh is not *an enemies country,* and the goods landed there, are not subject to the capricious interferences and seizures, which have so often disturbed the commerce of Holland through the medium of French influence, producing *outrage and injustice.*

But even admitting that a hazard existed, it is by no means proposed or expected, that the risk is to be incurred by British subjects, either in the other belligerent powers, to whose countries British goods are constantly would be the purchasers for their correspondents all over Europe. The goods as well as the ships would be *completely neutral property.* The British underwriters would not even be called upon to insure this property, as the greatest facilities in this respect exist at Hamburgh.

It may perhaps be argued, that this measure would aid the enemy. If such reasoning were just, it would apply equally to Holland, and all the other belligerent powers, to whose countries British goods are constantly shipt in neutral vessels. But the fact is, that it would weaken the enemy by increasing the resources of Great Britain for carrying on the war. It would ease the warehouses of the merchants and of the manufactures of the masses of commercial property, with which they are overloaded, and by extensive sales they would be enabled to continue their enterprize — but it would do more, while it gave a favorable turn to the exchange with the continent, it would enable Great Britain and Ireland, through the medium of Hamburgh, to obtain the raw silk and other light productions from Italy so indispensibly necessary to our manufactures, while it would open a source for the supply of various other raw materials from Germany and other parts of Europe, no less indispensible.

The blockade of the Elbe cannot in the smallest degree injure Prussia. It only can injure unoffending Hamburgh and Great Britain. But Prussia might be considerably distressed, if in addition to the river Ems, the blockade were extended *to Stettin,* and still more to *Colberg* and *Rugenwalde,* by which Prussia would at once be deprived of the exportation of her linens, and all other manufacturing materials, and such a measure might perhaps compel that power, to withdraw her restrictions with respect to British ships navigating upon the Elbe as such a measure would produce the utmost distress and ruin to the numerous linen manufactures of Prussian Pomerania.

But in fact the only injury Great Britain could sustain, provided the Elbe were opened by the removal of the blockade under the existing circumstances, would be the exclusion of British ships for a time from the trade, which is a *mere nothing* and can never be put in competition with the incalculable advantages, which will result from this measure — especially when it is considered that at all times, and particularly during war, a vast proportion of this trade has been carried on in neutral bottoms.

By raising the blockade of the Elbe, it is highly probable, that in spite of every difficulty opposed by the French government, the exportation from Great Britain will resume its former vigour, but if the apparently unnecessary system is adopted, of forcing the trade, through the circuitous route of the Danish port of Toningen, it will not only be greatly crippled and reduced, and subject to much plunder as well as an immense expence in the transit of ponderous articles, such as sugar, through Holstein by land carriage, but such a mode of conveyance will attract infinitely more notice than if the vessels proceeded in a direct course with their cargoes to Hamburgh.

For these and other reasons, which could be offered shewing the immense benefits which will result to Great Britain and Ireland, from preserving a free intercourse with Hamburg it is humbly hoped, that His Majesty's government on a full consideration of these advantages will be pleased to withdraw the recent order for blockading the Elbe, and in the first instance at least permit the experiment of a free intercourse with Hamburgh to be made in neutral vessels, since for the reasons already offered there is almost a moral certainty, that it will not be disturbed in the smallest degree by the powers at war with Great Britain.

17-th april 1806.

Copy of a letter to Lord Auckland inclosing the memorial saying Observations.

James Street Westminster
17-th april 1806.

My Lord,

The incalculable importance of the inclosed observations I am convinced will plead my apology for pressing the subject matter of them upon that very early attention, which the present distressed state of our trade the attention of His Majesty's government as early as possible, with a view if possible, to an order being sent by the mail of to morrow, to suspend or rather to countermand the blockade of the Elbe.

I have been for nearly two years the accredited agent of the Republic of Hamburgh, and have bestowed much labour, with a view to obtain a knowledge of the nature and extent of the trade, and its importance to this country.

But in these delicate and difficult times it is not safe for the Senate to disclose many important facts, elucidating the advantages this country derives from the commercial intercourse with that city, or what steps its

merchants have adopted, to promote a circulation of British goods all over Europe: nor can I *in my public capacity*, as their deputy or agent venture, to bring the case under the review of government in the shape of a memorial, to be presented in the usual official form to the Minister for foreign affairs, lest the publicity of such a document *now, or at any time hereafter* from the unfortunate state of Europe, might prove fatal to the liberties of Hamburgh, in the preservation of which this country is so much interested.

I have therefore presumed to bring the case forward under the title of Observations, which can be transmitted to no person with greater proprieté than your Lordship, since it can not pass to His Majesty's councils through a channel more appropriate, or better calculated to command that very early attention, which the present distressed state of our trade and the importance of the case imperiously solicits.

I have the honor to be etc.

VIII

Нац. арх.
AF. IV—1060, pièce n° 27.

Genève, le 10 Novembre 1806.

Sire,

Permettez-nous d'appuyer de nos prières la petition qui vous a été présentée par le commerce de Lyon, et qui sera confirmée sans doute par les adresses de toutes le villes commerçante de France. Nous nous recommandons à la protection de Votre Majesté, les villes commerçantes du Nord et de l'Allemagne; nous la supplions de leur épargner autant qu'il sera possible les calamités qui sont une suite trop ordinaire de la guerre, et d'alléger pour elles le poid des contributions.

Ce fut une consolation pour nous, au moment où éclate une nouvelle guerre, de voir Votre Majesté déclarer qu'un des ses motifs pour prendre les armes, c'était la protection que pour la propriété même du commerce et de l'industrie de France, elle devait accorder aux villes Anséatiques. En effet, Sire, le commerce est un lien d'amitié entre les peuples, un lien qu'une guerre, même longue et acharnée ne rompt pas entièrement. Mais la paix et la confiance avaient resserré ce lien entre les ville de France et celles d'Allemagne; des relations multipliées et de la plus haute importance existaient entre Hambourg, Lubeck, Bremen, Leipzig, et toutes les villes de commerce de France, aucune faillite ne pourrait éclater dans aucune de ces villes, sans causer au commerce Français, et à celui de notre ville en particulier, une perte proportionnée à son importance, une perte qui retomberait immédiatement sur les manufactures. Aucune grande calamité ne peut atteindre ces villes, sans que des faillites nombreuses en soient la suite. La mauvaise foi profite alors des malheurs publics, le payement des dettes les plus sacrées est suspendu ou refusé, la méfiance arrête toute espèce de transactions, les contrecoups des pertes qu'éprouve la ville la plus éloignée de l'Allemagne, sont ressentis d'une extrêmité à l'autre de la France, et occasionnent au Commerce Français, par les faillites nombreuses qui en sont la conséquence dans toute l'Europe, une perte égale ou peut-être supérieure à celle qui aura éprouvé les villes étrangères.

Tandis que le commerce Français serait appellé à souffrir de toutes les souffrances de tous les commerçants de l'Europe, les manufactures françaises sont plus particulièrement intéressées à la conservation de l'antique propriété d'une ville d'Allemagne, qui était le marché général, le marché presque unique de tout le Nord et le Levant de l'Europe. Les foires de Leipzig étaient le débouché le plus important des manufactures françaises

destinées à une consommation étrangère, et la suppression du Commerce de cette ville, en détruisant toute exportation, ruinerait presque tous les ateliers de France, et reduirait les ouvriers à manquer de pain. De beaucoup la plus grande partie de l'horlogerie et de la bijouterie de notre ville était vendue à Leipzig, toutes nos exportations pour l'Allemagne, le Danemarc, la Suède, la Hongrie, la Pologne, la Russie, et la Turquie avaient cette destination. Mais les foires de Leipzig seraient abandonnées par tous les étrangers qui venaient y acheter les marchandises françaises, s'ils ne trouvaient plus dans cette ville la sureté pour leurs propriétés dont ils jouissaient auparavent. Les fabricants Français les abandonneraient à leur tour, si les marchands de Leipzig autrefois leurs dépositaires, étaient ruinés par des *contributions ou des saisies, de manière à ce qu'ils* n'eussent plus de garantie à donner pour leurs propriétés à ces fabricants.

En recommandant à la clémence et à la protection speciale de Votre Majesté, toutes les villes commerçantes de l'Allemagne, nous avons cru devoir insister seulement sur des considerations commerciales, et sur l'avantage de vos propres sujets, car sans doute nos prières trouveront Votre Majesté déjà disposée d'elle même à épargner une classe d'homme toujours étrangère aux pretentions ou aux fautes de ses ennemies toujours amie au milieu de la guerre, toujours utile à la France qu'elles qu'aient été les révolutions des Gouvernements sous lesquels elle vivait. Mais Sire, vous jouirez aussi en protégeant les négociants d'Allemagne, et en les sauvant de la ruine, d'avoir travaillé ainsi à la propriété de vos sujets Français.

Genève 10 Novembre 1806.

Nous Sommes de Votre Majesté. Les très humbles et très fidèles sujets.

J. Sh. Léon Simonde Sismondi, Secrétaire de la chambre du Commerce.

Elie Audra.

J. Odier-Chevrier — Vice-président.

Violliens.

Henri Martin.

Hentz.

IX

Нац. арх.
AF. IV—1060, pièce n° 81.

Paris, le 5 août 1807.

Rapport sur la question de savoir ce que peut désirer le commerce des différents princes qui composent la Confédération du Rhin, quelles sont les mesures à prendre pour y introduire les produits de nos manufactures.

Rapport à Sa Majesté l'Empereur et Roi.

Sire,

Votre Majesté m'a ordonné de répondre à la question suivante:

Que peut désirer le commerce des différents princes qui composent la Confédération du Rhin? quelles mesures à prendre pour y introduire les produits de nos manufactures?

En donnant à l'Allemagne une forme et une constitution nouvelle, le Genie et la Victoire de Votre Majesté lui ont aussi donné de nouveaux intérêts, de nouveaux rapports et ont resserré surtout les liens que l'unissaient à la France. Il suffira presque au Commerce français de jouir en liberté les effets naturel de cette grande révolution, les intérêts commerciaux de la France et de l'Allemagne ne sont presque opposés sur aucun

point, et les circonstances réciproques sont presque toutes favorables aux étrangers.

Nos vins, nos eaux-de-vie seront toujours necessaires à l'Allemagne, nos soyeries, nos objets de luxe et de mode lui conviendront longtemps; nos draps pourront y obtenir chaque jour un débouché plus étendu, nos tissus de coton pourront bientôt y pénétrer.

Le premier intérêt de notre commerce est d'obtenir ou de conserver dans tout les états de la Conféderation du Rhin.

La liberté du transit, celle du transport sur la rivière.

Les franchises des foires et de veiller à ce qu'elles ne soient genées par aucune espèce d'entrave.

Mais on peut dire aussi qu'en cela les intérêts mêmes de ces états sont en accord avec le nôtre.

Le mélange et l'extrême division des territoires ne permettaient guère jusqu'à ce jour aux petits Etats de l'Allemagne de se créer un système de Douanes semblable à celui des grandes puissances, il importe et pourvoir à ce qu'aujourd'hui, ces états, arrondis, étendues ne s'enveloppent pas d'une ligne de Douanes qui sous pretexte de protegér leur propre commerce repousserait le nôtre.

La juissance de ce libre passage au travers des Etats de la Confédération du Rhin est pour le Commerce français d'une haute importance, dans les temps même ou les communications maritimes n'étaient pas genées, les étoffes de Lyon, les modes de Paris, en général tous les objets de luxe et de prix, se dirigeoient par terre au travers de l'Allemagne pour la destination de la Pologne et de la Russie, le haut prix des assurences maritimes composant pour ce genre d'article les frais de transport par terre, et d'ailleurs la régularité de ces envois étant pour ces objets d'une grande importance. La Prusse seule en gênant leur passage les forçait de prendre la mer à Lubec; mais encore pendant les franchises des foires de Leipsick, ces expéditions profitaients-elle: de la circonstance pour continuer leur route par terre, aujourd'hui que la France ne peut plus faire usage de la voie de mer, notre commerce avec la Pologne et la Russie court les risques d'être anéanti, s'il était au pouvoir des états d'Allemagne d'entraver le transit par le Douanes et des péages.

Il ne m'appartient pas, Sire, de préjuger de qu'elle manière Votre Majesté croira devoir intervenir pour assurer au commerce français cette précieuse liberté. Je me bornerai à lui rappeller qu'elles étoient à cet égard les principes de l'ancienne Constitution Germanique et les Droits du Chef de l'Empire.

Les Souverains qui appartenaient à l'ancienne Confédération Germanique, avaient sans doute le droit d'établir dans leurs états ces Douanes intérieures qui ne sont que des droits sur les objets de consommation, et qui faisant partie de systême des impôts dépendant comme eux de la Souveraineté territoriale. Mais ils n'avaient point la même indépendance à l'égard des Douanes extérieures, c'est-à-dire des péages, des droits transit et tous ceux qui pouraient gener le commerce des autres Etats de l'Empire. L'établissement de ces Douanes et les changements de tarifs ne pouvaient avoir lieu sans la concession de l'Empereur et l'agrément unanime de tous les Electeurs. Les grandes foires dont les sauves conduits s'étendoient dans tout l'Empire, comme celle de Francfort, Leipsick, Brunwick etc. ne pouvaient être établie également que sous l'autorité de l'Empereure.

Il est vrai que sur la fin et lorsque les liens qui unissaient le corps germanique commencèrent à s'affaiblir, quelques états particuliers se confiant dans leur puissance s'affranchirent des formes établies; l'Electorat de Brandebourg par exemple opposa au passage des marchandises non seulement des droits mais des vexations qui forçèrent le Commerce à prendre une autre route.

Sans doute ces considérations sont déjà présentés à Votre Majesté. Elle croira peut-être devoir appliquer à la nouvelle confédération du Rhin cette utile législation dont l'ancien corps Germanique recuillit longtemps les bienfaits, et qui entretenait une heureuse harmonie entre les intérêts commerciaux de tous les Etats. Elle croira peut-être devoir établir que toutes les loix de Douanes ne pourront être établies dans les Etats de la Confédération du Rhin, que sous la ratification de Votre Majesté Elle même en Sa qualité de protecteur de la Confédération, afin qu'elles soient examinées, et dans l'intérêt général de la Confédération, et dans l'intérêt de la France.

Quant au débouché du produit des Manufactures françaises en Allemagne, le seul rival qu'elles puissent craindre est l'Angleterre. Votre Majesté l'a écarté par le Décret du 12 novembre. L'Allemagne en ce moment perd l'habitude de recevoir ses comsommations des Anglais et secoue le joug de (leur) industrie. Je n'ai rien négligé pour exciter les fabricants français pour profiter d'une circonstance aussi favorable. Sans doute à l'époque de la paix maritime Votre Majesté saura maintenir ce grand ouvrage qu'a crée ses triomphes autant que le permettront les Circonstances.

Alors sans doute Elle croira pouvoir accorder aux Etats de la Confédération du Rhin, le retour d'un libre transit au travers de la France, et ce transit sera lui-même un bénéfice pour notre commerce.

Alors aussi des mesures pourront être prises pour rétablir le débouché de nos denrées coloniales en Allemagne.

La filature et le tissage du coton ont pris à peine quelque essor dans les Etats de la Confédération du Rhin. Lors donc et ce moment approche, lorsque nos établissements auront pourvu à toute notre consommation ils pourront verser au delà du Rhin l'exédent de leurs produits, et ce débouché est assuré, si la restitution à la sortie du Droit perçu sur le coton en laine à l'entrée, est affectué comme elle est promise par le décret du 21 février 1806. Mais je dois le dire à Votre Majesté jusqu'à ce jour cette promesse est illusoire pour le Commerce français, et les formalités qu'on exige pour établir l'identité du coton entré en laine ressortant manufacturé sont impossibles à remplir après qu'il a passé en tant de mains et soubi toutes ces transformations. L'adoption de formalitée plus simples est indispensable pour obtenir ce débouché.

La modération des droits d'entrée sur nos vins est encore un objet propre a exciter la sollicitude de Votre Majesté. J'ai eu l'honneur de soumettre les réclamations du Département du Rhin contre les nouveaux droits à cet égard, par son Altesse le Grand Duc de Bade.

En résumant les intérêts du Commerce français relativement aux états de la Confédération du Rhin demandent.

1°. Que les règles de Douane, que l'établissement de grandes foires dans ces états du moins relativement au commerce français, subordonne à la rectification de Votre Majesté comme protecteur de la Confédération.

2°. Que le transit par terre, et par eau pour les marchandises françaises soit de même libre de toute entrave et ne puisse être dans tous les cas assujettis à des droits qui excèdent 1 pour % de la valeur, en accordant à ces états semblable retour.

3°. Que les droits d'introductions dans ces états, des vins de France, des draps, des soieries, rubans ne puissent en aucun cas excéder 10 pour % de la valeur, en accordant sur les mêmes objets aux mêmes états un égal avantage.

Je suis avec un profond respect, Sire, de Votre Majesté Impériale et Royale le très humble, très obéissant et très fidèle serviteur et sujet.

Champagny.

X

Нац. арх.
AF. IV—1060, pièce n° 92.
Copie, Troyes, le 15 juin 1808.

Префект министру внутренних дел

Monseigneur,

J'ai l'honneur de vous adresser copie d'un placard qui a été posé à Troyes la nuit du 11 au 12 iuin. Les commissaires de police l'ont fait arracher partout et l'ont dénoncé au Magistrat de Sureté à la manière dont il est ortographié, il doit être l'ouvrage d'un ouvrier ou d'un homme qui a voulu prendre le masque.

Il est de fait qui le rencherissement aussi subit qu'extraordinaire du coton a suspendu la filature et la fabrique est plongée dans la misère au moins dix mille individus qui n'ont pas d'autres moyens d'existence et qui n'ont pris ou pu prendre aucune précaution pour passer ces moments difficiles.

Je vous ai demandé et vous avez eu la bonté de me faire obtenir un secours de 12.000 fr. pour établir des atteliers de charité, mais jusqu'à present je n'ai pas voulu toucher à ce fond et je le réserve pour cet hiver où les besoins seront encore plus pressants s'il n'arrive pas de coton. D'ailleurs cette somme serait bien vite absorbée si l'on ne trouvait pas moyen de la reproduire en l'employant à quelqu'autres espèce de fabrication que le coton, ce dont ie m'occupe, et j'ai même eu l'honneur de vous envoyer des échantillons de ces nouvelles étoffes.

Les portes de la ville de Troyes sont des masses informes, celle surtout qui est à l'entrée du faubourg Troucels est flanquée de deux énormes tourelles dont l'aspect choque depuis longtemps les yeux les moins exercés. Le Conseil Général en a voté la destruction et la construction de deux pilastres et d'une grille. J'aurai l'honneur de vous adresser dans peu les devis, plans et détails, mais comme vous aurez à les faire examiner avant de les approuver; je vous demande l'autorisation de faire démolir afin d'établir un attelieur indispensable en ce moment pour occuper les ouvriers. On déblayera sauf à reconstruire au printemps prochain dans la forme que vous aurez adoptée.

Enfin je sollicite Monsieur le Conseiller d'Etat Directeur Général des ponts et chaussées de donner des ordres pour faire travailler au canal dans la partie inférieure de la Seine du Côté de Méry où j'enverrai les 1200 prisonniers que l'on a gardé pour ces travaux et qui dans ce moment enlevent réelement de l'ouvrage aux journaliers de la Ville parce qu'ils ne peuvent soutenir la concurrence avec des prisonniers qui n'ont pas de logement à payer, de famille à nourrir et qui reçoivent en outre le pain et trois sols par jour, je le prie en outre de faire commencer les travaux du Canal dans l'intérieur et les environs de Troyes, les fonds nécessaires sont depuis longtemps chez le payeur. Au moyen de l'ouverture de ces atteliers je suis persuadé que la tranquilité ne sera pas troublée et que les ouvriers n'écouteront pas les avis séditieux que l'on cherche à leur donner.

Le préfet de l'Aube
Signé: Bruslé

XI

Англ. гос. архив.
Record Office, C. O. 118, № 3.

5 ноября 1810 г.

Extract of a dispatch from mr. Nicholas to marquis Wellesley, dated Heligoland, 1-st Nov. 1810.

In my last dispatch of the 27-th Ult° N 41 I had the honour to inform your Lordship, that a detachment of French Troops, with 19 pieces of Ordnance, was expected to takę possesion of the island of Nieuwork on the 31-st Ult°; and I am now sorry to acquaint you that they succeeded in their attempt. 700 men, consisting of Infantry and Cavalry, marched over on the morning of that day, with 8 guns, 120 ammunition waggons, 100 casks of beer, 200 oxen and 50 Casks of Brandy; but a smalle detachment of nearly 200 men returned in the evening.

The force which I formerly had the honour to acquaint Your Lordship was in the Ems, consisting of 12 Brigs, 12 Gun boats, and I Schooner, still remains in that river. At the entrance of the Jahde near Eckwarden, and on the opposite side two batteries are erecting, each of 3 Guns and 3 mortars.

The measures which the enemy are now adopting on the opposite coast appear to be of greater magnitude and more general, than would be necessary for an attack on the island, and I take the liberty of submitting to Your Lordship that they appear to me to have three separate obejcts in view. First, to exclude trade, and prevent all communication with the Continent; secondly to bring round, if necessary to support any further plans they may have in the North, a port of their flotilla from Holland into the Baltick by the Ricl Canal, and thirdly (and which appears to me of the greatest importance) to obtain by that Canal and the Elbe supplies of ship timber and naval stores for the Dock Yards in Holland and at Antwerp.

If the enemy continues in possession of Nieuwork, I feart that the timber belonging to the French government left at Copenhagen, the Prussian dépôt taken at Hamburgh, and what other stores they may have purchased in the Baltick, must get to Holland, either the whole way by the Shallows, or to the Jahde, whence they might be transported by a land Conveyance to the Ems.

Endorsed

Extract of a dispatch from mr. Nicholas to the marquis Wellesley, dated Heligoland 1-st november, 1810.

m mr. Culling Smith's 5-th nov. 1810.

XII

Англ. гос. архив.
Record Office C. O. 188, № 12.

5 декабря 1809 г.

Office of Commitee of Privy Council for trade Whitehall

5-th Dec-r 1809.

Sir,

The Lords of the Committee of Council for Trade and Foreign Plantations having had under Consideration a memorial of the Inhabitants

of Heligoland (transmitted in your letter of the 28-th Ult°). respecting the difficulties which they experience in procuring the necessary Supplies of Provisions etc. arising from the present mode of carrying on Trade with the Continent, unter His Majesty's license; I am directed to acquaint you, for the information of the Earle of Liverpool, that although the very frequent Intercourse between the Continent, and the Island of Heligoland, on the one hand, and Great Britain on the other, must afford almost numberless opportunities (much more frequent than when the Island was in the possession of the Danes) of procuring supplies of every Description, the Lords of this Committee see no Objection to the Governor's being authorized to grant Licenses on any special Occasion, to permit the Importation of Provisions.

With respect to the article of cloathing, the inhabitants have opportunities almost every week of procuring supplies from Great Britain.

I am to add that Their Lordships are of opinion that, in case the Governor of Heligoland should in any instance exercise the Power proposed to be given to him of granting Licenses for the importation of provisions into Heligoland, he should be instructed to communicate the same to the Earl of Liverpool, that the Lords of this Committee may be informed thereof.

I am, Sir, Your most obedient, humble Serwant,

W. Fawkener.

P. S. The Petition above referred to is returned herewith being in Original.

Endorsed Whitehall 5-th Dec ber 1809 mr. Fawkener.

From C. O. 118—2. Heligoland. 1809.

XIII

Англ. гос. архив.

Record Office, F. O. 36, N 5.

Письмо лорда Уэлсли — **Edward Nicolas'y**

Foreign Office

March 6-th 1810.

Sir,

Representations having been made to me complaining of the injury, which merchants at Hamburg have sustained from the irregular transmission through Heligoland of their letters from England and in some instances of their packets to this country, I have to desire that you will exercise your influence to enforce a regular and impartial transmission of all future mercantile correspondance passing within the reach of your authority.

(Signed) Wellesley.

XIV

Нац. арх.

F^{12} 616—617. Renseignements... extraits de la correspondance avec Francfort. (Графа: Concurrence).

20 августа 1810 г.

Duché de Saxe-Hildbourghausen.

Concurrence 20 Août 1810.

Les fabriques de Saxe paraissent avoir de l'avantage, dans ce pays sur celles de France à cause de leur proximité qui leur permet de vendre à meilleur marché.

Duché de Mecklenbourg-Schwerin.

Les marchandises provenant des fabriques prussiennes et saxonnes. étant inférieures en qualité à celles venant de France, ces dernières sont préférées à prix égal.

Aucune nation ne peut soutenir la concurrence avec la France pour les objets manufacturés de France qu'on importe dans le Duché.

Principauté de Lippe-Schaumbourg.

La Prusse, la Wesphalie, la Saxe et la Suisse, entrent en concurrence avec la France pour la vente des marchandises de fabriques. Les manufactures de Wesphalie, de Saxe et de Prusse peuvent avoir de l'avantage sur celles de France à cause de leur proximité.

Duché de Saxe-Weimar.

On doute qu'il y ait une nation du continent qui puisse rivaliser avec la France, quant aux objets manufacturés.

Il n'y a que les fabriques de Saxe en coton, dentelles et draps, celles de Bohême en draps, et les orfèvres et bijoutiers d'Augsbourg, Furth et Francfort qui parraissent soutenir avec elle la concurrence, à cause du meilleur marché qui résulte, soit de la moindre qualité, soit de leur proximité.

Principautés de Salm-Salm et de Salm-Kirbourg.

Le Grand Duché de Berg, la Saxe et la Suisse entrent en concurrence avec la France pour la vente des marchandises de fabrique. On y préfère à égal prix les marchandises de Berg à cause de la proximité des facilités et des avantages qu'offre l'échange des objets manufacturés dans le pays. Les droits exigés en France à la sortie des marchandises et ceux d'intrée que paient les matières premières, telles que coton, laine, etc., donnent de l'avantage aux fabricants suisses et saxons pour la vente de leurs marchandises.

Duché de Saxe-Gotha.

Il n'y a dans ce moment aucune nation sur le continent qui puisse primer la France pour la vente des marchandises de ses fabriques importées dans le duché.

Principauté de Saxe-Cobourg.

La commerce est entièrement libre dans le pays, aucune nation n'y jouit de privilège.

La Saxe fabrique quelques espèces de marchandises qu'on tire de la France; mais elles sont d'une qualité inférieure.

Duchés D'Anhalt Dessau, Bernbourg et Coethen.

La Saxe et la Westphalie exercent la concurrence avec la France pour la vente des marchandises de fabrique. Elles n'ont d'autre avantage que celui du voisinage.

Principautés de Lippe Detmold et Schaumbourg.

Les peuples qui entrent en concurrence avec la France sont:
La Suisse pour les soyeries, taffetas, rubans et indiennes.
La Saxe pour les draps, casimirs et toiles de coton.
La Silésie pour les draps et toiles de coton.
Le Grand Duché de Berg pour les soieries, draps, casimirs, velours, nakins, armes et coutellerie.

L'avantage que peuvent avoir ces peuples pour la vente de leurs marchandises, vient de leur proximité, de la libre circulation des marchandises, de la facilité de se procurer quelques matières premières à meilleur marché.

La construction d'un canal qui joindrait le Weser au Rhin serait d'un avantage inapréciable pour le pays, de même que pour le commerce de France.

Duché de Saxe-Meiningen.

Les concurrents de la France paroissent être la Saxe pour les étoffes de coton et les mousselines; la Bohême et la Saxe pour les draps, la Suisse pour les indiennes et toiles de coton imprimées et l'Italie pour les soieries. S'ils ont quelqu'avantage pour la vente de leurs marchandises, il faut l'attribuer en partie à la proximité de leurs établissements qui leur permet de donner à meilleur marché.

Principauté de Schwarzbourg-Rudolstadt.

Le commerce étant peu considérable, on ne peut indiquer les peuples qui entrent en concurrence avec la France.

Principauté de Schwarzbourg-Sonderhausen.

La Saxe, et la Westphalie soutiennent la concurrence avec la France. L'avantage qu'elles ont, résulte de leur proximité.

Principauté de Holstein-Oldenbourg.

Aucune nation n'est favorisée dans le commerce de ce pays, qui est parfaitement libre. La France n'a pas de concurrent pour les draps, les soieries qu'elle vend dans ce pays.

Principauté de Reuss.

La Saxe, la Silésie, et la Bohême peuvent entrer en concurrence avec la France pour la vente des draps, toiles et étoffes de coton.

Principauté de Isembourg-Birstein.

La Suisse, le Saxe et même cette principauté peuvent entrer en concurrence avec la France pour la vente de plusieurs articles et ce qui peut domer quelque avantage aux manufactures de ces pays sur celles de la France, c'est l'exemption de tout droit et la libre circulation de leurs produits, de même que la facilité qu'il y a de se procurer une partie des matières premières à meilleur marché qu'en France.

Duché d'Aremberg.

Les marchandises dont le Duché a besoin sont toutes tirées de la France ou du Grand Duché de Berg. Aucune autre nation n'entre en concurrence avec ces pays.

Darmstadt.

Les fabriques de Saxe et de Suisse pour les casimirs et les cotons font tort à notre commerce, en Allemagne, où elles sont d'un grand débit et recherchées comme les marchandises anglaises dont elles imitent la façon.

Duché de Nassau.

La Saxe et la Suisse peuvent entrer en concurrence avec nous pour la vente des produits des manufactures, surtout celles de coton.

Principauté de Hohenzollern-Hechingen.

La plus grande partie des marchandises dont on a besoin dans le pays sont achetées à Francfort et à Strasbourg.

XV

Нац. арх.

AF. IV—1062. 2-e Division. B-au des Arts & Manufactures.
Apperçu de la situation Commerciale de Rouen.

Ministère de l'Intérieur.

Paris, ce 25 février 1811.

Note pour Sa Majesté.

La place de Rouen n'a pu rester étrangère à la situation où se trouve momentanement notre industrie manufacturière. Le préfet du département de la Seine Inférieure en a informé le Ministre dans plusieurs lettres dont la dernière annonce que cet état de chose empire tous les jours.

Les petites fabriques isolées, et disséminées dans les campagnes sont jusqu'à présent les seules qui ont du succomber; les ouvriers qu'elles alimentaient trouveront peut-être, dit le préfet, des occupations d'une autre nature. Mais la crise se prolonge, le désastre des grands atteliers de Rouen est également inévitable; les ouvriers qu'ils occupaient n'auront d'autres ressources que la mendicité et le vagabondage.

Dans cette position le préfet a proposé au Ministre de supplier Sa Majesté de vouloir bien faire des avance de secours à ceux des fabricants qui seraient en état de garantir le remboursement par des suretés constatées au préalable. Le Ministre a de suite invité le préfet à lui désigner les chefs de grands établissements qui pourraient être dans le cas d'avoir recours à la bienveillance de Sa Majesté; et lui a adressé à ce sujet les Instructions nécessaires.

D'un autre côté Le Ministre examine en ce moment quelques autres moyens particuliers qui lui ont été proposés pour procurer de suite du travail à la classe indigente de Rouen; mais en attendant il n'a pas cru devoir différer de mettre sous les yeux de Sa Majesté un apperçu de la situation commerciale de la place de Rouen.

XVI

Нац. арх.,
F[12] 620—621.

22 декабря 1810 г.

A Son Excellence le Ministre de l'Intérieur de l'Empire.

Monseigneur,

J'ay l'honneur de vous adresser sous ce pli la réponse que le Conseil général du Commerce a délibéré dans sa séance du 21 de ce mois, sur les questions que Votre Excellence m'avoit chargé de lui communiquer. Le Conseil m'a particulièrement témoigné le désir que j'ajoute tout ce qui pourra concourir à convaincre que les secours sollicités sont entièrement pressants.

Votre Excellence se fera surement une juste idée des besoins du commerce et des moyens d'y satisfaire si elle a la bonté d'en scruter les causes elle le reconnoitra.

1°. Dans la réduction du taux de l'escompte de la Banque de France a 4 pour cent. Cet escompte sensiblement audessous de celui de la plus part des places de commerce étrangères a appellé les ètrangers à en profiter en concurrence avec les Français par des opérations de banque avec Paris, dont il résulte que les maisons de commerce de la capitale ont plus d'engagemens et moins de fonds, les capitalistes cherchant ailleurs à faire des placements plus utiles.

2°. Dans la dégradation du papier monoie dans divers Etats. Les banquiers de Vienne, S.-Pétersbourg, etc., ayant espéré que cette dégradation seroit corrigée ont fourni des traites sur Paris, persuadés qu'ils en fairoient les fonds avec avantage, et pour se faire des ressources qu'ils ne trouveroient plus chez eux.

Mais au contraire la dégradation de ces papiers est empirée, le discrédit des faiseurs de traites est porté à l'excès, partout on refuse d'acquiter leurs dispositions et celles faites pour leur compte par les maisons de Paris les plus respectables. Celles-cy ont le désagrément de voir revenir leur signature à protest et de demeurer en avances pour ces comettans étrangers.

3°. Dans le commerce des licences auquel on s'est livré avec empressement. D'abord il n'a porté que sur un petit nombre de marchandises, la concurrence à l'achat en a rapidement élévés les prix et il en est arrivé en France fort audelà des besoins de la consommation. Il en est résulté mévente, baisse dans les prix et pertes, les potasses, les soudes, les bois de teinture paralysent ainsi des sommes importantes, qui de plusieurs années ne sauroient être réalisées.

4°. Dans la forte et subite élévation du tarif des douanes, faite par les décrets du 5 Août et 12 Sept-bre; elle a soumis le commerce à des avances inattendues qui excedent ses forces; d'autant plus que les sommes qu'elles employent passant directement dans les coffres du Gouvernement, sont, au moins pour le moment retirées de la circulation, et renchérissant les marchandises, diminuent leur consommation. Ainsi les moyens du commerce sont diminués, tandis que ses charges sont augmentées.

5°. Il faut en dire autant des contributions extraordinaires exigées en Hollande, en Allemagne et des confiscations dont les ventes de Bayonne, Anvers, Paris ont été les suites. Ce sont des moyens ottés au commerce, tandis que ses dêtes en augmentent.

6°. Dans l'instabilité du régime des Douanes. Il répand dans le commerce l'irrésolution et la crainte. Aucune opération ne peut être calculée avec la confiance que quand elle sera exécutée elle sera soumise à la même législation sous laquelle elle aura été entreprise. Ainsi la prévoyance qui fait l'art et l'utilité du commerce n'existe plus, elle est remplacés

par la crainte, et le négociant le plus sage privé de confiance en lui même n'ose plus en accorder, ni en demander. Cependant sans confiance il ne peut exister de commerce réel, qui fournit à l'avance aux besoins qu'il prévoit, jamais les moyens effectifs du commerce n'ont suffi à ces approvisionnements anticipés, le crédit y supléoit. Mais quand les moyens réels et ceux de confiance disparaissent, la perspective qui reste est pénible à considérer.

Cet état de choses est d'autant plus facheux qu'il ne sauroit être changé subitement sans occasionner encore une terrible secousse dans le commerce. C'est un corps épuisé sur lequel tout remède à grand effet seroit mortel.

J'espère que Votre Excellence, ne verra dans ces réflexions que le zèle pour le bien public qui me les dicte et le désir de concourir au but bienfaisant qui la dirige constament.

Je suis avec un profond respect, Monseigneur, De Votre Excellence le très humble et très-obéissant serviteur.

Martin fils d'André. Vice-Président du Conseil G-al du commerce.

Paris, le 22 Décembre 1810.

XVII

Нац. арх.

F12 162Ib (1811)

Рафинадные заводы в Империи (сырье—тростниковый сахар, свеклосахарные заводы не посчитаны)

Départements	Villes	Nombre d'établissements	Nombre d'ouvriers	Produits, frs.	Observations
Bouches-du-Rhône	Marseille	1	12	190.000	Lorsqu'on a formé les tableaux de la statistique de l'Empire par règne, on manquait de renseignements sur les raffineries de sucre du sieur. Allard dans le Dépt. de la Seine et sur plusieures autres raffineries de Marseille. La plupart des raffineries ne sont pas constamment en activité, leurs travaux sont subordonnés à l'arrivage des sucres brutes dont elles ne peuvent pas toujours s'approvisionner. C'est probablement cette circonstance qu'a déterminé les Préfets de la Gironde, du Nord, du Haut Rhin, et d'autres préfets à garder le silence sur les établissements de ce genre qui se trouvent dans leurs départements.
Escaut	Gand	10	270	3.000.000	
Loire-Inférieure	Nantes	2	80	900.000	
Loiret	Orléans	4	157	1.574.000	
Meuse-Inférieure	Venloo	1	15	180.000	
Nèthe (Deux)	Anvers	6	260	3.000.000	
Roër	Cologne	5	70	852.000	
Seine-Inférieure	Harfleur	1	5	57.000	
Idem	Rouen	2	41	400.000	
		32	910	10.153.000	

XVIII

Нац. арх.
F[12] 1621b (1811)

Металлургия и добыча руды в Империи Наполеона

Substances minérales

Mines, usines à fer et fer en barres

Départements	Nombre d'établis-sements	Nombre d'ouvriers	Produits, frs.	Observations
Allier	8	920	547.000	
Apennins	1	78	68.500	
Ardennes	61	6.900	6.542.000	
Ariège	50	2.675	3.195.000	
Aude	20	955	1.000.000	
Aveyron	1	112	7.000	
Charente	9	700	507.400	
Cher	24	3.350	2.505.000	
Corrèze	13	360	220.000	
Côte-d'Or	52	5.100	3.400 000	
Côtes-du-Nord	7	800	479.000	
Doire	45	3.542	1.780.000	
Dordogne	53	4.690	3.400.200	
Doubs	13	1.472	890.600	
Drôme	2	218	145.000	
Eure	14	3.130	2.008.000	
Eure-et-Loire	4	451	263.000	
Forêts	78	8.762	5.589.500	
Garonne (Haute)	13	600	389.500	
Gironde	4	254	170.000	
Hérault	1	100	80.000	
Ille-et-Vilaine	3	350	210.000	
Indre	12	1.216	820.800	
Indre-et-Loire	3	344	210.700	
Isère	31	3.103	2.262.000	
Jemmapes	6	4.900	2.316.000	
Jura	10	1.860	970.000	
Landes	5	536	606.100	
Loire-et-Cher	3	354	415.000	
Loire-Inférieure	4	1.016	500.800	
Lot	4	446	274.000	
Lot-et-Garonne	10	1.147	680.000	

Mines, usines à fer et fer en barres (suite)

Départements	Nombre d'établissements	Nombre d'ouvriers	Produits, frs.	Observations
Maine-et-Loire	6	647	411.900	
Manche	2	199	144.000	
Marne (Haute)	70	10.085	8.162.000	
Mayenne	7	800	480.000	
Meurthe	2	229	138.400	
Meuse	62	6.080	4.673.000	
Mont-Blanc	30	2.345	1.052.300	
Montenotte	12	1.360	820.800	
Morbihan	1	125	68.000	
Moselle	26	3.450	1.979.000	
Nièvre	168	16.092	9.097.000	
Nord	5	1.394	937.600	
Orne	52	6.250	4.410.400	
Ourthe	35	6.100	3.992.200	
Puy-de-Dôme	1	103		
Pyrénées (Basses)	6	695	510.400	
Pyrénées (Hautes)	5	578	342.000	
Pyrénées (Orientales)	19	2.357	1.541.500	
Rhin (Bas)	9	983	594.000	
Rhin (Haut)	9	2.254	1.250.000	
Rhin-et-Mosel	9	1.127	673.000	
Roër	31	4.340	3.130.000	
Sambre-et-Meuse	45	6.524	4.400.000	
Saône (Haute)	55	6.923	5.369.300	
Saône-et-Loire	12	3.400	1.940.500	
Sarre	48	7.123	3.745.000	
Sarthe	6	730	549.300	
Seine-Inférieure	8	892	547.000	
Sèvres (Deux)	1	130	72.000	
Stura	24	3.036	1.848.000	
Tarn	2	278	167.000	
Var	1	200	136.200	
Vienne	4	468	209.600	
Vienne (Haute)	21	901	842.000	
Vosges	38	3.809	2.500.000	
Yonne	4	445	235.400	
Totaux:	1.400	160.000	108.000.000	

Число предприятий — 1400; число рабочих — 160 тысяч человек, товару добывается из рудников и обрабатывается на заводах и в мастерских на 108 миллионов франков в год.

XIX

Нац. арх.
F^{12} 1589.

14 сентября 1811 г.

Mémoire sur le commerce, les fabriques, l'instruction publique et l'état statistique de la ville de Leide adressé par le maire de la ville de Leide à M. le sous-préfet de l'arrondissement à la Haye.

Leide, ce 14 septembre 1811.

(Пункты: 2, 3 и 4).

2

La ville de Leide n'a jamais pu être dite ville commerçante, ses richesses ont consistées en ses fabriques et manufactures, dont il se faisait un débit très considérable chez l'étranger. Avant la dernière guerre on comptait encore ici au delà de vingt fabriques de draps; au delà de vingt-neuf autres fabriques en laine, comme de serge de cadix, de cordelas, etc... les fabriques de tissus mélangés, soit de coton et de laine, soit de lin et de laine, n'étaient pas moins florissantes, ils s'en trouvaient bien au delà de dix; pour des tissus en simple soie on trouvait 3 ou 4 métiers; vu la grande quantité de fabriques de draps on conçoit aisement que le nombre des teinturleries était en proportion aussi très considérable, on en évaluait le nombre à quatorze; il y avait aussi 3 chapelleries, 10 tanneries et 3 corroyeries. Dans ce temps on distillait aussi beaucoup de liqueurs, il se trouvait dans cette ville vingt-trois brasseries, six brulleries, etc. ...

3

De toutes les villes de Hollande, Leide a peut-être souffert le plus depuis quelques temps; plusieurs causes semblent concourir à ruiner ses fabriques. La guerre ayant suspendu la navigation, toute exportation aux grandes et petites Indes, au Levant et en général toute exportation par mer a cessée. La difficulté de se procurer les matières premieres, les entraves de la Douane, enfin l'importation des manufactures allemandes, toutes ces causes sont très nuisibles aux fabriques leur ruine entraîne aussi avec elle nécessairement la décadence de la ville; non seulement ses richesses sont perdues, mais sa population est extrément diminuée, un grand nombre d'ouvriers qui pourvoyaient autrefois honnêtement à leur subsistance ne peuvent plus trouver de l'ouvrage; de là un grand nombre a quitté la ville, les autres sont restés à la charge des hospices de charité et des bureaux de bienfaisance. On pourra juger combien les fabriques sont déchues en confrontant le nombre des fabriques avant la guerre actuelle, avec les fabriques qui se trouvent présentement ici... Les fabriques de draps sont réduites à cinq, les teintureries à quatre, celles de tissus de coton et de laine, ou de lin et de laine à huit.

Les fabriquants de ces étoffes en ont encore pour plus de 600.000 francs dans leurs magasins; on attribue la stagnation de ces fabriques aux entraves des droits, des passeports, certificats, etc... Les métiers de simple soie qui se trouvaient ici ont cessé entièrement.— On compte encore ici 9 tanneries, 3 corroyeries, 2 chapeleries, cependant elles sont peu florissantes vu la difficulté de se procurer les matières premières, qui viennent de l'étranger et les entraves qu'on met à l'exportation, mais rien n'a subi

une plus grande diminution que les brasseries et les bruleries; les brasseries sont réduites de 23 à 2; les bruleries de 6 à deux. On attribue principalement la décadence des brasseries aux importations des bières étrangères, à la difficulté d'en envoyer ailleurs et au décroissement de la population.

Quelque funeste qu'ait été la guerre dans ses suites pour Leide, on doit cependant convenir qu'elle a servi à réveiller l'industrie, la prohibition de manufactures anglaises a engagé plusieurs fabriquants à faire differents essais, on a réussi à faire des étoffes connues sous le nom de calmucs, de camelots, de flanelle, etc. qui rivalisent avec les étoffes anglaises. Il serait à souhaiter qu'on put rendre plus difficile l'importation de ce genre d'étoffes, qui nous viennent aussi d'Allemagne.

4

D'après les considérations énoncées ci-dessus, il est clair que les vœux sont, qu'une paix générale procure une navigation et un commerce libre dans toutes les parties du monde. Cependant jusqu'à l'heureuse époque où Sa Majesté daignera l'accorder aux ennemis, il y aurait encore plusieurs moyens d'encourager l'industrie et de rendre à cette ville une partie de son ancien éclat; ce qu'on désire surtout, c'est d'être réuni totalement à la France, d'avoir les mêmes avantages que les autres sujets de Sa Majesté; qu'on puisse jouir d'une circulation libre de toutes entraves, dans toutes l'étendue de l'Empire, afin qu'on puisse se procurer plus aisément les matières premières indigènes et répandre et transporter nos manufactures dans l'Empire. Il y aurait aussi un grand avantage pour cette ville en facilitant les exportations chez l'étranger, sur le continent, et en empêchant sévèrement qu'on importât des manufactures, fabriquées chez l'étranger.

XX

Нац. арх.
F[12] 1621a

14 февраля 1812 г.

Rapport à l'Empereur
(министра внутренних дел).
Situation des principales Manufactures de l'Empire

Le 14 février 1812.

Sire,

Au mois de novembre dernier, le Ministre de l'Intérieur eut l'honneur d'entretenir Votre Majesté de la situation des principales manufactures de l'Empire. Si cette situation comparée à ce qu'elle étoit trois mois auparavant présentoit des résultats d'un certain intérêt, elle s'est depuis améliorée d'une manière assez remarquable. La presque généralité des manufactures ont repris une activité qu'on a espoir de voir augmenter encore. Celles de soye marchent, notamment à grands pas, vers leur ancienne prospérité. Comme elles inspirent un grand intérêt, puisque la totalité de la matière première qu'elles employent se récolte dans les Etats de Votre Majesté, j'ai pensé qu'elle entendroit avec plaisir des détails particuliers à leur sujet.

Au mois de novembre dernier, on ne comptait à Lyon que 8000 métiers battant: ce nombre s'est bien accru, il est aujourd'huy de 9615. Quoique le Préfet m'ait écrit qu'un état de choses aussi satisfaisant ne se soutiendroit pas, j'ai des raisons de croire qu'il y a de l'exagération dans ses craintes. Les relations d'affaires de Lyon avec l'Allemagne ont repris leur cours ordinaire, et comme ce pays est celui qui tire le plus de soye-

ries, la consommation qui dans les premiers mois de 1811 avoit été momentanément interrompue ne peut que se maintenir si elle n'augmente pas. J'ajoute que la ville de Lyon en ayant 9615 métiers battans, se trouve dans une situation qui laisse peu à désirer. Dans les temps de sa plus grande prospérité, et lorsqu'elle n'avait pas à soutenir la concurrence de plusieurs fabriques qui se sont établies à l'etranger, elle en a eu rarement en activité de plus de 15 à 16.000.

Les renseignements qui me sont parvenus sur les fabriques de Turin, de Florence, de Gênes, de Tours, des Dép-ts de Vaucluse, de la Roër, de l'Hérault et du Gard, ne sont guère moins satisfaisants.

Au mois d'octobre dernier il ne se trouvoit à Turin que 499 métiers battans. Il y en avoit 609 au 1-er janvier. Dans le compte que le Ministre de l'Intérieur a rendu à Votre Majesté, la ville de Florence ne figure que pour 1230 métiers. Dans le courant du Trimestre d'octobre, ce nombre s'est augmenté de 56. La situation des fabriques de Gênes et de Tours s'améliore aussi. Il en est de même de celles qui se trouvent dans le Dép. de l'Hérault. Au mois de juillet en n'occupoient que 881 métiers; elles en occupent maintenant 907. L'état de celle d'Avignon est moint satisfaisant. Au mois d'août, elle avoit en activité 1228 métiers. Ce nombre n'est plus que de 1150. Si l'on remarque ici une diminution, partout ailleurs il y a amélioration. Au mois de septembre dernier, on ne comptoit à Cologne, à Clèves et à Crevelt que 4337 métiers battans. Il y en a eu 4342 d'occupés pendant le mois de décembre. C'est surtout à Nismes que l'amélioration a été sensible. Votre Majesté a vu dans la note que j'ai eu l'honneur de mettre sous ses yeux le 24 du mois dernier que 135 métier démontés avoient été remis en activité pendant le mois de décembre. Ce qui porte à 955 le nombre de ceux qui ont travaillé et à 2865 le nombre des ouvriers occupés. De ces détails, on doit conclure que l'industrie dont la soye est le principe est dans une situation beaucoup plus satisfaisante qu'elle ne l'a été depuis longtemps. J'aurois désiré de pouvoir en dire autant de celle qui s'exerce sur les cotons, mais si l'état de cette industrie ne s'est pas amélioré, du moins n'a-t-il pas empiré dans les villes de Rouen, de Lille, de Roubaix, de Tarare, d'Amients et de S.-Quentin où elle a principalement lieu. Je ne parlerai point ici des fabriques qui travaillent pour le service des armées de terre et de mer; il est évident que leur activité n'a pu que s'accroitre par suite des commandes que leur ont faites les départements de la guerre et de la marine. Les fabriques de lainages, de toiles et de cuirs continuent à être florissantes, établissant des produits pour la consommation journalière de toutes les classes de la société, elles souffrent ordinairement peu des circonstances politiques. C'est une remarque qu'on a été porté de faire lors de la dernière crise. Celles de coton et de soye parurent anéanties tandis que les autres ne perdirent que momentanément une partie de leur activité.

Je désire que ces détails remplissent les vues de Votre Majesté.

XXI

Нац. арх.

F[12] 1621a (1813).

Note à Sa Majesté sur la situation de l'industrie et notamment sur celle des principales manufactures de soye, de laine, de coton, de chanvre et lin et sur les résultats de la fabrication de l'indigo-pastel et du sucre de betterave en 1812—1813.

Fabriques de draps, et de toiles de chanvre et de lin.

Sa Majesté avoit déja remarqué qu'au 1 janvier dernier, nos manufactures dont les travaux avoient été beaucoup ralentis par l'effet de la

crise qu'éprouva le commerce en 1811, avoient repris une grande partie de leur activité. Depuis, cet état de choses s'est encore améliorée. Sa Majesté ne lira pas sans intérêt quelques détails sur la situation de nos principales fabriques. Celles de draps jouissent dans ce moment d'une très-grande prospérité, en général, elles se ressentent peu des contre coups occasionnés par les évènements politiques. Il en est de même des manufactures de toiles de chanvre et de lin. Les unes et les autres établissent des produits qui sont si l'on peut s'exprimer ainsi, de première nécessité. Ils se consomment en grande partie dans l'intérieur. La guerre diminue peu l'exportation de ce qui est vendu à l'étranger. Si la mer n'est pas libre alors les transports se font par terre, et c'est ce qui a lieu pour les draperies que nous envoyons dans le Levant. On les expédie ou par l'Allemagne ou par les provinces Illyriennes.

Manufactures de soye et de coton.

Les fabriques de coton et d'étoffes de soye, sont sous quelques rapports, dans une position moins favorable que celles de draps et de toiles de chanvre et de lin. Les premières étant obligées de tirer d'outremer une grande partie des matières premières qu'elles mettent en œuvre, la guerre maritime influe plus ou moins sur leur prospérité. Les autres en ne travaillant que pour la classe riche de la société, leur activité est subordonnée aux caprices de la mode et souvent aux évènements politiques. Les mesures prises par Sa Majesté les ont soutenues dans des moments difficiles. Il m'est bien agréalbe de pouvoir lui annoncer aujourd'hui que les fabriques de soye de l'ancienne France sont dans l'état plus florissant, suivant MM. les Préfets des départements du Rhône, du Gard et de Vauclu-se, les villes de Lyon, de Nismes et d'Avignon n'ont plus de métiers démontés, celle de Lyon en occuperoit même deux cents de plus si elle avoit à sa disposition un nombre suffisant de bras. La fabrique de Florence est la seule dont les travaux aient un peu diminué, ce qu'il faut attribuer à un défaut de commandes de la part des étrangers. Nos manufactures de coton qui avoient été presque anéanties en 1811 se sont entièrement relevées. Si depuis le mois de janvier dernier, quelques unes d'entre elles ont moins fabriqué qu'à cette époque, la généralité a versé beaucoup plus de produits dans le commerce. Celle de Troyes est surtout dans un état très prospère, M. le Préfet de l'Aube m'a écrit qu'elle le seroit bien d'avantage si elle avoit tous les ouvriers qui lui sont nécessaires pour remplir les commandes qui lui ont été adressées. J'ai l'honneur de mettre sous les yeux de Sa Majesté les états comparatifs de la situation des fabriques de draps, de toiles, de soye et de coton aux époques du 1 janvier 1813 et du 1-er août de la même année. La lecture qu'elle en fera fixera de suite ses idées. Sur celles de ces fabriques dont l'activité a augmenté ou diminué.

Fabrication d'un indigo-indigène.

Sa Majesté avoit prescrit, par son décret du 14 janvier dernier des mesures ayant pour but de développer la fabrication de l'indigo, je n'ai rien négligé pour assurer l'exécution de ces mesures, et pour qu'elles produisent les résultats. Les trois indigoteries impériales dont Elle a ordonné la création, à Turin, à Toulouse et à Florence sont en activité. Les élèves qu'elles doivent former y sont déjà rendus ou s'y rendront avant le quinze de ce mois. De nombreuses lettres ont été écrites par moi, pour provoquer l'établissement de fabriques particulières, les ouvrages de MM. Giobert et Puymaurin, sur l'art d'extraire l'indigo du pastel, ont été envoyés dans tous les départements où ils pouvoient être utiles. J'ai fait quelques prêts de 6 à 10.000 pour faciliter la formation de plusieurs indigoteries. Enfin les primes promises par le décret du 14 janvier, ont été réglées de ma-

nière à faire naître les demandes de licences de fabrication. Ces demandes n'ont pas été très nombreuses cette année, puisqu'elles n'ont été jusqu'à présent que de 41, mais elles se multiplieront probablement l'année prochaine. J'estime qu'en y comprenant les produits des indigoteries impériales, les établissements en activité en 1813, fabriqueront environ six mille kilogrammes d'indigo. Dans cette quantité ne se trouve point celle qu'en extraira M. Preyre qui cultive l'anil-indigo des colonies sur un terrein dont il est propriétaire dans les environs de Rome. Ses plantes offrant une très belle végétation, on doit croire qu'il en retirera 500 kilogrammes. Ce qui portera à 6500 kilog. la totalité de l'indigo fabriqué. Cette fabrication est peu considérable à la vérité, mais ce résultat ne doit pas surprendre si l'on réfléchit que l'art d'extraire l'indigo vient seulement d'être fixé et que les particuliers n'ont pas voulu former des établissements de crainte de se constituer dans des dépenses dont ils n'auroient pas été remboursés par une industrie dont les avantages n'étoient point connus d'une manière positive.

Fabrication du sucre de betteraves.

La fabrication du sucre de betteraves n'a pas procuré toute la quantité de sucre qu'on espéroit du nombre d'arpens ensemencés en 1813. Au lieu de trois millions de kilogrammes les semences n'en ont produit qu'environs onze cent cinquante mille. Plusieurs causes ont amené ce résultat. D'abord, la betterave n'a pas été partout bien cultivée. Etant dans beaucoup de départements l'objet d'une culture nouvelle, on n'a mis, dans cette culture, ni les lumières, ni les soins nécessaires pour la faire prospérer, ensuite beaucoup de fabricants ont employé des procédés d'extraction du sucre, déféctueux ou imparfaits. Enfin l'hiver prématuré et la rigueur de la saison ont fait geler beaucoup de betteraves et ont ainsi occasionné le perte d'une quantité assez considérable de racines. Quoique l'attente n'ait pas été complètement remplie on auroit tort de douter des succès de la nouvelles industrie. C'est beaucoup d'avoir obtenu plus de deux millions trois cent mille livres d'une matières qui au prix moyen de 2 fr. 50 c. a créee une valeur de plus de cinq millions deux cent cinquante mille francs, sans compter ce qu'ont rendu les liqueurs et spiritueux extraites des mélasses, des mares et autres résidus de la betterave. Sur les 334 licences de fabrication délivrées en 1812, il n'a été formé que 158 sucreries. Si ces sucreries ont produit une valeur de plus de 5 250 000 fr. il en résulte qu'en calculant les dépenses de leur formation à 40.000 fr. l'une dans l'autre, les frais de premier établissement se trouvent à peu-près remboursés. Un pareil résultat donne la certitude que dans un très petit nombre d'années, nous fabriquerons tout le sucre que nous consommons. On trouvera cette opinion très fondée si l'on considère que le nombre des fabriques est dans une progression croissante d'année en année. En 1813, il n'a été que de 158, il sera en 1814 de 209 qui fabriqueront au moins 3.200.000 kilogrammes (Voir l'apperçu sur la quantité de sucre qu'on obtiendra de 1813 à 1814. № 7). Tous les entrepreneurs ont reconnu la nécessité de cultiver eux-mêmes la betterave, afin d'avoir l'espèce qui produit le plus de sucre. L'année dernière, j'envoyai le sieur Bonmatin dans les départements où il y a le plus de fabriques en le chargeant de répandre la connaissance du procédé d'extraction dont il est l'inventeur. Ses conseils et son expérience ayant été utiles à beaucoup de fabricants, je me propose de nommer un nouveau commissaire, je ne suis pas encore fixé sur l'individu auquel je confierai la mission, je tacherai de faire porter mon choix sur un homme habile et qui ayant travaillé dans une fabrique réunisse la théorie à la pratique.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ НАПОЛЕОНА И ДРУГИМИ КОНТИНЕНТАЛЬНЫМИ СТРАНАМИ В ЭПОХУ БЛОКАДЫ

Часть третья

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ЭПОХУ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

Тарле
Евгений Викторович
Собрание сочинений, т. III

Составители:
А. В. Паевская и *А. Г. Чернов*

•

Редактор издательства *К. А. Гусева*
Оформление художника *Н. А. Седельникова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

•

РИСО АН СССР № 24-2В. Сдано в набор 26/X 1957 г.
Подписано к печати 13/I 1958 г. Формат 60×92 1/16.
Печ. л. 41 +2 вкл. Уч.-изд. л. 41,7
Тираж 30 000 экз. Изд. № 2497. Тип. зак. № 2211
Цена 20 р.

•

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва Г-99, Шубинский пер, 10

